Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры «Государственный музей «Смоленская крепость»

НАУЧНЫЙ СБОРНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ «СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Материалы IV Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения»
Материалы II Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре»

Смоленск
«Свиток»
2025

УДК 069.02 + 623.1+94
ББК 63.3 + 79.1
Н34

Научный редактор: Д.В. Валуев
Редактор: Е.В. Климкина

Н 34 **Научный** сборник Государственного музея «Смоленская крепость». Материалы IV Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения». Материалы II Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре»/ науч. ред. Валуев Д.В., ред. Климкина Е.В. — Смоленск: ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»; Свиток, 2025.— 480 с., ил.
ISBN 978-5-907920-15-6

В сборнике представлены материалы двух научных конференций.

В феврале 2024 г. состоялась IV Международная научно-практическая конференция «Музеефикация фортификационных сооружений. Проблемы и пути их решения». Доклады, представленные на ней были посвящены различным аспектам и опыту музеефикации объектов оборонительного зодчества, а также истории памятников фортификации.

В сентябре 2024 г. прошла II Международная научная конференция «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре». На ней обсуждался широкий круг вопросов, касающийся изучения и популяризации истории пограничных территорий, актуализации и использования памятников истории и культуры, расположенных на этих землях, преодоления границ в культуре, появление которых связано нередко с действиями различных политических сил.

Издание адресовано историкам, искусствоведам, культурологам, представителям музейного сообщества, специалистам сферы охраны объектов культурного наследия, а также широкому кругу читателей.

УДК 069.02 + 623.1+94
ББК 63.3 + 79.1

ISBN 978-5-907920-15-6

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость», 2025
© Оформление, издательство «Свиток», 2025

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЗЕЕФИКАЦИЯ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

СЕКЦИЯ «ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ МУЗЕЕФИКАЦИИ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ»

Абрамович Денис Александрович
Тереспольское укрепление Брестской крепости — памятник истории и фортификации 25

Бекетова Светлана Владимировна
Музеефикация Петровских ворот крепости Корела 33

Богданович Эдуард Антонович
Туристский потенциал исторических фортификационных сооружений и их востребованность в системе туризма Беларуси 41

Бурменский Артем Игоревич,
Гостев Игорь Михайлович
История строительства, ремонтов, разрушения и реставрации архитектурного комплекса Новодвинской крепости от XVIII века до наших дней, как основа для проектов музеефикации и приспособления 47

Вербовский Андрей Валерьевич
Деревянное оборонное зодчество Подонцовья: создание графических реконструкций и их применение в музейной экспозиции 57

Друпов Алексей Юрьевич
Кревский замок: реставрация памятника XIV в. с сохранением наследия Первой мировой войны 65

Дрягина Вера Борисовна
Смоленская крепостная стена. Возможности реадаптации 71

Мельникова Екатерина Олеговна,
Тарасова Анастасия Андреевна
Региональный музей как ресурс брендинга территории (на примере музея-филиала «Нижегородский кремль») 76

Миронова Ирина Николаевна,
Коновалова Ирина Владимировна
Новые подходы к созданию и использованию экспозиционной среды . 85

Пиляк Сергей Александрович
Наука и культурное наследие. Опыт Государственного музея «Смоленская крепость» 92

Свирская Елена Владимировна
Вяземская крепость в современных экскурсионных маршрутах. 96

Тихонов Владимир Викторович
Практика актуализации деревянного оборонного зодчества XVII века в Российской Федерации 104

Трусов Юрий Викторович
Арт-объект в исторической среде Смоленской крепостной стены 113

СЕКЦИЯ «ФОРТИФИКАЦИОННОЕ НАСЛЕДИЕ»

Авилов Роман Сергеевич
Русско-Турецкая война 1877–1878 годов и рождение Владивостокской крепости. Год 1877 — береговая оборона 118

Александров Евгений Васильевич
Горододелец Годунов. от Москвы до Мангазеи 129

Беспалёнок Елена Дмитриевна
Польское влияние на развитие города-крепости Смоленска в XVII–XVIII веках 139

Бутеев Дмитрий Валерьевич
Символизм и смыслы некрополя Смоленской крепостной стены. 144

Валуев Демьян Валерьевич
Рабочие материалы П. П. Покрышкина как источник по истории Смоленской крепости 149

Варыхалова Ирина Эдуардовна
Смоленская крепость как источник эмоций 158

Вашкевич Андрей Фридрихович
Гродненский военный лагерь Российской армии 1706–1705 годов. Перспективы изучения 165

Галанов Владимир Ильич
Памятные медали и жетоны XVIII–XIX веков, посвящённые Российской Академии наук, в собрании Смоленского государственного музея-заповедника. 173

Иванова Елена Николаевна
Вяземская крепость. фортификационные сооружения города Вязьмы в период строительства каменных башен. 179

Красильников Игорь Борисович
Смоленская крепость — «герой» литературы и кинематографа 185

Курмановский Владимир Сергеевич
О средневековых городищах Смоленской земли 190

Куричьев Андрей Сергеевич
Трансформация памятника военного значения в общественном сознании на примере Нижегородского кремля в конце XIX — начале XX века. . 200

Кушнеревич Александр Николаевич
Кастель как подвид замка Великого Княжества Литовского 208

Мальцев Илья Дмитриевич
Николаевская эпоха в истории Смоленской крепостной стены. 215

Носов Константин Сергеевич
Итальянское влияние на русские монастырские ограды XVI–XVII веков: статистический подход 220

Овчинников Владимир Михайлович
«Вобановский миф» и развитие европейской фортификации XVII–XVIII столетия 233

Пашкова Ирина Викторовна
Некоторые сюжеты граффити Смоленской крепости 242

Рогацкина Марина Леонидов
«Две крепости» в творчестве А.С. Пушкина 1830–1836 годов 247

Сорокин Петр Егорович
О выявлении и атрибуции археологизированных деревоземляных крепостей на Охтинском мысе 257

Шушеначев Илья Денисович
Калининградские хохбункеры: исследовательский и музейный потенциал 267

Грибкова Виктория Викторовна
Велиж: утраченный памятник деревянного зодчества 273

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧНОГО И ТРАНСГРАНИЧНОГО В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ»

Абдулманова Ирина Валерьевна
К вопросу о проблеме трансграничности Александрийской интеллектуальной традиции 283

Александров Сергей Викторович
События на смоленском порубежье весной 1609 года 287

Бабулин Игорь Борисович
Триумф генерал-майора Вильяма Драммонда: бой при Чаусах 16 (26) мая 1662 года 296

Гончарова Анна Юрьевна
К вопросу о популяризации музейными средствами исторических событий XVII века на Белгородской земле 320

Донских Сергей Владимирович
Возвращение Смоленска в состав Российского государства в 1654 году и имплементация хоронима «Белая Русь» на карте Европы 326

Жахова Ирина Геннадьевна
Работа с фортификационным объектом Смоленская крепостная стена как важный компонент регионального архитектурного образования 332

Ковалевич Наталья Александровна
Оборонительные особенности Мирского замка и их соответствие традиционной системе укреплений 336

Кожух Татьяна Ивановна
Садово-парковое обустройство Мирского замка: прошлое, настоящее, будущее. 345

Колосовская Ольга Владимировна
Фотографическая карточка в домашних альбомах и семейных коллекциях в конце XIX — середине XX века (На примере предметов из фонда музея «Замковый комплекс «Мир» и собраний жителей городского посёлка Мир). 357

Красильников Игорь Борисович
Смоленск — пограничный город 370

Курмановский Владимир Сергеевич,
Бавшин Игорь Михайлович
Погосты Вержавлян Великих: опыт археологического исследования . .374

Кушнеревич Александр Николаевич
Православное оборонное храмостроительство регионов польско-Белорусско-Литовского пограничья 389

Ливенцев Дмитрий Вячеславович
Проблемы охраны советских дальневосточных границ от японских браконьеров в 20–40-е годы XX века 395

Молочников Александр Михайлович
Судьбы Смоленских дворян: от Смутного времени до 1654 года. 399

Несин Михаил Александрович
О времени сооружения первых каменных укреплений на Ореховом острове 405

Новицкая Ольга Васильевна
Духовно-нравственный смысл жизни княгини Марии Александровны Святополк-Мирской 411

Носов Константин Сергеевич
Крепостные сооружения или граница между мирской и духовной жизнями? Каменно-кирпичные ограды русских монастырей XVI–XVII веков 417

Пилипенко Кристина Александровна
Методология и методы исследования креативных пространств современных городов 435

Пиляк Сергей Александрович
Преодоление границ в развитии Государственного музея «Смоленская крепость» 439

Сидорова Анна Николаевна,
Сидорова Марина Викторовна
Живописный путеводитель по Смоленску для императора Николая II из собрания государственного архива Российской Федерации 444

Смолик Александр Иванович
Культурные границы как предмет культурологических исследований. 453

Тарасенкова Татьяна Ивановна
Уроженцы Смоленщины в истории Беларуси: Евдокия Ильинична Уралова 459

Устименко Владимир Владимирович
Цветовой язык дизайн-кода в культуре приграничного города 466

Устименко Юлия Александровна
Преодоление культурных границ и приобщение китайских студентов к культуре России через дизайн-образование. 473

Предисловие

Государственный музей «Смоленская крепость» представляет вашему вниманию сборник материалов IV Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения», II Международной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре».

Научный проект, посвященный музеефикации объектов фортификации стартовал в 2021 г. при поддержке Фонда президентских грантов, Смоленского государственного университета, Смоленского регионального отделения Союза дизайнеров России. За прошедшие годы конференция, посвященная памятникам оборонительного зодчества, превратилась в площадку для организации насыщенного диалога между ученых и музейных работников из разных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь.

С каждым годом растет число и расширяется география участников конференции. В 2024 г. она объединила специалистов — ученых, теоретиков и практиков музейного дела, краеведов, в том числе несколько десятков докторов и кандидатов наук. Конференция, традиционно проводимая в первой половине февраля, открыла цикл мероприятий музея, посвященных Году семьи, а также 370-летию возвращения Смоленска в состав Российского государства, ставшего итогом победоносного похода царя Алексея Михайловича и 180 — летию передачи Смоленской крепостной стены из Военного министерства в руки губернской гражданской администрации по указу императора Николая I.

Доклады на конференции и, соответственно, материалы в сборнике были разделены по двум направлениям. На первом месте находится изучение и обобщение практического опыта музеефикации фортификационных сооружений. Деятельность по организации музеев в памятниках оборонительной архитектуры имеет богатую историю. Рассмотрение опыта этой работы предоставляет реальную возможность анализа проблем, возникающих при воплощении в жизнь проектов, связанных с объектами фортификации.

В выступлениях на первой секции прозвучали доклады посвященные музеефикации укреплений разных эпох.

В материале заведующего филиалом «Музей 5 форт» Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» Д. А. Абрамовича рассказано об истории и особенностях музеефикации Тереспольского укрепления, являющегося составляющей частью крепости над Бугом. Возведенное в первой половине XIX, оно стало ареной ожесточенных боев летом 1941 года, местом подвига пограничников, сражавшихся с нацистскими агрессорами. Долгие годы Тереспольское укрепление находилось на закрытой территории, непосредственно прилегающей к государственной границе. С 2011 г. по прямому поручению Президента Республики Беларусь ведётся большая работа по музеефикации данного пространства. Её результатом стал целый ряд научных открытий, а также создание туристического маршрута, пользующегося большой популярностью среди посетителей Брестской крепости.

Об уникальном артефакте, хранящемся в музее-крепости «Корела» говорится в статье заведующей Приозерским филиалом Музейного агентства Ленинградской области С. В. Бекетовой. Деревянные полотнища ворот, оббитые трофейными шведскими кирасами по приказу генерал-майора Р. В. Брюса (как гласит предание) в ознаменование взятия русскими войсками Кексгольмской крепости, являются ярким символом ратной славы России. В статье обстоятельно рассказано о происхождении реликвии, её появлении в коллекции музея и попытках восстановления данного памятника. С сентября 2023 г. по настоящее время ворота, украшенные трофейными латами, находятся на реставрации в ГАУК ЛО «Международный центр реставрации».

Особенностям фортификационных сооружений Беларуси, как туристических объектов и проблемам их развития в качестве таковых посвящена статья директора Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта Э. А. Богдановича. Многие укрепления разных эпох вошли в число наиболее посещаемых музеев и объектов наследия. Представляется вполне возможным создание на основе ряда оборонительных объектов туристических комплексов. При этом необходимо неизменно следовать требованиям по архитектурно-ландшафтному проектированию, включающим исследование эволюции исторического ландшафта, в который включен памятник.

В статье старших научных сотрудников Архангельского краеведческого музея А. И. Бурменского и И. М. Гостева рассказано об истории строительства, перестроек и разрушения Новодвинской крепости — первой каменной бастионной и первой приморской крепости России. Особое внимание уделено современным проектам её реставрации и различным аспектам их реализации.

Созданию графических реконструкций деревянных крепостей Подонцовья и их применению в современных музейных экспозициях посвящена статья старшего научного сотрудника Донецкого республиканского крае-

ведческого музея А. В. Вербовского. Автор делится опытом использования новейших методов построения элементов экспозиционного пространства с активным использованием мультимедийных технологий. Наглядным примером служат рисунки — реконструкции укреплений XVI — XVII вв.— города Царев-Борисов и Торской крепости.

Об особенностях реставрации Кревского замка, возведенного в XIV веке говорится в материале ведущего научного сотрудника Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта А. Ю. Друпова. Благодаря археологическим раскопкам последнего времени удалось изучить специфические черты не только памятника средневековой фортификации, но и укреплений эпохи Первой мировой войны. С августа 1915 г. по начало 1918 г. здесь находился узел обороны германских войск. При реставрации Кревского замка удалось сохранить объекты мировой войны начала XX столетия, что значительно увеличило его туристический потенциал, позволило раскрыть один из значимых периодов в его истории.

В статье профессора Смоленского государственного университета В. Б. Дрягиной речь идет о возможности сохранения и реадаптации уникального объекта позднесредневековой архитектуры, каковым является Смоленская крепостная стена, путем изменения её функций. По мнению автора этому должно способствовать устройство зеленых стен и природных парков, детских площадок и арт-пространств около крепостных башен и прясел. Это будет способствовать привлечению внимания горожан к объекту наследия, а также позволит сохранить исторический ландшафт.

Участию регионального музея в работе по созданию брендов территории посвящен доклад экскурсоводов музея-филиала «Нижегородский кремль» Е. О. Мельниковой и А. А. Тарасовой. На примере своего музея авторы убедительно показали, что развитие собственно музейного брендинга положительно влияет на формирование и продвижение брендовой линейки всего края. В материале сказано об инструментах по формированию брендов, приведены статистические результаты проведенной работы.

Заведующая Ивангородским филиалом Музейного агентства Ленинградской области И. Н. Миронова и старший научный сотрудник Ивангородского филиала Музейного агентства Ленинградской области И. В. Коновалова обратились к теме новых подходов к созданию и использованию экспозиционной среды при реализации новой концепции Ивангородского музея. Смысловым центром каждой экспозиции стала жизнь и деятельность обычных горожан разных эпох. Благодаря грамотно выстроенной и многослойной подаче информации, посетитель музея переживает своеобразный процесс «погружения» в события давно минувших времен. Подобный подход порождает живой интерес, в том числе и у жителей Ивангорода, которые постоянно дарят музею свои семейные реликвии и раритеты.

Директор Государственного музея «Смоленская крепость» С. А. Пиляк обратился к опыту музея в организации научной деятельности. Он подчеркивает, что в отличие от музеев, имеющих многолетние традиции и сформировавшиеся методы работы, в учреждении, руководимом им, есть уникальная возможность синтеза различных форматов работы и их оперативного внедрения. Многообразие форм и приемов научно-исследовательского труда способствовало созданию музея «Смоленская крепость» и закреплению его положения в профессиональной среде.

О новом пешеходном экскурсионном маршруте «Вяземская крепость и её башни» говорится в статье председателя клуба «Краевед» Е. В. Свирской. Разработка и внедрение в жизнь данного маршрута способствует актуализации памяти об утраченном памятнике фортификационного наследия.

Состоянию и перспективам сохранения памятников деревянного оборонительного зодчества Сибири посвящен материал директора Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутская область) В. В. Тихонова. Особое внимание обращено на необходимость строго научного подхода при восстановлении утраченных элементов крепостной архитектуры. Приведены конкретные примеры подобной реставрации, как удачные, так и неудачные.

Профессор Смоленского государственного университета Ю. В. Трусов рассматривает в своем докладе понятие «арт-объект» и возможности его использования в применении к Смоленской крепостной стене. Им приведены результаты наработок на эту тему, указаны их главные аспекты.

Доклады второй секции конференции были посвящены исследованиям фортификационного наследия. Одним из магистральных направлений в научной деятельности музеев, располагающихся в памятниках крепостного зодчества, является изучение их прошлого. Кроме того, укрепления являются яркими памятниками культуры, нередко становясь частью исторической памяти различных стран и народов. Своими новыми открытиями поделились историки, искусствоведы, филологи.

В работе постоянного участника конференции, старшего научного сотрудника Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева, старшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН Р. С. Авилова рассказано о строительстве береговых батарей во Владивостоке во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Именно эти укрепления стали впоследствии основой для Владивостокской крепости.

Как известно, одним из тех, благодаря кому Смоленская крепостная стена появилась на свет, был Борис Федорович Годунов, ближний боярин, а затем государь Всея Руси. В статье ведущего научного сотрудника МГУ Е. В. Александрова говорится о том, какой след оставил этот незаурядный

государственный деятель в архитектуре и градостроительной политике Московского царства на рубеже XVI — XVII вв.

Доклад доцента Смоленского государственного университета Е. Д. Беспаленок посвящен польскому влиянию на развитие города-крепости Смоленска в XVI — XVII вв. Особый акцент сделан на трансформациях, происходивших в менталитете смолян, проживавших в этот период на границе Российского государства и Речи Посполитой.

О раскрытии символов и смыслов некрополя Великой Отечественной войны, расположенного в Сквере Памяти Героев в Смоленске, говорится в материале доцента Смоленского государственного института искусств Д. В. Бутеева. Автор убедительно доказывает, что данное захоронение является достойным примером смены функций крепости — с фортификационной на мемориальную. Могилы павших героев, находящиеся у подножия крепостной стены с самого своего появления, стали символом духовной мощи, подвига и славы.

В статье главного научного сотрудника Государственного музея «Смоленская крепость» Д. В. Валуева проанализированы рабочие материалы выдающегося искусствоведа и реставратора П. П. Покрышкина, посвященные Смоленской крепостной стене. Эти документы позволяют лучше понять в каком состоянии находился уникальный памятник истории и архитектуры в начале XX в., а также какие меры предпринимались для его спасения и реставрации.

Администратор экскурсионно-туристического отдела Государственного музея «Смоленская крепость» И. Э. Варыхалова в своем докладе приводит результаты собственного социологического исследования, посвященного эмоциям, вызываемым у посетителей музея самой крепостной стеной. Главный вывод состоит в том, что у абсолютного большинства как самих смолян, так и гостей города «ожерелье земли Русской» оставляет исключительно положительные впечатления.

Истории российского военного лагеря, существовавшего в 1705–1706 годах, во время Северной войны, в Гродно посвящена статья заведующего отделом новейшей истории Гродненского государственного историко-археологического музея А. Ф. Вашкевича. Автор не только говорит о событиях прошлого, но и обозначает возможные направления исследований и визуализации земляного укрепления петровской армии и указывает на места наиболее возможного обнаружения артефактов, связанных с этим эпизодом в истории города.

В 2024 году отмечался 300-летний юбилей Российской академии наук. С этим событием связан доклад ведущего научного сотрудника Смоленского государственного музея-заповедника В. И. Галанова. Он рассказывает о памятных медалях и жетонах посвященных Академии наук, хранящихся в собрании данного музея. Помимо описания самих предметов

медальерного искусства в материале говорится об обстоятельствах их поступления в музейные фонды.

О истории перестройки укреплений Вязьмы в 1630-х годах, в ходе которого её крепость получила каменные башни, повествуется в статье заместителя председателя Вяземского районного отделения ВООПиК Е. Н. Ивановой. Отмечены специфические особенности этого ныне не существующего памятника фортификации.

Новым фондовым поступлениям, поступившим в собрание Государственного музея «Смоленская крепость» посвящен материал и.о. главного хранителя его фондов О. В. Корниловой. В частности, сказано о коллекции уникальных фотоматериалов, связанных с обследованием крепостной стены в начале XX века, проводившимся выдающимся искусствоведом и реставратором П. П. Покрышкиным.

В статье доцента Смоленского государственного университета И. Б. Красильникова приведены предварительные результаты анализа произведений литературы и кинематографа, посвященных Смоленской крепостной стене. Главный вывод состоит в парадоксальном, на первый взгляд, утверждении о том, что несмотря на обилие произведений, в которых упомянута крепость Смоленска, её историческая роль в них раскрыта недостаточно. Автор предлагает свои, оригинальные, варианты разрешения этой проблемы.

Научный сотрудник Института археологии РАН В. С. Курмановский в своем докладе дал обзор некоторых направлений и итогов изучения средневековых городищ Смоленской земли. Справедливо указано, что намеченные пути исследований объектов древнерусской фортификации нуждаются в дальнейшем развитии.

О функциональной трансформации плац-парадной площади Нижегородского кремля в конце XIX — начале XX веков говорится в статье экскурсовода музея-филиала «Нижегородский кремль» А. С. Курьичева. Автору удалось создать яркую картину превращения важного военного объекта, находящегося на территории уникального памятника крепостного зодчества в спортивную площадку.

В материале профессора Минского государственного лингвистического университета А. Н. Кушенеревича охарактеризован процесс распространения замков-кастелей в оборонном зодчестве Великого Княжества Литовского с конца XIII века до начала XVII столетия. Дан сравнительный анализ дефиниции кастелей в белорусской и немецкой историографии. Выделены основные типологические группы этого подвида замковых укреплений.

Студент Смоленского государственного института искусств И. Д. Мальцев посвятил свою публикацию рассмотрению состояния Смоленской крепости в эпоху царствования императора Николая I. С опорой на исторические источники, в том числе на архивные документы, автор сумел показать,

как крепостная стена превращается в первой половине XIX в. из военного сооружения в объект, используемый в гражданских целях.

Один из крупнейших российских исследователей истории оборонительных сооружений, директор Центра изучения истории фортификации К. С. Носов провел статистический анализ т.н. «итальянизмов» в архитектуре русских монастырских оград конца XV — XVII веков. Главным итогом его исследования стало доказательство того, что русские мастера эпохи перехода от средневековья к Новому времени, возводившие стены обителей, хорошо усвоили и творчески развили традиции и приемы, принесенные на российскую почву итальянскими мастерами, приглашенными в Москову Иваном III и Василием III. При этом монастырские ограды имели ряд специфических черт, отличавших их от кремлей и крепостей в итальянском стиле.

Преподаватель Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского В. М. Овчинников рассмотрел основные аспекты наследия Вобана на развитие европейской инженерии в XVIII веке. Основное внимание обращено на главные инновации в искусстве строительства укреплений, связанные с именем выдающегося фортификатора. Автор отмечает и некоторые элементы геополитической доктрины Вобана, связанные с обоснованием строительства т.н. «железного пояса укреплений».

В статье главного методиста Государственного музея «Смоленская крепость» И. В. Пашковой описано одно из граффити Смоленской крепостной стены, представляющее собой сложную многофигурную композицию. Автор обоснованно доказывает, что на ней изображен сюжет Рождества Христова в упрощенном виде.

Доклад доцента Смоленского государственного университета М. Л. Рогацкиной посвящен рассмотрению темы крепостей в творчестве А. С. Пушкина 1830–1836 годов. На основании анализа обширного корпуса текстов делается вывод о нечастом упоминании укреплений и всего, что связано с ними. В тоже время отмечено, что в художественном мире русского литературного гения представлено противостояние двух крепостей — «большой», воплощающей государственную мощь и «малой», символизирующей мир человека, его патриархальную жизнь.

Постоянный участник конференции, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН П. Е. Сорокин рассказал о выявлении в ходе археологических раскопок на Охтинской мысу в Санкт-Петербурге деревоземляных укреплений разных эпох и их атрибуции. В его материале поднимается вопрос о возможностях и способах музеефикации данных фортификационных сооружений в современных условиях.

Студент Балтийского Федерального Университета имени Иммануила Канта И. Д. Шушеначев обратился к своеобразному фортификационному

сооружению эпохи Второй мировой войны, расположенному на территории Калининградской области — германским хохбункерам. В его статье описана их история и выдвинуты предложения по их музеефикации.

В 2024 году исполнилось 470 лет возвращению Смоленска в состав Российского государства. В июне 1611 года он был захвачен после героической 20-месячной обороны войсками Речи Посполитой. Попытки отвоевать город в верховьях Днепра, предпринятые в царствование Михаила Романова оказались безуспешными. И только поход русской армии под командованием его сына Алексея Михайловича, состоявшийся летом-осенью 1654 года принес победу, результатом которой стало не только освобождение Смоленска, но и превращение его в передовой форпост Московского царства на западных рубежах державы. В таковой роли он выступал ещё более ста лет.

Необходимо отметить, что Смоленск издревле находился на границе разных миров и культур. Выдающимся памятником пограничных конфликтов на данной территории стала Смоленская крепостная стена, возведенная в 1596–1602 гг. Но взаимодействие племен и государств, имевших общие границы расположенных по обе стороны границы, не всегда происходило по конфликтным сценариям. Развитие торговых связей и культурного обмена способствовало налаживанию взаимообогащающего диалога между народами и прекращению острых конфликтов.

Обращение к подобному историческому опыту представляется актуальным в настоящее время, когда представители политических элит Запада пытаются «отменить» российскую культуру.

2024 год был объявлен в Российской Федерации «Годом семьи». Именно семья во все века являлась основной ячейкой, сохраняющей историческую и культурную память. Разговор о механизмах сбережения свидетельств прошлого и передачи их последующим поколениям остается в фокусе внимания как политических и общественных деятелей, так и представителей самых разных научных направлений.

19–21 сентября 2024 года в Смоленске прошла II Международная научная конференция «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре», организованная Государственным музеем «Смоленская крепость», На ней был рассмотрен широкий круг вопросов, касающийся изучения и популяризации истории пограничных территорий, актуализации и использования памятников истории и культуры, расположенных на этих землях, содействия развитию культурного туризма, исторической науки, музейного дела и краеведения, укрепления сотрудничества, а также преодолению границ, возникающих между культурами разных народов и стран в результате политических конфликтов.

В ходе конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, главными из которых являлись:

- концепты «граница», «пограничное» и «трансграничное» в искусстве, общественном сознании, культуре разных эпох;
- фортификационное искусство как феномен пограничной территории;
- преодоление исторических и смысловых границ как предпосылка и свидетельство цивилизационного развития;
- международные отношения, внешние торгово-экономические, дипломатические и культурные связи на западных рубежах России;
- междисциплинарные подходы в исследовании феноменов истории и культуры как свидетельства преодоления границ отраслей научного знания;
- эпоха царя Алексея Михайловича Романова как время успехов и побед Российского государства;
- семейные предания и «истории», как основа духовно-нравственного воспитания.

В рамках конференции состоялся круглый стол «Пограничные укрепления. Сохранение материальных границ и духовных смыслов».

В сборнике представлены материалы докладов, сделанных на конференции специалистами в разных областях знания и науки — историками, филологами, педагогами, искусствоведами, культурологами.

В статье профессора Белгородского юридическгo института МВД Российской Федерации имени И. Д. Путилина И. В. Абдулмановой рассмотрены особенности известного трактата ранневизантийского ученого Косьмы Индикоплова «Христианская топография». Данный труд стал своеобразной иллюстрацией трансграничности александрийской интеллектуальной традиции с четко обозначенным устремлением к выходу за рамки своего собственного места пребывания и степени её влияния на становление научной атмосферы в других регионах.

Доклад старшего научного сотрудника Государственного музея «Смоленская крепость» С. В. Александрова посвящен событиям, происходившим на смоленском пограничье весной 1609 года в период подготовки Сигизмунда III к походу на Москву. Автор с опорой на богатый фактический материал сумел показать как сильные, так и слабые стороны деятельности воеводы М. Б. Шеина по организации пограничной охраны, вскрыть объективные и субъективные причины его успехов и неудач. Проанализировав данные документов он убедительно доказал беспочвенность расчетов командования польского войска на благожелательное отношение жителей Смоленщины к будущим интервентам.

Преподаватель Московского колледжа транспорта Российского университета транспорта И. Б. Бабулин подробно реконструировал в своем материале обстоятельства одной из ключевых баталий русско-польской войны 1654–1667 гг.— битвы при Чаусах, произошедшей 16 (26) мая 1662 года. Особое

внимание он уделил оценке состава и численность сил противоборствующих сторон. Кроме того, обозначена выдающаяся роль в победе русского войска выходца из Шотландии генерал-майора Уильяма Драммонда.

В докладе старшего научного сотрудника Белгородского государственного историко-краеведческого музея А. Ю. Гончаровой представлены результаты практического опыта культурно-образовательной деятельности с детьми в Белгородском государственном историко-краеведческом музее по теме «Белгородская черта». Данному фортификационному феномену, возникшему в XVII веке посвящены различные мероприятия для детей разных возрастов проводимые на музейных площадках. Их реализация способствует развитию у участников восприятия сложных текстов, пространственное и логическое мышление, умения анализировать данные. Они также используются в процессе патриотического воспитания молодёжи.

Заведующий кафедрой туризма и культурного наследия Гродненского государственный университет им. Янки Купалы, доцент С. В. Донских рассмотрел последствия возвращения Смоленска в состав Московского государства для политической топографии Восточной Европы XVII в. В частности, отмечено, что в геополитическом проекте Алексея Михайловича Смоленск должен был стать столицей «Белой Руси». Этот замысел не удалось реализовать, но хороним «Белая Русь» прочно закрепился за православными землями Поднепровья и Подвинья, оставшимися в составе Речи Посполитой.

Статья доцента Смоленского государственного университета И. Г. Жаховой посвящена обобщению опыта работы с уникальным объектом культурного наследия — Смоленской крепостной стеной в процессе обучения студентов архитектурной специальности. Рассказано о разных этапах данной деятельности, позволяющей рассматривать её как важный компонент регионального архитектурного образования.

Научный сотрудник музея «Замковый комплекс «Мир» (Республика Беларусь) Н. А. Ковалевич представила доклад, в котором говорится об оборонительных особенностях Мирского замка. Она прослеживает эволюцию этого уникального архитектурного сооружения, внесенного в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, от магнатского укрепления до дворцово — замкового комплекса.

Об истории садово-паркового обустройства Мирского замка рассказано в материале старшего научного сотрудника музея «Замковый комплекс «Мир» Т. И. Кожух. Особое внимание уделено современным работам по реставрации замка и реконструкции окружающего его ландшафта. По мнению автора, одним из их итогов станет воссоздание регулярного сада и пейзажного парка князей Святополк-Мирских. Дальнейшее благоустройство этих объектов позволит отразить на их примере историю развития садово-паркового искусства Беларуси.

Научный сотрудник музея «Замковый комплекс «Мир» О. В. Колосовская обратилась в своем исследовании к коллекциям фотографий, хранящихся в музейном фонде. На примере оригинальных фотоснимков конца XIX — середины XX века показано, как менялись форматы фотографических карточек и правила, которых следовало придерживаться при фотографировании. Уделено внимание сюжетам и типам съемок.

Доцент Смоленского государственного университета И. Б. Красильников на основе исторических материалов рассмотрел вопрос об изменении территориального положения Смоленска на протяжении нескольких веков. Он сумел емко и достоверно описать процесс влияния длительного пребывания на пограничной территории на быт, культуру и менталитет смолян.

Локализации погостов Вержавлян Великих, административной единицы, упоминаемой в Уставной грамоте Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича — основателя самостоятельной Смоленской епархии, посвящен материал научного сотрудника Института археологии РАН В. С. Курмановского и научного сотрудника Национального парка «Смоленское поозерье» И. М. Бавшина. Авторы использовали широкий круг письменных источников и данные археологических изысканий. Результатом стало определение местоположения некоторых из погостов, а также уточнение времени их появления и существования.

В докладе профессора Белорусского государственного университета культуры и искусств А. Н. Кушнеревича повествуется о православном оборонном храмостроительстве регионов Польско-Белорусско-Литовского пограничья XV — XVI вв. Автор проанализировал истоки и особенности удивительного феномена европейской позднесредневековой готики — церквей оборонного типа, возведенных на упомянутых территориях. Особое внимание он уделил демонстрации того, как в архитектуре этих храмов проявился синтез архитектурно-строительных культур Востока и Запада.

Профессор Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I Д. В. Ливенцев описал меры, предпринимавшиеся советским руководством для борьбы с японскими браконьерами на Дальнем Востоке со времени окончания гражданской войны до завершения Второй мировой войны. Отмечено, что в этот период, несмотря на все предпринимаемые меры, остановить хищнический улов у берегов СССР не удавалось, как из-за отсутствия средств для создания полноценной морской пограничной охраны, так и в силу того, что браконьеров поддерживали военно-морские силы Японии. И только в преддверии поражения в войне императорское правительство вынуждено было отказаться от покровительства преступному промыслу, после чего его объемы резко сократились.

О судьбах нескольких смоленских дворян, переживших осаду 1609–1611 годов и продолжавших службу при первых царях из династии Романовых

рассказывается в докладе независимого исследователя А. М. Молочникова. По обоснованному мнению автора изучение обстоятельств их жизни и службы помогает лучше представить жизненный мир и повседневное существование данного сословия в переходную эпоху от средневековья к раннему новому времени.

Определению времени сооружения первых каменных укреплений на Ореховом острове, находящемся у истока Невы, посвящена работа ученого секретаря общественной организации «Историческое сознание» М. А. Несина. В ней, с опорой на обширный фактический материал, автор доказывает, что каменная крепость была построена новгородцами на упомянутом острове не в 1352 г., как считалось раньше, а в 1323 г. После её возведения эта островная твердыня на многие годы стала надежной преградой для продвижения неприятельских войск по Неве в Ладожское озеро.

Заместитель директора по научной и просветительской работе музея «Замковый комплекс «Мир» О. В. Новицкая обрисовала биографию и духовный путь одной из владелиц Мирского замка, княгини М. А. Святополк-Мирской (1880–1959). Эта неординарная женщина, оказавшаяся после революционных событий 1917 года в эмиграции, посвятила себя служению Церкви, многое сделав для поддержки и спасения своих соотечественников, также оторванных от родины. Источниками для исследования стали архивные материалы, хранящиеся ныне в Институте Гувера при Стэнфордском университете (США).

Директор Центра изучения истории фортификации К. С. Носов, продолжая тему изучения оград русских монастырей XVI — XVII веков, поставил в своем докладе вопрос об их назначении. Обстоятельный анализ особенностей этих сооружений привел ученого к выводу они имели комплексный функционал, среди прочего на них возлагалась и оборонительная функция. А для этих целей лучше всего подходили ограды с высокими стенами и башнями.

Методологии и методам исследования креативных пространств современных городов, посвящена статья аспирантки Белорусского государственного университета культуры и искусств К. А. Пилипенко. Рассматривая креативные пространства как неотъемлемую часть современного города, автор перечисляет различные способы их изучения и конструирования. По её мнению разнообразные методологические подходы позволяют подробнее изучить этот феномен и демонстрируют его многогранность. В целом для понимания феномена креативных пространств необходима тесная интеграция теоретических знаний и методологических подходов.

Директор Государственного музея «Смоленская крепость» С. А. Пиляк рассказал о преодолении границ в развитии музея. Исходя из того, что любое развитие направлено на преодоление различных границ, а кроме того пересечение рубежей позволяет выйти на новый уровень, получить

новые задачи и дополнительные ресурсы для их выполнения, в планирование деятельности Государственного музея «Смоленская крепость» постоянно включаются задачи, связанные с «пограничными переходами». Примером этого является тесная интеграция в деятельности его подразделений, порождающая необычные, но яркие и востребованные результаты.

В докладе главного специалиста Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) А. Н. Сидоровой и начальника отдела ГАРФ М. В. Сидоровой рассказано об уникальном историческом источнике — альбоме «Город Смоленск и его достопримечательности», поднесенного художником С. Я. Андреевым в 1894 г. Николаю II в качестве подарка в связи с восшествием на престол. Это собрание акварелей высокого качества, сопровождаемых авторским пояснительным текстом, позволяет лучше представить облик города на рубеже XIX и XX столетий, а также особенности его колористики.

Материал профессора Белорусского государственного университета культуры и искусств А. И. Смолика посвящен рассмотрению концепта «культурные границы», как предмета культурологических исследований. Автор полагает, подобные исследовательские процедуры следует осуществлять с использованием различных таксономических уровней. Рассмотрев взгляды на данную проблематику известных белорусских культурологов, он определяет понятие «культурная граница» как когнитивную категорию, символическими средствами отражающую совокупность взаимных рефлексий субъектов пограничных культур.

В статье директора Государственного архива новейшей истории Смоленской области Т. И. Тарасенковой рассказывается о начале жизненного пути и карьеры Е. И. Ураловой (1902–1985), занимавшей высокие посты в БССР в 1930-х — 1950-х годах. Уроженка Смоленщины, она может служить примером процессов активной социальной мобильности первых десятилетий существования СССР. Поведенческие практики построения карьеры, использовавшиеся ею, были типичными для большинства советского чиновничества. Значительное количество из них сохраняют свою актуальность и сегодня.

Ассистент Смоленского государственного университета В. В. Устименко представил своё видение подходов к разработке цветового языка дизайн-кода пограничного города. Автор обращает внимание на то, что грамотно подобранная цветовая палитра может подчеркнуть историческое наследие в облике современного городского поселения, и помимо этого способствует созданию комфортных условий для жизни. В доказательство этого тезиса он приводит удачные примеры внедрения элементов дизайн-кода в пространство Смоленска.

В материале доцента Смоленского государственного университета Ю. А. Устименко говорится об опыте работы педагогов художественно-графического факультета вуза со студентами из КНР. Одним из эффективных

способов преодоления культурных границ и приобщения китайских учащихся к достижениям российской культуры стал культурологический подход, рассматривающий проектную деятельность в дизайне как как феномен историко-культурной преемственности. Благодаря его применению студенты из КНР, получили возможность не только развивать свои профессиональные навыки, но также ценить и уважать культурное разнообразие, глубже понимать и воспринимать российскую культуру.

Конференция, посвященная «пограничной» тематике, ставшая уже традиционной, явилась заметной вехой в научной жизни Смоленска. Государственный музей «Смоленская крепость» будет продолжать исследовательскую и просветительскую работу, связанную с раскрытием феномена границ и пограничных территорий, их специфики и отражению в культуре. Надеемся, что число участников научных форумов будет расти, а контакты с научными институциями, занимающимися разработками «пограничной проблематики» продолжат расширятся.

В заключении нужно особо отметить, что Государственный музей «Смоленская крепость» уделяет внимание подготовке будущих научных кадров. В мае 2024 г. им была проведена первая детско — семейная конференция «Моя семья в истории города и крепости». Старшеклассники из нескольких школ Смоленска, изучив прошлое своей семьи, при поддержке своих родных, писали доклады, которые были представлены на форуме. Лучшие из них публикуются в выпусках научно-популярного журнала «Смоленская крепостная стена». Не сомневаемся, что среди участников школьной конференции были и те, кто свяжет в дальнейшем свою судьбу с научными изысканиями, а их труды, несомненно украсят будущие научные сборники Государственного музея «Смоленская крепость».

Главный научный сотрудник ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость», кандидат исторических наук, доцент, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации Д. В. Валуев

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЗЕЕФИКАЦИЯ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

Секция «Практический опыт музеефикации фортификационных сооружений»

Абрамович Денис Александрович
Заведующий филиалом «Музей 5 форт»
ГУ «Мемориальный комплекс
«Брестская крепость-герой»

УДК 725.945.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.47.31.001

ТЕРЕСПОЛЬСКОЕ УКРЕПЛЕНИЕ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ — ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И ФОРТИФИКАЦИИ

Ключевые слова: *Брестская крепость, Тереспольское укрепление, мемориальный комплекс, экскурсионный маршрут.*

Аннотация: *Статья посвящена некоторым аспектам мемориализации и музеефикации одной из составляющих частей Брестской крепости — Тереспольского укрепления. Построенное вместе со всей крепостью в 1830-х-1840-х годах, оно стало местом ожесточенных боев летом 1941 года. С 2011 года по поручению Президента Республики Беларусь ведётся планомерная работа по музеефикации Тереспольского укрепления, находящегося в пограничной зоне, доступ на которую ограничен. За десять с лишним лет здесь проведена большая работа по созданию туристического маршрута, который стал важным этапом в презентации туристического потенциала Брестской крепости и увековечивании памяти о её героическом прошлом.*

Брестская крепость — одна из самых знаковых достопримечательностей Республики Беларусь. Являясь крупным трансграничным объектом,

Каменный флигель. Фотография

она стала свидетелем драматических событий Первой и Второй мировых войн, принятия важных политических решений и переплетения судеб тысяч людей.

Построена в 1830–1840-е годы на месте средневекового города Брест-Литовска на четырех островах, образованных реками Западный Буг и Мухавец, их рукавами и системой искусственных водяных рвов.

Крепость состоит из Цитадели и трех укреплений, составляющих главный бастионный фронт и прикрывающих Цитадель со всех сторон: Кобринского (с севера и востока), Волынского (с юга), Тереспольского (с запада).

25 сентября 1971 года на территории Брестской крепости был открыт мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (далее — Мемориал). Приоритетным направлением работы Мемориала является проведение исследований истории, связанной с Брестской крепостью, презентация их результатов путём создания новых экскурсионных маршрутов. Примером тому может служить тематическая экскурсия «Тереспольское укрепление — памятник истории и фортификации», которая охватывает уникальный в своем роде, самый труднодоступный для посещения остров Брестской крепости, за которым проходит линия государственной границы Республики Беларусь.

Тереспольское укрепление (остров Пограничный) расположено в западном секторе Брестской крепости на левом берегу реки Западный Буг. Внешнюю ограду укрепления составляют четыре земляных люнета (с кирпичными казематами внутри), соединенных общим водяным рвом.

Капонир (школа шофёров Белорусского погранокруга) в III люнете. Фотография

В XIX — начале XX века укрепление сообщалось с Цитаделью висячим мостом (разрушен в 1944 году), ведущим к Тереспольским воротам. Связь острова с прилегающей территорией осуществлялась через Варшавский проезд. Накануне Первой мировой войны на острове дислоцировались Брест-Литовский воздухоплавательный батальон (канцелярия, околодок, нестроевая команда, рота с управляемым аэростатом, рота с привязным аэростатом) и сводный казачий взвод 11-го Донского казачьего полка.

С сентября 1939 года по водяному рву, огибающему укрепление, проходила линия государственной границы СССР. В 1940–1941 годах на острове построено 6 дотов 62 Брестского укреплённого района.

В июне 1941 года на территории Тереспольского укрепления располагались пограничные подразделения: курсы шофёров Белорусского пограничного округа, транспортная рота, сапёрный взвод, сборы кавалеристов и физкультурников, ветлазарет, курсы ковочных кузнецов, наряды 9 заставы 17 Краснознамённого пограничного отряда (далее — 17 КПО), семьи пограничников. С началом Великой Отечественной войны обороной на острове руководили старшие лейтенанты Ф. М. Мельников, А. С. Чёрный, лейтенант Жданов. Ожесточенные бои продолжались до конца месяца [1].

С 1945 года до настоящего времени территория острова закрыта, она находится в ведении Государственного пограничного комитета Республики Беларусь.

Идея создания туристического маршрута на остров Пограничный принадлежит Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Пороховой погреб кирпичный. Фотография

Посетив остров 22 июня 2011 года, Глава государства дал соответствующее распоряжение местным органам власти разработать и подготовить туристический маршрут для того, чтобы туристы могли познакомиться с наследием военных лет на примере фортификационных сооружений Брестской крепости и прикоснуться к подвигу советских пограничников в июне 1941 года.

В подготовке острова к приему посетителей участвовала большая группа специалистов (представители городской администрации, строители, инженеры-проектировщики, историки, военнослужащие Брестской Краснознамённой группы имени Ф. Э. Дзержинского). Стояла задача провести обследование территории на наличие взрывоопасных предметов и материальных источников (предметы из раскопок), останков погибших; очистить прилегающую к туристическим объектам территорию от деревьев, кустарников и высокой травы; восстановить дороги к фортификационным объектам; установить информационные указатели с обозначением объектов и маршрутом движения групп; выявить объекты и сооружения, построенные в послевоенное время и не имеющие исторической ценности, подлежащие демонтажу.

Научная составляющая была поручена сотрудникам Мемориала — обследование всех фортификационных объектов на Тереспольском укреплении на предмет определения объёма необходимых реставрационных и консервационных работ, разработка текста обзорной экскурсии. Но стоит отметить, что изучение Тереспольского укрепления как фортификационного сооружения началось ещё в 2006 году, и к 2011 году сотрудни-

Схема Тереспольского укрепления с обозначением остановок туристического маршрута. 2024

ками Мемориала было выявлено на острове 38 объектов, относящихся к середине XIX — первой половине XX века. Была проведена фотофиксация и составлено краткое научное описание. Это позволило оперативно разработать и подготовить туристический маршрут. Весомый вклад в исследование острова внесла архивная работа сотрудников Мемориала в Российском государственном военно-историческом архиве, а закупленные копии чертежей крепостных объектов существенно облегчили их изучение. Результаты исследования острова последних лет были отражены в «Атласе крепости Брест-Литовск. Том 2. Бастионный период (1823–1876), 2020 г.» [3].

В 2012 году были подготовлены предложения по тематической экскурсии по острову Пограничный, с детальной проработкой предполагаемого маршрута, перечнем объектов показа, времени проведения экскурсии и методическими рекомендациями.

19 февраля 2013 года в торжественной обстановке новый туристический маршрут был открыт.

Экскурсия по острову Пограничный занимает 3 академических часа [2]. Включает в себя показ 13 объектов, многие из которых сохранились в первозданном виде:

«Пороховой погреб» (крепостное строение № 659). Помещение, защищённое от разрушения, служащее для хранения взрывчатых веществ и боеприпасов. Построен в 80-е годы XIX века из кирпича. Модернизирован (усилен бетоном) в 1912 году. Сохранилась оригинальная двухстворчатая дверь начала XX века.

«Каменная труба в плотине на реке Буг» (крепостное строение № 519). Представляет собой гидротехническое сооружение, обвалованное землей, прямоугольной планировки, со сводчатым потолком (аркой), стены и свод из красного кирпича, внутри кованый металлический крюк. Предназначалась для заполнения водой или осушения рва предмостного укрепления.

«Каменная баня для гарнизона крепости на Тереспольском укреплении» (крепостное строение № 631). Построена в 80-е годы XIX века. Во второй половине XX века здание использовалось как столовая и склад продовольствия войсковой части.

«Каменный флигель» (крепостное строение № 1131). Построен в 1901–1902 годах. Представляет собой двухэтажное здание из красного кирпича прямоугольной планировки, двускатной крышей, покрытой жестью и шифером. Здание имеет два входа с торцов, внутри — кованые металлические перила на двух лестницах. В 1914–1915 годах — казарма кавалерийской сотни Русской императорской армии. В 1939–1941 годах в казарме размещалась транспортная рота 17 КПО. Во второй половине XX века — казарма войсковой части.

«Каменный пороховой погреб» (крепостное строение № 201). Построен в 1861–1862 годах. Представляет собой одноэтажное, обвалованное землёй, кирпичное казематированное помещение прямоугольной формы со сводчатым потолком, с большим центральным помещением и сквозными проходами по периметру. На фасаде сохранились элементы «крепостного декора», имеются следы от пуль и осколков. В послевоенные годы пороховой погреб использовался как хранилище горюче-смазочных материалов войсковой части. Объект уникален, так как это единственный кирпичный пороховой погреб, сохранившийсяв Брестской крепости в своём первозданном виде.

«Капонир (редюит) в горже III люнета» (крепостное строение № 484). Сооружение для ведения флангового огня по двум противоположным направлениям. Расположен в тыльной части люнета — горже. Представляет собой крепостное сооружение оборонительного типа из красного кирпича со сводчатыми потолками. В июне 1941 года в здании размещалась казарма школы шофёров Белорусского пограничного округа. 22 июня 1941 года, уже в первые часы войны, здание было серьёзно повреждено артиллерийским

огнём немецких крупнокалиберных орудий, на остатках стен — многочисленные пробоины от попаданий снарядов, пуль и осколков. В послевоенные годы не использовалось. В настоящее время сохранились лишь руины. Перед руинами установлен Памятник пограничникам автотранспортной роты 17 КПО и курсантам школы шофёров Белорусского пограничного округа.

«Каземат каменный» (крепостное строение № 494). Построен в 70-е годы XIX века. Расположен в траверсе между II и III люнетами Тереспольского укрепления у Варшавского проезда.

«Пороховой погреб бетонный» (крепостное строение № 924). Помещение, защищённое от разрушения, служащее для хранения взрывчатых веществ и боеприпасов. Построен в 90-е годы XIX века.

Кроме того, вдоль берега реки Западный Буг на территории острова Пограничный проходит экологическая тропа. Она даёт возможность ознакомиться с основной древесной и кустарниковой растительностью острова, прибрежным ландшафтом реки Западный Буг, услышать пение птиц, насладиться тишиной и красотой живописной природы, уместно дополняя сюжетную канву повествования пешеходной экскурсии.

Экскурсия на остров Пограничный рассчитана на разные категории посетителей, но имеет свой специфический характер. К тому же, это по-прежнему режимная территория, что обуславливает наличие ряда строгих правил и ограничений. В соответствии с законодательством Республики Беларусь, экскурсионное обслуживание на территории острова Пограничный имеют право осуществлять только сотрудники Мемориала по согласованию с органами пограничной службы.

Всего туристический маршрут «Тереспольское укрепление — памятник истории и фортификации» в 2013–2023 годах посетили 472 экскурсионные группы и 7942 человека в составе групп (из Беларуси, России, Украины, Израиля, Австрии, Литвы и Чехии).

Создание этого экскурсионного маршрута служит примером использования фортификационных объектов в сфере туризма, подчёркивая уникальность многообразия и единства объектов Мемориала.

Новый маршрут стал важным этапом в презентации туристического потенциала Брестской крепости и увековечивании памяти о её героическом прошлом.

Список источников и литературы

1. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Научная справка «Бои на Тереспольском укреплении».— ОП. 1.— Д. 315.
2. Архив ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Методические рекомендации по тематической экскурсии «Тереспольское укрепление крепости — памятник истории и фортификации».— ОП. 1.— Д.7 Т. 3.

3. Библиотека ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». «Атлас крепости Брест-Литовск: В 3-х томах. Том 2: Бастионный период (1823–1876)», 2020 г.— 320 с. № 3846.

Abramovich Denis Aleksandrovich
Head of the branch "Museum 5 Fort"
State Institution "Memorial
Complex «Brest Hero Fortress»

TERESPOL FORTIFICATION OF THE BREST FORTRESS — A MONUMENT OF HISTORY AND FORTIFICATION

Key words: *Brest Fortress, Terespol Fortification, memorial complex, excursion route.*

Annotation. *The article is devoted to some aspects of memorialization and museumification of one of the components of the Brest Fortress — the Terespol Fortification. Built together with the entire fortress in the 1830s-1840s, it became the site of fierce battles in the summer of 1941. Since 2011, on the instructions of the President of the Republic of Belarus, systematic work has been carried out to museumify the Terespol Fortification, located in the border zone, access to which is limited. Over the past ten years, a lot of work has been done here to create a tourist route, which has become an important stage in the presentation of the tourist potential of the Brest Fortress and perpetuating the memory of its heroic past.*

Бекетова Светлана Владимировна,
заведующий Приозерским филиалом Государственного бюджетного учреждения культуры Ленинградской области «Музейное агентство» Музей-крепость «Корела»

УДК 725.945.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.69.86.002

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПЕТРОВСКИХ ВОРОТ КРЕПОСТИ КОРЕЛА

Ключевые слова: *Пётр I; Кексгольм; музей-крепость «Корела»; ворота; музейная экспозиция, Приозерск.*

Аннотация*: В Музее-крепости «Корела» хранятся ворота, оббитые трофейными шведскими кирасами по приказу Петра Великого, посетившего Кексгольм осенью 1710 года, сразу после взятия города войсками русской армии. Статья позволяет проследить историю создания предмета, его появления в коллекции музея, а также рассказать о попытках реставрации уникального экспоната.*

В 130 километрах от Санкт-Петербурга, на севере Ленинградской области, расположен один из древнейших городов России — Приозерск. Маленький уютный город привлекает к себе внимание гостей интереснейшим памятником отечественной истории и оборонного зодчества XIV–XVIII веков — крепостью Корела. Крепость Корела как самый северный форпост Новгородских земель защищала и отстаивала северо-западное Приладожье — Карельский перешеек и Ладожское озеро. Именно эти земли государь Пётр вернул в состав России в ходе Северной войны.

Современный город Приозерск, где сейчас расположен музей, носил шведское название Кексгольм. Пётр Первый закрепил его за городом. Более того, один из лучших полков русской армии получил по велению государя название Кексгольмский.

Наш музей хранит замечательную реликвию, символ русской боевой славы — ворота, оббитые трофейными шведскими кирасами по приказу самого Петра Первого. Устное предание гласит: как только в сентябре 1710 года ближайший сподвижник Петра генерал-майор Роман Вилимович Брюс принял от шведов Кексгольмскую двуостровную крепость, Пётр Первый отправился в путь, он пожелал увидеть твердыню собственными

Замковые ворота, обитые шведскими кирасами, 1710г. Ирина Кузнецова. Фотография. 2021

глазами. Государь прибыл в Кексгольм в октябре и праздновал здесь победу. Однажды утром он увидел груду трофейного шведского вооружения. Известно, что Пётр Первый был скор на принятие решений, он распорядился, и кузнецы расплющили кирасы. Полученными пластинами царь приказал оббить ворота. Известно, что таких ворот было двое: в Старой и Новой крепостях. До нашего времени дошли только одни. Именно они являются уникальным экспонатом и гордостью музея. Но так было не всегда! История ворот и их судьба удивительны. Многие посетители замирают в восхищении, увидев это чудо, и невольно хотят прикоснуться к древним пластинам. У некоторых возникают вопросы об их подлинности. И здесь хочется рассказать о кропотливой, колоссальной работе первого поколения приозерских краеведов, впоследствии ставших музейными сотрудниками Приозерского краеведческого музея, заложивших основы музейной и научной деятельности. Настоящий подвижник и первооткрыватель Левким Петрович Потемкин. Именно его исследования помогают нам сегодня говорить о достоверности легенды Петровских ворот.

Проследить судьбу и истинность пары ворот, оббитых шведскими латами, помогают различные письменные источники. Впервые об этих воротах упомянул известный русский филолог академик Яков Грот[1], по-

[1] Грот Я. К. (1812–1893) — российский филолог, профессор Императорского Александровского университета, академик (1852), вице-президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1889), действительный тайный советник.

Крепость Корела. Ирина Скворцова. Фотография. 2020

сетивший Кексгольм в 1846 году. Рассказывая о старинной крепости, он обращает внимание на важную деталь: «Особое отделение крепости, так называемый шлот (правильнее: слот), небольшое круглое здание с башнею, занимает третий островок. Тут в прежнее время содержались преступники. Теперь стены шлота до такой степени уже ветхи, что сами собой разрушаются. В таком положении и деревянный мост, соединяющий этот остров с крепостным. Обращённые к мосту ворота как шлота, так и крепости, обиты старинными шведскими латами» [3, с. 6]. В данном случае крепостью называется Новая крепость, находившаяся на Спасском острове, Старая крепость или крепость Корела именуется «шлотом».

Далее, в 1875году, священник Рождественского собора в Кексгольме Василий Ильтонов также упоминает о паре ворот: «Имеются ворота в крепости. Двое из них обиты шведскими железными латами как трофеями побед» [2, с. 96].

Борис Адамович, историограф Кексгольмского полка, в начале июня 1898 года побывал в Кексгольме с поездкой, целью которой являлось желание увидеть город, давший имя родному полку. Увиденное глубоко огорчило боевого офицера. По возвращении он написал отчетную статью, опубликованную в «Военном сборнике» за 1898 год. Больше всего его удручало то обстоятельство, что в городе нет никакого напоминания о славном имени русского императора Петра Великого. «Так ли надо беречь такие места?… Где же память о наших победах, слугах русской земли? Ничто в Кексгольме не напомнило нам о Петре..» [1, с. 246]. Здесь мы можем найти одну любопытную запись: «Самые ворота из листового железа совершенно

Петровские ворота на реставрации в Международном центре реставрации

перержавели и валяются в проезде» [1, с. 247]. Современные исследователи склонны относить это описание к воротам, которые располагались в Круглой башне, все последующие письменные источники указывают на наличие лишь только Замковых ворот на территории Новой крепости.

На конец XIX века мы находим описание ворот у финского ученого Теодора Швиндта: «Круглые ворота, через которые раньше проходили по мосту в сторону крепости, теперь закрыты… Створки ворот с наружной стороны покрыты листами старой железной брони» [4, с. 343].

В начале XX века ко всем словесным описаниям добавился иконографический материал. Сохранился рисунок финского художника Виктора Светихина 1913 года, на котором изображены Замковые ворота.

О состоянии ворот в период с начала XX века до 1960-х годов свидетельствуют редкие иконографические источники. Лишь в 1960 году «ворота Замковые (Круглые) признаны объектом культурного наследия республиканского значения (в настоящее время — федерального значения) согласно Постановления Совета Министров РСФСР «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» от 30 августа 1960 года № 1327 [4, с. 379]. Но ворота так и находятся на своем историческом месте на территории Приозерского военного санатория.

С 1960 по 1980-е годы сохранилось множество фотографий Замковых ворот, которые были сделаны в том числе и во время больших археологических раскопок. Среди них фотографии ученого-археолога Анатолия Николаевича Кирпичникова 1972 года. Специалисты, изучая данные материалы, заметили, что «рисунок» лат ворот на фотографиях отличается

Фрагмент Замковых ворот, обитых шведскими кирасами,
1710 г. Ирина Кузнецова. Фотография. 2021

от их расположения на сохранившихся створках. Исходя из этого предполагают следующее:

– на фотографиях зафиксированы исчезнувшие вторые створки ворот, также оббитые шведскими кирасами, поскольку никто не знает точно, как и когда именно они пропали;

– сохранившиеся ворота в период с 1880-х по 1890-е годы подверглись внешним изменениям.

Таким образом, еще в 70-х годах XIX века они были на территории крепости, но к середине XX века, когда был создан музей в крепости, остались только одни. Ворота Круглой башни исчезли, сохранились Замковые ворота Новой крепости.

В архиве музея хранится письмо начальника Приозерского военного санатория Чистякова директору музея, датируемое серединой октября 1988 года, в котором он выказывает беспокойство по поводу сохранности Петровских ворот, просит перенести данный предмет на территорию музея. Наконец, у ворот появляется шанс стать украшением музейной коллекции. В 1989 году ввиду аварийного состояния предмета завязывается переписка по вопросам экспонирования и первичной реставрации Петровских ворот. Итогом стало предписание Инспекции охраны памятников истории и культуры от 26 января 1989 года: «о переносе полотнищ, обитых доспехами XVI — XVII вв. из Новой крепости в Круглую башню крепости Корела.

– реставрация и музеефикация подлинных створок Замковых ворот, обитых доспехами. Срок исполнения — до 1 сентября 1989 года».

Но и в то время предписанное не сбылось. Лишь в 1994 году створки, оббитые латами, были демонтированы и перенесены в помещение на первом ярусе Круглой башни крепости Корела. Эта вынужденная мера предпринята во избежание разворовывания металлических частей ворот и их порчи. Вопрос о реставрации оставался открытым.

5 декабря 2008 года ворота, оббитые шведскими латами, пополнили историко-бытовой фонд музея-крепости «Корела», став уникальным экспонатом в коллекции музея. Сотрудники музея подняли вопрос о срочной необходимости реставрации ворот. Спустя некоторое время, действительно, была попытка произвести долгожданные реставрационные работы. Реставраторы из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи произвели выезд в крепость, провели натурное обследование объекта. Сразу установлено: железо древнее, дерево, которое служит своеобразной подложкой — более позднего периода. Именно их заключения легли в основу дальнейшего исследования ворот.

В 2018 году в реставрационной мастерской Петербурга ООО «РМ «Наследие» была составлена научно-проектная документация по восстановлению ворот. Специалисты составили их подробное описание: «Ворота состоят из двух створок с полукруглым завершением, жёстко закреплённых на деревянной основе, выполненной из сосновых досок в три слоя. Деревянная основа обита железным листом, поверх которого коваными гвоздями с округлыми шляпками набиты сплющенные детали шведских кирас. Это нагрудники, наспинники в центре, юбки по контуру створок. На левой створке насчитывается 37 деталей, на правой — 44. Итого — 81 единица. Детали кирас сделаны из толстого металла, нагрудники и наспинники имеют округлую рельефную отбортовку. На левой створке имеется 7 деталей, имитирующих нагрудники. Фрагменты металлических пластин прибиты в произвольном порядке. Они разного размера и в некоторых случаях перекрывают друг друга. Несколько кирас сохранились в первоначальном размере. Металлические элементы частично утрачены, особенно в нижней части и по бокам. Металл основы и декора корродирован, вплоть до полной деструкции. По наружным углам нижних частей створок металлический лист утрачен.

Состояние и структура деревянной основы свидетельствуют о более позднем изготовлении по сравнению с оригинальными деталями декора. Основа была изготовлена, вероятно, в конце XIX- начале XX века» [5, с. 9].

К данному проекту вернулись только сейчас. Ворота дождались своего часа. Петровские ворота увезли на реставрацию в ГАУК ЛО «Международный центр реставрации». Положено начало сложного, но важного и долгожданного реставрационного пути. Сотрудники центра тщательно подошли к изучению предмета: шаг за шагом снимая и изучая каждый слой. Сегодня еще решается вопрос о возрасте деревянного полотна, которое

послужило основой для ворот, под кирасами обнаружен железный лист. Все эти наслоения подтверждают одно: за воротами в разные годы их пребывания на территории военного санатория, в стенах крепости Корела — следили и пытались сохранить для потомков. После соскоба и проверки гвоздей, держащих кирасы, специалисты уверенно относят их к XVIII веку.

Загадок у Петровских ворот еще много. Но сотрудники музея ждут возвращения ворот на свое историческое место, в Круглую башню крепости Корела. И тогда Петровские ворота, сияя подлинной красотой кирас, притягательным блеском неувядающей славы русского воинства, будут рождать у посетителей крепости чувство гордости за свое Отечество!

Сегодня крепость Корела в ожидании реставрации, а пока людей неудержимо тянет посмотреть на древнюю русскую твердыню, оказаться в месте, где духом времен наполнен каждый уголок, и вдруг может показаться, что за нами наблюдает кто-то из прошлого, смотрит и оценивает наши действия.

Список источников и литературы литературы

1. Адамович Б. В. Кексгольм в 1710 и 1898 гг. // Военный сборник. 1899. Т. 249, кн. X, отд. С. 227–247.
2. Василий Ильтонов, свящ. Рождественский Собор в Кексгольме // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии.— СПб., 1875. Вып. IV. 479 с., разд. паг.
3. Грот К. Я. Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео: Путевые записки Якова Грота — СПб.: Типография книжного магазина П. Крашенинникова и К°, 1847. XVIII, 242 с., 6 л. илл.
4. Краснолуцкий А. Ю. Приозерск.— СПб.: «Издательство Крига», 2017. 768 с.
5. Научно-проектная документация по реставрации музейного предмета «Ворота, обитые шведскими латами» (Инв. № КП-12994/Ф-1) Приозерского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» — Музея-крепости «Корела», 1710 г., расположенному по адресу: Ленинградская область, г. Приозерск, Ленинградское шоссе, д. 3, крепость Корела. Документация изготовлена Обществом с ограниченной ответственностью «Реставрационная Мастерская «Наследие»». 116 с.

Beketova Svetlana Vladimirovna,
Head of the Priozersk branch of the State Budgetary Institution of Culture of the Leningrad Region "Museum Agency"Korela Fortress Museum"; Russia; korela@inbox.ru

MUSEUMIFICATION OF PETER'S GATE OF KORELA FORTRESS

Key words: *Peter the Great; Keksholm; Korela Fortress museum; gates; museum exposition, Priozersk.*
Annotation. *The Korela Fortress Museum houses gates upholstered with captured Swedish cuirasses on the orders of Peter the Great, who visited Kexholm in the autumn of 1710, immediately after the capture of the city by the troops of the Russian army. The article allows you to trace the history of the creation of the object, its appearance in the museum's collection, as well as tell about attempts to restore a unique exhibit.*

Богданович Эдуард Антонович
Директор учреждения «Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта»

УДК 711.168+725.18

DOI 10.54016/SVITOK.2025.97.56.003

ТУРИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ И ИХ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ В СИСТЕМЕ ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *Фортификационные сооружения, крепости, туризм, дворцово-парковые ансамбли, мемориальные комплексы, рекреационные объекты.*

Аннотация*: Фортификационные сооружения являются только военными объектами, но и нередко становятся памятниками истории, культуры, архитектуры. В Беларуси памятники фортификации входят в число самых посещаемых туристами музеев и объектов историко-культурного наследия. Одним из наиболее эффективных направлений современного использования памятников крепостной архитектуры является включение их в сферу туризма — создания на их основе туристских комплексов. Для сохранения исторического ландшафта фортификационных сооружений и включения его в общую систему туристского комплекса, следует соблюдать требования по архитектурно-ландшафтному проектированию, которые включают вопросы исследований исторического ландшафта и труды по его реновации.*

Фортификационные сооружения (далее ФС) — не только военные инженерные объекты, выполнявшие определенную утилитарную функцию — это свидетели важнейших исторических событий, проявленного в различных военных конфликтах героизма, мужества и стойкости духа, спасители человеческих жизней. Эти памятники истории, культуры, архитектуры, достойные продолжить свой век и дальше служить человеку как объекты изучения, погружения в историю, объекты посещения учеными, местным населением, туристами. Они должны быть сохранены и полноценно

включены в нашу современную жизнь. Фортификационные сооружения составляют значительную часть списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, входят в число наиболее посещаемых и узнаваемых памятников в мире. Среди наиболее популярных: Лондонский Тауэр, Московский Кремль, многочисленные горные замки Германии и Австрии (Эльц, Марксбург, Кохем, Кайзербург, Лауэнштайн и др.), замки долины реки Луары во Франции (Шамбо, Шенонсо, Амбуаз, Ланже и др.), крепость АргеБам (Иран), замок Эшфорд (Ирландия), замок Химедзи (Япония), Бомарис (Уэльс), Чапультепек (Мексика), Эйлен-Донан (Шотландия), крепость Сан-Мариело (США), фортификационный комплекс Вобана (Франция).

В Беларуси памятники фортификации входят в число самых посещаемых туристами музеев и объектов историко-культурного наследия. Первое место по посещаемости принадлежит мемориальному комплексу «Брестская крепость — герой» и историко-культурному музею-заповеднику «Несвиж», второе — Музею истории Великой Отечественной войны; третье — замковому комплексу «Мир», четвертое — историко-культурному комплексу «Линия Сталина». Исторические фортификационные сооружения во всем мире используют в качестве музейных, рекреационных, культурно-развлекательных комплексов, гостиниц, выставочных залов, фестивальных и съемочных площадок.

Белорусское фортификационное зодчество прошло долгий путь своего исторического развития. Укрепления имели многие города, строились башни замки, крепости. Укреплялись жилые усадьбы, культовые сооружения, дворцовые комплексы. Но в силу своего функционального предназначения они часто уничтожались во время военных действий и в ходе модернизации, т.к. быстро утрачивали свои оборонительные возможности в связи с развитием вооружения и техники. В настоящее время сохранилось более 500 ФС и их остатков. Многие сооружения включены в «Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь». Среди них замки и древние крепости (11 объектов), 1 башня-донжон, 3 крепости начала XIX–XX веков, 13 оборонительных культовых храмов, 1 укрепленная усадьба, 1 укрепление 1812 года, 507 городищ и замчищ, 25 сооружений Гродненского укрепрайона № 68. По данным сооружениям имеются учетные карточки историко-культурной ценности, содержащие название, шифр, категорию ценности, краткое описание памятника, технические характеристики, современное использование, собственника, научного руководителя, фотофиксацию. Фортификационные сооружения укрепрайонов (всего 6 укрепрайонов, в каждом из которых сохранилось от 70 до 150 отдельных сооружений) по всей территории Беларуси (кроме отдельных сооружений Гродненского).

Одним из наиболее эффективных направлений современного использования исторических фортификаций является включение их в сферу ту-

ризма — создания на их основе туристских комплексов. Из 548 сохранившихся исторических фортификационных сооружений Беларуси в сфере туризма используют 58 объектов, что составляет менее 12%. На ряде объектов постоянно проводятся реставрационные работы. Остальные объекты не используют либо функционируют как хозяйственные строения. Все используемые фортификационные сооружения находятся в разной степени сохранности: от культурного слоя и остатков земляных укреплений до хорошо сохранившихся или полностью восстановленных сооружений.

Следует отметить, что условия транспортной доступности сооружений больше влияют на их посещаемость, чем степень сохранности. Наличие туристской инфраструктуры в населенном пункте и на самом объекте посещения имеет и обратную зависимость: интерес у туристов к объекту наследия подтягивает к нему организаторов туризма, местных предпринимателей, создающих объекты инфраструктуры (мелкая торговля, места питания и проживания). Исторические фортификационные сооружения Беларуси используют как музеи, объекты экскурсионного показа, объекты рекреации, культурно-развлекательные комплексы, мемориалы, культовые объекты. Отдельно можно выделить объекты эпизодического использования.

В качестве музеев используются остатки дворцового комплекса Сапегов (городское поселение Ружаны, Пружанский район, Брестская область), городища (город Брест, город Туров Житковичского района, Могилевской области), Каменецкая башня (город Каменец, Брестская область), комплексы Старого и Нового замков (город Гродно). Музейные экспозиции созданы во многих исторических фортификациях, задействованных под другие функции. При организации музеев экспозицию размещают в объеме фортификационного сооружения (кроме музеев, созданных на основе городищ городов Турова и Бреста). Внешний вид и планировка исторического сооружения претерпевает минимальные изменения. Режим эксплуатации способствует сохранности исторического сооружения. Территорию сооружения, как правило, не используют. Музеи, созданные на основе исторических фортификаций Беларуси, предоставляют своим посетителям относительно небольшой спектр услуг, их туристская инфраструктура достаточно развита и представлена экскурсионным обслуживанием, продажей сувенирной продукции, реже имеется информационный центр, конференц-зал. Объектами экскурсионного показа являются городище периода раннего средневековья (деревня Старомлыны, Брестский район), остатки бывшего замка Вишневецких (деревня Жабер, Дрогичинский район, Брестская область), городище (город Браслав, Витебская область), городище (город Поставы, Витебская область) городище, верхний и нижний замки (город Полоцк, Витебская область), городище города Мстиславля «Замковая гора» (город Мстиславль, Могилевская область),

городище «Замэчак» (город Заславль, Минский район), городище (город Минск), городище древнего Мозыря (город Мозырь, Гомельская область), городище (город Рогачев, Гомельская область), три городища (город Волковыск, Гродненская область), руины бывшего замка Сапеги с элементами оборонительных сооружений (городское поселение Гольшаны, Ошмянский район, Гродненская область), замок (деревня Геранены, Ивьевский район, Гродненская область), городище Гора Миндовга и крепость (город Новогрудок, Гродненская область), городище и крепость (деревня Крево, Сморгонский район, Гродненская область), руины бывшего замка Сапеги (город Быхов, Могилевская область), замок (городское поселение Любча, Новогрудский район, Гродненская область).

В качестве рекреационных объектов используются остатки замка Сапегов в составе дворцово-паркового ансамбля (город Высокое, Каменецкий район, Брестская обл.), Глусский замок (город Глуск, Могилевская область), городище древнего города Речица (город Речица, Гомельская область), крепость (город Бобруйск, Могилевская область), Гродненской крепости (Гродненский район), три городища города Гомеля. В ряде случаев (городища Гомеля и Речицы) исторические фортификационные сооружения включают в состав городских парков.

Мемориальные комплексы созданы на основе земляных укреплений войны 1812 года (город Борисов, Минская область), городища древнего Мозыря (город Мозырь, Гомельская область), комплекса фортификационных сооружений Брестской крепости (город Брест), сооружений Полоцкого укрепрайона (город Полоцк и окрестности, Витебская область), 2 фортов Гродненской крепости (Гродненский район). Мемориалы создаются на местах значимых боев (в основном Второй мировой войны). Используется территория фортификационного сооружения: создаются скульптурные композиции, площади для проведения торжественных церемоний.

Девять церквей и костелов оборонного типа используют в качестве культовых сооружений. Это Троицкий костел (деревня Чернавчицы, Брестский район), Троицкий костел (деревня Ишкольдь, Барановичский район, Брестская область), костел Святого Иоанна Крестителя (деревня Камаи, Поставский район, Витебская область), костел Святого Михаила Архангела (деревня Гнезно, Волковысский район, Гродненская область), церковь Святого Михаила Архангела (деревня Сынковичи, Зельвенский район, Гродненская область), Борисоглебская церковь (город Новогрудок, Гродненская область), церковь Рождества Богородицы (деревня Мурованка, Щучинский район, Гродненская область), Спасо-Преображенская церковь (город Заславль, Минский район), костел Вознесения Девы Марии (поселок Деревное, Столбцовский район, Минская область). Полностью сохраняются внешний вид и планировка исторических сооружений. При культовом использовании исторических фортификаций не создаются дополнитель-

ные функции, нет инфраструктуры, кроме объектов культового назначения (продажа предметов культа, помещения для совершения обрядовых действий и пр.).

Культурно-развлекательные комплексы созданы на основе дворцово-замкового комплекса (город Несвиж, Минская область), дворцового комплекса (городское поселение Мир, Кореличский район, Гродненская область), сооружений Минского укрепрайона (окрестности города Заславля, Минский район), городища древнего Мозыря (город Мозырь, Гомельская область). Работы по созданию культурно-развлекательного комплекса ведутся на основе замка в городе Лиде (Гродненская область). Такие комплексы включают разнообразные функции (музейные экспозиции, выставочные галереи, места питания, проживания, концертные площадки и пр.), имеют развитую туристскую инфраструктуру, интенсивно используются как сами сооружения, так и их территория. При некоторых видах использования (ресторан, гостиничные номера) требуется значительная перепланировка исторического сооружения.

Анализ использования исторических фортификационных сооружений в системе туризма показал, что часть перспективных в данном отношении объектов используются не всегда эффективно. Для полноценного включения исторических фортификационных сооружений в систему туризма и повышения эффективности действующих объектов следует разработать рекомендации по архитектурно-планировочной организации туристских комплексов, создаваемых на основе исторических фортификационных сооружений, которые должны включать требования и рекомендации по определению границ территории комплекса, по архитектурно-композиционной, функциональной, ландшафтной и транспортно-пешеходной организации, размещению и вместимости объектов туристской инфраструктуры, инженерному обеспечению комплекса.

Требования по архитектурно-композиционному решению туристских комплексов следует разрабатывать исходя из внешнего облика сооружений комплексов с учетом целостного восприятия исторических фортификаций и новых объектов, малых архитектурных форм, покрытий дорожек, опор освещения и пр. Также следует разработать предложения по составу, вместимости и размещению объектов обслуживания туристов: музейно-экскурсионного обслуживания, сувенирной торговли, объектов питания, проживания, культурно-развлекательных объектов, транспортного обслуживания, научно-методических рекомендаций, финансового обслуживания, информационного обслуживания, организации туризма, охраны правопорядка и оказания медицинской помощи, объектов административного и хозяйственного назначения.

Требования по организации транспортных и пешеходных связей должны регламентировать параметры подъездных путей и въезда на территорию

туристского комплекса, парковок для автотранспорта, внутренних проездов, велопарковок, пешеходных связей.

Для сохранения исторического ландшафта фортификационных сооружений и включения его в общую систему туристского комплекса, следует соблюдать требования по архитектурно-ландшафтному проектированию, которые включают вопросы предпроектных исследований (архивно-библиографических и натурных) исторического ландшафта; его реновации (работы по восстановлению исторического ландшафта, удаления малоценных диссонирующих насаждений, сохранение ценных в историческом, природном, композиционном отношении насаждений и форм ландшафта, водных систем).

Подводя итоги, следует отметить, что проблем много, но они решаемы. А наше государство в лице подведомственных организаций оказывает всевозможную поддержку на этом пути.

Bogdanovich Eduard Antonovich
Director of the institution "Belarusian State Museum of Folk Architecture and Life"

TOURIST POTENTIAL OF HISTORICAL FORTIFICATION STRUCTURES AND THEIR DEMAND IN THE TOURISM SYSTEM OF BELARUS

Key words: *Fortification structures, fortresses, tourism, palace and park ensembles, memorial complexes, recreational facilities.*
Annotation. *Fortification structures are not only military objects, but also often become monuments of history, culture, architecture. In Belarus, fortification monuments are among the most visited museums and historical and cultural heritage sites by tourists. One of the most effective areas of modern use of monuments of fortress architecture is their inclusion in the tourism sector — the creation of tourist complexes on their basis. In order to preserve the historical landscape of fortification structures and include it in the general system of the tourist complex, it is necessary to comply with the requirements for architectural and landscape design, which include issues of research of the historical landscape and work on its renovation.*

Бурменский Артем Игоревич,
старший научный сотрудник отдела научно-просветительских программ ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»

Гостев Игорь Михайлович
старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»

УДК: 94(47).05–084.9+728.8.051.8+904:72

DOI 10.54016/SVITOK.2025.37.65.004

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА, РЕМОНТОВ, РАЗРУШЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА НОВОДВИНСКОЙ КРЕПОСТИ ОТ XVIII ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ, КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРОЕКТОВ МУЗЕЕФИКАЦИИ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Ключевые слова: *Новодвинская крепость, строительство, реставрация, музеефикация архитектурного памятника*

Аннотация: *В данной статье авторы дают обзор различных аспектов истории возведения, перестроек, разрушения первой каменной бастионной крепости России с начала XVIII до начала XXI века, которые привели к формированию уникального историко-архитектурного ансамбля в окрестностях Архангельска. Акцент сделан на тех аспектах, которые легли в основу действующих проектов по ее реставрации и приспособлению.*

Среди музейных объектов Архангельского краеведческого музея есть уникальный — первая каменная бастионная и первая приморская крепость России, контролировавшая и перекрывавшая судоходный фарватер дельты Северной Двины — Новодвинская. Она расположена в 19,5 километрах от центральной части Архангельска, в Маймаксанском округе города, на острове Линской Прилук, на берегу Корабельного рукава.

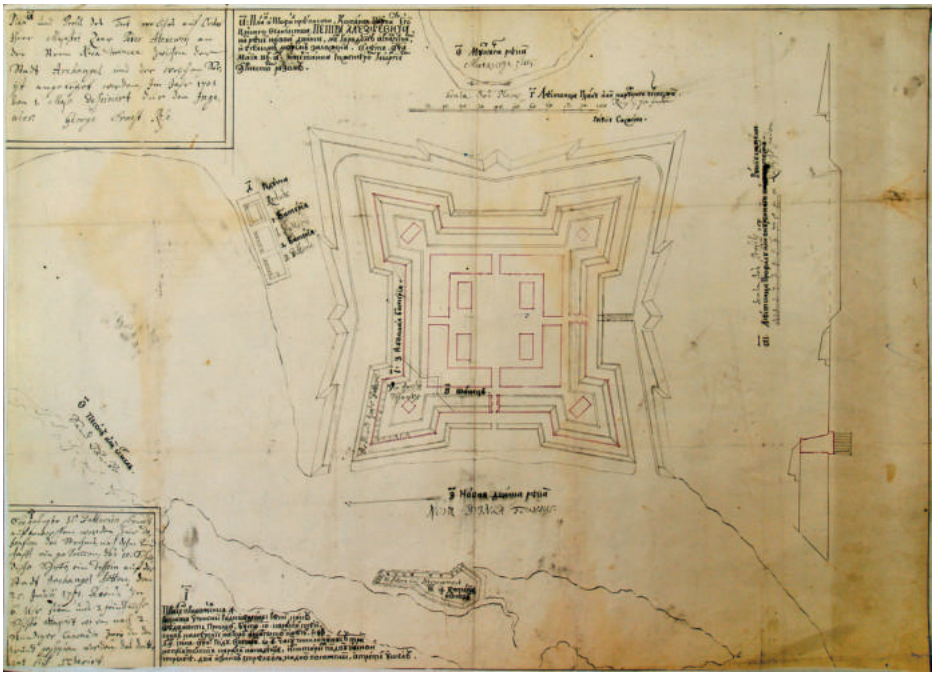


Рис. 1 План и профиль крепости с кратким отчетом о бое 25 июня 1701 года. Декабрь 1701 года. Г. Резе. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

Крепость начала возводиться в начале Северной войны из-за опасения нападения на единственный морской порт Российского государства. 17 декабря 1700 года Петр I указал «боярину и воеводе князю Алексею Петровичю Прозоровскому, на Малой Двинке речке, где бывает для обережи караул, построить крепость вновь сидатель на тысячю человек, чтоб в ней с магасейными запасными дворами вышеписанному числу людей быть было удобно». [7, л. 11] Автором проекта и руководителем строительства стал инженер-фортификатор бранденбуржец Георг Эрнст Резе. В документах он обычно выступал под искаженным именем «Егор Резен». [1, с. 16] В Архангельск он прибыл в конце апреля 1701 года, перед этим он руководил ремонтом укреплений Смоленска. Начало работ пришлось на 1 мая 1701 года. Особенностями проектирования и строительства в этом месте являлись болотистый характер почв, высокий уровень грунтовых вод, глина «плывун» в качестве геологического «материка», отсутствие каких-либо строительных материалов поблизости.

25–26 июня (6–7 июля по новому стилю) этого же года у стен строящейся крепости произошло сражение с авангардом из трех кораблей шведской эскадры, в результате которого противник оставил попытки нападения на город-порт, а два корабля неприятеля оказались захвачены. (Рис. 1) Новодвинское сражение стало первой крупной победой России в Северной во-

йне, первым военно-морским триумфом. Недаром царь в письме к своему соратнику, другу детства и бывшему архангельскому воеводе Ф. М. Апраксину написал о победе: «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилося у города Архангельскова зело чюдесно… Сим нечаянным счастием поздравляю вам; где чего не чаяли, Бог дал».[6, с. 440] Такая реакция Петра I требует пояснения: Архангельск был не просто единственным на то время морским портом, обеспечивающим связь со странами западной Европы, дело в том, что именно через Архангельск в Россию попадали оружие и стратегические материалы, которых остро не хватало — свинец, олово, селитра. Прекращение поставок обеспечило бы победу Швеции, чего никак нельзя было допустить.

Для скорейшего возведения стратегического объекта и обеспечения его финансами, рабочей силой и материалами к строительству были приписаны многие посады и земли Русского Севера. Их итоговое число на пике строительства достигло четырнадцати. В среднем, в разгар строительного сезона на различных участках использовался труд около 5 тысяч человек. В 1702 году, во время третьего приезда Петра I, количество задействованных людей достигло 10 тысяч, которые в тот год были заняты не только на возведении крепости, но и в адмиралтействе, а также на строительстве дорог, в том числе знаменитой «Осударевой дороги» от берега Белого моря к Повенцу — дороги, по которой Петр приведет войска к Нотебургу и возьмет его приступом, закрепившись на Неве.

Несмотря на большой объем ежегодно вкладываемых средств, строительство завершилось только в 1721 году. Так белокаменная эскарпная стена главного вала, протяженностью более 1500 м, высотой 6,4 м, толщиной в основании 3,2–3,4 м, с тремя воротными комплексами была возведена за три строительных сезона (май-сентябрь) и завершена в первые дни четвертого года работ. Из всех объектов дольше всего возводился комплекс водяного рва (1705–1709 годы), быстрее всего — деревянная церковь Петра и Павла в центре крепостного двора, которая была возведена на глазах у государя в мае-июне 1702 года. За счет грамотного менеджмента и использования высоких строительных технологий того времени удалось избежать серьезных потерь, массовых болезней среди рабочих, сохранить высокие темпы и качество строительства. Доказательством этому служит то, что крепостной ограде капитальная перестройка за полтора века не потребовалась, требовались только текущие ремонты и вычинка каменной кладки для замены отдельных камней, подвергшихся расслоению. (Рис. 2) Так что сохранившиеся участки кладки стен являются подлинными произведениями строительного искусства XVIII века, которыми туристы могут наслаждаться до сих пор.

С самых первых дней строилась не просто бастионная крепость, а комплекс фортификационных сооружений, включающий отдельно стоящие

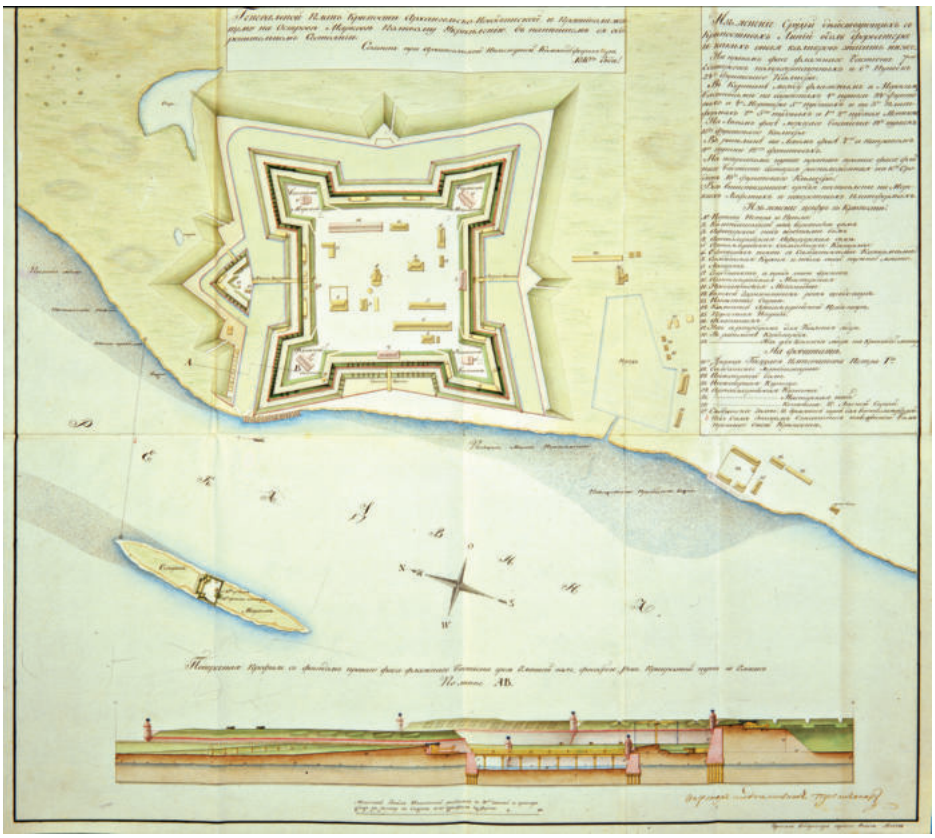


Рис. 2. Генеральный план Архангельско-Новодвинской крепости.
1810 год. Третьяков. РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1862.

артиллерийские батареи и редут, что было ранним прототипом фортовой крепости. Однако Новодвинская крепость не стала фортовой, как Кронштадт, а стала основой создания глубокоэшелонированного укрепленного района береговой обороны, пожалуй, первым в своем роде. Окончательно система укрепрайона была продумана и возведена в 1800–1801 годах под руководством инженер-генерала П. К. Сухтелена, и в дальнейшем совершенствовалась его учениками. [3, с. 116] Именно эта система обороны стала неприступной преградой для англо-французской эскадры в годы Крымской (Восточной) войны в 1854–1855 годах, когда передовая батарея укрепрайона пресекла несколько попыток прорыва и высадки вражеского десанта. [4, с. 71; 5, с. 293–295]

Если переходить к особенностям строительства, непосредственно связанным с сохранностью и возможностью музеефикации памятника, необходимо отметить следующее. Во-первых, в качестве основы сооружений выступали строительные материалы с разной долговечностью: древесина,

кирпич, известняк, железо, булыжник, грунт, глина, дерн. Основной вал (включая отдельно стоявший северный равелин)с контрфорсами выложен на фундаменте из известнякового плитняка, с заполнением из колотого известняка, булыжника, битого кирпича, залитого известняковым раствором между облицовочными известняковыми блоками, укрепленными кованными железными тягами. Фундамент выложен на поле деревянных свай. Стенки набережной, батардо, эскарпа и контр-эскарпа рва отличались от главного вала отсутствием заполнения раствором. Они полностью выложены из блоков, скрепленных металлическими скобами и пиронами. Главный вал сформирован из земли с глиной, обложенной дерном таким образом, чтобы сформировать валганг под установку артиллерийских орудий и прикрывающий их двухметровый бруствер. Внутри вала было также устроено 12 сутеренгов –казематов с бассейнами-накопителями воды, которую можно было использовать для охлаждения артиллерийских орудий, а также две отдельные подземные трубы. Все подземные, внутривальные сооружения, а также три воротных проема выкладывались в виде арок из известняковых блоков с гидроизолирующей обмазкой: трубы под землей — из раствора и глины, внутривальные сооружения — смола и береста.

На территории самого ансамбля крепости, без учета форштата, (12,25 гектара) все здания, кроме укреплений, можно разделись на три вида:

– кирпичные здания на фундаменте из известняковых блоков и бута (подробнее далее) — 4 пороховых погреба, два жилых дома над воротами, артиллерийский цейхгауз, две ядрокалильные печи;

– деревянные здания из бревен или бруса на каменном фундаменте (две батальонные казармы, гауптвахта);

– полностью деревянные здания либо на деревянных сваях, либо без свай вообще (ротные цейхгаузы, магазейны, церковь Петра и Павла, всего около 10 зданий).

Кирпичные здания выстраивались на выкладывавшемся поверх фундамента цоколе из известняковых блоков аналогичной большой толщины. Помещения внутри них (кроме цейхгауза) перекрывались арочными сводами, поверх которых устраивались перекрытия кровли. Все остальные элементы (внутривальные пороховые погребки, подъемные мосты, причал, палисад у гласиса, флажная башня, площадки под установку орудий на валах и т.п.), включая здания на форштате, располагавшемся южнее крепости, возводились из дерева.

Крепость расположена рядом с морем, во влажной среде с большим количеством осадков во все четыре сезона года, большим количеством талой воды весной, периодически случавшимися штормами и наводнениями. Поэтому небольшие ремонты проходили постоянно на 1–3 объектах одновременно силами местной инженерной команды. Для кирпичных зданий

Рис. 3. Руины Комендатского дома в крепости. 1913 год.
Фото П. Покрышкин. ИИМК РАН. II-34272

это были, как правило, перекладки печей, дымоходов, полов, замена крыш и т.п. Деревянные здания стандартно через каждые 20 лет полностью раскатывались, и собирались снова с заменой сгнивших бревен. При подобных ремонтах часто применялись новые технологии. Так при замене деревянных крыш на металлические в начале XIX века впервые в Архангельске были установлены громоотводы.

Новодвинская крепость была закрыта по указу Александра II в 1863 году. В 1865 году её передали Архангельской епархии для устройства женского духовного училища. Не выполнив данное условие, епархиальные власти начали разбор недвижимости на стройматериалы. Были демонтированы металлические крыши, разобраны все деревянные строения, кроме церкви Петра и Павла (сгорела в 1877 году). Успели разобрать на кирпич несколько отдельно стоящих зданий, своды вторых этажей домов над воротами и их крыльца, а также эскарпные и контр-эскарпные каменные стенки крепостного рва. (Рис. 3)

Данный этап целенаправленного разрушения крепости был остановлен в 1897–1898 годах, когда с жалобой в столицу обратился один из горожан. Было возбуждено следствие, крепость обследовала комиссия губернатора. В 1911 и 1913 году крепость посетил известный архитектор, реставратор Петр Петрович Покрышкин. Он составил описание памятника, провел первую фотофиксацию сохранившихся объектов. Благодаря его усилиям в 1914 году Новодвинская крепость была включена в список «выдающихся памятников» Российской империи. Начавшаяся Первая мировая война нарушила планы первой реставрации.

После Гражданской войны объект пустовал в 1920-х годов. С 1930 года на его территории начали разворачиваться советские пенитенциарные учреждения. Сначала подростковая трудовая коммуна, с 1938 года колония для несовершеннолетних преступников. В стенах крепости с середины 30-х размещался Спецзавод НКВД № 1 «Конвейер», сильно повлиявший на современное состояние памятника. Вся территория внутри рва была застроена цехами, складами и службами завода. Некоторые сохранившиеся здания были полностью разобраны на стройматериал, земляные и каменные валы частично срывались, оставшиеся строения и помещения перестраивались под производственные нужды, нарушилось поступление воды в ров, продолжилась изъятие облицовки стен.

В 1931 году Новодвинскую крепость посетил известный архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский. Им была вывезена металлическая опускная решетка (герса). Сейчас она выставлена на основной экспозиции Государственного исторического музея (Москва), а из самого Архангельска — путевой деревянный дворец Петра I, долгое время стоявший за стенами крепости (сейчас известен как «домик Петра I» в парке Коломенское).

Все эти усилия привели к внесению Новодвинской крепости в список памятников архитектуры республиканского значения, подлежащих охране постановлением Совета министров РСФСР в 1947 году. В 1960 году при расширении этого списка данный статус был подтвержден. Оба постановления включали пункты об обязательствах пользователей сохранять архитектурное наследие и изыскивать средства на реставрацию. Уничтожение памятника это остановило лишь частично. Разборка сооружений сменилась планировкой территории под новые цеха и дороги. С послевоенного периода вся территория стала покрываться пластами строительного мусора, промышленных и бытовых отходов, скрывшими культурный слой [2, с. 21–23].

Первая попытка составления проекта реставрации памятника специалистами из Москвы и Санкт-Петербурга состоялась в 1993 году; производство первых обмеров сохранившихся объектов в 2001–2002 годах, пока на его территории продолжала действовать Исправительная колония № 7 ФСИН РФ. Только в декабре 2007 года объект был передан в ведение Архангельскому областному краеведческому музею. В 2008–2009 годах начался первый этап противоаварийных и археологических работ. В 2010 году был составлен первый проект по реставрации Комендантского дома (корпуса) с Двинскими воротами и Порохового погреба Флажного бастиона. В 2011 году был составлен проект туристического маршрута на крепость и возведены специальные переходы и ограждающие конструкции. В 2012 году возрождена традиция празднования дня небесных покровителей царя — Петра и Павла (12 июля): на месте церкви установлен памятный крест, ежегодно проводятся музейные мероприятия. В 2013–2015 годах

проводились базовые работы по реставрации Комендантского дома, который должен стать основой для размещения на территории ОКН полноценного филиала. В 2021 году Бурменский А. И. в составе группы инженеров и архитекторов ООО «Территория памятника» (Москва) принял участие в составлении проекта противоаварийных работ, предусматривающего понижение слоя балласта советского периода. В основу расчетов объемов слоя балласта легли данные, полученные в ходе археологических раскопок 2008–2019 годов, и дополнительных работ, которые были проведены в 2021 году. Уборка балласта началась осенью 2022 года и проводится на момент выхода статьи. Также в 2021 году автором на основании результатов археологических работ поставлен на охрану культурный слой XVIII — первой половины XIX века, который включает не только все территории, занимавшиеся укреплениями, но и прилегающую территорию поселка при крепости (форштата), инженерные строения и крепостное кладбище. На данный момент, все земельные работы, проходящие в границах объекта археологического наследия, должны сопровождаться составлением соответствующего раздела по обеспечению его сохранности. В 2022 году специалистами из Санкт-Петербурга составлен мастер-план по развитию туристического кластера самой крепости и прилегающей территории поселка Конвейер. Проект учитывает не только современное расположение инфраструктурных и жилых объектов, но и исторических строений, некоторые из которых предполагается восстановить или имитировать, приспособив под прием посетителей.

В 2023 году начал разрабатываться проект завершения реставрации и приспособления Комендантского корпуса. Некоторые материалы для которого были подготовлены и дополнительные исследования проводились с участием авторов данного доклада. В частности: на первом этаже для прослеживания состояния фундаментов (предыдущие работы проводились в 2009 году), мест расположения некоторых объектов и состояния полов были заложены пять шурфов. В ходе работ выяснилось, что высота цоколя под кирпичными стенами Комендантского и Офицерского корпусов не превышает 0,4 м. Цоколь устанавливался на плоские известняковые плиты до 15 см толщиной. Ширина их редко сильно превышает ширину самой несущей стены. Внутри воротного проема и в боковых помещениях уложен более изящный вариант — квадратная плитка 0,6×0,6 м. На некоторых участках фундамент сплошной, на остальных — ленточный. Помещения первого этажа, не оснащенные покрытием из фундаментной плитки, имели пол из стенного кирпича, выложенный «ёлочкой». Основной фундамент представляет из себя навал из разноформатных крупных известняковых осколков, нижние из которых опираются на сваи из сосны и лиственницы средним диаметром до 20 см. Фундамент имеет мощность 1,2 м, превышающую толщину торфяных отложений. Сваи находятся ме-

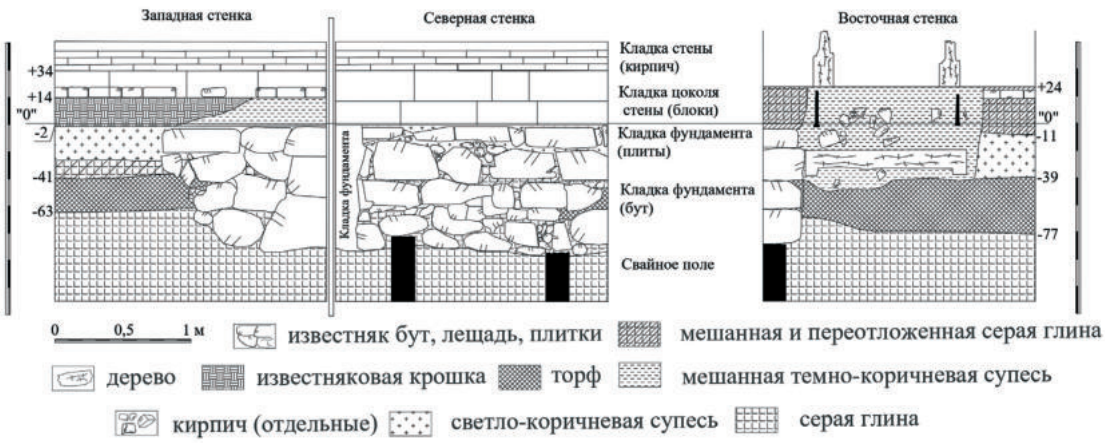


Рис. 4. Стратиграфия шурфа №3 (угол помещения с остатками печи первого этажа Комендантского дома). Условный «0» и высотные отметки даны по балтийской системе высот. Автор: Бурменский А. И. Археологические работы 2023 года. Публикуется впервые.

тром ниже уровня моря в глинистых отложениях. Их гниение исключено. Несущая способность высокая. Восстановление печей и полов также возможно при необходимости в процессе реставрации (Рис. 4).

Проекты понижения балластного слоя и реставрации зданий связаны между собой: без первого нецелесообразно начинать работы над вторым. Результаты этих работ помогут продолжить и далее реализовывать «Стратегический план сохранения и развития Архангельской Новодвинской крепости 2011–2025 годов», разработанный сотрудниками Архангельского краеведческого музея. В настоящее время срок реализации плана сдвинут до 2030 года.

Список источников и литературы

1. Гостев И. М. GeorgeErnestRese, Ingenieur Бранденбургский инженер Георг Эрнест Резе // Архангельская старина. Популярный исторический журнал. 2010. № 2. С. 34–37
2. Гостев И. М. История разрушения Новодвинской крепости // Архангельская старина. Популярный исторический журнал. 2010. № 3. С. 16–27.
3. Гостев И. М. Командировка инженер-генерала Петра Корниловича фан Сухтелена в Архангельск 1800–1801 гг. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: Статьи и материалы III и IVмеждунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 20–22 сент. 2012 г., 15–17 сент. 2016 г. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 106–116..
4. Давыдов Р. А. Канонерские лодки в системе обороны Архангельска в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 70–72.

5. Давыдов Р. А. Враг у ворот: оборона о. Мудьюг в 1855 г. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2: Статьи и материалы III и IV междунар. науч.-практ. конф. «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 20–22 сент. 2012 г., 15–17 сент. 2016 г. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 293–295.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1.— № 366.— СПб.: Государственная типография, 1887.— 998 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. Оп. 8. Д. 333.

Список сокращений

ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Burmenskiy Artem Igorevich
Senior Researcher at the Arkhangelsk local history museum

Gostev Igor Mikhailovich
Senior Researcher at the Arkhangelsk local history museum

CONSTRUCTION, REPAIRS, DESTRUCTION AND RESTORATION HISTORY OF THE ARCHITECTURAL COMPLEX OF THE NOVODVINSKAYA FORTRESS SINCE THE XVIII CENTURY, AS THE BASIS FOR MUSEUMIFICATION AND ADAPTATION PROJECTS

Key words: *Novodvinskaya fortress, construction, restoration, museumification of an architectural monument.*
Summary: This article is an overview of different historical aspects of the construction, rebuilding, and ruinedthe first stone bastion fortress in Russiafrom the beginning of the XVIII to the beginning of the XXI century. These various things led to the appeared of a unique historical and architectural ensemble near Arkhangelsk. The authors described different aspects, that were initiatedrestoration and adaptationprojects, which realized nowadays.

Вербовский Андрей Валерьевич
Старший научный сотрудник научно-методического отдела охраны памятников археологии ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей»

УДК 72.03

DOI 10.54016/SVITOK.2025.57.88.005

ДЕРЕВЯННОЕ ОБОРОННОЕ ЗОДЧЕСТВО ПОДОНЦОВЬЯ: СОЗДАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Ключевые слова: *деревянная крепость, оборонное зодчество, Среднее Подонцовье, город Царев-Борисов, Торская крепость, графическая реконструкция, музейная экспозиция.*

Аннотация*: Донецкий республиканский краеведческий музей, находясь в фарватере современных тенденций музейной образовательной деятельности, ориентирован на работу со всеми категориями посетителей, в том числе и с представителями научного сообщества. При формировании контента для музейного мультимедийного оборудования, способного заинтересовать историков, археологов и краеведов, используются различные варианты визуальной информации, в том числе и графические реконструкции. Для вновь строящегося зала «Заселение и хозяйственное освоение Донецкого края в XVII — первой половине XIX века» создаются рисунки-реконструкции деревянных оборонных укреплений Среднего Подонцовья: города Царев-Борисов и Торской крепости.*

При формировании экспозиций в Донецком республиканском краеведческом музее основной акцент делается не только на максимальном насыщении зала аттрактивными экспонатами, но и на внушительном количестве графического материала, связанного с представленной эпохой в истории Донецкого края. Для создания «картины эпохи» используется музейно-образный метод, объединяющий в себе принципы коллекционного, иллюстративного и ансамблевого методов [1, с. 46]. Создаются диорамы, макеты, графические реконструкции и т.д. При этом одна из ключевых задач

Рис. *1.* Рисунки, *иллюстрирующие процессы изготовления и использования древним человеком кремневых орудий*

специалистов, формирующих экспозицию,— заинтересовать материалами экспозиции как можно большее количество различных групп посетителей: от детских групп младшего возраста до специалистов по истории региона. Специалисты по формированию музейного пространства и созданию графических материалов для музейной экспозиции, не ограничиваясь простым размещением экспонатов, на сегодняшний день участвуют, как в разработке научной концепции, так и в написании на ее основе музейного сценария с его художественной интерпретацией [2, с. 482].

Так, например, в зале археологии № 1 «Человек и кремень. Освоение края в каменном веке» по созданной экспозиции можно провести несколько вариантов экскурсий с разным информационным наполнением:

– об особенностях возникновения, расщепления кремня и его использования древним человеком;

– о специфике работы археологов при раскопках различных памятников археологии: курганов, поселений, стоянок первобытного человека;

– об эволюции человеческой руки и, связанных с этим особенностями, работ по созданию и использованию кремневых изделий [3]. Для разработки этой темы музейным художником были сделаны рисунки, иллюстрирующие процессы изготовления и использования древним человеком кремневых орудий (рис. 1).

В зале «Человек и металл. Донецкий край в эпоху меди и бронзы» при создании экспозиции для решения проблемы визуализации особенностей курганной археологии Донбасса сотрудниками отдела охраны памятни-

Рис. 2. *Реконструкция* конской узды с костяным псалием, макет курганной группы

ков археологии было отдано предпочтение созданию объемного макета курганной группы (рис. 2).

Макет, спроектированный и воплощенный сотрудниками отдела охраны памятников археологии, представляет собой «двугорбый» курган с перемычкой между двумя насыпями, в которой расположена каменная циста с погребением срубной культуры и отдельно стоящего кургана с уникальным захоронением эпохи поздней бронзы и впускным захоронением киммерийского воина. Данная конструкция представляет собой макет «идеальной» курганной группы, включающей в себя реконструкции одиннадцати погребений культур эпохи бронзы, погребения раннего железного века и средневекового святилища. «Собранная» курганная группа включает в себя реконструкции погребений, имеющих в своей основе материалы археологических раскопок. Объемные изображения захоронений ямной культуры, катакомбных культур, культуры Бабино, срубной культуры расположены в макете в соответствии с ориентацией по сторонам света реальных захоронений. При этом, показаны сооружавшиеся в погребениях каменные и деревянные конструкции, а также наиболее крупные и выразительные предметы погребального инвентаря. [4, с. 9, 44]. Информационная наполненность созданного макета позволяет не только приобщить неподготовленного посетителя музея к знаниям о погребальных обрядах древних культурных общностей Донбасса. Данную реконструкцию можно также использовать в проведении лекционных занятий для студентов гуманитарных факультетов [5, с. 22].

В новом создающемся зале «Заселение и хозяйственное освоение Донецкого края в XVII — первой половине XIX века» большая часть экспозиционного пространства выполнена с расчетом на восприятие неподготовленного посетителя. Поэтому, было принято решение, научную информацию представить в современных средствах подачи материла: информационном киоске и сенсорной панели, а также другом интерактивном оборудовании. Информационным наполнением мультимедийного оборудования, наряду с другими материалами, стали графические рисунки-реконструкции сооружений деревянного оборонного зодчества северной части Донецкого региона. Деревянные крепости, строившиеся в Среднем Подонцовье, являлись самыми южными оборонными сооружениями России. Особенность освоения степных земель на южной окраине России в XVI–XVII веках заключалась в первоначальном появлении укрепленных городов, вокруг которых впоследствии возникали сельские округи. В 1599 году на Среднем Донце был построен город, получивший название Царев-Борисов, в честь царя Бориса Годунова [6, с. 308]. Постройка укрепленного города Царев-Борисов стала ключевым событием для включения в административную систему Российского государства всего Среднего Подонцовья [7, с. 137].

Для создания графической реконструкции сооружений деревянного оборонного зодчества используются:

– нарративные источники (описи, росписные списки и пр.);

– визуальные источники (карты, рисунки, чертежи, созданные в описываемую эпоху);

– археологические источники (отчеты археологических экспедиций, публикации археологов).

Помимо этого, учитывается опыт предыдущих реконструкций.

В случае с созданием рисунков-реконструкций Царева-Борисова мы ограничены в исторической информации о внешнем виде городских укреплений письменными источниками. Визуальные источники, сохранившиеся до наших дней, не могут предоставить достаточной информации для создания реконструкции. А археологические работы, проводившиеся на месте городских укреплений, не отражены должным образом в научных публикациях. В источнике указано, что сам город представлял собой четырехугольник, вытянутый с востока на запад. Восточная стена, тянувшаяся от реки Оскол на север, имела в длину 86 саженей. Противоположная ей стена, находившаяся на возвышении со стороны притока Оскола — Бахтина Колодезя составляла те же 86 саженей. Южная стена, обращенная на Оскол, была самой длинной и составляла 124 сажени. Длина северной стены города — 106 саженей. Городские укрепления, рубленые тарасами (городнями), включали в себя девять башен: семь глухих и две проезжих. [8, с. 49]. В острожную стену, возведенную вокруг посада, было встроено четырнадцать башен. Из них одиннадцать башен были «глухими», три —

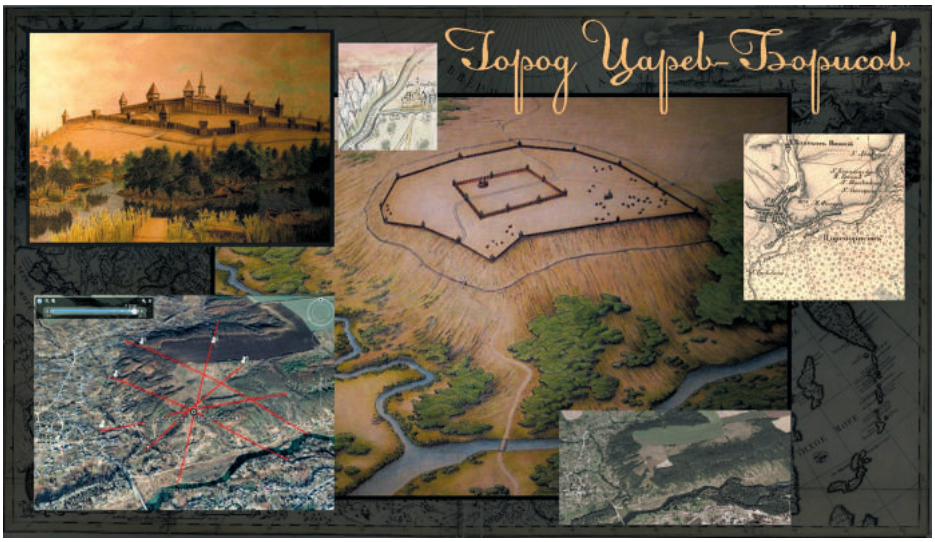


Рис. 3. Графические реконструкции города Царев-Борисов, съемка местности веб-сервиса «Google Earth», графические источники

проезжими (одна четырехугольная и две шестиугольные). Если с построением трапеции, которую представляет собой в плане городская стена, особых сложностей не возникает, то для точного изображения конфигурации острожной стены, информации явно недостаточно. Информация, имеющаяся в исторических источниках и историографических работах, позволяет создать изображения, дающие лишь общее представление о том, как мог выглядеть Царев-Борисов с противоположного берега Оскола. Для реконструкции оборонных укреплений города в ракурсе «с птичьего полета» были задействованы доступные веб-сервисы («GoogleEarth», «Яндекс.Карты») с использованием инструментов, позволяющих получить представление о рельефе местности (рис. 3).

Иная ситуация складывается с созданием рисунка-реконструкции Торской крепости на основе нарративного материала. В описи 1683 года дана подробная информация об устройстве оборонного сооружения. «Город Соленой ставлен острогом стоячим, дубовым и сосновым лесом вверх. По мере тот острог 2 сажени без чети. По городу 2 башни с проезжими вороты, 4 башни — глухих. Башня Московская проезжая, что от Мояцкого…». Далее подробно дается описание башен в саженях и количестве венцов, а также расстояния от одной башни до другой в саженях. Эта информация позволяет высчитать трапецию, которая представляет план Торской крепости (рис. 4).

Уточнения формы трапеции могут дать лишь археологические изыскания, которые затруднены современной застройкой, находящейся на месте оборонного сооружения. В целом, созданная на основе нарративного

Рис. 4. Скан-копии графического и нарративного источников, план и графическая реконструкция Торской крепости

источника реконструкция, повторяет предыдущий опыт исследователя В. В. Давыденко, но с некоторыми уточнениями (автор изобразил башни с четырехскатными крышами, взяв за основу конструкции башен в книге Н. П. Крадина, в то время как источник сообщает, что башни были не покрыты) [9]. Вышеуказанная опись Торской крепости 1683 года — не единственный исторический документ, описывающий это оборонное сооружение. Существуют и другие нарративные и графические источники. Это дает нам возможность создавать следующие варианты реконструкции оборонных сооружений для последующей их демонстрации в хронологическом порядке. Дальнейшая научная работа историков, археологов и краеведов Донбасса позволит продолжить наполнение мультимедийного оборудования новыми материалами по истории края.

Таким образом, Донецкий республиканский краеведческий музей ориентирован на работу со всеми категориями посетителей, в том числе и с представителями научного сообщества. Стараясь находиться в фарватере современных тенденций музейной образовательной деятельности, (в частности, в edutainment — подходе, успешно практикуемом в мировых музеях) [10, с. 127] мы направляем свои усилия на усвоение посетителем музея информации в той форме, которая соответствует его интеллектуальному уровню.

Список источников и литературы

1. Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). М: Изд-во Российского института культурологии, 1997.— 174 с.

2. Кальницкая, Е. Я. Театральная режиссура как метод дизайнерского проектирования музейного пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение.— 2018.— Т. 8, № 3.— С. 480–507.
3. Данилова Е. И. Эволюция руки.— Киев: Вища школа. Головное изд-во, 1979.— 368 с.
4. Вербовский А. В. Показ специфики курганной археологии в музейной экспозиции: макет «идеальной» курганной групп// Материалы научно-практической конференции «Локтюшевские чтения — 2022».— Луганск, 2022.— С. 39–46.
5. Вербовский А. В., Горбатенко Е. А. Проектирование зала археологии эпохи бронзы: теоретические основы и реалии воплощения // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции.— Том 7: Исторические и политические науки. Часть 2.— Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023.— С. 20–22.
6. Музейный вестник республики. № 1 Донецк: Типография «РА ДОН», 2017.— 495 с.
7. Чепига Г. Г. Северный Донбасс в экономической и политической системе Российского государства в XVI–XVII вв.: юрты, сторожи, города на Поле. Viaintempore. История. Политология, 48 (1): 132–140.
8. Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства М.: Типография университета, 1887.— XVI; 614 с.
9. Давыденко В. В., Зоря А. Н. К исторической топографии крепости Тор XVIII века (исторические и археологические реалии) // Святогорский альманах 20Сборник научных трудов. КУ «Государственный историко-архитектурный заповедник в г. Святогорск».— Харьков: Федорково, 2017.— С. 116–150.
10. Сгибова А. Ю., «Посетитель музея» и проблемы формирования музейной деятельности // Ценности и смыслы. Том 3. № 31.М.: [б.и.], 2014. С. 120–130.

Verbovsky Andrey Valerievich
Senior researcher of the scientific and methodological department for the protection of archaeological monuments State Budgetary Institution of the DPR "Donetsk Republican Museum of Local History"

WOODEN DEFENSIVE ARCHITECTURE OF PODONTSOVYE: CREATION OF GRAPHIC RECONSTRUCTIONS AND THEIR USE IN A MUSEUM EXPOSITION

Key words: *wooden fortress, defensive architecture, Middle Podontsovye, the city of Tsarev-Borisov, Torskaya fortress, graphic reconstruction, museum exposition.*

Annotation. *The Donetsk Republican Museum of Local History, being in the wake of modern trends in museum educational activities, is focused on working with all categories of visitors, including representatives of the scientific community. When creating content for museum multimedia equipment that can interest historians, archaeologists and local historians, various options for visual information are used, including graphic reconstructions. For the newly built hall "Settlement and Economic Development of the Donetsk Region in the 17th — First Half of the 19th Century", drawings-reconstructions of wooden defensive fortifications of the Middle Dontsovye are being created: the city of Tsarev-Borisov and the Torskaya fortress.*

Друпов Алексей Юрьевич
ведущий научный сотрудник ГУ «Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта»

УДК 623.1+351.853.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.56.32.006

КРЕВСКИЙ ЗАМОК: РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКА XIV В. С СОХРАНЕНИЕМ НАСЛЕДИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *Кревский замок, Первая мировая война, долговременная огневая точка, реставрация, консервация.*

Аннотация: *Кревский замок, построенный в 1330-х годах, во время Первой мировой войны в августе 1915 г. был захвачен подразделениями немецкой армии. Он стал одним из ключевых укреплений первой линии обороны. Здесь были возведены блиндажи и долговременные огневые точки. В настоящее время, благодаря совместной работе историков, археологов и архитекторов, удалось сделать многое для сохрания наследия Первой мировой войны в замке. Уникальный объект, средневековый замок со встроенными в него укреплениями Первой мировой войны в будущем может стать одним из значимых мест туристических маршрутов, проходящих через эту местность Беларуси.*

Кревский замок был построен в 30-е годы XIV века в местечке Крево (Сморгонский район, Гродненская область, Республика Беларусь) как резиденция Великого князя Ольгерда. Он представляет собой неправильную трапецию, с размещёнными по диагонали двумя башнями. В северном углу замка находится Княжеская башня, которая выступает за периметр стен. Башня имела четыре яруса и высоту около 25 метров. В южном углу находится Малая башня, расположенная внутри периметра стен, она также имела четыре яруса. Изначально в замке были возведены только стены, к которым позднее были пристроены башни [2, с. 32]. Высота стен замка достигала 12 метров, толщина — 2,75 метра. В северо-западной стене находились главные замковые ворота, в юго-восточной размещались ещё одни.

По состоянию на начало XX века замок сохранился в относительно неплохом состоянии: имелся лишь пролом в восточном углу замка, а также

Рис. 1. Каменно-бетонный пулеметный столик в ДОТе юго-западной стене замка.

в юго-восточной стене Княжеской башни, Малая башня была разрушена до уровня высоты стен. Основные свои разрушения замок получил во время Первой мировой войны, так как находился непосредственно на линии фронта.

Замок стал одним из ключевых укреплений первой линии обороны германской армии. Германская армия приспособила замок к обороне: с наружной стороны северо-западной стены и с внутренней стороны юго-восточной стены были сооружены деревянные блиндажи. В Малой башне, которая выходила на линию фронта, был сооружен бетонный пулемётный ДОТ на одну амбразуру. С целью прикрытия правого фланга к юго-западной стене был пристроен пулеметный ДОТ на одну амбразуру из бутового камня. Этот ДОТ является уникальным объектом, так как в нем сохранился каменно-бетонный пулеметный столик со следами деревянных балок крепления поворотного пулеметного станка (Рис. 1.). Фронт Первой мировой войны стал большим полигоном, где развивалась полевая фортификация, находились новые решения. Концепция поворотного пулеметного станка в дальнейшем стала основой для фортификационных школ большинства европейский государств, в том числе и СССР. Но начинались поиски этих решений на фронтах Первой мировой войны. На германо-российском фронте в границах Беларуси на данный момент не известно ни одного ДОТа с такой конструкцией пулеметного столика. Аналогии на фронте встречались на территории 41-го резервного корпуса (в районе Пинска), но в деревоземляной огневой точке [4, с. 206]. Германские же фортификационные наставления рекомендовали сооружать в бетонных укреплениях деревянный пулеметный столик, на который пулемет устанавливался со своим заводским станком [5, с. 45]. Таким образом, мы имеем по-настоящему уникальный объект истории фортификационной мысли, запечатлевший процесс её развития и кристаллизации новых идей.

Оба ДОТа дошли до наших дней в поврежденном состоянии: были повреждены бетонные перекрытия, в ДОТе в Малой башне повреждена тыльная стена каземата, отсутствовали листы гофрированного железа, которое использовалось в качестве опалубки и одновременно противооткольного покрытия.

Наибольшие разрушения замок получил во время Июльского наступления 1917 года. Местом главного удара был выбран участок фронта на линии Крево-Сморгонь. Русская императорская армия к операции гото-

вились основательно, на участке фронта было сосредоточено более 800 орудий различного калибра. Под Крево были доставлены две 12-дюймовые (305 милимметров) гаубицы, общее количество орудий, сосредоточеных для артиллерийского обстрела Крева составляло 284 единицы [1, с. 22]. Артиллерийская подготовка к наступлению началась 19 июля 1917 года и продлилась три дня. Это был самый крупный артиллерийский обстрел Русской императорской армии за всю Первую мировую войну. В ходе этого обстрела в замке была разрушена Княжеская башня, сильно пострадала юго-восточная стена, частично разрушены северо-восточная и юго-западные стены. В таком состоянии замок дошел до наших дней.

В 2017 году в замке начались работы по консервации с реставрацией. По состоянию на начало 2024 года в замке отреставрированы три стены, начались работы на юго-восточной стене, самой разрушенной. В процессе реставрации стен производилось укрепление фундаментов, восстановление лицевой кладки, восполнение утраченных фрагментов. Все стены накрыты консервационной крышей. В северо-восточной и юго-западной стенах восстановлены ворота. Также за этот период были законсервированы руины Княжеской и Малой башен.

В процессе работ на Малой башне в торце стены были выявлены кирпичные ступени и заложенный проход, что свидетельствует о перестройке башни, предположительно, XV века. Ступени были укреплены и накрыты стеклянной витриной для их экспонирования.

Исследователями Первой мировой войны были высказаны свои пожелания по сохранению наследия войны при реставрации Кревского замка. Так, В. Богданов высказался за сохранение ландшафта Первой мировой войны на территории замкового двора. Он оценил замок как уникальный ландшафтный памятник периода Первой мировой войны, аналогов которому не сохранилось практически нигде [1, с. 37]. Нами была предложена концепция сохранения немецкого ДОТа в Малой башне с организацией в нем экспозиции, показывающей интерьер огневой точки, а в самой башне при её восстановлении и приспособлении под музей разместить экспозицию, посвящённую истроии Крева и замка во время Первой мировой войны [3, с. 55–57].

Совместная работа историков, археологов и архитекторов привела к тому, что в процессе реставрации в проект вносились корректировки, которые позволили сохранить наследие Первой мировой войны в замке. Так, все маршруты проезда строительной техники по территории замка а также площадки для размещения строительных материалов прокладывались с учётом сохранения рельефа Первой мировой войны, воронки от артиллерийского обстрела удалось сохранить.

При работах на Малой башне был восстановлен пулеметный ДОТ: сохранена его амбразура, восстановлена тыльная стена каземата, над ДОТом

Рис. 2. Южный угол замка, вид на Малую башню
с сохраненной амбразурой ДОТа.

залито бетонное перекрытие взамен утраченному. Юго-восточная стена башни, которая одновременно являлась фронтальной стеной ДОТа, восстановлена в высоту на уровень остальных сохранившихся стен башни. Все стены башни накрыты консервационной крышей, непосредственно над самой башней крыша не возводилась. Получилось дискуссионное решение, где в стене восстановленной башни XIV века размещается амбразура ДОТа Первой мировой войны (Рис. 2). Но такое решение позволяет отразить все периоды истории замка. На данный момент в ДОТе в Малой башне создана экспозиция, демонстрирующая артефакты Первой мировой войны, найденные на терриотории замка. Во внутреннем дворике между тыльной стеной ДОТа и северо-западной стеной башни установлены информационные стенды, рассказывающие об истории замка в Первую мировую войну.

Также удалось сохранить и полукруглый пулеметный ДОТ в юго-западной стене (Рис. 3). В процессе исследования замка этот ДОТ помог локализировать место малых замковых ворот, так как его амбразура была создана как раз в их проеме. В процессе реставрации стены был сохранен амбразурный узел с каменно-бетонным путеметным столиком. Бутовая полукруглая стена ДОТа, примыкающая к стене замка, ввиду своего плачевного состояния была разобрана и заново сложена из родного материала. В юго-западной стене над ДОТом были восстановленые малые ворота. Каземат не накрывался бетонным перекрытием, так как в будущем планируется возведение деревянного моста от ворот на двор замка. В данном случае получилось решение, при котором под восстановленными воротами средневекового замка размещается амбразура ДОТа Первой миро-

Рис. 3. Пулеметный ДОТ в юго-западной стене замка

вой войны. В будущем планируется возведение деревянных конструкций для подъёма к воротам, которые скроют собой амбразуру с внешней стороны замка, что не будет вызывать визуального диссонанса. Однако, при входе внутрь ДОТа со стороны замкового двора амбразурный узел будет прекрасно читаться. Главное, что в этом сооружении удалось сохранить оригинальный пулеметный столик с сохранившимися следами крепления деревянного поворотного пулеметного станка — уникального памятника истории развития фортификации для Беларуси.

Таким образом, при реставрации Кревского замка удалось сохранить объекты Первой мировой войны, что, по нашему мнению, значительно увеличило его туристический потенциал, позволило раскрыть один из значимых периодов в истории замка. Конечно, принятые решения можно считать дискуссионными, но благодаря им мы получили уникальный объект, средневековый замок со встроенными в него укреплениями Первой мировой войны. Своеобразный компромисс между эпохами, для иллюстрации всего богатсва истории замка. На данный моент в Сморгонском историко-краеведческом музее создан Сектор истории Кревского замка, с 2021 года замок принимает туристов. В будущем планируется восстановление Княжеской башни и организация в ней музейной экспозиции, на данный момент туристам доступен замковый двор со стендовой экспозицией, и что немаловажно, ДОТ в Малой башне с экспозицией артефактов Первой мировой войны.

Список источников и литературы.
1. Богданов, В. А. Замок на передовой // Альманах Kreva Incognita,— Минск: Альфа-книга, 2019. № 2, с. 13–37.
2. Дзярновіч, А. І. Лёс Крэва / А. І. Дзярновіч, А. А. Трусаў, І. М. Чарняўскі.— Мінск: Полымя, 1993.— 47 с.
3. Друпов, А. Ю. Предложения по сохранению наследия Первой мировой войны при реставрации Кревского замка /Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции — Смоленск: Свиток, 2022, с. 51–57
4. Das 41 Reserve-Korps: von der Somme zum Pripjat / München: R. Pipper & Co. Verlag, 1918.— 238 p.
5. Vorschriften für den Stellungskrieg für alle Waffen, Teil 1 — Stellungsbau — Juni 1916 — Berlin, 1916.

Drupov Aleksey Yuryevich
leading researcher of the State Institution «Belarusian State Museum of Folk Architecture and Life»

KREVSKY CASTLE: RESTORATION OF A 14TH-CENTURY MONUMENT WITH PRESERVATION OF THE HERITAGE OF THE FIRST WORLD WAR.

Key words: *Krevsky Castle, World War I, permanent firing point, restoration, conservation.*

Annotation. *Krevsky Castle, built in the 1330s, was captured by units of the German army during World War I in August 1915. It became one of the key fortifications of the first line of defense. Dugouts and permanent firing points were erected here. Currently, thanks to the joint work of historians, archaeologists and architects, much has been done to preserve the heritage of the First World War in the castle. A unique object, a medieval castle with built-in fortifications from the First World War, may in the future become one of the significant places on tourist routes passing through this area of Belarus.*

Дрягина Вера Борисовна
кандидат педагогических наук,
профессор ФБГОУ ВО «Смоленский
государственный университет»

УДК 711

DOI 10.54016/SVITOK.2025.17.31.007

СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТНАЯ СТЕНА. ВОЗМОЖНОСТИ РЕАДАПТАЦИИ

Ключевые слова: *крепостная стена, реадаптация, сохранение, дизайн, арт-пространство, природный парк.*

Аннотация: *В статье рассмотрены возможности сохранения и реадаптации Смоленской крепостной стены путем изменения ее функций. Устройство зеленых зон и природных парков у крепостной стены, детских городков и площадок для отдыха горожан, арт-пространств позволит сохранить исторический ландшафт, привлечь внимание горожан и необходимые средства к реставрации и сохранению крепостной стены.*

Смоленская крепостная стена — фортификационное сооружение XVI века, утратившее свое первоначальное функциональное значение, но сохранившее значимость для жителей города и истории России. Аутентичность, красота и выразительность форм и материалов стены, ее уникальное расположение на сложном рельефе Смоленска не потеряли актуальности и привлекают внимание туристов и горожан. Однако заложенный в сооружение потенциал не используется в полной мере и может быть значительно развит и увеличен посредством привлечения внимания к памятнику другими средствами.

В настоящее время ведется реконструкция, реставрация и реадаптация сооружения, которые предполагают сохранение памятника как пример исторической среды, восстановление утерянных за годы существования частей, значимых для потомков (в том числе символическое, через использование арт-объектов). Реадаптация фортификационного сооружения предполагает возвращение к жизни памятника, которое может осуществляться в двух направлениях. Первое — в качестве музейного экспоната и музейных площадок одновременно. Второе — перепрофилирование памятника архитектуры под современные нужды и реалии города с условием соблюдения требований Федерального закона об охране памятников

истории и культуры. Вторым занимается дизайн архитектурно-исторической среды как направление творческой деятельности.

Смоленская крепость с точки зрения дизайна архитектурно-исторической среды представляет сложный объект, который имеет большую протяженность (около 6.5 км) и органично вплетается в городскую ткань, выделяясь своей монументальной красотой и обрастая жилыми застройками. Вопрос о рациональном использовании отдельных частей и фрагментов стены и прилегающего ландшафта под современные актуальные формы жизнедеятельности населения, возможные к внедрению в рамках закона об охране памятника, возникает регулярно. Смоленские дизайнеры разрабатывают проекты, позволяющие привлечь внимание к историческому объекту и сделать Смоленскую крепостную стену частью туристического маршрута с необходимой инфраструктурой, решить проблему взаимодействия исторических объектов и городского средового дизайна.

Популярным приемом бесконфликтного взаимодействия исторической среды и современного дизайна является создание на территории исторического памятника арт-пространств, под которыми понимают общественное место для креативной деятельности, позволяющее жителям города раскрывать свой творческий потенциал. Арт-пространство может включать выставочные площадки, коворкинги, библиотеки и мастерские, сувенирные киоски и магазины, и прочее. Примером создания таких территорий в исторической среде можно назвать арт-пространство ОКТАВА в Туле, пространство SENO в Санкт-Петербурге и другие. Арт-пространства не требуют грандиозных переустройств на территории исторического памятника и вполне могут быть организованы согласно закону.

Речь не идет об уже освоенных фрагментах крепостной стены, где разместились музейные экспонаты и работает музейная система. Значительная часть Смоленской крепостной стены представляет застывший монумент истории, постепенно разрушающийся от времени и не имеющий должного присмотра, а прилегающий уникальный ландшафт — заросли сорных трав. Например, внутренняя восточная часть крепостной стены (по ул. Тимирязева), расположенная в зоне доступности для горожан и туристов, вполне могла быть использована как арт-пространство для уличного творчества (зимняя выставка снежных скульптур, летняя выставка арт-объектов, садовых композиций и другое.

Вторым интересным приемом реадаптации исторического памятника и прилегающих территорий может быть создание зон активного и пассивного отдыха, природных и тематических парков, устроенных с сохранением естественного ландшафта, что важно для исторической среды. По мнению ученых, «сохранение и улучшение естественного ландшафта, прилегающего к городским агломерациям, имеет большое оздоровительное и культурное значение. Ценнейшие природные и историко-культурные объекты

могут быть уничтожены, если своевременно не будут найдены методы их органичного включения в развивающуюся планировочную структуру города» [2]. Так, например, территория с внешней стороны восточной части крепостной стены (по улицам Чаплина — Исаковского), обозначенная по кадастровому плану как «земли поселений, для целей, не связанных со строительством, благоустройства», вполне может стать парком, местом для отдыха горожан.

Ландшафтно-композиционный анализ территории у крепостной стены показал ее положительные качества: открытое пространство с естественным солнечным освещением, природными элементами и свежим воздухом, ввиду отсутствия вблизи насыщенных транспортных узлов; разнообразный рельеф; достаточную площадь; хорошую транспортную доступность: близкий маршрут городского транспорта, возможность организовать место для стоянки личного транспорта и другие, позволяющие продумать рациональное использование территории вблизи памятника, т.е. идеальное место для создания природного парка, городской зоны отдыха для детей и взрослых.

Размеры территории, ее протяженность и расположение вдоль крепостной стены позволяют устроить парк для разных возрастных групп: детскую игровую тематическую среду (детский городок) в начале, создающую иллюзию путешествия с приключениями, далее спортивный городок для подростков и взрослых, зоны пассивного отдыха, и затем пешие прогулочные (летние и зимние) и велосипедные дорожки, лыжные трассы на сложном рельефе. Таким образом пространство у крепостной стены будет способствовать физическому и умственному развитию детей, станет территорией общения, местом взаимодействия со средой, даст возможность направить детскую активность в полезное русло и подготовить к жизни в обществе. Создание у крепостной стены зоны отдыха и развлечений поможет уберечь территорию от стихийного рекреационного использования и даст прибыль, необходимую для защиты и восстановления памятника.

Учитывая, что на Смоленщине дети в возрасте до 17 лет составляют 17,5% от населения (данные Росстата на начало 2021 года), необходимость в создании условий для их развития и проведения досуга очевидна. Исторический памятник, коим является Смоленская крепостная стена, таким образом не только приобретет актуальность, но и даст начало (задел, идейное содержание, тему) созданию парка. Современные тенденции в сформировании детской игровой среды — это тематические парки, площадки, демонстрирующие макеты исторических объектов (ладьи, деревянные конструкции), создающие иллюзию путешествия с приключениями, с возможностью взаимодействия (лазать, прыгать, ползать, двигать, мастерить). Их особенность — эксклюзивность спортивного оборудования, формирующая единый художественный образ, связанный с крепостной стеной, включение

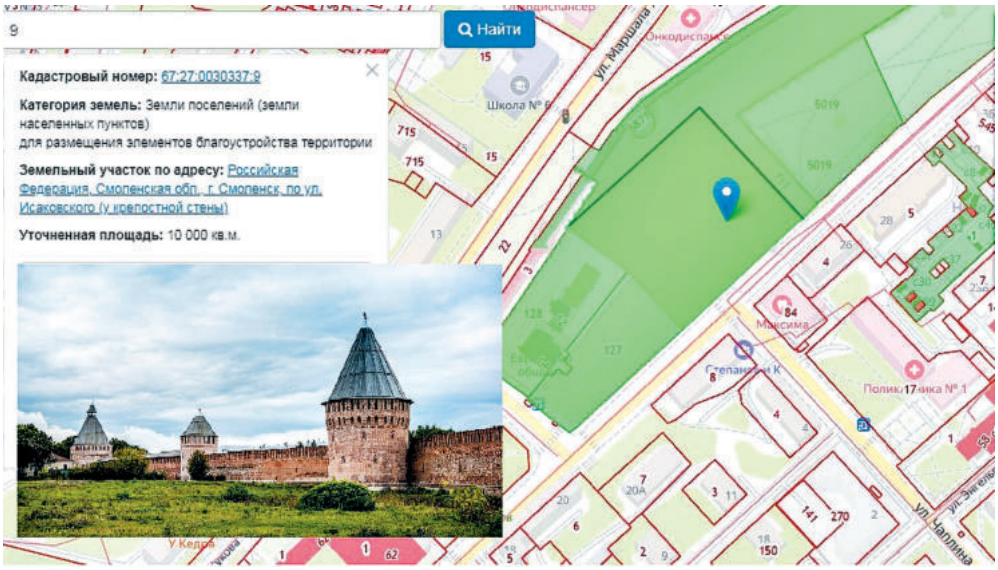


Рис. 1. Участок у крепостной стены по ул. Исаковского

природных объектов и материалов (кустарники, камень, песок, бревно), несущих не только декоративную, но и игровую нагрузку. Европейский подход, который лежит в организации детских городков в природной среде с использованием памятников истории, позволяет приучить ребенка беречь естественные ландшафты и объекты культуры [1].

Разрабатывая архитектурно-планировочную композицию парка необходимо продумать рациональное размещение административно-хозяйственных и сооружений, обслуживающих посетителей, а вместе с ними необходимые коммуникации, расположение которых необходимо вынести за пределы охранной зоны памятника.

Смоленская крепостная стена как архитектурное сооружение включает башни (помещения в 3–4 этажа) и прясла (стены), которые защищают в зимнее время от северо-западного ветра, создают благоприятный микроклимат. Так, например, Долгочевская башня, расположенная в районе предполагаемого детского городка, получившая название во время оккупации города поляками — «долгая», т.е. «высокая», была отреставрирована к юбилею города, покрыта высокой деревянной шатровой крышей и является прекрасной смотровой площадкой, представляя возможность увидеть красивые панорамы города. Внутри башни — пустое пространство, которое может быть использовано для разных целей: как мастерские, пункт проката спортивного инвентаря, детское кафе и другое (рис. 1).

Ярким примером реадаптации исторической городской среды, в том числе памятников архитектуры, и создания рекреационной зоны отдыха для детей и взрослых можно назвать Новую Голландию в Санкт-Петер-

бурге. Когда на относительно небольшой площади в окружении исторических памятников создана развивающая среда, организованная по законам дизайна [3].

Территория у Смоленской крепостной стены имеет достаточную протяженность и может быть зонирована в соответствии с возрастом отдыхающих, начиная с детской игровой зоны (детский городок) и заканчивая лыжной базой «Слалом». И первым шагом в реадаптации Смоленской крепостной стены и прилегающих территорий возможно определение их как природного парка, в задачи которого входит сохранение, развитие и благоустройство зон отдыха для жителей города с привлечением бизнеса и финансирования.

Смоленская крепостная стена — памятник архитектуры, который украшает город и является его визитной карточкой. Постепенно памятник заживет новой жизнью и станет не только музейным экспонатом, но и неотъемлемой частью городской среды, активно используемой в жизни горожан. Разумное освоение территорий, прилегающих к стене, позволит постепенно вернуть к жизни и сам памятник.

Список источников и литературы

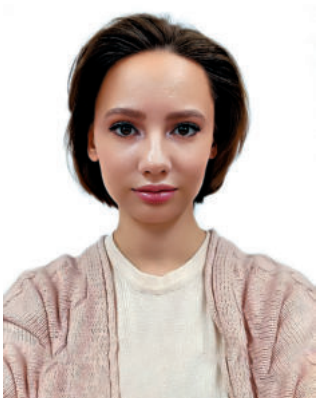
1. Дизайн игровых площадок. [Электронный ресурс]. URL: https://www.domikigr.ru/dlya-pokupateley/stati/dizajn-igrovyh-ploshchadok.html (дата обращения 01.01.2024).
1. Национальные и природные парки. [Электронный ресурс]. URL: https://landscape.totalarch.com/node/76 (дата обращения 04.01.2024).
1. Фантазии на тему игровой среды. [Электронный ресурс]. URL: https://vestnikstroy.ru/articles/infrastructure/fantazii-na-temu-igrovoy-sredy/ (дата обращения 06.01.2024).

Dryagina Vera Borisovna,
candidate of pedagogical sciences, professor of the Smolensk State University

SMOLENSK FORTRESS WALL. READAPTATION POSSIBILITIES

Key words: *fortress wall, readaptation, preservation, design, art space, natural park.*

Annotation. *The article discusses the possibilities of preserving and readapting the Smolensk fortress wall by changing its functions. The construction of green areas and natural parks near the fortress wall, children's playgrounds and recreation areas for citizens, art spaces will help preserve the historical landscape, attract the attention of citizens and the necessary funds for the restoration and preservation of the fortress wall.*



Мельникова Екатерина Олеговна
экскурсовод музея-филиала «Нижегородский кремль» ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник»

Тарасова Анастасия Андреевна
экскурсовод музея-филиала «Нижегородский кремль» ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник»

УДК 304.44

DOI 10.54016/SVITOK.2025.73.73.008

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ КАК РЕСУРС БРЕНДИНГА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ-ФИЛИАЛА «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРЕМЛЬ»)

Ключевые слова: *музейный брендинг, музейный маркетинг, событийный маркетинг, айдентика, сувенирная продукция.*

Аннотация: *В статье анализируются вопросы формирования музейного брендинга в условиях экономики впечатлений, когда на первый план выходят впечатления и эмоции от посещения культурно-досугового места. На примере деятельности музея-филиала «Нижегородский кремль» показано, что развитие бренда положительно влияет также на продвижение бренда территории в целом. Приводятся инструменты по формированию бренда музея и статистические результаты проделанной работы.*

Под брендом территории понимается «ментальная конструкция и набор восприятий в воображении человека о некой территории (стране, регионе, городе)», выступающая одним из наиболее мощных инструментов коммуникации с целевыми аудиториями [3]. Нередко брендом города или региона называют процесс создания и продвижения уникального имиджа определенной территории, следствием чего стано-

вится повышение узнаваемости и создание позитивного образа места. Теоретической основой для формирования рассматриваемого понятия послужил совместный труд Ф. Котлера, Д. Хайдера и И. Рейна «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий и туризма в города, государства и нации», изданный в 1993 году. В этой работе авторы одними из первых предложили использовать культурные доминанты, характерные для той или иной территории с целью привлечения инвестиционных потоков, расширения сферы туризма, развития отдельных регионов и страны в целом. В научный оборот понятие «бренд территории» вошло после того, как было обосновано английским ученым С. Анхольтом в 2002 году. Исследователь предложил комплексный подход к брендированию территории, а не отдельных ее секторов как-то культуры, туризма, предпринимательства.

Рассматриваемый термин можно понимать в двух измерениях: в узком и широком. Так, обобщенно брендом места обозначают знаково-символический феномен, служащий идентификации территории; иными словами, это некая уникальная идея, отражающая образ места. В узком значении бренд территории находит конкретное выражение, например, в особо значимой достопримечательности, известной личности, прославившей место, особенностях природного ландшафта, духовном наследии народа, исторически проживающего на какой-либо земле.

Бренд территории зачастую выражается в графическом виде, вызывая прямую ассоциацию с тем или иным объектом. При этом важно, что понятие «бренд» является гораздо более широким, чем «логотип», поскольку первый термин включает также устоявшееся мнение общественности — местного населения и туристов — о данном месте, иными словами, репутацию места. Зачастую бренд города или региона обращается к территориальной идентичности, которая может быть выражена системой идей, символов, ценностей, образов. Обращаясь к сопоставлению понятий «бренд» и «логотип», стоит указать, что второй термин является составной частью более широкого понятия «бренда места», включая, в свою очередь, визуальный образ [1].

В наши дни задача брендирования территорий ставится на федеральном уровне. Так, в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года работа по формированию привлекательного бренда страны и отдельных туристских направлений указывается в числе факторов повышения конкурентоспособности туристского продукта нашей страны [5]. На региональном уровне также ставится вопрос формирования уникальных брендов: в Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области отмечается важность развития сильного внутреннего бренда, а также бренд-кода и единого фирменного стиля, объединяющего турцентры области в единый глобальный бренд [4]. За

последние годы в данном направлении была проделана большая работа, результаты которой уже могут быть оценены.

Нижний Новгород вошел в десятку российских городов с наибольшей посещаемостью в 2022 году: в целом регион посетили около 2,3 млн. туристов (тогда как в 2021 году эта цифра составила 1,4 млн. человек) [7]. В 2023 году количество туристов в Нижегородской области выросло на 14,5% по сравнению с предыдущими годами. На рост туристического потока влияние оказали активная реклама и событийная программа 800-летнего юбилея Нижнего Новгорода, а также продвижение устоявшихся и формирование новых брендов города и области. Так, в городе планомерно развиваются такие бренды, как «Столица промыслов», «Родина Максима Горького», «Столица стрит-арта», «Столица закатов» и другие.

В контексте исследования брендинга территории нельзя не указать значение учреждений культуры для формирования узнаваемости города и региона. В частности, особое значение приобретает исторический музей, деятельность которого способствует сохранению и развитию историко-культурного пространства города. Проследить отмеченную взаимосвязь можно на примере Нижнего Новгорода. Так, по данным исследования 2019 года, наибольшая доля туристического потока (39%) приходится именно на культурно-познавательный туризм [2]. Таким образом, учреждения культуры города являются одним из наиболее значимых факторов привлечения туристов в регион и, соответственно, формирования устойчивого бренда территории.

Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник (НГИАМЗ) является крупнейшим музейным объединением. В его состав входят восемь филиалов, расположенных в историческом центре Нижнего Новгорода. Среди них особенно выделяется «Нижегородский кремль», который выступает историко-культурной доминантой города. Результаты туристического сезона 2022 года показали, что музей-заповедник занял 13-ю строчку рейтинга в числе наиболее посещаемых историко-культурных объектов страны: за 12 месяцев НГИАМЗ принял более 1 млн. человек — это в 2,7 раза больше, чем показатели 2021 года. Учреждению удалось опередить по числу посетителей за 2022 год музеи Московского кремля, Государственный исторический музей и музей-усадьбу «Архангельское» [6].

Нижегородская крепость для города является узнаваемым символом, привлекающим внимание к территории. В настоящее время музей ведет работу по формированию и продвижению собственного уникального бренда. Деятельность организуется в двух направлениях: визуальная и содержательная составляющая образа.

Визуальная составляющая бренда, включающая логотип учреждения и айдентику, является крайне важной, так как именно зрительные образы первыми воспринимаются и закрепляются в сознании аудитории. В айден-

тике (фирменном стиле) отражаются идеи и ценности музея. В целом, визуальные элементы бренда вовлекают в пространство учреждения, дают понять, в каком направлении развивается его деятельность. Стилистическая составляющая бренда музея «Нижегородский кремль» разрабатывалась в рамках подготовки к 800-летнему юбилею Нижнего Новгорода: были оборудованы цветники, зоны отдыха, детская площадка, кафе, сувенирные магазины на территории крепости. В башнях кремля, а также на боевом ходе появились стенды и указатели в едином оформлении. Главными цветами фирменного стиля были выбраны оранжевый и черный.

Важной частью бренда музея является сувенирная продукция, что соответствует теории экономики впечатлений. Новая экономическая ситуация предполагает формирование у потребителей положительного опыта от посещения места и взаимодействия с культурным продуктом, поскольку, согласно отмеченной теории, потребители сегодня платят не только за продукт, но также за сопутствующие ему впечатления, эмоции и ощущения. В данном контексте особое внимание уделяется сувенирной продукции, выполненной в едином уникальном дизайне. Работниками музея «Нижегородский кремль» были разработаны наборы стикеров с изображением башен кремля и главными достопримечательностями города. Получить наклейки можно во время участия в интерактивных программах музея. На основе созданных изображений также была выпущена серия магнитов, находящаяся в свободной продаже в музее. Большое значение приобретает событийная сувенирная продукция, создаваемая по случаю временных выставок. Так, по мотивам археологических находок, обнаруженных в Нижнем Новгороде и представленных на экспозициях в «Нижегородском кремле», была разработана серия украшений. При создании серии использовались мотивы единорога, льва, дракона — популярные в XIV–XVII веках символы. Для выставки «Мамонт и его спутники», проходившей в Зачатской башне кремля, была разработана продукция (ручки, блокноты, значки, магниты и закладки) с изображением древнейшего обитателя Нижегородской области — шерстистого мамонта. Итак, визуальная составляющая брендинга способствует узнаваемости музея, а сувениры являются одним из способов создать яркую эмоцию и надолго продлить впечатление о посещении музея. Крайне важно отметить прямой эффект от продажи сувенирной продукции музея или реализации событийной программы, который заключается в финансовой поддержке учреждения.

Содержательная составляющая бренда состоит в продвижении музея через различные каналы взаимодействия с посетителями. Основным способом коммуникации для музея «Нижегородский кремль» является онлайн-реклама, а именно ведение официального сайта и официальных страниц в социальных сетях НГИАМЗ. На сайте музея-заповедника подробно изложена информация о всех филиалах и истории учреждения,

представлена актуальная информация о событиях и программах, а также размещена стоимость услуг музея. Помимо этого, страницы музея-заповедника представлены в таких социальных сетях, как «ВКонтакте», «Дзен», «Одноклассники», «Telegram», «YouTube». Помимо традиционных публикаций исторических справок и размещения фото экспонатов, в социальных сетях музея внедряются новые форматы, а именно видеоролики: сотрудники музеев-филиалов рассказывают о наиболее значимых и интересных предметах коллекции. Об эффективности такой формы коммуникации свидетельствуют тысячные просмотры и положительные комментарии аудитории.

Отдельным направлением деятельности музея является событийный маркетинг. Данный инструмент предполагает проведение тематических мероприятий с целью продвижения учреждения. Работники «Нижегородского кремля» активно участвуют в конференциях и форумах, на которых рассказывают о важных этапах истории города и страны. Среди широкого списка мероприятий можно выделить международную выставку-форум «Россия» на ВДНХ. Работники музея выступали на стенде Нижегородской области с лекциями и квизами, посвященными истории Нижнего Новгорода и периоду Смутного времени. Такие мероприятия позволяют продвигать музей на международных площадках, знакомя потенциальных посетителей с самобытной историей края.

Активное развитие в музее-филиале «Нижегородский кремль» получило этнографическое направление деятельности. Так, ежегодными являются мероприятия, посвященные празднованию Масленицы: в ходе интерактивных программ посетители музея узнают о традициях празднования одного из самых значимых народных праздников. В 2023 году на территории крепости впервые состоялась программа «От осени к лету поворота нету», приуроченная к Осенинам. Отмеченные мероприятия ориентированы на участие в них семейной аудитории: детей школьного возраста и их родителей — наиболее многочисленной группы посетителей музея.

Одним из самых значимых событий в деятельности «Нижегородского кремля» является участие в акции «Ночь музеев». Музей ежегодно проводит серию мероприятий, приуроченных к этому событию. Посетители могут побывать на уникальных экскурсиях и принять участие в квестах, которые разрабатываются специально для ежегодной акции. Музею «Нижегородский кремль» удается с каждым годом привлекать все больше гостей. В 2023 году количество участников акции «Ночь музеев» в крепости составило более 18 тысяч человек, что в три раза больше, чем показатель 2019 года. В ходе акции посетители смогли поучаствовать в мастер-классах, почувствовать себя настоящими ремесленниками, сыграть в традиционные игры и посетить уникальные иммерсивные экскурсии.

Важно указать, что событийная программа музея должна учитывать возрастные особенности и интересы целевых аудиторий учреждения, поэтому крайне важным становится такой инструмент, как сегментация. Опора на возрастную специфику посетителей позволяет установить наиболее эффективный контакт. Самым распространенным способом сегментирования выступает деление по возрастному принципу, который используется также в работе «Нижегородского кремля». Сотрудники музея применяют принципы сегментации не только в категории «взрослые — дети», но также учитывают возрастные особенности наиболее обширной для музея детской аудитории. Так, для дошкольников, учащихся начальной школы, среднего и старшего звена в музее проводятся разные программы. Об эффективности работы с детской аудиторией говорит то, что в 2023 году «Нижегородский музей-заповедник» стал первым среди региональных музеев по реализации «Пушкинской карты». Принципы возрастной сегментации нашли отражение во время разработки аудиогида по территории «Нижегородского кремля»: созданы отдельные тексты для взрослой и детской аудитории.

Еще одной группой посетителей, с которой работает музей, являются люди с ограниченными возможностями здоровья. Для слабовидящих и незрячих посетителей была разработана интерактивная программа «Итальянский след в кремле». В ходе экскурсии группа изучает пространство Нижегородского кремля, используя схему по системе Л. Брайля. Участники знакомятся с профессиями, необходимыми для строительства фортификационных сооружений. Во время экскурсии задействованы не только слух, но и тактильные органы чувств, развивается мелкая моторика. Так, при изучении материалов, из которых строился кремль, участники программы могут потрогать кирпичи XVI века, песок, деревянные поленья и другие материалы. Таким образом, в музее формируются условия, при которых каждый посетитель может в доступной форме познакомится с главной исторической достопримечательностью города. Отмеченная работа в полной мере способствует продвижению бренда музея «Нижегородский кремль» как доступного учреждения культуры, где есть множество возможностей для проведения свободного времени и знакомства с историей в игровом формате. Следствием является формирование лояльного круга посетителей и увеличение посещаемости музея.

О росте аудитории музея свидетельствует статистика. Количество индивидуальных посещений музея «Нижегородский кремль», а также проведенных экскурсий ежегодно растет. Относительно низкие показатели относятся к 2020 году, что объясняется ограничениями, связанными с распространением пандемии COVID-19. Однако уже в следующем, 2021 году, сотрудниками музея активно велась работа по продвижению учреждения и увеличению ассортимента предоставляемых услуг, что повлияло на

рост посещений. В 2021 году общее число посещений выставок, экспозиций и экскурсионных посещений выросло более чем на 80% по сравнению с предшествующим годом. В 2023 году число посетителей продолжало расти и достигло более миллиона. Таким образом, за 4 года количество посещений выросло в 5,5 раз. Эффективность проводимой маркетинговой стратегии иллюстрирует также рост запросов информации о музее «Нижегородский кремль» в сети Интернет: в период с 2019 до 2022 годов отмечается прирост среднего ежегодного показателя. Общий прирост за 4 года составил 83%, что позволяет сделать выводы об увеличении интереса к учреждению со стороны аудитории. Итогом отмеченного является фиксируемый рост доходов музея: в 2023 году прибыль музея увеличилась, по сравнению с 2022 годом, примерно на 30%.

Повышение доходов создает условия для дальнейшего совершенствования деятельности музея, а именно освоения новых площадок на территории крепости, реализации интерактивных программ и мероприятий, внедрения актуальных видов взаимодействия с посетителями, а также разработки новых образцов сувенирной продукции. Следствием становится усиление и повышение узнаваемости не только бренда «Нижегородский кремль» как главной достопримечательности города и центра знакомства с историей и культурой края в доступной форме, но также и бренда города в целом, поскольку в сознании туристов формируется связь территории с музеем. Деятельность учреждения соответствует принципам Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, где указывается важность гармоничного сочетания в туристическом бренде элементов культурно-исторического наследия и нового туристского предложения [5].

Итак, условно бренд территории можно представить, как совокупность визуальной и содержательной составляющих. Визуальная составляющая бренда способствует узнаваемости, а также повышает конкурентоспособность учреждения. Содержательный аспект брендирования состоит в актуальности и доступности событийной программы мероприятий, формируя, в свою очередь, представления о музее как современном многофункциональном учреждении. На примере музея «Нижегородский кремль» можно проследить важность работы по продвижению бренда места, как одного из инструментов современного маркетинга. Статистика посещаемости музея последних лет иллюстрирует планомерный рост посетителей и увеличение спроса на экскурсионные программы. Следует отметить, что в настоящее время фиксируются приоритетные задачи, которые стоят перед музеем, как развивающимся учреждением, однако обозначенные результаты позволяют сделать вывод о движении в верном направлении.

Список источников и литературы

1. Ладыгина, Т. А. Музейные практики как инструмент формирования бренда малого уральского города: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» / Татьяна Анатольевна Ладыгина; Челябинский государственный институт культуры.— Челябинск, 2021.— Текст: непосредственный. / Электронный ресурс / URL: https://nisse.ru/projects/?ELEMENT_ID=134855&ysclid=m5vola7aan415897394 (дата обращения 19.01.2024).
2. Маркетинговая стратегия развития туризма в Нижегородской области, в том числе кластера «Арзамас — Дивеево — Саров» до 2025 года: ООО «ФинИнвест Консалтинг».— декабрь 2020.— Текст: непосредственный.
3. Методические рекомендации «Культурный брендинг территории».— Московский государственный институт культуры. Химки: б.и, 2022.— 117 с.
4. Постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года».— /Электронный ресурс/ URL: https://www.strategy.nobl.ru/assets/content/main/proyekt-strategii-nizhegorodskoy-oblasti-2035.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года».— /Электронный ресурс/ URL: http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf (дата обращения: 11.01.2024).
6. Рейтинг посещаемости российских музеев за 2022 год: топ-50.— The Art Newspaper.— /Электронный ресурс/ URL: https://www.theartnewspaper.ru/posts/20230503-okxe/ (дата обращения: 15.01.2024).
7. Статистика туристического потока.— Федеральная служба государственной статистики.— официальный сайт.— /Электронный ресурс/ URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm# (дата обращения: 13.01.2024).

Melnikova Ekaterina Olegovna
tour guide of the museum-branch «Nizhny Novgorod Kremlin» of the State Budgetary Cultural Institution of the Nizhny Novgorod Region «Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve»

Tarasova Anastasia Andreevna
tour guide of the museum-branch «Nizhny Novgorod Kremlin» State Budgetary Cultural Institution of the Nizhny Novgorod Region «Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum-Reserve»

REGIONAL MUSEUM AS A RESOURCE FOR TERRITORIAL BRANDING (ON THE EXAMPLE OF THE BRANCH MUSEUM "NIZHNY NOVGOROD KREMLIN")

Key words: *museum branding, museum marketing, event marketing, identity, souvenir products.*
Annotation. *The article analyzes the issues of museum branding formation in the context of the impression economy, when impressions and emotions from visiting a cultural and leisure place come to the fore. Using the example of the activities of the branch museum "Nizhny Novgorod Kremlin" it is shown that brand development also has a positive effect on the promotion of the brand of the territory as a whole. Tools for forming a museum brand and statistical results of the work done are provided.*

Миронова Ирина Николаевна,
заведующая Ивангородским филиалом ГБУК ЛО «Музейное агентство»

Коновалова Ирина Владимировна,
старший научный сотрудник Ивангородского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство»

УДК 069.013

DOI 10.54016/SVITOK.2025.43.52.009

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: *Ивангородский музей, экспозиция, музейный комплекс, концепция развития музея.*

Аннотация: *Доклад посвящен работам по реализации новой концепции Ивангородского музея. В процессе работы непосредственно над её содержанием определился ее девиз: «Город строят люди». Это означает, что в центре повествования музейных экспозиций находится человек. Основной замысел: через судьбы людей, их воспоминания, их поступки рассказать историю старинного русского города, начиная с середины XIX века по настоящее время. Запрос на глубину интеллектуального восприятия обеспечивается многослойностью информации. Погружение в историю означает, что посетителю предоставляется возможность «прожить» события прошлого интеллектуально, эмоционально и даже физически.*

Ивангородский музей начал свою работу в 1980 году как художественная галерея. Сегодня он включает в себя несколько крупных объектов показа.

Художественный музей, в котором хранится уникальная семейная коллекция выдающегося русского художника Ивана Яковлевича Билибина и его жены Александры Васильевны Щекатихиной-Потоцкой, известного художника по фарфору. (Рис. 1)

Музей крепостей, где размещена экспозиция «Военно-оборонительное зодчество Северо-Запада Руси», рассказывающая об истории шести

Рис. 1. Художественный музей

Рис. 2. Музей крепостей

Рис. 3. Ивангородская крепость. Музей «Малый пороховой амбар»

Рис. 4. Ивангородская крепость. Большой амбар

крепостей Ленинградской области, Выборгского замка и Тихвинского монастыря. (Рис. 2)

Ивангородская крепость с историко-краеведческой экспозицией, размещенной в Малом амбаре.

На первый взгляд кажется, что представленные экспозиции являются разноплановыми: оборонительное зодчество, изобразительное искусство и история города, частично отраженная в истории крепостной архитектуры. Идея объединения этого множества в единую целостную систему возникла давно и подробно описана в научной концепции развития музея учеными-историками НИИ культуры Академии наук СССР в 1990 году. Авторы предложили оригинальную сценарную концепцию, замысел которой выразили фразой «Первая русская крепость — Последний русский город». По понятным причинам эта концепция в свое время не была реализована. Однако она оказалась настолько удачной и перспективной, что до сих пор служит руководством к действию, практически являясь настольной книгой.

Первый шаг по решению этой задачи был сделан в 2015 году. Ивангородский музей стал участником международного проекта «Развитие уникального ансамбля крепостей Нарвы и Ивангорода как единого культурного и туристического объекта». В рамках проекта впервые на территории крепости, в Детинце (крепость 1492 года), было восстановлено здание Малого порохового амбара XVII века с размещением в нем музейно-выставочного комплекса. (Рис. 3). А дальше, на очереди следующий объект музеефикации — Большой амбар. Он был построен в 1778 году как провиантский магазин и склад обмундирования, впоследствии приспособленный под казарму. В годы Великой Отечественной войны здание было взорвано немцами при отступлении. (Рис. 4). В 1990-е годы была начата работа по его реконструкции, но так и не завершена. Вновь к решению этой проблемы вернулись не-

сколько лет назад в рамках реализации международного проекта приграничного сотрудничества.

На сегодня выполнен ряд проектно-изыскательских и археологических работ, сотрудниками музея создана концепция будущего музейного комплекса, работа над которой длилась около трех лет. Столь большой срок объясняется тем, что надо было: во-первых, отобрать и классифицировать часть фондовой коллекции историко-краеведческой направленности и, во-вторых, восполнить недостающую экспозиционную основу. Поэтому, первым делом научными сотрудниками были исследованы инвентарные книги по всем коллекциям музея, сделана выборка и классификация по темам интересующих нас предметов, фотографий и документов. Параллельно начат поиск на интернет-ресурсах: Госкаталог, «Память народа» музеи Эстонии. Непосредственно наши работники побывали в архивах Санкт-Петербурга, Ленинградской области, военно-морском архиве, публичной библиотеке.

Особо хочется сказать о таких особенных приемах «как поход в народ». Мы стали звонить напрямую жителям и просить дать интервью. За несколько месяцев было подготовлено и проведено более 60 интервью. В среднем одно интервью занимает от 1,5 до 3 часов. Затем предстояла большая кропотливая работа по обработке полученных материалов: после прослушивания и отбора в специальной программе аудиозаписи разделялись на отдельные фрагменты соответственно тематике. В процессе общения люди стали предлагать в дар музею вещи из своих семейных коллекций. Количество предметов составило около 250 штук. Вот, например, после встречи с Галиной Ивановной Мориновой мы получили от нее очень редкие вещи: спецодежду, которую выдавали работникам Нарвской льноджутовой фабрики. Они займут свое место в новой экспозиции.

Также мы обратились к жителям города с просьбой поделиться воспоминаниями и имеющимися предметами быта, семейными архивами и другими свидетельствами прошлых лет. Ответная реакция была не очень активная, но мы не теряли надежды и не успокаивались. Через СМИ и соцсети мы провели опрос о том, какой бы они хотели видеть будущую экспозицию. Нам удалось собрать 100 заполненных опросных листов. Ответы были обработаны, и итоги обсуждались на встрече с участниками опроса под названием: «Создаем музей вместе, известные и забытые страницы истории Ивангорода». (Рис. 5)

Рис. 5. Встреча
с участниками опроса
«Создаем музей вместе!»

Завершая рассказ о первом этапе создания экспозиционной основы будущей концепции, хочется поделиться своим опытом работы со спонсорами. Благодаря нашим друзьям музей

Рис. 6.1. Повседневный сюртук офицера Российской Императорской Армии

Рис. 6.2. Сборник. 1-й всегосударственный слет русских хоров. Нарва-Ивангород. 1937 год

во многом восполнил недостающие ниши в экспозиционной основе. Стоимость приобретенных предметов составляет порядка 200 тысяч рублей. Особо ценные: повседневный сюртук офицера российской императорской армии, переданный в дар от президента компании «РОССТРО» А. Ф. Макарова (Рис. 6). Сборник 1-го Всегосударственного слета русских хоров 1937 года появился у нас благодаря предпринимателю В. В. Каприянчуку.

В процессе работы непосредственно над содержанием концепции определился ее слоган: «Город строят люди»: в центре повествования — человек. Основной замысел: через судьбы людей, их воспоминания, их поступки рассказать историю нашего славного старинного русского города, начиная с середины XIX века по настоящее время.

Конструкция будущей экспозиции для нас тоже оригинальна, необычна, в ней совершенно отсутствует хронологическая связь событий в пользу тематизма. Экспозиция будет состоять из 7 тематических комплексов, каждый из которых имеет самостоятельное значение и тематику. Это законченные сюжеты, обладающие собственным сценарием осмотра (Рис. 7):

- «С путеводителем по Нарве в поисках Ивангорода».
- «Война и мир» / «Между миром и войной» (1855 — первая половина XX века).
- Экспозиционный комплекс «Нарвская наступательная операция / «Семь дней одной войны» (1944 год)».
- «Развитие города, инвестиционный проект Штиглица. Реформа городского самоуправления (вторая половина XIX века)».
- «Городской быт» / «Как изменилась повседневная жизнь людей» (вторая половина XIX — XX век).
- «Возрождение» / «Социалистический инвестиционный проект» (вторая половина XX века).
- «Золотой век искусства в Ивангороде» / «Культура в действии» (XX–XXI век).

Рис. 8. Эскизы экспозиционного пространства

Рис. 6.3. Памятный жетон певческого праздника Эстонских поселений. Нарва. 1912 год

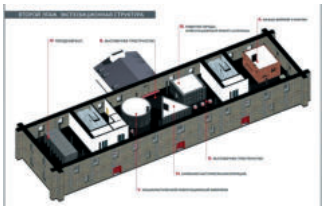


Рис. 7. Эскпозиционня структура музея

Посетитель выбирает свою логику осмотра экспозиции, свободно перемещаясь в экспозиционном пространстве. Многослойность подачи контента и навигация помогут посетителям самим составить маршрут путешествия по экспозиции. Навигация музея максимально обеспечивает легкость пространственной ориентации.

Запрос на глубину интеллектуального восприятия обеспечивается многослойностью информации. Погружение в историю означает, что посетителю предоставляется возможность «прожить» события прошлого интеллектуально, эмоционально и даже физически. Художественное решение экспозиции строится не в логике «интерьерных уголков», а по принципу помещения музейных предметов в современную дизайнерскую оболочку, органично включающую необходимое мультимедиа сопровождение («машины времени») (Рис. 8).

Резюмируя все сказанное, хочется отметить следующее. Несмотря на то, что работа над концепцией давно закончена, маховик, запущенный нами, все еще продолжает крутиться: жители города дарят музею свои раритеты. Сегодня реализация проекта приостановилась, но мы верим в его продолжение и точно знаем, каким должен быть и каким будет будущий музей!

Список источников и литературы.

1. Мильчик М. И. Крепость Ивангород, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997.— 273, [1] с.
2. Миронова И. Н., Коновалова И. В. Первая русская крепость — последний русский город // Ленинградская земля. Краеведческий альманах Том Кингисеппский район. СПб: Издательство Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2018. С. 105–111.
3. Научная концепция Ивангородского историко-архитектурного и художественного музея. Материалы к обсуждению. Научно-исследовательский институт культуры. М.: НИИ культуры, 1990. — 69, [2] с.
4. Петров А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб: Типография Министерства внутренних дел, 1901.— VIII, 520 с.
5. Историческая справка. К 300-летию битвы под Нарвой 1704 г. Составитель Попов Г. А.
6. Косточкин В. В. Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии СССР, № 31. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1952. С. 224-317.
7. Научная концепция музейного комплекса в Большом амбаре Ивангородской крепости. Ивангород: б.и., 2020. 28 с.

Mironova Irina Nikolaevna,
Head of the Ivangorod branch of the State Budgetary Cultural Institution of the Leningrad Region "Museum Agency",

Konovalova Irina Vladimirovna,
Senior Researcher of the Ivangorod branch of the State Budgetary Cultural Institution of the Leningrad Region "Museum Agency"

NEW APPROACHES TO THE CREATION AND USE OF EXHIBITION ENVIRONMENT

Key words: *Ivangorod Museum, exposition, museum complex, museum development concept.*

Annotation. *The report is devoted to the work on the implementation of the new concept of the Ivangorod Museum. In the process of working directly on its content, its motto was determined: "The city is built by people." This means that a person is at the center of the narrative of museum expositions. The main idea: through the destinies of people, their memories, their actions to tell the history of an ancient Russian city, starting from the middle of the 19th century to the present. The request for the depth of intellectual perception is provided by the multi-layered information. Immersion in history means that the visitor is given the opportunity to "live" the events of the past intellectually, emotionally and even physically.*

Пиляк Сергей Александрович
кандидат архитектуры, директор ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость», советник РААСН

УДК 069.013

DOI 10.54016/SVITOK.2025.34.52.010

НАУКА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ. ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ «СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Ключевые слова: *Смоленская крепость, музей, коллекция, экскурсия, научная работа, планшетная выставка.*

Аннотация: *В отличие от учреждений с многолетними традициями и сформировавшимися методами работы, в Государственном музее «Смоленская крепость» есть уникальная возможность синтеза форматов работы и их оперативного внедрения в повседневную деятельность. Одной из наиболее сложных и одновременно результативных, стала организация деятельности музея на основе научно-исследовательской работы. Многообразие её форм и методов позволила в короткие сроки создать музей, укрепить его положение в профессиональной среде.*

Государственный музей «Смоленская крепость» является одним из наиболее молодых музеев в нашей стране. В отличие от институций с многолетними традициями и сформировавшимися методами работы, в нашем музее есть уникальная возможность синтеза форматов работы и их оперативного внедрения в повседневную деятельность. Одной из наиболее сложных и одновременно результативных, стала организация деятельности музея на основе научно-исследовательской работы.

Как известно, основа музейной деятельности — коллекция. Именно собрание артефактов, единичных уникальных предметов, объединенных определенной темой, способно сделать музей музеем. Исследованию музеев как института сохранения исторической памяти посвящен ряд научных публикаций. На старте нашей коллективной работы, в 2020 году, коллекция отсутствовала. Одновременно перспективы ее моментального формирования были призрачными. Тем не менее, без коллекции музейная деятельность невозможна. Проблема была решена несколько нетривиальным способом. На смену отсутствовавшим материальным артефак-

там были привлечены нематериальные — факты о Смоленской крепостной стене, мировом фортификационном зодчестве. Опираясь на фундамент из достоверно аргументированного знания, музей получает роль основного эксперта в вопросах, связанных с хранимым архитектурным наследием. Выбранный подход определил и особое значение синтеза знания, первичной апробации, использования полученных данных в работе музея.

Для обеспечения апробации знания был реализован один из долгосрочных музейных проектов, во многом формирующих лицо Государственного музея «Смоленская крепость». Научно-популярный журнал о фортификационных сооружениях «Смоленская крепостная стена», издаваемый два раза в год, уже с первых выпусков превратился в научную дискуссионную площадку. Постепенно музейная команда пришла к решению издания тематических выпусков. Особо рассмотрены темы эпохи Бориса Годунова, XVII столетия, времени Петра Первого, Великой Отечественной войны. Запланированы выпуски, посвященные обороне Смоленска 1609–1611 годов, сохранению крепости в XIX веке. Особую актуальность при наполнении редакционного портфеля имеет эпоха XVIII века, Отечественная война 1812 года, а также эпоха, предшествующая строительству кирпичной крепостной стены и череда смоленских укреплений, существовавших на ее протяжении. Каждый выпуск журнала, являющийся антологией по отдельной теме, дополняет фактически фундаментальную музейную библиотеку, посвященную наследию крепости и ее отражению в качестве феномена мировой истории и культуры. Презентации журнала, проводимые не только в Смоленске, стали заметными интеллектуальными событиями, сплачивающими вокруг музейной деятельности неравнодушных деятелей.

С начала деятельности музея формируется серия тематических авторских экскурсий по объектам Смоленской крепости. Подготовка материала и его представление позволили объединить заинтересованных музейным наследие экскурсантов и мобилизовать ресурсы работников музея.

В самом начале деятельности стало ясно, что наиболее результативным станет формирование экспертной дискуссионной площадки, способной объединить вокруг проблематики Смоленской крепости интеллектуальную элиту. Таким мероприятием стала конференция, традиционно проводимая в Смоленске. В феврале 2024 года научный форум состоялся в четвертый раз. За время проведения мероприятий конференции ее участниками стали несколько сотен человек, на секциях конференции прозвучали более сотни докладов. В 2021 году в Смоленске при участии нашего музея прошла и Международная научная конференция по истории фортификации, посвященная 425-летию начала строительства Смоленской крепостной стены, что в значительной степени позволило обратить внимание на наследие Смоленской крепости. Дополнительными дискуссионными площадками стали тематические научные конференции и проблемные

семинары, позволяющие прицельно и глубоко рассмотреть научно-методическую проблематику музейной и научной деятельности.

Немало способствует научной деятельности серия планшетных выставок музея. Четкая систематизация знания, структурированная подача материала позволили нашему музею без преувеличения стать одним из лидеров в формировании передвижных выставочных проектов в нашей стране. Проекты, посвященные наследию Петра Первого и Екатерины Великой, архитектуре и истории Смоленской крепостной стены, фортификационному наследию в целом, были представлены в Смоленске, Москве и Петербурге, Вологодской и Ярославской областях, Московской и Тверской областях, Ленинградской и Псковской областях, республиках Дагестан и Татарстан, Луганской и Донецкой Народных Республиках, Воронежской и Свердловской областях, Липецкой и Владимирской областях, Ростовской и Саратовской областях, Краснодарском крае и Астраханской области, а также Азербайджане, Беларуси, Франции, Сербии, Словении.

В конечном счете научная работа позволила создать музей, укрепить его положение в профессиональной среде. Свидетельством качественных достижений в данной сфере является признание сообщества. Научные работники музея удостоены научных наград Российской академии наук, Российской академии архитектуры и строительных наук, Министерства культуры России, Министерства науки и высшего образования России, Русской Православной Церкви, являются лауреатами престижных научных конкурсов и премий. Такое признание также свидетельствует о правильности выбранного пути.

Список источников и литературы

1. Ананьев, В. Г. Зарубежная музеология: интеллектуальные парадигмы и институциональные структуры: автореферат диссертации … доктора культурологии: 24.00.01; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»] — Санкт-Петербург, 2019.— 48 с.
2. Короткова, А. В. Музейные практики США XX–XXI вв.: институциональные аспекты: автореферат диссертации … кандидата исторических наук: 24.00.03; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет].— М., 2013.— 24 с.
3. Кимеева, Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России: диссертация … доктора культурологии: 24.00.03; [Место защиты: Кемеровский государственный институт культуры] — Кемерово, 2019.— 500 с.
4. Мишуровская, О. С. Музей как семиотический феномен: автореферат дис. … кандидата культурологии: 24.00.01 / Мишуровская Ольга Станиславовна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена].— Санкт-Петербург, 2012.— 22 с.

5. Шелегина, О. Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореферат диссертации … доктора исторических наук: 24.00.03; [Место защиты: Национальный исследовательский Томский государственный университет] — Томск, 2012.— 54 с.

Pilyak Sergey Aleksandrovich
candidate of architecture, director of the Federal State Budgetary Cultural Institution "State Museum "Smolensk Fortress", adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

SCIENCE AND CULTURAL HERITAGE. EXPERIENCE OF THE STATE MUSEUM "SMOLENSKAYA FORTRESS"

Key words: *Smolensk Fortress, museum, collection, excursion, scientific work, tablet exhibition.*

Annotation. *Unlike institutions with long-standing traditions and established methods of work, the State Museum "Smolensk Fortress" has a unique opportunity to synthesize work formats and promptly implement them in everyday activities. One of the most complex and at the same time effective was the organization of the museum's activities based on scientific research work. The diversity of its forms and methods made it possible to create a museum in a short time, strengthening its position in the professional environment.*

Свирская Елена Владимировна
кандидат философских наук,
председатель клуба «Краевед»
город Вязьма Смоленской области

УДК 379.852

DOI 10.54016/SVITOK.2025.35.63.011

ВЯЗЕМСКАЯ КРЕПОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКСКУРСИОННЫХ МАРШРУТАХ

Ключевые слова: *Вяземская крепость, Спасская башня, экскурсия, туристический маршрут, природная среда.*

Аннотация: *В число современных экскурсионных маршрутов по городу Вязьма Смоленской области вошёл и новый пешеходный «Вяземская крепость и её башни». Он позволяет более детально познакомиться с памятником военного искусства XVII века — Спасской башней, и историей крепости. Бесспорным преимуществом этой туристической тропы является то, что проходит она по живописной местности вдоль сохранившегося земляного вала и по берегу реки Вязьма. Открывающиеся виды позволяют лучше понять и почувствовать ушедшую эпоху, время борьбы Московского государства за возвращение Смоленских земель.*

Программа развития туризма на Смоленщине предусматривает посещение древних её городов, среди которых Вязьма, отмечающая в этом году своё 785-летие. Редчайший памятник Вязьмы, памятник военного искусства XVII века Спасская башня Вяземской крепости обязательно входит в число достопримечательностей, с которыми на экскурсии или самостоятельно знакомятся туристы и гости города. Они осматривают объект, как правило, снаружи и получают сведения о крепости, прочитав текст на информационных стендах. Маршруты обзорной экскурсии по Вязьме и тематических экскурсий, посвящённых Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне, проходят по территории городского сквера «Доблестным предкам», в конце которого располагается Спасская башня. Экскурсанты знакомятся с этим памятником фортификации, находясь на верхней смотровой площадке у входа в башню.

Возведение крепости в Вязьме и её дальнейшая судьба — тот материал, который всегда включается в обзорную или тематическую экскурсию. Вяземский историко-краеведческий музей в настоящее время предлагает для

молодёжи экскурсию по историческому центру города «Малый уголок большой России», и экскурсанты могут полюбоваться на красоту и величие Спасской башни. К названным маршрутам надо добавить ещё один, появившийся совсем недавно. Так, в феврале 2020 года в Международный день экскурсовода члены Вяземского клуба «Краевед» решили пройти новым маршрутом вдоль предполагаемого периметра утраченной городской крепости. В ходе экскурсии участники её делились информацией, и оказалось, что такая прогулка увлекательна и будет востребована не только любителями краеведения, но и туристами.

Существующий в краеведческом сообществе интерес к истории оборонного зодчества XVII века и сложившаяся ситуация вокруг одной сохранившейся башни крепости — объекта культурного наследия федерального значения «Башня крепостная Ротвинская (Спасская)» (Смоленская область, город Вязьма, переулок Нагорный, дом 2) способствовали участию вязьмичей в двух последних конференциях (в 2022 и 2023 годах) по проблемам музеефикации фортификационных сооружений. Работа в данном направлении продолжается, поэтому предлагаем познакомиться с опытом проведения авторской экскурсии на тему «Вяземская крепость и её башни» по ранее не практикуемому маршруту и рассмотреть возможность дальнейшего введения в культурно-туристический оборот объекта фортификационного наследия в Вязьме.

В рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» в нашем городе к осени 2021 года был реконструирован сквер «Доблестным предкам», а в 2022 году благоустроена нижняя площадка возле Спасской башни. Завершившиеся работы по оборудованию смотровых площадок позволили в 2023 году опробовать новый экскурсионный пешеходный маршрут. Был разработан план экскурсии «Вяземская крепость и её башни», определены участки перемещения, имеющиеся объекты показа в условиях современной городской среды. Такая авторская экскурсия состоялась трижды: 11 мая — для школьников 4 класса средней школы № 3 города Вязьмы, 24 августа — для членов Вяземского клуба «Золотой возраст» и 27 сентября в Международный день туризма — для вязьмичей, пожелавших прийти согласно размещённого в СМИ объявления. Численность групп была в пределах десяти человек. Возраст экскурсантов — от 10 лет и старше, при этом каждая группа с желанием совершила прогулку и прослушала рассказ. Многие признавались, что, прожив в городе не один десяток лет, не подозревали о существовании подобного места в центре города. Благодарственные отзывы и сделанные фотографии (включены в презентацию) свидетельствовали, что намеченные цели и задачи были выполнены: состоялось знакомство экскурсантов с историей крепости и её местонахождением, они «насладились пешей прогулкой и получили массу положительных эмоций» (например, фотоотчёт в разделе «Новости»

25.08.2023 на сайте смоленского областного государственного бюджетного учреждения «Вяземский комплексный центр социального обслуживания населения» — csovazma.ru).

Остановимся на основных этапах экскурсионной программы, её опорных точках и достопримечательностях; в тексте они пронумерованы, их всего 12. Итак, сбор экскурсантов объявляется в сквере «Доблестным предкам» на верхней смотровой площадке у Спасской башни. Здесь открывается великолепный вид на реку Вязьма и в ожидании начала экскурсии можно им полюбоваться, познакомиться с информацией на стенде «Спасская башня». В организационном моменте экскурсовод сообщает о продолжительности пешеходной экскурсии — 1–1,5 часа (учитывается возрастной состав группы) и о конечном пункте маршрута — Советская площадь (центр города). Экскурсия проводится в тёплый период времени года и в хорошую сухую погоду, так как пешеходная тропа вдоль реки Вязьма не благоустроена.

Рассказ начинается с характеристики укреплений, появившихся на центральном холме у излучины реки Вязьмы. Ныне — это Соборный холм, получивший название по расположению главного собора и, находясь в нескольких десятках метрах западнее Спасской башни, он хорошо виден со смотровой площадки *(1.* Верхняя смотровая площадка у Спасской башни). С XII века холм был обнесён деревянной оградой из поставленных вертикально и заострённых сверху брёвен. Такие стены стояли на валу, защищённом с трёх сторон рвом, а с севера рекой. Ко времени упоминания города под 1239 годом и поселения в нем князя Андрея Владимировича, на холме формируется детинец. Кремль стал градообразующим ядром, крепостью, «малым городом», вокруг которого возник торгово-ремесленный посад. В это время городские укрепления не имели башен, а только проездные ворота. В стенах на уровне человеческого роста были прорезаны бойницы. С 1404 года Вязьма вошла в состав Великого княжества Литовского, и отстроенная крепость с башнями продолжала функционировать, защищая рубежи княжества.

С появлением огнестрельного оружия и артиллерии изменились конструкции крепостей в XV–XVI веках, поэтому и Вяземская крепость увеличилась территориально, имела валы, рвы, стены из поставленных впритык срубов (городен) и деревянных башен — «стрельниц». В 1494 году при присоединении Вязьмы Иваном III к Московскому государству, она становится пограничным городом. Это заставляет последующих правителей (Василия III, Ивана IV, Бориса Годунова) расширять Вяземскую крепость — важный в стратегическом отношении укреплённый пункт с постоянным гарнизоном, снабжённый всем необходимым для длительной обороны.

После бурных лет Смутного времени и воцарения Михаила Романова Вязьма стала форпостом на западных границах *(2.* Информационный стенд «Спасская башня»). В марте 1619 года в город были направлены войска во

главе с воеводами А. Хованским, Ф. Головиным, Д. Скуратовым. В крепости вырыли ров и колодец, сделали тайник, поставили новые острожные стены, соорудили надолбы и установили пушки. В царском указе от 1622 года вяземским воеводам говорилось: «…а город велети на ночь замыкати за час до ночи, а на утра отмыкати в час дни» [1, с. 69].

После возведения в 1629 году Можайской крепости начинается строительство в Вязьме: заготавливали материалы, собирали специалистов, возводили земляные валы. В марте 1631 года воеводами Вязьмы были назначены брат полководца Дмитрия Михайловича Пожарского Роман и сын Пётр, а для организации строительства крепости сюда послан дворянин Мирон Вельяминов. Инженерными работами руководил Хриштоп (Христофор) Дальгамер. Царским указом Приказ каменных дел присылает из Нижнего Новгорода русского зодчего, одного из немногих мастеров, умеющих «составлять чертежи», Антипа Константинова. Школу строительного мастерства Антип прошёл на возведении Смоленской крепости под руководством Фёдора Коня. В основном Вяземская крепость с шестью каменными башнями была возведена к осени 1633 года. Она обеспечила возвращение смоленских земель в состав Московского государства в ходе войн XVII века.

(3. Переход к памятнику «Доблестным предкам», *на котором изображен вяземский герб.)* Вязьма была сильной пограничной крепостью. В 1780 году Екатериной II был присвоен герб — пушка с бастионами, обращённая на запад, что отвечало историческому прошлому города, как крепости. Герб Вязьмы повторял герб Смоленска, но над пушкой и райской птицей изображалось голубое титло (в древнерусской письменности знак сокращения, помещавшийся в надстрочнике). Титло означало, что Вязьма является как бы младшим братом Смоленска. В 1632–1634 годах в Смоленской войне её крепость сыграла весомую роль.

Следующая локация — стенд, расположенный вначале сквера «Доблестным предкам», с планом крепости и её башнями. (*4*. Второй информационный стенд «Памятник "Доблестным предкам". *Вяземская крепость»).* Окружающее Большой город оборонительное сооружение имело вид неправильного многоугольника. Экскурсантам поясняются изображения башен на плане и их названия, которые с течением времени менялись:1) Спасская башня, 2) Воеводская (Московская) деревянная башня, 3) Московская башня («Духовские каменные ворота с Московского проезду»), 4) Калужская (Духовская) глухая башня, 5) Ильинская (Ротвинская) башня, 6) Смоленская (Пречистенская) проездная башня, 7) Фроловская башня (Тайницкие ворота). Из Верхнего города в Большой вели Троицкие ворота [2, с.199].

Чтобы показать предполагаемое направление восточной крепостной стены, делается остановка на пересечении улиц Ленина и Софьи Перовской на углу у бывшего кинотеатра «Победа» (5. Место напротив здания суда, *ул.* Ленина, *15*). С использованием плана-схемы вяземского краеведа

Спасская башня Вяземской крепости. Фотография. Май 2023

О. Ф. Фёдорова объясняется местонахождение башен и даётся понятие «прясла» (часть крепостной стены между двумя башнями): Воеводская деревянная башня — на Старой Смоленской дороге (ул. Ленина, рядом со зданием суда); Московская (Духовская) башня — напротив дома по адресу пл. Ефремова, 1, в районе автобусной остановки; Калужская — вниз по улице Кронштадтской за домом № 10 по ул. Космонавтов. Рядом с гостиницей «Вязьма» было место, где вероятно возвышалась Ильинская башня. Около Смоленского моста, возможно перед зданием Дома культуры (Советская площадь), находились Пречистенские ворота — Смоленская башня. Фроловский мост защищала Фроловская башня (вначале улицы Комсомольской, выше остановочного павильона). [3, с. 172]

Покинув пределы воображаемой крепости, экскурсанты направляются вниз по улице Софьи Перовской к Спасской башне и делают короткую остановку напротив дома 8 (6. Место на тротуарной площадке за зданием бывшего кинотеатра «Победа»). Слева можно увидеть образовавшийся культурный слой, который в этих местах достигает в высоту 2–5 метров от основания, подошвы башни. Продолжение рассказа — на нижней смотровой площадке *(7. Нижняя смотровая площадка у Спасской башни)*. Эта площадка позволяет экскурсантам рассмотреть башню во всей её красоте и выслушать рассказ о том, как она устроена и как велась оборона в период русско-польской войны 1632–1634 годов. Далее в тексте приводится справочная информация о Спасской башне.

Башня представляет собой неправильный четырехугольник. Построена из большемерного кирпича, длина которого достигает до 30 см, на извест-

ковом растворе. Стены расширяются книзу, отклоняясь от вертикали на 20 градусов В середину кладки закладывался бутовый камень. Для большей крепости внутрь стен были заложены бревенчатые связи, следы которых видны и сейчас. Швы выполнялись в «подрезку». Снаружи и изнутри стены белились известью. В настоящее время башня имеет два боевых яруса и подвальное помещение. В первом располагалось семь боевых окон-печур, в которых устанавливались пушки. С первого на второй ярус идёт винтовая лестница «взлаз». Во втором ярусе по периметру шла крытая галерея, вдоль которой располагались «стрельницы» или малые боковые окошки. Общее число бойниц достигает двадцати четырех. Верх завершает деревянная шатровая крыша, «в вышину три сажени», около семи метров.

Рассмотрев Спасскую башню, экскурсанты направляются по пешеходной тропе вдоль реки Вязьма, обозревая сохранившийся земляной вал. На одной из остановок рассказывается об этом виде укреплений *(8. Остановка на берегу реки с внешней стороны* бывшей крепости). На пути экскурсантов встречается колодец, который планирует благоустроить настоятель Свято-Троицкого собора иерей Александр Курмелев. Следующая локация — у сбегающей вниз каменной монастырской стены XIX века Аркадьевского монастыря *(9.* Осмотр фрагмента монастырской стены) и рассказ о стенах Вяземской крепости (городни). В XVI веке стали усиливать оборонительные возможности стен путём установки на них орудий. Так появились раскаты и бычки. Используя схему-план вяземского краеведа О. Ф. Фёдорова, можно проиллюстрировать укрепления «верхнего города», сделав остановку внизу под Соборным холмом (*10. Остановка внизу* холма, над которым возвышается Троицкий собор).

Выход экскурсантов к Фроловскому мосту и к улице Комсомольской предполагает знакомство с местонахождением каменной Фроловской угольной (Тайницкой) башни *(11.* Площадка у Соборного холма перед зданием Вяземской епархии*, за остановочным павильоном*). В ней был устроен тайник — скрытый под землёй проход к реке или колодцу. В крепости имелись вылазы и слухи. До нас дошли вяземские легенды о подземных ходах.

Переход к последней локации (*12.* Площадка у здания Дворца культуры) является завершающим этапом экскурсии. Здесь рассказ не только о Смоленской и Ильинской (Мироновской) башнях, но сообщение о судьбе крепости и о чудесном спасении Спасской башни: она уцелела благодаря заступничеству императора Николая I. В период второй русско-польской войны в 1654–1655 годы Вяземская крепость являлась базой сосредоточения русских войск, в городе находились склады и сюда же свозили раненых. После Андрусовского мира значение города как крепости упало, но в ещё 70–90-е годы XVII века продолжались ремонтные работы. Не перегружая экскурсию фактами, можно включить в неё дополнительную историко-краеведческую информацию. С открытием 27 ноября 2023 года

в исторической части города памятника царю Борису Годунову появилась возможность сделать это сообщение заключительным моментом экскурсии: основатель Смоленской крепостной стены не раз бывал в Вязьме, распорядился укрепить её крепость, ставшую в дальнейшем опорным пунктом в борьбе за возвращение Смоленских земель.

Таким образом, представленный в докладе маршрут «Вяземская крепость и её башни» является вариантом технологической карты предлагаемой экскурсии, которая получила положительные отзывы и дополняет существующие экскурсионные маршруты в городе. Данный маршрут является новым, по крайней мере автору не известна другая практика проведения аналогичной экскурсии. Бесспорным преимуществом этой туристической тропы является то, что проходит она по живописной местности вдоль сохранившегося земляного вала и по берегу реки Вязьма. Открывающиеся виды позволяют лучше понять и почувствовать ушедшую эпоху, дарят эстетическое наслаждение. Важно, планируя благоустройство территории от улицы Марины Расковой до улицы Комсомольской, не навредить природной среде, не выложить тротуарной плиткой пешеходную тропу, не вторгаться в сохранившийся ланшафт, а поддерживать всё в естественном виде.

С перспективой дальнейшей музеефикации Спасской башни и размещения Вяземского историко-краеведческого музея в реконструированном здании бывшего кинотеатра «Победа» откроются возможности для разработки специалистами культуры и туризма новых экскурсионных маршрутов, например, «Вяземская крепость на страже границы». Надеемся, что изложенный опыт и рекомендации помогут, как помогли автору материалы краеведов-исследователей и проделанная работа архитекторов, строителей-реставраторов по сохранению и популяризации культурного наследия края.

Список источников и литературы

1. Вяземская крепость // Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. А-Я. Смоленск: СГПУ, 2003.— С. 70–69.
2. Иванов Ю. Г. Старинные крепости России. Смоленск: Русич, 2004.— С. 199–200.
3. Тайны и легенды Вяземской земли (включая подлинные сведения о людях, памятниках, топонимике и природных явлениях)/ Сост. Л. С. Жукова, И. Д. Музыченко. Вязьма: б.и., 2012. С. 170–198.

Svirskaya Elena Vladimirovna
candidate of philosophical sciences,
chairman of the club "Regional historian"
city of Vyazma, Smolensk region

VYAZEMSKAYA FORTRESS IN MODERN EXCURSION ROUTES

Key words: *Vyazma fortress, Spasskaya tower, excursion, tourist route, natural environment.*
Annotation. *The new pedestrian route "Vyazma fortress and its towers" is included in the number of modern excursion routes in the city of Vyazma, Smolensk region. It allows you to get acquainted in more detail with the monument of military art of the 17th century Spasskaya tower and the history of the fortress. The indisputable advantage of this tourist trail is that it passes through a picturesque area along the preserved earthen rampart and along the bank of the Vyazma River. The views that open up allow one to better understand and feel the bygone era, the time of the Moscow state's struggle to return the Smolensk lands.*

Тихонов Владимир Викторович
Кандидат культурологии,
директор Иркутского областного
государственного автономного
учреждения культуры
«Архитектурно-этнографический
музей «Тальцы»

УДК 069 (571.53)

DOI 10.54016/SVITOK.2025.42.79.012

ПРАКТИКА АКТУАЛИЗАЦИИ ДЕРЕВЯННОГО ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА XVII ВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *Острог; деревянная крепость; тын; воеводский двор.*

Аннотация*: В статье в рамках скансенологической практики рассматривается состояние и перспектива сохранения уникального историко-культурного наследия, каковым является деревянное оборонное зодчество Сибири XVII века. Обращается внимание на необходимость научного подхода в воссоздании утраченных элементов фортификационной архитектуры. Рассматриваются конкретные удачные и неудачные примеры воссоздания деревянных крепостей как в музейной среде, так и в рамках коммерческих развлекательных комплексов.*

Основой движения русских первопроходцев в Сибирь и Дальний Восток был экономический интерес, связанный с освоением новых территорий богатых пушниной. В XVII веке на товарном рынке пушнина фигурировала под брендом «мягкое золото» и составляла почти треть российской казны. В Приангарье проникновение первых казачьих отрядов зафиксировано в 20-х годах XVII века. Ввиду полного отсутствия дорог, которых на практике не было (а местные племена вели исключительно автономный образ ведения хозяйства в связи с их очень редким расселением), все передвижения первопроходцев осуществлялись по рекам. Обосновывались первопроходцы на приангарской и других территориях по схеме: зимовье — острожек — острог — рубленный город [11, с. 4]. Деревянные крепости острогами называли только на европейском севере России и в Сибири. Неполный список Сибирских острогов приведён Н. М. Полуниной в работе «Хроника основания Сибирских острогов в XVI–XVII веках [11, с. 6–11].

К настоящему времени сохранились отдельные элементы только четырех деревянных крепостей — острогов XVII века в Сибири. Это две проезжие башни Казымского (Юильского) острога (1700 год), перевезенные с реки Казым Ханты-Мансийского автономного округа в 70-х годах XX века в Историко-архитектурный музей под открытым небом Института археологии и этнографии СОРАН (город Новосибирск); две угловые башни второго и третьего Братского острога [7], одна из которых была в последующем перевезена в музей-заповедник «Коломенское» (город Москва), а вторая в Архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня»; башня Бельского острога отреставрирована в селе Бельск Иркутской области; самой уникальной считается Спасская проезжая башня Илимского острога (1667 год), в настоящее время перенесённая в Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» [3, с. 9–11] вместе с Казанской привратной церковью Илимского острога (1679 год) [8, с. 61]. До недавнего времени специалисты могли знакомиться еще с одним артефактом прошлого, относящимся к оборонному зодчеству,— это проезжая башня Якутского острога, но она сгорела в 90-х годах XX века. [4].

Башни Казымского (Юильского) острога расположились в экспозиции деревянного зодчества Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СОРАН (в четырех километрах от Новосибирского академгородка) [6, с. 34] и вместе с Зашиверской церковью и колокольней XVII века составляют общую музейную экспозицию. Первоначально предполагалось дополнить экспозицию другими объектами деревянного зодчества Сибири, но от идеи отказались и дальнейшего развития экспозиция пока не получила. Две проезжие башни острога находятся по центру противоположных сторон квадрата, обозначающих территорию острога. Башни четырёхугольной формы, по 21 бревну в стопе и 8 брёвен в обламе. Кровля четырёхскатная. Каждая башня оборудована двумя подъездами под ворота с бревенчатыми скатами от них. Основной материал стопы — оригинал. К одной из башен примыкает имитация тына. В перспективе возможно формирование полноценной экспозиции острога, отражающей хотя бы приблизительно его образ. Это возможно после проработки архивных материалов. Датированное основание острога относится к 1700 году.

В состоянии одиночной доминанты в центре села Бельск Иркутской области стоит (на неудобном склоне для острога) перенесенная и отреставрированная на открытом бетонном фундаменте угловая башня Бельского острога, построенная в 1669 году [11, с. 10]. Башня представляет квадратную стопу в 17 брёвен, на которую установлен облам в 6 брёвен, четырёхскатная кровля, венчаемая четырёхсторонней смотровой площадкой, устроенной над кровлей. Смотровая площадка имеет четырёхскатную кровлю, завершаемую четырёхсторонней пирамидой. Нижнюю стопу острожной

башни изнутри венчает бревенчатый накат, к которому ведет лестница с проемом на облам. С облама на смотровую площадку так же ведет лестница. В нижней стопе у основания — небольшая дверь в башню. Башня стоит без эксплуатации как объект историко-культурного наследия. Реставрация башни проводилась в начале 80-х годов XX века.

Ещё одними артефактами оборонного деревянного зодчества стали две башни Братского острога. В статье А. И. Михайловской говорится: «*Итак, Братский острог не сразу был построен у устья Оки. По-видимому, в 30-х годах XVII века около Падуна было поставлено зимовье, а затем был построен острог на правом берегу Оки и в 1654 году перенесен на левый берег Оки, к устью*» [7, с. 22]. Это обобщение А. И. Михайловская сделала в своей работе в 1928 году, и связано оно с тем, что в источниках сложилось много разночтений по поводу периода создания острога и его дальнейшего функционирования. А. А. Павлов проанализировал дореволюционные данные от И. Э. Фишера, утверждавшего, что Братский острог был построен в 1631 году у Падунского порога, второй — на правом берегу реки Ангары в 1648 году, и третий –на правом берегу реки Оки, а затем перенесен на ее левый берег, а также гипотезу А. П. Окладникова, озвученную в книге «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.)» изданной в 1937 году, где он утверждает, что первый Братский острог был построен в 1631 году отрядом Максима Перфильева ниже Падунского порога, второй летом 1635 года — отрядом А. Радуковского на правом берегу реки Оки, и в 1654 году он был Дмитрием Фирсовым перенесен на левый берег [9, с. 29]. То есть, до нашего времени дошли сохранившиеся элементы последнего — третьего — Братского острога. При этом «*конструктивные особенности двух сохранившихся башен острога позволяют предположить, что одна из них (северо-западная) строилась ранее 1654 года (скорее всего в 1648 году) и была перенесена с правого берега Оки*» [10, с. 11]. Таким образом, получается, что северо-западная башня 1648 года постройки первоначально возводилась для второго Братского острога, а потом была перенесена и вошла в состав третьего Братского острога, который строился в 1654 году. [3, с. 117]

В последующем северо-западную башню Братского острога по причине попадания в зону затопления Братского водохранилища в 1959 году перенесли в музейный комплекс «Коломенское» (город Москва) в существовавший в то время музей деревянного зодчества, здесь она еще с тремя уникальными объектами деревянного зодчества европейской части СССР завершила формирование экспозиции, создание которой начал еще в 1927 году П. Д. Барановский [13, с. 18]. В 2005–2008 годах северо-западная башня вновь пережила переезд на новое место — уже внутри музея, так же, как и в 1959 году, она попала в коллекционную экспозицию как одиночный экспонат наряду с еще двумя одиночными экспонатами.

У второй юго-западной башни 1654 года Братского острога судьба сложилась несколько иначе. В 1960 году её разобрали и перевезли на незатопленную часть мыса Падун, где она простояла в собранном виде как одиночный архитектурно-исторический объект до 1980 года. Затем была перевезена и отреставрирована в созданном Архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня» (город Братск). В 2012 году было принято решение об аутентичной реконструкции всей инфраструктуры третьего Братского острога. В настоящее время воссозданы ещё три угловые башни и проезжая башня. Завершено воссоздание внутриострожной церкви и воеводского двора. Об остальной инфраструктуре разговор пока ещё не идет. После ознакомления с процессом воссоздания Братского острога, у автора образ уже воссозданных элементов острога вызывает ассоциации с возведенным в полном новоделе первым Ленским острогом в Намском улусе Республика Саха (Якутия). Единственным резко выраженным отличным элементом инфраструктуры последнего является воеводская изба, а так внешний облик совпадает один в один.

В XVII веке до появления Иркутского острога главным административным центром Восточной Сибири был Илимский острог. Начало освоение территории будущего Илимского острога положил Иван Галкин, который на Ленском волоке (дороги с реки Ангара на реку Лена) в его начале, где река Илим впадает в реку Ангару, построил зимовье [3, с. 109]. Окончательно первый Илимский острог сформировался в 1647 году при приказчике Григории Демьянове [1, с. 6; 2, с. 139] и состоял по описи воеводы Тимофея Шушерина, датированной 1649 годом, из двух башен (одна из них проезжая), острожных тыновых стен длиною 119,5 сажен, съезжей и воеводских избы. Острог был настолько мал, что другие строения в нём разместить было невозможно [5, с. 2]. В 1656 году воевода Богдан Оладьев поставил новую съезжую избу на месте ранее сгоревшего воеводского двора [1, с. 7]. При сыне боярском А. Ларионове 24 июля 1666 года острог сгорел. Приехавший через три месяца после пожара в Илимск новый воевода Сила Осипович Оничков для строительства нового острога выбрал более удобное место «на низ Илима за 655 сажень» [17, с. 44]. Только 21 июля 1667 года (по старому исчислению) приступили к строительству первого объекта — Спасской проезжей башни — второго Илимского острога [17, с. 47]. Руководил строительством острога подьячий Никита Лазарев. Острог строили почти два года, и только в 1669 году воевода Сила Оничков переехал на жительство в острог.

Острог состоял из Спасской проезжей башни; Богоявленской башни среди береговой стены; Наугольной башни по краю берега реки Илим, Наугольной башни на Береговой улице; Веденской проезжей башни; Нагорной Наугольной башни; Средней Наугольной башни; Нижней нагорной наугольной башни; Церкви во имя Нерукотворного образа Господа

нашего Иисуса Христа (Спасская); восьмиугольной рубленной колокольни при церкви; приказной избы; казенного соболиного амбара; соляного амбара (казенного амбара о двухжирах — двухэтажного); таможенной избы; часовни (1698 год); амбара ружейного казенного; караульной избы, а к ней прируба аманатного — тюрьмы; гостиного двора о 20 лавках; государева двора — воеводства; амбарца сына боярского Герасима Учюжникова и амбарца подьячего Петра Лазарева; подвала порохового — погреба; угольницы и подвала с выходом; избы чёрного монаха.

В 1679 году с внешней стороны острога напротив Спасской проезжей башни поставили Казанскую привратную церковь. А ещё за стенами острога стоял кружечный двор — избушка для продажи на разлив вина и пива.

Довольно внушительный перечень объектов характеризовал значимость и самого города в XVII веке.

От Илимского острога до наших дней дошли только два артефакта — Спасская проезжая башня и Привратная Казанская церковь. Вопрос об их сохранении ставился системно в конце XIX века, в начале XX века, в середине XX века и стал решаться после того, как в 60–70-х годах XX века началось строительство Усть-Илимской ГЭС и уникальные объекты деревянного зодчества, с 1960 года относящиеся к объектам историко-культурного наследия Всесоюзного значения, попали в зону затопления Усть-Илимского водохранилища. При проработке вариантов их спасения предлагалось несколько мест для их переноса.

Организацией спасения занималась архитектор из Москвы Г. Г. Оранская. Она в 1966 году предложила перенести объекты в разработанный ею музей деревянного зодчества под открытым небом, создать который Оранская предложила в Тальцинском урочище на 47-м километре автодороги Иркутск — Листвянка [14, с. 213]. В 1971 году под руководством Г. Г. Оранской объекты были вывезены в музей [14, с. 218], а в 1982 году приступили к реставрации Спасской башни. Закончили реставрацию в 1987 году. Реставрация Казанской церкви велась с 1989 по 1990 год. [15, с. 220]. С 1986 года в музее сменилось название — с музея деревянного зодчества на Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

В 1989–1991 годы в музее приступили к съемкам советско-японского фильма «Сны о России» и в качестве декорации возвели юго-западную (наугольную по краю берега Илима) башню без облама. Автором проектов аутентичного воссоздания угловых башен западной стены Илимского острога был архитектор А. В. Суботин [12]. Одновременно вдоль западной стены был возведен декоративный тын, через 10 лет пришедший в негодность и замененный в 1999–2000 годах, а в 2010 году достроили облам юго-западной башни. К 2010 году созрела идея полного аутентичного воссоздания Илимского острога, и при составлении генерального плана развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» он был на плане полностью

обозначен. Это не составило больших проблем, так как у исследователей Илимского острога оказалось достаточно материалов, включая «Чертёжную книгу» С. Ремизова 1703 года, где схематично обозначены практически все объекты острога, и материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), где Илимский острог расписан буквально по брёвнышкам. Основными авторами генплана воссоздания острога, функционального назначения его объектов, архитектурного облика объектов, который в настоящее время воплощается в жизнь, стали архитекторы-исследователи Н. П. Крадин и И. В. Калинина [16, с. 315].

В 2012–2013 годы на средства инвестора «Иркутск-энерго» были воссозданы гостиный двор и приказная изба. В 2015 году силами собственного реставрационного цеха музея воссоздали соболиный и соляной амбары, а в 2016 году те же сотрудники реставрационного цеха воссоздали караульную избу с аманатным прирубом. В 2017 году эта же бригада воссоздала купеческую часовню и оружейный амбар. В 2018 году у западной тыновой стены острога воссоздали часть галереи, а в 2019 году — часть южной стены и часть северной стены с галереей. За пределами острога в 2017 году был воссоздан кружечный двор.

В настоящее время ведётся планировка оставшейся незастроенной территории острога, ведутся проектно-сметные работы по оставшимся недовоссозданными объектам острога и прорабатываются перспективы финансирования проекта по статье строительства.

В созданных объектах обустроены и работают выставки и экспозиции. В Спасской башне — выставка, посвященная деревянному оборонному зодчеству Сибири, в южной угловой башни западной стены — экспозиция быта казаков; в северной угловой башне западной стены — экспозиция «Известные люди, посетившие Илимский острог,— Протопоп Аввакум, Ерофей Хабаров, Витус Беринг, Радищев». В караульной избе — экспозиция, посвященная быту караула. В гостином дворе две ячейки оборудованы под экспозиции торговых точек XVII века. В соляном амбаре на первом ярусе экспозиция — соляные лари, заполненные солью и соответствующая атрибутика; в соболином амбаре — экспозиция из разнообразных связок мехов; в оружейном амбаре — экспозиция-хранилище различных видов оружия и малых пушек; в купеческой часовне — соответствующий интерьер с расписным крестом.

Наиболее разнообразная экспозиция в Приказной избе. Нижнюю часть помещения занимают «сени на ряжу» (тюремное помещение), где воссоздан интерьер тюремного помещения с кандальником в виде ростовой фигуры. А через бревенчатую стену находится другое помещение — «Мшеник» (винный подвал) — с тоже воссозданным в мельчайших подробностях интерьером. Верхний этаж занимают просторные сени (своеобразный зал ожидания) с соответствующим интерьером, из которых входы в другие

помещения: воеводскую палату и канцелярию, которые нераздельно занимают одно большое помещение. Интерьер, соответствующий времени: стол и кресло воеводы с ростовой фигурой воеводы, три стола подьячих с двумя ростовыми фигурами, соответствующая атрибутика — светцы, шкаф-поставец, сундук-подголовник, сундук-скрыня и так далее. В качестве отопления использовалась изразцовая печь. При строительстве экспозиции достигнута достаточная аутентичность. Из воеводской палаты вход в помещение казны (кладовую) с соответствующим интерьером. По центру сеней оборудован чулан для хранения документов. Из сеней ещё два входа в помещение для сторожа и другой вход в нужник. Везде оборудованы соответствующие интерьеры с атрибутикой.

За пределами Илимского острога в Казанской привратной церкви воссоздан соответствующий интерьер. Церковь является действующим культовым объектом. По большим церковным праздникам в церкви проводятся богослужения. Во втором объекте Илимского острога, который расположен вне его пределов,— кружечном дворе (по сути кафе XVII века) — так же сформирован интерьер. Перед прилавком два казака (ростовые фигуры) играют в кости. За прилавком стоит аниматор и наливает гостям в качестве дегустации чай, у него можно приобрести сбитень, квас и морс.

В последние годы в музейном пространстве предпринимаются попытки воссоздания облика утраченных острогов Сибири, по большей части без научной проработки, в отсутствие дошедших до нашего времени артефактов, связанных с деревянным оборонным зодчеством. Есть вполне реальные успехи. К примеру воссоздание как этнопарка первого Ленского острога в Намском улусе Республика Саха (Якутия). А есть совершенно фантазийные варианты, и порой совершенно печально, когда такую ненаучную фантазию делают музейные работники. Примером неудачной фантазии может служить создание так называемого Тюльберского острога в Кемерово [16. С. 317]. Учитывая то, что в Сибири за её историю был не один десяток оборонительных крепостей — острогов, в программе сохранения исторической памяти в контексте обеспечения культурной безопасности страны хотелось бы, чтобы эта тематика и дальше будоражила умы неравнодушных к нашей истории специалистов, а при воссоздании таких объектов для достижения большей аутентичности работа велась с серьёзным научным обоснованием. Понятно, что воссозданные остроги, не имеющие объектов-артефактов, будут уже не музеями, а этнопарками. При этом созданные на научной основе этнопарки так же будут выполнять просветительскую цель по сохранению исторической памяти.

Список источников и литературы:

1. Калинина И. В., Колганова Е. Ю., Тихонов В. В. Приказная изба Илимского острога.— Иркутск: ООО «Репроцентр А1» — 2017.— 88 с.

2. Калинина И. В. Введенская церковь Илимского острога // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» — 2019 — № 10 — с. 139–159
3. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество.— М.: Изд-во «Искусство», 1988.— 190 с.
4. Крадин Н. П. Якутская деревянная крепость // Тальцы.— 1999 — № 3 (7).— с. 3–10.
5. Лыхин Ю. П. Об Илимском остроге и Спасской проезжей башни. // Тальцы.— 2010 — № 2 (35).— с. 3–18.
6. Майничева А. Ю. Историко-архитектурный музей под открытым небом института археологии и этнографии СОРАН: Итоги и перспективы. // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях. материалы научно-практической конференции, состоявшейся в г. Иркутске, 6–9 августа 2006 г. Иркутск: Тальцы, 2006 — с. 33–39.
7. Михайловская А. И. Братский острог // Тальцы.— 1999 — № 2 (6).— с. 20–36.
8. Нефедьева А. К. Казанская привратная церковь Илимского острога // Тальцы.— 2000 — № 1 (8).— с. 59–66.
9. Павлов А. А. Братский острог в XVII веке (из истории трех крепостей) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».— 2013 — № 6.— с. 29–35
10. Павлов А. А. Ангарский поход сотника Петра Бекетова 1628/29 года (к вопросу о времени основания первого Братского острога) // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».— 2015 — № 7.— с. 7–12.
11. Полунина Н. М. Хроника основания сибирских острогов в XVI–XVII веках. // Тальцы.— 1999 — № 2 (6).— с. 3–11.
12. Суботин А. В. Реконструкция угловых башен западной стены Илимского острога в АЭМ «Тальцы» // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».— 2002 — № 1 — с. 157–163.
13. Тихонов В. В. Анализ методической базы музеев под открытым небом России.— Иркутск: Изд-во ИП «Макаров С.Е.», 2003 – 180 с..
14. Тихонов В. В. Хронология развития музея «Тальцы» // Архитекторы и время.— Иркутск: Изд-во ООО Репроцентр А1», 2013 — с. 213–228.
15. Тихонов В. В. Практика реставрации и использования Казанской привратной церкви Илимского острога в музее «Тальцы». // Вестник Томского университета: культурология и искусствоведение.— Томск, 2015–3№ (19) — с. 47–50.
16. Тихонов В. В. Практика аутентичного воссоздания деревянного оборонного зодчества XVII века на примере Илимского острога. // Словцовские чтения. XXI всероссийская научно-практическая конференция (сборник материалов) — 2018 — с. 314–317.
17. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начале XVIII века. 2 изд. Иркутск: [Б. и.], 2001 — 604 с.

Tikhonov Vladimir Viktorovich
Candidate of Cultural Studies,
Director of the
Irkutsk Regional State Autonomous
Cultural Institution
«Architectural and Ethnographic
Museum «Taltsy»

THE PRACTICE OF UPDATING WOODEN DEFENSE ARCHITECTURE OF THE 17TH CENTURY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: *Ostrog, wooden fortress, tyn, voivode court.*
Annotation. *The article deals with the state and perspective of preservation of wooden defense architecture of Siberia XVII century which is the unique historical and cultural phenomenon. This problem is considered within the framework of the scanseological practice. Attention is drawn to the necessity of a scientific approach to the reconstruction of lost elements of the wooden defense architecture of Siberia. The article considers concrete successful and unsuccessful examples of restoration of wooden fortresses both in the museum environment and in the framework of commercial entertainment complexes.*

Трусов Юрий Викторович
доцент, профессор
ФБГОУ ВО «Смоленский государственный университет»

УДК 711

DOI 10.54016/SVITOK.2025.12.45.013

АРТ-ОБЪЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Ключевые слова: *арт-дизайн, арт-объект, крепостная стена, композиция.*

Аннотация: *В статье рассмотрено понятие «арт-объект», задачи, стиль и возможности его использования в историческом пространстве Смоленской крепостной стены. Автором приведены примеры арт-объектов, рассмотрены основные аспекты разработки проекта.*

Понятие «арт-объект» сегодня можно услышать в сфере искусства и в средствах массовой информации. Первоначально термин имел отношение к сфере арт-дизайна как «вида дизайна с приоритетом эстетического начала, направленного на организацию художественного впечатления, получаемого от воспринимаемого объекта» [1, 2]. «Art» *в переводе с английского языка* обозначает «искусство», «умение», «мастерство», а как прилагательное — «художественный». Термин «объект» происходит от латинского «objectum», что в переводе означает «предмет». Таким образом, «арт-объект» — это «художественный предмет». Если первоначально значение термина было связано в большей степени с понятием выставочного или интерьерного объекта, то теперь все чаще и активнее термин используется в сфере проектирования городской среды. В общественном пространстве парка или сквера арт-объект может представлять особую художественную форму, лишенную ярко выраженной функции. Арт-объект может выглядеть как изобразительная, шрифтовая или абстрактная (неизобразительная) композиция. Это может быть скульптурная форма, основанная на работе с реальными массами и объемами, живопись, инсталляция, предметы промышленного дизайна, архитектурная форма, видеопроекция или светозвуковая инсталляция. Кроме того, он может быть построен на сочетании разных видов искусства и средств.

Особое значение имеет арт-объект в исторической городской среде, являясь композиционной доминантой, смысловым акцентом, придающим проектируемому городскому пространству определённое образное звучание и эмоциональную окраску. Современный арт-объект в исторической среде приобретает целый ряд различных значений и смыслов: архитектурно-пластическое, образное, эстетическое, информационное значение. Однако, самой важной задачей, которую выполняет арт-объект в исторической среде, на наш взгляд, является роль носителя исторической памяти, знака прошлого, напоминания о важных исторических событиях, происходивших на этом месте [2].

Создание арт-объекта в исторической среде, например, Смоленской крепостной стены, задача сложная. Ее решение невозможно без серьезного изучения исторического аспекта, работы с архивными материалами и учёта данных археологических исследований, сложившейся планировочной структуры, стилистических особенностей сохранившихся частей памятника архитектуры, расположенных в непосредственной близости к проектируемому арт-объекту. Только на основе всестороннего предварительного анализа можно разработать правильную дизайн-концепцию, определить стратегию действий, которая позволит создать арт-объект, гармонично внедрённый в историческую среду.

Важным аспектом работы над арт-объектом и его введением в историческую среду памятника архитектуры является проработка юридических вопросов. Юридические основы работы над созданием дизайн-проекта связаны прежде всего с уточнением границ охранной зоны и разрешенных видов деятельности на территории памятника. Также необходимо изучение вопроса о режиме использования земель, запрете или ограничениях на создание новых объектов на данной территории, которые существуют «в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия».

Еще одной важной задачей проектирования является определение роли арт-объекта в общей концепции комплексного проекта благоустройства территории фортификационного сооружения. Проектируемый арт-объект может стать тем композиционным центром, вокруг которого строится образное, планировочное и объемно-пластическое решение благоустройства исторической территории (в случае утраченных башен и прясел крепости). Другой вариант предполагает использование арт-объекта как дополнительного элемента организации средового пространства, как в композиционном, так и смысловом аспектах. В этом случае количество объектов может возрасти, а их размер стать значительно меньше.

Смоленская крепостная стена имеет большую протяженность и пересекает различные городские пространства: Лопатинский парк (городская

зона отдыха), сквер Памяти героев Отечественных войн (мемориальная часть города). Поэтому, разрабатывая идею арт-объекта для Смоленской крепостной стены, необходимо понимать не только какие задачи он решает (украшает, информирует, предлагает задуматься и т.д.), но и насколько органично он вписывается в свое окружение.

Рассмотрим в качестве примера современного арт-объекта для исторической среды серию мемориальных знаков (дизайнер — Ю. В. Трусов), установленных в городе Смоленске у крепостной стены. Сквер Памяти героев Отечественных войн, первоначально носивший название бульвара, насчитывает более чем столетнюю историю. Открытие бульвара возле Смоленской крепостной стены состоялось 31 августа 1912 года и было приурочено к 100-летнему юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года.

Вторая часть сквера связана с Великой Отечественной войной 1941–1945 годов. Здесь возле крепостной стены в 1943 году были похоронены погибшие в боях за город советские воины.

В 2015 году было принято решение дополнить композицию сквера мемориальными знаками с именами смолян — героев Советского Союза, Российской Федерации и полных кавалеров Ордена Славы. Перед автором проекта стояла непростая задача органично вписать в уже сложившийся, завершённый архитектурный ансамбль семь современных арт-объектов, объединить их единой динамичной композицией друг с другом, стилистически и композиционно связать эти «новоделы», как с ранее возведёнными монументальными объектами, так и с самой крепостной стеной. Следует, также упомянуть о «читаемости» и хорошем восприятии информации, размещённой на арт-объектах (определение размера шрифта, межстрочных расстояний, общей композиции на форме конструкции арт-объекта), которая должна быть рассчитана на комфортное восприятие проходящими по аллее посетителями сквера.

В процессе работы над дизайн-проектом большое внимание было уделено поиску размеров и формы арт-объекта, которые должны были способствовать его органичному вхождению в исторически сложившуюся среду сквера, а также его художественно-образному решению. В итоге мемориальный знак представляет собой квадратную плиту из красного гранита, цвет которого по замыслу автора будет перекликаться с цветом крепостной стены. Башни и прясла крепостной стены ограничивают пространство сквера с одной стороны и являются важной частью его ансамбля. Правильный подбор отделочных материалов и цветового решения арт-объектов позволил органично внедрить «новодел» в историческую архитектурно-пространственную среду (рис. 1).

В процессе работы над эскизом и макетом арт-объекта, поиском его образно-стилистического и пластического решения выполнение задачи его гармоничной связи с окружающей архитектурной средой может быть

Рис. 1. Проект и реализация арт-объекта в сквере Памяти героев города Смоленска

Рис. 2. Арт-объект на месте утраченной башни «Фроловская» (из проектного решения К. Поморцевой)

Рис. 3. Арт-объект на месте утраченной башни «Пятницкие ворота» (из проектного решения Ю. В. Трусова)

построено как на «нюансе», так и на «контрасте». «Нюанс» предполагает использование в стилистике и формах арт-объекта элементов стилизации под старину, выбор форм, декора, материалов, своеобразных «цитат» из прошлого.

Другим примером арт-объекта, органично вписанным в историческую среду Смоленска, является информационный знак, установленный возле башни Громовая в центральной части города. Недалеко от этого места также расположен памятник зодчему крепостной стены Федору Коню (скульптор О. К. Комов). Лаконичная форма знака, решенная в виде наклонно установленной на невысокой подставке гранитной плиты, удобна для восприятия информации. На плите представлена схема Смоленской крепостной стены и перечислены названия всех ее башен. Выбор серого мрамора для информационного знака находит цветовую поддержку в цвете памятной доски на стене крепостной башни и цвете кровли башни.

Противоположный подход «на контрасте» предполагает использование современных форм и материалов, связанных с окружающей средой как информационно-содержательной частью, так и эстетической составляющей. При этом для выполнения арт-объекта могут быть использованы современные материалы (металл, камень, бетон, дерево, керамика, стеклопластик) и современные технологии (Рис. 2–3).

Работа с исторической средой, ярким примером которой является Смоленская крепостная стена, по созданию арт-объектов — современный актуальный вид творческой деятельности, который требует от дизайнера умения работать с историческими материалами, знания юридических основ работы с историческими памятниками, навыков привлекать художественно-дизайнерские средства для создания выразительного проектного решения арт-объекта, воздействующего на зрителя и вызывающего различные эмоциональные реакции (задуматься, взглянуть на исторический памятник под новым углом, получить новые знания).

Список источников и литературы

1. Международная школа дизайна архитектурно-исторической среды. Смоленская крепостная стена. [Электронный ресурс]. URL: https://xn-80ahjdc1ciiy.xn — p1ai/index.php/proekty/smolenskaya-krepostnaya-stena (дата обращения 27.01.2024).
2. Трусов Ю. В. Арт-объект в исторической среде [Электронный ресурс]. URL: https://xn-80ahjdc1ciiy.xn — p1ai/index.php/materialy/dizajn/94-sovremennyj-art-ob-ekt-v-istoricheskoj-arkhitekturnoj-srede (дата обращения 26.01.2024).

Trusov Yuri Viktorovich
Associate Professor, Professor
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Smolensk State University»

ART — OBJECT IN THE HISTORICAL ENVIRONMENT OF THE SMOLENSK FORTRESS WALL

Key words: *art — design, art — object, fortress wall, composition.*
Annotation. *The article discusses the concept of «art object», tasks, style and possibilities of its use in the historical space of the Smolensk fortress wall. The author provides examples of art objects. The main aspects of project development are considered.*

Авилов Роман Сергеевич
доктор исторических наук, старший научный сотрудник Государственного объединенного музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева; старший научный сотрудник. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

УДК 9.908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.33.29.014

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГОДОВ И РОЖДЕНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ. ГОД 1877 — БЕРЕГОВАЯ ОБОРОНА

Ключевые слова: *Владивостокская крепость, Русско-турецкая война 1877–1878 годов, Восточный Сибирский военный округ, П. А. Фредерикс, Г. Ф. Эрдман, береговая оборона, береговые батареи.*

Аннотация: *В докладе на впервые вводимых в научный оборот материалах РГВИА рассматривается история строительства береговых батарей во Владивостоке в 1877 году. Отмечается, что обострение ситуации на Балканском полуострове заставило Военное министерство еще в 1876 году принять меры на случай возможного конфликта не только с Османской, но и с Британской империей. Для предотвращения повторения сценария Крымской войны 1853–1856 годов на Тихом океане было принято решение об организации береговой обороны Владивостока. Весной 1877 года разработали план строительства береговых батарей для защиты входа в бухту Золотой Рог и воспрепятствования обстрелу города вражеским флотом*

со стороны Амурского залива. Решение о строительстве временных береговых батарей на мысу Голдобина оказалось настолько удачным, что впоследствии там же были возведены уже долговременные береговые батареи из трамбованного бетона.

История проектирования и строительства оборонительных сооружений во Владивостоке в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов к настоящему времени системно рассматривалась только в одной работе, написанной уже более 10 лет назад [1, с. 18–26]. В то же время, архивные изыскания последних лет и обнаружение ранее неизвестных документов дают возможность по-новому взглянуть на начальный этап формирования системы береговой обороны Владивостока.

К настоящему времени известно два документа, содержащих не только комплексное описание предпринятых мер по организации обороны Владивостока в 1876–1878 годах, но и исходные аналитические выкладки и заключения, на основании которых принимались все решения. Это две записки об укреплениях Владивостока и Николаевска, приложенные к двум рапортам (№ 41 от 12 декабря 1877 года и № 4864 от 27 ноября 1878 года) Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-адъютанта барона П. А. Фредерикса военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину. Оба документа сохранились целиком [3, л. 92–114; 4, л. 1–27 об.]. К тому же, их содержание дублируется многочисленными цитированиями и пересказами в журналах различных комиссий и других делопроизводственных документах Военного министерства. Таким образом, картину подготовки Владивостока к возможному удару неприятеля можно восстановить достаточно подробно.

К моменту получения в Иркутске распоряжения о подготовке к возможной войне с Британской империей береговой обороны Владивостока по сути не существовало. В погоне за экономией финансовых средств, когда в 1871 году главную базу Сибирской флотилии со всеми ее учреждениями перевели из города Николаевск (на реке Амур) во Владивосток, все работы по сооружению береговых батарей для обороны устья реки Амур были прекращены. Вопрос же о необходимости строительства хоть каких-то оборонительных сооружений для защиты Владивостока, «сделавшегося средоточием наших морских сил на Восточном Океане», даже не был поставлен [4, л. 55], хотя опыт Манзовской войны 1868 года наглядно показал необходимость заблаговременной подготовки к обороне тогда еще военного поста Владивосток не только с моря, но и с суши. «При таком положении дела было очевидно, что в случае разрыва с морскими державами и нападения на прибрежные пункты Восточного океана, приходилось предоставить неприятелю безнаказанно уничтожить все наши прибрежные учреждения, а против вторжения его внутрь страны действовать лишь

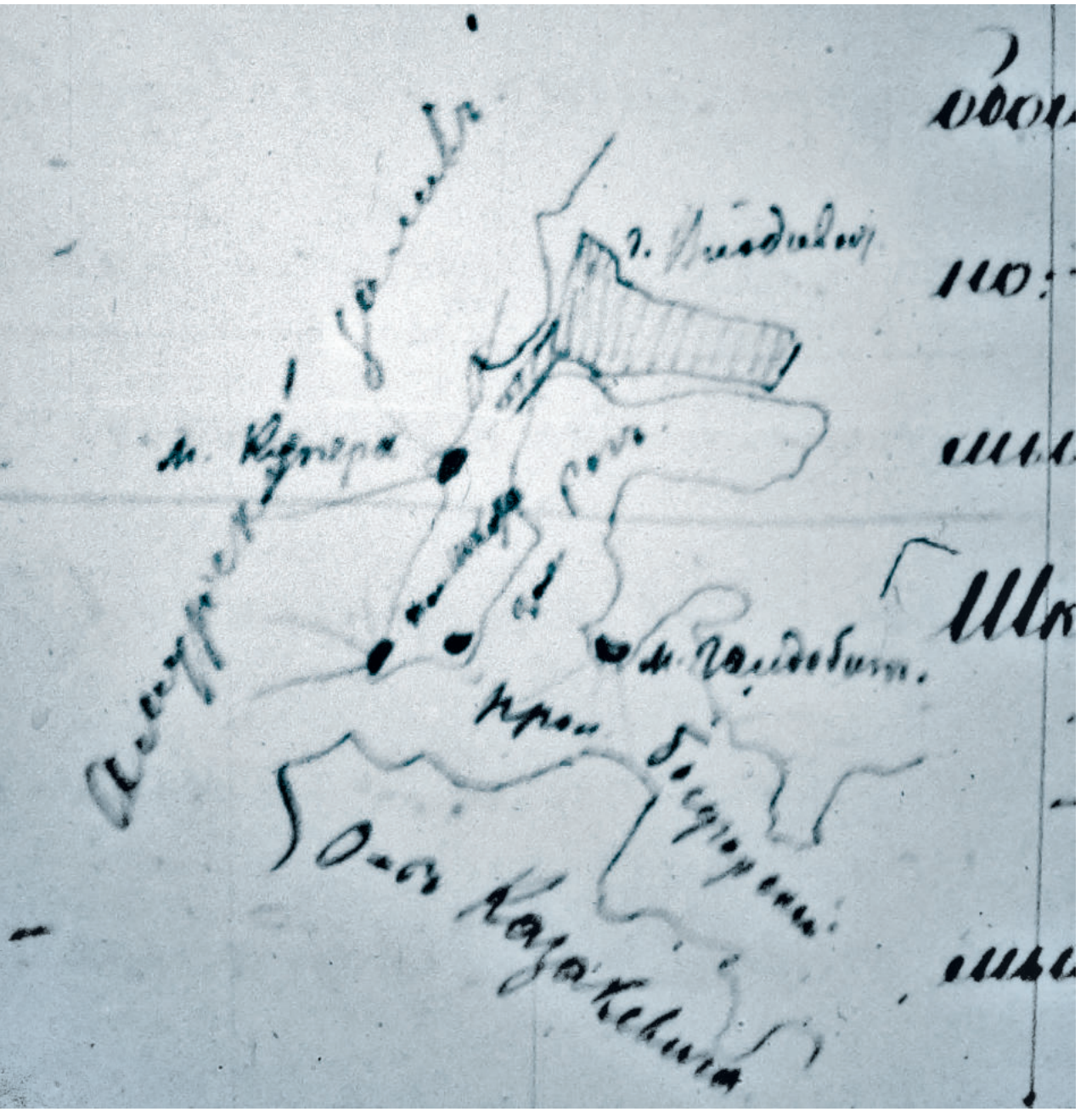


Схема расположения предполагавшихся к строительству береговых батарей Владивостока в 1877–1878 годах. Рисунок на полях «Записки об укреплениях Владивостока и Николаевска», приложенной к рапорту Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа генерал-адъютанта барона П. А. Фредерикса военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину № 41 от 12 декабря 1877 года. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 98 об. Публикуется впервые.

сухопутными войсками» [3, л. 95 об.—96]. До конца 1876 года такая перспектива никого не смущала. В Петербурге были в большей степени озабочены оглушительным поражением Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 годов, созданием Германской империи, а значит и появлением на западных границах России нового мощного потенциального противника. В этих условиях в Военном министерстве было действительно не до дальневосточной окраины. По крайней мере до тех пор, пока на горизонте снова не замаячила британская угроза, с частичным повторением тихоокеанского сценария Крымской войны 1853–1856 годов.

29 октября 1876 года в городе Иркутск была получена шифрованная депеша Д. А. Милютина, в которой указывалось: «Разрыв с Англией возможен, а потому осторожнее принять заблаговременно меры обороны» [3, л. 4]. В Иркутске было незамедлительно собрано совещание, участники которого констатировали, что в отличие от Крымской войны, когда основной удар англо-французской эскадры пришелся на Петропавловск на полуострове Камчатка и залив Де-Кастри, на этот раз удару противника, с высокой долей вероятности, подвергнется «Владивосток, как сосредоточие наших морских учреждений в этом океане, и Николаевск, как областной город и наиболее значительный торговый пункт прибрежья, расположенный к тому в устьях реки Амура». Причем наибольшая опасность грозила именно первому пункту, как более удобному для нападения [2, л. 102–104 об.].

Поэтому к срочному укреплению Владивостока, который тогда состоял всего из нескольких улиц, пришлось приступить в декабре того же 1876 года. В то время там имелось всего: два 6-дюймовых стальных нарезных орудия, четыре чугунных 60-фунтовых пушки, четыре 2-пудовых бомбовых пушки и одна 36-фунтовая пушка. Вся эта артиллерия имела морские станки на поворотных платформах. Кроме того, зимой 1876–1877 годов во Владивосток было доставлено зимним путем из Хабаровского артиллерийского склада десять 6-дюймовых нарезных мортир и 200 подводных мин. Это была вся материальная часть, изначально имевшаяся для организации фортификационной обороны Владивостока. Соответственно и все решения по его обороне принимались исходя из имевшихся средств, а не потенциальных возможностей неприятеля, как того требовала военная наука [3, л. 98].

При проектировании укреплений, обороняющих доступ к городу Владивосток, рассматривалось два варианта возможных действий неприятеля. Первый — что для овладения Владивостоком с моря неприятельский флот может войти в пролив Босфор Восточный, соединяющий Амурский и Уссурийский заливы и разделяющий полуостров Муравьева-Амурского, на котором находился Владивосток, и Русский остров, и затем занять бухту Золотой Рог. Второй — что противник воздержится от входа в бухту, ограничившись обстрелом Владивостока из корабельной артиллерии с предварительно выбранной удобной позиции. «Гористая местность полуострова

Муравьева-Амурского вполне прикрывает город Владивосток с северной стороны.— Отмечалось в Записке об укреплениях Владивостока и Николаевска.— С Уссурийского залива бомбардирование города следует признать также невозможным, так как бухта Золотой Рог, вдаваясь на 3 версты в материк по направлению от запада на восток, отделяется от Уссурийского залива перешейком, наименьшая сторона которого около 6ти верст. Независимо расстояния, успешному бомбардированию города с этой стороны служит препятствием также весьма гористый характер местности перешейка. Что же касается Амурского залива, то расположившись в нем, флот неприятельский может подвергнуть бомбардированию всю северо-западную часть города и места, лежащие около порта» [3, л. 97–97 об.].

Исходя из этих соображений, к весне 1877 года для воспрепятствования безнаказанного входа неприятельских кораблей в пролив Босфор Восточный и далее — в бухту Золотой Рог, по обе стороны входа в бухту были построены береговые батареи, всего — 11.

С восточной стороны, наиболее удобным для строительства оборонительных сооружений оказался полуостров Черкавского, оканчивающийся мысом Голдобина — восточным входным мысом бухты Золотой Рог. С западной — полуостров Шкота с мысом Эгершельда.

На полуострове Черкавского с мысом Голдобина было возведено 7 береговых батарей:

Батарея № 1 — на одно 6-дюймовое нарезное орудие. Батарею расположили почти на самом гребне горы, на возвышении 133 футов над уровнем моря. Предполагалось, что размещенное там орудие сможет действовать и через гребень горы, и в этом направлении обстреливать входы в соседние бухты Диомид и Улисс. Однако поскольку предел действительного огня из 6-дюймового нарезного орудия составлял 2000 сажен, то с Батареи № 1 можно было обстреливать только суда, стоящие не далее траверза мысов Назимова и Новосильского. Затем орудие это могло обстреливать неприятельские суда по мере движения их к внутреннему рейду, и только за мысом Меньшука эти суда могли укрыться от его выстрелов.

Батарея № 2 — на одно 6-дюймовое нарезное орудие, располагалась на расстоянии 50 сажен от Батареи № 1, на продолжении того же гребня горы, на высоте около 165 футов над уровнем моря. Полный угол обстрела из этого орудия составлял почти 270°.

Батарея № 3 — на одно 60-фунтовое чугунное орудие, располагалась к северо-западу от Батареи № 1, по склону горы. Пространство, обстреливаемое этим орудием начиналось от линии соединяющей мыс Голдобина с срединой бухты Парис на Русском острове и продолжалось через весь вход в пролив Босфор Восточный и часть внутреннего рейда до мыса Меньшука.

Батареи №№ 4 и *5* — на одну чугунную 2-пудовую бомбовую пушку каждая, были расположены на высоте от 130 до 140 футов. Назначение их за-

ключалось в обстреле входа на рейд, почему огонь из них предполагалось открывать только тогда, когда неприятельские суда пройдут мыс Голдобина и приблизятся к ним на верный выстрел.

Батарея № 6 — на два чугунных 60-фунтовых орудия была расположена на вершине горы, лежащей непосредственно за батареями №№ 4 и 5 и командующей над уровнем моря до 180 футов. Размещенные на ней орудия, кроме входа в бухту Золотой Рог, могли обстреливать еще бухту Диомид и далее пространство от мыса Абросимова до бухты Улисс. Угол обстрела этих орудий доходил до 170°.

Мортирная батарея q — на шесть 6-дюймовых нарезных мортир располагалась на вершине горы, оканчивающей гребень, на котором находились батареи №№ 1 и 2. С этой батареи теоретически могли быть обстреливаемы навесным огнем бухты: Диомид, Улисс, Патрокл и вообще весь пролив Босфор Восточный до выходов из него в Амурский и Уссурийский заливы. Кроме того, мортиры эти могли вести огонь и по внутреннему рейду.

Всего на полуострове Черкавского, оканчивающегося мысом Голдобина, в семи батареях, расположенных на незначительном расстоянии друг от друга, были поставлены 13 орудий: два 6-дюймовых нарезных орудия, три 60-фунтовые пушки, две 2-пудовые бомбовые пушки и шесть 6-дюймовых нарезных мортир [3, л. 98–100 об.].

На полуострове Шкота с мысом Эгершельда, были возведены 4 береговые батареи:

Батарея № 7 — на одно 36-фунтовое орудие. Поскольку орудие это обладало небольшой дальностью, его предполагалось использовать для ведения огня по неприятельским судам во время форсирования ими входа в бух. Золотой Рог между мысами Голдобина и Эгершельда и «крайний выстрел из этого орудия может быть направлен на мыс Голдобина». Скрытое высотами от судов, состоящих в проливе Босфор Восточный, орудие это открывалось им только в самом проходе, то есть тогда, когда выстрелы его были, безусловно, действительны.

Батарея № 8 — на одну 60-фунтовую пушку, которая обстреливая вход в бухту Золотой Рог, могла вести огонь и по внутреннему рейду.

Батареи №№ 9 и 10 — на одну 2-пудовую бомбовую пушку каждая, как и предыдущая, предназначались для обстрела входа в бухту Золотой Рог и могли действовать по внутреннему рейду.

Все четыре батареи, находившиеся на западном берегу бухты, располагались по скату гребня, идущего от вершины Крестовой горы к самому мысу. Выше прочих находилась позиция 36-фунтового орудия, ниже его — 60-фунтовая пушка и далее к низу 2-пудовые большие пушки.

Всего, на полуострове Шкота, с мысом Эгершельда, в четырех батареях были поставлены 4 орудия: одна 36-фунтовая пушка, одна 60-фунтовая пушка и две 2-пудовые бомбовые пушки.

Сверх того, для усиления защиты входа в бухту Золотой Рог, в помощь артиллерии, в проходе между мысами Эгершельда и Клета, было решено устроить преграду из четырех рядов мин, расположенных в шахматном порядке и обстреливаемых с береговых батарей, находящихся на мысах: Эгершельда и Голдобина. Расстояние между минами должно было составить 8 сажень, причем опыты постановки мин в этом районе уже проводили летом 1876 года и они дали удовлетворительные результаты [3, л. 100 об.—101 об.].

На случай второго варианта развития событий — бомбардирования Владивостока неприятельским флотом с акватории Амурского залива через Семеновский покос, предположено было устроить батарею на четыре нарезные 6-дюймовых мортиры, расположив ее на высоте, находящейся вблизи Семеновской речки. Однако к постройке этой батареи летом 1877 года так и не приступили.

«При том числе орудий, которое имеется в городе Владивостоке, должно признать, что общее расположение их принято сообразно со средствами и правильно; но тем не менее нельзя не согласиться, что защита города Владивостока в настоящее время еще весьма слаба.

При принятом расположении орудий достигается некоторая оборона входа в бухту Золотой Рог, для каковой надобности, независимо минных преград, на мысах Эгершельда и Голдобина помещено 17 орудий, из коих 8 нарезных; но самый город остается почти не защищенным от бомбардирования со стороны Амурского залива через, так называемый, Семеновский покос. Предположенное расположение здесь для упомянутой цели четырех 6-ти дюймовых нарезных мортир нельзя конечно считать достаточным»,— констатировали военные инженеры, а вслед за ними и П. А. Фредерикс [3, л. 102–102 об.].

Поэтому, по соглашению Военного губернатора Приморской области, командующего в ней войсками, и главного командира Портов Восточного океана контр-адмирала Г. Ф. Эрдмана с начальником штаба Восточного Сибирского военного округа генерал-майором Н. Н. Мосоловым и заведующим инженерной частью округа военным инженером полковником П. П. Егоровым, для усиления обороны города Владивостока решено было также воспользоваться доставленными морем для военных судов двумя 6-дюймовыми и двумя 24 фунтовыми нарезными орудиями. Сверх того, считая оборону города Владивостока более необходимой, нежели города Николаевска (на реке Амур), решено было с батареи на мысе Чныррах из пяти имеющихся там 6-дюймовых нарезных орудий два орудия отправить морем во Владивосток, придав к ним еще четыре 3-пудовых бомбовых пушки. Снятые же с батарей на мысе Чныррах шесть орудий, немедленно заменить другими, в срочном порядке отправленными из Хабаровского артиллерийского склада.

После доставки чныррахских орудий всю собранную во Владивостоке артиллерию предполагалось разместить следующим образом:

– 10 орудий на мысах Голдобина и Клета: одна 6-дюймовая нарезная пушка, две 24-фунтовых нарезных пушки, две 3-пудовых бомбовых пушки, две 60-фунтовые гладкие пушки и три 6-дюймовые нарезные мортиры;

– 7 орудий на мысе Эгершельда: одна 6-дюймовая нарезная пушка, одна 3-пудовая бомбовая пушка, две 2-пудовых бомбовых пушки и три 6-дюймовых нарезных пушки;

– 14 орудий на мысе Купера: четыре 6-дюймовых нарезных пушки, одна 3-пудовая бомбовая пушка, две 60-фунтовых гладких пушки, две 2-пудовых бомбовых пушки, одна 36-фунтовая гладкая пушка и четыре 6-дюймовых нарезных пушки [3, л. 102 об.—103].

Такое расположение орудий считалось наиболее выгодным с точки зрения основных направлений возможного удара.

Эти предположения пришлось менять в том же году, так как Г. Ф. Эрдман, после отъезда из края П. А. Фредерикса, сделал распоряжение о перевозке с мыса Чныррах во Владивосток, не двух 6-дюймовых нарезных орудий и четырех 3-пудовых бомбовых пушек, как это предполагалось, а пяти 6-дюймовых нарезных орудий, с последующей заменой их на мысе Чныррах 3-пудовыми бомбовыми пушками из Хабаровского артиллерийского склада. Вследствие этого, на каждом из мысов: Голдобина, Эгершельда и Клета оказалось возможным расположить еще по одной 6-дюймовой нарезной пушке вместо изначально предположенных к размещению на них 3-пудовых бомбовых пушек.

При новом распределении орудий для обороны города Владивостока эти три 6-дюймовые пушки было решено разместить в существующих уже батареях. Возводить новые батареи предполагалось только на мысе Эгершельда для трех мортир и на мысе Купера для назначенных туда 14 орудий.

Отличительной особенностью как выполненных, так и запланированных работ было то, что во Владивостоке почти для каждого орудия была устроена отдельная батарея. Подобное расположение орудий в отдельных батареях или ложементах, а не вместе в одной батарее на каждом из мысов, объяснялось необходимостью, во-первых, доставить каждому орудию возможно больший угол обстрела, а во-вторых, избежать некоторых технических затруднений при устройстве батарей. Последнее сокращало объем работ, представлявших немало трудностей, вследствие скалистого грунта местности, малого количества земли на скатах, недостатка рабочих сил и краткости срока, отпущенного для постройки укреплений [3, л. 103 об.—104 об.].

«Все батареи построены углубленными, с трех сторон каждое орудие прикрыто земляным бруствером в 6-ть сажен толщиною. При невозможности заранее определить ни направление выстрелов, ни угла возвышения,

_орудия установлены для стрельбы через банк. Все они помещаются на морских станках и на поворотных платформах. Каждое орудие находится в центре платформы и придвигается к брустверу по трем директрисам, чтобы обстреливать наибольший сектор. Но так как под станками нет ни колес, ни рельсов, ни пагонов, по которым можно было бы удобно передвигать орудие талями, то передвижение это с одной директрисы на другую потребует не мало времени. При подобной установке орудий не много выстрелов может быть сделано по движущемуся паровому судну, которое расстояние от траверза мысов Назимова и Новосильского до внутреннего рейда может пройти в 26-ть минут времени, полагая ход его 9-ть узлов в час.

Для лучшего предохранения орудий и прислуги от поражения их навесно падающими снарядами, равно для защиты последней от осколков, которые могут быть отбиваемы снарядами, так как батареи расположены по скатам каменистых гор, над каждой из батарей устроен деревянный блиндаж. Эти блиндажи возведены на двойных столбах, расположенных в расстоянии сажени один от другой; на столбы уложены двойные насадки и на них настлан потолок из двойного ряда толстых брусьев, а на эти последние предполагается положить ряд рельсов, или железных полос, за недостатком же последних, заменить их полосовым, угловым, круглым и т.п. железом, значительные запасы которого в порту могут быть употреблены для этой цели. Сверх всего будет сделана земляная насыпь и затем положено два ряда фашин» [3, л. 105–106].

Осмотревший эти сооружения летом 1877 года заведующий инженерной частью округа П. П. Егоров [1, с. 20] был, мягко говоря, не в восторге от увиденного, о чем он честно доложил Командующему войсками округа П. А. Фредериксу, а тот впоследствии и военному министру Д. А. Милютину: «По мнению заведывающего инженерною частью в Округе, выстрелами нынешней нарезной артиллерии, пробивающими насквозь броневые железные плиты в 12-ть дюймов толщиною, легко пробить деревянный блиндаж, который, обрушившись на головы прислуги, принудит ее оставить орудие. Высота бруствера имеет 2½ фута, а блиндаж возвышается над кроной его на 12ть фут, так что он не только не скрыт, но представляет неприятелю удобную цель. Сверх того, желая воспользоваться блиндажами, расходные погребки старались поместить над ними, через что они находятся слишком близко от орудий и земляные насыпи вокруг их стен имеют ничтожную толщину, так что погребки эти легко могут быть пробиты и взорваны» [3, л. 106–106 об.].

Впрочем, по мнению того же П. П. Егорова многие недостатки в устройстве батарей были вполне устранимы, тем более, что значительная часть суммы, ассигнованной на укрепление города Владивостока, все еще оставалась неизрасходованной. Поэтому летом того же 1877 года во Владивосток из Николаевска был командирован военный инженер штабс-капитан

В. П. Широков, получивший необходимые указания от П. П. Егорова. Ему же была поручена постройка батареи на мысе Купера, которая однако так и не была осуществлена [3, л. 106 об.—107]. В 1878 году В. П. Широкову пришлось строить во Владивостоке уже совершенно другие укрепления, которые в первоначальных планах 1877 года просто отсутствовали.

Это был первый в истории Владивостока случай строительства оборонительных сооружений по единому, специально разработанному плану. Возводились они против конкретного противника — Британской империи и были призваны воспрепятствовать проникновению британского флота в бухту Золотой Рог с целью захвата Владивостока, а также минимизировать возможности кораблей противника по обстрелу только начавшего свое развитие города и порта артиллерийским огнем со стороны Амурского залива. Примечательно, что с учетом опыта Крымской войны 1853–1856 годов, британский удар по территории российского Дальнего Востока, в случае начала новой русско-турецкой войны, признавался весьма вероятным, поэтому готовиться к нему начали еще до начала 12 апреля 1877 года Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Список источников и литературы

1. Авилов Р. С., Аюшин Н. Б., Калинин В. И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг.— Владивосток, 2013.— 383 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 765.
3. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470.
4. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 598.

Avilov Roman Sergeevich
Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, State United Museum-Reserve of the History of the Far East named after V. K. Arsenyev;
Senior Researcher.
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS

RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878 AND THE BIRTH OF THE VLADIVOSTOK FORTRESS. YEAR 1877 — COASTAL DEFENSE

Key words: *Vladivostok Fortress, Russo-Turkish War of 1877–1878, Eastern Siberian Military District, P. A. Frederiks, G. F. Erdman, coastal defense, coastal batteries.*

Annotation. *The report, based on materials from the Russian State Military Historical Archives, which are being introduced into scientific circulation for the first time, examines the history of the construction of coastal batteries in Vladivostok in 1877. It is noted that the aggravation of the situation on the Balkan Peninsula forced the War Ministry to take measures in 1876 in case of a possible conflict not only with the Ottoman Empire, but also with the British Empire. In order to prevent a repeat of the Crimean War of 1853–1856 in the Pacific Ocean, a decision was made to organize coastal defense of Vladivostok. In the spring of 1877, a plan was developed for the construction of coastal batteries to protect the entrance to Zolotoy Rog Bay and prevent the enemy fleet from shelling the city from the Amur Bay. The decision to build temporary coastal batteries on Cape Goldobina turned out to be so successful that long-term coastal batteries made of rammed concrete were subsequently erected there.*

Александров Евгений Васильевич
кандидат искусствоведения,
ведущий научный сотрудник Музея
землеведения ФГБУ ВО «Московский
государственный университет
имени М. В. Ломоносова»

УДК 94(47).045

DOI 10.54016/SVITOK.2025.21.89.015

ГОРОДОДЕЛЕЦ ГОДУНОВ. ОТ МОСКВЫ ДО МАНГАЗЕИ

Ключевые слова: *Борис Годунов, Федор Конь, Андрей Чохов, стены и храмы монастырей, городов, селений Сибири, Москвы и Смоленска*

Аннотация: *Период 1585–1606 годов во многом определил дальнейшую российскую историю. После кровавого царствования Ивана Грозного престол Российского царства переходит к его богобоязненному сыну Федору Иоанновичу. Новому царю нужен помощник, которому он может доверить пугающее бремя государственного управления, и он во многом полагается на брата своей обожаемой супруги — энергичного и деятельного Бориса Годунова, которого еще раньше приблизил к себе даже подозрительный Иван Грозный. С этого времени начинается относительно благополучное правление Федора Иоанновича, после кончины которого царская корона переходит к Борису Годунову. И множество успешных деяний за 20 лет управления страной, и причины трагического конца его недолгого царствования, за которым последовало Смутное время, на протяжении четырех с лишних веков с самых противоположных позиций дотошно изучали и оценивали поколения историков. В настоящей статье ставится задача в сжатой форме показать, как на фоне противостоящих событий и недоброжелательной молвы Борису Годунову удалось в отпущенный ему краткий срок совершить столько поражающих воображение деяний, которые в том или ином виде сохранились — либо в реальности, либо в нашей памяти.*

«Самый успешный и, одновременно, самый неудачливый русский политик по-прежнему привлекает к себе больше внимания, чем другие его современники» [4, с. 34]

Царь Федор Иоаннович — по свидетельству современника «видом он был венценосцем, а своими стремлениями — монах…».Но и в религиозных устремлениях царя шурин принимает самое непосредственное участие, воплощая царские желания в реальные действия. В первые годы царствования, как бы завершая церковный подвиг Ивана Грозного, к Покровскому храму, поставленному в честь героического освобождения от монгольского ига, пристраивается маленький придел — церковь в честь почитаемого всем московским людом юродивого. После чего самый красивый на Руси храм становится известен под именем Василия Блаженного. С самым деятельным участием Бориса Годунова происходит важнейшее достижение в официальной жизни: впервые на Руси учреждается патриаршество. В сан возводится митрополит Московский Иов, который до самого конца будет верным соратником Годунова.

Постоянные богомолья царской четы, для которой продолжение рода имело не только личное, но и государственное значение, происходят также совместно. После визита правителей, монастыри, прославленные своей молитвенной помощью, всегда получали дорогие вклады. На месте древних ветшающих храмов строились новые — каменные. Воздвигались и могучие стены, одновременно укреплявшие охранный пояс на подступах к Москве. Одной из наиболее почитаемых и часто посещаемых царской четой святынь был храм Рождества Богородицы Боровско-Пафнутьевского монастыря. Не оставлялись вниманием и помощью в возведении стен и храмов прославившиеся во времена лихолетья воинскими подвигами — Кирилло-Белозерский и Антониево-Сийский монастыри. Не обошли заботой и дальние окраинные монастыри в Соловках и Старой Ладоге.

Ипатьевский монастырь в Костроме семейство Годуновых обустраивало как свое родовое гнездо. Над святыми вратами был возведен храм, посвященный священномученикам Феодору Стратилату и Ирине — небесным покровителям царя Федора Иоанновича и его супруги царицы Ирины Федоровны Годуновой. Пригодились стены монастыря и в Смутное время. Но потом волей пришедшей к власти новой династии, чьи родовые корни были также в костромской земле, монастырь на 300 лет стал «колыбелью» дома Романовых.

Начало «годуновского стиля» в архитектуре и неразрывного союза с «церковным и палатным мастером» Федором Савельевичем Конем можно увидеть в двух Троицких храмах, возведенных на землях, подаренных царем

Рис. 1.Семиверхая башня Белого города. Художник А. И. Васнецов

Борису Годунову в окрестностях Москвы — в Хорошево и Больших Вяземах. Большое почтение заслуживает архитектор, претворивший опыт итальянских предшественников в самобытный национальный стиль. [5, с. 62–77]

За свою долгую жизнь памятники оставили след в жизни их многих современников. Не прошел мимо и Владимир Даль: «Хорошо Хорошево, да не наше, царево». Можно предположить, что с храмом связаны и первые религиозные впечатления Александра Пушкина, приезжавшего вместе бабушкой в Большие Вяземы из соседнего Захарова.[9]

Не менее выразительный памятник сохранился и в Смоленской земле в окрестностях Дорогобужа на родине Федора Коня — в Болдино.

При восстановлении в Москве полностью утраченной церкви Зачатия Анны перед реставраторами стояла непростая задача. На месте «годуновской» церкви в начале XIX века построили также не доживший до нашего времени храм в неоготическом стиле, облик которого запечатлела фотография. Сложную задачу по нахождению баланса между археологическими сведениями и распространенными в обществе представлениями об утраченном здании пришлось решать архитектору А. Н. Оболенскому. [7]

Первостепенное внимание к двум приказам — Пушкарскому и Каменных дел, важнейшими для Бориса Годунова до последних дней его жизни, станет, пожалуй, своего рода оправданием в глазах потомков. Правитель умел выбирать и ценить соратников, невзирая на чины. Одним из них был

Рис. 2. Крепостная стена XVII века. Смоленск. Foreman-ok. Фотография.

«государев пушечный и колокольный мастер» — Андрей Чохов, пушки которого во многом определили воинские успехи Бориса Годунова. Внушительные чоховские чугунные изделия второй половины XVI века можно увидеть во дворах российских и восточно-европейских музеев, а его колокола и сейчас звучат со многих колоколен. Но главный памятник стоит на площади московского Кремля. На верхней части лафета Царь-пушки — фигурка всадника. Выше надпись: «Повелением … христолюбивого царя … Федора Ивановича … слита бысть сия пушка … в третье лето государства его. Делал пушку пушечной литец Ондрей Чохов».

Под пушки чуть меньшего калибра практически с первых дней правления Годунов спешил выстроить для Москвы непреодолимую защиту — Цареву-Белую стену длиной 9 километров с 27 башнями. Сейчас на этом месте современное Бульварное кольцо. Только в недавнее время археологам удалось обнаружить небольшой фрагмент древнего фундамента у Покровских ворот. Благодаря изысканиям и воображению Аполлинария Васнецова можно получить некоторое представление о том, как она выглядела, и какие усилия потребовались для ее строительства. (Рис. 1.)

Близким аналогом московского Белого города являются частично сохранившиеся стены Смоленского кремля, так как строил обе крепости мастер Федор Конь. Борис Годунов для этой крепости даже остановил строительство по всей стране. (Рис. 2.)

Но и в Москве Борис Годунов не забывает укреплять монастырские стены. Сооружается и каменная крепость Новодевичьего монастыря, позднее сыгравшего столь значимую роль в его жизни. [2, с. 87] Правда, не нужно забывать, что монастырские стены, в средние века предназначавшиеся для военных целей, к настоящему времени стали выполнять скорее декоративную функцию.

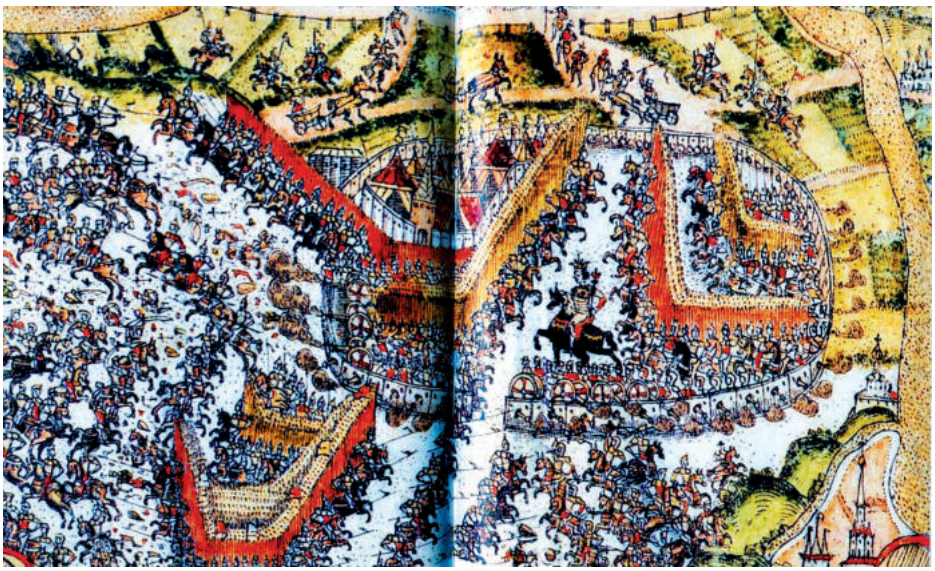


Рис. 3. Сражение с татарами под Москвой в 1591 году. Художник Исаак Масса

В преддверии грядущих опасностей с напряжением работали не только многочисленные кирпичные заводы и каменоломни для повсеместно возводимых стен монастырей и городов. Пушкарский департамент должен был обеспечить не только защиту от неизбежных татарских набегов, но и наступательную мощь не прекращавшейся на западных рубежах Ливонской войны. Несмотря на «миролюбие и благочестие», на фронт отправляется даже Федор Иоаннович.

Но главную заслугу в удачных боях под Нарвой в 1590 году, в результате чего было заключено перемирие, все-таки нужно отдать Борису Годунову, обеспечившему подготовку сражений со шведами. За сотни верст были доставлены обозы с тяжелыми пушками и изрядным количеством ядер, а сам Годунов взял на себя командование артиллерийским штурмом неприступной Нарвской крепости, гарнизон которой в результате запросил перемирия.

Спустя три года удалось заключить столь необходимый мир и вернуть потерянные при Иване Грозном территории. А пока нужно было срочно возвращаться в Москву, где назревали неприятные события…

Наступил роковой 1591 год. В мае погибает сосланный в Углич малолетний царевич Димитрий. Широко распространяются слухи о виновности Бориса Годунова. И одновременно со сто пятидесяти тысячным войском с юга надвигается крымский хан Казы-Гирей Второй, разоряя и грабя по дороге поселения. На подступах к Москве его останавливают стены Данилова и Донского монастырей. Бои ведутся вокруг выставленного Годуновым временного боевого заграждения «гуляй-город». Сражение красочно

изображено голландским торговцем, посланником и картографом Исааком Масса — «чрезвычайно искусным в выведывании чужих секретов». (Рис. 3.)

Неожиданно для татар среди ночи на них со всех городских стен обрушивается шквал пушечного огня. В панике, побросав награбленное добро и чуть не утонув при переправе, Казы-Гирей с позором бежит. [3, с. 159–160] После этого татарские набеги на Москву прекратились.

В честь Донской иконы Божией Матери, явление которой помогло избавлению от супостата, по велению царя ставится храм в Донском монастыре. Но в народе бытуют слухи, что хитроумный Борис Годунов подговорил Казы-Гирея только в шутку напасть на Москву.

Наступает относительно спокойный период. Победы над шведами и татарами успокаивают на время поляков. Ведутся дипломатические переговоры и успешная торговля с европейскими странами. Но строительство защитных укреплений продолжается. В добавление к стенам Белого города за один год выстраивается Скородом — третье (или четвертое, если считать стены Китай-города) заградительное кольцо, от которого также не осталось следов и на месте которого теперь проложена шестиполосная трасса Садового кольца.

Из 50 башен новой крепости 34 были проездными. Южные — Калужская и Серпуховская башни-ворота были каменными, остальные, как и вся стена, представляли собой заполненные землей деревянные срубы, шириной 7–8 метров. И снова — спасибо Аполлинарию Васнецову, постаравшемуся воссоздать облик древних башен.

Чтобы наглядно представить масштаб деятельности Бориса Годунова, на современной карте показаны города, где при нем были поставлены оградительные сооружения. В одних случаях — кирпичные стены кремля, как, например, в Астрахани. В других — из громадных валунов в монастыре на Соловках. Очень часто — из бревенчатых срубов, засыпанных землей, как в некоторых сибирских казацких городках, выросших на местах поселений местных жителей. А иногда временно сооружаются частоколы из врытых в землю, заостренных сверху высоких бревен.Возникали такие городки и на новом месте, как Царев-Борисов, на южной окраине государства.

Всего на карте показаны тридцать укреплений, оконтуривших границы Московии. (Рис. 4.)

Если в значительной части российского государства границы относительно определенны, то на востоке — условны, а на северо-востоке — только предполагаемы. Ими Борис Годунов займется позднее.

В январе 1598 года, не оставив наследников, умирает «святой благоверный» Царь всея Руси Феодор Иоаннович. С ним прерывается московская династическая ветвь Рюриковичей, и с новой силой вспыхивают споры вокруг престолонаследия. Возможная преемница — вдова царя Ирина принимает постриг и уходит в Новодевичий монастырь. К ней присоединя-

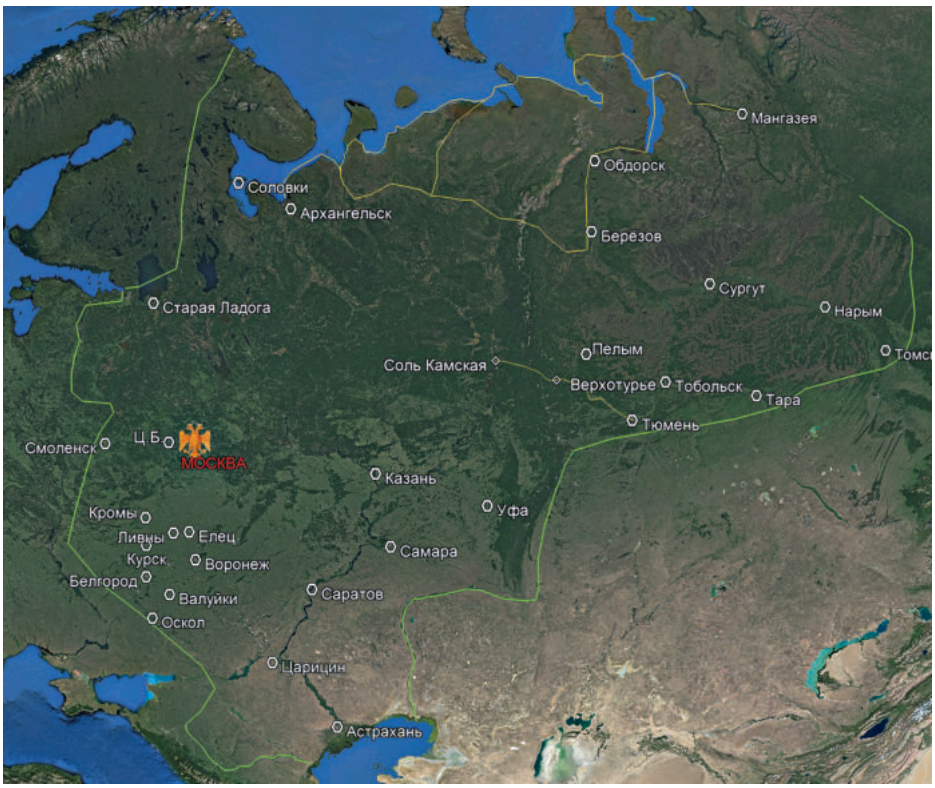


Рис. 4. Современная карта. Условная граница Русского царства конца XVI века. Укрепленные при Борисе Годунове города и селения. В средней части – Бабинова дорога. На северо-востоке «Мангазейский ход».

ется брат — Борис Годунов. Его кандидатуру на царствование выдвигает Земский собор. Годунов упорствует, и только когда благодаря поддержке патриарха Иова и Земского собора преодолевается сопротивление Боярской думы, дает согласие. Спустя восемь месяцев после кончины прежнего царя 3 сентября 1598 года происходит венчание на царство представителя новой династии — Бориса Федоровича Годунова. [8, с. 120–150]

Кремль обновляется. Строятся не пережившие Екатерину Вторую трехэтажные каменные палаты. Искусный Федор Конь надстраивает на двадцать метров колокольню, после чего она получает название Ивана Великого. Ее высота на долгие годы станет предельной для всех зданий Москвы. Купол опоясывает золотая надпись, возвещающая о «всея Руси самодержце» царе Борисе Федоровиче и сыне его — царевиче Федоре Борисовиче.

И еще одно, совместное творение двух «горододельцев», к сожалению, исчезнувшее — строившийся как резиденция нового царя городок «Царев-Борисов» по дороге к Боровск-Пафнутьевому монастырю. Его вместе

с самой высокой в России 74-метровой шатровой Борисоглебской церковью снес внук Екатерины — Александр Первый. [6]

1601 год можно считать концом благополучного правления Бориса Годунова и началом Смутного времени в российской истории. Пик Малого ледникового периода привел к трехлетнему неурожаю и страшному голоду, унесшему сотни тысяч жизней. Спасение люди ищут в Москве, и царь пытается им помочь. Привлекает на стройки, устраивает бесплатные раздачи хлеба, делает непопулярные шаги — обкладывает дополнительными поборами бояр и тяглых посадских людей. Справиться с напастью не удается, и хуже того — оживляются слухи о «добром царевиче», убитом или, может быть, скрывшемся от посланных Борисом палачей. Мол, «Божья кара» по грехам царя. Вспыхивают голодные бунты. Восстание Хлопка Косолапа вначале удается подавить. Но на юге тлеет еще более страшный пожар. Голодные массы бежавших на юг бунтовщиков пополняют казачью вольницу Ивана Болотникова. Обиженным боярам и ждущим подходящего момента полякам нужен только повод. И такой спичкой через некоторое время станет Лжедмитрий Первый.

Но у недавно получившего полную власть царя Бориса взоры обращены на Восток. Недаром его преемник — увлекающийся картографией сын Федор оставляет на карте неоконтуренным сибирский край. На современной карте можно видеть цепочку поставленных во времена Годунова и процветающих в настоящее время зауральских городков. Тогда нефть еще не добывалась, но не меньшим притяжением были и меха, обеспечивавшие половину западной торговли.

Из Москвы начинает строиться Владимирский тракт. А от Соликамска — Бабиновская дорога, нацеленная на Тюмень, становящуюся базой для дальнейшего продвижения на восток.

До Годунова давно доходили слухи о богатеющем на торговле соболями и не платящем в казну доходов поселении Мангазея на самом далеком севере. Поморские промышленники добираются туда Мангазейским морским путем, проходя на кочах по Студеному морю через пролив Югорский Шар. Царь дает указание двум воеводам Мирону Шаховскому и Даниле Хрипунову с отрядом стрельцов воспользоваться Бабиновской дорогой, далее южным путем через Тобольск добраться до Мангазеи и наладить сбор ясака с вольных промышленников. С великими приключениями и потерями воеводы выполнили царский наказ и основали, правда на недолгий срок, город за полярным кругом, породивший легенду о «златокипящей Мангазее». [1, с. 106–120]

1605 год. Отпущенный срок кончался и для Бориса Годунова.

Напрасны были упредившие век планы достойного вхождения России в ряды Европейских государств. Рушились попытки заключения матри-

мониальных браков для подававших надежды детей. Не оправдывались надежды на основание новой династии.

Под напором объединенных сил казаков и Лжедмитрия сдаются Путивль, Елец, Кромы — крепости Южной засечной черты. Один за другим предают казавшиеся верными бояре.

На 53 году жизни царь умирает.

Через два месяца в Кремль врываются захватчики и убивают молодого шестнадцатилетнего царя Федора Борисовича и его мать. Лжедмитрий захватывает в наложницы царевну Ксению.

Только первый патриарх Московский и всея Руси Иов непреклонен и вопреки общему мнению обличает Лжедмитрия. Во время литургии в Успенском соборе его выволакивают из церкви, лишают сана и ссылают в монастырь.

После перезахоронений останки семьи Годуновых окажутся в Свято-Троицком монастыре. Там же хранятся две созданные Ксенией Годуновой индитрии — златотканые покровы на гробницу Сергия Радонежского.

Список источников и литературы

1. Белов М. И., Пинхенсон Д. М. История открытия и освоения Северного морского пути. Том Л.: Морской транспорт, 1959.— 515 с.
2. Бураков Ю. Н. Под сенью монастырей Московских. М.: Московский рабочий, 1991.— 285 с.
3. Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Столица, 1990.—688 с.
4. Козляков В. Н. Борис Годунов. Трагедия о добром царе.— М.: Молодая гвардия, 2011.— 311 с.
5. Носов К. С. Борис Годунов выстроил «на границах многочисленные укрепления большия и крепкия для защиты российского царства». Второй фортификационный скачок конца XVI века // Военно-исторический журнал. 2023. № 9. С. 62-77.
6. Раппопорт П. А. Годуновская церковь в Борисове городке // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 18, 1947. С. 66-69.
7. Сашин Дмитрий. Зачатьевский монастырь // Livejournal, 11.02.2023 / Электронный ресурс: // URL: https://dmitry-sasin.livejournal.com/409241.html (дата обращения: 14.12.2023)
8. Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М.: Мысль, 1980.— 205 с.
9. Чернявина Юлия. Усадьба Большие Вяземы: здесь ночевал Наполеон и нашел любовь Пушкин // РИАМО. 27.02.2013. / Электронный ресурс: URL://https://riamo.ru/article/8207/usadba-bolshie-vyazemy-zdes-nocheval-napoleon-i-nashel-lyubov-pushkin-xl (дата обращения: 12.11.2023).

Alexandrov Evgeny Vasilievich
Ph.D. in History of Arts,
Leading Researcher
The Earth Science Museum
at Moscow State University
named after M. V. Lomonosov

CITY DEALER GODUNOV. FROM MOSCOW TO MANGAZEA

Key words: *Boris Godunov, Fyodor Kon, Andrei Chokhov, walls and temples of monasteries, cities, villages of Siberia, Moscow, Smolensk.*
Annotation. *Period 1585–1606 largely determined subsequent Russian history. After the bloody reign of Ivan the Terrible, the throne of the Russian kingdom passes to his God-fearing son Fyodor Ioanovich. The new tsar needs an assistant to whom he can entrust the daunting burden of government, and he relies heavily on the brother of his adored wife — the energetic and active brother-in-law Boris Godunov, whom even the suspicious Ivan the Terrible had previously brought closer to him. From this time on, the relatively prosperous reign of Fyodor Ioanovich began, after whose death the royal crown passed to Boris Godunov. And the many successful deeds during the 20 years of ruling the country, and the reasons for the tragic end of his short reign, which was followed by the Time of Troubles, have been meticulously studied and assessed by generations of historians for over four centuries from the most opposite positions. This article sets out to show in a concise form how, against the backdrop of opposing events and unfriendly rumors, Boris Godunov managed, in the short time allotted to him, to commit so many amazing acts that have been preserved in one form or another — either in reality or in our memory.*

Беспалёнок Елена Дмитриевна
кандидат исторических наук,
доцент ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет»

УДК 93/94

DOI 10.54016/SVITOK.2025.86.68.016

ПОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОРОДА-КРЕПОСТИ СМОЛЕНСКА В XVII–XVIII ВЕКАХ

Ключевые слова: *Смоленск; город-крепость; смоленские мещане; привилегии; менталитет; инициативы.*

Аннотация: *В этой статье рассматривается малоизученная проблема иноземного влияния на развитие провинциального российского города в XVII–XVIII веках. Цель этой статьи — показать влияние польского владычества на жизнь Смоленска, города-крепости на западных рубежах Российского государства, и жизнь его обитателей. В центре данного исследования — люди, особенности их менталитета.*
Статья имеет обобщающий характер. При работе над ней использованы фонды Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Смоленской области.

Исторически Смоленску придавалось значение форпоста — западного или восточного, в зависимости от государства, владевшего городом. Смоленск — исконно русский город, но в его истории был и литовский и польский период. Польское владычество наложило на историю Смоленска довольно глубокий отпечаток.

После захвата города поляками в 1611 году в результате двадцатимесячной осады мощными силами, намного превосходившими силы смоленских защитников, Сигизмунд III запретил восстанавливать посад в 6000 (!) дворов. Это количество указал проф. А. А. Кондрашенков [4, с. 50]. Смоленск был нужен Сигизмунду III (или Жигимонту, как его называют в документах XVII века) как оборонительный объект, а посад препятствовал бы выполнению Смоленском этой задачи. Во-первых, посад — это теплые квартиры для противника, а во-вторых, он давал возможность шантажа родственников посадских людей внутри города с целью заставить их открыть ворота. Смоленский посад и к середине XVIII века насчитывал еще не более 500 дворов.

Поляки восстанавливали и укрепляли разрушенные части крепости. Так появилась известная Королевская крепость — земляная крепость, построенная по образцу Антверпенской. Примечательно, что эта земляная крепость была закрыта от возможного неприятеля не только с внешней стороны, но и со стороны города, а внутрь вели подземные ходы, построенные с целью спасения представителей власти. Это, вероятно, было предосторожностью, вызванной памятью о смоленском восстании 1440 года. Профессор А. А. Кондрашенков назвал его «Великой замятней», хотя под этим названием в истории известны другие события, в частности — в Золотой Орде в XIV веке [4, с. 30–31]. В любом случае, события смоленского восстания потрясли и литовцев, владевших тогда городом, и поляков, сотрудничавших с ними.

Важно понимать, что Смоленская крепость — это не просто фортификационное сооружение. Она имела значение только вместе с людьми, которые жили внутри нее. Это хорошо понимал Сигизмунд III. Поэтому, заселив город своими подданными, он не только дал захваченному городу Магдебургское право, что было обычным для городов Речи Посполитой, но и наделил смоленских мещан целым рядом привилегий. Главная из них — это владение землями, населенными крестьянами, в радиусе семи верст вокруг Смоленска. Другой привилегией было разрешение использования собранных таможенных пошлин на нужды города — починку дорог, ремонт мостов и т.п. Таким образом, смоляне могли не тратить на эти городские нужды свои деньги. Двенадцать грамот, подтверждающих привилегии смоленских мещан, были приложены с реестром к сведениям, поданным Смоленским магистратом в Комиссию о коммерции в 1764 году [11, л. 58, 58 об.]. Девять из двенадцати документов были опубликованы смоленским историком конца XVIII — начала XIX века Н. А. Мурзакевичем в Приложениях к первому изданию его книги по истории Смоленска в 1804 году [5].

Когда в 1654 году Смоленск был возвращен в состав России, царь Алексей Михайлович оставил смолянам «королевские» привилегии, включая земельные дачи и Магдебургское право с Ратушей, практически без изменений. [11, л. 58; 5, с. 14, 15]. Царь, так же, как и польский король, понимал роль людей, живущих внутри стратегически важной крепости. Для поляков, живших в городе, то есть смоленских мещан, так же, как и польской шляхты из окрестных уездов, было поставлено условие — перейти в православие и дать клятву на верность русскому царю, что и сделало большинство смолян в 1654–1655 годах. Миропомазание проходило на Девичьей горе в Смоленске. Были составлены «крестоприводные» списки. [12; 8, л. 164–206]. Жалованная грамота царя Алексея Михайловича, была опубликована смоленским историком Н. А. Мурзакевичем [5, с. 47–49].

Кстати, жители города не только должны были хранить верность государю, но и участвовать в периодически устраиваемых ремонтах крепости.

В фонде Приказа княжества Смоленского сохранились документы второй половины XVII века, из которых видно, как поддерживалось рабочее состояние крепости. К ее ремонту привлекались жители Смоленска, обязанные поставлять строительные материалы, приобретенные за свой счет. Больше всего речь шла о пиломатериалах разного вида. Таким образом, на плечи смолян, несмотря на их привилегированное положение, ложились обычные для российских горожан повинности.

Особая привилегия на владение землей, населенной крестьянами, сохранялась за смоленскими мещанами и на протяжении всего XVIII века. По материалам первой ревизии, в начале 20-х годов XVIII века некоторые потомки смоленских первостатейных мещан, известных по документам второй половины XVII века как богатейшие купцы, чьи капиталы были сравнимы с капиталами московских гостей, осели за городом на своих землях, присвоенных их отцами из общих мещанских дач, и превратились в обыкновенных помещиков. Процесс присвоения общих мещанских земель верхушкой смоленского мещанства продолжался и в 30–40-х и последующих годах XVIII века. При этом привилегии сохранялись за всеми смоленскими мещанами, что привлекало в их состав новых людей. Так, материалы первой ревизии показывают, что уже в Петровское время ряды смоленского мещанства стали пополняться за счет отставных солдат, служивших в Смоленске, и их детей [10]. Когда в 1762 году Петром III было запрещено всем недворянам покупать земли и крепостных, этот запрет не коснулся смоленских мещан. Поэтому в архивах можно встретить купчие на крепостных крестьян, которые оформлялись смоленскими мещанами на свое имя, но фактически — для их друзей из купечества, например, Вязьмы. Так в фонде Барышниковых в ГАСО оказалась купчая крепость на беглого крестьянина, данная Ивану Ивановичу Барышникову в 1782 году. Ее подписал смоленский мещанин и «первой гильдии купец Андрей Федоров с[ы]н Сисоев» [3, л. 1].

В Екатерининское время у смоленских мещан, занимавшихся предпринимательством, не было проблем, связанных с нехваткой земли или крепостных людей. Хотя в других городах это становилось причиной «изнеможений» купечества. Екатерина II в своем законодательстве выделяла смоленских мещан, обращая внимание на особый статус этой категории российского населения. Таким примером может быть ее указ от 25 мая 1775 года [6, с. 147].

Смоленские мещане гордились своим привилегированным статусом. В метрических книгах смоленских городских церквей второй половины 70-х-80-х годов XVIII века иногда встречаются записи о смоленских купцах первой гильдии, в которых они называются смоленскими мещанами. В это же время в других городах мещанами называлось относительно бедное население, не имеющее капиталов для записи в гильдейское купечество.

Менталитет смоленского мещанства имел особенности, которые можно считать последствием долгие годы действовавшего в городе Магдебургского права, а значит — городского самоуправления. Привычка обращаться в случае конфликта в судебные органы — сначала в ратушу, потом в магистрат — сформировала интерес к законодательству и даже правовую культуру у жителей Смоленска, по крайней мере — у верхушки смоленского купечества. Обращаясь с просьбами к правительству и пытаясь найти решение своих проблем, смоляне опирались на свое знание законодательства. Предложения смоленских мещан по решению проблем были конструктивны, а инициативы глубоко продуманы. Речь идет о такой инициативе 1763 года как учреждение должности консула в Польше для правовой помощи всем русским людям, которые приезжали туда с товарами [1; 9, л. 3, 3 об.]. Другой инициативой было представление смоленским купечеством в 1778 году плана создания Смоленской торговой компании [2; 7].

Таким образом, привилегии, данные еще Сигизмундом III, повлияли на историю смоленского городского населения, на менталитет жителей Смоленска, особенности которого, возможно, сохранились и до настоящего времени. Однако нынешние претензии некоторых польских политиков на Смоленск как на польскую территорию совершенно не обоснованны. Смоленск — русский город, а полезными заимствованиями у иностранцев в России никогда не пренебрегали.

Список источников и литературы

1. Беспалёнок Е. Д. Правовая культура как черта менталитета смоленской купеческой элиты в XVII–XVIII веках // Известия Смоленского государственного университета: ежеквартальный журнал.— Смоленск, 2018. № 1. С. 205–216.
2. Беспалёнок Е. Д. Проект Смоленской торговой компании как отражение менталитета элиты западнорусского купечества второй половины XVIII в. // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9–10 ноября 2017 г.— М., 2017. С. 537-542.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 114. Оп. 1. Д. 77.
4. Кондрашенков А. А. Героическое прошлое Смоленска — города русской славы.— Смоленск, 1989.— 100 с.
5. Мурзакевич Н. А. Права и Привилегии Всемилостивейше жалованные городу от Великих Государей Российских, Королей Польских и Великих Князей Литовских // Мурзакевич Н. А. История губернскаго города Смоленска от древнейших времен до 1804 года.— Смоленск: При Губернском Правлении, 1804. 307 с. Приложения.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.— СПб., 1830. Т. 20. № 14327.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 952.
8. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 285.

9. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11573.
10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3238.
11. РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/48.
12. РГАДА. Ф. ОЦФ (из Ф. 145). Оп. 1. Д. 1 (17 сентября 1654 г.).».

Bespalenok Elena Dmitrievna
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Smolensk State University"

POLISH INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF THE FORTRESS CITY OF SMOLENSK IN THE17TH-18TH CENTURIES

Key words: *Smolensk; fortress city; Smolensk townspeople; privileges; mentality; initiatives.*
Abstract. This article examines the little-studied problem of foreign influence on the development of a provincial Russian city in the 17th-18th centuries. The purpose of this article is to show the influence of Polish rule on the life of Smolensk, a fortress city on the western borders of the Russian state, and the life of its inhabitants. The focus of this study is on people and their mentality.
The article is of a general nature. In working on it, the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts and the State Archive of the Smolensk Region were used.

Бутеев Дмитрий Валерьевич
кандидат филологических наук,
доцент ОГБОУ ВО «Смоленский
государственный институт искусств»

УДК 908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.92.36.017

СИМВОЛИЗМ И СМЫСЛЫ НЕКРОПОЛЯ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Ключевые слова: *Смоленская крепостная стена, некрополь, Великая Отечественная война, исторический объект.*

Аннотация*: На протяжении веков своего существования Смоленская крепостная стена не только претерпела существенные внешние изменения, но и кардинальным образом поменяла свою функциональность. Основная функция — фортификационная — стала неактуальной и заменилась мемориальной. Примером наиболее удачного решения проблемы наполнения функционалом и смыслами древнего архитектурного является сквер Памяти Героев двух Отечественных войн, смысловым центром, которого стал воинский некрополь, возникший здесь в 1943–44 годах. Это захоронение, расположенное у подножия крепостной стены, безусловно, усилило её духовную мощь, стал местом силы города и остается таковым и в наше время.*

Нить суровая порвана. Нечем
Залатать этих прясел увечья…
Вера Суханова

Обозначив эпиграфом проблему сохранения Смоленской крепостной стены в условиях интенсивного развития современного Смоленска, отметим, что она разменяла уже пятый век. За эти годы стена не только претерпела существенные внешние изменения (многое утратила, чем-то обросла, где-то преобразилась до неузнаваемости), но и кардинальным образом поменяла свою функциональность. Основная функция — фортификационная — стала неактуальной и заменилась мемориальной. Величина объекта культурного наследия не позволяет его законсервировать, а впоследствии охранять и экспонировать. Город активно функционирует, постоянно обновляется в духе времени; смоляне стремятся не отставать от технического прогресса,

в большинстве своём не желают жертвовать благами цивилизации ради чего бы то ни было. Да ещё и время у нас эгоцентричное, рублезависимое. В общем непросто вписать уникальный памятник зодчества в комфортную городскую среду.

Следует отметить, что проблема не нова. Уже в дореволюционное доавтомобильное время смоляне писали коллективные прошения властям с просьбой сделать проломы (числом три) в крепости, стены которой, опоясавшие собой Смоленск, затрудняли внутригородскую коммуникацию.

Функционал Смоленской крепости в мирное время — отдельная интересная тема. За годы существования в ней размещались архивы, жилые помещения, художественная школа, водонапорная башня, телефонный переговорный пункт. Она и сейчас используется не только музеями, но и под хозяйственные нужды (Веселуха, Копытенская).

Примером наиболее удачного решения проблемы наполнения функционалом и смыслами древнего архитектурного объекта является один из участков крепости, который стал местом захоронения. Это сквер Памяти героев Отечественных войн.

Подобных объектов на всю страну два. Московский кремль и Смоленская крепостная стена.

Слова гимна нашего города, написанного поэтом-фронтовиком Алексеем Бодренковым («От каждого камня здесь мужеством веет»), наиболее пронзительно звучат именно в этом месте Смоленска. Захоронение усилило духовную мощь архитектурного объекта, о коей заботились уже при его возведении: Годунов подарил икону Одигитрии при освящении крепости. Возможно, заботой о духовном укреплении руководствовались, возводя церкви на месте Пятницкой, Фроловской, Молоховской башен, разместив во встроенном в крепость училище музей «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны».

Если сравнивать наше захоронение с московским, то его суть другая. В Москве захоронены первые люди Советского государства и мирового коммунистического движения: политики, учёные, военные, герои, всенародные любимцы (В. И. Чкалов, Ю. А. Гагарин). Статус и роль в жизни страны захороненных в Смоленске несопоставимо ниже. Хотя два человека вполне уместны и для захоронения в Московском кремле. Это Михаил Егоров, водрузивший с Мелитоном Кантария Знамя Победы над рейхстагом. Наш земляк, герой-военкор Семён Пегов, знакомясь на военных дорогах с кем-либо, всегда, говоря о своей малой родине, называет имена двух человек, определивших судьбу XX века: Гагарина, открывшего дорогу в космос, и Егорова, поставившего точку в страшнейшей мировой битве.

Не менее Валерия Чкалова легендарен и Антон Губенко, совершивший первый воздушный таран, подбивший в 1938 году семь японских

самолётов, удостоенный звания Героя Советского Союза, трагически погибший в 1939 году при испытательном полёте.

Остальные (за исключением Марии Октябрьской и Володи Куриленко) неизвестны даже смолянам. Всего 41 захоронение.

Тимур Вячеславович Бортаковский, военный историк, сотрудник музея «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны», проделал большую исследовательскую работу, и в 2005 году вышла книга «Сквер Памяти Героев» (тысяча экземпляров) с очерками-биографиями захороненных в сквере. Она основана на документах, архивных материалах, в то же время написана ярко, доступно, автор владеет словом и фразой, умеет скомпоновать богатый, уникальный фактографический материал в увлекательный очерк. В 2013 году вышло второе издание, существенно дополненное.

Тимур Вячеславович в одном из интервью отмечает, что он не первооткрыватель, а продолжатель. «В своё время краевед Анатолий Рыжиков написал несколько статей о людях, захороненных в сквере Памяти Героев». Найдены фотографии захороненных, работники музея 9 мая, 25 сентября, 22 июня ставят их у могил.

Захоронение у стены Смоленской крепости — это особый мемориал, суть которого требует разъяснения. Если в Московской стене захоронены самые важные для СССР люди, то у Смоленской стены те, кто в совокупности даже для Смоленска не на первом месте. На кладбище «Клинок» (откуда, кстати, перенесли Губенко) осталось пять Героев Советского Союза, на Братском кладбище их десять, на «7 километре» — восемь, а возле крепостной стены меньше всего — четыре.

Один из захороненных в стене — инженер-капитан Аркадий Осипович Ривош даже медалью награждён не был. Погиб 8 февраля 1944 года. В журнале «Смоленская крепостная стена» (выпуск № 2, 2021 г.) со слов жены описаны трагические обстоятельства его гибели. Перед КПП не сработали тормоза машины, на которой он ехал. Был открыт огонь, в результате — Аркадий Осипович погиб. Нет наград у убитого 1 января 1944 года во время попытки прорвать вражескую оборону командира кавалерийского полка Владимира Антоновича Закатова и у погибшей в 1946 году от рук бандитов сержанта милиции Анастасии Алексеевой. Лишь по одной медали «За боевые заслуги» в арсенале Николая Сергеевича Федотова и Ефима Филипповича Фёдорова.

Всё это не умаляет значения захоронения, а лишь заставляет искать правильное его осмысление. С осени 1943 года по весну 1944 годов советские войска раз за разом стремились прорвать оборону фашистов, укрепившихся на территории Белоруссии. Было проведено 11 неудачных операций. Тяжёлое и медленное продвижение на Запад сопровождалось большими потерями. И наше смоленское захоронение — это уникальный памятник трагической и героической странице истории Великой Отечественной войны.

А подлинного героизма было немало. Погибает в траншейном бою, ведя своих бойцов в атаку с автоматом в руках неустрашимый командир полка М. М. Королевский; получил смертельное ранение в грудь при отражении атаки фашистов, расстреливая их из орудия прямой наводкой, майор Л. Н. Немков (смолянин, в стене захоронено шесть смолян); погиб, расстреливая прямой наводкой «тигры» и вражескую пехоту, подполковник Г. И. Полуместный. Уникальный эпизод его похорон: во время выноса тела комбрига из Драмтеатра орудия 107 гаубичной бригады, которой он командовал, открыли огонь по заранее выявленным фашистским укреплениям. Вряд ли кого-то могли хоронить подобным образом в Кремлёвской стене в Москве.

Судьбы людей складываются в паззл судьбы страны. Москва — это яркие взлёты. А здесь обычные и типичные жизненные стези: крестьянское детство, приход Советской власти, у многих судьба, связан со службой в Красной армии, война… Сквозь призму очерков Т. Бортаковского проступает не поддающаяся упрощённым формулировкам сложная история нашей страны в XX веке, весь трагизм Великой Отечественной войны. Здесь есть репрессии (будущий комдив Яковленко), пленения (под Харьковом — Емельян Сыщук), бандитизм (гибель от рук преступника в освобождённом Смоленске капитана госбезопасности Федосюка), «Смерш» (Панкратов), смерть в результате перенапряжения (полковник медслужбы Порашубский) и даже уникальный эпизод Гражданской войны — переплывавший вместе с Чапаевым Урал и оставшийся живым Фёдоров. Целая россыпь сюжетов. Мемориал к тому же является ярким свидетельством сплочения перед лицом беды многонационального советского народа (смерть объединила представителей шести национальностей: 25 русских, девять украинцев, три еврея, один татарин, один белорус, один грек).

И ещё один своеобразный штрих описываемого смоленского мемориала. Во многих городах бывшего СССР есть могилы Неизвестного солдата (к сожалению, не везде к ним за пределами России сегодня относятся с должным почтением) у нас в Смоленске в крепостной стене есть захоронение неизвестного офицера. Неизвестным он стал уже после войны. Закопали погибшего у стены, поставили фанерную пирамидку и химическим карандашом написали — кто, звание, годы жизни. Осадки стёрли надпись, вот и стал офицер неизвестным. Не праздновался день Победы. К ветеранам и погибшим не было трепетного отношения сразу после войны. В середине пятидесятых годов о том, что захоронения у крепостной стены приходят в негодность, написал «Рабочий путь». Пионеры взяли шефство, позднее сквер реконструировали. В конце 1970-х годов сделали мраморные надгробия, а на стене гранитные таблички. И пока величие подвига солдата, офицера и народа с дистанции времени стало видным (великое видится на расстоянии), надпись была утрачена безвозвратно.

Некрополь Смоленской крепостной стены, безусловно, усилил её духовную мощь, стал местом силы города; он является примером оптимального использования исторического объекта в современных реалиях.

Buteev Dmitry Valerievich
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
"Smolensk State Institute of Arts"

SYMBOLISM AND MEANINGS OF THE NECROPOLIS OF THE SMOLENSK FORTRESS WALL

Key words: *Smolensk fortress wall, necropolis, Great Patriotic War, historical object.*

Annotation. *Over the centuries of its existence, the Smolensk fortress wall has not only undergone significant external changes, but also radically changed its functionality. The main function — fortification — became irrelevant and was replaced by a memorial one. An example of the most successful solution to the problem of filling ancient architecture with functionality and meanings is the Memorial Square of the Heroes of Two Patriotic Wars, the semantic center of which was the military necropolis that arose here in 1943–44. This burial, located at the foot of the fortress wall, certainly strengthened its spiritual power, became a place of power for the city and remains so to this day.*

Валуев Демьян Валерьевич
кандидат исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник
ФГБУК «Смоленская крепость»

УДК 94(47)+351.853.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.73.63.018

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ П. П. ПОКРЫШКИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТИ

Ключевые слова: *Смоленская крепостная стена, П. П. Покрышкин, Императорская археологическая комиссия, прясло, башня, зубцы, трехсаженная полоса.*

Аннотация: *Одним из тех, кто внес большой вклад в изучение и сохранение Смоленской крепостной стены, был историк архитектуры и реставратор Петр Петрович Покрышкин (1870–1922). В начале XX века он курировал от Императорской Археологической комиссии работы по восстановлению Смоленской крепостной стены, регулярно, вплоть до 1917 года, приезжая в город. В Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН хранится архивный фонд П. П. Покрышкина. Несколько дел из него посвящены Смоленской крепости. Документы, содержащиеся в них, позволяют лучше представить состояние уникального архитектурного памятника в начале XX столетия. Кроме того, сведения из фонда Покрышкина добавляют новые штрихи в картину борьбы по его спасению и сохранению.*

Одним из тех, кто внес большой вклад в изучение и сохранение Смоленской крепостной стены, был историк архитектуры и реставратор Петр Петрович Покрышкин (1870–1922). Он прожил недолгую, но яркую и очень насыщенную событиями жизнь. П. П. Покрышкин родился в Иркутске, в семье доктора. Образование получил в Иркутском техническом училище и в Высшем художественном училище при Императорской Академии Художеств, которое закончил осенью 1895 года. С этого же времени он начал принимать регулярное участие в историко-архитектурных экспедициях, организуемых Императорской Археологической Комиссией. С 1900 года занимался преподавательской деятельностью в Академии Художеств. В декабре 1902 года П. П. Покрышкин стал членом Императорской

Археологической Комиссии. В 1909 году ему было присвоено звание Академика архитектуры.

Исследуя памятники архитектуры, Петр Петрович объездил всю Европейскую часть Российской империи, а также Среднюю Азию и ряд Европейских стран. Благодаря его трудам были спасены от разрушения многие шедевры зодчества, а некоторым из них возвращен исторический облик.

Свою исследовательскую, реставрационную и педагогическую деятельность он продолжал и в непростых обстоятельствах революции и гражданской войны. Но осенью 1919 года П. П. Покрышкин под предлогом болезни прекратил свои научные занятия и преподавание в Академии Художеств. Летом 1920 года он уехал из Петрограда в Нижегородскую губернию, где был рукоположен в священники и направлен для служения в Тихоновский монастырь, расположенный в городе Лукоянов. Здесь и завершился его жизненный путь. Петр Петрович Покрышкин скончался от сыпного тифа 5 февраля 1922 года [3].

В самом начале 1903 года Императорская Археологическая Комиссия направила П. П. Покрышкина в Смоленск. Поводом для этой поездки послужило обращение княгини М. К. Тенишевой к местным властям с просьбой о предоставлении ей под музей Никольских ворот Смоленской крепости. Понадобилась экспертиза специалиста по старинной архитектуре. Покрышкин провел не только обследование Никольских ворот, но и обстоятельный осмотр всей крепостной стены. Итогом стало отрицательное заключение по прошению Тенишевой, поскольку при переоборудовании башни под музей предполагалась растеска её бойниц в окна, что привело бы к уничтожению исторического облика памятника.

Кроме того, после возвращения из Смоленска П. П. Покрышкин подготовил отчет о состоянии крепостной стены, а также сделал доклад на заседании Императорской Археологической Комиссии. Под заголовком «Смоленская крепостная стена. Отчет об осмотре ее, произведенном в январе 1903 года с краткой исторической справкой» он был опубликован в 12-м номере «Известий Императорской археологической комиссии», увидевшем свет в 1904 году. Описав состояние крепостных башен и прясел, Петр Петрович предложил меры по их восстановлению и спасению от разрушения. Фотографии для «Отчета» (в тексте они названы таблицами) были сделаны самим П. П. Покрышкиным, снимки приобретались также у фотографа Н. Н. Микицинского, были использованы и снимки В. В. Суслова [1, с. 10].

Подводя итог первому осмотру, П. П. Покрышкин, отмечал: «*Побывав в Смоленске, я лично убедился, насколько грандиозна его седая твердыня, и в то же время испытал глубокое сожаление, что дивный и редкий исторический памятник близок к безвозвратной гибели…*» [4, с. 12].

С этого времени Петр Петрович Покрышкин курировал от Императорской Археологической комиссии работы по восстановлению Смоленской крепостной стены, регулярно, вплоть до 1917 года, приезжая в город.

Он активно сотрудничал с местными историками и краеведами, а также с представителями власти, инженерами и строителями. Одним из самых активных среди них был губернский инженер Ф. В. Воллодко, «который составил для Покрышкина план Смоленской крепостной стены» [1, с. 10].

В Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН хранится архивный фонд П. П. Покрышкина. Несколько дел из него посвящены Смоленской крепостной стене. Документы, содержащиеся в них, позволяют лучше представить состояние уникального архитектурного памятника в начале XX столетия. Кроме того, сведения из фонда Покрышкина добавляют новые штрихи в картину борьбы по его спасению и сохранению.

Одним из самых интересных источников по истории Смоленской крепости из фонда Покрышкина являются черновые записи, сделанные им при обследованиях стены в 1908–1910 годах. Они представляют собой заметки и рисунки, выполненные карандашом и чернилами в записной книжке, на форзаце которой автором отмечено «Один Смоленск». Вот некоторые выдержки из данного документа: «Смоленск 1908

Ядровые язвы — начало разрушения облицовки! Прав Александр Андреевич (Спицын — Д.В.).

Закидка язвин без расчистки их бесполезна, ибо сопревшая периферия в язвинах не может держать ни цемента, ни побелки. …

Закидка швов цементом без расчистки их, т.е. без изготовления пустошевка также не целесообразна.

Облицовка половьем также не целесообразна.

Башни необходимо проветривать и лестницы. Где стена пошаталась, необходимо вычин цоколя до бута.

Крыши без свесов (?) не достигают цели» [5, л. 1].

«… Осматривая всю Смоленскую стену _____ до

Между губернаторским проломом и бастионом видели озорство гимназистов (лазали по стене, отбивая облицовку). Во рву валяются кирпичи» [5, л. 14].

«Смоленск. …

Старая кладка — швы в растирку.

Новая исполнена возмутительно небрежно: всякий зубец разно, раствор выплыл из швов (хотя очень крепкий!)» [5, л. 16].

«… Хотя считаю почти везде сплошь новую облицовку и на расшивку швов полагаю совсем немного, но в натуре старой облицовки сохранится больше, попорченную заменить придется глубже, чем у меня назначено, в общем расход уравнивается.

Полная рест[аврация]. вызовет асфальтовое покрытие пола.

Решетки в амбразурах не гарантируют от загрязнения, затрудняют чистку, сплошные ставни некрасивы.

Двери филенчатые не идут.

Выходы из лестниц очень несолидны.

Система «выборок из смет» на определенную сумму 4000 рублей — никуда не годится!» [5, л. 23].

…Я не видел ни одной верхней амбразуры свод коей не протекал бы. Это одно из побудит[ельных]. обст[оятельств]. к устройству двускатной крыши.

Мостовую надо кругом.

Разница в уровнях насыпей создает наклонные усилия в сторону меньшей насыпи.

Обязательно ремонтировать избранный участок кругом, а не с одной какой-либо стороны как это (возмутит[ельно].) практиковалось. Девиз Маевского: «Дешовка, на показ, на наш век хватит!»[1].

Зубцы крыть железом, промежутки также.

Нивелировка на средства города». [5, л. 26 об.].

«Участок от Зимбулки до Долгочевской

…Этот участок показывает крайнюю безалаберность руководителя ремонта: снаружи ремонт, а совнутри — все разваливается. Цоколь починен, а верхи нет» [5, л. 32].

«Внутри между Покровской VIII и Веселухой VII. Починенные части. Все почти пилястры отходят! Вся облицовка растрескалась. Прихожу к убеждению, что по меньшей мере в 1 кирпич надо всё вновь облицевать. (Подчеркнуто красным карандашом — Д.В.).

Впечатление издали, хорошее, а вблизи всё дрянь, показное. Так что, пожалуй, взять кв. саж. 64×3 в 1 кирпич, прибавить на арки и пилястры планировать — 64 саж. ×» [5, л. 61].

«… По наружности.

Участок между Шеин[овым]. прол[омом]. V и Новой круглой башней IV[2].

У башни спланировано место (пожарное депо) близко к стене, чтобы нужник поставить. Это Воллодко делал.

Против этого нужника одна из 8 трещин, трещина вертикальная. По (?) 6-й бойнице (считая от Шеин[ова] пролома)» [5, л. 74].

«…От ц. Б[ожией]. М[атери]. I к башне четырехуг[ольной]. II к Востоку внутри.

Нижние бойницы на половину в земле, хотя Воллодко их отрыл: до него были в земле целиком, в них то и струятся грунтовые воды. Но и ещё надо

[1] Имеется ввиду проект реставрации Смоленской крепостной стены, разработанный известным архитектором К. Я. Маевским (1824–1897) в 1880-х годах.

[2] Речь идёт о Костыревской (Красной) башне, построенной в 1833–1834 годах на месте обветшавшей.

открыть: сыро очень у цоколя, болото. Где лоток — там и порча. Коротки лотки и лишены слезников.

Закиданы швы, замазаны язвины в 1901 и 1902 гг.» [5, л. 76].

«Снаружи от Корол[евского]. бастиона XXVIII до Гуркиной башни XXX.

Непременно заделать пробоину, сделанную для испытания прочности наклонившихся зубцов». (Подчеркнуто красным карандашом — Д.В.). [5, л. 101].

«Между XXII и XXI проломами (направление от Донца к Молох[овским]. воротам)

…В одной верхн[ей]. амбразуре Энгельгардт[1] хотел ледник устроить и сделал выемку в стенах! (Подчеркнуто красным карандашом — Д.В.). Пещеру целую! (Написано красным карандашом — Д.В.)» [5, л. 118].

В фонде П. П. Покрышкина есть ещё несколько дел, состоящих из материалов, посвященных Смоленской крепостной стене, относящихся к разным годам, и содержащих, главным образом, сведения о состоянии различных её участков и фрагментов. Вот несколько примеров:

«7 зубцов Петра I-го разной толщины; из них — лишенные бойниц и расположенные близ до Петровских,— очень узки, особенно ближайшие к последним.

Это указывает на то, что разбивка петровских зубцов не вышла, не вместилась в имевшийся промежуток. Это же свидетельствует и о том, что до Петровские — сохранились до нас». [6, л. 36].

«Крыша по второму варианту лишит возможности любоваться городом со стены.

Это обстоятельство должно иметь в виду при устройстве крыши на прясла, снабженных удобными всходами на них (у Веселухи, напр., и у других отремонтир. башен по восточному протяжению крепости). (На полях — (одна согл.) — Д.В.)

На прясле XXXVII — XXXVIII крыша будет по второму варианту. (На полях — 3 согл. с. 177 — Д.В.)» [6, л. 51].

П. П. Покрышкин регулярно получал от своих Смоленских корреспондентов, среди которых были люди разного возраста и социального положения, сведения о состоянии крепостной стены. Вот, например, одна из его заметок в рабочих материалах:

«Смоленск 1908 г.

[1] Скорее всего имеется ввиду А. П. Энгельгардт (1845–1903), бывший Смоленским городским головой в 1877–1887 годах. В 1877 году он приобрел участок земли, располагавшийся между Большой Дворянской улицей (ныне улица Глинки) и прялом крепостной стены. В 1878–1879 годах здесь был построен каменный дом (ныне Дворец бракосочетаний). В саду за домом размещался флигель и хозяйственные постройки [2, с. 105–106]. Благодаря записям Покрышкина известно, что под хозяйственные нужды была приспособлена и одна из печур среднего боя крепостной стены.

Петр Феод. Ланин

Попечитель богадельни имени Пестрикова и Ланина.

Сообщил, что стена валится к Днепру, что уже стесано 14 вершков вверху». [6, л.58].

Летом 1914 года П. П. Покрышкину пришло письмо. Его текст был написан на бланке с штампом «гражданский инженер Ярослав Иванович Майер». Послание датировано: «июля 17 дня 1914 г.г. Смоленск». В нем говорилось: «Глубокоуважаемый Петр Петрович!

Сейчас у нас в Смоленске происходит мобилизация и по ней взят десятник Сергиев, который делал снимки со стены; до сих пор мною принято от него 100 негативов; с остальными придется теперь подождать. Я попробую дать производство снимков сторожу Скалевскому (?) и если он окажется для этой работы пригодным, то дам ему эту работу.

Смета на ремонт части стены от Губернаторского пролома и до башни Донец мною закончена, утверждена у нас в Губернском Правлении и проверена Контрольной палатой и теперь будет отослана в Петербург в Техническо-Строительный Комитет. Я боюсь, что там её долго задержат и мы упустим сезон, а потому я предлагаю начать работы сейчас уже. Кирпич (Л. 61 об.). доставляется и уже доставлено более 15000 шт. Если мы будем ожидать возвращения сметы из Петербурга, то мы потеряем сезон и деньги, уже отпущенные нам. Надо считаться с тем, что я поздно был утвержден и смета только теперь готова, а июль месяц уже на исходе и остаются август и сентябрь, а работа очень (нрзб) и работать при заморозках я не буду. Я поговорил с г. Вице-губернатором и начну работать и думаю, что с Вашей стороны препятствий не будет.

Весьма Вам признателен за память (нрзб) чертежей, но в крайнем случае я справлюсь и без них.

Прошу принять уверения в истинном уважении.

Искренне уважающий Вас». Далее следовала подпись [6, л. 61]

В том же 1914 году П. П. Покрышкин направил письмо Смоленскому вице-губернатору В. Ю. Фере, исполнявшему обязанности председателя Комиссии по охранению, надзору и приведению остатков древней Смоленской крепостной стены в безопасное положение. Оно показывает, что Петра Петровича очень тревожило состояние охранной трехсаженной полосы установленной с обеих сторон стены. Её нельзя было застраивать и загрязнять. Приведем этот текст полностью:

«Ваше Превосходительство

Василий Юльевич.

Осмотрев места отбития пластов в пряслах между Веселухой и Авраамиевской башнями, я нахожу, что в этих местах не было крайности отбивать облицовку. Лучше было бы устроить здесь заграждения способные удержать откатывающиеся в сторону камни, напр. было бы возможно на-

сыпать земляной валик[1], а на него поставить проволочное заграждение, чтобы люди не подходили близко к стене. Между Заалтарной башней и Ворониной мы с Ярославом Ивановичем обратили внимание на глубокие ямы, вырытые под откосом, вблизи стены, солдатами, для добычи глины. Ямы эти необходимо засыпать.

Огорчило меня очень то обстоятельство, что по внутренней стороне стены теперь нельзя пройти: ворота на запоре и ключи у владельцев. Этого препятствия я ещё ни разу не встречал.

Я понимаю, что нет закона и нет права отстаивать трехсаженный разрыв, но я не понимаю — какое право имеют соседние владельцы земли вновь захватывать этот разрыв. Неужели и с этим нельзя бороться? Ведь эти участки: от Никольской до Покровской башни до сего времени были вполне доступны! Жаль, что я не успел об этом переговорить с Вами, но надо это сделать 27 июня. Необходимо оградить от новых захватов полосу земли у стены шириною в 3 сажени, и безотлагательно, а то опять наступит "десятилетняя давность". Это какое-то мирное завоевание стены. Что будем спорить о том, кому принадлежит эта полоска земли? Она принадлежит Государству, которое тратит огромные суммы на поддержание исторического памятника» [6, л. 62].

В материалах П. П. Покрышкина встречаются и совсем короткие заметки, свидетельствующие о катастрофическом положении отдельных участков крепостной стены и ситуации с трехсаженной охранной полосой. Вот лишь некоторые из них:

«Смоленская стена.

Разрывы 3 саж., заборы запираются. Просить Мин. В. Д. (справится)

Между Авраам. и Заалт. баш отбит пласт под зубцами, скоро им каюк!

Между Заалт. и Ворониной ямы под откосом, глину берут» [7, л. 14].

После 1917 года П. П. Покрышкин уже не бывал в Смоленске. Тем не менее, некоторое время он сохранял свои прежние связи с теми, кто помогал в его трудах и интересовался вопросами сохранения памятников на местах. Об этом свидетельствует письмо Н. С. Петрова, отправленного в Смоленск Петроградским отделом по охране учету и регистрации памятников искусства и старины, написанное 25 февраля 1919 года и полученное Покрышкиным 13 марта. Вот что сообщал представитель отдела:

«Многоуважаемый Петр Петрович!

С субботы 22 февр. я нахожусь в Смоленске. Спешу ознакомить Вас с тем, что мне удалось узнать и сделать за эти несколько дней.

Прежде всего я произвел большой осмотр почти всех памятников старины для того, чтобы составить себе дальнейший план работы. Вообще могу сказать, что все они в довольно хорошей сохранности, исключая древней крепостной стены, которая с 1916 г. почти не ремонтируется, хотя все

[1] Для предупреждения откатывания камней в сторону.

это время находилась под личным наблюдением Вас. Ив. Грачева, относящегося к ней с большой любовью. Комиссии по охране стены уже не существует, а также упразднен и Комитет по ремонту и обновлению Кафед. Собора. Выясняя далее, в каком положении находится охранение памятников старины г. Смоленска я познакомился с членами Архивной Комиссии, с Вл. Прохор. Лапчинским — директором Археологич. Института, и с. Ек. Ник. Клетновой. Повидал также занимавшегося в архиве Вас. Ив. Грачева (ему я передал В. привет) он-же мне рассказал о том, что местные власти предполагали разобрать часть древней стены, вследствие чего он,— не зная куда обратиться за содействием телеграфировал в Москву — Н. Троцкой. 17 января с.г. был прислан из Москвы архит. Конс. Алек. Жуков, который совместно с Грачевым обошел всю стену и уехал. 15 февраля была получена телеграмма от Н. Троцкой, в которой она возлагает надзор за стеной на Архивную Комиссию (председ. Крыжановский) и категорически запрещает разбирать стену» [8, л. 7–8].

В истории Смоленской крепостной стены наступал новый этап. Результаты работ П. П. Покрышкина в дальнейшем стали одним из тех краеугольных камней, на которых базировалось её дальнейшее изучение и разработка планов реставрации.

Список источников и литературы

1. Ивочкин Д. Трапезников И. Возвращение в Смоленскъ. Фотоальбом. – СПб.: Историческая иллюстрация, 412 – 2015 с.
2. Лышковская И.Н., Путрова Е.В. История городской усадьбы Энгельгардтов (г. Смоленск, ул. Глинки, 4) // Усадьбы Смоленщины, соседних и приграничных территорий как центры хозяйственной и культурной жизни: сборник материалов VIII научно-практической конференции (с международным участием) / Смоленское областное краеведческое общество. – Смоленск: Свиток, 2023. С. 105–112.
3. Никитина А.А. Священник Петр Покрышкин — хранитель духовного и культурного наследия России (к 150-летию со дня рождения) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 33. С. 274-297.
4. Покрышкин П.П. Смоленская крепостная стена. Отчет об осмотре её, произведённом в январе 1903 года, с краткой исторической справкой // Известия Императорской Археологической комиссии. Выпуск 12. – СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1904. С. 1-25.
5. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (РО НА ИИМК). Ф. 21. Оп. 1. Д. 13.
6. РО НА ИИМК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1157.
7. РО НА ИИМК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1158.
8. РО НА ИИМК. Ф. 67. Оп. 1. Д. 6.

Valuev Demyan Valerievich
Candidate of historical sciences,
associate professor,
chief researcher
FGBUK "Smolensk Fortress"

WORKING MATERIALS OF P.P. POKRYSHKIN AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF THE SMOLENSK FORTRESS

Key words: *Smolensk fortress wall, P. P. Pokryshkin, Imperial Archaeological Commission, pryaslo, tower, battlements, three-fathom strip.*
Abstract. One of those who made a great contribution to the study and preservation of the Smolensk fortress wall was architectural historian and restorer Pyotr Petrovich Pokryshkin (1870–1922). At the beginning of the 20th century, he supervised the restoration of the Smolensk fortress wall on behalf of the Imperial Archaeological Commission, regularly visiting the city until 1917. The Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences contains the archival fund of P. P. Pokryshkin. Several files from it are devoted to the Smolensk fortress. The documents contained in them allow us to better imagine the state of this unique architectural monument at the beginning of the 20th century. In addition, information from the Pokryshkin fund adds new touches to the picture of the struggle to save and preserve it.

Варыхалова Ирина Эдуардовна
администратор экскурсионно-туристического отдела
ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»

УДК 72.017.9

DOI 10.54016/SVITOK.2025.49.34.019

СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ЭМОЦИЙ

Ключевые слова: *Смоленская крепость, эмоциональное состояние, опрос, архитектура, положительные характеристики.*

Аннотация*: Архитектура, как один из компонентов окружающей среды, имеет огромное влияние на человека. Объекты культурного наследия являются не только местами для посещения туристами, но и важным элементом в формировании идентичности и культурной самобытности. Одной из главных достопримечательностей Смоленска является крепостная стена, с которой связано много исторических событий. Автором было проведено исследование эмоционального отношения людей к Смоленской крепости. В нем приняли участие жители города в количестве 100 человек. Опрошенные гости музея «Смоленская крепость» чаще выбирали положительные характеристики, описывающие впечатление от музея и архитектурного объекта в целом, что в свою очередь демонстрирует благотворное влияние на эмоциональное состояние человека. Таким образом было доказано, что объект культурного наследия Смоленская крепость действительно вызывает положительные эмоции у смолян и гостей города.*

Окружающая среда является одним из основных факторов, который влияет на жизнь человека и его эмоциональное состояние. Архитектура, как один из компонентов окружающей среды, имеет огромное влияние на человека. Объекты культурного наследия являются не только местами для посещения туристами, но и важным элементом в формировании идентичности и культурной самобытности. Процесс формирования туристической достопримечательности движим логикой ее социального конструирования «превращение географических названий в географические мифы, которые затем трансформируются в туристическую инфраструктуру и устойчивые туристические практики, привязанные к данному объекту». Самой главной культурной достопримечательностью для нашего города является

Смоленская крепостная стена, с которой связано очень много исторических событий.

Цель: выявить основные факторы влияния Смоленской крепости как архитектурного сооружения на эмоциональное состояние человека.

Задачи:

1. Определить методы измерения эмоционального состояния человека при посещении Смоленской крепости.
2. Собрать информацию об архитектурных особенностях Смоленской крепости.
3. Опросить посетителей Смоленской крепости об их эмоциональном состоянии после посещения.
4. Проанализировать результаты опроса и выделить основные факторы, влияющие на эмоциональное состояние посетителей Смоленской крепости.

Эмоциональное воздействие архитектурной среды особенно значительно на сознательном уровне. Это похоже на концепцию валентности К. Левина, которая относится к положительному или отрицательному восприятию определенной области жизненного пространства. Намерение архитектора вызвать определенные эмоции не всегда обязательно, поскольку эмоции могут возникать естественным образом. Условия, сопровождающие архитектурное сооружение, а также его окружение и виды деятельности, в значительной степени влияют на его воздействие. По словам Алена де Боттона, архитектура должна приносить счастье и вызывать у людей определенные эмоции, хотя не всегда предсказуемо, когда это произойдет. К. Линч проводит различие между интровертированными архитектурными пространствами, которые ориентированы внутрь себя и слабо связаны со своим окружением, и экстравертированными пространствами, которые открыты и связаны с элементами. В. В. Веламович считал, что архитектура должна выражать настроение человечества, позволяя ему отражать эмоциональное состояние отдельных людей. Восприятие архитектурной среды всегда приобретает определенную драматическую окраску, как отмечает В. В. Федоров.

Эмоциональная реакция на архитектурное здание может сильно различаться у разных индивидов и даже у одного и того же человека в разные моменты его жизни. Эстетические качества архитектурной среды также играют определенную роль во влиянии на эмоции человека. Когда конкретный архитектурный объект находит отклик у человека, он кажется личным и привлекательным. И наоборот, безразличная и безличная среда может оказывать тяжелое эмоциональное воздействие. Архитектура обладает способностью вызывать широкий спектр эмоций и создавать значимые связи с отдельными людьми.

Эмоциональное восприятие архитектуры

Архитектура — это искусство создавать пространства, которые оказывают эмоциональное воздействие на человека. Чтобы архитектура была эмоциональной, она должна возбуждать интерес, вызывать у человека чувства и эмоции.

Новаторство и сложность

Одним из способов создания эмоциональной архитектуры является использование новизны и сложности. Новизна привлекает внимание человека, вызывает у него чувство удивления и любопытства. Сложность архитектуры позволяет человеку размышлять о ней, находить в ней новые смыслы и ассоциации.

Однако, новизна и сложность могут быстро приесться. Чтобы этого избежать, архитектурная форма должна быть насыщенной и детальной, чтобы внимание человека с каждым разом перемещалось с одной детали на другую.

Привычка

Немалое влияние на эмоциональное восприятие архитектуры оказывает привычка. Привычные ситуации снижают остроту впечатления и свежесть чувств, привычное может ускользать от внимания или вызывать скуку.

Интересует и поражает всегда нечто новое, увиденное впервые. Но непривычное также может вызвать отталкивающие чувства или тоску. В связи с этим иначе будет строиться процесс восприятия архитектурного сооружения: человек будет опускать множество деталей, не будет акцентировать внимание на архитектуре и будет воспринимать ее лишь как фон его жизнедеятельности.

Взаимодействие новизны и привычки

Таким образом, между новизной и привычкой существует сложное взаимодействие. Новизна привлекает внимание, но быстро приедается. Привычка снижает остроту впечатления, но позволяет человеку глубже воспринимать архитектуру.

Другие факторы

На эмоциональное восприятие архитектуры влияют и другие факторы.

- Соответствие архитектуры культурным традициям и ожиданиям человека. Человек воспринимает архитектуру через призму своих культурных представлений. Архитектура, которая соответствует культурным традициям, будет вызывать у человека положительные эмоции.
- Согласованность архитектурной формы с окружающей средой. Архитектура должна гармонично вписываться в окружающую среду. Архи-

тектурное сооружение, которое резко контрастирует с окружающей средой, будет вызывать у человека чувство дисгармонии.

- Личностные особенности человека. Эмоциональное восприятие архитектуры зависит от личностных особенностей человека. У каждого человека свои предпочтения в архитектуре.

Новые тенденции в архитектуре

Современные архитекторы ищут новые способы создания эмоциональной архитектуры. Они используют новые материалы и технологии, разрабатывают новые формы и пространства.

Одной из новых тенденций в архитектуре является создание архитектурных сооружений, которые взаимодействуют с человеком. Такие сооружения могут реагировать на действия человека, менять свой внешний вид или функциональность.

Другой тенденцией является создание архитектурных сооружений, которые учитывают природные факторы. Такие сооружения гармонично вписываются в окружающую среду и способствуют сохранению природы.

Ключевым объектом культурного наследия на территории города Смоленска является крепостная стена.

В конце XVI века боярин Борис Годунов инициировал строительство в Смоленске кирпичной крепости. Указ о возведении «каменного города» подписал 15 декабря 1595 года царь Федор Иоаннович. Работы по строительству возглавлял известный русский зодчий Федор Савельевич Конь.

За шесть лет (1596–1602 годы) были проведены масштабные работы по возведению 6,5-километровой стены с 38 башнями различных типов. При строительстве Смоленской крепости были использованы передовые достижения итальянской фортификационной архитектуры XV века. В подобном стиле был построен Московский кремль и ряд крепостей России в начале XVI века.

Именно итальянцы внедрили в России технологию строительства кирпичных крепостей, что было значительно дешевле возведения крепостей из известняка. Характерной особенностью итальянских крепостей было завершение зубцов в виде ласточкиного хвоста, которое украсило зубцы Московского кремля и других крепостей, включая и Смоленскую.

Причиной появления итальянских кирпичных крепостей стало развитие артиллерии в XV веке, что привело к пересмотру технологических подходов к строительству и возникновению новых типов защитных сооружений. Башни стали объемнее и отныне рассматривались как отдельные узлы обороны, прясла приняли прямоугольный вид, появились бойницы подошвенного боя.

Смоленская крепостная стена была построена на основе итальянской фортификации с новаторскими элементами. Она имела три яруса боя,

массивные круглые или граненые башни, вынесенные за линию крепости, благодаря чему расширялся радиус обстрела.

С XV века в крепостях стали создаваться бойницы, расширяющиеся к внешней стороне, что увеличивало сектор обстрела. В Смоленской крепости перед бойницей располагалась специальная камера (ниша), называемая печурой. Благодаря просторной печуре стрелок мог удобно расположиться в бойнице, а также имелась возможность поместить орудие.

В круглых башнях крепости бойницы расположены в шахматном порядке, что обеспечивало фронтальный и фланговый обстрел. Дополнительным преимуществом Смоленской крепости стало применение в ее конструкции импровизированных огнестрельных позиций.

Смоленская крепость является уникальным примером фортификационного искусства, сочетающего в себе элементы традиционной русской и итальянской архитектуры. Крепость сыграла важную роль в защите западных границ России, выдержав многочисленные осады и всегда неизменно отражая нападения врагов.

Ворота Смоленской крепости были одним из важнейших элементов ее оборонительной системы. Они должны были обеспечивать безопасный вход и выход из города, а также защищать его от нападения противника.

Ворота Смоленской крепости были двух типов: с прямым проездом и с коленчатым проездом. Прямой проезд был на Днепровской башне. Он представлял собой широкую арку, перекрытую арочной кладкой. Ворота закрывались крепкими и тяжелыми дубовыми створами, а между ними располагалась металлическая решетка герса. Коленчатый проезд был в Копытенских воротах. Он представлял собой поворот на 90 градусов при входе в городскую часть. Вход с внешней стороны располагался на боковой стороне башни, поэтому противник, наступающий к воротам, оказывался уязвим для огня со стены. Такие ворота уже невозможно было выбить тараном.

На некоторых воротах Смоленской крепости над шатрами устраивали сторожевые (смотровые) вышки. Они были выполнены в виде дополнительной огражденной площадки, покрытой отдельной шатровой крышей. На ней мог быть расположен набатный колокол или другое устройство, при помощи которого передавали сигнал тревоги. На вершине шатров над воротами устанавливались металлические флаги-прапоры. Прапоры выполняли не только декоративную функцию, но и служили ориентиром для жителей города и путешественников.

Крыши башен Смоленской крепости имеют сложный состав. Они состоят из нескольких слоев, каждый из которых выполняет свою функцию. Основой крыши является шатровая конструкция, выполненная из дерева. Она покрыта тесовыми полицами, которые обеспечивают отвод дождевой

воды. По краям крыши расположены зубцы, которые защищают ее от ветра и осадков.

Смоленская крепость стала первым укреплением в мире, украшенным сотнями наличников. По замыслу Федора Савельевича Коня, Смоленская крепостная стена должна была символизировать мощь русского государства. Амбразуры крепости получили фигурные обрамления. Подавляющее количество наличников Смоленской крепости имеют форму эдикулы — профилированного прямого треугольника, увенчанного фронтоном.

Нами было проведено исследование эмоционального отношения людей к Смоленской крепости. В исследовании приняли участие жители города Смоленск в количестве 100 человек. Исследование проводилось на основе методики «Смысловой личностный дифференциал».

Фамилия, имя, отчество (или символ) _____ **Возраст** _____
Другие сведения _____ **Дата** _____ **Фамилия психолога** _____

1. Обаятельный	3 2 1 0 1 2 3	Непривлекательный
2. Слабый	3 2 1 0 1 2 3	Сильный
3. Разговорчивый	3 2 1 0 1 2 3	Молчаливый
4. Безответственный	3 2 1 0 1 2 3	Добросовестный
5. Упрямый	3 2 1 0 1 2 3	Уступчивый
6. Замкнутый	3 2 1 0 1 2 3	Открытый
7. Добрый	3 2 1 0 1 2 3	Эгоистичный
8. Зависимый	3 2 1 0 1 2 3	Независимый
9. Деятельный	3 2 1 0 1 2 3	Пассивный
10. Черствый	3 2 1 0 1 2 3	Отзывчивый
11. Решительный	3 2 1 0 1 2 3	Нерешительный
12. Вялый	3 2 1 0 1 2 3	Энергичный
13. Справедливый	3 2 1 0 1 2 3	Несправедливый
14. Расслабленный	3 2 1 0 1 2 3	Напряженный
15. Суетливый	3 2 1 0 1 2 3	Спокойный
16. Враждебный	3 2 1 0 1 2 3	Дружелюбный
17. Уверенный	3 2 1 0 1 2 3	Неуверенный
18. Нелюдимый	3 2 1 0 1 2 3	Общительный
19. Честный	3 2 1 0 1 2 3	Неискренний
20. Несамостоятельный	3 2 1 0 1 2 3	Самостоятельный
21. Раздражительный	3 2 1 0 1 2 3	Невозмутимый

Спасибо! Проверьте, на все ли вопросы Вы ответили в бланке для ответов

Наиболее часто выбираемыми параметрами стали: обаятельный, разговорчивый, добрый, добросовестный, открытый, дружелюбный и общительный.

Опрошенные гости музея «Смоленская крепость» чаще выбирали положительные характеристики, описывающие впечатление от музея и архитектурного объекта в целом, что в свою очередь демонстрирует благотворное влияние на эмоциональное состояние человека. Эмоциональное восприятие архитектуры — это сложный процесс, который зависит от множества факторов. В данном исследовании опытным путём было доказано, что объект культурного наследия Смоленская крепость действительно вызывает положительные эмоции у смолян и гостей города.

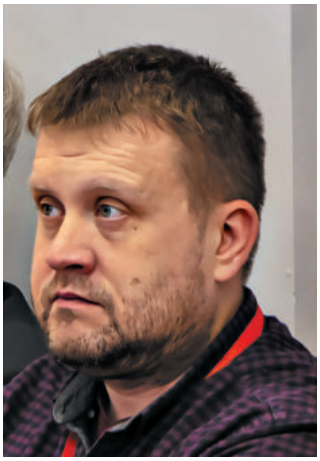
Источники и литература
1. Рябинов П. А. Осокина В. А. Основные факторы влияния архитектуры на человека // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» / Электронный ресурс / URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-faktory-vliyaniya-arhitektury-na-cheloveka/viewer (дата обращения: 20.12.2023 г.)
2. Чернега А. А. Туристическая достопримечательность как социальный ресурс (на примере российской глубинки) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» / Электронный ресурс / URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turisticheskaya-dostoprimechatelnost-kak-sotsialnyy-resurs-na-primere-rossiyskoy-glubinki (дата обращения: 18.12.2023 г.)
3. Методика «Личностный дифференциал» // Энциклопедия психодиагностики / Электронный ресурс / URL: https://psylab.info/Методика_«Личностный_Дифференциал» (дата обращения: 21.12.2023 г.)
4. Шемелина О. С., Ванина О. Е. Особенности восприятия городской среды жителями малых городов (на примере городов новосибирской области)// Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» / Электронный ресурс / URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vospriyatiya-gorodskoy-sredy-zhitelyami-malyh-gorodov-na-primere-gorodov-novosibirskoy-oblasti/viewer (дата обращения: 17.2023 г.)

Varykhalova Irina Eduardovna
Administrator of the excursion and tourism department FGBUK "State Museum "Smolensk Fortress"

SMOLENSK FORTRESS AS A SOURCE OF EMOTIONS

Key words: *Smolensk Fortress, emotional state, survey, architecture, positive characteristics.*

Annotation. *Architecture, as one of the components of the environment, has a huge impact on a person. Cultural heritage sites are not only places for tourists to visit, but also an important element in the formation of identity and cultural originality. One of the main attractions of Smolensk is the fortress wall, which is associated with many historical events. The author conducted a study of people's emotional attitudes to the Smolensk Fortress. 100 city residents took part in it. The surveyed guests of the Smolensk Fortress Museum more often chose positive characteristics describing the impression of the museum and the architectural object as a whole, which in turn demonstrates a beneficial effect on the emotional state of a person. Thus, it was proven that the cultural heritage site Smolensk Fortress really evokes positive emotions in Smolensk residents and guests of the city.*



Вашкевич Андрей Фридрихович
заведующий отделом новейшей истории УК «Гродненский государственный историко-археологический музей» (Гродно, Беларусь)

УДК 908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.11.72.020

ГРОДНЕНСКИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ РОССИЙСКОЙ АРМИИ 1706–1705 ГОДОВ. ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Ключевые слова: *Северная война, Гродно, укреплённый лагерь, «траншемент», Пётр I, Неман, артиллерийские орудия.*

Аннотация*: В статье коротко описывается история российского военного лагеря, который существовал в 1705–1706 годах в городе Гродно. Военный лагерь исполнил свою функцию, поскольку шведы не решились на его штурм, а российская армия смогла успешно отступить на юг. На сегодня в Гродно сохранились части земляных укреплений лагеря, а также на дне Немана лежат российские пушки, которые могут быть извлечены подводными археологами*

Короткая история гродненского лагеря российской армии времен Северной войны оставила в истории Гродно много как материальных, так и нематериальных следов. Например, до Второй мировой войны несколько улиц города, современные Василька и Карбышева, носили название Под окопами, Под валами, Подвальская, а некоторые улицы, например Павловского, повторяют линию российских укреплений начала XVIII века [2, с. 75,168]. Также в фондах Гродненского государственного историко-археологического музея хранятся артефакты той эпохи — пушка, отлитая в 1701 году, свинцовые слитки для отливания пуль, ядра.

События 1705–1706 годов в Гродно всегда были интересны российским историкам, которые признавали исключительную важность спасения российской армии весной 1706 года в будущей победе под Полтавой. Два современных гродненских историка — Сергей Донских и Мечислав Супрон в своих исследованиях создали подробную панораму событий Северной войны на Гродненщине, а также определили местоположение сохранившихся до наших дней остатков российского военного лагеря 1705–1706 годов

Укрепления Гродненского военного лагеря.
3D-реконструкция Николая Правилова

[5, 12]. Не повторяя основные тезисы их научных исследований, сосредоточимся только на наиболее интересующих нас моментах.

Поход армии Петра I на территорию Речи Посполитой через Прибалтику был первым крупным походом новой российской армии на территории, находившиеся далеко от России. Это была своеобразная проба сил, которая, по мнению приближенных к Петру людей, например А. Меньшикова или Г. Огильви, должна была окончится решающим сражением со шведами. Зимовка в Гродно, ибо «здешняя фортеция зело крепка и безопасна», как писал А. Меньшиков [12, с. 101], должна была подготовить российскую армию к, возможно, решающей компании 1706 года. Армия Карла XII находилась в Варшаве, и никто не мог представить появление её под Гродно в самый разгар зимних морозов.

Основные укрепления Гродно, известные нам по российским и шведским планам, были возведены в октябре — декабре 1705 года, однако в январе 1706 года, после появления под Гродно армии шведов, лагерь стали усиливать с удвоенной энергией. Как писал современник: «Когда начались морозы, и они [российские военные — авт.] не могли копать землю, возили хворост и солому и клали на валы и теплой водой поливали, и этим способом возвели высокие ледяные укрепления» [10, s. 90–91].

Высокий, длинный (более 3 километров), земляной бруствер, укреплённый широким рвом с двойным рядом частокола, артиллерийские батареи, а также естественные природные преграды — вот что увидел шведский король, подойдя к Гродно зимой 1706 года. Шведам не удалось вызвать российскую армию за укрепления для генерального сражения. И Карл XII

Укрепления Гродненского военного лагеря.
3D-реконструкция Николая Правилова

намеревался штурмовать Гродно по узкому дефиле вдоль Старого замка (сейчас улица Старозамковая), однако был отговорен от этого своими генералами по причине возможных больших проблем, а ведь его армия и так уступала по численности российской [5, с. 187].

Царь Петр, оказавшись далеко от своей армии, был крайне озабочен её судьбой. Как писал российский историк: «Петр поспешил, по пути в Гродно, в Смоленск. Его письма оттуда свидетельствуют о сильном упадке духа. К тому же он был болен. Он не имел доверия к войску и постоянно возвращался к тому, чтобы не нападать — лучше отступить и артиллерию, если её нельзя увести с собой, побросать в воду, но спасти войско. Его настроение было очень унылое; он сравнивал своё положение с адом и призывал Бога в свидетели о мере своих нравственных терзаний. Он боялся, что его войско будет отрезано от России и Карл пойдёт на старую столицу» [3, с. 73].

Спасение для российских войск пришло неожиданно, при том от самих шведов, которые начали отступать от Гродно на восток и на север. Как написал в своей «Истории…» Феофан Прокопович: «От так жестокой осады получили незадолго по том наши нечаянное освобождение, самим бо неприятелем, который или за страх некий, или инако намерение свое перенося, начал оттуду уступать, а атаку траншамента, к которой уже фашины деланы, оставил» [6, с. 157].

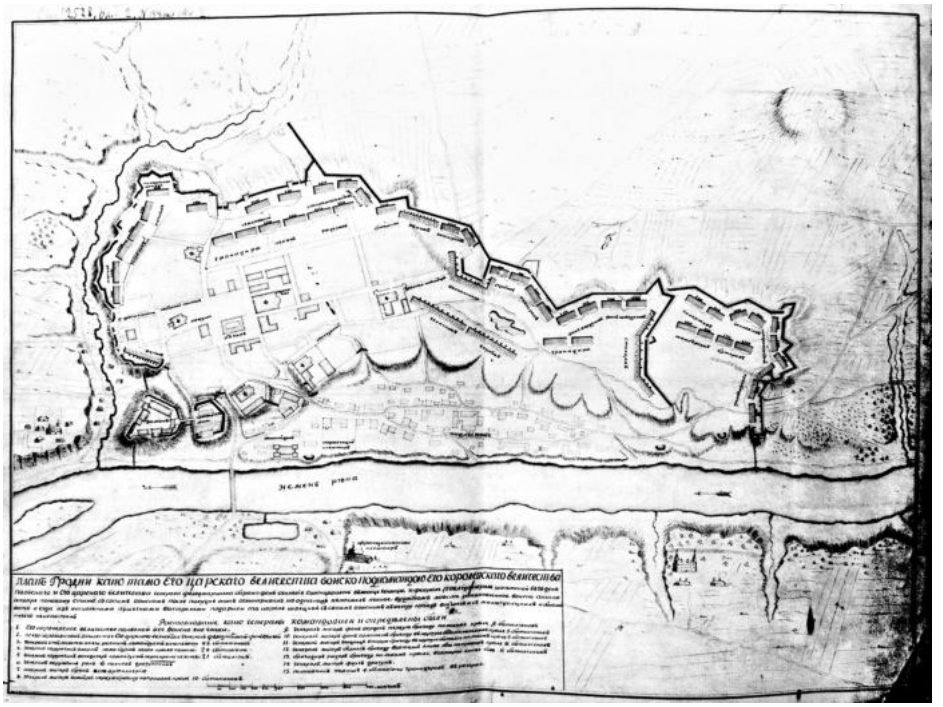
«Нечаянное освобождение» имело прозаическую причину — шведская армия страдала от холода и голода не меньше, чем российская. Отказавшись от кровавого штурма, не имея возможности выкопать в мерзлой земле

Укрепления Гродненского военного лагеря.
3D-реконструкция Николая Правилова

окопы и поставить артиллерийские батареи, шведы вынуждены были отступать от Гродно в поисках провианта и тепла всё дальше и дальше.

Опасаясь шведов, Петру приходилось также прикладывать немалые усилия, чтобы контролировать собственных военачальников и заставить четко следовать своим инструкциям. Сохранилось множество писем Петра с подробным описанием, как российской армии покидать Гродно. Например, Петр требовал: «(… ежели неприятель сведает, от чего Боже сохрани, и приидет, а пушки прежде выходу брошены будут: то тотчас штурмовать будет и вам борониться будет нечем). Потом, когда итти, взять вдруг пушки всем солдатам с траншамента, и вдруг сведчи с горы, бросить в воду (для чего проруби надлежит заранее изготовить), и по том тотчас итти» [4, с. 185–186].

План Петра был исполнен крайне удачно. Буквально за две ночи в конце марта 1706 года вся российская армия смогла отступить на юг, обойдя с запада Беловежскую пущу. Карл XII находился в эти дни возле Орли в современном Щучинском районе и дважды едва не утонул, пытаясь переправиться на левый берег Немана, чтобы преследовать российскую армию. Время было потеряно и после нескольких месяцев ма-



Укрепления Гродно на Российском плане 1706 г.

неврирования российская армия оказалась в районе Киева. Шведский король безнадёжно отстал.

В 2016 году гродненский историк Мечислав Супрон наложил петровский «траншемент» на современную карту Гродно и более старые планы. Как оказалось, в некоторых местах земляные насыпи сохранились весьма неплохо. Как справедливо отмечает историк: «Гродненская оборонительная фортификация до сего дня остаётся неисследованным объектом, что показывает на необходимость её дальнейшего изучения, в том числе и археологическими методами» [12, с. 122].

Осенью — зимой 2024 года ученик 10 Э класса Гродненской гимназии № 4 Николай Правилов под научным руководством учителя Дмитрия Лютика разработал 3D-макет Гродно с укреплённым оборонительным лагерем российской армии. Этот проект экспонируется на выставке «Гродно в годы Северной войны» в Новом замке в Гродно (февраль — апрель 2024 года).

Отдельным и, пожалуй, самым перспективным направлением дальнейшего изучения военного лагеря 1705–1706 годов является поиск утопленных в Немане весной 1706 года орудий. По имеющейся у нас информации, русские войска имели в Гродно 103 орудия разных типов, большую часть из которых составляли 3-фунтовые тяжёлые полковые орудия, отлитые

из бронзы после поражения под Нарвой в 1700 году [9]. С собой из Гродно войска смогли увести порядка 45 орудий, по одному на батальон. В Киев, как считается, прибыло 40 орудий. Таким образом в Немане было утоплено около 60 пушек.

Уже в 1707 году Пётр I предпринял активные действия по извлечению орудий из реки, выслав в Гродно специальный снабжённый подводами для перевозки орудий отряд. Солдаты извлекли из реки 11 пушек, и долго вели следствие о том, что часть орудий была извлечена из Немана предприимчивыми гродненскими евреями и что они же продали якобы закопанную на гродненском рынке саксонскую артиллерию Августа II. С. Донских также приводит информацию, что несколько петровских пушек пытался достать в 1794 году руководитель восстания Тадеуш Костюшко. Даже если предположить, что гродненцы достали несколько пушек ещё в 1706–1707 годах и сложить их с извлеченными по приказу Петра, то можно допустить, что в глубинах Немана, ещё ждёт своего часа не один десяток орудий [5, с. 303–304].

Все эти предположения нашли подтверждение в 1966 году, когда в сентябре — октябре этого года, гродненские речники, то ли очищавшие Неман от мусора, то ли добывавшие из него гальку, извлекли три (или, возможно, четыре) российских орудия, отлитых в 1701 году мастерами Логином Жихаревым и Семеном Леонтьевым [1]. Вот как лирически описывал эти находки гродненский историк Б. Клейн: «Летом 1966 года работники Неманского эксплуатационного участка речных путей методично продвигались вдоль высокого берега, углубляя русло. Зная о том, что на дне могут быть сделаны интересные находки, речники действовали осмотрительно и осторожно. И вот однажды, в конце сентября, к экскаваторщику комсомольцу Юрию Юхневичу пришла удача: он поднял тяжёлый предмет, оказавшийся старинной пушкой. Она немедленно была доставлена в Гродненский историко-археологический музей… Окрылённые успехом, речники расширили поиски. Снова удача: поднята вторая тяжёлая пушка, затем ещё две. И вот уже, начищенные до блеска, орудия занимают свои последние позиции в музеях: Гродненском, Московском…» [8, с. 10–12]. В других публикациях кроме комсомольца Юхневича упоминаются речники Борисевич, Митягин, Корнейчук и Хмелевский.

Если суммировать всю достаточно скудную информацию о находках петровских пушек в Немане в 1966 году, то можно прийти к выводу, что все они были найдены выше по течению от железнодорожного моста на глубине 3,5 метра (непонятно, на глубине реки или на глубине залегания в грунте). Более точная локализация — район улицы Правонабережной [2; 7; 11]. Именно в этом месте располагались две из трёх, показанных на плане 1706 года российских артиллерийских батарей. Вообще можно предположить, что вся или почти вся российская артиллерия как раз находилась не на «траншементе» а на наднеманских батареях. Это логично, ибо тут она

была задействована в прикрытии переправ через реку, а удачно и, главное, своевременно сосредоточить её на линии достаточно длинных полевых укреплений было весьма непросто.

Из всего вышесказанного делаем вывод, что и теперь наиболее перспективным участком поиска других пушек Петра является участок Немана длинной 300–500 метров вдоль улицы Правонабережной выше по течению от железнодорожного моста.

Однако артефакты, связанные с событиями 1706 года можно находить по всему Неману в пределах исторического центра. В 1908 году находки ядер были сделаны во время строительства Старого моста (на месте его начала на правом берегу находилась третья петровская артиллерийская батарея). А в 2009 году во время очистки русла Немана речники снова обнаружили и передали в музей большое количество ядер и российских свинцовых слитков времен Северной войны, предназначавшихся для отливания пуль. Последние находки были сделаны чуть выше и ниже по течению от Старого моста.

Все эти припасы целенаправленно топились российскими войсками с целью укрытия от шведов, или, возможно, использовались для укрепления временных импровизированных переправ через Неман — засыпались в деревянные клети, чтобы на несколько дней создать опору мостов, по которым российская армия перешла реку и отступила на юг. Здесь можно добавить, что безусловно, не все военные припасы и амуницию российские войска смогли утопить. Например, историк Отвиновский пишет, что они «оставили в Гродно много тяжестей, а именно много бочек ножей, которые, вместо ручки имели винт» [10, s. 92]. Очевидно, разговор о некоем виде штыков к ружьям, которые ещё только начинали входить в использование. Как видим, изучение дна Немана методами подводной археологии может принести наиболее интересные результаты.

Список источников и литературы

1. Архив Гродненского государственного историко-археологического музея. Документы за 1966 г.
2. Біяграфія гарадзенскіх вуліц. Ад Фартоў да Каложы / А. Вашкевіч, А. Госцеў, В. Саяпін и др.— Гародня; Wroclaw: Wroclawska Drukarnia Naukowa, 2012.— 370 с.
3. Брикнер, А. Г. Иллюстрированія история Петра Великаго.— Т. II — СПб: Типография П. П. Сойкина, 1903.— 294 с.
4. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И. И. Голикова.— Том второй. М.: в типографии Николая Степанова, 1837.— 542 + XV с.
5. Донских, С. Гродненская военная компания 1705–1706 гг.— Мир: Музей «Замковый комплекс «Мир», 2017.— 410 с.
6. История императора Петра Великаго от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно.

Сочиненная Феофаном Прокоповичем.— М: В типографии Компании типографической, 1788.— 256 с.
7. Киркевич, А. «1701… Лил мастер Жихорев» // Гроденская правда. 1928 сентября. № 191
8. Клейн, Б. Найдено в архиве. Минск: Беларусь, 1968.— 192 с.
9. Лобин, А. Артиллерия Петра Великого. «В начале славных дел».— М.: Эксмо, 2023.— 288 с.
10. Otwinowski E. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II.— Kraków: Czech, 1849.— 363 s.
11. Пархимович, Л. Пушка… со дна Немана // Гродненская правда. 1924 сентября. № 188.
12. Супрон, М. Абарончыя ўмацаванні Гародні часоў Паўночнай вайны: гісторыя ўзнікнення і сучасны стан // Гарадзенскі гадавік. 2016. С. 99-122.

Vashkevich Andrey Fridrikhovich
Head of the Department of Modern History
UK "Grodno State Historical and Archaeological Museum"
(Grodno, Belarus)

GRODNO MILITARY CAMP OF THE RUSSIAN ARMY IN 1705–1706. STUDY PROSPECTS

Key words: *Northern War, Grodno, fortified camp, "trench", Peter I, Neman, artillery guns.*
Annotation. *The article briefly describes the history of the Russian military camp that existed in 1705–1706 in the city of Grodno. The military camp fulfilled its function, since the Swedes did not dare to storm it, and the Russian army was able to successfully retreat to the south. Today, parts of the camp's earthen fortifications have been preserved in Grodno, and Russian cannons lie at the bottom of the Neman River, which can be retrieved by underwater archaeologists.*

Галанов Владимир Ильич
ведущий научный сотрудник
ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник»

УДК 737.23+069.01

DOI 10.54016/SVITOK.2025.22.62.021

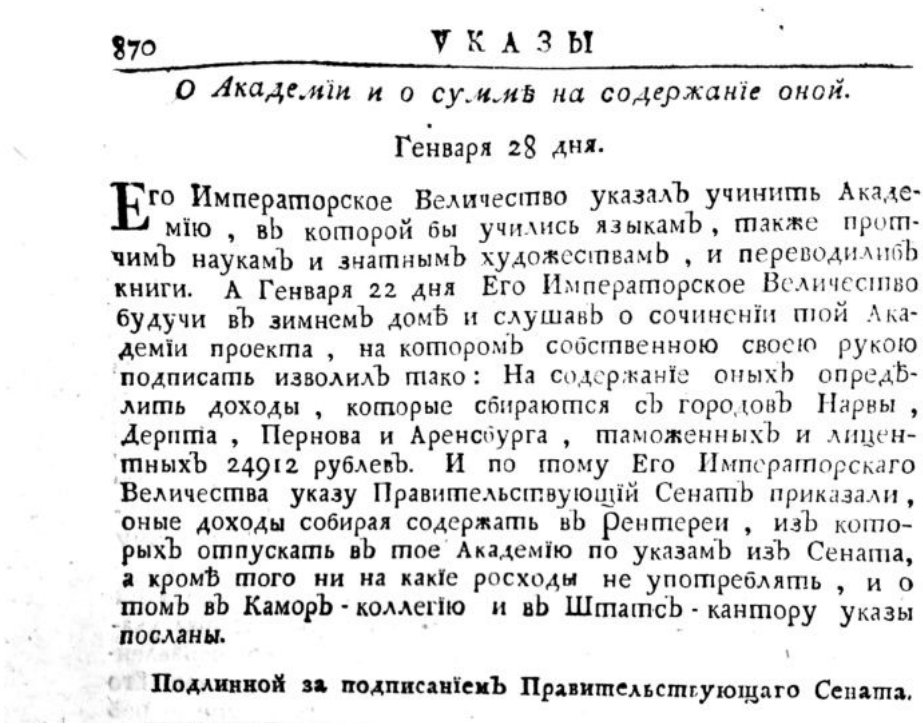
ПАМЯТНЫЕ МЕДАЛИ И ЖЕТОНЫ XVIII–XIX ВЕКОВ, ПОСВЯЩЁННЫЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, В СОБРАНИИ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Ключевые слова: *Российская академия наук, Смоленский государственный музей-заповедник, памятные медали, жетоны.*

Аннотация: *Среди великих дел императора Петра I, особое место занимает создание Российской Академии наук в 1724 г. В статье рассказывается о медалях и памятных жетонах, посвященных Академии, находящихся в собрании Смоленского государственного музея-заповедника. Рассмотрены особенности этих предметов. Рассказано об обстоятельствах их поступления в фонды музея.*

Среди множества великих дел, отмеченных в период правления императора Петра I, особое место занимает создание Российской Академии наук. Отмечая в этом году 300-летие этого одного из важнейших событий нашей истории, есть возможность и приятная необходимость коснуться этой темы. Богатые фонды Смоленского государственного музея-заповедника позволяют это сделать.

В одном из залов исторического музея, отражающих эпоху Петра Великого, выставлена книга с его Указами, которая по учётным документам музея называется «Генеральный регламент или Устав». Указы императора Петра I, составлявшиеся с 1714 по 1725 гг.» — (СОМ 8404). (Рис. 1). Книга объёмная в 1024 страницы печатного текста и ещё 2 страницы рукописные. Она была издана (точнее переиздана) в Санкт-Петербурге в Академии наук в 1870 году. История этого издания и содержание книги — отдельная тема. Отметим лишь, что книга в своё время поступила в Смоленский областной



870 УКАЗЫ

О Академіи и о суммѣ на содержаніе оной.

Генваря 28 дня.

Его Императорское Величество указалъ учинить Академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводили бы книги. А Генваря 22 дня Его Императорское Величество будучи въ зимнемъ домѣ и слушавъ о сочиненіи той Академіи проекта, на которомъ собственною своею рукою подписать изволилъ тако: На содержаніе оныхъ опредѣлить доходы, которые сбираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенныхъ и лицентныхъ 24912 рублевъ. И по тому Его Императорскаго Величества указу Правительствующій Сенатъ приказали, оные доходы собирая содержать въ Рентереи, изъ которыхъ отпускать въ тое Академію по указамъ изъ Сената, а кромѣ того ни на какіе росходы не употреблять, и о томъ въ Каморъ-коллегію и въ Штатсъ-кантору указы посланы.

Подлинной за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Рис. 1. Указ Петра I о создании Академии наук

музей из Городского исторического музея, основанного в 1888 году Семёном Петровичем Писаревым и Василием Ивановичем Грачёвым.

Среди опубликованных царских указов есть и тот, с даты подписания которого — 28 января (8 февраля) 1725 года — и ведёт свою историю Академия наук России. Назывался он «О Академии и о сумме на содержание оной». Вот выдержка из него: «Его Императорское Величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили бы книги» [1, с. 870]. Далее речь шла о финансировании академии, что заведомо определяло действенность проекта.

Многовековая история развития и активной деятельности Академии наук изучена и подробно описана в исторической литературе. Кроме этого она отражена и в памятниках нумизматики, в частности в медалях и жетонах XVIII–XIX веков.

Памятные медали — это особый вид памятника, отражающий в миниатюрном рельефе важные исторические события. В нашем случае это медали, посвящённые Академии наук Российской империи.

Первая такая медаль (так этот предмет числится в книгах учёта музея (СОМ 1214) посвящена 50-летию Академии наук и датирована 1776 годом.

В известном каталоге Смирнова В. П. «Описание русских медалей» 1908 года этот предмет (№ 281) назван юбилейным жетоном, что более правильно. Там же дано его точное название: «В память 50-летнего юбилея Императорской Академии наук» [2, с. 146] и описание лицевой и оборотной стороны. Жетоны данного типа чеканились в золоте и серебре, а позднее появились новоделы в бронзе. Хранящийся в нашем музее экземпляр отчеканен в серебре. Его вес 8,55 грамма.

Рис. 2. Лицевая сторона памятной медали к 100-летию Академии наук

Второй предмет нашей темы из коллекции музея — это медаль (СОМ 5922), которая в том же каталоге Смирнова В. П. числится под № 431 и называется: «В память 100-летия Императорской С. П.Б. Академии наук» [2, с. 227]. (Рис. 2–3). Там же дано подробное описание её обеих сторон и указан автор. Автор очень известный, медальер высшего класса — граф Фёдор Петрович Толстой. Известен он, прежде всего, по исторической серии медальонов, посвящённых событиям 1812 года и заграничных походов Русской армии 1813–1814 годов. В одной из витрин экспозиции исторического музея выставлены гальванокопии редких медалей, повторяющих сюжеты медальонов. Наш экземпляр медали выполнен в бронзе. Диаметр её 64 мм, уже этим она отличается от более мелких памятных жетонов.

Рис. 3. Оборотная сторона памятной медали к 100-летию Академии наук

Кроме этих двух нумизматических юбилейных предметов (жетон и медаль), непосредственно посвящённых открытию в Российской империи первого высшего научного учреждения — Императорской Академии наук, мы рассмотрим ещё ряд жетонов обозначенной темы.

Как известно, Академию основал не только Пётр Великий, но и Екатерина Великая. Речь идёт о созданной ею 30 сентября (11 октября) 1783 года Императорской Российской академии (в прошлом году был юбилей — 240 лет со дня создания). Она была учреждена по примеру Парижской академии для разработки русского языка и словесности. Это в какой-то мере дополняло, но и дублировало работу основной Академии, основанной Петром I. Днём открытия этой Академии стало 21 октября 1783 года. Именно эта дата отчеканена на всех жетонах, о которых пойдёт речь ниже.

Рис. 4. Лицевая сторона жетона, вручавшегося участнику заседания в Академии наук

Рис. 5. Оборотная сторона жетона, вручавшегося участнику заседания в Академии наук

В 1841 году эта академия была преобразована во 2-е отделение Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, то есть органично вошла в состав Академии, основанной Петром I. Поэтому правомерно и логично рассмотреть жетоны этой академии, хранящиеся в нашем музее.

Первый жетон четырехугольной формы в виде ромба. Такие жетоны и монеты называют клиппами (клипами). Он учтён и описан в каталоге Смирнова В. П. под № 298. Вот его описание из каталога: «Лиц. ст. В круге, на лучах радиально направленных к окружности, вензель Императрицы ЕII, окружённый лавровым венком. *Надп. по периметру: императорская Российская академия».* Там же в сноске находим: «жетон раздавался на заседаниях присутствующим членам Академии». Очень важная информация, уточняющая порядок использования этих жетонов. Далее: «Об. ст. В круге, на четыреугольном камне с надписью: октября 211783 года — книга, на книге глобус с сидящей на полюсе совой, в лапах которой ленты, прикрепляющие к глобусу кадуцей, лиру и ключ» [2, с. 155–156]. Жетон серебряный, размером 38Х38 мм, отчеканен на Санкт-Петербургском монетном дворе. Жетон из коллекции нашего музея (СОМ 1145) имеет несколько иные параметры: размер — 35Х35 мм, вес — 12,48 грамм. Изображения лицевой и оборотной сторон соответствуют каталожному описанию. (Рис. 4–5).

Второй рассматриваемый жетон круглой формы (СОМ 5561), практически повторяет изображения и надписи предыдущего. Но он значительно меньше по размеру, а его вес 6,39 грамм.

Третий жетон этого типа (СОМ 1091) переносит нас в период правления императора Павла I. На лицевой стороне жетона вензель государя, а оборотная сторона повторяет изображения двух предыдущих жетонов. Его вес 9,92 грамм, а диаметр — 38 мм. К сожалению, в каталоге В. П. Смирнова эти два жетона не описаны. Можно с уверенностью говорить, что они учтены в более полном каталоге М. Е. Дьякова «Медали Российской империи» [3].

Все рассмотренные жетоны чеканились из серебра на Санкт-Петербургском монетном дворе.

Выше уже было отмечено, что перечисленные жетоны раздавались участникам заседаний в Академии наук. Подтверждением этого служит Указ Императрицы Екатерины II от 2 ноября 1783 года, которым она повелела «делать на монетном дворе ежегодно по 1000 жетонов серебряных, ценою каждый в 80 копеек» для раздачи членам академии за сеансы [4]. Судя по жетону с вензелем Павла I можно говорить о сохранившейся традиции вручения жетонов и после смерти Екатерины II.

Нельзя не затронуть вопрос о происхождении рассмотренных выше предметов. Все они попадают под устоявшуюся в учётных книгах музея формулировку «из старых поступлений», но есть и уточнения — «из городского музея». О музее уже было сказано в начале этого сообщения. А вот небольшое расследование позволило конкретизировать источник поступления почти всех рассмотренных предметов нумизматики в сам городской музей того времени. Помог в этом краткий Каталог городского музея, составленный его бессменным хранителем Василием Ивановичем Грачёвым. Каталог был издан в 1908 году [5]. Так в каталоге за номером 26 записано: «В честь Академии 1725–1776 г.» [5, с. 116]. К сожалению, запись очень краткая не дающая дополнительной информации о предмете. В этом же каталоге учтены и другие рассмотренные нами жетоны и медаль. Главная ценность этих записей в том, что они находятся в разделе XII каталога, который называется: «Коллекция монет и медалей, пожертвованных ген.-майором А. П. Клачковым». О щедром даре Александра Петровича Клачкова было ранее подробно рассказано в ряде публикаций [6]. Его богатейшая коллекция, согласно его завещания после смерти была подарена городу Смоленску. Произошло это в 1904 году. Процесс передачи описан подробно в документах дела, хранящегося в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) [7].

Список источников и литературы:

1. Указы блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского, состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, января по 28 число 1725 года. СПб.: При Императорская Академия наук, 1777.— [2], 1096 с.
2. Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб. Санкт-Петербургский монетный двор, 1908.— [4], 748 с.
3. Дьяков М. Е. Медали Российской империи. Каталог. Полный комплект из 8 томов. М., 2004–2008.
4. Полное собрание законов и распоряжений Российской империи (ПСЗРИ). Т. XXI. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 15862.

5. Грачёв В. И. Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск: типография П. А. Силина, 1908.— [2], II, 211 с.
6. Галанов В. И. Из истории формирования нумизматической коллекции Смоленского государственного музея-заповедника // Музейный вестник. Смоленск, 2006. С. 59–71.
7. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 65. Оп. 1. Д. 164.

Galanov Vladimir Ilyich
leading researcher
OGUK «Smolensk State Museum-Reserve»

COMMEMORATIVE MEDALS AND TOKENS OF THE XVIII–XIX CENTURIES, DEDICATED TO THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, IN THE COLLECTION OF THE SMOLENSK STATE MUSEUM-RESERVE

Key words: *Russian Academy of Sciences, Smolensk State Museum-Reserve, commemorative medals, tokens.*
Annotation. *Among the great deeds of Emperor Peter I, a special place is occupied by the creation of the Russian Academy of Sciences in 1724. The article tells about the medals and commemorative tokens dedicated to the Academy, located in the collection of the Smolensk State Museum-Reserve. The features of these items are considered. The circumstances of their entry into the museum's collections are described.*

Иванова Елена Николаевна
член Ассоциации историков и краеведов «Вязьма 2.0», заместитель председателя Вяземского РО ВООПИиК

УДК 908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.81.82.022

ВЯЗЕМСКАЯ КРЕПОСТЬ. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДА ВЯЗЬМЫ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННЫХ БАШЕН

Ключевые слова: *Вязьма, Вяземская крепость, острог, Спасская башня.*

Аннотация: *Статья посвящена истории перестройки укреплений Вязьмы в 1630-х годах. Рассказано об особенностях Вяземской крепости, украшением которых было шесть каменных башен. До нашего времени сохранилась только одна из них — Спасская (Ротвинская).*

В историческом центре города Вязьмы после перестройки крепости и возведения каменных башен находились: Верхний малый острог или Верхний город, Большой острог или Нижний город, Нижний острог.

Существует предположение, что Нижний город и Нижний острог находились не в одном месте. Косвенным подтверждением этого являются сведения, представленные в «Северном архиве» 1826 года в описи Льва

1 Верхний малый острог или Верхний город. 2.Большой острог или Нижний город. 3.Нижний острог

Озерова за 1675 год: «3. В большом городе дворы и места с 19 по 41 (лист). 4. В Нижнем остроге дворы и места с 41 по 47(лист)».

Перестройка Вяземской крепости началась в 1630 году и закончилась по завершении строительства Флоровской башни. Крепость имела шесть каменных (на фото белого цвета) и четыре деревянные (коричневого цвета) башни. Зелеными флажками обозначены глухие башни, красными — воротные.

При изучении крепости, в первую очередь, следует убрать путаницу в названиях башен, которые они получали по названием дорог, церквей, монастырей и других объектов.

Нижний город

1. Спасская наугольная тайничная (по названию Нижнеспасского монастыря и подземному ходу), Духовская наугольная с московского приезда (московская дорога, Духовская деревянная трехшатровая церковь), Ротвинская (ошибочно написано на плане по уровню земли, снятом инженером Стахановой 25 июня 1946 года).

2. Московские каменные ворота, Духовская воротная с московского приезда.

3. Духовская деревянная.

4. Калужская наугольная, Духовская с калужского приезда, Спасская (дорога на Спас-Деменск, раннее Погост Спасский, село Спасское).

5. Ротвинская (Ротвин колодец (ключ)), Ильинская (напротив Ильинского монастыря), Мироновская тайничная (построена при воеводе Мироне Вельяминове), верхняя Смоленская наугольная тайничная (выше Смоленских ворот с колодцем внутри).

6. Пречистенские Смоленские каменные ворота (по названию церкви и по дороге).

7. Флоровская глухая каменная тайничная (церковь Флора и Лавра, колодец).

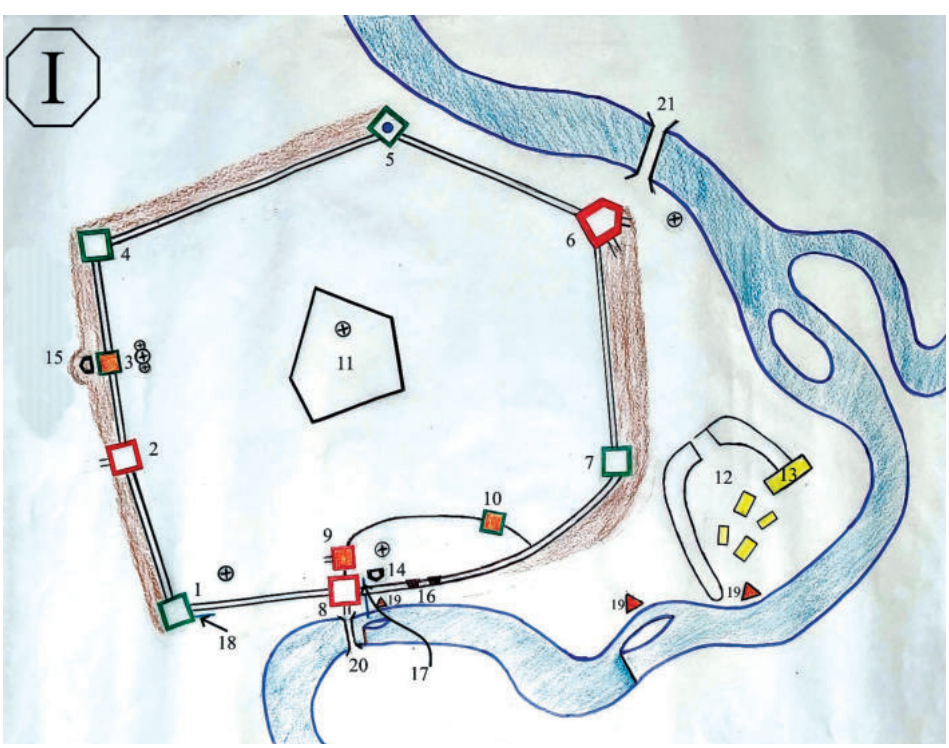
Верхний город

8. Водные ворота (выход к реке), Выводная (ворота из верхнего города), Раскатная (раскат для орудий), Флоровская верхняя (выше Флоровской каменной).

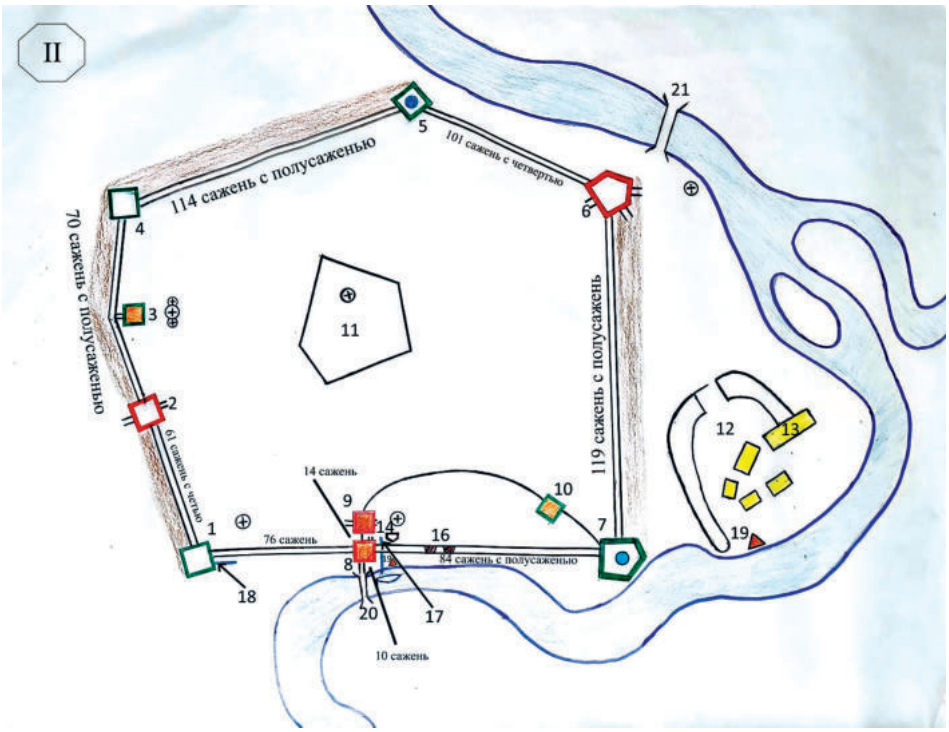
9. Троицкие ворота (по церкви, выход из Верхнего города в Нижний), Острожные ворота, Городовая воротная башня.

10. Казенная (в подвале хранили казну и порох), Караульная (хороший обзор на Нижний город, Нижний острог и посад).

После изучения описи выяснилось расхождение в том, что должны были построить и что построили.



Изначально по плану («сказке» немца Джона (Ивана) Та(о)йлера) напротив Духовской деревянной башни должен был быть каменный бык, Флоровская каменная должна была стоять на месте старых Флоровских ворот недалеко от Смоленских каменных ворот, Водяные ворота должны были быть каменными, т.е. седьмой каменной башней.



Перестройка крепости началась в 1630 году. До половины возвели Спасскую (1) и до крыши Московские ворота (2), которые «посадили» в ров. Одновременно шла работа по расчистке и копке рва из-за появления новых башен, перестановка тына, установка частика в колодах. Для соединения башен со стеной рубили новые городни и засыпали землей. Перестановка во рву тына, который мешал стрельбе из старой Духовской деревянной башни (3), «что зделана в городовой стене», привела к обрушению уже засыпанных наполовину землей городен. После этого решено было построить новую крепостную стену вокруг обвала, засыпать старый ров и выкопать новый. В образовавшемся в стене «колене» подготовили места для ведения верхнего и подошвенного боя. В деревянной башне, которая оказалась внутри крепости, закрыли окна для среднего и нижнего боя, а из верхнего боя башни намостили рундук с перилами на стену.

Опись за 1634 год сохранилась частично. Очень мало сведений про Спасскую башню и Московские ворота.

В 1631 году стройка продолжилась при воеводе Мироне Вельяминове, князе Василии Вяземском и дьяке Филиппе Ларионове.

Четыре остальные каменные башни были возведены одним летом 1632 года.

Калужская — имеющая 24 зубца. В подошве 11 сажень. Высота с зубцами 9 сажень без четверти.

Ротвинская имела 25 зубцов. В подошве 11 сажень. Высота с зубцами 12 сажень. Построена на «быку» и над колодцем, который находился рядом с ним. Над источником внутри башни был построен каменный шатер на 4 столбах, а над шатром — каменный свод. В 1633 году шатер рухнул, так как немецкие мастера не предусмотрели для жителей вход к колодцу, а Петр Галахтионов с каменщиками дверь прорубили, колодец почистили и заново покрыли тесом.

Смоленская воротная, пятиугольная, 27 зубцов. В подошве две стены по 11 сажень, две по 7 сажень, одна — 9 сажень. Высота с зубцами 9 сажень с полусаженью. Имела двое ворот, верхние и нижние. Верхние с подъемным мостом, который не успели доделать до осады. К 1635 году детали механизма в Вязьме были, но не было мастеров. Вместо моста сделали и положили большую опускную кованную решетку.

Флоровская тайничная, пятиугольная, 36 зубцов. В подошве три стены по 11 сажень, четвертая — 9 сажень, пятая — 7 сажень. Высота с зубцами 11 сажень. Видимо после доклада царю, что нельзя строить Флоровскую каменную на месте деревянных ворот, был получен ответ. По государеву указу, переговорив с Иваном Тойлером, сломали мельницу кадашевца Фрола Реброва и на этом месте возвели башню. Флоровская башня укрепила слабый участок в обороне со стороны Верхнего города, перекрыв к нему проход и обеспечив фланкирующим огнем, а необходимость в каменных Водяных воротах отпала. Появился дополнительный источник питьевой воды. Деревянные Водяные ворота построили в городовой стене, где ранее была «воеводская калитка» около воеводского двора.

В описи Верхнего города упоминаются тарасы (16), тайник длиной 51 сажень к мельничному монастырскому пруду для обеспечения водой Верхнего города (17), мост около Водяных ворот (20), бык (14), мельница (19), обламы.

Также на плане крепости отмечен Ильинский монастырь (11), Нижний острог (12), на проезжей улице Таможня (13), Смоленский мост (21), подземный ход от Спасской (18).

Вяземскую крепость окружал сухой ров шириной вверху 5 сажень, вверху 3 сажени. Не было рва от Ротвинской к Смоленским воротам и от Флоровской до Спасской из-за близости реки Вязьмы.

Список источников и литературы
1. Виноградов, И. П. Исторический очерк города Вязьма с древнейших времён Смоленск: «Смоленская городская типография», 148 .2006 с.
2. Архив П. М. Строева Т. 2 / СПб.: «Изд. Импер. Археографической Комиссии», 885–904 с.
3. Северный Архив, С.-петербургский журнал (1825–1828 гг.) // 1826 г. № VII, 225–241 с.

Ivanova Elena Nikolaevna
member of the Association of historians and local historians «Vyazma 2.0», deputy chairman of the VRO VOOPIiK

VYAZEMSKAYA FORTRESS. FORTIFICATION STRUCTURES OF THE CITY OF VYAZMA DURING THE CONSTRUCTION OF STONE TOWERS

Key words: *Vyazma, Vyazma fortress, prison, Spasskaya tower.*
Annotation. *The article is devoted to the history of the reconstruction of the fortifications of Vyazma in the 1630s. It tells about the features of the Vyazma fortress, the decoration of which were six stone towers. Only one of them has survived to this day — Spasskaya (Rotvinskaya).*

Красильников Игорь Борисович,
кандидат исторических наук,
доцент ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет»

УДК 908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.77.90.023

СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ — «ГЕРОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ И КИНЕМАТОГРАФА

Ключевые слова: *Смоленская крепость, литературный герой, кинематограф.*

Аннотация*: Статья посвящена анализу литературных произведений, и их экранизаций, посвящённых Смоленской крепости. С одной стороны таких произведений уже довольно много, с другой стороны, роль Смоленской крепости отражена в них еще недостаточно. Автор предлагает пути решения данной проблемы.*

Смоленская крепость неоднократно становилась объектом научного изучения. Исследовались её история и особенности архитектуры [6], возможности туристического использования. Одним из последних обобщающих трудов стала работа С. А. Пиляка [7]. В ней автор проанализировал генезисы смысловой и стилевой уникальности данного объекта, рассмотрев её использование как результата культурной синергии, российской идентичности, достопримечательности и наследия. Смоленская крепость исследовалась как хозяйство, жильё и т.д. С другой стороны, Смоленская крепость неоднократно упоминалась в литературных произведения, особенно поэзии и исторических романах, действие которых происходило в Смоленске. Анализу одного из таких произведений посвящена статья Г. Н. Ермоленко [4]. Однако, разбирались именно мифологические образы. Обобщающего исследования, посвящённого роли смоленской крепости как участника литературных произведений нет. В данной статье автор предпринимает попытку проанализировать роль именно Смоленской крепости как «героя» литературных произведений и их экранизаций.

В начале рассмотрим вопрос о том, что такое «литературный герой», и насколько архитектурный объект может выступать в этом качестве.

В своей работе «О литературном герое» Л. Я. Гинзбург в частности вспоминает, точку зрения Аристотеля, что «историк и поэт различаются тем,

что один рассказывает о том, что было, другой — о том, что могло бы быть. Эту классическую границу позднейшая литература нередко так или иначе пыталась переступить» [3, с. 8–9]. Таким образом, определяется различие в историческом и литературном исследовании. Поскольку именно литература имеет право на вымысел. «Литературным героем писатель выражает свое понимание человека, взятого с некоторой точки зрения, во взаимодействии подобранных писателем признаков» [3, с. 5]. Отвечая на свой вопрос о том, в чём же состоит специфика именно литературных персонажей, Гинзбург утверждает, что «как всякое эстетическое явление, человек, изображенный в литературе, не абстракция (какой может быть человек, изучаемый статистикой, социологией, экономикой, биологией), а конкретное единство. Но единство, не сводимое к частному, единичному случаю (каким может быть человек, скажем, в хроникальном повествовании), единство, обладающее расширяющимся символическим значением, способное поэтому представлять идею» [3, с. 5].

Разумеется, а данном случае Л. Я. Гинзбург говоря о литературном герое имеет в виду именно человека. Однако зададимся вопросом, а может ли быть таким героем иной объект. И мы сразу находим примеры, что героями литературных произведений становятся биологические объекты — животные и растения, географические объекты — реки и моря, горы, города.

Можно найти в литературе и многочисленные примеры, когда в качестве литературного героя, дающего название произведению, а часто играющему в нём большую роль, выступают и архитектурные объекты. Хрестоматийным примером может служить собор Парижской Богоматери, который неоднократно упоминался в художественных произведениях. Виктор Гюго, своим романом заставил взглянуть на собор как одну из достопримечательностей Парижа, да и всей Франции. Собор, который собирались сносить, не только сохранился, но и стал культовым местом. Этот же памятник упоминается в стихотворении 1912 года О. Э. Мандельштама. В наше время он стал героем антиутопии Е. П. Чудиновой «Мечеть Парижской богоматери». Данные произведения экранизировались, причем неоднократно. Такие же примеры есть в китайской и японской литературе.

Если обратиться к отечественной литературе, то здесь можно вспомнить и «Бахчисарайский фонтан» воспетый А. С. Пушкиным, который до сих пор привлекает многочисленных туристов, и московский дом по улице Серафимовича, 2 (вариант Берсеневская набережная, 20) — знаменитый «Дом на набережной», ставший героем повести Ю. В. Трифонова. Два других московский дома по улице Огарёва, 6 и особенно Петровка, 38 неоднократно упоминаются в литературных произведениях, посвященных московской милиции. Таким образом, мы можем убедиться, что архитектурные памятники неоднократно становились «литературными героями».

В связи с этим можно обратиться к анализу вопроса об использовании образа Смоленской крепости в литературе.

Смоленская крепость, а также её отдельные элементы — башни неоднократно упоминаются в стихотворениях, посвященных Смоленску. В частности, понятие «Кремль» есть в произведениях Игоря Воронца «старинный Кремль», Николая Грибачёва «Стена смоленского кремля стоит с семнадцатого века», Виктора Домбровского «розовый Кремль». Также используется понятие «крепостные стены». Его можно найти в стихах Тамары Дороцевич, Виктора Горяйнова «стена седая крепостная», Игоря Воронца «Холмы крутые в ожерелье стены Смоленской крепостной». Башню Веселуху вспоминает Татьяна Владимира, а Копытенскую башню Виктор Домбровсий. Смоленская крепость неоднократно упоминается в стихотворении А. М. Бодренкова «Первый солдат», ставшем гимном города Смоленска: «И прежде, чем быть Бородинскому бою, Был бой у Смоленской стены» и «И если ты хочешь быть духом сильнее, Побудь у Смоленской стены». Упомянутые автором примеры не исчерпывают этот список, поскольку во многих произведениях, посвящённых нашему городу, практически невозможно не упомянуть Смоленскую крепость…

А как же обстоят дела с большой литературой? И здесь Смоленская крепость неоднократно становилась частью литературных произведений.

Несколько нарушая хронологию появления, мы первоначально рассмотрим произведение В. Мединского с характерным названием «Стена», вышедшее в 2012 году [5]. Сам автор в одном из интервью рассказывал, что «история Смоленской обороны, увы, мало кому известна за пределами Смоленска. Я постоянно с этим сталкивался, выступая в студенческих аудиториях в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде. И каждый раз думал, как же это несправедливо! Со сценарием к фильму у меня не сложилось, а герои продолжали во мне жить, и как-то незаметно для себя я начал записывать их приключения». Данный роман имеет не только исторический, но и авантюрный сюжет, а также содержит любовную историю. При этом действие происходит во время осады Смоленска 1609–1611 годов. В романе много как реальных исторических персонажей, например, М. Шеин, так и вымышленных. Что касается Смоленской крепости, в данном произведении много место уделяется системе подземных ходов, специально созданных при строительстве крепости. Роман бывшего министра культуры получил развитие в кинематографе, по нему был создан в 2016 году одноимённый минисериал (режиссер Д. Месхиев) и анимационный фильм 2015 года «Крепость. Щитом и мечом» (режиссёр Ф. Дмитриев). Фильм почему-то снимали в Пскове, поэтому смоленских видов там, понятно, нет. При этом авторов больше привлекла именно авантюрная и любовная линия произведения. Как результат, Мединский попросил снять свою фамилию с титров. Фактически этот фильм был снят по мотивам романа…

Говоря о фильме, упомянем, что большую роль в сюжете вновь играют подземные ходы. На кадрах штурма крепости видны катапульты, которые в семнадцатом веке уже не использовались.

Гораздо более удачным получился анимационный фильм. Главными героями, как и предусматривает предполагаемая аудитория, здесь выступают дети. Хотя и здесь не обошлось без подземных ходов, но есть и достаточно подробное изображение стены с тремя уровнями боя, показано внутреннее пространство крепости. Да и сам фильм носит гораздо более оптимистический и патриотический характер.

Два исторических романа, созданные в разные эпохи, рассказывают о строительстве Смоленской крепости. Это роман В. П. Аристова «Смоленск» (другое название «Ключ-город»), написанный еще в 1939 году [2]. И повесть Е. П. Алфимова «Зодчий Фёдор Конь», вышедшая в 1997 году [1]. Несмотря на значительную временную разницу, в сюжете произведений есть множество пересечений — польские шпионы, пытающиеся выведать секреты строительства крепости, Андрей Дедешин, который фактически помогает этим шпионам. У Аристова, в духе времени есть многочисленные упоминания о классовой борьбе. Алфимов же делает своего героя участником заговора Василия Шуйского против Лжедмитрия Первого.

Оба произведения достаточно подробно говорят о ходе строительства крепости: заготовка необходимых материалов, мобилизация людских ресурсов, приезд Бориса Годунова на закладку крепости, строительство отдельных башен. При этом упоминаний о сооружении подземных ходов практически нет.

Эпизод, посвящённый осаде города в начале XVII века, есть в романе П. Л. Проскурина «Судьба», написанном в 1972 году, и соответственно, в одноимённом фильме 1977 года режиссёра Е. С. Матвеева, где показаны кадры штурма Смоленска и взрыва собора 3 июня 1611 года.

Таким образом можно сделать вывод что, с одной стороны Смоленская крепость неоднократно выступала «героем» литературных произведений. Это прежде всего поэтические произведения, в которых она выступает как символ нашего города. В исторических романах и повестях используется прежде всего описание периода конца XVI — начала XVII веков, то есть период создания крепости и Смоленской осады 1609–1611 годов, как наиболее интересный. Использовались и мифы, связанные со строительством крепости или её отдельными башнями. С другой стороны, Смоленская крепость ещё может стать «литературным героем» других произведений и даже компьютерных игр. Ведь в славной истории Смоленска она выступала участником и Смоленской войны 1632–1634 годов, и возвращения Смоленска в состав Российского государства в 1654 году, и в Отечественной войне 1812 года, и даже в годы Великой Отечественной войны.

Список источников и литературы
1. Алфимов Е. П. Зодчий Федор Конь. Смоленск: «Смядынь», 1997.— 272 с.
2. Аристов В. П. Избранное.— Курск: Кн. изд-во, 1959.— 699 с.
3. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отд-ние, 1979.— 220 с.
4. Ермоленко Г. Н. Природа и роль мифологических образов в романе Ф. Эттингера «Башня Веселуха»./ Электронный ресурс: URL: https://smol-history.ru/material/136 (дата обращения 6.02.2024).
5. Мединский В. Р. Стена. Москва: Олма Медиа Групп, 2012.— 620 с.
6. Модестов Ф. Э. Смоленская крепость. Смоленск: Центр по охране и использованию. памятников истории и культуры Смол. обл., 2003.— 143 с.
7. Пиляк С. А. Культурное наследие: генезис, актуализация, ревалоризация. Смоленская крепость. Смоленск: ООО «Свиток», 2022.— 176 с.

Krasilnikov Igor Borisovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Smolensk
State University

SMOLENSK FORTRESS — THE "HERO" OF LITERATURE AND CINEMA

Key words: *Smolensk fortress, literary hero, cinematography.*
Annotation. *The article is devoted to the analysis of literary works and their film adaptations dedicated to the Smolensk fortress. On the one hand, there are already quite a lot of such works, on the other hand, the role of the Smolensk fortress is not reflected in them yet. The author suggests ways to solve this problem.*

Курмановский Владимир Сергеевич,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ФГБУН
«Институт археологии РАН»

УДК 930.26

DOI 10.54016/SVITOK.2025.19.55.024

О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩАХ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

Ключевые слова: *Смоленская земля, городища, средневековье, классификация, историческая интерпретация.*

Аннотация: *В статье обозреваются некоторые направления изучения средневековых городищ Смоленской земли: выявление соотношения собственно средневековых крепостей и средневековых поселений (в том числе укрепленных) на городищах более ранних культур, некоторые специфические группы средневековых городищ, проблема археологического облика административных центров, известных по данным письменных источников.*

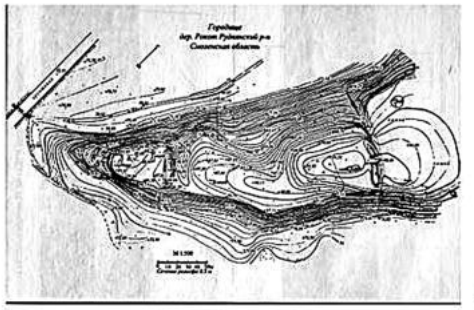
Городища Смоленской земли, в том числе относящиеся к эпохе средневековья, имеют довольно внушительную историографию. Это, в частности, работы А. Н. Лявданского, П. Н. Третьякова, В. В. Седова, Л. В. Алексеева, Е. А. Шмидта, обобщающие труды П. А. Раппопорта и А. В. Кузы. Данный материал имеет своей целью обозначить некоторые аспекты и направления в их изучении.

Первый из них касается соотношения собственно средневековых городищ и средневековых поселений на городищах предшествующих культур, в особенности относящихся к раннему железному веку. Так, из 111 городищ с напластованиями средневекового времени, зафиксированных Археологической картой Смоленской области, собственно средневековыми оказываются 35, то есть менее трети. На городищах раннего железного века со средневековым материалом лишь в сравнительно немногих случаях производились исследования укреплений, позволившие проследить их возведение в средневековый период. В работах исследователей XX века получил развитие сюжет о средневековых «городищах-замчищах» Смоленщины, характеризующихся очень небольшими размерами и мощными укреплениями, отличающими их от городищ предшествующих культур и трактуемых как укрепленные феодальные усадьбы. Это, в частности, раскопанные В. В. Седовым городища Воищина (Церковище) и Бородинское [16], а также

ряд городищ в Краснинском районе и Колычевское городище в верховьях Сожа (Починковский район), обследованные П. Н. Третьяковым. К этой же категории памятников относят и Ковшаровское городище, исследованное Н. К. Рерихом и А. Н. Лявданским. П. Н. Третьяков противопоставил насыщенную подобными памятниками юго-западную Смоленщину, включая верховья Сожа, району выше города Смоленска по течению Днепра, обследованному В. В. Седовым, где такие памятники редки, и южным районам Смоленщины, где, по его словам, распространены крупные городища, представляющие собой остатки древнерусских городов [19, с. 238–239]. Вместе с тем, исключительно средневековым памятником из обследованных В. В. Седовым оказывается только Бородинское городище, в то время как Воищина возведена на городище эпохи раннего железного века, а из «городищ-замчищ» Краснинского района, изученных П. Н. Третьяковым, большинство возведено на месте более ранних городищ, преимущественно тушемлинского периода [19, с. 239].

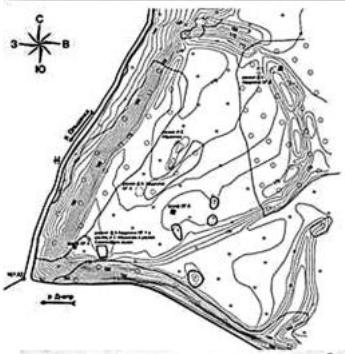
Одной из особенностей, отличающих часть средневековых городищ от городищ предшествующих периодов, оказываются их более крупные размеры. Нужно отметить, что даже эти городища довольно невелики. Городища, размеры которых превышают 0,5 гектара, могут быть условно названы «большими». Одним из наиболее крупных, хотя и отчасти гипотетических, городищ является Соборная Гора Смоленска. О существовании на ней городища, следы которого ныне почти не читаются, неоднократно указывалось в литературе. При этом древнейшие напластования городища с лепной керамикой в литературе датировались ранним железным веком [4, с. 57]. В результате недавних исследований Н. А. Кренке было выяснено, что древнейший культурный слой на нем относится к культуре смоленско-полоцких длинных курганов. Размеры городища исследователь также трактует весьма широко — в диапазоне от 2 до 5 гектаров [8, с. 30].

Среди «больших» городищ Смоленской земли можно, руководствуясь принципами, сформулированными П. А. Раппопортом и А. В. Кузой, выделить три группы. Первую из них составляют городища «произвольной» подовальной или подтреугольной формы, расположенные на мысах или останцах. В этом плане они не отличаются от городищ предшествующих культур (Рис. 1). А. В. Куза выделял такие городища в качестве I типа [9, с. 29]. Нужно отметить, что в смоленском материале такие городища частью имеют весьма раннее происхождение (Соборная Гора в Смоленске, Центральное и Ольшанское городища в Гнездове, Рокот, Вержавск), другие же были заселены не ранее XII–XIII веков (Соборная Гора в Вязьме). Отдельно следует коснуться Ольшанского городища. Исследователи Гнездова часто датируют данный памятник поздним средневековьем [7, с. 60, 80; 1, с. 27]. На нем присутствует археологический материал гнездовского времени, более позднего древнерусского периода XI–XIII веков, и позднесредневекового

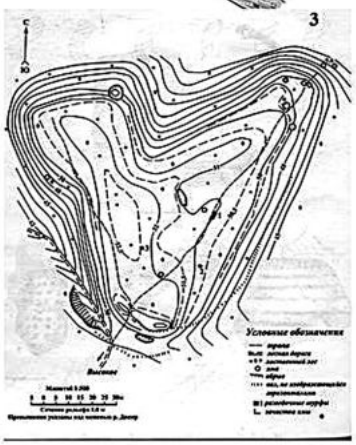


1

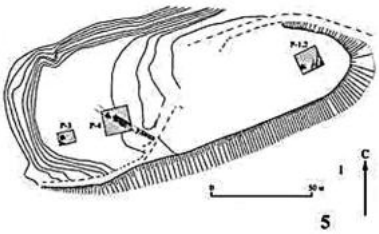
2



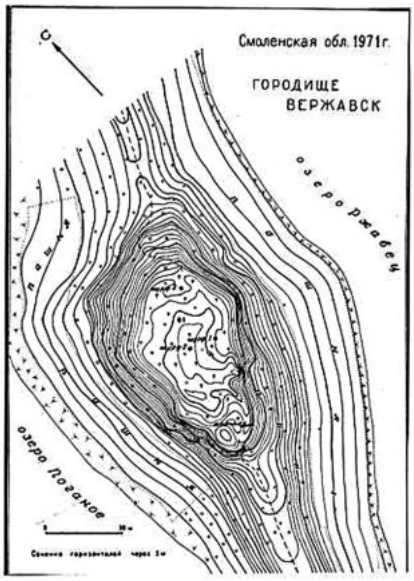
3



4



5



6

Рис. 1. «Большие» городища: 1 — Рокот (по Е. А. Шмидту); 2 — Смоленск, Соборная Гора (по Н. А. Кренке); 3 — Гнездово, Ольшанское городище (по С. А. Авдусиной и С. С. Зозуле); 4 — Высокое 2 (по Ф. Э. Модестову); 5 — Вязьма, Соборная Гора (по Н. А. Кренке); 6 — Городище (Вержавск) (по Л. В. Алексееву)

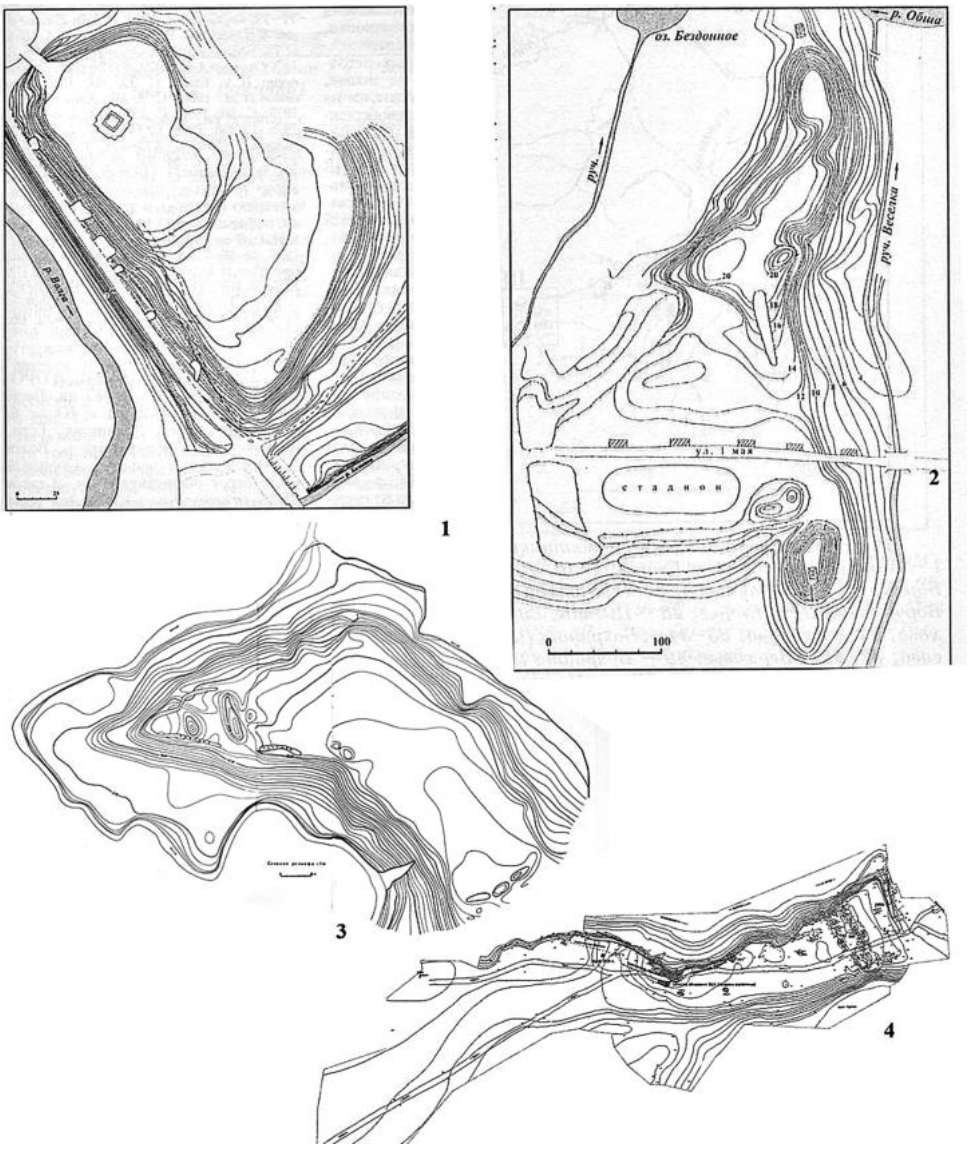


Рис. 2. «Большие» городища и близкие к ним поселения: 1 — Ржев (по Л. В. Алексееву); 2 — Белая (по В. М. Воробьеву); 3 — Зверовичи (по Л. В. Алексееву); 4 — поселение Глушица 1 (по В. С. Курмановскому).

XV — начала XVII века. При этом последний представлен более «рельефно». Позднесредневековый период в жизни городища в определенной степени освящен письменными источниками. Известно, что здесь в начале XVII века находилась церковь Святого Николая Ольшинского. В описаниях 20-х годов XVII века объект описывается как «городище» [11, с. 242, 250]. Археологически здесь было зафиксировано позднесредневековое кладбище, наиболее ранние погребения которого относятся ко времени не позднее XV века

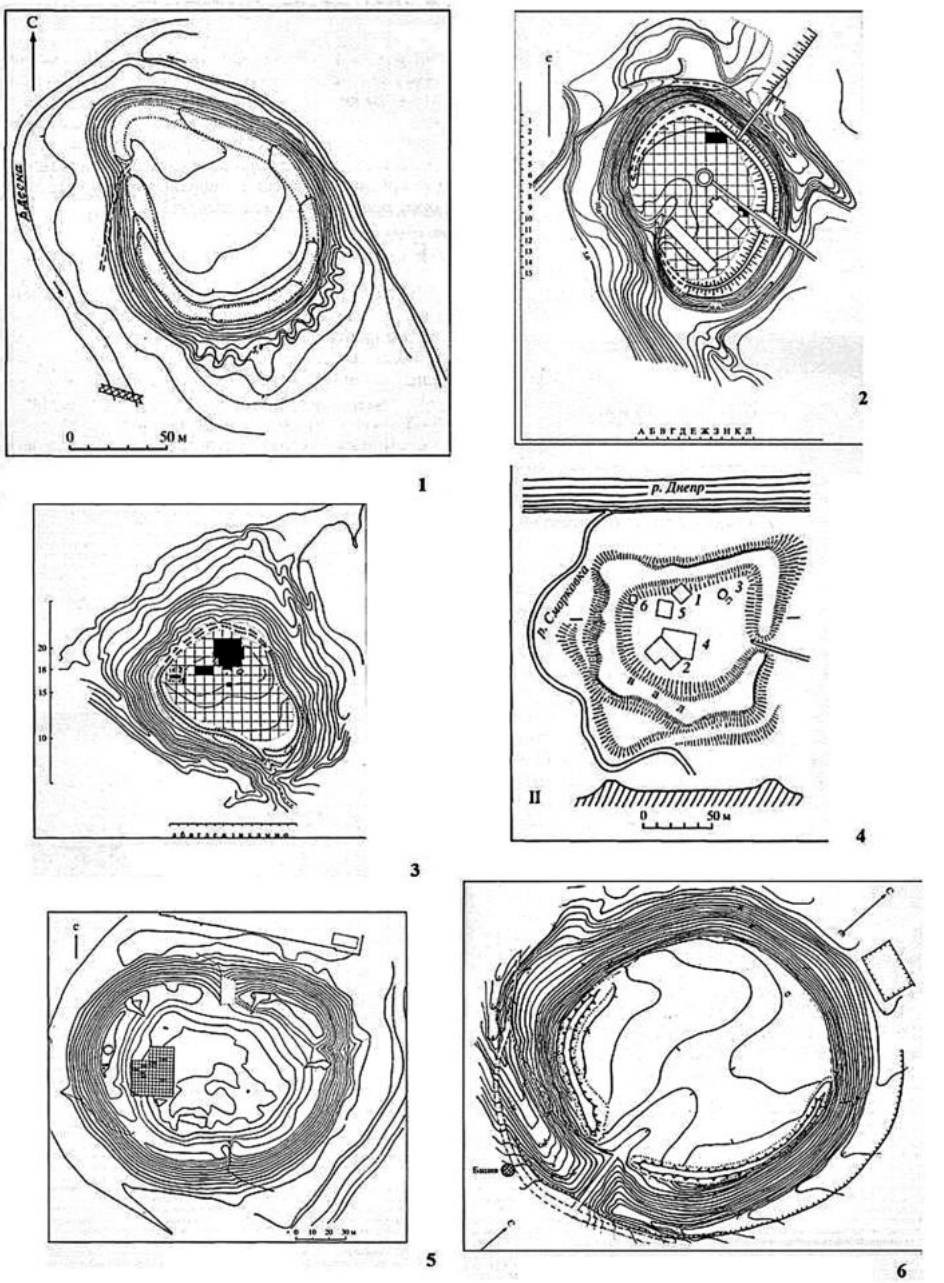


Рис. 3. «Большие» городища — остатки древнерусских городов «регулярного» плана (по Л. В. Алексееву): 1 — Ельня; 2 — Рославль; 3 — Мстиславль; 4 — Кричев; 5 — Торопец, Малое Городище; 6 — Дорогобуж.

[1, с. 25]. Возведение укреплений сравнительно большой площади (по площади — 1,2 гектара — Ольшанское городище превышает Центральное Гнездовское городище (1 гектар) и является одним из крупнейших в пределах Смоленской области) для ограждения сельской приходской церкви с дворами причта представляется маловероятным. К этой группе «больших» городищ примыкает также городище Рокот, имеющее более сложную структуру — к малому мысовому городищу раннего железного века примыкает расположенная на том же останце большая площадка с материалом второй половины I тысячелетия новой эры, датируемым периодом до IX–X веков включительно [20, с. 168–173]. Довольно загадочный объект представляет собой городище Высокое 2 в юго-восточных пригородах Смоленска (близ впадения в Днепр реки Нагать), изученное смоленским археологом Ф. Э. Модестовым. Городище имеет подтреугольную форму размерами 100×90 метров, что также вводит его в число «больших» городищ. На памятнике найдены материалы бронзового, раннего железного века, третьей четверти I тысячелетия новой эры и древнерусские, судя по приведенным рисункам, преимущественно относящиеся к XIII веку. В непосредственной близости расположено небольшое городище Высокое 1 также с материалом раннего железного века и древнерусским, аналогичным встреченному на городище 2. Исследователь трактовал городище 2 в средневековый период как «небольшой сторожевой городок на Днепре», тесно связанный с соседним городищем 1 [12, с. 8–14].

Другую группу «больших» средневековых городищ составляют городища условно трапециевидной формы, часть из которых имеет сложную структуру — несколько укрепленных площадок. Это, например, городища таких городов исторической Смоленской земли, как Ржев и Белый, основанные, предположительно, в XII веке и широко функционировавшие в период позднего средневековья [6, с. 82, 233]. К этой же группе тяготеет и городище Зверовичи, имеющее малую мысовую площадку с материалом раннего железного века и древнерусского периода, и большую напольную с древнерусским и позднесредневековым материалом. В. В. Седов связал его с древнерусским (хотя и отчасти гипотетическим) городом Красн, и предположил, что это название перешло к современному районному центру Смоленской области в начале XVII века, и тогда же первоначальное поселение получает название Зверовичи [17, с. 334–335]. Вместе с тем анализ документов Литовской Метрики показывает, что оба названия упоминаются на рубеже XV–XVI веков [2, с. 399. № 597; 22, p. 326. № 442]. Нужно отметить, что в XVII веке, в период пребывания в составе Речи Посполитой, и позднее, в Русском государстве, Зверовичи представляли собой довольно крупное поселение, в Речи Посполитой имевшее статус местечка [14, с. 452; 15, л. 102–103]. Гипотетически можно предположить, что укрепления напольной площадки могли

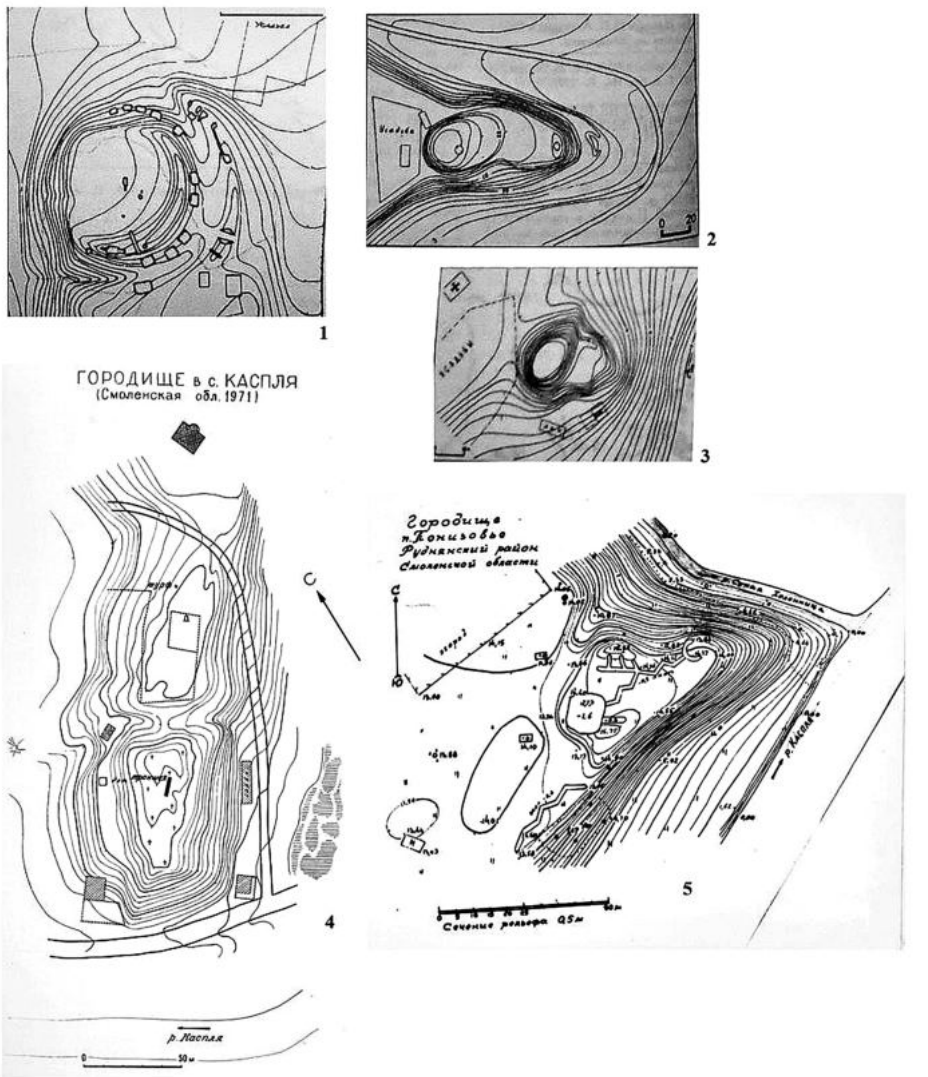


Рис. 4. Городища в центрах позднесредневековых волостей и приходов: 1 — Никольское (Болонеск) (по АКР); 2 — Епишево (Воронич) (по АКР); 3 — Хиславичи (Хотславичи) (по АКР); 4 — Каспля (по Л. В. Алексееву); 5 — Понизовье (по Е. А. Шмидту).

быть возведены в этот период, но решение вопроса, несомненно, требует дальнейших исследований.

К большим трапециевидным городищам по планировке тяготеет еще один археологический объект — поселение Глушица 1, также занимающее ограниченный по площади останец, форма которого могла быть отчасти

задана искусственно. Вопрос о существовании на нем фортификационных сооружений на данный момент не решен, что не позволяет считать объект городищем. На памятнике собран немногочисленный археологический материал рубежа I–II тысячелетия новой эры, более заметен материал XII–XIII веков. Наибольшая человеческая активность на памятнике связана с существованием здесь великокняжеской усадьбы («господарского двора») в литовский период XV века. Кроме того, здесь отмечены также материалы, связанные с фольварком второй четверти XVII века [10].

Третью группу «больших» городищ составляют городища достаточно правильной округлой и подокругло-овальной формы, очевидно, заданной искусственно. Среди таковых можно назвать Дорогобуж, Рославль, Ельню, Торопец (Малое городище), Мстиславль, возможно Кричев (городище Замковая гора). Все эти городища исследовались Л. В. Алексеевым [3]. Наиболее ранним из них является Малое городище Торопца, датируемое рубежом XI–XII веков [6, с. 304]. Прочие поселения возникают в XII веке в ходе осознанной градостроительной деятельности смоленских князей. Близкие аналогии представляет ряд городищ Южной Руси, построенных начиная с конца XI века [13, с. 246–247]. Такую планировку можно условно назвать «регулярной».

Еще одна группа городищ, которую следовало бы отдельно упомянуть,— это малые и средние объекты, многие из которых расположены на городищах раннего железного века, известные преимущественно по позднесредневековым источникам как центры различных административных образований, в первую очередь, волостей. Прежде всего, это пункты, связанные с мелкими удельными княжествами востока Смоленской земли, такие как Негомирь (Немгорь), Никольское (Болонеск), Хлепень, Козловцы (предположительно Козлов), Федотково (Ощитеск) и другие. Несмотря на то, что в основном они известны по источникам XIV–XVI веков, практически на всех этих городищах имеются материалы древнерусского времени. Некоторые из этих городищ, возведенные в древнерусское время, по форме сходны с большими городищами «регулярной» планировки. К таковым, в частности, можно отнести городище Городок в бассейне реки Олеля в Гагаринском районе [5, с. 23], которое гипотетически можно соотнести с центром волости Лела, в XV веке представлявшей собой владение князей Крошинских [18, с. 87]. В историографии они часто трактуются как укрепленные феодальные усадьбы [5, с. 141, 142], в то же время в письменных источниках называются «городами».

Во внутренних районах Смоленщины в позднесредневековых волостных центрах также отмечены малые и средние городища различного облика, как средневековые, так и более ранние, использованные в средневековое время. Среди них можно назвать такие как Лазарево Городище (Уваровское); городище 2 в селе Городище Угранского района (Лучин Городок);

Каспля (где встречен также материал конца I тысячелетия новой эры); Понизовье — городище древнерусского периода, в начале XVII века — центр Низовской половины Порецкой волости Смоленского уезда; Епишево (Воронич — волостной центр на смоленско-брянском пограничье). Часть городищ — волостных центров, возможно, не идентифицирована. В некоторых волостных центрах XV–XVII веков городища отсутствуют, либо известны только городища раннего железного века (Ветлицы). Кроме того, большие городища — остатки древнерусских городов в позднесредневековый период также оказываются волостными и приходскими центрами (Рославль, Вержавск, Ельня). В качестве на данный момент единственного примера городища — позднесредневекового волостного центра, не основанного либо заселенного в домонгольский период, можно назвать исследованный Е. А. Шмидтом Микулин [21].

Отмеченные в настоящем сообщении сюжеты и направления изучения средневековых городищ Смоленской земли, несомненно, нуждаются в дальнейшем развитии.

Список источников и литературы

1. Авдусина С. А., Зозуля С. С. Исследования на территории Ольшанского городища под Смоленском // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. // Труды ГИМ. Вып. 210. М.: ГИМ, 2018. С. 12–27.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(16). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской Метрики. М.— Спб.: Нестор-История, 2012.— 664 с.
3. Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. Кн. 1. М.: Типография «Наука», 2006.— 288, [1] с.
4. Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1997.— 298 с.
5. Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М.: ИА РАН, 1997.— 262 с.
6. Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 2. Сост. В. С. Нефедов. М.: ИА РАН, 2007.— 440 с.
7. Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.— Смоленск: «КДУ», «Университетская книга», 2019.— 244 с.
8. Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В. Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной Горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. Автор — сост. Н. А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2020. С. 30–48.
9. Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников / Российский гуманитарный научный фонд. М.: Христианское издательство, 1996.— 256 с.
10. Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н. А. Кренке. М.: ИА РАН — Смоленск: Свиток, 2017. С. 82–105.

11. Курмановский В. С. Гнездово и окрестности в XI–XVIII вв.: историко-археологический очерк // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. // Труды ГИМ. Вып. 210. М.: ГИМ, 2018. С. 241–266.
12. Модестов Ф. Э. Древние городища пригородов г. Смоленска (новые открытия) // Смоленские древности. Вып. 2. Городища Смоленской земли. Смоленск, 2002. С. 5–76.
13. Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука, 2009.— 303 с.
14. Прохоров В. А. Смоленщина в документах Литовской Метрики первой половины XVII в. Владельцы и их маетности. Смоленск: Край Смоленский, 2017.— 543 с.
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 15152. Л. 102–103
16. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР № 92. М.: Издательство АН СССР, 1960.— 158 с.
17. Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 4. Смоленск, 1961.С. 317–343.
18. Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV — первая половина XVI в. Тула: Куликово Поле, 2016.— 326 с.
19. Третьяков П. Н. Средневековые замчища Смоленщины // Историко-археологический сборник. М.: МГУ, 1962. С. 237–242.
20. Шмидт Е. А. Городище у дер. Рокот в Днепро-Двинском междуречье // Смоленские древности. Вып. 2. Городища Смоленской земли. Смоленск, 2002. С. 167–184.
21. Шмидт Е. А. Микулино. Прошлое в свете данных археологии // Шмидт Е. А. Древности Смоленской земли: материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск: Свиток, 2014. С. 180–203.
22. Lietuvos Metrika (1499–1514). Knyga Nr. 8. Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1995.— 708 s.

Kurmanovsky Vladimir Sergeevich,
Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Medieval Archeology, Federal State Budgetary Scientific Institution «Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences»

ABOUT MEDIEVAL FORTRESSES OF SMOLENSK LAND

Key words: *Smolensk land, fortified settlements, Middle Ages, classification, historical interpretation.*
Annotation. *The article reviews some areas of study of medieval fortified settlements of the Smolensk land: identifying the relationship between actual medieval fortresses and medieval settlements (including fortified ones) on fortified settlements of earlier cultures, some specific groups of medieval fortified settlements, the problem of the archaeological appearance of administrative centers known from written sources.*

Куричьев Андрей Сергеевич
Экскурсовод музея-филиала «Нижегородский кремль» ГБУК Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник,

УДК 908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.67.90.025

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМЯТНИКА ВОЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО КРЕМЛЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: *Нижегородский кремль, плац-парадная площадь, кремлёвская спортплощадка ГСФК имени КИМа, стадион.*

Аннотация*: В статье рассматривается функциональная трансформация плац-парадной площади Нижегородского кремля в конце XIX — начале XX веков. На рубеже столетий плац-парадная площадь используется Нижегородским графа Аракчеева кадетским корпусом, но после революции 1917 года он был переведён из кремля. Плац-парадная площадь приобретает новые функции и в 1920-е годы становится одним из главных спортивных объектов города. На кремлёвской спортплощадке ГСФК имени КИМа в 1920-е годы проводились футбольные матчи, соревнования по лёгкой атлетике, баскетболу, хоккею и конькобежному спорту.*

Архитектурные, функциональные и смысловые изменения зданий и территорий являются естественным историческим процессом. Такие процессы затронули и Нижегородский кремль. Его история насчитывает более пяти веков, но именно последние 200 лет стали временем активных трансформаций как архитектурного облика, так и роли кремля в жизни города. Их можно разделить на основные: кремль как центр политической власти, духовной и культурной жизни, а также временные. Временные чаще всего возникают в период перестройки общественно-политической жизни, когда старые взгляды, идеи и ценности утрачиваются, а новые ещё не устанавливаются. Ярким примером осмысления нового места кремля в обществен-

ной жизни города стала организация спортплощадки на плац-парадной площади в 1920-е годы.

Первая инициатива государственных властей по изменению территории Нижегородского кремля относится к периоду правления императрицы Екатерины II. Она посетила Нижний Новгород в мае 1767 года и пробыла в нём три дня. Город произвёл на императрицу негативные впечатления, в виду своего градостроительного отставания от других крупных городов (Санкт-Петербурга, Москвы и других). В письме от 22 мая 1767 года Екатерина II писала Н. И. Панину: «Сей город ситуациею прекрасен, а строением мерзок, только поправится вскоре; ибо мне одной надобно строить как соляные и винные магазейны, так губернаторский дом, канцелярию и архиву, что все на боку лежит, или близко того» [2, с. 23].

Работы по изменению городской территории начинаются со съёмки плана в апреле 1768 года, а в 1771 году Екатерина II утверждает план перестройки города и в следующие годы начинаются масштабные строительные работы. На территории Нижегородского кремля по проекту Якова Ананьевича Ананьина разбивается плац-парадная площадь со строительством на ней здания Присутственных мест, дома губернатора и вице-губернатора. Полностью план не реализовали, дом губернатора так и не был возведён на плац-парадной площади. В 1809 году в здании Присутственных мест произошёл пожар, административные органы переносятся напротив в дом вице-губернатора.

Площадь приобретает новые функции после переноса в бывшее здание Присутственных мест, Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса в 1866 году и в дальнейшем преобразованного в Нижегородскую графа Аракчеева военную гимназию. Гимназисты, а с 1882 года вновь кадеты, использовали плац-парадную площадь для строевых занятий и гимнастических упражнений.

После революции 1917 года кадеты, которые воспитывались в традициях любви к правящей династии, не присягнули новому советскому правительству и корпус прекратил своё существование. В 1918 году здание, в котором он располагался, передаётся под военное училище.

После того, как утихла гражданская война, новое советское правительство озадачилось вопросом организации спортивно-физкультурной деятельности по всей стране. Разумеется, это коснулось и Нижнего Новгорода. Одним из наиболее важных аспектов организации спортивно-физкультурной работы является наличие инфраструктуры, но в начале 1920-х годов у города не было возможности для быстрого создания спортивных площадок. Из подручных материалов делали простейшие стадионы с футбольными воротами и лавочками, которые стали трибунами для зрителей. Одна из таких площадок расположилась в кремле — на плац-парадной площади.

Рис. 1. Вторая команда Нижегородского спортивного клуба. 1918 год. НГИАМЗ

Наибольшую популярность из спортивных дисциплин в 1920-х годах имел футбол, что объясняется простотой понимания правил для зрителя, зрелищностью игры и небольшим количеством затрат на организацию матчей. С полной уверенностью сказать, когда прошёл первый матч на площадке в кремле сложно, поскольку данный период истории нижегородского кремля изучен недостаточно. Основываясь на данных музейных фондов НГИАМЗ, скажем, что первые футбольные матчи могли проводиться сразу же после реорганизации кадетского корпуса в военное училище, то есть в 1918 году. На фотографии представлена вторая команда по футболу «Нижегородского спортклуба» на фоне собора Архангела Михаила.

Однако, первое упоминание спортивных соревнований в периодическом издании «Нижегородская коммуна» датируется 8 июля 1921 года. В нём говорится о предстоящем матче, между командами Нижегородского спортклуба и командой города Вязники [3, с. 5].

Помимо футбольных матчей на кремлёвской спортплощадке также проходили соревнования по лёгкой атлетике. В честь годовщины нижегородского спортклуба «Волгарь» 14 июля 1921 года были организованы открытые состязания по лёгкой атлетике. Среди представленных дисциплин указываются: бег на 100 метров, прыжок в длину, тройной прыжок, метание диска, метание копья и эстафета на английскую милю: 400+400+400+409 метров. В соревнованиях принимали участие основные спортклубы города и их спортсмены: Нижегородский спортклуб, Волгарь и Санитас [4, с. 5].

Одним из главных спортивных событий лета 1921 года в кремле стало празднование десятилетия Нижегородского спортивного клуба 20 и 21 авгу-

Рис. 2. Десятилетие Нижегородского спортивного клуба. Парад. НГИАМЗ

ста. В соревнованиях принимали участие все спортивные общества города. В программу входили состязания по легкой атлетике в мужской и женской группах, а также футбольные матчи между вторыми командами Нижегородского и Сормовского спортивных клубов и между первой командой Нижегородского спортивного клуба и командой города Коврова. В отличии от традиционных спортивных соревнований — это был настоящий спортивный праздник с оркестром и показательными выступлениями [5, с. 5].

В фондах НГИАМЗ сохранилось большое количество фотографий, рассказывающих об этом спортивном празднике. На них можно увидеть: парад перед началом соревнований, общие фото и торжественные выступления.

После завершения гражданской войны и образования СССР в 1922 году, происходит постепенный процесс повышения уровня жизни населения. Советские власти делали высокую ставку на организацию физкультурно-спортивной деятельности, как базового аспекта военной подготовки населения. До революции в Нижнем Новгороде существовало два спортивных общества: гимнастическое под названием «Сокол» и спортивное «Санитас». Помимо них существовали также отдельные футбольные команды и несколько групп, занимавшихся лёгкой атлетикой. Общая их численность не превышала 300 человек. Контроль за растущим спортивно-физкультурным движением в годы Гражданской войны был передан органам Всевобуча (всеобщего военного обучения). В период расформирования Всевобуча до 1923 года контроль над физкультурно-спортивной деятельностью ослаб, однако в 1923 году при Губисполкоме был создан Губернский Совет Физической Культуры (ГСФК). Контроль за спортивными

объектами также передаётся ГСФК, и площадка в кремле приобретает своё полное историческое название — «Кремлёвская спортплощадка ГСФК имени КИМа» [22, с. 181].

Если в 1921 году за всё лето на кремлёвской спортплощадке прошло четыре футбольных матча и соревнования по лёгкой атлетике, то к 1926 происходит масштабный рост спортивного движения. За период с 8 июня по 1 августа 1926 года, только на спортивной площадке в кремле состоялось 20 футбольных матчей, список участников соревнований пополнился такими командами как: сборная города Городца, «Волгарь», ИПСО «Динамо», «49 полк», «50 полк», «Красная Этна», сборная Мызы, Растяпинский рабочий клуб и другие [8, с. 5], [9, с. 5], [10, с. 5], [12, с.5], [18–21, с. 5].

Масштабным событием для Кремлёвской спортплощадки ГСФК им. КИМа является открытие летнего физкультурного сезона 8 июня 1926 года. «Около полутора тысяч полуобнаженных загорелых юношей и девушек — городских и береговых физкультурников, а также юные пионеры, с алыми знамёнами под звуки оркестров, бодрыми рядами дефилируют по городу, доказывая, что советская физкультура завоёвывает всё большие массы… Затем колонны, а за ними и усыпавшие откос, зрители следуют на Кремлёвскую площадку ГСФК имени КИМа. Лучшие силы соревнуются в видах основного летнего спорта — легкой атлетике… Спортсмены и спортсменки мечут диск, копья, прыгают в длину и в высоту… В волейбол совторгслужащие выигрывают у строителей… Публика, набившая площадку «до отказа», живо реагирует на ход соревнования, награждает удачные упражнения аплодисментами». В завершение состоялся матч, открывающий футбольный сезон 1926 года — команда города Городца (клуб водников им. Лозовского) против команды «Волгарь» (клуб им. Калинина), прошёл «при громадном стечении зрителей и физкультурников» [6, с. 3].

Масштабный рост спортивного движения в конце 1920-х годов был соразмерен возрастающему интересу среди горожан к спортивным соревнованиям. Футбольные матчи и легкоатлетические соревнования посещало всё больше и больше людей, стала очевидной нехватка пространства для всех зрителей. В июне 1927 года спортивные соревнования постепенно начинают переноситься из исторического центра Нижнего Новгорода к Канавинскому дворцу культуры, где в окрестностях парка имени 1 мая, на месте осушенного болота был разбит стадион. Изначально стадион назывался «Крайсовпрофа», его современное название — «Локомотив».

В 1927 году количество спортивных состязаний в кремле снижается. За летний период состоялось лишь несколько матчей. Так, 6 июля 1927 года состоялся матч между командой «Динамо» и сборной Костромы [13, с. 4]. А 10 июля сборная Нижнего Новгорода с «позорным» счётом 1:5 уступила команде города Владимира [14, с. 4]. Помимо ближайших городов футбольные матчи также проводились с командами из столицы: 16 июля 1927 года

Рис. 3. Хоккейный матч между командами «Динамо» и совторгслужащих. 1928 г. НГИАМЗ

состоялся футбольный матч между Динамо (Нижний Новгород) и Динамо (Москва) [15, с.4]. 30 июля состоялись соревнования по лёгкой атлетике в рамках районных соревнований центрально-промышленного района. Среди участников были команды: Владимирской, Иваново-Вознесенской, Ярославской и Нижегородской губерний [16, с. 4].

Сложные годы гражданской войны, кризисы и упадок благосостояния населения сделали зимние виды спорта труднодоступными для горожан, в виду своей дороговизны. К концу 1920-х на кремлёвской спортплощадке начинают проводиться хоккейные матчи. Уникальным для истории Нижегородского кремля является фотоснимок, сделанный в 1928 году. На нём мы можем наблюдать хоккейную встречу между «Динамо» и командой союза совторгслужащих. Уникальность данного снимка состоит не только в самом факте хоккейных соревнований в кремле, но и в том, что на снимке видно часть утраченного в 1930-е годы Успенского военного собора.

Если для летних видов спорта 1926 год был последним, когда кремлёвская спортплощадка была одной из главных площадок, то зимние соревнования продолжали проводиться и позднее. Так, 19 января 1930 года прошёл хоккейный матч между двумя сильнейшими командами большого Нижнего Новгорода: Динамо и Сормово. Хоккейный матч завершился победой Динамо со счётом 4:2, но стоит отметить один особенный момент. Главным спортивным снарядом был мяч, а не привычная многим хоккейным болельщикам шайба. Таким образом, история так называемого «русского» хоккея началась на нижегородской земле ещё в конце 1920-х —

начале 1930-х годов, а его «канадский» вариант появился позднее, только в послевоенные годы [1, с. 4].

В начале 1930-х годов в Нижнем Новгороде достраиваются стадионы, которые и сегодня играют важнейшую роль в спортивной жизни города: «Динамо», «Водник», «Локомотив». Кремлёвская спортплощадка имени КИМа постепенно отходит на второй план, а к концу 1930-х годов и вовсе не упоминается в списке спортивных объектов города Горького [7, с. 324–325].

В спортивно-физкультурной истории Нижнего Новгорода спортивная площадка на территории кремля стала важным переходным этапом от разрозненного физкультурного движения в дореволюционные годы к организации массовой спортивной деятельности. Процессы, происходившие в кремле в 1920–1930 годы прошлого столетия стали ярким примером поиска новых смыслов и функций в связи с изменением общественно-политического строя и продемонстрировали возможность многофункционального использования некогда боевой крепости.

Список источников и литературы.

1. Гущин. Встреча по хоккею: Динамо — Сормово, 4:2 // Нижегородская комунна.— 1930.— № 20.— с. 4
2. Морохин, А. В. Романовы в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии. Письма, дневники, воспоминания / А. В. Морохин, Р. В. Голубин.— Нижний Новгород.— Нижегородский Государственный Университет им. Н. И. Лобачевского, 2013.— 146 с.
3. Разные // Нижегородская комунна.— 1921.— № 150.— с. 5.
4. Разные // Нижегородская комунна.— 1921.— № 159.— с. 5.
5. Разные // Нижегородская комунна.— 1921.— № 197.— с. 5.
6. Рассо. Физкультура. Праздник летнего спорта.— Рассо // Нижегородская комунна.— 1926.— № 124.— с. 5.
7. Селин, А. М. Город Горький. Справочник / А. М. Селин, Л. И. Немченко.— Горький.— ОГИЗ, 1939.— 402 с.
8. Физкультура. Владимир — Канавино. Нижегородская комунна.— 1926.— № 143.— с. 5.
9. Физкультура. Владимир — Нижний Новгород. Нижегородская комунна.— 1926.— № 143.— с. 5.
10. Физкультура. Спортивный стадион в Нижнем // Нижегородская комунна.— 1926.— № 150.— с. 5.
11. Физкультура. Футбол. Нижегородская комунна.— 1926.— № 129.— с. 5.
12. Физкультура. Футбольные матчи // Нижегородская комунна.— 1926.— № 166.— с. 5.
13. Физкультура: «Динамо» — Кострома // Нижегородская комунна.— 1927.— № 152.— с. 4.
14. Физкультура: Владимир — Нижний, разгром Нижнего 1:5 // Нижегородская комунна.— 1927.— № 156.— с. 4.

15. Физкультура: Динамо (Нижний Новгород) — Динамо (Москва) // Нижегородская комунна.— 1927.— № 162.— с. 4.
16. Физкультура: к районным соревнованиям центрально-промышленного района // Нижегородская комунна.— 1927.— № 173.— с. 4.
17. Физкульутра. Городец — Волгарь Нижегородская комунна.— 1926.— № 126.— с. 5.
18. Футбол // Нижегородская комунна.— 1926.— № 148.— с. 5.
19. Футбол // Нижегородская комунна.— 1926.— № 152.— с. 5.
20. Футбол // Нижегородская комунна.— 1926.— № 154.— с. 5.
21. Футбол. Нижегородская комунна.— 1926.— № 135.— с. 5.
22. Шульц, Ф. Ф. Десять лет советской власти в Нижегородской губернии 1917–1927 / Ф. Ф. Шульц, О. Л. Рывкина.— Нижний Новгород.— издание Нижегородского губернского исполнительного комитета, 1927 г.— 215 с.

Kurichev Andrey Sergeevich
Guide of the museum-branch
«Nizhny Novgorod Kremlin»
State Budgetary Cultural Institution
of the Nizhny Novgorod Region
«Nizhny Novgorod State Historical and
Architectural Museum-Reserve»

TRANSFORMATION OF A MONUMENT OF MILITARY SIGNIFICANCE IN PUBLIC CONSCIOUSNESS ON THE EXAMPLE OF THE NIZHNY NOVGOROD KREMLIN AT THE END OF THE19TH — BEGINNING OF THE20TH CENTURY

Key words: *Nizhny Novgorod Kremlin, parade ground, Kremlin sports ground of the State Physical Culture and Sport Complex named after KIM, stadium.*
Annotation. *The article examines the functional transformation of the parade ground square of the Nizhny Novgorod Kremlin at the end of the 19th — beginning of the 20th century. At the turn of the century, the parade ground was used by the Nizhny Novgorod Count Arakcheev Cadet Corps, but after the 1917 revolution it was transferred from the Kremlin. The parade ground acquired new functions and in the 1920s became one of the main sports facilities of the city. In the 1920s, football matches, track and field, basketball, hockey and speed skating competitions were held on the Kremlin sports ground of the KIM State Sports and Physical Culture Complex.*

Кушнеревич Александр Николаевич
доктор искусствоведения, профессор,
профессор УО «Минский государственный
лингвистический университет»

УДК 72(476)

DOI 10.54016/SVITOK.2025.45.14.026

КАСТЕЛЬ КАК ПОДВИД ЗАМКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Ключевые слова: *замок-кастель, фортификация, архитектура, башня, бастион, вал, ров, куртина.*

Аннотация*: В статье кратко охарактеризован процесс распространения замков-кастелей в оборонном зодчестве Великого Княжества Литовского конца XIII –начала XVII века Проанализирована проблема дефиниции «кастеля» в белорусской и немецкой историографии. На основе принципов фортификации и планировочной структуры выделены четыре типологические группы этого подвида замка данного балто-славянского государства.*

С образованием во второй половине XIII — XIV века Великого Княжества Литовского, Русского и Жемайтского (далее ВКЛ) сформировались благоприятные социально-экономические, политические и архитектурно-строительные условия для развития военного зодчества в восточноевропейском регионе в связи с необходимостью организации обороны литовских и западнорусских земель с запада от рыцарей-крестоносцев (Орден меченосцев в Ливонии и Тевтонский орден в Пруссии), а с юга и востока — от татаро-монголов.

Однако в XIV веке опыт борьбы с крестоносцами показал, что деревянные замки являются недостаточно надежными укреплениями для защиты от их набегов. С этого времени в ВКЛ начинается возведение каменной фортификационной архитектуры, в частности, замков-кастелей.

В европейской архитектуре замок-кастель представляет собой фортификационное сооружение XII–XVI веков, состоящее из оборонительных стен с боевой галереей, которые могут дополняться фланкирующими башнями и жилыми постройками по периметру двора. Композиционная схема кастелей близкая к регулярной структуре или вообще правильной [1, с. 96].

Долгое время считалось, что регулярные замки-кастели имели прообразом древнеримские укрепленные военные лагеря, а европейские ры-

цари заимствовали это оборонительное сооружение во время крестовых походов на Ближний Восток и распространили в европейской архитектуре. Однако это не совсем соответствует действительности, ибо правильную форму плана и оборонительные функции имели дворцы шумерского царя Гудеа и ассирийских правителей Саргона в Хорсабаде (VIII век до нашей эры) и Ашшурбанипала в Куинджике (VII век до нашей эры) [9, с.66].

Римляне же оказались способными заимствовать и творчески перерабатывать архитектурно-строительные достижения других народов. Поэтому, завоевав значительные пространства Средиземноморья, они познакомились с фортификационным искусством местных народов, значительно его усовершенствовали и распространили на подвластной территории. В результате оборонительные сооружения регулярной планировки (сторожевые башни, укрепленные военные лагеря, оборонительные комплексы городов) через римлян получили распространение в Европе [12, с.155].

Сам термин «кастель» латинского происхождения, ибо словом «кастелюм» (castellum) назывались римские военные лагеря. Прототипом для будущих замков-кастелей мог быть укрепленный центр римского города или военный лагерь, получивший в позднеримское время выразительные черты оборонительного сооружения [6, с.18].

Следует отметить, что европейцы могли вообще потерять многие достижения римской фортификации, если бы не арабы, занявшие в процессе формирования халифата многие позднеримские и византийские военные лагеря и города, обнесенные укреплениями. Однако они не разрушили эти фортификационные сооружения, а на их основе приступили к развитию собственного оборонного зодчества в отличие от Европы, где долгое время не было сильной централизованной власти, способной активно заниматься этим важным на то время видом архитектурно-строительной деятельности.

Как известно, в конце XI века европейское рыцарство начало осуществлять регулярные крестовые походы в Святую землю, где оно встретилось с арабской культурой и приобрело бесценный опыт развития военного зодчества во время пребывания в Малой Азии и Палестине [10, с.102].

Кастели Великого Княжества Литовского (ВКЛ) конца XIII — XIV века (Крево, Лида, Медники (Медининкай)) представляют собой своеобразный феномен для местного оборонного зодчества. Первоначально имели вид укрепленных лагерей, обнесенных с четырех сторон каменной стеной, завершавшейся боевой галереей (Рис. 1). Их композиционная схема имела форму неправильного четырехугольника, по периметру которого во дворе располагались деревянные постройки. Поэтому до возведения башен эти кастели представляли собой ранние рыцарские замки-лагербурги, заимствованные из Ливонии. Замки этого типа появились здесь уже в XII веке, а позже часто возводились Орденом в XIII–XIV веках на завоеванной

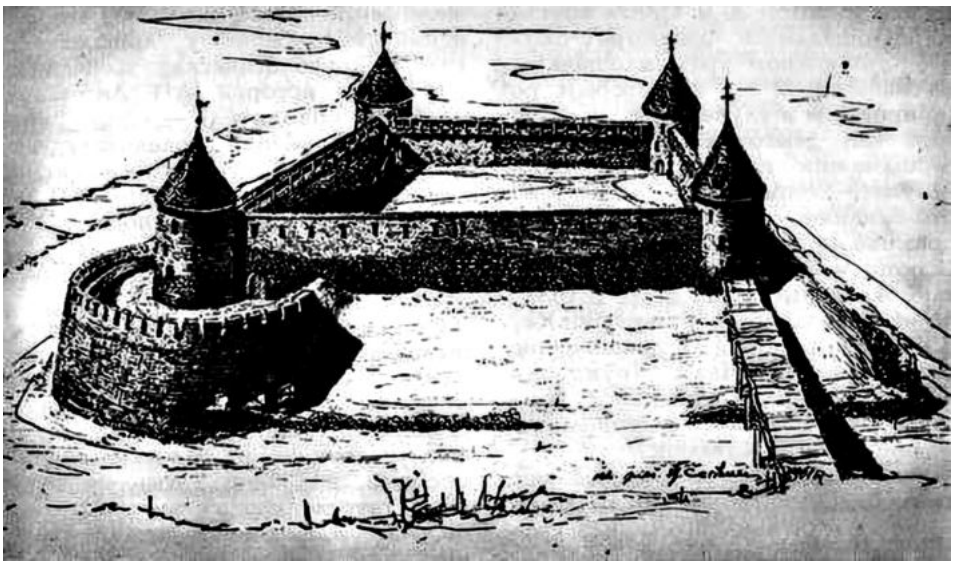


Рис. 1. Замок-лагербург в Ковна (Каунас). Реконструкция К. Мекаса

территории вдоль берегов низовья Двины (Даугавы), на землях латгалов, земгалов и куршей [1, с.90].

В связи с быстрым развитием артиллерии и усовершенствованием тактики осады во второй половине XV века замки претерпели значительную модернизацию: появились фланкирующие башни, увеличилась толщина стен, изменилось расположение и форма бойниц. Эти усовершенствования в европейском оборонном зодчестве можно проследить на примере замков-кастелей ВКЛ XVI — начала XVII века (Мир (Рис. 3), Любча, Геронены, Гайтюнишки), которые значительно отличаются фортификацией от первых его кастелей (Крево (Рис. 2), Лида, Медники).

Известный белорусский исследователь замкового зодчества М. А. Ткачев был склонен отождествлять кастель с ранними европейскими регулярными замками XII–XIV веков. По его мнению, композиционная схема Мирского замка и похожих регулярных в плане оборонительных сооружений XV–XVI веков — это эволюция более ранних замков-кастелей [4, с.27]. Однако он однозначно не относит их к данному типу укреплений. Этой же мысли придерживался и Н. Н. Щекотихин, называя Мирский замок завершающим этапом развития четырехугольных в плане замков с угловыми башнями, начавшимся в Лиде и Кореве [5, с.108]. Однако он вообще не употребляет термина «кастель». Ю. А. Заяц в коллективной монографии «Археологии Беларуси» обращает внимание на неразработанность терминологии по замковому зодчеству в современной белорусской историко-археологической и архитектурно-искусствоведческой науке, в том числе на недостаточную изученность этого вопроса в работах М. А. Ткачева [2, с. 68].

А. Н. Кулагин в коллективной монографии «Архитектура Беларуси» затрагивает вопрос кастелей и достаточно подробно на нем останавливается. В частности, как основополагающий принцип для кастелей, кроме регулярной формы плана, он выделяет принцип фланкирования стен выступающими башнями, в которых могли размещаться пушки. Исследователь существенно увеличил количество кастелей в белорусском зодчестве: кроме Мирского и Гераненского замков, дома-усадьбы в Гайтюнишках к этому типу оборонительных сооружений отнес дворцово-замковые комплексы в Гольшанах и Смолянах, которые имели угловые башни [3, с. 413–418]. Однако их стены и башни не были приспособлены к обороне, функции которой были возложены на внешние бастионные укрепления. Поэтому в данном случае следует отличать средневековые замки от более поздних бастионных фортификационных сооружений XVII–XVIII веков, оборона которых была сконцентрирована на внешних укреплениях: бастионы, куртины, валы, рвы. Жилые корпуса таких замков, как правило, не были приспособлены к обороне и являлись настоящими дворцами. Фланкирующие их башни вместо бойниц имели окна больших размеров и лестничные марши для коммуникации между этажами дворца. На основании этого считаем необходимым от кастелей, как подвида феодальных замков, отделить дворцово-замковые комплексы в Гольшанах и Смолянах. Данная ошибка обусловлена стремлением отдельных белорусских историков архитектуры распространить понятие «кастель» на разного типа оборонительные укрепления — от римских лагерей до дворцов Нового времени, имеющих регулярную планировку и угловые башни.

К решению проблемы дефиниции «кастеля» обратимся к немецкой историографии вопроса, ибо фортификационное строительство крестоносцев содействовало распространению в зодчестве ВКЛ укреплений типа замка-кастеля. Несмотря на более широкую историографию вопроса и там существуют определенные расхождения по его решению. Немецкие исследователи единодушны в делении оборонительных сооружений типа кастелей на укрепленные лагеря римских легионеров и средневековые замки-кастели, получившие распространение в Европе с конца XII века [11, с.673]. Среди выработанных немецкими историками архитектуры основных определений «кастеля» наиболее распространены следующие:

1) замок правильной формы [14, с.296];

2) замок регулярной конфигурации с размещением по периметру двора жилых и хозяйственных построек [8, с.212];

3) замок в форме правильного четырехугольника с фланкирующими башнями и проезжей башней значительных размеров [6, 18; 13, с. 33; 15, с.50].

По типологии средневековых оборонительных сооружений К. Клазена кастель выделяется как один из трех распространенных типов замков и рассматривается, как прямоугольное или квадратное в плане оборонительное

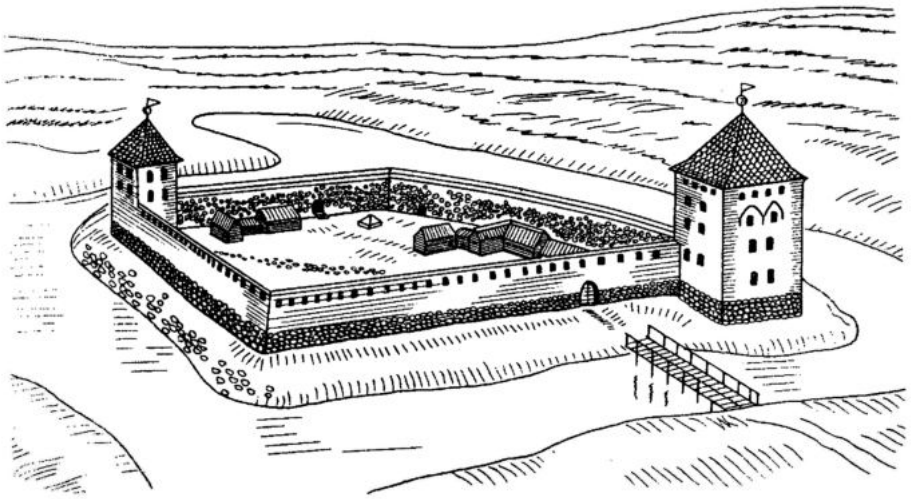


Рис. 2. Кревский замок. Реконструкция М. А. Ткачева

сооружение. Исследователь выделяет пять подтипов кастелей, из которых на территории ВКЛ были распространены три: кастель в виде каменной стены с деревяннными сооружениями внутри (Mauerkastell); замок Тевтонского ордена (Deutschordensburg) или конвентхауз; крепость или фортеция (Festung) вместе с замком-дворцом [6, с.126–173].

Первый тип кастеля в виде простой каменной стены вокруг детинца очень близок к понятию лагербурга. Такой тип кастеля фигурирует также под более точным термином — лагер-кастель (Lagerkastell).

В отдельную группу Клазен выделяет прусские конвентхаузы и оборонительные укрепления регулярного типа Нового времени, которые появились под влиянием использования огнестрельного оружия.

Широкий подход Клазена к трактовке термина «кастель» критикует Р. Циммерман, который, ссылаясь на известного чешского исследователя замковой архитектуры Т. Дурдика, утверждает, что в современной немецкоязычной историографии клазеновскому понятию кастеля соответствует регулярное в плане сооружение (Rechteck anlage), а кастель в современном представлении обозначает замок правильной формы с фланкирующими башнями [16, с.70]. Необходимость их наличия Р. Циммерман особенно подчеркивает, ибо именно этот новый для европейского оборонительного зодчества фортификационный приём, заимствованный из арабской архитектуры, отличает кастели от более ранних замков, в которых господствовал только принцип фронтальной обороны. Поэтому в немецкоязычной литературе кастель в основном отождествляется с прусскими конвентхаузами либо с замками регулярной планировки.

К кастелям относят также более поздние замки с угловыми артилерийскими башнями (Battarienturm) либо ронделями. Их отличие от ранних кастелей, имевших также угловые выступающие башни, заключается в более универсальном использовании этих элементов замковой фортификации, ибо они были предназначены для обороны не только с помощью ручного огнестрельного оружия, но и пушек. Строительство таких кастелей на территории Германии датируется второй половиной XV — первой половиной XVI века.

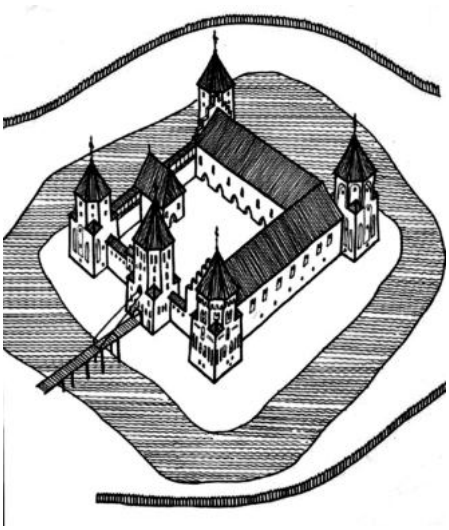


Рис. 3. Мирский замок. Реконструкция В. В. Калнина

Таким образом, основной типологической особенностью замка-кастеля является правильная форма плана. При этом из оборонительных элементов ранние кастели (лагербурги) ВКЛ имели только наружную стену, завершавшуюся боевой галереяй. Позже стены стали укреплять угловыми башнями, приспособленными к употреблению стрелкового или огнестрельного оружия. Первоначально башни располагались в границах оборонительных стен, а позже за их периметром, что позволяло вести не только фронтальный, но и фланговый обстрел прилегающей к замку территории.

Среди замков ВКЛ, которые можно считать кастелями, следует выделить согласно принципам фортификации и планировочной структуре следующие типологические группы:

– кастели-лагербурги в Ковно (Рис. 1; Каунас), Лиде, Креве.

– кастели с двумя диагонально расположенными башнями (Медники, позднейшие Крево (Рис. 2) и Лида).

– кастели-конвентхаузы (Троки (Тракай) замок на острове, Иказнь).

– поздние кастели с угловыми фланкирующими башнями (замки в Ковно, Мире (Рис. 3), Любче, внутренний замок-резиденция в Героненах, дом-замок в Гайтюнишках). На генезис замков-кастелей ВКЛ повлияла фортификационная архитектура крестоносцев Ливонии и Восточной Пруссии.

Список источников и литературы

1. Абрамаускас, С. К вопросу генезиса крепостных сооружений типа кастель в Литве (на примере замка Медининкай) // Научн. труды высших учебных заведений Литовской ССР. Сер. строит. и архит. III.— Vilnius, 1963.— № 1.— 73–105.

2. Заяц, Ю. Паняцце «замак», тыпы замкаў // Археалогія Беларусі".— Мінск: Бел навука, 2001.—Т.4.— 66–84.
3. Кулагін, А. Абарончая архітэктура Беларусі XI–XIVстст. //Архітэктура Беларусі. У 4 т. Т. 1 IX–XIVстст." / навук. рэд. А.І. Лакотка.— Мінск: Бел. навука, 2005–297–373.
4. Ткачоў, М. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі.— Мінск: Навука і тэхніка, 1978.— 142с.
5. Шчакаціхін, М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва.— Менск: Інбелкульт, 1928.— 336с.
6. Burgen und feste Plätze. Glossarium Artis / redaktion R. Huber, R. Rieth. M. Niemeyer.— Tubungen: Subsequent edition, 1977.— 280 s.
7. Clasen, K.H. Die mittelalterliche Bildhauerkunst im Deutschordensland Preußen.— Berlin: Deutscher verein für Kunstwissenschaft,1939.— 368 s.
8. Donath, M. Bemerkungen zum Bautyp der Moritzburg in Halle/Saale // Burgen und Schlosser in Sachsen-Anhalt.— 2003.— Heft 12.— S.208–215.
9. Holz, W. Kleine Kunstgeschichte der deutschen Burg.— Darmstadt: Auflage, 1991,—284s.
10. Müller-Wiener, W. Burgen der Kreuzritter im Heiligen Land, auf Zypern und der Ägäis.—München-Berlin: Deutscher Kunstverlag, 1966.— 160 s.
11. Piper, O. Burgenkunde.— Augsburg, 1995.— 711 s.
12. Schuchhardt, C. Die Burg in der Weltgeschichte.— Leipzig: Athenaion, 1931.— 350 s.
13. Spiegel, H. Schutzbauten und Wehrbauten.— Nürnberg: Glock und Lutz, 1970.— 67 s.
14. Torbus, T. Die Konventsbugen im Deutschordensstaat Preussen. 1998.— 956 s.
15. Tuulse, A. Zum Problem der Burgentypologie // Burgen und Schlösser.— 1960–№ 1.— S. 50–51.
16. Zimmermann, R. Burgentypologie — Probleme und Perspektiven // Burgen und Schlösser.— 2001.— № 2.— S. 65–79

Kushnerevich Alexander Nikolaevich
Doctor of Art History, Professor,
Professor of the Educational Institution
«Minsk State Linguistic University»

CASTEL AS A SUB-TYPE OF CASTLE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

Key words: *castle-castel, fortification, architecture, tower, bastion, rampart, ditch, curtain wall.*

Annotation. *The article briefly describes the process of the spread of castles-castels in the defensive architecture of the Grand Duchy of Lithuania in the late 13th — early 17th centuries. The problem of the definition of «castel» in Belarusian and German historiography is analyzed. Based on the principles of fortification and planning structure, four typological groups of this subtype of the castle of this Balto-Slavic state are identified.*

Мальцев Илья Дмитриевич
студент ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»

УДК 69.059

DOI 10.54016/SVITOK.2025.85.31.027

НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Ключевые слова: *Николай I, крепость, Смоленская крепостная стена, башни.*

Аннотация*: В Николаевскую эпоху Смоленская крепость, лишеная своей оборонительной функции, постепенно приходила в упадок, не смотря на проводимые реставрационные мероприятия с отдельными её частями. Во избежание её полного разрушения возникла необходимость изменения целей использования и методов её сохранения. В связи с этим в 1844 году Смоленская крепостная стена была передана из военного ведомства в ведение гражданской администрации.*

Эпоха правления Николая I является одним из интересных и в то же время противоречивых периодов в истории России, полных множеством событий и реформ, повлиявших на дальнейший ход истории не только нашей страны, но и всего мира. Данная эпоха затронула все сферы жизни общества и государства, и даже такую сложную, как военная фортификация. Имея инженерное образование, Николай Павлович хорошо разбирался в ней, и часто лично составлял планы по строительству новых или модернизации старых военных укреплений на западных и южных рубежах Российской империи. Именно период его правления связан с активной строительной деятельностью и развитием фортификационных сооружений.

В 1831 году Николай I приказал построить три линии крепостей для защиты западной границы. В первую линию вошли крепости, расположенные в Царстве Польском: Модлин, Варшава, Ивангород и Замостье. Вторая линия была представлена крепостями Динамюнде (с 1893 года Усть-Двинск, в 1959 году вошла в черту города Риги), крепости Ковно, Осовец и Брест-Литовск. В тылу располагалась третья линия крепостей, главными из которых были Киев, Бобруйск и Динабург (современный Даугавпилс, Латвия) [1].

Многие инженерные сооружения, построенные в тот период, впоследствии сыграли важную роль в истории России. Так, например, крепость

в городе Брест-Литовск стала одним из символов героизма русского народа в начальный период Великой Отечественной войны. Фортификационные сооружения города Севастополя, строившиеся на протяжении всего правления императора Николая, позволили заложить основы устойчивой обороны города-штаба Черноморского флота, которая позволила удержать город во время Крымской войны.

Император Николай I не забывал и про реконструкцию старых крепостей, их приведение в боеспособное состояние. Это касалось фортов и батарей Кронштадта.

Таким образом, общая фортификационная политика при Николае I была направлена на защиту рубежей государства. Благодаря личной компетенции императора в фортификационном плане многие проекты опережали своё время.

Однако, наряду с формированием обороноспособных крепостей, император уделял внимание крепостям, утратившим свое военное значение.

Так была проведена реконструкция Московского кремля, сильно пострадавшего от Наполеоновского нашествия, которая продолжалась несколько лет и позволила воссоздать величественный символ Московского царства.

Город Смоленск также пострадал во время войны России с Наполеоном, свидетельством тому была полуразрушенная Смоленская крепостная стена, носившая на себе отпечатки страшных потрясений и сражений, развернувшихся в городе в 1812 году.

При Николае I осуществлялось описание Смоленской крепостной стены и реставрация отдельных прясел и башен.

Однако, после того как Смоленск перестал быть приграничным городом, интерес к его фортификации постепенно иссяк. Крепость стала приходить в плачевное состояние, хотя работы по её сохранению продолжались.

К примеру, в ходе военной компании Костаревская (Красная) башня пострадала от взрыва соседней Лазаревской башни с проездными воротами и стала разрушаться из-за слабого грунта. К тому же горожане начали постепенно разбирать башню на кирпичи для собственных нужд. Власти города, видя данную проблему обратились в Военное ведомство. Завязалась долгая переписка с Инженерным департаментом. Император понимал важность сохранения историко-культурного объекта и имел намерение реконструировать башню, но из-за сильной ветхости было признано целесообразным разобрать башню и соорудить новую. Работы проходили с 1831 по 1835 год. Так в Смоленске была сооружена уменьшенная круглая Костаревская башня [2].

Ещё один пример, Молоховская башня с проездными воротами, которая оказалась в эпицентре сражения за город Смоленск в августе 1812 года. Башня была взорвана французами при отступлении в ноябре 1812 года. В связи с этим в планах реконструкции 1816 года предусматри-

валось строительство новых ворот с надвратной церковью. В дальнейшем эти планы были изменены и по указанию императора Николая Павловича в 1839 году восстановление башни производилось на личные средства смолян. Надвратная церковь была освящена в честь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Как следует из доклада, взятого в материалах Фонда 1 «Канцелярия Смоленского Губернатора», находящегося в ГАСО, в 1827 году «по приказу Начальника главного штаба была произведена расчистка поврежденных мест крепости». На месте взорванных стен планировалось посадить аллею в 300 деревьев [3]. В 1829–1830 годах каменные ворота, находящиеся на земляном валу в 3-й части города разобраны частными людьми на строительные материалы [4].

В связи с тем, что крепость уже не могла выполнять свои прямые функции, и чтобы сберечь её от дальнейшего разрушения и разбора горожанами, в 1844 году крепость решили передать из военного ведомства в гражданское, под управление МВД.

Нами также было обнаружено дело под названием «На счет доставления заключения на каком основании передать исправление башни в ведение гражданского начальства», в котором говорится о том, что на 8 февраля 1844 года «из 12 башен, 9 совершенно обделаны и … могут быть сданы под надзор местного начальства» при этом пола и потолков не имеют, кроме железной крыши. На июнь 1844 года 11 башен покрыты железной крышей, а одна — деревянной. При этом из 16 башен «только Авраамиевские ворота имеют пол», так как он был реконструирован в 1842 году. Отмечалось, что все башни не имели крыши более 50 лет из-за чего стены в башнях растрескались [5].

В 1845 году планировалось провести реконструкцию ветхих частей крепости, по обе стороны от Молоховской башни. При этом часть отремонтированных башен передавалась гражданским ведомствам для их нужд [5].

В 1848 году были назначены полицейские для наблюдения и охраны крепости от дальнейшего разбора её местными жителями [5].

Одним из важных документальных источников, свидетельствующих об активной работе по приспособлению объекта военно-исторического и архитектурного наследия под нужды мирного времени, в частности, для хранения архивов, является карта 1842 года и легенды к ней, а также Доклад департамента «Рассмотрение проектов и смет Главного Управления путей сообщения и Публичных зданий» [6]. Из доклада следует, что для расположения в трех башнях (Громовой, Донец и Маховой) архивов в 1843–1845 годах эти башни должны были быть подвержены модернизации. Предписывалось для избежания пожаров над подвальными помещениями соорудить кирпичные своды, «устроить в этих духовые печи с проведением в стенах верхних этажей каналов для сообщения оным теплоты».

Также планировалось такой же модернизации подвергнуть башни от Никольских ворот до Веселухи.

Сам план Смоленской крепости 1842 года позволяет нам увидеть состояние крепости и планы на будущее применения её башен. Громовая башня предназначалась для Архива Губернаторского правления. Поскольку она располагалась в саду Губернаторского дома, Губернатор использовал её также в хозяйственных нуждах. Башню Донец планировали передать под архив Присутственных мест. Кассандаловская и Безыменная, Стефановская и Антифоновская башни были разрушены французами, к тому же на месте Кассандаловской башни в 1830-е годы был насыпан земляной вал. Молоховская башня с проездными воротами перестроена под Надвратную церковь Благовещения. Евстафьевская башня была покрыта железной крышей при этом ничем не была занята, так как находилась в аварийном состоянии. В плачевном состоянии была и Никольская башня с обветшавшей деревянной крышей. Остальные башни, с Зимбулки по Красную, были покрыты железной крышей, при этом в Авраамиевской башне расположили пороховой склад гарнизонного батальона, а Веселуху и Красную планировали сделать арестантскими помещениями, но позже от этой идеи отказались. Пятницкая башня была восстановлена первой после нашествия Наполеона. В ней располагалась арестантская церковь. Коломинская башня была разрушена до амбразуры. Согласно архивным документам, крепостные прясла были сильно повреждены, а в некоторых местах и даже частично разрушены. (К примеру, прясла между башнями Громовой и Донец). Также отмечалось наличие прохода, названного Ильинской форточкой (Губернаторский пролом). Западная часть крепости имела огромное количество повреждений и кирпич «отходил целыми слоями» [7]. Прясло между Копытенской башней с проездными воротами и Бублейкой было сильно повреждено и лишено большей части зубцов [8]. После передачи крепости в гражданское ведомство, большинство башен стало использоваться только в качестве складских помещений.

Таким образом, в Николаевскую эпоху Смоленская крепость проходит сложный путь от фортификационного сооружения военного назначения к объекту, используемому в гражданских целях.

Список источников и литературы

1. Как строили западный щит Беларуси (Часть 1) // Постоянный Комитет Союзного государства Россия Беларусь / Электронный ресурс: URL: https://постком сг.рф/history/196548/ (дата обращения: 01.02.2024).
2. Башня Костаревская (Красная, Крылошевская, Черепичная) // Смоленская крепость / Электронный ресурс: URL: https://smolkrepost.ru/polyhedral-towers/tpost/czgjf5t461-bashnya-kostarevskaya-krasnaya-kriloshev (дата обращения: 01.02.2024).
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Д.14.

4. ГАСО. Ф. 1. Д. 26.
5. ГАСО. Ф. 247. Д.14.
6. ГАСО. Ф. 247. Д.15.
7. ГАСО. Ф. 247. Д.17.

Maltsev Ilya Dmitrievich
student of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State Institute of Arts»

NIKOLAEV ERA IN THE HISTORY OF THE SMOLENSK FORTRESS WALL

Key words: *Nicholas I, fortress, Smolensk fortress wall, towers.*
Annotation. *In the Nikolaev era, the Smolensk fortress, deprived of its defensive function, gradually fell into decay, despite the restoration work carried out on its individual parts. In order to avoid its complete destruction, it became necessary to change the purposes of its use and methods of its preservation. In this regard, in 1844, the Smolensk fortress wall was transferred from the military department to the civil administration.*

Носов Константин Сергеевич
доктор исторических наук, директор Центра изучения истории фортификации (ЦИИФ); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

УДК 72.04+726.597

DOI 10.54016/SVITOK.2025.67.43.028

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКИЕ МОНАСТЫРСКИЕ ОГРАДЫ XVI–XVII ВЕКОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ключевые слова: *монастыри, крепости, оборонительное зодчество, фортификация, «итальянизмы», «фрязи».*

Аннотация*: Многие русские монастыри в XVI–XVII веках получили каменно-кирпичные крепостные ограды с чертами западноевропейского влияния, привнесённого итальянскими зодчими. Влияние это сказалось не напрямую, а опосредованно — через построенные итальянцами в России памятники, так как итальянские мастера той блестящей плеяды работали в Московии задолго до этого — в последней трети XV — первой трети XVI века. С целью оценить степень этого влияния в данной работе впервые применён статистический подход к подсчёту «итальянизмов» в монастырских оградах.*

Итальянское влияние на русское оборонительное зодчество началось с приездом в Россию итальянских мастеров во второй половине XV века. Они проработали в Московии немногим более 60 лет (в основном с 1475 по 1538 год) [8, с. 87], однако влияние итальянских традиций оборонительного зодчества оказалось очень затяжным и прослеживается в русской архитектуре даже спустя два столетия после того, как последний итальянский зодчий из той блестящей плеяды покинул Россию.

Что же принято относить к «итальянизмам»? Архитектурные черты, привнесённые из итальянской оборонительной архитектуры, не имевшие распространения на Руси до прибытия итальянских мастеров. В пер-

вую очередь это: зубцы в форме «ласточкин хвост» или его имитация, цоколь-талус, горизонтальный валик (белокаменный или кирпичный), арки с внутренней стороны прясел, бойницы подошвенного и среднего боя в пряслах, машикули, дымоотводы в огневых позициях, отводные башни и трёхстенные пристройки перед воротными башнями, подъёмные мосты, опускные решётки (герсы) [8, с. 91–96]. Некоторые из этих деталей характерны именно для североитальянского зодчества (зубцы в форме «ласточкин хвост» или его имитация), другие являются типичными для западноевропейского военного зодчества в целом (например, подъёмные мосты, машикули). В силу того, что эти элементы обороны были привнесены в русское зодчество итальянцами, мы с определённой долей условности будем все их называть «итальянизмами».

Исследователи не раз обращали внимание на «итальянизмы» в русском зодчестве [1; 4; 5; 6; 7, с. 57; 8; 12, с. 35–37; 13, с. 37], но никогда не пытались подойти к ним статистически. В прошлой работе нами впервые был применён статистический подход к подсчёту «итальянизмов» для ряда кирпичных и каменных кремлей и городских стен конца XV — начала XVIII века. [10]. Данная работа является продолжением наших исследований с использованием статистического подхода, теперь применительно к ряду монастырских оград XVI–XVII веков.

Итальянские мастера принимали участие в возведении храмов, дворцов и крепостей. Что касается фортификации, то мы располагаем свидетельствами письменных источников об участии итальянцев в строительстве только следующих крепостей: кирпичные или каменные Московский Кремль, Нижегородский кремль, Китайгородская городская стена в Москве, Ивангород, Псков (фрагментарные фортификационные работы в 1517, 1524–1526 и 1538); древо-земляные Дорогобуж (1508/1509), Себеж (1535) и Пронск (1535) [9, с. 37, 38]. Как видим, круг памятников, в которых итальянские зодчие принимали задокументированное участие, очень невелик. И среди них нет ни одного монастыря. Тем не менее, характерный набор привнесённых итальянцами в русскую архитектуру черт присутствует в крепостных оградах множества русских монастырей XVI–XVII веков.

Русские монастыри обзаводились крепостными стенами для защиты обители и ограждения от мирской жизни практически сразу после основания. Однако вплоть до середины XVI века эти ограды были деревянными и не сохранились до наших дней. Во второй половине XVI — XVII веке ограды большинства монастырей были перестроены в камне или кирпиче. Многие из них дошли до нас.

Не имея возможности охватить в данной работе все монастыри, ограничимся самыми значимыми памятниками. В нашу выборку попало 11 памятников: Троице-Сергиев, Псково-Печерский, Соловецкий, Ипатьевский, Кирилло-Белозерский, Пафнутьев-Боровский, Саввино-Сторожевский,

Спасо-Прилуцкий, Борисоглебский под Ростовом и Новодевичий монастыри, а также Архиерейский двор в Ростове, который хотя и не является монастырём, но был выстроен по указанию митрополита Ионы Сысоевича по образцу укреплённого монастыря.

Отметим, что не всегда современное состояние памятника отражает ситуацию на момент постройки. Ограды ряда памятников были построены в XVI веке, а затем перестраивались в XVII веке. Причем время возведения и перестроек оград из письменных источников известно далеко не всегда, и некоторые датировки являются весьма спорными. Особенно сильно перестройки изменили крепостные стены Троице-Сергиева, Ипатьевского, Кирилло-Белозерского и Пафнутьев-Боровского монастырей. Несмотря на позднейшие перестройки в отдельных случаях можно установить, как выглядели стены и башни XVI века. Так, в Ипатьевском монастыре сохранился небольшой участок ненадстроенной стены конца XVI века (так называемая «Годуновская стена»), а для Кирилло-Белозерского монастыря известно, как выглядели ограды XVI века (Успенский и Ивановский монастыри в составе Кирилло-Белозерского), заметно отличающиеся от ограды XVII века (так называемый «Новый город»). При анализе памятников XVI века мы постарались исключить черты, привнесённые перестройками XVII века. Например, в пряслах Кирилло-Белозерского монастыря XVI века первоначально не было среднего боя и машикулей, они появились только при надстройке стен в XVII веке [2, с. 73–77, 91–93].

Чтобы систематизировать степень влияния на монастырские ограды, сведём данные о привнесённых итальянскими мастерами чертах в единую таблицу для удобства сравнения (см. табл. 1).

Таблица 1. «Итальянизмы» в оградах русских монастырей XVI–XVII вв.

Монастырь	Троице-Сергиев	Псково-Печерский	Соловецкий	Ипатьевский («Годуновская стена» конца XVI в.)	Ипатьевский (XVII в.)	Кирилло-Белозерский (Успенский и Ивановский)	Кирилло-Белозерский («Новый город»)
Основные даты строительства и перестроек в камне/кирпиче	1540–1550 гг.; Середина XVII в.	1552–1565 гг. Некоторые башни построены в XVII в.	1582–1595 гг.	1586–1590-е гг.	1621–1625 гг. (надстройка стен); 1642–1645 гг. («Новый город»)	1590-е гг.	1655–1680 гг.
Основной материал	Кирпич	Камень	Камень (валуны) + кирпич	Кирпич	Кирпич	Кирпич	Кирпич
Зубцы в форме «ласточкин хвост» и их тип	—	—	—	+ (прямоугольные с внешней имитацией)	+ (прямоугольные с внешней имитацией)	—	—
Цоколь-талус	+ (очень незначительный на отдельных башнях, на пряслах нет)	—	—	—	—	—	+ (очень незначительный на башнях и пряслах)
Валик	+ (несколько)	—	—	+ (несколько)	+ (несколько)	—	+

1	2	3	4	5	6	7	8
Арки с внутренней стороны прясел	+	—	— (только печуры под бойницы подошвенного боя)	+	+	+	+
Бойницы подошвенного боя в пряслах	+	+	+	+?	+	+	+
Бойницы среднего боя в пряслах	+ (после перестройки)	—	—	—	—	— (первоначально не было)	+
Машикули на башнях	+	+ (только на Изборской башне)	—	—?	+ (не на всех)	—	+ (выносные на консолях)
Машикули на пряслах	+ (косые бойницы)	—	+ (редкие косые бойницы)	+ (косые бойницы)	+ (косые бойницы)	— (первоначально не было)	+ (выносные на консолях)
Дымоотводы в огневых позициях	—	—	—	—	—	—	—
Отводные башни	—	—	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8
Трёхстенные пристройки перед воротными башнями	—	—	+ (Никольская башня)	+ (Перед Воскобойной башней был захаб)	+ (Зелёная башня)	—	—
Подъёмные мосты	—	—	—	—	—	—	—
Опускные решётки (герсы)	+	—	+	—	+ (Зелёная башня)	—	+
Максимальное число «итальянизмов»	8	2	4	6	8	2	8

Продолжение таблицы 1

Монастырь	Пафнутьев-Боровский	Саввино-Сторожевский	Спасо-Прилуцкий	Архиерейский двор в Ростове	Борисоглебский под Ростовом	Новодевичий
Основные даты строительства и перестроек в камне/кирпиче	XVI в. (спорная) Укрепление в 1590-е гг. Перестройка отдельных башен и прясел в XVII в.	1650–1654 гг.	Середина XVII в.	1670-е-1680-е гг.	Какая-то несохранившаяся ограда существовала к 1629–1631 гг. Нынешняя — 1679–1692 гг.	Датировка возведения и перестроек спорна. Существующая ограда, по-видимому,— 1680-е гг.

1	2	3	4	5	6	7
Основной материал	Кирпич	Кирпич	Кирпич	Кирпич	Кирпич	Кирпич
Зубцы в форме «ласточкин хвост» и их тип	+ (на башнях прямоугольные с внешней имитацией под «ласточкин хвост», на пряслах простые прямоугольные зубцы или сплошной парапет)	—	—	—	—	+ (двурогие на пряслах)
Цоколь-талус	+ (только на некоторых башнях, на пряслах нет)	—	—	—	—	+ (на башнях и пряслах, белокаменный)
Валик	+ (как правило, и на башнях, и на пряслах)	+ (только на некоторых пряслах)	+	+ (несколько)	+	+
Арки с внутренней стороны прясел	+	+	+	+	+	+
Бойницы подошвенного боя в пряслах	+	+	+	+	+	+
Бойницы среднего боя в пряслах	—	—	—	—	—	+

1	2	3	4	5	6	7
Машикули на башнях	+ (только на трёх — Сторожевой, Тайницкой и Круглой башнях, причем на Тайницкой устроены под 2-м ярусом)	+ (выносные на консолях)	+ (выносные на консолях)	+ (выносные на консолях)	+ (выносные на консолях)	+ (выносные на консолях)
Машикули на пряслах	+ (косые бойницы)	+ (выносные на консолях)	+ (косые бойницы)	+ (выносные на консолях)	+ (как правило, косые бойницы)	+ (выносные на консолях)
Дымоотводы **в огневых позициях**	—	—	—	—	—	—
Отводные башни	—	—	—	—	—	—
Трёхстенные пристройки перед воротными башнями	—	—	—	—	—	—
Подъёмные мосты	—	—	—	—	—	—
Опускные решётки (герсы)	+	+	—	+	—	+
Максимальное число «итальянизмов»	8	6	5	6	5	9

Некоторые «итальянизмы» встречаются на памятнике очень редко. К примеру, машикули есть только на одной башне Псково-Печерского монастыря (Изборской). Пристройка перед воротной башней в Соловецком монастыре есть только у Никольской башни, а в Ипатьевском — только у Зелёной башни. Но даже единичный пример итальянского влияния мы считали достаточным, чтобы включить в таблицу. Спорные моменты при подсчете приняты как реально существовавшие. Поэтому подсчитанное число «итальянизмов» отражает их максимальное число для каждого конкретного памятника.

Перейдём к анализу результатов. Разные памятники имеют разный набор «итальянизмов». Наибольшее их число (9) встречается у Новодевичьего монастыря, выстроенного в Москве в 1680-е годы. Чуть меньше «итальянизмов» (8) имеют четыре монастыря — Троице-Сергиев, Ипатьевский (XVII век), Пафнутьев-Боровский и Кирилло-Белозерский («Новый город»). Первые три из этих монастырей получили значительное число итальянских черт в ходе перестроек XVII века, а «Новый город» Кирилло-Белозерского монастыря вообще был построен в третьей четверти XVII века. Более того, крепостные стены Пафнутьев-Боровского монастыря в конце XVI века предположительно строил зодчий Фёдор Конь, руководивший и возведением Смоленской крепостной стены [3, с. 194].

Наименьшее число «итальянизмов» имеют Псково-Печерский (2), Кирилло-Белозерский (Успенский и Ивановский) (2) и Соловецкий (4) монастыри. Несомненно, свою роль в этом сыграл материал, из которого строилась ограда. Крепостные стены Псково-Печерского и Соловецкого монастырей построены в основном из камня, причем в случае Соловецкого монастыря даже из валунов, трудно поддающихся обработке. Каменные крепостные сооружения имеют меньше «итальянизмов» по сравнению с кирпичными памятниками. Такого оправдания нет у оград XVI века Кирилло-Белозерского монастыря (Успенский и Ивановский монастыри): она кирпичная, но весьма архаичная.

В целом, можно отметить тенденцию увеличения числа «итальянизмов» в монастырских оградах со временем. Эта тенденция особенно ярко заметна на примерах Кирилло-Белозерского и Ипатьевского монастырей: при переходе от XVI к XVII веку число «итальянизмов» возрастает с 2 до 8 у ограды Кирилло-Белозерского монастыря и с 6 до 8 у ограды Ипатьевского монастыря (см. табл. 1). В общем, в XVI веке монастырские ограды часто были ещё весьма архаичными и имели незначительное число привнесённых итальянцами черт. В XVII веке они перестраиваются и получают значительно больше «итальянизмов», причем как декоративных (валик, зубцы в форме «ласточкин хвост»), так и функциональных (машикули, бойницы среднего боя).

Наиболее яркий «итальянизм» — зубцы в форме «ласточкин хвост» — встречается только на трёх памятниках из рассматриваемых. В Ипатьевском и Пафнутьев-Боровском монастырях зубцы прямоугольные лишь с внешней имитацией под «ласточкин хвост». Настоящие двурогие зубцы есть только на пряслах Новодевичьего монастыря. В остальных исследуемых памятниках парапет, как правило, вообще не разделён на зубцы — он сплошной с бойницами.

Бойницы подошвенного боя, значительно повышавшие уровень боеспособности ограды, были и есть во всех рассматриваемых памятниках, даже в архаичных оградах XVI века. Другой функциональный «итальянизм» — машикули — встречается на большинстве, но всё же не на всех памятниках. Машикули устраивали в двух вариантах — выносные на консолях (при этом верхняя часть стены нависает над нижней) и в виде скошенных бойниц в толще стены (без выступа верхней части). В некоторых монастырях в результате надстроек на пряслах образовалось даже два уровня машикулей (Троице-Сергиев, Ипатьевский).

Конечно, возводившие монастырские ограды русские зодчие не думали о перечисленных архитектурных деталях, как об «итальянизмах». Наверняка, многие даже не знали, что эти детали были привнесены в Россию итальянскими зодчими. Речь идёт об опосредованном итальянском влиянии, в подражание уже построенным в России памятникам (в первую очередь Московскому кремлю). Поэтому интересно сравнить число «итальянизмов» в монастырских оградах с их числом в кремлях и крепостях того же времени. Последние были подсчитаны нами в ранее опубликованной работе [10], и здесь мы представим только некоторые выводы.

Всеми 13 выделенными «итальянизмами» никогда не обладал ни один памятник, даже Московский кремль, строившийся под руководством нескольких итальянских зодчих (как минимум четырёх — Антон Фрязин, Марк Фрязин, Петр Антон Фрязин и Алевиз Фрязин) и послуживший образцом при возведении многих других памятников в итальянском стиле. В нём никогда не было машикулей на пряслах и дымоотводов в огневых позициях. Но в целом неудивительно, что Московский кремль занял лидирующее положение по числу «итальянизмов» — 11 из 13.

Почти столько же «итальянизмов» (10) насчитывается у Нижегородского кремля, что совершенно логично: известно, что в возведении этого памятника принимал участие итальянский зодчий (Петр Френчюшко Фрязин). В крепостных сооружениях этого кремля есть даже черты, которых нет в Московском Кремле,— дымоотводы в огневых позициях.

Следующим памятником по числу «итальянизмов» (9) идёт Смоленская крепостная стена, построенная на рубеже XVI и XVII веков под руководством русского зодчего Фёдора Коня. И столько же черт иностранного влияния имеет Новодевичий монастырь. 8 «итальянизмов» — то есть столько

же, сколько имеют ограды Троице-Сергиева, Ипатьевского (XVII век), Пафнутьев-Боровского и Кирилло-Белозерского («Новый город») монастырей,— находим в крепостных сооружениях Тульского и Коломенского кремлей, возведённых в первой трети XVI века, когда итальянские зодчие ещё работали в России, хотя в строительстве этих кремлей, вполне вероятно, участия и не принимали. 7 черт иностранного влияния обнаруживается в Китайгородской стене в Москве, построенной в 1535–1538 годах итальянцем Петроком Малым, Зарайском, Астраханском и Верхотурском кремлях, возведённых в разное время от XVI до начала XVIII века. Новгородский кремль конца XV века может похвастаться только 6 «итальянизмами», а Казанский кремль второй половины XVI века — 5. Как видим, монастырские ограды, особенно построенные или перестроенные в XVII веке, имели вполне сопоставимое число черт иностранного влияния.

Чем же конструктивно монастырские ограды отличались от кремлей и городских стен в итальянском стиле? В монастырях защита ворот была организована заметно слабее. Никогда перед воротной башней не возводили укреплённый мост с отдельной отводной башней за рвом и никогда не устраивали подъёмный мост. Лишь в единичных случаях перед воротами монастыря возводили трёхстенные пристройки. Не всегда воротный проезд перекрывался и опускной решёткой. В монастырских оградах предпочитали устраивать сплошной парапет с бойницами и очень редко возводили зубцы в форме «ласточкин хвост». В целом, нехарактерен для монастырских стен и башен и цоколь-талус, а цоколь из белого камня применён только в Новодевичьем монастыре. Зато машикули на пряслах в монастырских оградах встречались намного чаще, чем в памятниках военного зодчества XVI–XVII веков.

Список источников и литературы

1. Бирюков Ю. Б. Работы итальянцев в Пскове и Гремячая башня 1525 г. // Псков: памяти Юрия Павловича Спегальского, 1909–1969. Псков: Издательство областного государственного центра народного творчества, 1999. С. 110–127.
2. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Л.: Художник РСФСР, 1972.—256 с.
3. Меркелова В. Н. Пафнутьев-Боровский монастырь (краткий обзор исследований и реставрации 1955–1975 гг.) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М., 1982. С. 185–197.
4. Мильчик М. И. История Ивангорода в конце XV–XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 13–63.
5. Мильчик М. И. Кремли России, построенные итальянцами, и проблема их дальнейшего изучения // Кремли России. Материалы и исследования. № XV. М.: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. С. 509–517.

6. Мильчик М. И. Коломенский кремль в кругу древнерусских крепостей, построенных итальянцами // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Коломна: Лига, 2009. С. 128–146.
7. Неделин В. М. Петрок Малой Фрязин — архитектор крепости Пронск. 1535 год // Архитектурное наследство. Вып. 47. М., 2007. С. 57–67.
8. Носов К. С. Русские крепости конца XV–XVII в. СПб.: Нестор — История, 2009.— 248 с.
9. Носов К. С. Участие иностранных зодчих в крепостном строительстве в России в конце XV — первой половине XVI века: факты и предположения // Архитектурное наследство.— Вып. 76. СПб., 2022. С. 35–53.
10. Носов К. С. Кремли в итальянском стиле: Статистический подход к итальянскому влиянию // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость». Материалы III Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения». Материалы I Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре». Смоленск: ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»; Свиток, 2023. С. 142–150.
11. Петров Д. А. Возведение Московского Кремля, Новгородского Детинца и крепости Ивангород в контексте строительной ситуации в Московском государстве 1480–1490-х гг. // Вопросы истории фортификации. № 4. 2013. С. 21–38.
12. Подъяпольский С. С. Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Стиль, атрибуции, датировки. М.: Наука, 1983. С. 34–50.
13. Подъяпольский С. С. Архитекторы Итальянского Возрождения в России // Архитектурное наследство. Вып. 45. М., 2003. С. 30–41.

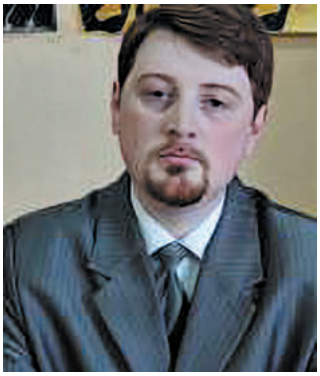
Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2023–2025 годов, тема № 1.1.2.4.
This study is based on the research, supported by the Program of Fundamental Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation — 2023–2025, no. 1.1.2.4.

Nossov Konstantin Sergeevich
Doctor of Historical Sciences, Director of the History of Fortification Study Centre (HFSC); Leading research fellow of the Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation).

ITALIAN INFLUENCE ON RUSSIAN MONASTERY ENCLOSURES OF THE 16TH-17TH CENTURIES: STATISTICAL APPROACH

Key words: *monasteries, fortresses, defensive architecture, fortification, «Italianisms», «fryaz».*
Annotation. *Many Russian monasteries in the 16th-17th centuries received stone-brick fortifications with features of Western European influence introduced by Italian architects. This influence was felt not directly, but indirectly — through the monuments built by the Italians in Russia, since the Italian masters of that brilliant galaxy worked in Muscovy long before that — in the last third of the 15th — first third of the 16th centuries. In order to assess the degree of this influence, this work is the first to apply a statistical approach to calculating «Italianisms» in monastic enclosures.*

Овчинников Владимир Михайлович
кандидат исторических наук
преподаватель Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени Маршала Советского Союза А. М. Василевский



УДК 94(44)03, 033

DOI 10.54016/SVITOK.2025.36.98.029

«ВОБАНОВСКИЙ МИФ» И РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ XVII–XVIII СТОЛЕТИЯ

Ключевые слова: *итальянская фортификационная школа, инструментализация, Вобан, фортификация, абсолютизм, бастионная система.*

Аннотация*: В статье рассматриваются основные аспекты влияния вобановского наследия на развитие европейской военной инженерии XVIII столетия. Автор концентрирует внимание на основных инновациях в фортификационном строительстве, характеризующих деятельность маршала, а также на становлении своеобразной мифологемы, имеющей широкие философские коннотации, которую можно рассматривать в качестве особого идеологически-политического феномена — «вобановская эпоха».*

В статье упоминается также о некоторых элементах геополитической доктрины маршала де Вобана, представленной в его личной корреспонденции и многочисленных трудах. Автор концентрирует внимание на роли римской концепции «лимеса» при формировании Pre Carre («железного пояса укреплений»), отвечавшей на вопрос о роли фортификационных сооружений в практике ведения боевых действий рубежа XVII–XVIII столетий, определявшей развитие абсолютизма как военно-политической концепции, экономическим и социальным аспектам развития которого уделял довольно пристальное внимание рассматриваемый персоналий.

Проблема значительного увеличения роли так называемых «укрепленных мест» была характерна для эпохи зачастую именуемой «Великим веком». В этот период значительно увеличивается французское влияние в Европе, что проявляется в том числе и в фортификационной сфере. В этой связи уместно упомянуть о существовании так называемого «вобановского

вопроса», связанного с атрибутированием наследия этого выдающегося военного инженера, так как в целом остается актуальной тематика систематизации богатейшего эпистолярного наследия маршала [27; 28; 29].

Будучи в первую очередь практиком, активно экспериментировавшим с инженерными формами, он стремился реализовать возникающие у него идеи в камне — в рамках создания новых и реконструкции старых крепостей, теоретическое же осмысление идей создателя Pre Carre по большей части связано с работой его учеников и почитателей, усилиями которых и были выведены так называемые «три системы Вобана», ставшие в дальнейшем предметом научного анализа [15, p. 81–98; 1, с. 160–222; 5, p. 71–93; 7, p. 120–142; 8, p. 39–76; 9; 10; 17, p.33–59; 19; 30].

Полностью достоверным, в сущности, является лишь факт того, что вобановская практика возведения укреплений актуализировала принцип использования окружающего ландшафта (о чем рассуждал еще Витрувий), в который «вписывались» возводимые защитные сооружения, создаваемые с опорой на концепт многоэшелонированности обороны [26, p. 178–188]. При этом вполне уместным будет задать вопрос — возможно ли выделить некие характерные признаки, отличающие «творчество» Вобана в рамках развития полиоркетики в период раннего нового времени?

Вызывает большие сомнения тот факт, что попытки адаптировать и систематизировать наследие великого инженера, уже после его смерти в 1707 году, были вполне успешными. Как следствие в современной историографии во многом утвердился тезис о том, что «трех систем Вобана» фактически не существует.

Во многом на протяжении XVIII столетия личность и деятельность французского маршала превращались в своего рода мифологему, многочисленные трактаты и труды теоретиков и практиков фортификации, издание карт и планов «укрепленных мест» лишь расширяли ее рамки. Условно эту конструкцию, ставшую еще при жизни короля-Солнце политическим инструментом, и можно именовать вобановской фортификацией.

Особое же место Франции в политической и культурной жизни Европы сделала ее предметом активной инструментализации и в конечном итоге «идеалом» и образцом для подражания. Превратившись в неотъемлемую часть европоцентризма, как особого интеллектуального поля вобановские идеи (в первую очередь Pre Carre)[1] [8, p. 19; 16, p. 44], равно как и творения великого инженера, стали одним из компонентов феномена европейского абсолютизма, как военно-политической практики, повлияв при этом на становление концепции баланса сил [27, p. 6; 8, p. 7].

Подтверждением подобного рода предположения может стать включение в программу большинства военных инженерных школ Европы изучение наследия знаменитого француза. Весьма показателен интерес к пробле-

1 Приложение 1

матике, затрагиваемой в трудах Вобана, в целом ряде трудов, появившихся в 20–30-е годы XVIII столетия. В них и были «выведены» уже упоминаемые «три системы», которые анализировались многочисленными теоретиками фортификации первой половины XVIII столетия[1].

Итак, так называемые «Три системы Вобана». Одним из первых, кто начал рассматривать подобную форму систематизации наследия великого французского фортификатора, был Жан-Батист Ноден — географ и инженер. Эта искусственная градация, не связанная непосредственно с деятельностью самого Вобана, была представлена в работе «Французская инженерия» (или же «Французский инженер»), изданной в 1695 году, в которой представлялась так называемая «новая система господина де Вобана», опирающаяся на применение бастионных башен (тур-бастионов) [21, p. 245–252].

По прошествии еще четырех десятилетий М. Дейдье в «идеальной французской инженерии» (Le parfait ingénieur francois), появившейся в 1734 году, П. С. Депре де Сен-Савен («Новая военная школа и традиции современного укрепления», 1736 год), а также профессор М. ле-Блонд — воспитатель Дофина (написавший «Правила укрепления» в 1739 году) активно анализируют так называемые «вторую и третью системы Вобана» [11;13;14].

Эти работы, во многом ориентированные на популяризацию базовых идей, составляющих вобановское наследие, во многом стали деструктивным фактором, определившим формирование неверных представлений о французской фортификации второй половины XVII столетия, которые были взяты на вооружение историографией XIX–XX столетий.

Многочисленные издания (в первую очередь ориентированные на подготовку профильных специалистов — военных инженеров) демонстрируют широкий спектр идей французского фортификатора. При этом в полной мере можно согласиться с мнением П. Роколь [25, p.134], подчеркивающего, что изучая наследие Вобана невозможно проследить некой хронологической эволюции его фортификационных практик. Тем не менее и П. Лазард и М. Вироль и прочие исследователи продолжали во многом ориентироваться на условное разделение на три системы укреплений по Вобану [17, p. 377–394; 6, p. 99–107; 23, p. 107–121; 27].

Реальность же такова, что он индивидуально подходил к каждому проекту, ориентируясь на профиль местности, постоянно экспериментируя с разнообразными формами (такими, которые, как принято считать, появились значительно позже — в его проектах наблюдается развитие дюреровских идей, повлиявших на монталамберовские: тональную и полигональную системы); в зависимости от ситуации он предлагает оперировать различными фортификационным средствами.

Нельзя не заметить, что Вобан в своих размышлениях неоднократно подчеркивал, что в своей инженерной практике он зачастую ориентировался

1 Приложение 2

на теоретическую платформу, созданную преимущественно его предшественниками (особо он выделял влияние идей Б. Пагана). Вместе с тем Вобан ввел в общее употребление несколько новых архитектурных элементов, которые, однако, сложно рассматривать как единую систему.

Говоря о наследии Вобана, так или иначе приходиться сконцентрировать внимание на созданных им сооружениях и необходимо упомянуть о крепости Неф-Брисак (как пример третьей или же второй усиленной системы Вобана), в рамках которой традиционно видели «вершину» фортификационного искусства маршала, использовавшего целый комплекс инновационных техник для сооружения этой крепости — применение усовершенствованных тур-бастионов[1], активная эксплуатация контргардии, создание дополнительных укреплений куртины и прочее [22, p. 13].

При всем этом сам великий фортификатор неустанно повторял, что он в своих трудах лишь стремился улучшить и развить идеи своих предшественников, тем не менее можно утверждать, ориентируясь на планы уже ранее упомянутой крепости Неф Бризак[2], Вобаном был предложен целый комплекс инновационных идей, повлиявших на дальнейшее развитие фортификационного искусства:

– использование бастионов (в форме полумесяца), усиливаемых за счет применения редюитов;

– дополнительное укрепление крытого хода за счет траверсов (поперечных парапетов), защищающих от продольного огня артиллерии;

– усложнение тенального фронта (что является шагом к созданию двойной тенали) для усиления защиты куртины;

– усиление бастиона;

– активное применение насыщенных артиллерией башен бастионного типа (тур-бастионов), пригодных для размещения пехоты;

– стандартизация формы казарм;

– унификация форм пороховых магазинов (и их систем защиты);

– активное применение подземных казематов, пригодных для создания защищенных батарей, госпиталей, казарм, складских помещений и прочее.

Крепость в данном случае предстает как один из вариантов проекта идеального города (который приковал к себе внимание архитекторов еще в эпоху Возрождения), основанного на гармонизации основных элементов урбанистической агломерации — военной, гражданской и духовной.

В той или иной степени представители различных фортификационных школ XVII–XVIII столетий обращались к подобному вопросу, однако именно проекты Вобана являются одним из самых известных примеров решения подобной задачи (крепости с регулярной лучевой планировкой, характерны и для более раннего периода, тогда как планировка вобанов-

[1] Приложение 3

[2] Приложение 4

ских крепостей в ряде случаев создана на основе прямоугольной сетки улиц [3, с. 140–145; 4, с. 86–93].

Нельзя не признать, что наследие Вобана активно переосмысливается и применяется как в различных уголках Европы, так и в колониальных владениях первых великих держав. Более того оно стало неотъемлемой частью многогранной французской культуры, «завоевавшей» Европу. При этом, являясь эталоном, наследие великого фортификатора не стало предметом бездумного копирования. Хотя укрепления голландских и датских городов, а также многочисленные линии укреплений на южных и восточных рубежах формирующейся Российской Империи испытывали явное вобановское влияние, они представляют собой пример творческой активности многочисленных русских инженеров-фортификаторов [2, с. 140–146].

В Европе начала XVIII столетия можно обнаружить целый ряд крупных проектов, традиционно ассоциируемых с французской фортификационной традицией [18]. Например, копенгагенская цитадель или же Кастеллет, представляющая собой классический образец развития итальянской бастионной системы (которая начала оформляться в начале 1660-х годов после большой реконструкции, проведенной Хенриком Рюзе после знаменитой шведской осады Копенгагена 1658–1660 годов)[1].

Понятие «вобановское наследие» в целом представляет собой явление весьма широкое по своим коннотациям. Его уместно трактовать как неотъемлемую часть эпохи «Великого века» — частицу «мифа французского абсолютизма». Фактически же — это практика условного следования тем принципам, которые на протяжении всей своей жизни постулировал маршал де Вобан, пропагандируя тем самым достижения итальянской школы фортификации, которые и породили самостоятельную французскую и голландскую школу военной архитектуры.

Наиболее отчетливо подобного рода практика инструментализации может быть прослежена в рамках анализа каждого определенного фортификационного сооружения, что наглядно демонстрирует, сколь велико было влияние интеллектуального наследия Себастьяна де Вобана на развитие европейской фортификации XVIII–XIX столетий и при этом насколько субъективно было видение каждого отдельно взятого военного специалиста — инженера, опирающегося на подобное наследие.

Список источников и литературы

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. М.: Наука, 2001. 368 с.
2. Крашенинникова Н. Л. К вопросу планировки городов оренбургских линий (на примере г. Троицка) // Архитектурное наследство. 1979, № 27, С. 140–146.

[1] Приложение 5

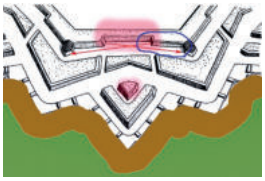
3. Ревзина Ю. Е. Архитектура, война и география: Фортификация XVI–XVII веков в Европе и России. Москва: Архитектура-С. Серия «УГМК — книги по искусству и архитектуре», 2016. 344 с.
4. Яковлев В. В. История крепостей. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб: ООО «Издательство Полигон», 2000. 400 с.
5. Babeau A. La Vie militaire sous l'Ancien Regime. P.: Editions Plon, 1889. 385 p.
6. Barros M., Salat N., Sarmant Th. Vauban, l'intelligence du territoire. Service historique de la Défense. Paris, Editions Nicolas Chaudun. Ministère de la Défense. 2006, 175 p.
7. Belhomme V. L'armeé française en 1690. P.: Librairie militaire de L. Baudoin, 1895. 206 p.
8. Bitterling D. Albin M. L›invention du pré carré, construction de l›espace français sous l›Ancien Régime. P.: Albin Michel, 2009. 262 p.
9. Blanchard A. Les ingenieurs du «Roy» de Louis XIV a Louis XVI: Etude du corps des fortifications. Montpellier: Impr. Déhan, 1979.600 p.
10. Blanchard A. Vauban. P.: Fayard, 1996. 682 p.
11. Le Blond M. Éléments de fortification. P.: Jombert, 1739. 230p.
12. Corvisier A. L'Armée française de la fin du XVIIe siècle au ministère de Choiseul. Vol.2. P.: Presses universitaires de France, 1964. 1088 p.
13. Deidier M. Le parfait ingénieur Françoi ou, la fortification offensive et defensive. P.: Jombert, 1742. 336 p.
14. Desprez de Saint-Savin P. S. Nouvelle ecole militaire, ou La fortification moderne, divisée en quatre parties, ornée de cent-cinquante planches en taille-douce. P.: Le Mercier, 1735. 342p.
15. Duffy C. The Fortress in the Age of Vauban and Frederick the Great.1660–1789, London; Boston; Melbourne; Henley: Routledge & Kegan Paul, 2015. 336 p.
16. Fierro-Domenech A. Le Pré carré: Géographie hist. de la France. Laffont, Cop. P.: Laffont, Cop., 1986. 325p.
17. Lazard P. Vauban. 1633–1707. P.: F. Alcan, 1934. 658 p.
18. Lepage G-D.G.G. Vauban and the French Military Under Louis XIV. L.: McFarland, 2010. 301p.
19. Lynn J. Giant of grand siècle The French army 1610–1715. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 651 p.
20. Naudin J. B. L'ingénieur François. P.: Chez Estienne Michallet, premier Imprimeur du Roy, rue faint Jacues, a l›Image faint Paul, 1695. 312 p.
21. Neuf-Brisach, la ville idéale / Les sites majeurs de Vauban.— Editions Républicain Lorrain, 2013. 51 p.
22. d'Orgeix E. «à la manière de»: la pensée de Vauban dans les traits de fortifications des XVIIe et XVIIIe siècles // Vauban, la pierre, la plume, Thiuonville. P.: G. Klopp, 2007, 107–121.
23. Oisivetés de M de Vauban. T.I. P.: J. Correard, Editeur d›ouvrages militares, 1843. 260p.
24. Rocolle P. Deux mille ans de fortifications françaises. T. 2. P.— Limoges: Lavauzelle, 1973. 262 p.
25. Rogers C. J. The Military Revolution Debate Readings On The Military Transformation Of Early Modern Europe. Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis. 2018. 387 p.
26. Vauban S. Les oisivetés de Monsieur de Vauban: ou ramas de plusieurs mémoires de sa façon sur différents sujets. Seyssel (Ain): Champ Vallon, 2007. 1792 p.

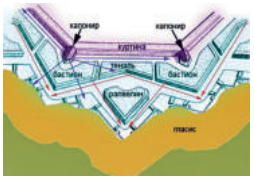
27. Vauban: sa famille et ses écrits, ses «Oisivetés» et sa Correspondance. I. Notice biographique et bibliographique. Extraits des 12 tomes des «Oisivetés». P.: Berger-Levrault 1910. T.I. 700 p; T.II. 678 p.
28. Sébastien Le Prestre de Vauban. The New Method of Fortification, as Practised by Monsieur de Vauban, Engineer-general of France. Together With a New Treatise of Geometry. The Sixth Edition, Carefully Revised and Corrected by the Original. To Which are Now Added, a Treatise of Military Orders. New Jersey: Creative Media Partners, LLC, 2018. 270 p.
29. Wenzler C. Architecture du bastion: l'art de Vauban. Rennes: Editions Ouest-France, 2000. 32 p.

Приложения

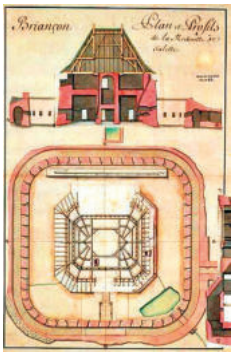
№ 1

№ 2

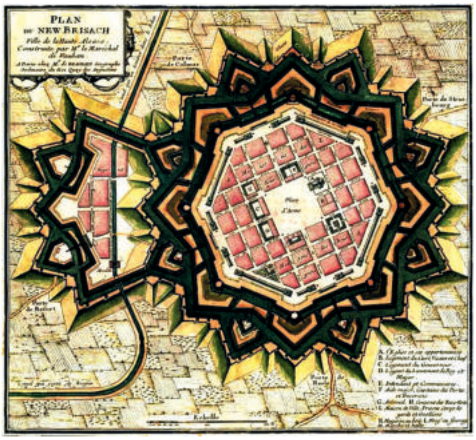




№ 3



№ 4

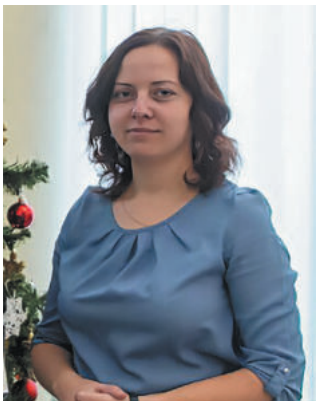


№ 5

Ovchinnikov Vladimir Mikhailovich
Candidate of Historical Sciences
Lecturer at the Military Academy
of Air Defense of the Armed Forces
of the Russian Federation
named after Marshal of the Soviet
Union A. M. Vasilevsky

"VAUBAN'S MYTH" AND THE DEVELOPMENT OF EUROPEAN FORTIFICATION IN THE 17TH–18TH CENTURIES

Key words: *Italian fortification school, instrumentalization, Vauban, fortification, absolutism, bastion system.*
Annotation. *The article examines the main aspects of the influence of Vauban's legacy on the development of European military engineering in the 18th century. The author focuses on the main innovations in fortification construction that characterize the marshal's activities, as well as on the formation of a kind of mythologem with broad philosophical connotations, which can be considered as a special ideological and political phenomenon — the "Vauban era". The article also mentions some elements of the geopolitical doctrine of Marshal de Vauban, presented in his personal correspondence and numerous works. The author focuses on the role of the Roman concept of "limes" in the formation of Pre Carre ("iron belt of fortifications"), which answered the question of the role of fortifications in the practice of conducting military operations at the turn of the 17th-18th centuries, determining the development of absolutism as a military-political concept, the economic and social aspects of the development of which were given rather close attention by the considered personality.*



Пашкова Ирина Викторовна
главный методист ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость»

УДК 930.271–94(47)

DOI 10.54016/SVITOK.2025.18.72.030

НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ ГРАФФИТИ СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТИ

Ключевые слова: *Смоленская крепость, граффити, рисунки, библейский сюжет.*

Аннотация*: Статья посвящена самому крупному из граффити на поверхности Смоленской крепостной стены. По предположению автора на нём изображено Рождество Христово. При этом простота и схематичность рисунка возможно является свидетельством народного толкования Священного Писания, его упрощения до понятных обычному жителю сюжетов, лишенных богатой символики икон.*

Граффити Смоленской крепости были вновь открыты совсем недавно, но их изучение ставит все более и более интересные вопросы. На данный момент выявлено несколько десятков граффити, относящихся к разному времени создания — от XVI века до XX века, хотя имеются уже, конечно, граффити XXI века, ибо крепостная стена в большей части своей не музеефицирована и к ней имеется доступ горожан и туристов.

Среди простых сюжетов граффити, о которых автор рассказывал на прошлогодней конференции «Музеефикация фортификационных сооружений», есть ряд граффити, которые представляют собой единые рисунки, а не набор отдельных символов или фигур. Самое большое изображение занимает более метра в общей своей протяженности (три блока нижней цокольной части), именно с этим изображением сегодня мы подробнее познакомимся.

К сожалению, подписей к рисункам на крепостной стене нет, поэтому трудно дать однозначную датировку данных изображений.

Исходить мы можем только по ряду внешних признаков:

– методика создания граффити: процарапывание одиночное острым узким предметом, что характерно для средневековых граффити;

– построение композиции: очень простое, все фигуры, как правило, изображены прямо, они, с одной, стороны просты и схематичны, с другой стороны, имеют художественную выразительность.

Рис. 1. Фотография фрагмента граффито с прорисовкой

Можно предположить, что данная серия граффити является одним большим рисунком, имеющим одно смысловое выражение и относящееся к поздним средневековым граффити крепости. Автор сознает, что интерпретация рисунков-граффити — занятие рискованное и неблагодарное, однако данная серия граффити слишком примечательна, чтобы не попытаться ее истолковать.

В качестве рабочей версии можно предположить, что данные рисунки представляют одно граффито, которое построено по линейному принципу повествования, как выстраиваются клейма икон. Из этого следует, что само изображение может носить религиозную направленность. Культура эпохи средневековья представляет собой религиозную культуру, в которой христианские сюжеты и смыслы широко использовались как в высокой литературе, так и в народном творчестве. Как пишет В. Байдин, «все попытки исходить в исследовании не из “внутренней формы” явлений (В. Гумбольдт) и не из “глубинной психологии” эпохи (К. Юнг) обречены на поверхностную приблизительность, вульгаризацию и конечную неудачу» [1, с.5]. При этом в средневековом искусстве особая роль принадлежит изобразительному искусству, которое воплощалась, прежде всего, в иконной живописи.

Сам рисунок весьма велик и распадается на несколько сцен. В левой части находится крупная фигура с изображение ангела над плечом (Рис. 1). Затем большое количество штриховки и наибольшая скученность фигур, что заставляет предположить, что это главная сцена во всем изображении. В верхней части находится лицо, ниже еще два, по своему положению они ниже, хорошо видно, что их лица обращены вверх. Рядом с ними крупная фигура с характерной деталью — в ее руке посох. Далее — еще одна фигура с поднятой вверх рукой, вторая рука на поясе, что делает фигуру весьма уверенной в себе. Далее следует самая трудночитаемая часть картины. Большая фигура имеет тело, но не видно его головы из-за повреждений

Рис. 2. Прорисовка граффито, сделанная автором

камня. По бокам от него находятся маленькие изображения людей с явной крестообразной структурой (в центре прочерчен крест). Дальше еще одна крупная фигура с крестом в руках и в окружении небольших крестов. Верхняя часть рисунка заканчивается обильной штриховкой, но сам рисунок имеет продолжение в нижней части. Под фигурами также видна штриховка, еще одна личность, от которой линии уходят вправо.

Обилие крестов и сам характер средневековой культуры заставляют предположить, что перед нами не простой бытовой сюжет, а изображение по типу иконы одного из фрагментов из Священного Писания. Поскольку сохранность граффити только частичная и при наличии простых инструментов не всегда удается получить четкую картинку, избавленную от «шумов», поэтому автор осознает, что это только одна из возможных интерпретаций данного изображения.

Возможно, перед нами изображение одного из главных библейских сюжетов, значимых для каждого христианина — Рождество Христово. Что же заставляет нас так думать? Прежде всего, первая фигура большая и облачена в пышные многослойные богатые одежды, на голове — высокий головной убор, однако нет символов Троицы, чтобы однозначно сказать, что перед нами божественное изображение. Возможно перед нами изображение царя Ирода, однако тогда последующей должна идти сцена с избиением младенцев, но ее нет.

Рядом с фигурой в богатых одеждах виден ангел с крыльями. В день рождения Христа, как сказано в Евангелии от Матфея, волхвы пришли в Иерусалим и рассказали, что видели «звезду Его на Востоке» и пришли ему поклониться. Блаженный Феофилакт в своем толковании Евангелия писал, что под видом звезды был ангел, ведь сияла та звезда и днем: «Когда услышишь о звезде, не думай, что эта была одна из тех, которые мы видим: это была Божественная и ангельская сила, явившаяся в образе звезды».[1, с.24] Согласно Евангелию от Луки, ангел явился пастухам и возвестил им эту новость. Таким образом, фигура ангела чрезвычайно важна для рас-

сказа о рождении Иисуса Христа. Возможно, неизвестный художник на крепости изобразил посланника Бога, который должен дать всем весть о рождении Христа.

Далее самым четким изображением является фигура, одежда которой украшена штриховкой, а в руке она держит длинный посох, изогнутый на конце. Это самый ясный образ из представленных здесь фигур. В его руке пастушья палка. В иконографии с пастушьим посохом изображался Иосиф. Пастуший посох изображается с загнутым концом в виде вопросительного знака, что больше характерно для западной традиции, в то время как в православной традиции больше распространена т-образная форма посоха. Посох стал символом епископской власти, олицетворением того, что церковный архиерей «пастырь стада Божьего». Раз перед нами фигура пастуха, то сюжет становится более ясным.

Фигура за Иосифом, вполне вероятно, пророк Исайя, который еще в ветхозаветные времена предсказал рождение Христа. Он поднял вверх одну из рук, вторая на боку, его поза — это поза торжества своей истины, предсказанное им сбылось.

В заштрихованной части отчетливо виден чей-то лик. По всей вероятности, это изображение Иисуса, две склоненных фигуры перед ним — это волхвы, пришедшие, чтобы ему поклониться.

Возможно, на стене Смоленской крепости нашло свое отражение народное толкование Священного Писания, его упрощение до простых и понятных обычному жителю сюжетов, лишенное богатой символики икон.

Однако данный сюжет, если это Рождество Христово, ставит несколько вопросов: почему отсутствуют традиционные изображения животных вокруг яслей? Почему не видно самого главного персонажа — самой Богородицы, которая родила Мессию? Ведь она стала Царицей Небесной, и именно она должна держать Иисуса или быть рядом с ним. Является ли повреждение камня в верхней части рисунка изображением яслей?

Таким образом, некоторые граффити Смоленской крепости являются сложными сюжетами, вероятно, религиозной направленности. Изображение на рассмотренном граффито условно, не стоит в нем искать иконографической точности, следование всем правилам и канонам. Человек, делавший его, конечно же, был знаком с библейскими сюжетами, но воплощал их, скорее, как рассказ-событие, а не священный текст. Здесь отобразились народные герои по своей сути, чем иконописные святые.

Список источников и литературы.

1. Байдин В. Иконосфера русской культуры // Вестник Русского христианского движения (РХД) (Париж). 1991. № 162–163. Кн. 2-3. С. 5–48.
2. Блаженный Феофилакт Болгарский. Толкование на Святое Евангелие. Т. 1. М: «Благовест», 2018. — 752 с.

Pashkova Irina Viktorovna
chief methodologist of the Federal State Budgetary Cultural Institution "State Museum «Smolensk Fortress»

SOME SCENE OF GRAFFITI OF THE SMOLENSK FORTRESS

Key words: *Smolensk Fortress, graffiti, drawings, biblical plot.*
Annotation. *The article is devoted to the largest of the graffiti on the surface of the Smolensk fortress wall. According to the author's assumption, it depicts the Nativity of Christ. At the same time, the simplicity and schematic nature of the drawing may be evidence of the popular interpretation of the Holy Scripture, its simplification to plots understandable to the average resident, devoid of the rich symbolism of icons.*

Рогацкина Марина Леонидов
кандидат филологических наук, доцент,
доцент Смоленского
государственного университета

УДК 821.161.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.92.25.031

«ДВЕ КРЕПОСТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА 1830–1836 ГОДОВ

Ключевые слова: *А. С. Пушкин, крепость, стихотворения, поэмы, стена, ров, ограда, забор.*

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению того, как в творчестве А. С. Пушкина 1830–1836 годов представлена тема крепости, в прямом и переносном значениях, как и в каких функциях она реализуется в художественных произведениях, какова ее семантическая структура. На основании анализа текстов этого периода можно сказать, что данная тема в его сочинениях появляется не часто. При этом крепость в контексте имеет значение либо олицетворения власти, либо оборонительного сооружения. Кроме того, в художественном мире Пушкина представлено противостояние двух крепостей: большой крепости, олицетворяющей государственную мощь, и малой крепости, которая соотносится с миром человека, патриархальной жизнью. Внешне она мало напоминает настоящую крепость. Могущество «малой крепости» заключено в силе духа, героизме ее обитателей, которые чаще всего погибают в противостоянии врагу.*

С лицейских лет А. С. Пушкина интересовали теории государственного устройства, с которыми он познакомился в Лицее на лекциях А. П. Куницына, а затем в Петербурге в доме Тургеневых, в беседах с А. С. Грибоедовым, П. Я. Чаадаевым, Ф. Н. Глинкой, М. Ф. Орловым. И в конечном счете, поэт приходит к этатизму [1, с. 1]. Б. В. Томашевский пишет: «*От Пушкина ведет начало и проблемность всех великих произведений русской литературы позднейших времен, ее идеологическая насыщенность, стремление всегда угадать исторические тенденции и дать в обобщающих образах историческую картину настоящего*» [5, с. 284]. В. С. Баевский замечает: «*Стремление угадать исторические тенденции и дать в обобщающих образах историческую картину настоящего — превосходная формулировка идеи государства, спроецированной в литературу прежде всего реалистическую*» [1, с. 1]. В своих произведениях Пушкин в разной степени исследует

и излагает свои представления о государстве. При этом высшей ценностью для него все-таки остается «маленький человек», его судьба, ключевую роль в мировоззрении Пушкина последних лет играет христианский гуманизм.

Нами была поставлена цель — рассмотреть, как в творчестве А. С. Пушкина 1830–1836 годов представлена тема крепости, в прямом и переносном значениях, как и в каких функциях она реализуется в художественных произведениях, какова ее семантическая структура.

Материал исследования — лирика 1830–1836 годов; поэма «Медный всадник» (1833), «Капитанская дочка» (1836).

Рассмотрим подробнее.

Лирика 1830–1836 годов. Было проанализировано 153 стихотворения. Только в 10 стихотворениях возникают темы и образы, которые могут быть отнесены к тематической группе «Крепость». В 1836 году тема крепости в лирике не появляется. Примечательно, что непосредственно лексема «крепость» предстает только один раз в стихотворении «Моя родословная» в значении «тюрьма» («*Мой дед, когда мятеж поднялся / Средь петергофского двора, / Как Миних, верен оставался / Паденью третьего Петра. / Попали в честь тогда Орловы, / А дед мой в* ***крепость****, в карантин. / И присмирел наш род суровый, / И я родился мещанин*» [2, с. 197]). Два раза в лирике появляется данная тема в стихотворении «Клеветникам России» (1831). Здесь возникает лексема «кремль», которая олицетворяет российскую власть («<…> *Для вас безмолвны Кремль и Прага*» <…> Иль мало нас? <…> От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая, / *Стальной щетиною сверкая, / Не встанет русская земля?..*» [2, с. 210]).

Мы включили в тематическую группу «Крепость» темы, которые обозначают структурные элементы крепости или сооружения для обороны, охраны: забор, ограда, громада пирамид, рвы. В контексте эти темы приобретают значение крепости («*Вы бросайте ваши белые домы, / Уходите в* ***Велийское ущелье****,— / Там гроза готовится на турок* <…>» [2, с. 210]). В стихотворении «Странник» появляется образ «Тесных врат», актуализирующий в контексте религиозный смысл.

В стихотворении «Герой» (1830) представлен образ «громада пирамид» в значении оборонительного сооружения: «*Как водит и кругом и вдаль / Войны стремительное пламя, / И пролетает ряд побед / Над ним одна другой вослед; / Тогда ль как рать героя плещет / Перед* ***громадой пирамид*** <…>» [2, с. 188].

В стихотворении «Бородинская годовщина» (1831) вводится тема пролома, в контексте она приобретает семантику бреши в обороне Варшавы («*Сбылось — и в день Бородина / Вновь наши вторглись знамена /* ***В проломы падшей вновь Варшавы*** <…>» [2, с. 211]).

Забор, ограда воспринимаются как сооружения, также направленные на охрану, искусственное заграждение от внешнего мира внутреннего

пространства. В стихотворении «Воевода» (1833) забор, ограда предстают в функции охраны личного пространства, в частности дома воеводы: «*А зачем нет у* ***забора*** */ Ни собаки, на затвора? <…> «Пан и хлопец под* ***забором*** */ Тихим крадутся дозором <…>*» [2, с. 243)].

В стихотворении «Царей потомок, Меценат…» (1833) возникает образ заповедной ограды в значении прорыва обороны, ведущей к победе *(«Иные колесницу мчат / В ристалище под пылью славной /* ***И, заповеданной ограды*** */ Касаясь жгучим колесом, / Победной ждут себе награды <…>*» [2, с. 250].

Также тема крепости предстает в трех стихотворениях цикла «Песни западных славян» (№ 1 «Видение короля», № 9 «Бонапарт и черногорцы», № 12 «Воевода Милош», № 16 «Конь»). Один раз появляется образ «Ключ-град» в стихотворении «Видение короля», где в основе сюжета лежит тема осады христианского города мусульманами: «*<…> С высокого неба / Город белый луна озаряла./ Вдруг взвилась из-за города бомба, / И пошли басурмане на приступ*» [2, с. 268]. В стихотворении № 9 («Бонапарт и черногорцы») тема оборонительного сооружения предстает через тему рвов: «*Нам сдаваться нет охоты,— Черногорцы таковы! // Для коней и для пехоты // Камни есть у нас и рвы*» [2, с. 279].

В стихотворении № 12 («Воевода Милош») тема крепости вновь возникает в связи с наступлением врага (турок), в данном случае на Сербию. Единственным спасением для народа оказывается бегство в Велийское ущелье, которое в контексте выступает как пространство, где можно укрыться от врага и где концентрируется сила противостояния врагу, символом которого становится герой Милош. Известно, что Пушкин здесь пишет о сербском герое Милоше Обиличе, который попытался спасти Сербию, пробравшись в стан турецкого войска. Однако турки все же одержали полную победу над Сербией, подчинив ее.

Таким образом, в лирике Пушкина 1830–1836 годов тематическая группа «Крепость» представлена всего 10 раз, реализуясь как через общие понятия (Крепость, Кремль, Ключ-город), так и через структурные элементы крепости или как метафора крепости (ворота, пирамиды, забор, ограда, пролом, ущелье гор), а также через детали личной защиты — шлем, броня.

Крепость в лирике приобретает семантику:

– олицетворение власти;
– тема войны;
– символ противостояния внешнему врагу;
– символ противостояний опасности для жизни, например, карантин;
– охрана личного пространства (забор, ограда), собственной жизни и поддержание статуса воина (шлем, броня).

Примечательно, что тема крепости, в частности ее отдельные элементы, все-таки связана с мотивом преодоления ее врагом, разрушением. Исключением является Кремль и стена Китая, которые остаются незыблемыми.

Также в лирике появляется образ естественной крепости, важным составляющим темы крепости здесь выступает личностное начало — образ героя.

Тема крепости соотносится и с религиозной семантикой. Появляется образ «Тесных врат», который актуализирует образ «Небесной страны» в стихотворении «Странник». Здесь образ «Тесные врата» вводит тему единственного пути из мира. Герой осужден на смерть и страшный суд, но в контексте это представлено как путь к свету, который ведет через «Тесные врата» к спасению.

Так, в лирике намечаются образы двух крепостей:

1. Крепость — искусственно созданное сооружение, которое обороняет и охраняет государство.

2. Крепость как образ, соотносимый с природой, а также с духовной сущностью. Сила этой крепости связывается с личной отвагой и героизмом человека, силой человеческого духа, а также предстает как божественная крепость, в которую может попасть только тот, кто видит путь Высшего Света.

Поэма «Медный всадник». Поэма написана в 1833 году, это последнее произведение Пушкина в данном жанре. Она имеет подзаголовок «Петербургская повесть» и вошла в историю русской литературы как одно из самых загадочных, «зашифрованных» произведений.

Исследование показало, что в «Медном всаднике» не появляется ни лексема крепость, ни лексема кремль. Нет упоминания и Петропавловской крепости — ядра города, нет упоминания и о других крепостях, расположившихся вокруг Петербурга.

Однако уже во Вступлении говорится опосредованно о замысле Петра I — создать город, который вполне может быть соотнесен с городом-крепостью.

Так, во Вступлении сообщается: «*Отсель грозить мы будем шведу!*» [3, с. 255], далее Петербург называется «военной столицей»:

> **Люблю, военная столица,**
> **Твоей твердыни дым и гром**
> Или победу над врагом
> Россия снова торжествует <…> [3, с. 256].

То, что Петербург — это город-крепость, указывают и знаменитые строки:

> Здесь будет город заложен,
> Назло надменному соседу,
> Природой здесь нам суждено
> **В Европу прорубить окно**,
> Ногою твердой стать у моря <…> [3, с. 255].

Строки «в Европу прорубить окно» можно интерпретировать, как прорубить окно в камне: как бойницы, как ворота. Одной из особенностей Петербурга является то, что это город из камня. («*Твоей твердыни дым и град*» [3, с. 256].

Дается описание Петербурга:

По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен. [3, с. 255].

Таким образом, Петербург — это военный город, из него идет угроза шведам. В текст вводится одно из строений города — башни, элемент крепости. Формируется образ: «Петербург → «град Петров, стой / *Неколебимо, как Россия*» (образ сопоставления) → «Россия — это Крепость» (основание сопоставления). В поэме новая столица сравнивается со старой, Москвой («*И перед младшею столицей / Померкла старая Москва*» [3, с. 256]).

Если в Москве центральная часть крепости — это Кремль, то в центре Петербурга, как ядро города-крепости, возвышается Медный всадник, который наделяется неземной силой. Он противопоставляется в поэме земному царю («*В тот грозный год / Покойный царь еще Россией / Со славой правил. На балкон, / Печален, смутен, вышел он / И молвил: «С божией стихией Царям не совладать*» [3, с. 261]*).*

Таким образом, Петербург — город-крепость, который наделяется необыкновенной мощью, способный противостоять любой враждебной силе, именно благодаря Медному Всаднику:

И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне [3, с. 262].

И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне [3, с. 266].

<…> **Кто неподвижно возвышался**
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался…

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы? [3, с. 266].

Укреплением крепости, имевшим сплошную круговую ограду вокруг ядра крепости и состоявшей из валов со рвом впереди, здесь выступают берега Невы, одетые в гранит («*в гранит оделася Нева*» [3, с. 255], «*береговой ее гранит*» [3, с. 256], «*Плеская шумною волной / В края своей ограды стройной* <…>» [3, с. 258]).

Выявляется внутренний основной враг города-крепости — водная стихия, окружающая Петербург, которая на какое-то время обуздана *(«Да умирится же с тобой / И побежденная стихия;/ Вражду и плен старинный свой / Пусть волны финские забудут / И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра!»* [3, с. 258]).

В центральной части поэмы ограда преодолена и стихия обрушивается на город («*Нева, металась, как больной / в своей постели беспокойной*» [3, с. 258]; «<…> *пеной разъяренных вод*» [3, с. 260], Нева «<…> *как зверь остервеняясь, на город кинулась*» [3, с. 260]). Нева предстает как стихия и сравнивается со свирепой шайкой во главе со злодеем, которые награбив, спешат домой.

Следует заметить, что и в «Медном всаднике», как и в лирике — ограда крепости преодолевается, город внутри подвергается разрушению, простые жители пытаются убежать, гибнут, но основа крепости, как и ее центр остается нерушим, и враг (природная стихия), в конце концов, уходит.

В противовес образу Петербурга-крепости, центром в котором является Медный Всадник, в поэме формируется еще один образ, выстроенный по принципу художественной аналогии, символический, это образ «другой Крепости». Она также располагается близ водной стихии *(«<…> близехонько к волнам, / Почти у самого залива* <…>» [3, с. 262]). Эта «Крепость» состоит из «некрашеного забора», «ворот», а во внутреннем пространстве располагаются ива и ветхий домик. Обитатели — вдова и ее дочь.

Стихия уничтожает эту «Крепость», оставляя только иву: «*Были здесь вороты — / Снесло их, видно. / Где же дом? <… .>*» [3, с. 264]. Дом обнаружен на малом острове: «<…> *Наводненье / Туда, играя, занесло / Домишко ветхий. Над водою / Остался он как черный куст* <…>» [3, с. 267], «<…>

был он пуст / И весь разрушен» [3, с. 267–268]. Обитатели этой «Крепости» погибают. Герой поэмы Евгений отчаянно дорожит ею. Единственной силой этой «другой Крепости» являются любовь, духовность, с этими понятиями соотносится и образ героя. Он осмеливается на протест, бросает вызов Медному Всаднику. И бунт приводит героя к гибели.

Таким образом, в поэме «Медный всадник» тема крепости реализуется, с одной стороны, в образе Петербурга, ядром которого здесь выступает Медный Всадник — символ мощи государства. С другой стороны, вновь возникает образ крепости, связанный с миром «маленького человека». Обе крепости подвергаются воздействию огромной вражеской силы, которая олицетворяется в контексте в образе водной стихии. Как и в лирике, враг прорывается сквозь ограду, но первая крепость остается незыблемой, и враг уходит, смиряется. А вторая крепость разрушена, уничтожена вместе со своими обитателями.

«Капитанская дочка» написана в последние годы жизни Пушкина, опубликована за несколько месяцев до гибели поэта в 1836 году в журнале «Современник». Она писалась по следам исторического труда «История пугачевского бунта», где Пушкин следовал историческим методам. В «Капитанской дочке» поэт изложил свое видение исторического события и представил образ своего Пугачева.

Исследование показало, что в «Капитанской дочке» также появляется тема крепости. И здесь вновь возникает оппозиция между двумя крепостями. Более того, Пушкин дает и название второй крепости — «*малая крепость*» [4, с. 56].

На роль большой крепости, олицетворяющей опять государство, его мощь, безусловно, претендует Оренбург, также упоминается Казань, куда привезли Гринева после ареста. Обращает внимание то, что в связи с образом Оренбурга слово крепость не упоминается ни разу. Хотя указывается на наличие таких признаков крепости как высокая крепкая каменная стена (городская стена), ров, «*войска и пушек довольно и стена каменная*» [4, с. 55], создание укреплений под надзором гарнизонных инвалидов «*у ворот часовые остановили нас*» [4. с. 56], ров, городская стена, «*все полагали, что благоразумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною*» [4, с. 55]; «*Всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать*» [4, с. 56]; «*Я увидел войско мятежников с высоты городской стены*» [4, с. 56]; « <…> *я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады*» [4, с. 56].

Каменная стена, ров, укрепления, действительно, не позволили пугачевцам войти в город, хотя и была осада города, во дворы жителей прилетали ядра. А жизнь в городе была очень тяжелой (« <…> *сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей*» [4, с. 56]). Все

это происходило потому, что генерал и чиновники решили принять тактику обороны, а не наступления, отделываясь мелкими вылазками («*В перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев*» [4, с. 56]).

С другой стороны, упоминаются крепости, расположенные вокруг Оренбурга. Так, например, говорится, что в 1770-е годы в Оренбургской губернии жили «*Полудикие народы, которые только недавно признали российских государств*» [4, с. 34], и они постоянно возмущались, так как у них еще была «*непривычка к законам*» [4, с. 34]. По Оренбургской губернии были выстроены крепости в тех местах, которые были признаны удобными.

Пушкин вводит в текст исторически существовавшие крепости, например, Нижнеозерная крепость. Она была расположена на правом берегу Яика в 93 верстах к западу от Оренбурга, ею управлял знаменитый комендант З. И. Харлов. Также упоминается крепость Татищева (основана в 1736 году на правом берегу Яика к западу от Оренбурга). Кроме того, говорится о разорении сибирских крепостей. Также в 14 главе («Суд») упоминается Казань, которая была захвачена пугачевцами, разрушена и сожжена. Но в центре, посреди сгоревшего города, уцелела крепость. Сюда привозят Гринева после ареста и отправляют в тюрьму. Вновь сочетается тема крепости и тюрьмы.

Примечательно, что все крепости, расположенные вокруг Оренбурга, были захвачены пугачевцами, несмотря на героического сопротивление комендантов и тех немногочисленных военных, которые там находились. Все защитники были казнены. Такова судьба З. И. Харлова, дочь которого стала наложницей Пугачева, а потом по историческим фактам была убита вместе с маленьким братом. В той же 14 главе говорится, что Гринев «*разъезжал с ним (Пугачевым — прим М.Л.) из крепости в крепость*» [4, с. 78].

Примечательно, что в структуре Бердской слободы, где располагалась резиденция Пугачева, отмечены также черты крепости, но естественной, природной, что соотносится с сутью пугачевцев, которые сродни разбушевавшейся природной стихии: «*Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы*» [4, с. 60].

В центр «Капитанской дочки» выдвинута Белогорская крепость, которая является ярким примером «малой крепости». По внешнему виду Белогорская крепость не похожа на крепость как укрепленное сооружение. Она находится в 40 верстах от Оренбурга, дорога к ней идет по крутому берегу Яика. Гринев ожидает увидеть грозные бастионы, башни, валы, а видит маленькую деревушку, окруженную деревянным забором, скирды сена, мельницу.

Единственным атрибутом настоящей крепости здесь выступает чугунная пушка, в которую были заложены тряпки, и она давно не стреляла. В центре на самом высоком месте стоит деревянный дом Мироновых, ря-

дом деревянная церковь. Крепость в контексте романа приобретает значение сакрального пространства, названа «*богоспасаемой*» [4, с. 23].

Белогорская крепость предстает как островок христианского и человеческого мира, который находится среди просторов, в которых обитают «нехристи». Здесь царят совсем не военные нравы. Комендант, капитан Иван Кузмич Миронов, выходит смотреть своих воинов в колпаке и китайчатом халате. Жизнь здесь строится по патриархальным обычаям. О жене коменданта, Василисе Егоровне, говорится: «<…> *управляла крепостию так точно, как своим домком*» [4, с. 30]. Но именно здесь героически сражаются Миронов и его воины с пугачевцами и погибают с честью. Крепость захвачена пугачевцами, но героизм и стойкость ее защитников указывает на истинное могущество Белогорской крепости, которое воплощается в людях.

Таким образом, анализ творчества Пушкина 1830–1836 годов: лирика, поэма «Медный всадник», «Капитанская дочка» позволяет сделать следующие выводы:

– тема крепости появляется не часто,

– крепость в контексте имеет следующие значения:

1) олицетворение власти, государства;

2) оборонительное сооружение, созданное для обороны и защиты от врага.

Кроме того, в художественном мире Пушкина представлено противостояние двух крепостей: большой крепости, олицетворяющей государственную мощь, и малой крепости, которая соотносится с миром человека, патриархальной жизнью. Внешне она мало напоминает настоящую крепость. Могущество «малой крепости» заключено в силе духа, героизме ее обитателей, которые чаще всего погибают в противостоянии врагу.

Список источников и литературы

1. Баевский В. С. Идеология этатизма как структурный элемент русского романа // М. Л. Рогацкина. Личный архив.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. 495 с.
3. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М.: «ТЕРРА» — «TERRA», 1997. 496 с.
4. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Серия «Литературные памятники». Л.: Наука, 1984. 320 с.
5. Томашевский Б. В. Поэтическое наследие Пушкина (Лирика и поэмы) // Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. М.: «Книга», 1990. С. 179–287.

Rogatskina Marina Leonidovna
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Smolensk
State University

«TWO FORTRESSES» IN THE WORKS OF A.S. PUSHKIN IN1830–1836

Key words: *A. S. Pushkin, fortress, poems, verses, wall, ditch, fence.*
Abstract. The article is devoted to the consideration of how the theme of the fortress is presented in the works of A. S. Pushkin in 1830–1836, in direct and figurative meanings, how and in what functions it is realized in works of art, what is its semantic structure. Based on the analysis of the texts of this period, it can be said that this theme does not appear often in his works. In this context, a fortress has the meaning of either the personification of power or a defensive structure. In addition, in the artistic world of Pushkin, there is a confrontation between two fortresses: a large fortress, personifying state power, and a small fortress, which is related to the world of man, patriarchal life. Outwardly, it bears little resemblance to a real fortress. The power of the "small fortress" lies in the strength of spirit, the heroism of its inhabitants, who most often die in opposition to the enemy.

Сорокин Петр Егорович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН»

УДК 902.2

DOI 10.54016/SVITOK.2025.43.63.032

О ВЫЯВЛЕНИИ И АТРИБУЦИИ АРХЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ДЕРЕВОЗЕМЛЯНЫХ КРЕПОСТЕЙ НА ОХТИНСКОМ МЫСЕ

Ключевые слова: *Охтинский мыс, археологические раскопки, деревоземляные укрепления, бастионная крепость, оборонительные рвы.*

Аннотация*: Одним из главных результатов археологических исследований, проводившихся в 2006–2010 годах на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге стало выявление и исследование деревоземляных укреплений существовавших на данной территории в период XIII — XVII вв. Это стало возможным благодаря большой площади раскопок, методике послойных исследований узкими срезами, а также участию в раскопках профессионального коллектива археологов. Обнаруженные исторические деревоземляные крепости были законсервированы. До настоящего времени сохраняются планы застройки этого места, где сконцентрированы уникальные фортификационные сооружения средневековья и нового времени. Их осуществление, несомненно, приведет к исчезновению чудом сохранившихся археологических свидетельств — зримых следов многовековой борьбы Русского государства за выход в Балтику. Вместе с тем, за последнее десятилетие в Петербурге появилось около двадцати различных проектных предложений по созданию на основе памятников Охтинского мыса археологического музея, что стало бы достойным способом их сохранения и экспонирования.*

Мыс при впадении реки Охты в Неву расположен в центре современного Санкт-Петербурга — напротив Смольного монастыря, хотя до начала XX века Охта считалась окраиной города. О существовании на этом месте крепости Ниеншанц в XVII веке и предположительно Ландскроны в 1300–1301 годах всегда было известно из документов. Руины Ниеншанца, местами были различимы на поверхности до начала прошлого столетия. Однако к середине XX века, в связи с новым строительством, от них уже ничего не сохранилось. Учитывая, что на этом же месте существовали

Рис. 1. Петрозавод на Охтинском мысу. Вид с севера. 2006 год

в XIX веке Охтинская верфь с заглубленными корабельными эллингами, а в XX веке также выпускавший суда Петрозавод с очень плотной застройкой территории производственными корпусами, следы старых крепостей считались утраченными. Несмотря на многолетние земляные работы на этой территории не было известно и связанных с ними ярких находок, которые привлекли бы интерес исследователей к этому месту. Когда при кардинальной перестройке Петрозавода в 1970–1980-х годах его представители обратились в Ленинградский институт археологии с предложением провести раскопки, оно было отклонено. Вероятно, это объяснялось тем, что археологи в то время мало интересовались XVII веком, считавшемся до недавнего времени верхней границей археологии и даже при исследовании средневековых памятников, слоям нового времени, если они вообще изучались, уделялось значительно меньшее внимание. Но вероятно это объяснялось и идеологическими установками — нежелательностью напоминания о территориальных спорах. Иноземные находки, начиная с эпохи викингов, считались в советское время своего рода табуированными для изучения. Известный ленинградский историк И. П. Шаскольский, изучавший русско-шведские отношения и события на Неве, связанные с борьбой Руси за сохранение выхода в Балтику, сетовал в своих работах, что не осталось никаких следов средневекового времени и этих крепостей в Ленинграде [1].

Только с началом археологического изучения допетровских памятников Петербурга, после обследования поля Невской битвы 1240 году, в 1992–1993 годах, на территории города Ниена и крепости Ниеншанц были предприняты первые разведочные археологические исследования [2]. Изучение

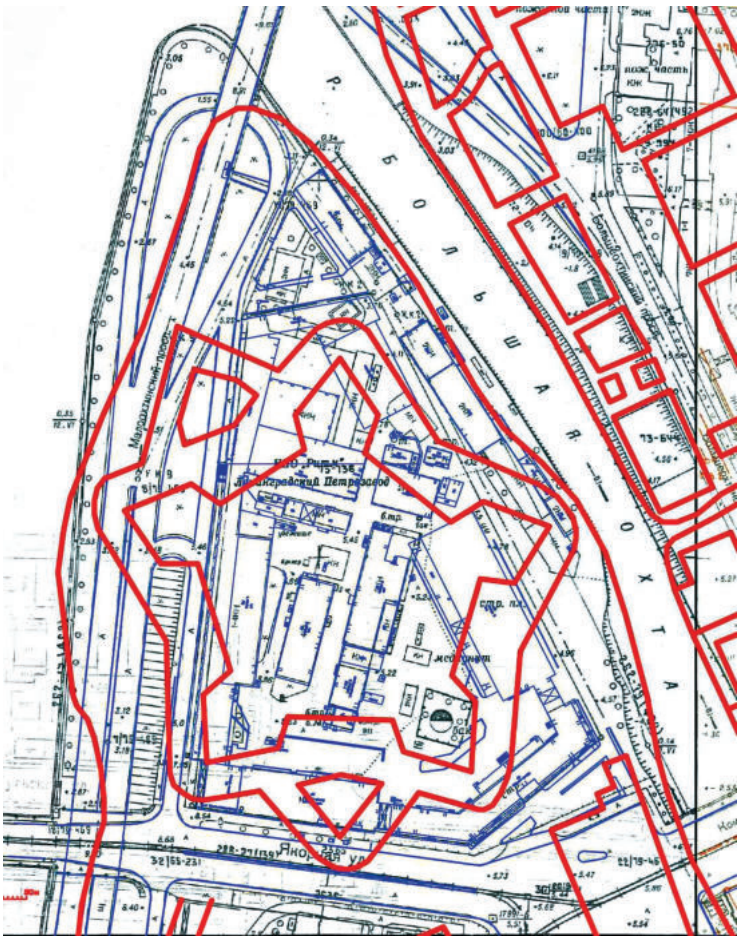
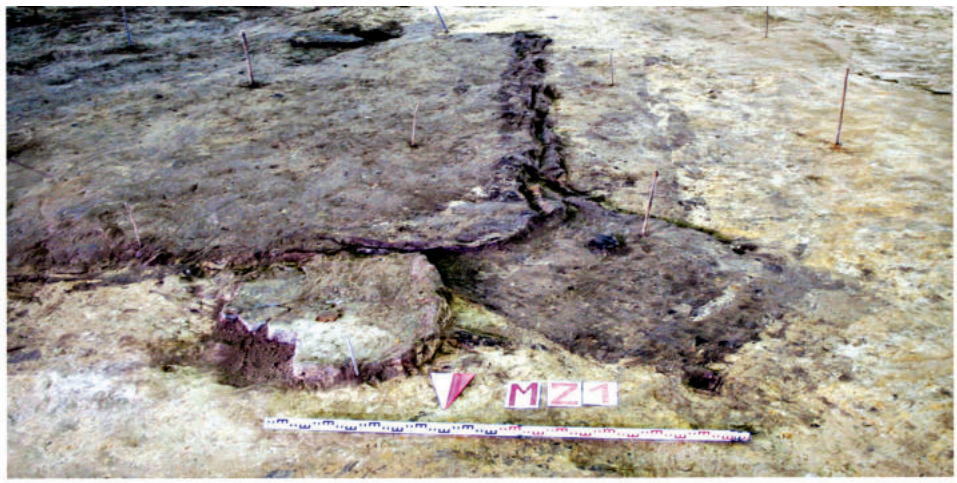


Рис. 2. Совмещение плана И. Мейера 1698 года с подосновой 1988 года

шведских планов XVII века и их совмещение с современной топоосновой (Рис. 1), наряду с обследованием территории, показало, что несмотря на активную строительную деятельность и изменение очертаний мыса, вследствие строительства верфи, мостов и набережных, в подземном пространстве могли сохраниться фрагменты культурного слоя и сооружений нового времени и средневековья. Разведочная шурфовка на территории действующего завода, ограничивалась существующей застройкой, разветвленными инженерными коммуникациями и осложнялась особым режимом предприятия. В тех условиях незначительная часть территории предприятия оказалась доступна для ведения раскопок. Только треть из 10 шурфов оказались результативны, выявив фрагменты культурного слоя XVII века и остатки двух грунтовых захоронений, датированных радиоуглеродным методом второй половиной XVI век. [3]. Однако вопрос с постановкой тер-



1

2

Рис. 3. Укрепления Ниеншанца на фланке Мертвого бастиона второй половины XVII века. 1. Зачистка после снятия техногенного слоя. 2. После выборки заполнения и полной расчистки укреплений.

ритории на охрану затянулся и был решен только после согласования документации в 1998 году в Министерстве культуры, так как это были первые памятники археологии в Петербурге.

В то же время к 300-летию Петербурга здесь были открыты памятный знак и первый историко-археологический музей Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц.

Все это позволило организовать охранные археологические раскопки, когда Газпром в 2006 году приобрел этот участок и объявил о планах строительства небоскреба Охта-центр. Разведочные раскопы 2006 года, сде-

ланные для более детального зонирования исследуемой территории, площадью около 100 квадратных метров были более результативны, но тоже не дали ясной картины масштабов и структуры фортификационных сооружений мыса. Они выявили под балластным слоем ровные насыпные стерильные супесчаные слои в его центральной части, в одном случае со следами деревянных конструкций, датированных С14 концом XIII века. Территория предполагаемого строительства составляла около 4,5 гектара, и было очевидно, что на нее попадает большая часть укреплений цитадели Ниеншанца второй половины XVII века, но степень их сохранности под заводскими сооружениями оставалась не ясной.

После сноса производственных корпусов в 2007 году, на основании совмещения исторических планов XVII века с топоосновой, были предприняты поиски юго-восточной куртины и Мертвого бастиона Ниеншанца 1661–1666 годов. Зачистка поверхности на глубине около одного метра выявила четкие границы крепостного рва, заполненного слоем со щепой Охтинской верфи — XIX век. Погрешность совмещения, связанная со значительными изменениями параметров мыса в последние столетия, составила всего около 10 метров. Раскопанный ров Ниеншанца шириной около 22 метров, сохранился на глубину от двух до четырех метров на разных участках. Характерными чертами укреплений этого периода являлись: дерновая облицовка склонов эскарпа с деревянными конструкциями (сваями или срубными линиями) в основании, а также более простая дерновая стенка контрэскарпа. Перед эскарпом располагался ряд частокола, а в центре рва дренажная канава, что в целом соответствовало его проектными разрезам. Выявленные и изученные в первых раскопах конструктивные особенности крепостных рвов Ниеншанца 1661–1666 годов [4, 5] впоследствии позволяли безошибочно определять их на других участках, где их предварительное позиционирование велось уже с точностью до одного-двух метров. При этом было установлено, что реальное их расположение имеет отклонения до нескольких метров по отношению к планам XVII века, что объяснялось погрешностями реализации проекта.

Если планиграфия крепости второй половины XVII века в основном соответствовала проектной, то вопрос осуществления проектов бастионной крепости И. Роденбурга и Г. Швенгеля второй четверти XVII века оставался не ясен. Предлагавшаяся ими цитадель в староголландской манере отличалась по своему расположению и планиграфии от укреплений второй половины XVII века. В документах имелись лишь отрывочные сведения о реализации этого проекта, и историки обходили этот вопрос в публикациях о строительстве Ниеншанца. Известно, что крепость была сожжена русскими войсками во время войны в 1656 году, а строительство ее укреплений возобновилось только в 1661 году и было, в основном, завершено в 1666 году. Не ясна была и планиграфия первоначальных укреплений

Рис. 4. Изучение первого рва Ландскроны в 2008 году

Ниеншанца 1611–1644 годов, показанных на карте поселений в устье Невы 1643 года в виде прямоугольного замка, обнесенного земляными валами с тремя малыми бастионами.

При дальнейших раскопках внутри крепости второй половины XVII века был выявлен ров и расположенные за ними фоссебреи (передовые укрепления в основании крепостного вала), облицованные дерновой кладкой, которые были соотнесены с проектами Швенгеля, Роденбурга 1643 года. Они сохранились фрагментарно — с восточной стороны, и в значительной степени перекрывались и были уничтожены более поздними рвами второй половины столетия.

В том же месте были выявлены две прямые линии рвов шириной 12 и 15 метров, глубиной 2,6–2,8 метра, склоны которых облицованы деревянными плахами, закрепленными внизу колами. Рвы ограждали центральную прямоугольную площадку Ландскроны с восточной и южной сторон [6]. Такое определение подтверждалось обнаруженными в их заполнении остатками сгоревших стен с находками арбалетных болтов и наконечников стрел, а впоследствии и дендродатированием. При этом внешний (второй от площадки) ров использовался частично при строительстве укреплений 1644–1656 годов, которые не были завершены. Ранее, в первоначальном Ни-

еншанце, второй крепостной ров Ландскроны защищал деревянный замок, располагавшийся на ее месте. Таким образом, изученные оборонительные сооружения позволили выделить не два, как считалось ранее, а три строительных периода Ниеншанца, причем в первом из них использовались и укрепления средневекового времени. С внешней стороны второго рва — на берегу Охты их дополняла система деревоземляных укреплений в виде двухрядного частокольного сооружения, возможно, в основании засыпанного землей [7].

Позднее при расширении раскопок в северной и южной частях мыса были обнаружены еще два оборонительных рва, пересекавшие мыс поперек — в широтном направлении и конструктивно отличавшихся от вышеупомянутых, включая и отсутствие деревянной облицовки склонов. Южный ров, между Невой и Охтой, защищавший всю оконечность мыса, где располагались Ландскрона и цитадель Ниеншанца, с напольной стороны имел трапециевидную форму в сечении, как и два ранее выявленных средневековых рва. Его расположение, а также позднесредневековое заполнение с керамикой XV–XVI веков указывало на относительно раннюю датировку и вероятную связь с Ландскроной. Северный — малый ров, треугольный в сечении, шириной до трех метров и глубиной до полутора метров, отделявший самое окончание мыса, оказался перекрыт внутренними укреплениями Ландскроны, представлявшими собой мощную деревоземляную платформу, и следовательно, относится к более раннему времени. Он был интерпретирован как ров более раннего земляного городища, служившего видимо сторожевым пунктом на Невском пути, так как следов оседлости и сооружений (жилищ, построек) на его внутренней площадке выявлено не было [8].

Таким образом, выстроилась хронологическая последовательность фортификационных сооружений на Охтинском мысу. В средневековье здесь располагались: мысовое городище XIII века и сменившая его шведская крепость Ландскрона 1300–1301 годов; в XVII веке — шведская крепость Ниеншанц трех строительных периодов: 1611–1640 годов, начала 1650-х годов, и 1661–1703 годов. Причем выделяются и этапы этих периодов, характеризующиеся модернизацией и строительством новых дополнительных укреплений, также прослеживаемых археологически. Так, валы с двойным частокольным заграждением вокруг окруженной рвом территории замка первоначального Ниеншанца сооружались согласно дендрохронологическому анализу в 1630-х годах. Замена частокольного ограждения в крепостном рву «последнего» Ниеншанца, причем по новому плану, происходит в канун Северной войны.

В основе интерпретации крепостных сооружений Охтинского мыса были исторические источники, в первую очередь, описания и карты XVII века, служившие для определения сооружений Ниеншанца разных этапов его

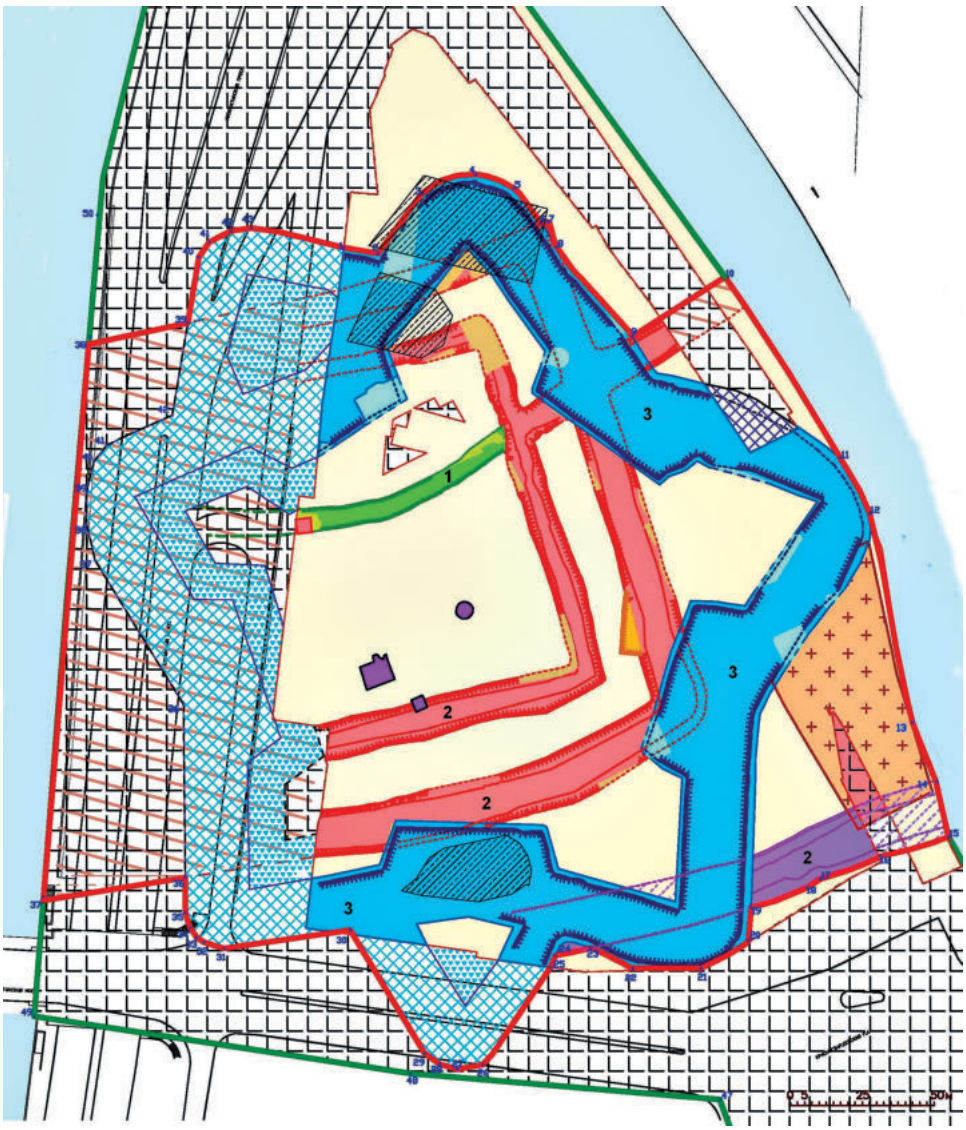


Рис. 5. Расположение укреплений крепостей на Охтинском мысу: 1. Мысовое городище, 2. Ландскрона, 3. Ниеншанц

строительства. Важную роль в разработке относительной хронологии играл стратиграфический метод для определения последовательности возведения выявленных фортификационных сооружений, а также прекращения их существования — на основании изучения связанных с ними культурных отложений. Вещеведческое (типологическое) изучение обнаруженных находок и радиоуглеродное датирование образцов позволяло произвести узкое датирование выявленных слоев и связанных с ними сооружений.

Применение дендрохронологического метода давало точную датировку отдельных сооружений [9], существенно уточняя время строительства и перестройки отдельных объектов и крепостей Охтинского мыса в целом.

Определение пересекающихся разновременных фортификационных сооружений стало возможно благодаря большой площади раскопок, методике послойных исследований узкими срезами, а также участию в раскопках профессионального коллектива археологов. Выявленные исторические деревоземляные крепости были законсервированы при завершении раскопок. Усилиями общественности и специалистов удалось добиться переноса строительства небоскреба в другое место. Однако, планы застройки этого места, где сконцентрированы уникальные фортификационные сооружения средневековья и нового времени, по-прежнему сохраняются. Осуществление планов строительства, несомненно, приведет к исчезновению чудом сохранившихся археологических свидетельств — зримых следов многовековой борьбы Русского государства за выход в Балтику (Рис. 5). Вместе с тем, за последнее десятилетие в Петербурге появилось около двадцати различных проектных предложений по созданию на основе памятников Охтинского мыса археологического музея, что стало бы достойным способом их сохранения и экспонирования.

Список источников и литературы

1. Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки/ Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Л.: Наука, 1979. С. 41–48.
2. Сорокин 1994, 11. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб.: Санкт-Петербургская ассоциация исследователей города, 1994. С. 107–110. Археологические исследования в Санкт-Петербурге //Археологические открытия 1993 года. М.: Наука, 1994. С. 32.
3. Сорокин П. Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга //Археология Петербурга. СПб.: Госкомстат, 1996. Вып.1. С. 20–47.
4. Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г. Археологические исследования в устье реки Охты. Том. 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 5. СПб.: КультИнформПресс, 2017. 237 с.
5. Сорокин П. Е. Фортификационные сооружения крепости Ниеншанц второй половины XVII в. // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 33. СПб. Институт истории материальной культуры, 2021. С. 167–182.
6. Сорокин П. Е. Крепость Ниеншанц в первой половине — середине XVII в. Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН.— Вып. 36. СПб.: Институт истории материальной культуры, 2022. С. 244–263.

7. Сорокин П. Е. Звезда Ниеншанца // Terra artis. Искусство и дизайн. 2021. № 4. С. 27–43.
8. Ландскрона. Сорокин П. Е. Устройство и происхождение крепости Ландскрона на Неве // Stratum plus № 5. 2019. С. 303–315.
9. Сорокин П. Е., Тарабардина О. А. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга. // Новгород и Новгородская земля, история и археология. вып.28. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. 2012. С. 84–92.

Sorokin Petr Egorovich
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences»

ON THE IDENTIFICATION AND ATTRIBUTION OF ARCHAEOLOGIZED WOODEN FORTRESSES AT THE OKHTINSKY CAPE

Key words: *Okhtinsky Cape, archaeological excavations, wood-earth fortifications, bastion fortress, defensive ditches.*

Annotation. *One of the main results of archaeological research conducted in 2006–2010 on the Okhtinsky Cape in St. Petersburg was the identification and study of wood-earth fortifications that existed in this area during the 13th — 17th centuries. This became possible due to the large area of excavations, the method of layer-by-layer research with narrow sections, as well as the participation of a professional team of archaeologists in the excavations. The discovered historical wood-earth fortresses were preserved. To this day, plans for the development of this place, where unique fortification structures of the Middle Ages and modern times are concentrated, remain. Their implementation will undoubtedly lead to the disappearance of miraculously preserved archaeological evidence — visible traces of the centuries-old struggle of the Russian state for access to the Baltic. At the same time, over the past decade, about twenty different project proposals have appeared in St. Petersburg to create an archaeological museum based on the monuments of the Okhtinsky Mys, which would be a worthy way to preserve and exhibit them.*

Шушеначев Илья Денисович
Студент исторического факультета
ФГАОУ ВО «Балтийский Федеральный
Университет им. Иммануила Канта»

УДК 623.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.18.47.033

КАЛИНИНГРАДСКИЕ ХОХБУНКЕРЫ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И МУЗЕЙНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Ключевые слова: *Хохбункер, Кёнигсберг, Германия, авиация, бомбардировка, активная и пассивная противовоздушная оборона, флактурм.*

Аннотация: *Тематикой настоящей статьи были выбраны не совсем обычные, унаследованные Россией фортификационные сооружения Второй мировой войны на территории Калининградской области. В частности, наземные многоярусные убежища для гражданского населения, так называемые «хохбункеры» — «высокие бункеры». В статье автор кратко излагает и анализирует историю строительства, а также предназначение данных объектов. Проводит анализ советского и немецкого подходов к техническому оснащению крупных защитных объектов, а также даёт оценку потенциала развития тематики «высоких бункеров» в России и отвечает на вопрос о возможности организации в таких объектах музейной экспозиции.*

После Первой мировой войны множество государств обеспокоилось развитием возможностей авиации. Создавались гражданские объединения, главной задачей которых было решение вопросов защиты населения от поражающих факторов бомбардировок, ибо как показала война, наносить серьёзный ущерб городам и проводить таким образом террор против гражданского населения можно не только артиллерийскими орудиями. Особенно актуальной данная проблема стала для Германии, ограниченной условиями Версальского договора в производственной и мобилизационной сфере военного спектра.

Ещё до прихода Гитлера к власти стали появляться первые добровольные подразделения гражданской обороны «Люфтшутц», а после прихода к власти НСДАП началась милитаризация общества и централизация власти. На почве существовавших общественных объединений была создана

Рис. 1. Один из Хохбункеров на Московском проспекте. Фотография из архива «Прусского наследия». 1950–1960 годы

единая организация немецкой гражданской обороны, получившая название «Рейхслюфтшутцбунд» — лига защиты Рейха от воздушных налётов. Под эгидой новообразованного союза в дальнейшем проводились мероприятия гражданской обороны, в том числе велось строительство защитных сооружений.

Одним из распространённых типов убежищ, которые строили для нужд гражданской обороны, были, так называемые, «хохбункеры», которые с началом войны стали строить по всей Германии. Восточная Пруссия с центром в Кёнигсберге находилась в отдалении от центральных районов Германии, а её спецслужбы вели с польской агентурой и советской разведкой ожесточённую борьбу, и не секрет, что в случае начала войны Кёнигсберг стал бы одной из ключевых целей бомбардировок, как центр ГАУ [8, с. 118–179]. Тем не менее победа над Польшей в связи с начатой самой Германией Второй мировой войной до некоторых пор частично обеспечила безопасность её восточных границ. Между тем нарастала угроза войны с СССР, и вопрос о возможной войне двух держав становился все очевиднее.

Руководству Германии было ясно, что наибольший вклад в новых войнах внесёт авиация, полигоном для которой стала гражданская война в Испании. В ходе войны легион «Кондор», воевавший на стороне фашистов Франко, разбомбил Гернику и совершал регулярные бомбардировочные налёты на другие города, вроде Альбасете, который стал первым городом в Испании, подвергшимся бомбардировкам. Бомбардировочная авиация показала себя надёжным оружием террора, особенно эффективным против гражданского населения, так что меры противодействия, учения и проектирование бомбоубежищ незадолго до и во многом после гражданской войны в Испании, были более чем оправданы [8, с. 30].

Точные сведения о годах начала постройки хохбункеров в Кёнигсберге либо отсутствуют, либо автор в настоящий момент ими не располагает. Однако проанализировав годы строительства аналогичных убежищ в Эмдене, Дортмунде и Кёльне, а также взяв во внимание информацию с уцелевшего входного барельефа одного из бункеров в Калининграде, автор готов предположить, что кёнигсбергские хохбункеры строились в течение второй половины 1930-х годов, до 1941 года. Возможно кёнигсбергские бункеры были построены как раз после вступления в силу «экстренной программы фюрера», подразумевавшей строительство большого количества бункеров в 61 городе Германии [3, с. 12; 5, с. 152].

Тем временем в августе-сентябре 1941 года, в качестве ответа на немецкие бомбардировки Москвы, силами советской бомбардировочной авиации был совершён первый налёт на Кёнигсберг [4, 6]. В городе было множество придомовых бомбоубежищ, а также приблизительно десять хохбункеров. Своим видом такие густоармированные, как обнаружилось во время сноса двух из них, бетонные крепости могли внушать населению, что в стенах бункера они неуязвимы. Толщина внешних стен в среднем варьируется от одного до двух метров, потолки были прочнее.

Рис. 2. Дата постройки хохбункера на барельефе одного из объектов в Калининграде. Фотография из архива автора

Для маскировки от авиации на крышах хохбункеров устанавливалась вальмовая черепичная крыша. В СССР над входами в подземные фортификационные объекты существовала своя маскировка в виде малоприметельных зданий. Внутри бункеров было множество отсеков для укрываемых, расположенных, как правило, на нескольких ярусах, от одного до пяти. Внутри убежищ была обустроена система, благодаря которой объекты, подобно советским подземным бункерам, могли вести автономную работу. В этом смысле подразумевается наличие в них фильтровентиляционных установок, которые внешне легко обнаружить по одиноко выступающим вентиляционным шахтам на крышах многих объектов. Также это дизельные генераторы, обеспечивавшие подачу электричества, и возможно, помещения для хранения продовольствия или инвентаря люфтшутц.

Расположение нескольких бункеров у объектов важной инфраструктуры Кёнигсберга позволяет судить о возможности использования этих объектов, как командных пунктов находившихся рядом с ними структур. В свою очередь в СССР многие крупные подземные бункеры тоже представляли собой командные пункты, однако больше военные, например ВВС и ПВО [8, с. 40–42].

На основании вышеописанных фактов и сравнения можно высказать предположение о схожести применения защитных объектов. Однако СССР строил объекты глубже под землю, а Германия, наоборот, как минимум, до последних двух лет Второй мировой войны.

Хохбункерами изредка называют небезызвестные «флактурмы» — бетонные крепости, которые были построены, в частности, в Берлине и Вене. Эти сооружения были рассчитаны на укрытие гражданского населения и зенитных расчётов, однако, в отличие от большинства «классических» хохбункеров, они имели средства «активной» противовоздушной обороны — зенитные орудия и радиолокационные системы. Принимая во внимание

Рис. 3. Хохбункер с вальмовой черепичной крышей. 2010 год. Фотография из архива автора. По состоянию на 2024 год крыша не сохранилась

возможность укрытия населения, их можно считать теми же хохбункерами, только комбинированными, но тем не менее под хохбункером чаще понимается именно невооружённый вариант укрепления [5, с. 157]. Поскольку невооружённые высокие бункеры не вовлечены в борьбу с авиацией активными средствами и направлены сугубо на защиту укрываемых в них лиц, то их строительство следует понимать, как один из методов пассивной противовоздушной обороны.

9 апреля 1945 года город, считавшийся неприступной крепостью, Кёнигсберг, был взят штурмом войсками РККА. Город-крепость, располагавший множеством фортов по периметру, а также значительно усиленный новой, хотя и наспех строившейся военной инфраструктурой незадолго до Восточно-Прусской операции. Подлинных сведений о том, что было хотя бы с одним из хохбункеров в период штурма — нет. Однако не исключено, что так же, как и в других городах Германии, горожане в них укрывались, пока их руинированные дома становились очагами сопротивления. Хохбункеры, несмотря на внушительный вид, сложно представить, как большие ДОТы, ибо они для этого предусмотрены не были ввиду отсутствия, по крайней мере, в кёнигсбергских бункерах, каких-либо амбразур снаружи и внутри. Между тем эти объекты строились в интересах защиты от возможного урона от бомбардировок, а также как упоминалось вначале, они могли подчёркивать образ Кёнигсберга, как города-крепости. Отрывочно цитируя известную фразу советского офицера-артиллериста: «…город — железобетонный кулак, покрытый туманом и мглой…». По крайней мере, хохбункеры поддерживают этот образ бывшего Кёнигсберга. И имеют свою сакральную ценность, подчеркивая значимость препятствия, преодолённого русским солдатом. В них объединено это, а также страдания вовлечённого в войну мирного населения.

До 1990-х годов многие объекты городской фортификации в общем, и хохбункеры в частности, почти не осваивались в качестве музейных объектов. Однако в последние годы XX века и в течение «нулевых» годов XXI века в германских городах — в Эмдене, Швайнфурте, Кёльне и других — в построенных в годы Второй мировой войны хохбункерах, открывались музейные экспозиции. Наполнение многих из них представляет собой период власти национал-социалистов и связанных с их преступлениями событий — бомбардировки и то, как города их переживали, быт в убежищах, экспозиции, посвящённые холокосту [1; 2]

В завершение отметим, что тема имеет потенциал развития, даже при том, что никакая документация по хохбункерам в Кёнигсберге не сохранилась в принципе. Кроме того, у хохбункеров, на примере иностранных коллег, есть и музейный потенциал, вполне реализуемый и в силу «инородности» этих сооружений для России.

Список источников и литературы

1. Bunkermuseum Emden. / Электронный ресурс: URL: https://bunkermuseum.de/en/museum/ (дата обращения: 17.01.2024)
2. Deutsches Bunkermuseum Schweinfurt. / Электронный ресурс: URL: https://www.deutsches-bunkermuseum.de/bunker-wiki/hochbunker/ (дата обращения: 17.01.2024)
3. Vom Krieg zur Kunst Hochbunker Körnerstraße 101. Электронный ресурс: URL: https://www.bunkerk101.de/storage/2018/08/Bunker-Broschüre_finale.pdf (дата обращения: 17.01.2024).
4. Боевое донесение № 2, штаб 432 авиаполка КАЗАНЬ 28.8.41, 11.00 м, карта.1000000. / Электронный ресурс: URL: https://airpages.ru/raid1000/1943_746bd_113.shtml (дата обращения: 17.01.2024).
5. Кауфман Дж. Фортификация Второй мировой войны 1939–1945. Европа. Крепости, доты, бункеры, блиндажи, линии обороны / пер. с англ. В. Феоклистовой. Москва: Эксмо, 2006. 408 с.
6. Оперативная сводка № 1 к 10.00 1.9.41 г. штаб 432 Авиаполка, КАЗАНЬ, карта1000000. / Электронный ресурс: URL: https://airpages.ru/pe8/kenigsberg_mission.shtml (дата обращения: 16.01.2024).
7. Черенин О. В. Шпионский Кёнигсберг. Операции спецслужб Германии, Польши и СССР в Восточной Пруссии. 1924–1942. М.: Вече, 2012. 320 с.
8. Юрков Д. Е. Советские «секретные бункеры». Городская специальная фортификация 1930–1960-х годов. 1-е изд. Москва: АНО ЦИСФПС, 2022. 352 с.

Shushenachev Ilya Denisovich
Student of the Faculty of History
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Immanuel Kant Baltic Federal University»

KALININGRAD HOCHBUNKERS: RESEARCH AND MUSEUM POTENTIAL

Key words: *Hochbunker, Königsberg, Germany, aviation, bombing, active and passive air defense, flakturm.*

Annotation. *The topic of this article was chosen to be not quite ordinary, inherited by Russia fortifications of the Second World War in the territory of the Kaliningrad region. In particular, ground multi-tiered shelters for civilians, the so-called*

«hochbunkers» — «high bunkers». In the article, the author briefly outlines and analyzes the history of construction, as well as the purpose of these objects. Conducts an analysis of the Soviet and German approaches to the technical equipment of large protective facilities, and also assesses the potential for developing the theme of "high bunkers" in Russia and answers the question about the possibility of organizing a museum exhibition in such facilities.

Грибкова Виктория Викторовна
директор МБУК «Велижский районный историко-краеведческий музей»

УДК 623.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.65.79.001

ВЕЛИЖ: УТРАЧЕННЫЙ ПАМЯТНИК ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Ключевые слова: *пограничный город, крепостные сооружения, исторический облик города.*

Аннотация. *Первоначально слово «город» означало «забор», «ограда», «огороженное место», потому как древние славяне старались разными способами оградить свои поселения, защитить от врагов, диких животных и т.д. Позднее городами стали называться крупные поселения, огороженные крепостной стеной.*
Во многих городах России, в том числе и малых, можно отыскать какие-либо следы былых крепостных сооружений. Оборонное зодчество является неотъемлемой частью русской деревянной архитектуры.
К сожалению, деревянное зодчество долгий период не вызывало интереса у исследователей. Оно воспринималось как заурядный атрибут поселений и не заслуживало внимания. Не считая древние постройки ценными, их обычно ликвидировали под предлогом ветхости.

Велиж, как и многие пограничные города, неоднократно подвергался разорению и переходил из рук в руки.

До настоящего времени точная дата основания города Велижа не установлена. Одним из известных источников, где впервые упоминается Велиж, является «Хроника Быховца». «Хроника Быховца» представляет собой ценнейший источник по истории Великого княжества Литовского за период от начала существования этого государства до 1506 (1507) г. по разным источникам. В хронике сказано, что «…пойдзе князь великий Витольд, собрався под города Псковия: Велиж, Красный город…». В XIV в. Велижская волость находится в составе Великого княжества Литовского на правах наместничества.

С 1533 года Велиж в составе Московского государства. Из-за постоянных набегов литовцев Москва была вынуждена укреплять свои границы и возвести на литовском рубеже ряд крепостей, в том числе и в Велиже.

Как укрепленный пункт Велиж упоминается в царственной книге Ивана Грозного, которая содержит изложение событий времени правления царя Ивана Грозного с сентября 1533 года по март 1553 года. В 1536 году Иван Грозный издает указ о строительстве деревянной крепости на старом велижском городище — Замковой горе. «В лето 7044 апреля в 19 день князь Великий Иван Васильевич и мати его Великая княжна Елена велела поставити город в Торопецком уезде на Велижском городище, город Велиж, и доделать месяца июля, в третье лето государства его». Именно с этого времени ведется отсчет официального рождения города Велиж.

Деревянная крепость Велиж стала стратегическим пунктом в обороне западных границ. Треугольное городище защищалось с северо-запада рекой Западная Двина, с северо-востока — крутыми склонами над ручьём Коневец, а с юго-востока — валом и рвом. Рельеф, ландшафтное окружение, река — эти природные компоненты не только защищали поселение, но и усиливали выразительность его облика. Это место было хорошо защищено самой природой и выгодно в стратегическом отношении.

Крепость строили по типу земляного города в Москве, как и многие древесно-земляные укрепления того времени. Для строительства замка были определены мастера-фортификаторы Иван Рудак и Иван Колычев: «…Крепость строили Иван Рудак, Иван Колычев, а с ними были в товарищах торопецкие помещики Детялина Осокин, Злоба Иванов сын Чеглаков, Данила Иванов сын Игнатьева, Микита Чихачов». Основные работы были закончены в июле 1536 г. Крепость была возведена в виде трех дубовых срубов, заполненных глиной. Наружные стены также были обложены глиной. Крепость была вооружена пушками и обеспечена снаряжением, боеприпасами и продовольствием, доставленным из Торопца по Двине, что позволяло выдержать длительную осаду. Для несения службы в крепость были назначены военачальники: «…Федор Семенович Колычев, князь Елецкий, Мишка Квашнин, Михаил Карамышев, Степан Кошкин…», которые приняли служилых людей из других городов, из местных жителей и поставили их под начало голов, назначенных из боярских детей.

Расположенная на самом высоком месте в Велиже, на берегу Двины, крепость в самое короткое время была приведена в боевую готовность. В устье речки Каневец соорудили плотину, которая подняла уровень воды настолько, что это позволило заполнить глубокие рвы вокруг крепости. Склоны рвов были уложены бревнами, которые от воды покрылись водорослями и стали скользкими. На стенах и крепостных башнях были установлены орудия. На южной стене возвышалось 3 башни, на западной — 1, на северной — 1, на восточной — 2. Из ворот северной башни шла дорога через плотину на посад. Ров с южной стороны крепости перекрывался земляной дамбой, которая служила мостом к воротам южной башни, стоящей на берегу Двины. Угловая башня северной стены имела также въездные ворота, из кото-

рых дорога по мосту через Каневец вела в посад. Несмотря на то, что крепость была древесно-земляная, она была очень прочная и, простояв более 100 лет, выдержала многие осады. [1, с. 22]

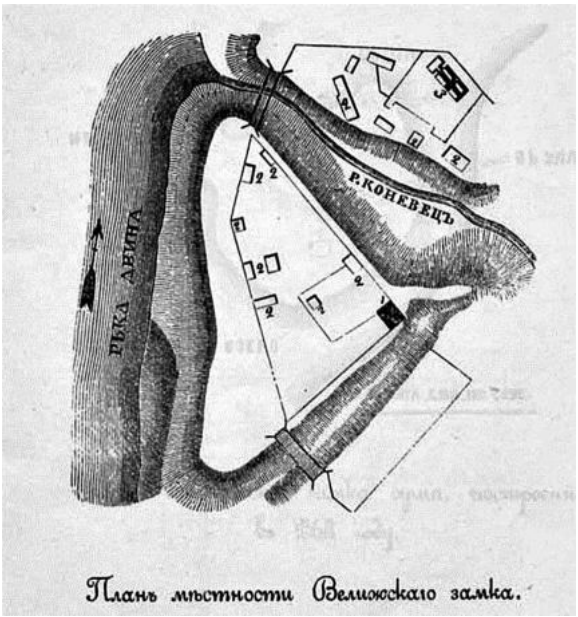


Рис.1 План местности Велижского замка [2]

Велиж, являясь хорошо укрепленным городом, имел в этот период для обороны русской границы большое значение. Не случайно в 1538 году послы польского короля Сигизмунда настойчиво требовали ликвидации Велижа как укрепленного пункта: «Новые городки… Заволочье, Себеж и Велиж и те бы городки велел бы разорить, чтоб их не было. Так господарь наш перемирья хочет с вашим государем».

В описании Велижа 1665 г. город имеет крепость и слободу ремесленников в 118 дворов. На валах — дубовые стены и 8 башен, из которых 2 воротные: северные «Нижние Большие ворота» и южные «Слободские ворота». Остальные башни были глухими. «Большая Угольная», «Глухая», «Свинка» и башня «Кривая» были обращены к реке Западная Двина. Башни «Тиунова» и «Загорная» — к слободе.

Все постройки крепости и в слободе были деревянные.

К концу 1678 года Велиж утратил военно-стратегическое значение. 15 июля 1697 года Велижская крепость сгорела от удара молнии.

В 1772 году при Первом разделе Речи Посполитой Велиж окончательно вошел в состав России. Был составлен инвентарный акт, в котором дается подробное описание Велижского замка и строений. Из акта следует, что замок был окружен забором из бревен. Конструкция забора представляла собой рубку «в шулы». Ворота забора двухстворчатые, выбитые железными гвоздями на железных завесах с большим висячим замком и с двумя железными скобами для закрытия бревном. Ворота замка покрыты гонтом.

Замок имел два тюремных строения, пекарни, полы которых были выложены кирпичом, сараи, помещения для скота, казны и архива. Все строения также покрыты гонтом, а склепы — черепицей.

Пруд между замком и земляным укреплением имел два шлюза: верхний и нижний. Оба сделаны из бревен. На шлюзах — мосты с поручнями. Пруд обнесен забором, который укреплен землей.

Остатки крепости еще были видны в 1895 году, когда велижский купец О. Киселев в монографии «Велиж» писал: «…остатки фундамента и земляных насыпей велижской крепости сохранились и по настоящее время».

Крепостные сооружения безусловно играют огромную роль в изучении истории нашего края, отражают героическое прошлое русского народа, осуществляя связь времен и поколений, остаются ценнейшим культурным наследием.

В настоящее время остатки древних городищ на Велижской земле с трудом угадываются в рельефе местности. Те малые сведения о Велижской крепости, которые зафиксированы в архивных источниках и литературе, безусловно дополняют наши представления об историческом облике Велижа.

Список источников и литературы

1. Казаков Н. А. Из истории Велижа и района.— Смоленск: Смоленская городская типография, 2002. 277, [2] с.
2. Оттиски видов храмов, священных предметов, городов Северо-Западного края, народных типов Витебской губернии и предметов древности.— Витебск: Губернская Типография, 1891. 57 с.

Gribkova Victoria Viktorovna
Director of the MBUK «Velizh District Historical and Local History Museum»

VELIZH: A LOST MONUMENT OF WOODEN ARCHITECTURE

Key words: *border town, fortifications, historical appearance of the city.*
Annotation. *Initially, the word «city» meant «fence», «enclosure», «fenced place», because the ancient Slavs tried to fence their settlements in different ways, protect them from enemies, wild animals, etc. Later, large settlements surrounded by a fortress wall began to be called cities.*

In many cities in Russia, including small ones, you can find some traces of former fortifications. Defensive architecture is an integral part of Russian wooden architecture.

Unfortunately, wooden architecture did not arouse the interest of researchers for a long period. It was perceived as an ordinary attribute of settlements and did not deserve attention. Not considering ancient buildings valuable, they were usually liquidated under the pretext of dilapidation.

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧНОГО И ТРАНСГРАНИЧНОГО В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ»

ОБРАЩЕНИЕ
Губернатора Смоленской области
Василия Николаевича Анохина
к участникам II Международной
научной конференции «Феномен
пограничного и трансграничного
в истории и культуре», посвященной
370-летию возвращения Смоленска
в состав Российского государства

Уважаемые участники и гости конференции!

Приветствую вас на древней героической Смоленской Земле.

В этом году мы отмечаем знаменательную дату — 370-летие возвращения Смоленска в состав Российского государства. Успех кампании 1654 года, в ходе которой Московское войско во главе с царем Алексеем Михайловичем одержало важные победы над силами Речи Посполитой, однозначно определил дальнейшую историческую судьбу древнего, исконно православного города на Днепре.

Обращение к урокам истории приобретает особую актуальность в наши дни, когда России вновь приходится противостоять враждебным силам, отстаивая свой суверенитет и культурную идентичность.

Смоленский край издавна являлся местом, где пересекались магистральные торговые пути, связывавшие разные части Евразийского континента. На этом историческом перекрестке встречались представители разных племен, культур и религий. Не всегда эти встречи проходили мирно. Свидетельство этому — укрепления, возведенные в разные исторические эпохи, самым значимым из которых является Смоленская крепостная стена.

Со времен позднего средневековья Смоленщина была и до наших дней остается пограничной землей, где совершали подвиги наши предки, стоявшие на западных рубежах России, и где сегодня живут современные защитники Отечества. Но важно помнить и понимать, что всякий раз после окончания войн здесь оживал межнациональный диалог, становившийся одним из ключевых факторов восстановления хозяйственной и культурной жизни.

Желаю участникам конференции плодотворной работы.

Пусть расширение международного научного диалога на площадке Государственного музея «Смоленская крепость» всемерно способствует совершенствованию регионального культурного ландшафта и вносит значимый вклад в формирование новых стратегических векторов развития Смоленской области.

ОБРАЩЕНИЕ
Директора Департамента информации и печати Министерства иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайного и Полномочного Посла, кандидата исторических наук Марии Владимировны Захаровой к участникам II Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре», посвященной 370-летию возвращения Смоленска в состав Российского государства

Дорогие друзья! Я рада приветствовать организаторов и участников второй Международной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре».

Тема форума, собравшего представителей разных стран и народов, является исторически важной и актуальной в свете сегодняшней геополитической ситуации особенно. С одной стороны, пограничные территории всегда были зонами конфликтов, но с другой — способствовали развитию межкультурного общения и превращались в питательную среду взаимообогащающего диалога. В этой связи неслучайно, что нынешняя конференция происходит именно в Смоленске. Смоленск на протяжении истории находился в центре политической жизни нашей страны. Я хотела бы вспомнить слова Президента Российской Федерации Владимира Путина: «Все мы хорошо знаем и гордимся тем, какую огромную роль в истории всегда играл Смоленск — город-герой, “щит России”». Несмотря на свое пограничное положение, город всегда сохранял связь с Российским государством, не забывал о своих корнях и традициях и, придерживаясь Православия, даже при длительном периоде иностранной оккупации был верен истинным ценностям. Он всегда являлся успешным примером мирного существования различных этносов и культур.

370 лет назад Смоленск воссоединился с Российским государством. Вспоминая эти события, мы отдаем должное мужеству и военному искусству царя Алексея Михайловича, который стоял во главе русской армии, направившейся на берега Днепра, опытным и талантливым российским дипломатам — Афанасию Ордину-Нащокину и Василию Голицыну. После победоносной военной кампании битву за Смоленск продолжали дипломаты за столом переговоров и закончили ее лишь в 1686 году заключением Вечного мира. Более 30 лет они неуклонно укрепляли западную границу государства и боролись за международное признание воссоеди-

нения Смоленска с Россией. Нам необходимо беречь и чтить память о тех, кто героически защищал пределы нашей земли. А патриотическое воспитание молодежи — всегда было приоритетным направлением государственной политики нашей страны.

От всей души желаю участникам конференции насыщенной и плодотворной работы, профессионального общения и успеха в научной деятельности. Благодарю за внимание. Успехов вам!

ОБРАЩЕНИЕ
Председателя Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по международным делам, доктора экономических наук Леонида Эдуардовича Слуцкого к участникам II Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре», посвященной 370-летию возвращения Смоленска в состав Российского государства

Уважаемые коллеги и друзья!

Рассматриваемый на конференции в Государственном музее «Смоленская крепость» комплекс научных проблем границ, пограничных конфликтов и диалога является очень острым в обстоятельствах современного мира. Уверен, что такие конференции должны способствовать лучшему пониманию происхождения многих современных противостояний между народами и государствами. Участники научного форума должны обсудить возможные пути преодоления вековых рубежных противоборств. Важнейшим среди них всегда являляется налаживание диалога между разными народами в самых различных сферах — диалога, основанного на взаимном доверии и уважении. Именно благодаря межнациональному общению в пограничных землях рождались порой удивительные произведения искусства и литературы.

Смоленская земля имеет славные традиции героической защиты рубежей Отечества и богатый опыт выстраивания трансграничных связей в прошлом и настоящем. Конференция, проходящая в дни юбилея освобождения Смоленска от владычества Речи Посполитой, безусловно станет значимым событием в научной и культурной жизни региона, издревле являвшегося надежным щитом нашей столицы. Напомним, что именно в 1654 году были возвращены русские теерритории и перенесена государственная граница, что в дальнейшем отразилось на мировом положении в целом. Крупнейшая кирпичная крепость мира — Смоленская крепостная стена является ярчайшим памятником этим событиям.

Желаю всем собравшимся в Смоленске плодотворной работы и новых достижений на ниве науки и просвещения.

Абдулманова Ирина Валерьевна,
доктор исторических наук, профессор
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический
института МВД Российской
Федерации имени И. Д. Путилина»

УДК 94

DOI 10.54016/SVITOK.2025.84.70.034

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: *трансграничность, александрийская интеллектуальная традиция, Косьма Индикоплов, «Христианская топография».*

Аннотация*: В статье рассмотрены особенности трактата александрийского интеллектуала VI века Косьмы Индикоплова «Христианская топография». Этот труд является ярким примером трансграничности александрийской интеллектуальной традиции в плане ее прямого выхода за рамки своего собственного локуса и степени её влияния на становление научной атмосферы в других регионах мира. Сочинение Косьмы способствовало формированию новой, хоть и в чем-то упрощенную систему Вселенной. Описания тех стран, которые он посетил (в том числе Индии и Китая), отличались точностью и объективностью, что делает работу наиболее ценной для исследователя. Именно в «Христианской топографии» впервые появился иллюстративный материал как наглядное описание увиденных автором мест. Впоследствии практика использования иллюстраций стала широко применяться в византийской и древнерусской литературе.*

Трансграничность александрийской интеллектуальной традиции можно рассматривать одновременно в нескольких плоскостях. С одной стороны, это медиевальная трансграничность, когда произошел переход интеллектуального наследия из поздней античности в раннее средневековье, вследствие чего состоялся выход александрийского интеллектуализма за границы только лишь Византийской империи, затронув другие государства и культуры. С другой, трангсграничность александрийского интеллектуализма может выступать как важная составляющая его сугубо индивидуальной

научной традиции, берущей свое начало со времени образования города Александром Македонским и привлечением туда ученых из разных стран мира, что позволило Александрии приобрести на несколько столетий статус одного из главных научных центров Восточной империи.

В рамках данной статьи мы предпримем попытку рассмотреть трансграничность александрийской интеллектуальной традиции в разрезе ее прямого выхода за рамки одного только александрийского локуса и степени её влияния на становление научной атмосферы в других регионах мира. В этой связи особенности подобной трансграничности, на наш взгляд, лучше всего проследить на примере профессиональной деятельности видного представителя уже не столько позднеантичного, сколько медиевального александрийского мира — Косьмы Индикоплова (Κόσμας Ἰνδικοπλεύστης, *прим.* — Косьма, плавающий в Индию), чья работа «Христианская топография» (Χριστιανικὴ Τοπογραφία) [3, с. 7] стала популярной сначала в Византии, а потом и в Древней Руси.

Труд был написан в промежутке между 545 и 547 годом [4, с. 12]. Первый пример трансграничности научного знания можно найти в самой системе интеллектуальных воззрений Косьмы, которая до настоящих дней вызывает у исследователей большое количество споров. Некоторые исследователи считали его последователем антиохийской традиции [2, с. 38], другие называли представителем александрийского интеллектуализма. Первая версия получила большее распространение, поскольку антиохийцы отличались большей консервативностью и непримиримостью по отношению к античному наследию, что и продемонстрировано Косьмой в его труде [2, с. 38]. Аналогичную позицию занимает и Н. Н. Болгов [4, с. 50], увязывая наследие Косьмы с идеями Феодора Мопсуэстийского и Патрикия (Мар-Абы).

Трансграничность наследия Косьмы прослеживается в самом содержании работы. Так, в качестве основной цели он упоминал необходимость формирования нового христианского мироустройства Вселенной, а также поиск доказательств истинности Священного Писания (Cos-mas Ind. Top. Chr. Prologue, 1) [1]. В «Христианской топографии» автор расширил свое описание мира до Китая, проводя путь от него до Средиземного моря и далее до Гадейры (Cosmas Ind. Top. Chr., X, 12). Помимо описания строения земной плоскости и стран, которые Косьма посетил, в работе также упоминается описание флоры и фауны этих государств. Отдельное внимание было уделено Эфиопии (Cosmas Ind. Top. Chr., XII, 12). Он упоминает о товарно-денежных отношениях эфиопцев, а также указывает, что в стране распространены носороги, оленебыки (Cosmas Ind. Top. Chr., XI, 318, 22–28), камелопарды (верблюдо-барсы), гиппопотамы (Cosmas Ind. Top. Chr., XI, 319, 1–10; 320, 15–18).

Некоторые исследователи ставят под сомнение факт посещения Косьмой Индии. Возможно, это было обусловлено тем, что для VI века знания

об Индии представляли огромную ценность ввиду их скудности и ограниченности. Началом Индии Косьма назвал Синд и определил, что оттуда вывозились кунжут (сезамовое масло (*Sesamum Indicum*)), валериана, касторка, мускус. Южнее Мумбаи (район Малабара) рос перец, в результате чего этот регион был назван «землей перца». Среди индийской фауны Косьма выделяет слонов и буйволов [4, с. 46].

Особое внимание в «Христианской топографии» уделено описанию Цейлона, который в VI веке стал центром отношений между Восточной Африкой и Китаем (Cosmas Ind. Top. Chr., XI, 13). На Цейлоне добывали драгоценный камень иакинф, выступавший основным предметом торговых отношений. Также Косьма описывал Китай и два пути к нему — морской и сухопутный [4, с. 37]. До Косьмы в Китай был известен только сухопутный путь. Важной заслугой Косьмы стало то, что он отметил два европейских названия, применявшиеся к обозначению выходцев из Китая. Одно использовалось для обозначения жителей северного Китая, другое — южного [4, с. 37]. Те сведения, которые были обозначены в «Топографии» Косьмой о Китае и иных восточных государствах долгое время не были превзойдены ни византийской, ни европейской научной мыслью [4, с. 47].

Важное значение «Христианской топографии» для интеллектуального наследия Александрии стало наличие в ней художественных образов — миниатюр. Кроме того, это единственный литературный памятник VI века, в котором содержатся карты (присутствуют во всех трех сохранившихся списках рукописи).

Таким образом следует отметить, что Косьма Индикоплов действительно сформировал новую, пусть и в чем-то упрощенную систему Вселенной. При этом описания тех стран, которые он посетил (в том числе и ранее неизученных Индии и Китая), отличались точностью и объективностью, что делает работу наиболее ценной для исследователя. Также именно в «Христианской топографии» впервые появился иллюстративный материал как наглядное описание увиденных автором мест. В дальнейшем практика использования иллюстраций стала широко применяться в византийской и древнерусской литературе.

Список источников и литературы

1. Cosmas Indicopleustes. Topographie chretienne / Ed. W. Wolska-Conus. T. I–III. — Paris, 1968, 1970, 1973. — 504 p.
2. Баранкова Г.С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. II. — СПб.: Алетейя, 2001. — 971 с.
3. Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Ч. II. Тексты плоскостнокомарной и других космологических традиций / Изд. подг. В. В. Мильков, С. М. Полянский. — СПб.: ИД «Міръ», 2008. — 624 с.

4. Косьма Индикоплов и его «Христианская топография» / Отв. ред. Н. Н. Болгов.— Белгород: НИУ «БелГУ», 2015.— 112 с.

Abdulmanova Irina Valerievna,
Doctor of Historical Sciences, Professor of Federal State Educational Institution of Higher Education "Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. D. Putilin"

ON THE QUESTION OF THE PROBLEM OF THE TRANSBOUNDARY NATURE OF THE ALEXANDRIAN INTELLECTUAL TRADITION

Key words: *transboundary nature, Alexandrian intellectual tradition, Cosmas Indicopleustes, «Christian Topography».*
Annotation. *The article examines the features of the treatise of the 6th century Alexandrian intellectual Cosmas Indicopleustes «Christian Topography». This work is a striking example of the transboundary nature of the Alexandrian intellectual tradition in terms of its direct extension beyond its own locus and the degree of its influence on the formation of the scientific atmosphere in other regions of the world. Cosmas's work contributed to the formation of a new, albeit somewhat simplified, system of the Universe. The descriptions of the countries he visited (including India and China) were distinguished by their accuracy and objectivity, which makes the work most valuable for the researcher. It was in the "Christian Topography" that illustrative material first appeared as a visual description of the places seen by the author. Subsequently, the practice of using illustrations became widely used in Byzantine and Old Russian literature.*

Александров Сергей Викторович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУК «Государственного музея «Смоленская крепость»

УДК 94(47).045

DOI 10.54016/SVITOK.2025.51.50.035

СОБЫТИЯ НА СМОЛЕНСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ ВЕСНОЙ 1609 ГОДА

Ключевые слова: *Смутное время, Смоленск, порубежье, набеги, переговоры, воевода М. Б. Шеин, заставы.*

Аннотация: *Статья посвящена событиям, происходившим на смоленском пограничье между Московским царством и Речью Посполитой, предшествовавшим осаде Смоленска в 1609–1611 гг. Рассказано о регулярных набегах, которые регулярно совершал на территорию Смоленской земли литовские и польские отряды. Охарактеризованы дипломатические маневры и военные мероприятия воеводы М. Б. Шеина. Одним из главных выводов автора является признание положительной роли пограничных застав, пытавшихся сдержать натиск захватчиков, в тоже время показана их малая эффективность, связанная с неспособностью смоленского населения мобилизоваться на отпор врагу в условиях гражданской войны. В тоже время полякам не удалось найти опору своим агрессивным планам среди жителей Смоленского уезда.*

В начале XVII века в России начались страшные события, которые получили название «Смутное время». И эти события оказали огромное влияние и на русско-польские отношения, и на положение на границах Смоленского уезда.

Уже осенью-зимой 1608–1609 годов польские войска стали сосредотачиваться на русских границах, о чем доносили лазутчики в Смоленск. «*… Пехота Ходкевича сем сот с пушками у Быхова и в Могилеве, они говорили, что весной пойдут на Смоленск*». Из Минска пришло известие, что там стоят шесть сотен солдат [1, с. 172–173, 174–175].

Осенью 1608 года начались систематические набеги литовцев на смоленское порубежье. В октябре староста Велижа Александр Гонсевский направил для захвата Щуческой волости Смоленского уезда 300 человек во главе со своим братом Семеном. И те литовские люди «*земли отводят к Вележу*

вдол на семьдесят верст, а поперег на двадцать верст, и из Щуческой волости идут в Порецкую» [4, с. 2]. Набеги поляков на смоленские земли были и раньше, о чем писали крестьяне в своих челобитных [2, с. 432–445]. Но если раньше они были вызваны стремлением пограбить смоленских крестьян, то набег Семена Гонсевского нес в себе определенную политическую направленность.

В условиях, когда в Польше началась подготовка к войне с Россией, часть литовских магнатов посчитала необходимым, направить экспансию короля на Смоленск. Набеги Александра Гонсевского должны были стать определенным козырем в борьбе польских и литовских магнатов за цели будущего похода. Если литовцы стремились направить короля на Смоленск, то поляки желали идти к Москве через Северскую украину.

Поводом для войны с Россией послужил договор, заключенные Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским со Швецией в феврале 1609 года. Он помог убедить сенаторов в необходимости похода на Москву. Уже зимой-весной 1609 года шляхта на своих сеймах и сеймиках, как пишет Станислав Жолкевский, «*одобрила поход на Москву и были согласны в том, чтоб король не упускал сего случая*» [3, с. 18]. Весной 1609 года набеги Гонсевского на смоленское порубежье приняли угрожающий характер. В марте Семен Гонсевский с тремястами ратными людьми пограбил четыре деревни Щуческой волости «*и животы и станки поимали, а иных в полон поимали*». 25 марта отряд Семена напал на погост Плаи, литовцы разграбили крестьянское и церковное имущество, «*а животы и станки у крестьян все пограбили, а лошадей взяли пятьдесят, да три коровы, да пятнадцать быков и нетелей*» [4, с. 3–4; 1, с. 215]. В апреле поляки пришли в соседнюю Порецкую волость и пограбили деревни Козырево, Немытково, Кондаково. Крестьяне этих деревень писали в челобитной: «*нас бедных сирот… воевали, да сожгли в трех деревнях пятнадцать дворов и на тех дворах сожгли и ржи и ярового хлеба тыщу и тридцать в смоленскую меру, да на тех дворах сожено коров и всякой дробной животины пятьсот, да взяли наших животов в полон в тех же трех деревнях пятьдесят лошадей, да сорок коров, а так же выдрали семьдесят роев пчел*». В других челобитных крестьяне рисуют подобную картину: «*а нас бедных сирот твоих государевых секли на смерть и мучили всякими муками из денег… и животы наши, лошадей и коров, и всякую животину, и платя побрали, и дворы, и клети, и гумна с хлебом пожгли…*», «*… утопили в реку Касплю жонку да девку, да поймали крестьянина Свиридка Тимофеева, и вымучили пятнадцать рублев денег…*» [4, с. 4–5; 1, с. 215, 292–293].

Кроме прямого грабежа смоленских деревень братья Гонсевские проводили «агитацию», заставляя крестьян переходить на сторону польского короля. Иван Жидовинов доносил в Смоленск, что «*… пан же Олександра* (Александр Гонсевский — С.А.) *присылал крестьян Вележского повета в Щу-*

ческую волость к крестьянам с грозами, а приказывает он щуческим крестьянам: "живите за мной не бойтесь от нас войны вам не будет, а которые крестьяне Щуческой волости не имут за нами жити, и нам де их хлеб и их жати воевати, и негде им от моих литовских людей не избыти"». Крестьяне Щучьской волости показали: «*ходили с литовскими людьми в Порецкую волость, а брали их неволею с татарами засеки засекать, ходили с саблями*»[1, с. 420–421; 4, с. 24].

Еще осенью 1608 года поляки отводили земли в Щуческой и Порецкой волостях в свою пользу. То же самое происходит и весной 1609 года. В апреле крестьяне Порецкой волости писали в челобитной: «*пришел государь с Велижа пан Шимон (Семен — С.А.) Гонсевский с Вязьмены Бродою рекою… да вышел прямо в Порецкую волость в деревню Веретею… да отошли Государеву Порецкую волость Касплею вниз до Сурожского рубежа, двадцать две деревни*». О том же писал Иван Башмаков их Щуческой волости: «*… и Васька Боровлев сказал в распросе, что Литва де к нам приезжает и емлют на нас подати всякие… а заходят они и отводят земли сами*». В. Румянцев в донесении Шеину писал: «*государеву землю отходят и своять Щуческой волости по реку Сопшо, да по Рытовицу, да по Половю*» [1, с. 214, 217; 4, с. 11, 24].

Захват двух волостей позволил бы полякам приблизить границу к Смоленску примерно на 45 километров, что ускорило бы подход польской армии к городу. О том, что такой захват был нужен Гонсевскому для обеспечения похода на Смоленск, говорит тот факт, что он приказывал крестьянам обоих волостей «*дороги ширить и мосты мостить… и те крестьяне… дороги ширят и мосты мостят*».Для пресечения связи Смоленска с армией М. В. Скопина-Шуйского А. Гонсевский летом 1609 года готовился к походу на Белый, а в июле он выступил под Торопец [1, с. 292–293].

Весной поляки действовали не только путем насилия, но и посредством дипломатии. 10 апреля (20 апреля — по новому стилю) староста Орши Андрей Сапега направил смоленскому воеводе Михаилу Борисовичу Шеину письмо, в котором говорилось, что король просил А. Гонсевского съехаться с воеводой на Велижском рубеже и «*сразумиться о том як бы посланнику его королевской милости з листы безпечно и вольно пройти… и о иных потребных делах разговориться*». На следующий день письмо М. Б. Шеину направил А. Гонсевский с предложением «*уговор учинить… про рубежные дела*» [1, с. 223, 224]. Воевода согласился на переговоры и решил послать на них своим представителем Андрея Дедевшина.

Была ли целью переговоров сдача Смоленска? В своем письме Гонсевский пишет: «*бояре Московские насильством волость Велижскую приехали… и королевское величество и паны тому подчинилися, и приказали мне старосте Велижскому держать рубеж по старине, как спокон веку было по Ельшо озеро и по речку Половю, и по Касплю… и ты бы Михаил Борисович*

за эти рубежи старинные… вступаться не велел и как судьи будут на рубеже с обоих сторон и тое дело на мир не поставят» [1, с. 224]. Тем самым, Гонсевский требовал пересмотра старых рубежей, и стремился добиться от смоленского воеводы переноса границы на восток. В письме и слова не говорится о сдаче города. Литовские паны, надо полагать, прекрасно понимали, что М. Б. Шеин не согласится на сдачу Смоленска. В ответном письме воевода также говорит о пограничном рубеже, который, согласно перемирию 1608 года, проходит по речке Студенец и реке Дороговице [4, с. 15]. Таким образом, источники не содержат доказательств, что на переговорах должен был решаться вопрос о сдаче Смоленска.

14 апреля 1609 года Шеин согласился на переговоры, о чем писал Ивану Башмакову. Но уже 26 апреля воевода сообщал в Москву: «*а на съезд мы никого не послали, потому что А. Гонсевский послал с Велижа своего брата Семена и с воры, и с литовскими людьми на Благовещеньев день в Смоленский уезд войною, и деревни выжгли и людей в полон поимали, и земли Щуческой волости к Велижскому рубежу отводили*» [1, с. 239–240]. Похожее письмо Шеин написал Андрею Сапеге: «*и яз по твоему письму на договор к Олекасандру Гасевскому не послал никого потому, что после посольского договора и укрепления польские и литовские люди и по ся места в государя нашего государстве кров крестьянскую проливают и землю государя нашего пустошат*» [4, с. 16].

Отказ от переговоров был связан с изменением ситуации на границе. До середины апреля поляки еще не захватили большой территории, и скорее всего, до этого времени не было массового отвода смоленских земель. К концу месяца положение изменилось. Поляки захватили земли до реки Каспли [1, с. 217]. А ехать на рубеж, предложенный А. Гонсевским, значило де-факто признать захваты поляков.

Вторая цель, которую ставил А. Гонсевский, захватывая Смоленские волости, была связана со стремлением найти на Смоленщине опору своим агрессивным планам. А. Гонсевский стремился оказать нужное влияние на все слои смоленского населения.

Поляки хорошо знали, что значительная часть русского населения отказывается признать царскую власть, и они полагали, что определенная часть жителей Смоленского уезда может перейти на их сторону. Гонсевский считал, что чем сильнее он дезорганизует жизнь Смоленского уезда, тем быстрей смоляне перестанут поддерживать М. Б. Шеина, и признают власть польского короля.

Какие же меры принимали воеводы для обороны смоленских рубежей весной 1609 года?

В марте в Щуческую волость был послан дворянин Василий Румянцев с приказом Шеина: «*над литовскими людьми промышлять сколько бог помочи подаст и засеки от литовского рубежа засекати…*» [4, с. 9]. Но при-

быв в волость, Румянцев столкнулся с полной безответственностью дворян и со страхом крестьян перед поляками. На заставе было всего пятеро детей боярских, и вся тяжесть по охране границы легла на крестьян. До апреля В. Румянцеву удалось построить ряд засек. 25 марта он сообщал в Смоленск: «*по литовскому рубежу по дорогам и по стешкам сторожи поставил и подымных людей собрав, поставил на заставе деревне Щукине…*» [4, с. 9]. Но уже в апреле положение изменилось. Во время набегов А. Гонсевского слабо вооруженные крестьяне не могли оказать сопротивления захватчикам и разбегались с застав. В начале апреля В. Румянцев доносил Шеину: «*а пан Шимон с литовскими людьми сторожей с сторожи разогнали с рубежа и мужики разбежались по лесам и мне стоять не с кем на сторожи ставить некого… засека не засечена на 50 верст от Ельша до Бельского рубежа… А Щуческой волости сотники со своими сотнями не бывали, как я приехал в Щуческую волость… Дворяне с разных боярщин … ни один человек не слушает и на заставу не ходят*» [4, с. 12].

В условиях полной дезорганизации волостной службы Румянцев не мог осуществить эффективную защиту границы. В апреле он писал, что «*крестьян нет, стоять мне не с кем, и мне на Плаи, на рубеж литовский идти не с кем, и на сторожи ставить некого… а дети боярские от меня разъехались, со мной Щуческой волости один десяток… сто человек*».Здесь же Румянцев пишет: «*литовские люди… земли отводят сквозь Щуческую волость по Соложу и Половю*» [4, с. 12].

В ответ на эти донесения воевода поставил еще одну заставу в Порецкой волости во главе с дворянами Иваном Башмаковым, Гаврилой Чебышевым и Дмитрием Дементьевым. В отличие от заставы Румянцева эта застава состояла из двух сотен дворян и из сотни архиепископских и монастырских служек [4, с. 12]. Наличие такого большого количества ратных людей предусматривалось, скорее всего, для отражения набегов А. Гонсевского. Но уже 13 апреля на заставе было всего 28 дворян, 57 были в «нетях». И. Башмаков доносил М. Б. Шеину, что дети боярские, «*которые за выбором, и те государь нас не послушали… а которые дворяне и дети боярские оставлены со мною збежали*». 15 апреля Д. Дементьев сообщал, «*что он с сотней служек Троицкого монастыря в Вершавску на городище, а от той сотни двадцать человек и семь человек Спасского монастыря… а достальные служки и архиепископские дети боярские апреля по 13 число и не бывали, и мне государь в подъезды и на сторожи посылать некого*» [4, с. 13].

Дворяне на заставе Башмакова начали грабить крестьян, о чем сообщали их начальники: «*… и крестьяне, государь к нам приходят на них бить челом, и мы им говорили, чтоб не грабили, и к нам стоять поехали, и того грабежу нам сыскать не уметь, потому что иные и не ведаем где стоят*».Застава Башмакова разложилась сама собой, и ее остатки были в конце апреля отозваны в Смоленск [4, с. 15]. Весь апрель в Смоленск идут

сообщения о набегах поляков, и что крестьяне не могут в таких условиях охранять границу и строить засеки.

Неэффективность двух застав была связана с малочисленностью ратных сил, а также с тем, что вся тяжесть по созданию застав и засек ложилась на плечи крестьян. В одной челобитной крестьяне писали: «*…Иван Юрьев Жидовинов поставил по всем сторожам с дыма по человеку, и нам государь сиротам твоим от литовских людей неким уберечься*» [1, с. 420–421].

Отсюда стремление крестьян избежать ратной службы. Многие из них были вынуждены переходить на сторону поляков, чтобы не быть полностью разоренными, а то и убитыми. О таких случаях писал в Смоленск Башмаков: «*литовские люди в Щюческой волости дорогу ширят и мосты мостят и пятьдесят три человека Ельшовского десятка пану Шиману крест целовали*» [1, 420–421].

Именно нехватка воинских сил на заставах вызвала поток крестьянских челобитных в Смоленск. В одной из них крестьяне Щучской волости писали Шеину: «*дайте нам… сына боярского дворянина добра да стрельцов для крепости, чтоб у нас в волости ставили подымных людей на засеку и на сторожу. А не будет вашего жалования, не дадите нам в Щученскую волость сына боярского и стрельцов и нам государь в конец погибнути. А нас литовские люди отогнали от дворов, и от хлебов, и от ржи, и от яри, и мы государь ходим по лесам друг друга не ведаем*». Подобную челобитную писали в Смоленск и крестьяне Порецкой волости: «*… били челом от ратных людей о стрельцах, нам де без стрельцов засеки засекать и мостов разметывати немочно… и не вели государь нас бедных выдать, чтоб нас литовские люди не извоевали, чтоб нам сиротам твоим, от литовских людей покиня животишки, станки и хлеб в земле пахоной покиня в конец не погибнути*» [4, с. 21]. В ответ на эти донесения М. Б. Шеин послал 13 мая в Порецкую волость сотню стрельцов. Еще раньше (6 мая) воевода направил в ту же волость дворянина Ивана Жидовинова с приказом: «*и приехав собрать Порецкой волости старост, целовальников и детей боярских, и крестьян и велеть засеки засекать от Литовского рубежа и по дорогам, и по стежкам от Велижа о от Сурожа… и беречись по засекам, чтоб литовские люди войной в Порецкую волость не приходили. А которые места литовские люди прочистили и мосты намостили… и те места тот час велеть засеч и мосты разметать и дороги засечь и сторожи по засекам, и по дорогам, и по стежкам поставить крепкие, чтоб литовские люди войной в Порецкую волость не приходили. А которые места литовские люди прочистили и мосты намостили и те места… засечь, и мосты разметать, и дороги засечь, и сторожи… поставить крепкие*». Жидовинову было выдано пуд пороху и пуд свинцу, которые он должен был давать «*по вестем порецким людям, как почаеш приходу литовских людей*» [1, с. 241, 243–244].

После этих мер положение на границе улучшилось. В мае И. Жидовинов сообщал: «*а мы стоим с стрельцами и с волостными людьми безпристанно, день и нощ, а вести приходят к нам почасту… новую дорогу замостил и мосты разметал до велижского рубежа, а другую дорогу засек вверх по Броду… и сторожей по дорогам и по засекам поставил*». В другом донесении он писал: «*…хочет Гонсевский идти в Порецкую волость, рекою Касплею, а у нас по обе стороны реки Каспли берега засечены и сторожи поставлены*».В. Румянцев мае доносил, засеки поставил на реке Ельше и три заставы в деревнях Выдуби, Гнилице и на реке Жилице. Летом сторожи были поставлены в деревнях Плаи, Щучье, Никольской и на реке Стрипице [1, с. 245–246; 4, с. 24].

Но и летом набеги поляков на смоленское порубежье продолжались. В июне «*литовские люди от велижского рубежа дорогу лесом просекли в Порецкую волость к деревне Веретеи*», «*…те паны пересекли дорогу… и наши засеки в Порецкую волость к деревням Оретово и Броде, и Шиман должен за реку Половю и тем крестьянам велел тое дорогу ширить и мосты мостить*». Поляки, прорубив засеки, вышли на Моховую дорогу и оказались в тылу смоленских застав. Узнав об этом, Шеин приказал «*засечь Моховую дорогу и мосты разметать… на реке Каспле укрепить крепость…*», и послал из Смоленска на помощь И. Жидовинову детей боярских [4, с. 20].

В то же время застава И. Жидовинова не внесла каких-либо коренных изменений в отношение ратных людей к охране границы. Начальник заставы писал в Смоленск: «*…а Порецкой волости посадские и дворцовые крестьяне тебя не слушают и государевы дела не делают…*», в другом донесении читаем: «*а Сведичского стану и Порецкой волости на заставе нет ни одного человека, и послал Данилу Лученцова людей на заставу выгнать, и они государева указа не слушают и на заставу не едут… сказывают велено им свозиться в город для осадного времени… и мне с малыми людьми уберечься неким*» [1, 420–421].

Положение еще более ухудшилось после того, как 25 июля Шеин отозвал стрельцов в Смоленск. 22 августа Жидовинов сообщал воеводе: «*и мне государь всего уберечи одному не мочно, и я государь болен и детей боярских со мной один Борис Лыков и тот слеп, а Данила Лученцов у вас в Смоленске*» [4, с. 25]. Оказавшись без ратных людей, застава И. Жидовинова не смогла выполнить возложенные на нее задачи. В августе братьям Гонсевскским удалось захватить Щуческую и Порецкую волости [4, с. 25].

Анализируя деятельность смоленских застав, можно сделать следующие выводы. Заставы не оказали достаточно сильного сопротивления А. Гонсевскому в захвате смоленских волостей. Это было связано, прежде всего, с их малочисленностью и с нежеланием части смоленского населения выступить на защиту границы. Необходимо отметить и то, что заставы создаются в условиях систематических набегов поляков на смоленские земли,

когда довольно трудно организовать оборону границы. Тем самым, заставы не выполнили той роли, которую возлагал на них М. Б. Шеин. Определенная доля вины лежит и на смоленском воеводе, который не смог обеспечить заставы достаточным воинским контингентом и начал их создавать довольно поздно.

И в то же время надо признать позитивную роль создания застав. Во-первых, они способствовали сплочению пограничного населения в условиях надвигающейся войны. Из донесений начальников застав и крестьянских челобитных хорошо видно, что часть смоленского населения исправно несла службу на границе.

Во-вторых, заставы сыграли определенную разведывательную роль. Все перемещения А. Гонсевского тотчас же доходили до воеводской избы. В мае В. Румянцев сообщал: «*что пошли литовские люди в стругах Двиною, идти им в Ельшо и воевать им Просухово Щюческой волости*». От И. Жидовинова пришло известие: «*в Велиже литовские люди собираются идти на Смоленск. Гонсевский до Велижу наймует подымных людей и дает им по сорок грошей; с Велижского рубежа на Вязьмену прямо лесом дорогу чистят и мосты мостят к Поречью*» [4, с. 20; 1, с. 420–421].

В-третьих, в трудных условиях, при нехватке людей начальникам застав весной-летом 1609 года удалось построить засеки на основных дорогах, ведущих в Смоленск от Велижа, укрепить реку Касплю и тем самым закрыть путь в Смоленск от Велижского рубежа. По имеющимся данным засеки были сделаны на довольно большой территории от реки Каспли до Щучьего озера (более 50 км), и поставлены сторожи в деревнях Щучье, Плае, Никольской, Выдуби, Гнилице, на реках Жилице и Стрипице.

И все же заставы оказались малоэффективными. Одной из причин их низкой результативности была неспособность смоленского населения мобилизоваться на отпор врагу. И эта неспособность была вызвана, прежде всего, продолжающейся гражданской войной. «*В такое трудное время,* — пишет С. М. Соловьев,— *трудно было рассчитывать на всеобщее усердие, на всеобщее повиновение*» [5, с. 548–549].

Достиг ли А. Гонсевский тех целей, которые он ставил перед собой, совершая набеги на смоленское порубежье? Если первая цель была достигнута (захват двух волостей), то вторая цель — нет. Полякам не удалось найти опору своим агрессивным планам среди жителей Смоленского уезда. Смоленское население при всей сложности его положения весной-летом 1609 года не пошло на союз с интервентами, и мы не видим прямых актов измены. Донесения с застав говорят как раз об обратном. Смоленские дворяне В. Румянцев, И. Жидовинов и другие в трудных условиях смогли мобилизовать население на строительство засек, организовать охрану смоленских рубежей и нередко просто выгоняли польские отряды со смоленской

земли. То же самое мы видим и среди крестьян, основная масса которых стала на путь борьбы с польскими интервентами.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией Т. 2. 1598–1613. СПб.: типография III Отделения Собственной Е. И.В. канцелярии, 1841. [4], IV, 438, 29, [2] с.
2. Анпилогов Г. Н. Новые документы по истории России конца XVI — начала XVII вв. М.: Издательство Московского университета, 1967. 542 с.
3. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Александровичем Мухановым. СПб.: типография Эдуарда Праца, 1871. XII, 130, [2] с.
4. Смутное время Московского государства 1604–1613 г. Материалы изданные Императорским Обществом истории и древностей Российских при Московском университете. Выпуск 6. Памятники обороны Смоленска. Под редакцией и с предисловием действительного члена. Ю. В. Готье. М.: Синодальная типография, 1912. 2, XVII, 282, 2 с.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 780 с.

Aleksandrov Sergey Viktorovich
candidate of historical sciences, senior researcher employee of the Federal State Budgetary Institution of Culture "State Museum "Smolensk Fortress"

EVENTS ON THE SMOLENSK BORDERLAND IN THE SPRING OF 1609

Key words: *Time of Troubles, Smolensk, borderland, raids, negotiations, governor M. B. Shein, outposts.*

Annotation. *The article is devoted to the events that took place on the Smolensk borderland between the Tsardom of Moscow and the Polish-Lithuanian Commonwealth, preceding the siege of Smolensk in 1609–1611. It tells about the regular raids that Lithuanian and Polish detachments regularly made on the territory of the Smolensk land. The diplomatic maneuvers and military actions of the governor M. B. Shein are characterized. One of the main conclusions of the author is the recognition of the positive role of border outposts that tried to contain the onslaught of the invaders, at the same time their low efficiency is shown, due to the inability of the Smolensk population to mobilize to repel the enemy in the conditions of the civil war. At the same time, the Poles failed to find support for their aggressive plans among the residents of the Smolensk district.*

Бабулин Игорь Борисович
кандидат исторических наук, преподаватель Московского колледжа транспорта ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта (Московский институт инженеров транспорта)», подполковник юстиции.

УДК 94(47).047

DOI 10.54016/SVITOK.2025.27.91.036

ТРИУМФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ВИЛЬЯМА ДРАММОНДА: БОЙ ПРИ ЧАУСАХ 16 (26) МАЯ 1662 ГОДА

Ключевые слова: *Русско-польская война 1654–1667 гг., Смоленск, Старый Быхов, Чаусы, генерал-майор Вильям Драммонд, рейтары, шляхта, хоругвь.*

Аннотация*: Статья посвящена реконструкции одного из малоизвестных эпизодов русско-польской войны 1654–1667 гг. — бою под Чаусами, произошедшему в мае 1662 года. Опираясь на обширную источниковую базу, в том числе на большое число архивных источников, автор сумел создать обстоятельное описание военно-исторического события, устраняя неточности историков прошлого. При этом удалось оценить состав и численность противоборствующих отрядов, а также особо обозначить выдающуюся роль в победе русского войска выходца из Шотландии генерал-майора Уильяма Драммонда.*

Одним из малоизвестных эпизодов Русско-польской войны 1654–1667 годов является бой при Чаусах 16 (26) мая 1662 года, который произошел в ходе конвоирования русским отрядом под началом генерал-майора Вильяма Драммонда обоза с припасами и денежной казной из Смоленска в блокированную литовскими частями крепость Старый Быхов. С декабря 1659 года, после взятия города штурмом, в Старом Быхове находился русский гарнизон, оказавшийся в изоляции вследствие поражений царских армий в Белоруссии в 1660–1661 годах.

О бое при Чаусах писали историки: С. М. Соловьев [18, с.116], Д. И. Иловайский [7, с. 218], Л. П. Яковлев [19, с. 99], И. В. Галактионов [5, с. 52], Г. Саганович [15, с. 112], А. Рахуба [26, s. 117], О. Я. Ноздрин [10, s. 154–163], В. С. Ве-

ликанов [4] и О. А. Курбатов [8, с. 222–223]. Основным источником для всех указанных исследователей был хорошо известный, введенный в научный оборот ещё С. М. Соловьевым, архивный документ: «Отписки в Розряд и в Посольской приказ смоленского воеводы князя Петра Долгорукова о военных с Польшею действиях — тут же отпуски к нему государевых грамот» за январь-декабрь 1662 года (РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1662 г. № 1). На более, чем двухстах листах переписки Смоленска с Москвой содержится много ценной информации не только об этом заметном военном событии, но и сведения о составе войск, боевых потерях, трофейных знаменах и пленных, взятых русскими в данном сражении.

Из нарративных источников, которые сообщают о бое при Чаусах, можно выделить: «Дневник» П. Гордона [6, с. 128], записки литовского шляхтича Михаила Льва Обуховича [23, s. 103] и письмо королю польского агента пана Войши из Могилева от 25 августа 1662 года [12, с. 201]. Стоит отметить, что М. Л. Обухович ошибочно отрицает поражение литовского войска. Будучи в плену, он не имел всей полноты информации о победном для русских бое при Чаусах. Однако его недостоверное свидетельство позволило некоторым польским историкам не признавать факт победы русского войска и даже заявлять о его поражении. Специальных исследований, посвященных данному сражению, в российской и польской историографии не было.

В ходе архивных исследований нам удалось найти ещё одно, ранее неопубликованное, сообщение о баталии при Чаусах, в котором содержатся отдельные подробности хода боя и роли в нем генерал-майора Вильяма Драммонда. Это сообщение явно основано на его рапорте, поскольку содержит описание событий от лица генерала, что позволяет детально реконструировать рассматриваемое сражение.

Автор благодарит А. Э. Юшкевича, К. Коссаржецкого и А. В. Чалмаева за помощь в работе над настоящей статьей.

Обстоятельства похода

С начала 1661 года воеводой в Смоленске стал окольничий князь Петр Алексеевич Долгоруков. Товарищами воеводы значились стольник князь Данила Афанасьевич Барятинский и Никифор Матвеевич Толочанов [2, с. 249]. Смоленская группировка русской армии была «одним из самых боеспособных, технически оснащенных и крупных соединений. Основной её задачей была оборона крепостей так называемого Смоленского разряда, важнейшими из которых, помимо самого Смоленска, являлись Борисов и Старый Быхов» [8, с. 196].

С отходом русской армии за Днепр Старый Быхов и Борисов оказались отрезаны от остальных крепостей с русскими гарнизонами и уже с весны 1661 года литовские шляхетские отряды пытались блокировать Старый Быхов, чтобы не допустить помощи гарнизону. В июне того же

года в город прошел обоз с продовольствием под началом И. Пескова [8, с. 196], а в июле — аналогичный отряд с запасами под командованием князя Д. А. Барятинского, разбившего противника при Благовичах [3, с. 16–17].

Весной 1662 года большая часть литовского компутового (регулярного, наемного) войска организовала конфедерацию (мятеж) против короля, отказавшись от ведения военных действий до выплаты всей задолженности жолнерам. Главную роль в противостоянии русским и блокировании крепостей, бывших под их контролем, стали играть волонтерские полки Элиаша Сурина, Дениса Мурашки, Самойло Оскирки, Стефана Войцеха Чернавского и другие. Волонтеры не получали жалованья, а кормились за счет окрестных территорий. Они действовали в окрестностях Борисова и Старого Быхова, создавая постоянную угрозу этим городам. Перед смоленским воеводой стояла задача постоянного снабжения русских гарнизонов, фактически отрезанных от основных сил.

В самом Смоленске под началом Долгорукова в то время находились рейтарские полки: Дениса Фонвизина, Христофора Мингауса и Ягана Фанговена; солдатские полки: Аврама Лесли, Вилима Дромонта и Вилима Брюса; три роты смоленской шляхты, а также городовые стрелецкие приказы Бориса Бобаева и Ульяна Яганова. Кроме того, там же были на съезде с польскими комиссарами царские послы во главе с князем Н. И. Одоевским [11, с. 304], которых сопровождали рейтары полков Венедикта Змеева и Василия Челюсткина. Согласно донесениям польского агента Войши королю летом 1662 года пехотные полки насчитывали примерно по 500 человек, смоленских рейтар было около 600 человек, стрельцов 1300 человек, смоленской шляхты три хоругви человек 400 [12, с. 195]. По его же словам при царских послах был «приказ» пехоты около 800 человек, и рейтарский полк Змеева — 800 человек [12, с. 196] Стоит отметить, что число стрельцов в Смоленске по этому донесению сильно завышено.

О главном герое рассматриваемого нами события — генерал-майоре Вильяме Драммонде (в русских документах: Вилим Дромонт), стоит сказать подробнее. Вильям Драммонд (William Drummond of Cromlix) из Кромликса (1617–1688), был сыном Джона Драммонда, второго лорда Мэддерти (Madderty) и Маргарет, дочери Патрика Лесли, первого лорда Линдорс (Lindores) [10, с. 155–156]. В 1642–1648 годах он, в чине капитана шотландской армии, воевал в Ирландии против мятежников. С 1650 года — полковник пехотного полка в армии роялистов. В 1651 году сражался в битве при Вустере, попал в плен, из которого бежал. В 1653 году произведен Карлом II в генерал-майоры. В 1654–1655 годах участвовал в восстании против Кромвеля в Шотландии. 15 июня 1654 года его отряд (600 человек) был разбит генералом Джорджем Монком у озера Лох-Несс [22, s. 126]. После подавления восстания роялистов покинул Британию. В сентябре 1656 года Драммонд поступил на русскую службу, приняв под командование пехотный

полк в ходе осады Риги. В 1657–1658 годах генерал находился в гарнизоне Кокенхаузена (Царевичев-Дмитриев), а с начала 1660 года — в Смоленске [1, с. 78]. В октябре 1660 года Драммонд со своими солдатами храбро сражался в большой битве на реке Басе против польско-литовских войск.

20 апреля князю Петру Долгорукову была отправлена грамота, в которой говорилось, что из охраны великих и полномочных послов князя Н. И. Одоевского «*для провожатья хлебных запасов, которые … велено вам послати из Смоленска в Быхов*», посланы «*в прибавку к смоленским провожатым … рейтарского строю полковник Василей Челюсткин с рейтары с тремя роты, да столника и полковника Веденихтова полку Змеева маеор Микифор Ушаков, да ротмистр Козма Гурьев с рейтары з двемя роты*» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 142–143].

Указанные рейтарские роты присоединились к смоленским частям, выделенным для сопровождения обоза в Старый Быхов. 24 апреля согласно грамоте из Рейтарского приказа было отправлено денежное жалование рейтарам полков Змеева и Челюсткина с майором рейтарского строя Максимом Лошаковым [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 143].

26 апреля 1662 года князь Петр Долгоруков получил грамоту из Разряда, в которой было написано, что по прежнему государеву указу ему следует отправить в Старый Быхов нового воеводу Аверкия Болтина, отпустив с ним «хлебные запасы», а для «береженья тех запасов» послать ратных людей «тотчас безо всякого мотчанья» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 147].

1 мая Болтин выступил из Смоленска к Старому Быхову. Для охраны обоза «в провожатых» был послан генерал-майор Вилим Дромонт, с которым были: «*рейтарского и салдацкого строю с полковники и с подполковники и с маеоры и с началными людми их полков с рейтары и с салдаты, да смоленскую и белевскую и рословскую шляхту и смоленских и белских казаков и черкас, да смоленских стрелцов голову Ульяна Яганова с приказом*» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 148].

Долгорукову было известно, что по быховской дороге и около Старого Быхова стоят «полские и литовские немалые люди», поэтому он велел генералу «*идти с великим береженьем, проведывая про полских и литовских людей накрепко, и на станех ставитца в крепких местех обозом, чтоб полские и литовские люди безвесно на них не пришли и дурна какова не учинили*». По прибытии в Старый Быхов генералу следовало оставить там «*урядников и рядовых салдат указное число тысечю человек сполна на перемену прежним быховским сиделцом, и денежную казну и хлебные и денежные запасы и иные всякие запасы, которые с ним ис Смоленска в Быхов посланы*». Аверкий Болтин и новые солдаты должны были заменить прежнего воеводу Ивана Кузьмина и полк солдатского строя полковника Адама Гохворта. Смоленский воевода также написал казацким полковникам: Нежинскому — Василию Золотаренку, Стародубскому — Петру Рословченко

и Черниговскому — Ионикию Силичу, что они оказали поддержку генералу, *«шли к Быхову наспех» и сходились с русскими ратными людьми в селе Черикове или «где к Быхову ближе, а сошедшися … над неприятелями промышляли сопча сколко (Бог) помощи подаст»* [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 149–150]. Отметим сразу, что ни один казацкий полк в эту экспедицию так и не выступил и помощи генералу не оказал.

Роспись «денежные казны и хлебных и пушечных и иных всяких запасов», обозных подвод и сопровождающих их ратных людей вручили генерал-майору накануне предстоящего похода. Согласно данной росписи в Старый Быхов было послано: медных денег 29 тысяч рублей, серебряных 1 тысяча рублей. Начальным людям и солдатам на корм хлебных запасов: 255 четей муки ржаной, 465 четей ржи, 1000 четей сухарей, 100 четей крупы, 30 четей толокна. Всего хлебных запасов послано в Быхов 1850 четей. Кроме этого: 100 пудов соли, 30 пудов «масла коровья», 100 ведер вина. В оружейную казну входили пушечные запасы: 50 пудов пороха, 25 пудов свинца, 60 пудов фитиля [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 153–154].

5 мая находившийся в Орше «литовского войска полковник Криштоп Статкеевич» (Стеткевич), прислал письмо Долгорукову с предложением временного перемирия, чтобы с обеих сторон «для доброй згоды (согласия — И. Б.) рати одержать» и «загонов» не посылать и «шкоды… не делать с обе стороны». Однако, как позднее князь писал в Москву, Криштоф Стеткевич в своем слове «не устоял» и на конвой из Смоленска «посылал полских и литовских людей», чтобы не пропустить обоз с запасами в Старый Быхов и «учинить шкоду» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 227]. Осторожность и предусмотрительность воеводы и генерала не позволили противнику застать конвой врасплох.

Силы сторон

Русское войско

В сводный воинский отряд, который сопровождал обоз в Старый Быхов, включили следующих офицеров и рядовых:

Кавалерия

Рейтарский полк Василия Челюсткина, «ево полку началных людей ромистров и порутчиков и прапорщиков 12 чел.»,— 3 роты.

Рейтарский полк Венедикта Змеева во главе с майором, в нем: «началных людей: маеор, ротмистр да порутчиков и прапорщиков 4 чел.» — 2 роты.

Рейтарский полк Дениса Фанвисина во главе с подполковником Василием Тяпкиным, начальных людей: «маеор да порутчиков и прапорщиков и иных началных людей 7 чел.»,— 2 роты.

В трех рейтарских полках 667 человек рейтар.

Всего рейтарского строю: 27 начальных людей и 667 рейтар.

Смоленская, бельская и рославльская шляхта — 327 человек.

Смоленские, бельские грунтовые казаки и черкасы — 116 человек.

Всего конных ратных людей 1133 человека (в документе ошибочно: 1000).

Пехота

Полк солдатского строя генерала Аврама Лесли во главе с подполковником Иваном Стормом, с ним начальных людей: подполковник, «капитанов, поручиков и прапорщиков 11 чел.» — вероятно 4 роты.

Полк солдатского строя генерал-майора Вилима Дромонта, в нем начальных людей: 2 майора, «капитанов, поручиков и прапорщиков 25 чел.» — вероятно 8 рот.

Полк солдатского строя Вилима Брюса во главе с полковником, начальных людей: «подполковник, майор, да капитанов, поручиков и прапорщиков 17 чел.» — вероятно 4 роты.

Всего солдатского строю начальных людей 59, солдат 1650 человек.

Смоленский стрелецкий приказ головы Ульяна Яганова — 5 сотников, 350 стрельцов.

Всего под началом генерал-майора Дромонта солдат и стрельцов 2000 человек.

Как видим, в цитируемом документе число офицеров указано по полкам, а рейтары и солдаты — общим числом.

Смоленская, бельская и рославльская шляхта была разделена на три смоленские роты под командованием ротмистров Данилы Гурко (1-я), Дениса Швейковского (2-я), Яна Станкеева или Станкевича (3-я) и одну бельскую — Степана Лыкошина [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 220]. Самым известным из названных ротмистров позднее стал бывший литовский гусар Денис Швейковский, попавший в плен к русским в битве при Шепелевичах (1654) и перешедший на царскую службу. Швейковский прожил долгую жизнь, дослужился до генеральского звания, отличился во многих боях и умер в глубокой старости в 1694 году. Что касается Данилы Гурко и Яна Станкевича, то они поступили на царскую службу после взятия русской армией Смоленска [17, с. 23–24].

В составе сводного отряда генерал-майора Дромонта также были начальные люди и солдаты, посланные «в Быхов на житье», то есть на постоянную службу в гарнизоне города. С воеводой Болтиным приказано оставить: 2 майоров — Ондреяна Бутримова из полка Лесли и Матвея Чуровского из полка Брюса, 8 человек капитанов, 10 человек поручиков, 8 человек прапорщиков. Всего 28 человек [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 157].

Всего же в сводном отряде, согласно источнику, было: *«Обоего великого государя ратных конных и пеших началных людей и рейтар и салдат*

и стрелцов ис Смоленска до Быхова послано 3119 чел.» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 156]. По нашим, уточненным, подсчетам — **3225 чел**овек.

Численность гарнизона города приказано довести до 1000 чел., выбрав личный состав из полков Лесли и Брюса, а ежели *«в тысечю человек тех полков недостанет и генералу маеору велено дополнить из своево полку и учинить в Быхове указное число тысечю человек сполна»*. Отдельно оговаривалось, что если *«прежние быховские сиделцы начальные люди и салдаты похотят остатца в Быхове волею и генерал маеору велено тех салдат оставливать в указное число в 1000 чел., а начальных людей на перемену смоленским начальным людем человек против человека и чин против чину»* [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 157].

В документах также сохранились сведения о денежном жаловании *«для той быховской посылки, месячного корму и подмоги генералу маеору и полковником и голове и начальным людем и сотником и солдатом и стрелцом»*. Генерал-майор получил 30 рублей серебряных денег, полковникам и голове дали по 20 рублей человеку, подполковникам по 16 рублей, майорам по 15 рублей, ротмистрам и капитанам по 10 рублей, поручикам и сотникам стрелецким по 8 рублей человеку; квартирмейстерам, обозничим, прапорщикам и адъютантам по 7 рублей. Всего генерал- майору и начальным людям дано жалованья 829 рублей [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 158]. Начальным людям, которых приказано было оставить в Старом Быхове, дано 26 рублей. Всего выдано 71122 рубля. Солдатам, 1000 человек, велено дать по 6 рублей человеку.

Что касается хлебной казны, то сопровождающие получили в Смоленске: 1032 чети хлеба «без полутора четверика, да соли 81 пуд и 4 гривенки» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 161].

В сводном отряде отпущено в поход *«в пехотные полки 4 пушки, да пушечных запасов в поход же взято на рейтарские и на салдацкие полки … 337 пуд пороху, 243 пуд свинцу, 338 пуд фитилю. Смоленской шляхты ротмистрам 3 чел. дано по 3 фунта пороху, свинцу потому ж, порутчиком и хорунжим 6 чел. по 2 фунта пороху, свинцу по тому ж. Да рядовым смоленской и белской шляхте по фунту пороху свинцу по тому ж человеку»*.

Всего же генерал-майору выдано *«348 пуд 26 гривенок с полугривенком пороху, 255 пуд 26 гривенок с полугривенком свинцу, фитилю 338»*. Под все запасы, под наряд и под «рухлядь» послано 1084 подводы [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 162].

Литовское войско

Первоначально русские гарнизоны Старого Быхова и Борисова самостоятельно сдерживали давление противника, преследовали местную враждебную шляхту и добывали продовольствие на окружающих территориях.

Позднее, по мере истощения, им понадобилась дополнительная помощь в вооружении, снабжении, деньгах, замене раненых и больных солдат. Такую помощь можно было получить в основном из Смоленска. Литовское командование прекрасно знало, откуда может прийти подмога Старому Быхову и Борисову. Лучший маршрут для конвоя с запасами из Смоленска проходил мимо Орши через Чаусы. По этой причине отдельная группа литовских войск стояла над верхним участком рек Западной Двины и Днепра под командованием опытного офицера, полковника Кшиштофа Стеткевича (Krzysztof Stetkiewicz), подкомория оршанского.

Ввиду отсутствия обоих литовских гетманов (гетман великий П. Сапега был в Варшаве, гетман польный В. Гонсевский — в плену в Москве), главнокомандующим литовского войска в то время был маршалок Казимир Жеромский, который отправил Статкевича в Оршу для противодействия русским. Ставка Жеромского в то время была в Кобрине, где стояли основные силы мятежных конфедератов.

Сам Стеткевич постоянно находился в Орше. Однако имеющиеся в его распоряжении силы были слабыми. Офицеры зачастую покидали свои хоругви, оставляя вместо себя заместителей — поручиков. Многие товарищи также уезжали из своих хоругвей, а оставляя небольшое число почтовых (рядовых). В частях иноземного строя (драгуны, рейтары, немецкая пехота) рядовые солдаты отказывались от службы, поскольку долгое время имели задолженность по зарплате. Чтобы спасти положение, особенно во время обострения боевых действий, был объявлен сбор посполитого рушения (шляхетского ополчения) ближайших поветов. Шляхта либо выступала лично, либо принимала решение в сеймиках о сборе налога и формировании одного или нескольких затяжных хоругвей, которые обычно обязывались служить квартал или три месяца. Тем не менее, такие хоругви имели низкий боевой опыт, не отличались дисциплиной и создавали много проблем.

Литвины быстро узнали о выходе конвоя генерал-майора Драммонда из Смоленска и попытались ему противостоять. С другой стороны, русские должны были сделать всё для того, чтобы хоругви из контролирующей дороги группы Стеткевича не смогли им помешать. Поскольку Чаусы находятся на прямом пути к Старому Быхову, по которому должен был пройти конвой, там неоднократно возникали столкновения между противниками.

О составе и численности литовского войска, которое пыталось преградить дорогу отряду генерал-майора Вильяма Драммонда, никакой сметы не сохранилось. С 1662 года решающую роль в борьбе с русскими частями в Литве стали играть полки волонтеров. Компутовые (наемные) части бунтовали, создавали конфедерации, особой активности не выказывали и лишь локально участвовали в боях. Действия наемных хоругвей описаны (задокументированы) на порядок лучше, чем ведение боевых действий

волонтерами. В связи с этим информацию о литовском войске под Чаусами можно найти только по списку пленных, которые дали свои показания о принадлежности к тому или иному соединению.

Отвечающий за данное направление Кшиштоф Стеткевич с 1655 года командовал казацкой хоругвью в войске ВКЛ. Известно, что ранее Стеткевич был заместителем хорошо известного полковника С. Кмитича. Когда в январе 1661 года Кмитич уехал к гетману Сапеге, то оставил свой полк — 14 «шляхецких хоругвей» — под командой Стеткевича [1, с. 307]. Поручиком хоругви Стеткевича был Кшиштоф Козаржицкий (Kozarzycki). Достоверно известно, что в бою под Чаусами участвовала казацкая хоругвь К. Козаржицкого (около 150 коней). Возможно, это была единственная конная хоругвь компутового войска, направленная Стеткевичем под Старый Быхов.

Все остальные конные подразделения состояли исключительно из шляхтичей-волонтеров из полков Элиаша Сурина, Стефана Чернавского и хоругви Дмитрия Мещеринова. О присутствии на поле боя волонтерских полков Оскирки и Мурашки в документах сведений нет, за исключением малодостоверного свидетельства М. Л. Обуховича.

Литовская пехота под Чаусами, согласно показаниям пленных, была представлена ротами из полков компутового войска ВКЛ О'Келли и Гонсевского. Ирландец полковник Хьюго О'Келли с 1658 года командовал хоругвью драгун в войске гетмана польного В. Гонсевского и был комендантом Кирхгольма. Затем его хоругвь стала лейб-гвардейской. Осенью 1659 года, когда Гонсевский находился в плену в Москве, О'Келли был отстранен от командования полком, что вызвало негативную реакцию короля, который восстановил его в должности полковника. В конце 1660 года в ВКЛ был набран полк немецкой пехоты (две роты) под началом Гуго О'Келли численностью 200 человек. С 1661 года полковник стал комендантом в Шклове. Весной 1662 года в пехотном полку О'Келли явно было больше двух хоругвей, то есть три или четыре хоругви пехоты — его личная рота, рота майора Я. Дреза, рота капитана Г. Орвита. Однако, согласно показаниям плененного в бою майора Я. Дреза, непосредственно под Чаусы полковник выступил с двумя ротами, вероятно оставив ещё две в Шклове.

Полк Гонсевского. В документе не указано, о каком именно пехотном полке идет речь — гетмана польного Винцента Корвина Гонсевского или генерал-майора Мацея Гонсевского. Первый в сентябре 1661 года находился под началом полковника Матиуса Ремера и состоял из 12 рот (1200 человек), второй — из 6 рот (600 человек) [24, s. 336]. По данным на 1662 год (точной даты нет) в полку Ремера было 6 рот, в драгунском полку Мацея Гонсевского — 6 рот [24, s. 342–343]. Следовательно, нельзя исключать, что пехотные хоругви, уничтоженные 16 (26) мая под Чаусами, могли принадлежать полку гетмана Гонсевского. Под Чаусами могло быть до 6 рот (около 600

человек), плюс одна венгерская хоругвь пехоты (100–120 человек), знамя которой значится среди взятых русскими трофеев.

Полковник Элиаш Сурин. О нем известно, что в декабре 1660 года под Полоцком у него был полк волонтеров в 1000 человек [1, с. 263]. Полк набран из «шишей и изменников» в Мстиславском уезде [1, с. 285]. В другом документе подтверждается, что Сурин действовал с «мстиславскою шляхтою и с шишами» [1, с. 431]. В июне 1661 года под Борисовом с Суриным было «две хорунги — одна мстиславская шляхецкая, а другая выбрана охотники, а также 90 драгунов» [1, с. 396]. В августе того же года Сурин с полком расположился около Шклова и Могилева, у него в полку было «шляхты 3 роты да 8 рот мужиков» [1, с. 431]. Максимальной численности полк волонтеров Сурина достиг в октябре 1661 года. Когда полковник выступил из Чаус в Кричев с ним было «конницы 6 знамен да 11 знамен собрано мужичья, пехоты. Всего с ним Сурином 1500 конных и пехоты» [1, с. 453]. В ноябре того же года, согласно документам, 5 конных знамен и 4 знамени пехоты из полка Сурина из Могилева посланы под Полоцк, а с Сурином под Кричевом осталось столько же. [1, с. 457]. Таким образом, под началом Сурина в бою под Чаусами могло быть примерно 1500 конницы и пехоты или 18 хоругвей. Это было самое крупное воинское формирование из тех, которые противостояли отряду Драммонда. В дополнение отметим, что 29 мая 1662 года, уже после боя, в Черее, Лепеле и Бешенковичах стояли полки Чернавского, Дятловича и Сурина. С ними было конных и пеших 17 хоругвей [1, с. 490].

Полковник Стефан Войцех Чернавский (Czarniawski) с начала 1662 года тоже командовал волонтерами, отличился своими рейдами под Полоцк и Витебск. Данных о составе его отряда на 1662 год обнаружить не удалось, но известно, что в феврале 1663 года у Чернавского было 7 хоругвей конных и пеших людей [1, с. 517]. С Чернавским, по максимуму, под Чаусами могло быть 700–800 коней.

Ротмистр Дмитрий Мещеринов, сын Яна (Ивана) Мещеринова, чашника смоленского, русского изменника на литовской службе. Согласно списку пленных, у Мещеринова был свой «полк». Однако, в иных источниках есть сведения, что в ноябре 1661 года в Смоленском уезде был взят в плен шляхтич Александр Миткевич, который служил «в хорунге изменника Митки Мещеринова» [1, с. 456]. В то время хоругвь Мещеринова стояла в Шклове [1, с. 456]. Возможно, ротмистр довел число своих бойцов до условного «полка». Его силы можно определить в 150–200 коней.

О составе и численности литовского войска под Чаусами отчасти также можно судить по 15 трофейным знаменам, взятым русскими в данном сражении. Судя по списку, в нем было не менее 7 конных и 8 пехотных хоругвей, включая 1 знамя венгерской пехоты [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 205–207].

Генерал-майор Драммонд позднее сообщал, что на поле боя было уничтожено 16 литовских хоругвей [13. Ф. 210. Оп. 9. № 338. Л. 11].

Исходя из комплексного анализа всех данных, можно сделать вывод, что против русских под Чаусы выступили 9 компутовых пехотных хоругвей (из полков Гонсевского, О'Келли и венгерская хоругвь) и около 25 конных хоругвей (1 казацкая хоругвь Стеткевича, остальные — хоругви волонтеров), то есть почти вся конница литовского войска состояла из волонтеров и поветовых хоругвей. Польский историк А. Рахуба установил, что «*слухи о наступлении московского войска дошли до Кобрина уже в начале мая 1662 года и произвели большое впечатление среди конфедератов. На восточной Беларуси, правда, находились литовские части, но они были слишком слабые для обороны края в случае атаки мощных неприятельских сил. В этой ситуации литовское командование направило на фронт ещё 7 хоругвей, но это не очень помогло. Пробуя остановить сильный московский конвой, идущий до Старого Быхова и Борисова литовское войско 26 мая было разбито под Чаусами*» [26, s. 177]. Ссылаясь на более раннее сочинение этого автора, белорусский историк Г. Саганович также писал о данном факте: «*конфедераты выслали на восток Беларуси 7 хоругвей своего войска, которое, однако, не могло сдержать мощного неприятельского конвоя и было разбито недалеко от Чаусов*» [15, с. 112]. Какие это были хоругви, неизвестно, но, вероятнее всего, это были пехотные части из полка Гонсевского, которые можно назвать «старой королевской пехотой». Иначе говоря, это были те самые роты (хоругви) пехоты компутового войска из полка Гонсевского и венгерская хоругвь.

Подведем итоги расчетам. Литовское войско, которое пыталось преградить дорогу русскому конвою под Чаусами 16 (26) мая 1662 года насчитывало примерно **3500 чел**овек конницы и пехоты. Оценка Драммондом сил противника в **6000 человек** является явно завышенной. Главное командование, вероятно, осуществлял «триумвират»: заместитель Статкевича — Кшиштоф Козаржицкий, полковники Элиаш Сурин и Хьюго О'Келли.

Ход боя

Описание хода сражения под Чаусами 16 (26) мая 1662 года сохранилось в двух дополняющих друг друга источниках: отписке царю смоленского воеводы князя П. А. Долгорукова [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 192–193] и в черновой выписке 1674 года, составленной в Разряде «по требованию Посольского приказа о боях с поляками и татарами с 170 по 182 год» [13. Ф. 210.Оп. 9. № 338. Л. 9–11]. Последняя содержит уникальную информацию, записанную непосредственно со слов генерал-майора Вильяма Драммонда, который представил свой, видимо не сохранившийся, рапорт или отчет о происшедшем сражении.

Рассмотрим оба документа, начиная с отписки князя П. А. Долгорукова.

Согласно смоленскому воеводе, 1 июня 1662 года «генерал маеор Вилим Дромонт» вернулся в Смоленск со всеми ратными людьми и сообщил ему, что на пути к Старому Быхову 16 мая «*в Могилевском уезде под Чаусами*» приходили на них «*полские и литовские люди … было де полских и литовских людей тысяч с шесть*». У генерала и у русских ратных людей с неприятелем «*был болшой бой и милостью божией… полских и литовских людей с поля збили, и побили полторы тысячи и болши, опричь того, которые полские и литовские люди на погоне рублены, по розным дорогам на пятинатцати верстах…*». В ходе боя было взято «*в языцех семьдесят человек*». Из числа плененных, в Смоленск «*привели с собою взятых языков началных людей и шляхты и драгунов шездесят человек*», поскольку в дороге «*от тяжелых ран померло десять человек*». Кроме этого, генерал привел в Смоленск «языков», которые ранее были «*взяты в Быхове двацать два человека*». Потери отряда Драммонда, по его словам, составили 15 человек убитыми, 20 человеек ранеными. После этого боя генерал пришел в Старый Быхов и передал «*осадным салдацкого строю началным людем и салдатам указное число тысячу человек и … денежную казну и медные и пушечные и иные всякие запасы в Быхове воеводе Оверкею Болтину по росписи отдал сполна, и прежних быховских сидельцов Ивана Кузмина и полковников и началных людей и салдат из Быхова взял с собою в Смоленск*». По словам генерала, в городе хлебных запасов фактически не было и «*голод де в Быхове был великой*». Если бы они «не поспешили», то в городе «*от голоду чают было дурна, потому что хлебные запасы изошли*». В ходе боя также были взяты литовские знамена и «пушка медная» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 192–193].

«Черновая выписка» 1674 года также воспроизводит ещё одну отписку князя П. А. Долгорукова о бое при Чаусах, но, в отличие от первой, цитирует непосредственное письмо генерал-майора Драммонда о деталях хода сражения. Смоленский воевода пишет в Москву, что 21 мая «*писал к нему … генерал маеор Вилим Дромант*», о том, что «*пришол он, генерал, з государевыми ратными людми и з денежною казною и запасы под Чаусы за 5 верст*». В то время «под обоз их подъезжали полские и литовские люди», то есть конные разъезды противника. Генерал принял меры предосторожности. 16 мая, «*устроясь он полевым ополчением, и взяв с собою 60 человек, ездил под Чаусы для того, чтоб ему осмотрить полских и литовских людей и обоз их, а* (остальным — И.Б.) *ратным людем велел идти за собою строем*». На подходе к Чаусам генерал обнаружил, что польские и литовские люди стоят, «*укрепясь на переправе на реке Басе шанцами и всякими крепостьми, чтоб их ратных людей с казною и запасы в Быхов не пропустить*». После проведенной разведки, Драммонд принял решение об атаке позиции противника и «*с теми полскими и литовскими людьми был у него бой*», в результате которого неприятеля «*с поля збили… и на том бою пехоты порубили*

16 знамен, а рубили, гнали и секли за реку Басю на 15 верстах, да на том же бою государевы ратные люди побили полских и литовских людей тысечи с полторы и болши, да в полон взяли шкловского каменданта да полковника Окелеева полку маеора, да капитана да порутчиков и прапорщиков немец, да полских и литовских людей порутчиков и прапорщиков и шляхты и рейтар и драгунов… и розных людей 70 человек, да 15 знамен, да полковую пушку и барабан» [13. Ф. 210.Оп. 9. № 338. Л. 9–11].

Дополнительную информацию о ходе боя под Чаусами можно получить из показаний противной стороны — взятого в плен майора литовского войска из полка О'Келли — Ягана Дреза, которого русские привезли в Смоленск 1 июня того же года. На допросе майор Дрез и другие *«начальные люди капитаны и порутчики и прапорщики и шляхта дватцать человек»* сказали, что полковник Стеткевич был послан в Оршу из Кобрина маршалком Казимиром Жеромским с приказом собрать войско *«в Полоцком и в Витебском и в Борисовском и в Менском поветах…, а собравши идти с ними в Оршу»*. Стеткевичу было велено *«беречь накрепко, чтоб в Быхов и в Борисов великого государя ратных людей и денежные казны и пушечных и иных запасов отнюдь не пропустить»*. Кроме того, Стеткевичу велено «оберегать литовскую сторону». Собрав с тех поветов войско, Стеткевич *«пришол в Оршу и послал из Орши полковника Окелли з двемя хорунгами под Быхов и велел ему с теми хорунгами, да с Суриновым полком стоять под Быховым, чтоб быховским сидельцам учинить тесноту и из города не выпустить»*. Вскоре Стеткевич проведал, что *«великого государя ратные люди з денежною казною и з запасы ис Смоленска в Быхов пошли»*. На перехват он послал свою казацкую хоругвь с поручиком «Козерицким» (Козаржицким) в Чаусы, а к полковникам О'Келли и Сурину писал, чтобы они шли к Козаржицкому в Чаусы с тем, чтобы над русским конвоем «промышлять, чтоб их в Быхов не пропустить». По словам Дреза, в Чаусы они пришли к Козаржицкому «до бою за три дни». Когда же русские ратные люди *«пришли от Чаус за пять верст на реку Проню, и меж рек Прони и Баси великого государя ратным людем был у них бой, и на том де бою их литовских людей старая королевская пехота пятнатцать знамен побиты все до одного человека и знамена и барабаны и разную бронь поимали, а конницу их рубили и топтали ратные люди на пятнатцати верстах и взяли в языцех их литовских началных людей и шляхты и иных чинов семдесят человек, а иные начальные люди и шляхта на том бою многие побиты, а иные на погоне в реке Басе и болотах перетонули… розных полков драгуны и казаки и салдаты тритцать человек про бой и про вести сказали те же речи, что маеор и началные люди и шляхта говорили»* [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 222–224].

В показаниях Дреза исследователя больше всего привлекает внимание фрагмент, в котором говорится, что *«на том де бою их литовских людей*

старая королевская пехота пятнатцать знамен побиты все до одного человека». Об этом писал ещё С. М. Соловьев в своей «Истории России», ссылаясь на выше цитируемый документ: «*В пяти верстах от Чаус, между реками Пронею и Басею, поляки Статкеевича встретились с русскими, бывшими под начальством иностранца, генерал-майора Вильяма Друмонта в упорном бою 15 знамен старой королевской пехоты были истреблены все до одного человека, конницу победители топтали на 15 верстах и взяли в плен 70 человек*» [18, с. 116].

Не отрицая возможное наличие в разбитом войске «старой» пехоты ВКЛ (до 6 хоругвей из полка Гонсевского), всё же стоит сделать вывод о том, что 15 пехотных хоругвей компутового войска под Чаусами быть не могло. Никакими иными документами это число не подтверждается. Возможно, вся наличная пехота насчитывала 15 хоругвей, но значительная часть этой пехоты состояла из волонтеров.

В ещё одной отписке князя П. А. Долгорукова сообщается, что генерал привез в Смоленск «*взятых языков полских и литовских началных людей немец и шляхты и иных чинов пятдесят семь человек, пятнадцать знамен, пушку медную полковую, сто девяносто мушкетов, семь барабанов, а три человека языков з дороги ушли …*» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 214]. Согласно росписи пленным, взятым в бою «в Могилевском уезде под Чаусами» и посланным в Москву с капитаном полка Драммонда Федором Балакиревым, среди них были:

«*Окелеева полку:*

иноземец маеор Яган Дрез, капитан Героним Орвит, порутчики: Анц Ворман,

Арист Фредрик Фонберк; прапорщики: Селиверст Киркор, Кристоп Бочинский; сержант Вилим Смит, рядовой Ян Пошневич.

Гансевского полку:

порутчик Станислав Пяткевич, капралы: Ян Лобжинский, Матвей Миткевич;

барабанщик Мартын Рачковской.

Шляхецкое товариство:

Статкеевича:

Петр Тарнавский, Станислав Савицкий, Семен Цыбулский, Ян Яровин, … Лучинский, Петр Соколовский.

Чернавского полку шляхта товариство:

Казимер Булгак, Иван Буткевич, Станислав Петров, Андрей Мачиевич.

Суринова полку:

порутчики: Самойло Барковский, Роман Барщевской.

шляхецкое товариство Суринова полку:

Ян Кореневский, Сила Таранович.

Мещеринова полку:

шляхтич Григорей Жилинский».

Кроме этого названы «*Гансевского, Статкеевича и Сопегина полку (зачеркнуто: полку) Чернавского, Саковичева и иных розных полков драгуны и салдаты и казаки*» — 26 человек [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 215–218]. Насколько упоминание «полков Сапеги» и «Саковича» является достоверным, сказать сложно. В источниках нет данных, что их хоругви участвовали в рассматриваемом бою.

Стоит уточнить трофеи. Согласно отписки Долгорукова со слов Драммонда: «*взято на том же бою 15 знамен, пушка полковая медная, 7 барабанов, 190 мушкетов, "а иное многое ружье в реке Басе и в болотах потонуло…, а барабанов много салдаты бердышами изрубили"*» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 218].

Как выше отмечено, бой под Чаусами также описан в «Дневнике» Патрика Гордона, правда его датировка ошибочно отнесена к маю 1663 года. Вероятно, шотландец писал это по памяти, несколько лет спустя, и неверно указал год. Согласно Гордону, в мае 1663 года, «*пока поляки утесняли Быхов блокадой, генерал-лейтенант Драммонд выступил из Смоленска с отрядом примерно в 2500 конницы и пехоты и прямым натиском разбил их в поле, прогнал через гать, перебив многих, а иных захватив с малым уроном, снял блокаду и подкрепил город припасами и всем необходимым, за что был щедро награжден царем*» [6, с. 128]. В записи Гордона стоит обратить внимание на слова, подтверждающие решительную атаку русских против литвинов, генерал: «прямым натиском разбил их в поле».

Таким образом, с учетом всего комплекса известных данных, можно детально реконструировать весь ход сражения следующим образом. В начале мая 1662 года смоленский воевода князь Петр Долгоруков направил в Старый Быхов отряд под началом шотландца генерал-майора Вильяма Драммонда численностью 3225 человек ратных людей. В сопровождаемом им обозе находилось денежное жалованье, хлебные и пушечные запасы для блокированного литвинами русского гарнизона. Оршанский подкоморий, полковник Кшиштоф Стеткевич, имел задачу не допустить прохода конвоев к Старому Быхову. Проведав, что русские идут на помощь городу, он выслал против них конные и пешие хоругви Козаржицкого, Сурина, Чернавского, Мещеринова, а также пехоту из полков Гонсевского и О'Келли. Всего около 3500 человек. 16 мая Драммонд остановился в пяти верстах от города Чаусы, где состоялась первая стычка с разъездами неприятеля. Под обоз генерала «подъезжали польские и литовские люди». Атака была отбита и противник отошел. Предвидя засаду на дороге, генерал взял с собой 60 человек и лично отправился на рекогносцировку, а именно: «ездил» под Чаусы «для того, чтоб ему осмотрить полских и литовских людей и обоз их», а своим людям велел в боевом порядке идти «за собою строем». Разведка позволила прояснить обстановку. Как оказалось враги «стояли,

укрепившись на переправе на реке Басе шанцами и всякими крепостьми, чтоб их … в Быхов не пропустить». Вероятно, литовские командиры расслабились и не ожидали столь внезапной атаки русских. Рейтары и смоленская шляхта пошли вперед и стремительно бросились на противника. Начался бой, в котором литвины были разгромлены: «пехоты порубили 16 (по другим данным — 15) знамен (хоругвей), а рубили и гнали и секли за реку Басю на 15 верстах». Согласно показаниям Драммонда, литовское войско потеряло больше 1500 человек убитыми, в основном пехоты; 70 пленными, 15 знамен, полковую пушку, 190 мушкетов. Часть конных литовских хоругвей спаслась бегством. После этого боя Драммонд без препятствий достиг Старого Быхова и пополнил его гарнизон всем необходимым. Однако, стоит уточнить, что потери «больше 1500 человек» явно завышены генералом, скорее всего они составили несколько сотен убитыми.

О победе Долгоруков сообщил царским послам, о чем затем была сделана соответствующая запись: «*170 мая в 22 день великим и полномочным послом ближнему боярину и наместнику Астраханскому князю Никите Ивановичу Одоевскому. Сказывали в Смоленску окольничей и воевода князь Петр Алексеевич Долгоруково, что по указу де великого государя отпустил он в Быхов его великого государя хлебные запасы, а для провожанья за теми хлебными запасы послал генерала Вилима Дромонта, а с ним великого государя ратных конных и пеших людей*». А ныне «*ведомо им учинилось, что полские и литовские люди на тех великого государя приходили под Чаусами и бой был болшой, а милостью божией и великого государя счастием его великого государя ратные люди полских и литовских людей побили и многие знамена и барабаны и литавры и пушки взяли*» [11, стб. 399–400].

Польский историк К. Коссаржецкий нашел в архивах лишь одно краткое упоминание о бое под Чаусами в письме Яна Цедровского Богуславу Радзивиллу из Вильно 13 июня 1662 года, в котором написано: «*Москва, проведя провиант до Быхова, наделала много шума среди наших волонтеров и затяжных. А именно людей в команде пана Стеткевича, подкомория оршанского, которые пришли полное расстройство (rozdrób)*» [20].

При всей скудости информации не стоит думать, что в других польских источниках нет никаких сведений об этом бое. Так, например, ещё в середине XIX века было опубликовано письмо польского агента пана Войши, который писал к королю из Могилева 25 августа 1662 года, о генерале Вильяме Драммонде: «*Дромонт, генерал-майор, родом англичанин, который привез в Быхов военные снаряды, ездил теперь в столицу, чтобы уволиться из царской службы… Не могу забыть того, как этот генерал-майор, после поражения нашего войска при Чаусах, сожалея об этом поражении, как-то при случае упрекал смоленского ротмистра Швейковского и других за то, что они, позабывши наследственного повелителя, и оказывая услуги чуждому властелину, мужественно сражались в этой битве, воодушевили*

таким образом московское войско, и сделались виновниками этой победы. Чего не похвалял этот Дромонт; он был короля своего в Англии и сюда прибыл, как доблестный воин» [12, с. 201].

Смоленские шляхтичи или рейтары сыграли главную роль в победе, нам точно неизвестно. Однако, приведенный документ выглядит очень странным, поскольку содержит ряд явных противоречий и откровенную пропагандистскую составляющую. С одной стороны, он косвенно подтверждает известную нам высокую эффективность тогдашней польско-литовской разведки. В августе 1662 года некий вражеский агент в Могилеве знает и о деталях недавнего боя при Чаусах, и самое главное — о совсем актуальной поезде генерала В. Драммонда из Смоленска в Москву, и о ее целях и его желании уволится с царской службы. С другой стороны, это донесение Войши явно грешит намеренными искажениями и неприкрытой пропагандой, а именно:

– с чего бы вдруг генералу В. Драммонду столь явно, открыто и публично, сожалеть о своем триумфе, об одержанной им победе над литовским войском в бою при Чаусах? Разве он мог желать сам себе поражения в этом сражении?

– нелогичны и откровенно нелепы якобы высказанные упреки генерала ротмистру Швейковскому в том, что тот «позабывши наследственного повелителя, и оказывая услуги чуждому властелину, мужественно сражался». Как мы знаем, по тогдашним военным европейским традициям смена офицерами национальных армий (и правителей государств) даже в ходе одного длящегося военного конфликта была явлением частым и совершенно нормальным, и под любые упреки тогда явно никак не подпадала;

– сам факт неких упреков Драммонда в адрес ротмистра Швейковского полностью исключить мы тоже не можем, но суть этих претензий явно была иной. Она могла касаться, например, дисциплинарного разбора конкретных действий роты Швейковского в бою при Чаусах. Не исключено, что, возможно, храбрая атака конной роты Д. Швейковского в начале боя не входила в планы, намеченные ранее генералом, и явилась по сути победным и самоуправным экспромтом, хоть и очень нужным и важным в итоге, но всё-таки нарушающим его приказ;

– ну и не будем забывать того факта, что оба шотландских генерала на русской службе (Драммонд и Далейль), не отрицая их несомненных военных талантов, были при этом очень гордыми и высокомерными командирами. Нам известны их многочисленные конфликты и ссоры с русскими воеводами, прямые жалобы на то царю (через головы вышестоящих воевод), их частое и публично высказывавшееся недовольство в 1662–1665 годах тем, что царское правительство не отпускало их на родину, в Британию, после прошедшей там Реставрации Стюартов. Вражеская разведка, несомненно, обо всем этом хорошо знала, и не исключено, что в этом до-

несении 1662 года пан Войша всеми силами пытается убедить короля в готовности генерала Драммонда перейти на польскую сторону, дабы показать свою значимость как особо ценного агента и информатора.

Отечественные документы свидетельствуют об ином — за всё время своей русской службы с 1656 по 1665 год, не было ни одного серьезного повода упрекнуть Драммонда в измене. Во всех кампаниях в рядах русской армии он вел себя как храбрый и преданный царю боевой офицер. В отпускной грамоте царя Алексея Михайловича от 17 февраля 1665 года, данной Далейлю и Драммонду, в частности, написано, что оба генерала: «*нам великому государю нашему царскому величеству служили и против недругов наших стояли и бились мужественно, и своих полковых людей, которые у них были в регименте управляли, и к бою и к справе приводили и всё строили, и делали верно как годно шляхетно уроженным началным людем и за тое их верную службу мы великий государь наше царское величество пожаловали, генерала поручика Томаса Далиэла велели ему быть в генералех, а генералу маеору Вилиму Дромонту в генералех порутчиках. А они той чести по своей службе достойны…*» [21, s. 191–192].

Ещё один любопытный польско-литовский источник, в котором речь идет об экспедиции генерала Драммонда к Старому Быхову, также хорошо известен. Это два сообщения литовского шляхтича Михаила Льва Обуховича, бывшего в то время в плену в Смоленске. Отрывочная информация, дошедшая до пленника, и нежелание верить в победу русских фактически привели к явному искажению фактов в его дневнике. Эти сведения позднее попали в польскую историческую литературу, причем поражение польские исследователи часто преподносили как «победу».

Обухович писал: «*За несколько недель до того (27 мая) посланы были смоленским воеводой (Петром Долгоруковым) люди с провиантом в Быхов, который, будучи в осаде и имея перекрытые шляхи-дороги, едва держался — пехоты тысячи две и больше, смоленскую шляхту, которой насчитывалось три хоругви, и иных, полковника рейтаров Челюскина, а также бельских казаков и иных, про которых известно, что до Быхова не дошли. Была великая битва с нашими; заступили им дорогу пан Сурын, пан Оскерко, пан Мурашка и иные. Каков eventus (результат) точной информации не имеем, однако ходят слухи, что наши победили — пострадали московские люди, офицеры и шляхта. Господи Боже, помоги в дальнейших наступлениях*» [23, s. 103].

Второе сообщение Обуховича: «*2 июня. В Смоленске восемь раз звучали пушечные залпы. Московиты притворялись, что те люди, которые были отправлены с суплементами (с вспомогательными силами) под Быхов, имели с нашими битву под Чаусами и одержали викторию, однако пока не смогли войти в Быхов. От чего явное jactantia patet (хвастовство) этого народа, который как падает …, прославляет свои деяния. Дай, Боже, ждать*

в Отчизне больше определенных и радостных вестей! "Победили", но не вошли в Быхов — одно с другим не вяжется» [23, s. 103].

Вывод по итогу напрашивается однозначный: Обухович имел явно непроверенную и ошибочную информацию. Русские не только победили, но и свободно доставили припасы в Старый Быхов, усилив его гарнизон. Об этом свидетельствует как отчет генерала, но и другие достоверные документы, а именно: Аверкий Болтин сменил прежнего воеводу в крепости, в состав гарнизона вошли майоры Андреян Бутримов и Матвей Чуровский, и кроме того, получившие всё необходимое «быховские сидельцы» дождались следующего конвоя через год, продолжая пребывать в блокаде. Если бы Драммонд не дошел до Старого Быхова, то подобное было бы невозможно.

Бывший в Смоленске Обухович подтверждает, что Драммонда встречали как триумфатора, одержавшего победу. Смоляне радовались и восемь раз стреляли из пушек в знак признания заслуг генерала, что было бы невозможно в случае неудачи предприятия.

Для полноты данного исследования рассматриваемой экспедиции стоит упомянуть ещё об одном эпизоде, который возник из сообщения майора Устина Мещеринова. Он, в частности, рассказал, что после описанного боя под Чаусами, у генерала якобы был ещё один бой, исход которого неизвестен. 27 мая 1662 года Устин Мещеринов вышел из Орши в Смоленск, из литовского плена. Ранее он служил в полку солдатского строя Томаса Гейса (в тексте: Еса) и был взят в плен в битве при Кушликах (1661). По его словам, как *«был де бой великого государя у ратных людей, которые посланы за хлебными запасы и за казною в Быхов с полскими и литовскими людми, и видел в Орше у Статкевича того бою смоленского рейтара Филипа Отрепьева да генерала маеора Вилимова полку Дромонта салдата, а как ево зовут того не спросил. И тот салдат сказывал ему, Устину, что великого государя у ратных людей с полскими и литовскими людми был бой, и на том де бою великого государя ратные люди полских и литовских людей многих побили и ему де Устину сказывал тот солдат, что у генерала … был другой бой»*, а что на том бою «учинилось» неизвестно. [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 183–187].

О якобы втором бое между отрядом генерала и литовским войском Долгоруков сообщил в Москву до возвращения Драммонда в Смоленск, а именно 28 мая [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 192]. Однако, когда 1 июня Драммонд со всем своим войском пришел в Смоленск, он доложил, что никакого *«другова бою у него, генерала, с полскими и литовскими людми не было…»* [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 192].

Резонный вопрос: насколько честен был генерал и был ли «второй бой»? Если нет, то откуда в Орше два человека пленных, в том числе солдат из его полка? Нам представляется, что при возвращении из Старого

Быхова в Смоленск конвой, возможно, мог быть атакован каким-то небольшим литовским отрядом. Но, видимо, стычка была настолько мелкой и незначительной, что Драммонд не счел нужным упоминать о ней, не считая это событие достойным внимания. Никаких сведений о других потерях в этом «бою» нет. Вероятно, этот мифический «второй бой» лег в основу легенды в польской исторической литературе о якобы победе над русскими под Чаусами объединенных отрядов Сурина, Оскирки и Мурашки [25. T. 46, s. 24]. Информацию о нём следует признать недостоверной. Что касается сообщений о том, что в начале июня 1662 года отряды Стеткевича и Сурина «разбили часть российского конвоя, идущего с запасами из Борисова до Быхова» [25. T. 43, s. 497], то маловероятно, чтобы гарнизон Борисова, также бывший в блокаде и нуждающийся в подкреплениях, отправлял своих солдат в Старый Быхов. Если же речь идет о якобы нападении на конвой Драммонда после возвращения из Старого Быхова в Смоленск, то, согласно списку потерь, солдат, попавших в плен к противнику, у генерала не было.

Сведения об уроне русского войска отражены в упомянутой отписке князя П. А. Долгорукова. Согласно приведенному списку, потери убитыми у Драммонда составили: рейтары полков В. Челюсткина — 7 человек, В. Змеева — 1 человек, Д. Фонвизина — 2 человека, смоленская, бельская шляхта и казаки — 5 человек. Итого: 15 человек. Ранеными: рейтары полков В. Челюсткина — 4 человек, В. Змеева — 2 человека, Д. Фонвизина — 6 человек (в том числе поручик и прапорщик), смоленская шляхта и казаки — 9 человек, поручик из полка В. Дромонта — 1 человек, сотник приказа У. Ганова — 1 человек. Итого: 23 человека. Без вести пропали: смоленский шляхтич — 1, бельские казаки — 3 человека. Итого: 4 человека [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 219–221].

Всего, по уточненным данным, 15 убитыми, 23 ранеными и 4 пропавшими без вести. Урон по большей части понесла русская кавалерия, что свидетельствует о её очень активном участии в бою. Решительная конная атака на позиции противника, вероятнее всего захваченного врасплох и не ожидавшего внезапного нападения, привела к полному успеху и разгрому неприятеля.

12 июня 1662 года смоленский воевода князь Петр Алексеевич Долгоруков прислал в Москву трофеи боя под Чаусами: «пушку медную полковую да пятнатцать знамен, а каковы знамена и тому роспись» [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 205]. Список этих знамен хорошо известен по публикации его Л. П. Яковлевым в «Древностях Российского государства» (1865). [19, с. 99]. Однако, при сверке публикации с оригинальным источником [13. Ф. 79. Оп. 1. 1662. № 1. Л. 205–207], выяснилось, что текст Л. П. Яковлева не полностью идентичен документу. Имеются расхождения в записи тех или иных особенностей трофейных знамен. Не исключено, что публика-

ция Л. П. Яковлева основана на каком-то другом списке, который нам не удалось найти в архиве.

Итоги и выводы

Победный бой генерал-майора Вильяма Драммонда под Чаусами 16 (26) мая 1662 года, конечно же, не был генеральным сражением и не мог повлиять на общую ситуацию на фронтах русско-польской войны 1654–1667 годов Особенно сильно значение этой локальной победы превознес И. В. Галактионов, писавший, что: *«тяжелые потери в боях и осадах городов ослабили наступательный порыв польско-литовской армии. Мощный контрудар под Могилевом, организованный русским командованием 16 мая 1662 года, окончательно остановил наступление поляков»* [5. С. 52]. Из комплексного анализа всей этой кампании видно, что никакого широкомасштабного наступления войск Речи Посполитой в 1662 году не было, как не было и «мощного контрудара» русской армии, остановившего это «наступление». Масштаб рассматриваемой операции никак не походил на событие, которое могло кардинально повлиять на ход войны.

Как верно заметил ещё С. М. Соловьев, «этот частный успех не мог переменить общего хода дел в пользу Москвы» [18, с. 116]. Однако, свою задачу он выполнил — позволил русскому гарнизону Старого Быхова успешно обороняться от противника до весны следующего года. Только в январе 1663 года воевода Аверкий Болтин сообщил в Москву, что привезенных генералом запасов осталось мало, «корм будет на 2 месяца» и необходим новый конвой с денежным жалованием и продовольствием [14, с. 507].

Сражение при Чаусах продемонстрировало нам пример атакующего боя русских войск, закончившегося полным успехом победителей и разгромом неприятеля. Активный и предприимчивый характер действий генерала позволил выгодно использовать внезапность нападения на литовское войско и нивелировать численное превосходство противника в коннице, опасное в условиях войны на территории, занятой неприятелем. Войско Речи Посполитой всегда отличалось большей подвижностью и легкостью маневрирования благодаря преобладанию в его составе конницы. Однако, в данном сражении русские умело ликвидировали это преимущество и выполнили поставленную боевую задачу. Этот бой, как и многие другие, опровергает нелепое утверждение обиженного на царский двор из-за неудачи своей миссии австрийского посла А. Мейерберга о том, что якобы московские *«конники никогда не показывают опытов… военной храбрости, потому, что дворян, недостойных этого названия, никак нельзя заставить, чтобы они отважились напасть на неприятельский строй, выстрелив в него раз…»* [9, с. 162].

Что касается литовского командования, то оно явно неправильно оценило силы и боевые возможности русского конвоя, полагая, что нерегу-

лярные части волонтеров, собранные с разных поветов, смогут противостоять в прямом полевом бою хорошо обученным полкам нового строя и закаленным в боях ротам смоленской шляхты.

В феврале 1663 года уже генерал-поручик Вильям Драммонд провел новый конвой с припасами из Смоленска в Старый Быхов, пополнив его гарнизон солдатами и запасами [8, с. 228]. В этот раз обошлось без сражения с противником, никто не рискнул перекрыть ему дорогу. Согласно смете 1663 года в гарнизоне Старого Быхова значилось 28 начальных людей и 1000 солдат [16, с. 15]. Воевода Аверкий Болтин успешно держал оборону в городе до февраля 1664 года. Когда все запасы были исчерпаны, оставшийся гарнизон (400 человек), по договоренности с противником покинул крепость с оружием и знаменами [8, с. 256]. Находившийся более четырех лет под властью Русского государства Старый Быхов был оставлен ввиду угрозы большого наступления польско-литовской армии на Украине из-за невозможности удерживать город далее. Это была последняя крепость на Днепре на территории Беларуси, из которой ушли русские отряды до конца войны.

Привлечение новых архивных материалов позволило нам добиться качественной реконструкции ещё одного военно-исторического события, устраняя неточности историков прошлого. Удалось не только оценить состав и численность противоборствующих отрядов, но и подробно описать ход самого сражения при Чаусах с опорой на ранее неизвестный источник.

Список источников и литературы

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. III. Разрядный приказ. Московский стол, 1660–1664 СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. XXX, 671, [3] с.
2. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М.: Кучково поле, 2010. 688 с.
3. Богданович Е. Род князей Барятинских. Исторический очерк по поводу 250-летнего юбилея г. Симбирска. Л.: Ингрия, 1990 (Репринтное воспроизведение издания 1898 г.). 45, [3] с.
4. Великанов В. С. Русский корпус генерал-майора Вилима Дромонда в битве при Чаусах, 16 мая 1662 // Oderint dum probent. Публикация 9.02.2015 / Электронный ресурс: URL: http://rusmilhist.blogspot.com/2015/02/russian-troops-in-battle-of-chausy-16.html (дата обращения: 15.08.2024 г.)
5. Галактионов И. В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-е гг. XVII века. (Андрусовское перемирие). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960. 107 с.
6. Гордон Патрик. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2003. 315 с.
7. Иловайский Д. И. Отец Петра Великого. М.: Мир книги. Литература, 2008. 528 с.
8. Курбатов О. А. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Руниверс, 2019. 388 с.
9. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи,

кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом. // Утверждение династии. / Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.). М. Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 43–184.
10. Ноздрин О. Я. «Против недругов стоял и бился мужественно…» Клан Драммондов на службе царю и отечеству // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 года. Ч. II. СПб: ВИМАИВиВС, 2010. С. 154–163.
11. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Том IV. С 1661 по 1674 год. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И.В. Канцелярии, 1856. 725 с.
12. Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. IV. Ч. 3. Киев, 1859.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
14. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 10. Записные книги Московского стола 1636–1663 г. СПб: Типография Министерства внутренних дел, 1886. 592 с.
15. Саганович Генадзь. Невядомая вайна 1654–1667 гг. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. 144 с.
16. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. Сообщил С. Б. Веселовский. //Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Синодальная типография, 1911. Кн. 3. С. 1–60.
17. Смоленская шляхта. Т. II. Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. М.: Русское экономическое общество, 2006. 368 с.
18. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 11. // Сочинения. Кн. VI. М.: Наука, 1991.
19. Яковлев Л. П. Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М.: В Синодальной типографии,1865. 119, 104, 123, 29, [4] с.
20. AGAD, AR, dz. V, nr 1867, część I, S. 26. // Jan Cedrowski w liście do Bogusława Radziwiłła, Wilno 13 czerwca 1662.
21. Dalton C. The Scots army, 1661–1688, with memoirs of the commanders-in-chief. London: Eyre and spottiwoode, Ltd; Edinburg: William Brown, 1909. XXVIII, 350 p.
22. Dow F. D. Cromwellian Scotland 1651–1660. Edinburgh: John Donald publihers Ltd, 1979. XII, 361 c.
23. Obuchowich M. Diariusz // Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku. Wilno: Nakladem A. Assa Ksiegarza, 1859. S. 1–52.
24. Poczobut-Odlanicki J. W. Pamiętnik [1640–1684], oprac. A. Rachuba. Warszawa: Czytelnik, 1987. 429, [2] s.
25. Polski Słownik Biograficzny. Warszawa- Kraków: Instytut historii PAN, 2005. T. 43, 46.

26. Rachuba A. Konfederacje wojska litewskiego w latach 1655–1663. Zabrze: Wydawn. Inforteditions, 2010. 311 s.

Babulin Igor Borisovich
Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Moscow College of Transport, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport (Moscow Institute of Transport Engineers)", Lieutenant Colonel of Justice.

TRIUMPH OF MAJOR GENERAL WILLIAM DRUMMOND: THE BATTLE AT CHAUSY ON MAY16 (26), 1662

Key words: *Russo-Polish War of 1654–1667, Smolensk, Stary Bykhov, Chausy, Major General William Drummond, Reiters, Nobility, Banner.*
Annotation. *The article is devoted to the reconstruction of one of the little-known episodes of the Russo-Polish War of 1654–1667 — the Battle of Chausy, which took place in May 1662. Relying on an extensive source base, including a large number of archival sources, the author managed to create a detailed description of the military-historical event, eliminating the inaccuracies of past historians. At the same time, it was possible to assess the composition and number of the opposing detachments, and also to especially highlight the outstanding role in the victory of the Russian army of the native of Scotland, Major General William Drummond.*

Гончарова Анна Юрьевна,
старший научный сотрудник
отдела истории
ГБУК «Белгородский государственный
историко-краеведческий музей»

УДК 069.12

DOI 10.54016/SVITOK.2025.20.28.037

К ВОПРОСУ О ПОПУЛЯРИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ XVII ВЕКА НА БЕЛГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Ключевые слова: *Белгородская черта, культурно-образовательная деятельность музея, экскурсия, город — крепость, служилые люди*

Аннотация: *В статье представлены результаты практического опыта культурно-образовательной деятельности с детьми в Белгородском государственном историко-краеведческом музее по теме «Белгородская черта». История этого феномена фортификации, возникшего в XVII веке на южных рубежах Российского государства, является одной из важных тем в научно-исследовательской и научно-просветительной деятельности музея. Разнообразные мероприятия для детей разного возраста проводимые на музейных площадках, помогает развивать у них опыт восприятия сложных текстов, пространственное и логическое мышление, умение анализировать данные. Кроме того, они способствуют патриотическому воспитанию молодёжи.*

Процесс трансляции и популяризации историко-культурного наследия является одним из основополагающих явлений в музейной практике.

Историко-культурное наследие «обладает информационным потенциалом, необходимым для развития и передачи будущим поколениям» [1. с. 15], и с этой точки зрения является важным фактором успешного существования общества. Для самоидентификации и выражения творческой позиции человека важна актуализация прошедших эпох в его современной жизни.

Важным событием в истории России XVII века стало строительство Белгородской оборонительной черты.

Возведение Белгородской черты определило судьбу Центрального Черноземья и оказало серьёзное влияние на историю России второй половины XVII века.

Каковы же были причины строительства столь масштабного оборонительного сооружения?

В XVI веке на западных и северо-западных окраинах Российское государство имело границы, определявшиеся договорами, в которых оговаривалась государственная принадлежность той или иной территории. На юге и на востоке границы России не были зафиксированы, это была своеобразная буферная зона между Крымом и Россией. К югу от русских земель располагался огромный лесостепной край — Поле, богатый чернозёмными почвами. Через Поле проходили три шляха: Муравский, Изюмский и Кальмиусский, по которым совершали постоянные набеги крымские татары, наносившие огромный урон населению: поджоги, захват пленных [2. с. 12].

Эта территория представляла «лакомый кусок»: плодородные почвы, которые обладали большим потенциалом для сельскохозяйственного возделывания. В связи с этим и московские великие князья, и правители других племён и народов постоянно заявляли свои притязания на эти земли. Для закрепления государственной границы на этой территории предстояло осваивать эту местность: заселять её и укреплять.

Правительство предприняло определённые шаги к подготовке приграничных крепостей к Смоленской войне (1632–1634), но эти меры оказались недостаточны. Хотя основные сражения войны развернулись под Смоленском, но события, происходившие на южном российском порубежье, оказали определённое влияние на результаты кампании. Татарский удар в 1632 году задержал выступление главных русских сил к Смоленску на три месяца. Ход боевых действий на Поле во время Смоленской войны подталкивал российское правительство к мерам для укрепления обороны в регионе.

Окончание Смоленской войны ознаменовало начало новой эпохи в политике Российского государства на южном направлении. С 1635 по 1658 год Россия развернула строительство Белгородской черты, протяжённостью 800 километров, включавшей 28 городов-крепостей. Линия укреплений проходила по территории четырех современных областей России: Белгородской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской и Сумской области Украины. Основной этап строительства оборонительной линии (1646–1653) приходится на период правления царя Алексея Михайловича. В это время были построены города-крепости, расположенные на территории Белгородской области: Болховец (1646), Царёв-Алексеев (1647), Верхососенск (1647), Нежегольск (1654). Именно в это время выстраивалась долговременная стратегия обеспечения государственных интересов [2. с. 59–61]. При Алексее Михайловиче закончилась централизация государственной власти и расширение границ России [3. с. 3].

Для организации защиты Белгородской черты в 1658 году был создан Белгородский полк, который относился к полевым войскам, предназначался для активных наступательных действий и выполнял задачи борьбы

с внешними врагами. Воеводой был назначен князь Григорий Григорьевич Ромодановский.

Формирование Белгородского полка повлекло за собой создание в 1658 году Белгородского разряда (просуществовал до начала реформ Петра I) — крупного пограничного военно-административного округа Российского государства, объединившего несколько уездов [3. с. 157].

История Белгородской черты является одной из важных тем в научно-исследовательской и научно-просветительной деятельности Белгородского государственного историко-краеведческого музея. На протяжении ряда лет ведётся работа по комплектованию фондов музея предметами и документами, рассказывающими о создании городов-крепостей на юге России, строительстве Белгородской черты, различных аспектах жизни населения порубежного края. Музейные коллекции по данным темам представлены копиями архивных документов, чертежей и рисунков XVII века. Музей располагает графическими работами, иллюстрирующими сооружения Белгородской черты, жизнь и облик её жителей [4]. Также в фондах музея представлены предметы вооружения и промысловой деятельности [5], найденные во время археологических раскопок на месте города-крепости Белгород.

В рамках музейно-образовательной программы «Люби и знай свой край» сотрудники музея проводят экскурсии, уроки и мероприятия, посвящённые городам-крепостям и служилым людям Белгородской черты.

В данной статье мы подробнее представим результаты практического опыта культурно-образовательной деятельности с детьми в музее по теме «Белгородская черта».

Первым городом-крепостью Белгородской черты на территории современной Белгородской области стал Яблонов, построенный в 1637 году.

С 2019 года по 2022 год просветительский центр «Город-крепость Яблонов» являлся филиалом Белгородского государственного историко-краеведческого музея. Научные сотрудники музея создали экспозицию просветительского центра, разработали образовательную программу и мастер-классы. Уроки, квесты и мероприятия, проводимые в крепости, носят аутентичный характер, здесь присутствует особая атмосфера.

В рамках исторического экскурса ***«Страж Руси»,*** рассказывающем о городе-крепости Хотмыжск 1640 года, ребята узнают о том, что это был один из самых мощных городов Белгородской черты. Город располагался на высоком мысу, дубовые стены высились над землей на четыре с половиной метра. На них располагались обламы — выступающие в сторону противника площадки с боевыми щелями. Хотмыжск имел две проезжие башни и восемь глухих. Ребята знакомятся с новыми терминами (вал, ров, надолбы, обламы) и узнают о роли Хотмыжска в этот период.

Пограничный статус городов-крепостей наложил заметный отпечаток на состав и занятия населения. Служилые люди Белгородской черты

должны были не только строить города-крепости, но и заниматься хозяйственным освоением края. Это во многом способствовало их закреплению на Белгородской земле. Они оставались храбрыми воинами, стоявшими на защите южных рубежей Московского государства [6].

Для закрепления понятия «служилые люди», мы предлагаем игру ***«Воевода»***. Учащимся предоставляются карточки с изображением служилых людей (дети боярские, стрельцы, пушкари, казаки, затинщики, драгуны) и описанием их службы, а ребятам нужно правильно соотнести изображение с описанием. Также мы разработали подобную игру, но на знание оружия и доспехов (саадак, пищаль, мисюра, кольчуга, рогатина) [7].

3 февраля 1647 года Боярская дума принимает решение о строительстве Царёва-Алексеева. Это была самая крупная крепость, построенная в этот период и названная в честь Алексея Михайловича. В ходе мероприятия ***«Защитник земли русской»*** (о городе-крепости Царёв-Алексеев) мы использовали игровую модель. Для учащихся была разработана викторина «Умницы и умники», отвечая на вопросы которой они могли проверить полученные знания и проявить свою эрудицию. На мероприятии вниманию учащихся были представлены документы и графические рисунки из фондов музея. Особое внимание заслуживает рисованный чертёж участка укреплений Белгородской черты с изображением города Царёв-Алексеев (ныне Новый Оскол), фрагмент изображения которого размещён на обложке ежегодного музейного издания «Белгородский краеведческий вестник». Также на уроке происходит взаимодействие детей с музейными экспонатами. У ребят вызывают настоящий восторг предметы XVII века, а увлекательный рассказ научного сотрудника погружает их в прошлые события, позволяя учащимся перенестись через столетия.

В ходе обзорной и тематических экскурсий по экспозиции можно увидеть, как выглядели строения Белгородской черты — реконструкции в виде макетов, чертежей и рисунков [8, 9, 10]. Имеется карта Белгородской черты, а также макет третьей крепости Белгород, возведённой на новом месте в 1650 году [11].

На мероприятии ***«Ратная доблесть веков»*** мы говорим о городе-крепости Нежегольск (ныне село Нежегольск Шебекинского городского округа), который был основан в 1654 году. Здесь мы использовали приём реконструкции. Учащиеся знакомятся с описанием Нежегольска и на плане города-крепости, они размещают изображения с элементами крепости.

Приведём пример интерактивного задания: «Город был сложен из дубовых брёвен и имел в плане четырёхугольную форму. В районе главных ворот имелся выступ с мостом. Периметр крепостных стен составлял 637 метров. С трёх сторон крепость окружал ров глубиной и шириной почти в шесть с половиной метров.

По периметру города стояло шесть башен, две с проезжими воротами и четыре башни глухих. Каждая из башен имела свои размеры, конструкцию и наименование:

- башня от реки Нежеголи с проезжими воротами;
- башня Наугольная глухая поставлена в городе в валу;
- башня Московская построена на отводе, в ней проезжие ворота;
- башня Наугольная от верхнего вала;
- башня Наугольная с Водяными воротами;
- башня Тайницкая».

Используя это задание, мы развиваем у детей опыт восприятия сложных текстов, пространственное и логическое мышление, умение анализировать данные.

В 2023 году раздел экспозиции музея, посвящённый Белгородской черте, был дополнен сенсорным информационным киоском «Служилые люди Белгородской черты. XVII век», благодаря которому посетители могут самостоятельно узнавать более подробную информацию о служилых людях (стрельцах, пушкарях, казаках и других), их одежде и обмундировании.

Совершенно новой формой работы музея с детьми стал мультипликационный фильм «Равнение на Победу! На южных рубежах» в жанре песочной анимации, созданный при поддержке Президентского фонда культурных инициатив в 2024 году. Мультфильм наглядно повествует о строительстве Белгородской черты и о маленьких подвигах главного героя — мальчика Арсения. Арсений Родин вместе со своим четвероногим другом Дружком проявляют свои самые лучшие качества: смелость, отвагу, решительность, сопричастность судьбе своей страны. В фильме представлены мужественные защитники, смело вставшие на защиту рубежей Родины. Предваряет просмотр мультфильма тематическое занятие. Ребятам очень нравится подобная форма работы.

Уроки и мероприятия, проводимые Белгородским государственным историко-краеведческим музеем, способствуют патриотическому воспитанию молодёжи. Деятельность музея направлена на «укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, а также создание условий для реализации каждым гражданином его неотъемлемых прав на доступ к знаниям, информации, культурным ценностям, на участие в культурной жизни, пользование организациями культуры» [12].

Список источников и литературы

1. Мастеница Е. Н. Культурное наследие и музей. Проблемы взаимодетерминации // Научно-исследовательская работа в музее. Тезисы докладов на VIII всероссийской научно-практической конференции МГУКИ (Москва, кафедра музееведения, 29–30 ноября 2005 года). М.: МГУКИ, 2005. С. 14–22.

2. Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиарост, 2020. 264 с.
3. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского госуниверситета, 1969. 304 с.
4. Рисунок. «Типы жителей Белгородского края XVII столетия: боярин, пушкарь, драгун, крестьянин, черкас, стрелец». Белгородский государственный историко-краеведческий музей (БГИКМ) Книга поступлений научно-вспомогательного фонда (КПНВ) 14743.
5. Свистулька. XVII в. БГИКМ Книга поступлений (КП) 1205.
6. Карта-схема «Южные границы российского царства 1582–1618 гг.». Копия. БГИКМ КПНВ 32027.
7. Рогатина. XVII в. БГИКМ КП 23588.
8. Рисунок. Раскатная башня кремля белгородской крепости 1644 г. Копия. БГИКМ КПНВ 37181; рисунок.
9. Спасская башня кремля белгородской крепости 1644 г. Копия. БГИКМ КПНВ 37182; рисунок.
10. Донецкая башня кремля белгородской крепости 1644 г. Копия. БГИКМ КПНВ 37183;
11. Макет третьей крепости Белгород XVII в. БГИКМ КПНВ 14747.».
12. Стратегия развития деятельности музеев в Российской Федерации до 2030 г. / Электронный ресурс: URL: https://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22197 (дата обращения: 25.08.2024 г.)

Goncharova Anna Yuryevna,
Senior Researcher, Department of History, State Budgetary Cultural Institution «Belgorod State Museum of History and Local Lore»

ON THE QUESTION OF POPULARIZATION OF HISTORICAL EVENTS OF THE17TH CENTURY IN BELGOROD LAND BY MUSEUM MEANS

Key words: *Belgorod line, cultural and educational activities of the museum, excursion, fortress city, service people.*
Annotation. *The article presents the results of practical experience of cultural and educational activities with children in the Belgorod State Museum of History and Local Lore on the topic «Belgorod line». The history of this phenomenon of fortification, which arose in the 17th century on the southern borders of the Russian state, is one of the important topics in the research and educational activities of the museum. Various events for children of different ages held at museum sites help develop their experience of perceiving complex texts, spatial and logical thinking, and the ability to analyze data. In addition, they contribute to the patriotic education of young people.*

Донских Сергей Владимирович
кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»

УДК 94(47).047

DOI 10.54016/SVITOK.2025.67.19.038

ВОЗВРАЩЕНИЕ СМОЛЕНСКА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1654 ГОДУ И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ХОРОНИМА «БЕЛАЯ РУСЬ» НА КАРТЕ ЕВРОПЫ

Ключевые слова: *Смоленск, Белая Русь, царь Алексей Михайлович, Восточная Европа, царский титул.*

Аннотация*: Перед началом тринадцатилетней войны России с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) царь Алексей Михайлович принял титул «Всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца», очертив свои территориальные цели, опираясь при этом на традицию европейских схоластов и картографов, а также на социально-культурные реалии Восточной Европы конца XVI — первой половины XVII века, в которой новые политические и конфессиональные границы создали «запрос снизу» на хороним Белая Русь. В геополитической модели второго правителя из династии Романовых центром Великой России являлась первопрестольная Москва, Малой России — древний Киев, а Белой России — Смоленск. Однако, результаты затянувшейся войны 1654–1667 годов не позволили в полной мере реализовать амбициозный план царя Алексея Михайловича. По итогам войны Смоленск был возвращен в состав Российского государства, а большая часть Белой Руси — современные белорусские Поднепровье и Подвинье — остались под властью Речи Посполитой. С этого времени за ними прочно закрепился хороним «Белая Русь».*

В сентябре 1654 года Смоленск сдался армии царя Алексея Михайловича. С этого времени и по сегодняшний день Смоленская земля входит в состав Российского государства и прочно ассоциируется с его западными рубежами. Долговременные последствия возвращения Смоленска в состав Рос-

сии вышли далеко за границы конфликта России и Речи Посполитой и изменения государственных границ XVII века. Они сыграли важную роль в становлении современной Белоруссии как отдельной страны на карте европейского континента.

Историография XIX–XX веков в рамках своих исторических реконструкций зачастую грешила примордиализмом, доказывая, что определенные народы, страны и государства являются изначальными, исконными на определенной территории. В силу неблагоприятных исторических обстоятельств они могли на какое-то время исчезать со страниц исторических источников или уменьшаться в размерах, но никогда полностью не исчезали из истории. Историки искали и/или конструировали линейную причинно-следственную связь: народ → страна → государство, на единство которых должен был четко указывать общий корень их наименования. Такой подход прямо противоречит историзму, как ключевому принципу исторического исследования, требующего учитывать изменчивость и уникальность прошлого, не тождественного, принципиально несводимого к современным социальным структурам и культурным моделям.

Исторические события, за исключением природных катастроф, подобных гибели Помпей, детерминированы сложным комплексом причин со своей иерархией и уровнем влияния на исторические процессы. Большинство последствий будут непредсказуемыми для субъектов исторического процесса [3]. Многие исторические события были обусловлены не только внутренней логикой развития, но также и трансферами — институциональными, технологическими и культурными заимствованиями у соседей — союзников, торговых партнеров или противников [9].

Осуществляя идеологическую подготовку к войне с Речью Посполитой, правительство Алексея Михайловича внесло серьезные изменения в царский титул. С марта 1654 года начало царского титула впервые стало писаться по-новому: «Божией милостью, Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержец…» [6, с. 10–11]. Указавший на этот факт М. С. Митин, считает, что термин Белая Русь в данном контексте имеет отношение к территории современной Украины. Поскольку к марту 1654 года Переяславская рада (18 января 1654 года) уже приняла решение о подданстве казаков царю Алексею Михайловичу, но русская армия еще не выступила в поход на Смоленск (15 мая 1654 года).

С данным аргументом нельзя согласиться. Во-первых, правительство Алексея Михайловича четко осознавало, что принятие украинских казаков в российское подданство есть однозначный повод к большой войне, ближайшей целью которой является возвращение Смоленска, а главной целью — возвращение России утраченного по итогам Смутного времени начала XVII века статуса значимой европейской державы. Во-вторых,

подготовка к войне показывает, что на начальном этапе именно Белая Русь являлась приоритетом царских воевод. В направлении Смоленска, белорусского Поднепровья и Подвинья должны были действовать три русские армии численностью около 70 тысяч человек, а на Украину выдвигалась лишь одна армия со вспомогательным полком числом около 11 тысяч человек [5 с. 15–16, 8 с. 11].

Принимая титул «Всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца» царь Алексей Михайлович четко указывал на земли, которые считал своими и планировал включить в состав Российского государства по итогам войны. Эта политическая декларация, подкрепленная мощной военной силой, запустила исторический процесс институциализации и территориализации хоронима Белая Русь, который до середины XVII века не имел четкой привязки к определенной части Европы.

Как показали исследования А. В. Белого и М. С. Митина с XIV по XVI век хороним Белая Русь не имел общепринятой локализации и постоянно перемещался по географическим картам Европы. Это была чисто интеллектуальная конструкция западноевропейских средневековых ученых и картографов, логика функционирования которой определялась схоластическим дискурсом и не коррелировала с территориально-административным делением и этническими процессами в Восточной Европе [1, 6]. Как установил В. П. Климов, в славянском фольклоре и местных исторических источниках названия Белой, Черной или иной цветной Руси никогда не встречаются. Их появление и использование начинается с XVII–XVIII веков по мере рецепции местными восточнославянскими авторами западноевропейской культурной традиции [4].

Данная рецепция потребовала корреляции хоронима Белая Русь с реальными социально-культурными структурами и процессами в Восточной Европе. Здесь огромную роль сыграли Люблинская уния 1569 года и Брестская церковная уния 1596 года. По итогам Люблинской унии на политической карте Европы появилась Речь Посполитая — огромная конфедерации Польского королевства и Великого княжества Литовского (ВКЛ), которая в начале XVII века едва не покорила Москву и отвоевала Смоленск у Российского государства. До 1569 года вся современная Белоруссия и значительная часть Украины входили в состав ВКЛ, восточнославянское православное население которой идентифицировало себя как «руских». После Люблинской унии все украинские земли перешли в состав Польского королевства. Возникла насущная необходимость в новых номинациях, которые позволяли бы фиксировать отличия «руских» в Литве от «руских» в Польше. На рубеже XVI–XVII веков восточнославянское население современных белорусских Поднепровья и Подвинья начинает все чаще идентифицировать себя как белорусов. Вскоре происходит территориализация хоронима Белая Русь применительно к землям вокруг Смо-

ленска, Полоцка, Витебска, Могилева и Мстиславля. Немецкие купцы из Риги около 1620 года уже четко различают три страны: Лифляндию, Литву и Белую Русь, которая не входит в состав «Московии» [2 с. 90, 304]. Заслуживает внимания гипотеза М. С. Митина о том, что первоначально этноним белорус имел отношение к христианам восточного обряда, которые не признали церковную унию 1596 года и сохранили верность Православной Церкви [6 с. 26–27].

Принимая в марте 1654 года новый титул «Всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца» царь Алексей Михайлович не просто очерчивал свои территориальные цели в грядущей войне, но также опирался на многовековую традицию европейских схоластов и картографов, а также на социально-культурные реалии Восточной Европы конца XVI — первой половины XVII века, в которой новые политические и конфессиональные границы создали «запрос снизу» на хороним Белая Русь. В понимании Алексея Михайловича и его бояр Белая Русь являлась исторической частью Российского государства, подобной историческим провинциям европейских государств.

Переговоры, которые в 1654–1655 годах вели царские воеводы с представителями отдельных поветов ВКЛ о принятии русского подданства, четко фиксируют ментальную карту Алексея Михайловича. Царь соглашался на сохранение значительной части старинных прав и привилегий шляхты и Католической Церкви на запад от реки Березины, но рассматривал себя как полновластного самодержца относительно земель на восток от «Берёзы-реки» — Смоленска, Полоцка, Витебска, Могилева и Мстиславля [7 с. 362–364]. Это была институциализированная в царском титуле и отныне четко территориализированная на картах Белая Русь.

Трансформация царского титула «всея Русии» в триединую формулу «Великия, Малыя и Белыя России» являлась результатом культурного трансфера под влиянием будущего противника. С момента появления Речи Посполитой на политической карте Европы в 1569 году Российское государство трижды воевало со шляхетской республикой: Ливонская война (1558–1583), Смутное время (1604–1618) и Смоленская война (1632–1634). Все три войны Россия проиграла. Речь Посполитая в конце XVI — первой половине XVII века была опасным противником, поучиться у которого было не зазорно, но жизненно необходимо. В начале XVII века в шляхетской республике де-факто произошло выделение трех «провинций»: Малой Польши, Великой Польши и Великого княжества Литовского, от каждой из которых выбирались послы для формирования разного рода комиссий и депутаций. Этот факт был закреплен в Конституциях Сейма Речи Посполитой [10 с. 156–157]. Крупнейшим городом Великой Польши являлась сеймовая Варшава с новой королевской резиденцией династии Ваза, Малой Польши — древняя столица Краков с королевской усыпальницей,

а ВКЛ — Вильно. Во второй половине XVII — XVIII веке эти три «провинции Польши» зачастую выступали как субъекты внутриполитической жизни шляхетской республики. Лидирующую роль играла Малая Польша, к которой относились все украинские земли.

Таким образом, новый царский титул «Всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержца» был сформирован в начале 1654 года по аналогии с Великой Польшей, Малой Польшей и Великим княжеством Литовским в составе Речи Посполитой с целью идеологического обоснования цели грядущей войны как возвращения исконных российских территорий. В этой модели центром Великой России являлась первопрестольная Москва, Малой России — древний Киев, а Белой России — Смоленск. Однако, результаты затянувшейся войны 1654–1667 годов не позволили в полной мере реализовать амбициозную идею царя Алексея Михайловича. По итогам войны Смоленск был возвращен в состав Российского государства, а большая часть Белой Руси — современные белорусские Поднепровье и Подвинье — остались под властью Речи Посполитой. Отныне за ними прочно закрепился хороним Белая Русь. В 1670 году Конституция Сейма Речи Посполитой при утверждении ставок налогообложения фиксирует три «белорусских воеводства» — Полоцкое, Витебское и Мстиславское [11 с. 42]. Четкая локализация Белой Руси на европейских картах стала одним из непредвиденных и незапланированных результатов возвращения Смоленская в состав Российского государства в 1654 году.

Список источников и литературы

1. Белы А. Хронікі Белай Русі: Імагалогія Беларусі XII–XVIII стст.— Смаленск: Инбелкульт, 2013.— 468 с.
2. Дорошенко В. В. Торговля и купечество Риги в XVII в.— Рига: Зинатие, 1985.— 350 с.
3. Изобретение империи: языки и практики: Сб. ст. / ред. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов.— М.: Новое издательство, 2011.— 326 с.
4. Климов В. П. Происхождение составной хоронимики Руси (Белая, Черная, Красная; Великая, Малая Русь) // Белоруссия и Украина. Вып. 4. / Институт славяноведения РАН.— М.: Тезаурус, 2011.— С. 29–82.
5. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг.— М.: Цейхгауз, 2006.— 48 с.
6. Митин М. С. Белая Русь. Хроника употребления термина.— Рига: ИБИК, 2017.— 416 с.
7. Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667) / ред. Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков.— Минск: Изд-во «Высшая школа», 1963.— 534 с.
8. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1667.— Мінск: Навука і тэхніка, 1995.— 144 с.
9. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер.— М.: Новое литературное обозрение, 2010.— 392 с.

10. Volumina Legum, Volumen Quatrum: Ab Anno 1641. Ad Annum 1668. Acta Reipublicæ Continens. Warszawa, 1737.— 1068 s.
11. Volumina Legum, Volumen Quintum: Ab Anno 1669. Ad Annum 1697. Acta Reipublicæ Continens. Warszawa, 1738.— 990 s.

Donskikh Sergey Vladimirovich
candidate of cultural studies, associate professor, head of the department of tourism and cultural heritage UO «Grodno State University named after Yanka Kupala»

RETURN OF SMOLENSK TO THE RUSSIAN STATE IN1654 AND IMPLEMENTATION OF THE BURY WHITE RUS' ON THE MAP OF EUROPE

Key words: *Smolensk, White Rus', Tsar Alexei Mikhailovich, Eastern Europe, royal title.*

Annotation. *Before the start of the thirteen-year war between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth (1654–1667), Tsar Alexei Mikhailovich adopted the title of «Autocrat of All Great, Little and White Russia», outlining his territorial goals, relying on the tradition of European scholastics and cartographers, as well as the socio-cultural realities of Eastern Europe in the late 16th — first half of the 17th century, in which new political and religious borders created a «demand from below» for the khronim White Rus. In the geopolitical model of the second ruler from the Romanov dynasty, the center of Great Russia was the capital Moscow, Little Russia — ancient Kyiv, and White Russia — Smolensk. However, the results of the protracted war of 1654–1667 did not allow the ambitious plan of Tsar Alexei Mikhailovich to be fully realized. As a result of the war, Smolensk was returned to the Russian state, and the greater part of White Rus — the modern Belarusian Dnieper and Dvina regions — remained under the rule of the Polish-Lithuanian Commonwealth. From that time on, they were firmly entrenched as «White Rus»..*

Жахова Ирина Геннадьевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет»

УДК 378.147

DOI 10.54016/SVITOK.2025.98.62.039

РАБОТА С ФОРТИФИКАЦИОННЫМ ОБЪЕКТОМ СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТНАЯ СТЕНА КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: *Смоленская крепостная стена, архитектурное образование, обмеры, архитектурные проекты.*

Аннотация*: Статья посвящена раскрытию опыта работы с объектами архитектурного наследия родного края в процессе обучения студентов-архитекторов в Смоленском государственном университете. Охарактеризованы особенности проведения обмерной практики учащихся на уникальном памятнике зодчества — Смоленской крепостной стене. Также рассмотрены результаты работы студентов, связанной с созданием проектов реновации крепостных объектов и территорий, прилегающих к ней.*

Одной из особенностей регионального архитектурного образования является его ориентированность на подготовку кадров для профессиональной проектной сферы, имеющих живой интерес к работе в городах и населенных пунктах конкретного региона. Работа с объектами архитектурного наследия родного края в процессе обучения студентов-архитекторов способствует формированию и развитию профессионального интереса, профессиональной культуры, раскрытию творческого потенциала студентов.

С 2009 по 2024 год ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» осуществлял подготовку по образовательной программе «Дизайн архитектурной среды». Профессиональная деятельность обучающихся по направлению подготовки «Дизайн архитектурной среды» не исключает работы с объектами архитектурного наследия, что определяется образовательным стандартом [2, 3, 4].

Смоленск знаменит не только уникальной историей, уже с XII–XIII веков он известен не только как крупный торговый и культурный центр Древнерусского государства, но и как один из ведущих архитектурных центров Руси. На территории области сохранились многочисленные монастыри, дворянские усадьбы, в городах — уникальные здания, относящиеся к разным историческим эпохам. Особое место среди памятников архитектуры Смоленщины занимают фортификационные сооружения, наиболее интересным из них является Смоленская крепостная стена — фортификационное сооружение рубежа XVI–XVII веков, являющееся объектом культурного наследия федерального значения. Такое богатое архитектурное наследие дает уникальную возможность работы с ним в процессе обучения студентов архитектурного направления.

В течение ряда лет в учебный процесс студентов направления подготовки «Дизайн архитектурной среды» включались задания по выполнению работ, связанных с этим архитектурным объектом:

- выполнение обмеров в рамках обмерной практики,
- разработка проектов реновации архитектурного сооружения в процессе учебной проектной практики,
- разработка архитектурных проектов в процессе выполнения выпускных квалификационных работ.

Остановимся на каждом виде деятельности.

В процессе прохождения обмерной практики студенты получают основную подготовку по выполнению обмеров конкретных архитектурных объектов, приобретают опыт выполнения и оформления обмерных проектов, в который входит справка об объекте, включающая исторические сведения, описание архитектурных особенностей, чертежи, построенные по результатам проведенных обмеров (планы этажей, разрезы, фасады, чертежи фрагментов экстерьера и интерьеров), подбор фотографий, зарисовки.

Организация обмеров на Смоленской крепостной стене оказалась весьма полезной: работа на фортификационном сооружении позволила не только полноценно организовать обмерные работы, но и получить богатый материал, требующий нового подхода к его систематизации. Необходимо отметить неподдельный интерес студентов, который они проявили к работе на практике.

Аналогично искреннюю профессиональную заинтересованность показали и студенты к ведению проектной работы, направленной на реновацию объектов и территорий Смоленской крепостной стены. При выполнении задания была всесторонне изучена исходная ситуация, разработана общая концепция всего проекта, а затем выполнены проработки отдельных ситуаций по приспособлению построек Смоленской крепостной стены под небольшие общественные центры, организацию смотровых площадок, переходов, туристических маршрутов, территорий для прогулок.

Выполнение такого задания позволило получить интересные архитектурно-дизайнерские предложения по организации современных выставочных пространств, территорий для культурно-массовых мероприятий и реконструкций, ярмарочных зон, детского этнографического комплекса, веревочного парка и так далее, а также способствовало приобретению бесценного опыта работы с уникальным архитектурным объектом уже в процессе проектной деятельности.

В организации проектной практики работа с фортификационным объектом архитектуры «Смоленская крепостная стена» позволила не только организовать на высоком уровне все этапы учебного процесса, но и проработать чрезвычайно интересную ситуацию по организации единого ансамбля в архитектурной среде города, создать проект нового функционального пространства. Выполнение такого задания внесло значительный вклад в формирование проектных знаний и умений студентов.

Последний вид деятельности — разработка архитектурных проектов в процессе выполнения выпускных квалификационных работ — был реализован двумя проектами: «Здание интерактивного музея на сложном рельефе» (автор — Е. Зинченко, руководитель — С. А. Пиляк) и «Проект исторического парка в Рачевском овраге» (автор — П. Сулимин П., руководитель — С. А. Пиляк). В первой работе сформировано проектное предложение по созданию музея истории Смоленщины, экспозиция которого построена с использованием современных технологий. Посещение такого музей превращается в увлекательную игру, в процессе которой можно изучить ряд вопросов, связанных с историей Смоленска, в том числе и крепостной стены.

Второй проект предлагает масштабное обустройство территории в районе Рачевского оврага у крепостной стены. Малые архитектурные формы, размещенные на проектируемой территории, позволяют визуализировать исторические события, проходившие на этом месте, и связанные с крепостной стеной.

Проекты, выполненные молодыми архитекторами интересны с профессиональной проектной точки зрения, разработанные решения соответствуют современным требованиям к проектированию среды, а самое главное, они уникально раскрывают исторический потенциал региона, делая его привлекательным. Безусловно, достижению определенного уровня профессионального понимания в обучении студентов способствует, в том числе, живой интерес архитектора к работе с реальными историческими объектами. Таким образом, работу с фортификационным сооружением «Смоленская крепостная стена» можно рассматривать как важный компонент регионального архитектурного образования.

Список источников и литературы
1. Барсуков Е. М. Классический архитектурный язык как основа профессионального архитектурного образования // Вестник Костромского государственного университета 2021. № 3 (59).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.Дизайн архитектурной среды [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7 (дата обращения: 9.01.2019)
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.Архитектура [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7 (дата обращения: 9.01.2019)
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.Реконструкция и реставрация архитектурного наследия [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7 (дата обращения: 9.01.2019)

Zhakhova Irina Gennadyevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University»

WORKING WITH THE FORTIFICATION OBJECT SMOLENSK FORTRESS WALL AS AN IMPORTANT COMPONENT OF REGIONAL ARCHITECTURAL EDUCATION

Key words: *Smolensk fortress wall, architectural education, measurements, architectural projects.*
Annotation. *The article is devoted to the disclosure of the experience of working with objects of architectural heritage of the native land in the process of training students-architects at Smolensk State University. The features of the survey practice of students on a unique architectural monument — the Smolensk fortress wall is characterized. The results of the students' work related to the creation of renovation projects for fortress objects and territories adjacent to it are also considered.*

Ковалевич Наталья Александровна
научный сотрудник учреждения
«Музей «Замковый комплекс «Мир»

УДК 623.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.95.61.040

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИРСКОГО ЗАМКА И ИХ СООТВЕТСТВИЕ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ УКРЕПЛЕНИЙ

Ключевые слова: *Мирский замок, кастель, машикули, бастионные укрепления, башни.*

Аннотация*: В статье рассматриваются оборонительные архитектурные элементы Мирского замка. Влияние магнатерии на территории Беларуси к XVI в. привело к процветанию частного оборонного строительства. Мирский замок был первоначально построен как замок-кастель, в виде квадратной в плане постройки с выступающими по краям башнями, что давало возможность вести огонь вдоль стен. Завершались башни Мирского замка бойницами машикулями, которые позволяли сбрасывать на врага камни и сливать смолу. В оборонительных башнях на верхних ярусах сохранились отверстия в бойницах, куда крепились деревянные перемычки для удобства использования огнестрельного оружия. Стены Мирского замка имели несколько ярусов боя. В конце XVI в. вокруг Мирского замка были построены укрепления согласно старой голландской системе. Бастионные укрепления Мирского замка представляли собой замкнутое фортификационное сооружение, состоящее из 4 бастионов, соединенных между собой куртинами и окруженное рвами. Дополнительно были укреплены ворота. Мирский замок в конце XVII в. превратился в дворцово-замковый комплекс, где удачно сочетались черты военно-фортификационного сооружения и пышность дворцовой постройки.*

Ни одна из резиденций XVI века на территории Беларуси по масштабам и уникальным архитектурным решениям не может сравниться с Мирским замком (Рис. 1). Его уникальность предопределена географическим положением, временем и условиями возникновения. В XVI веке через Мир проходили важнейшие торговые пути с запада на восток и с севера на юг. Размещение укрепления на перекрестке путей из Сло-

Рис. 1. Мирский замок. 2024 г.

нима через Мир на Смоленск и из Вильно через Мир на Слуцк имело большое значение.

Традиция частных каменных родовых замков была характерна для западноевропейских стран. Ряд привилеев, издававшихся великими князьями в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) в 1387 году, в 1434 году и в 1447 году, позволили частным лицам высших сословий иметь собственные земли с укреплениями. Это привело к всплеску строительства частновладельческих замков в конце XV — начале XVI столетия. На месте старых деревянных поместий начали строить каменные, более совершенные оборонительные резиденции [4, с. 68]. Для строительства замков чаще всего нанимали итальянских архитекторов, подписывая контракты в Вильно [1, с. 20].

Оборонительные укрепления выполняли ряд важных функций. Помимо обеспечения защиты, они также были административными и культурными центрами. Важной была репрезентативная функция, поскольку оборонительная резиденция символизировала собой силу и влияние ее владельца. Это был знак, обращенный к окружающим: будьте осторожны, здесь проживает могущественный человек. Поэтому оборонительный вид стал обязательным атрибутом резиденции.

Первый этап строительства

Строительство Мирского замка происходило в 1510–1520-е годы. Его основатель, Юрий Ильинич, являясь маршалком надворным, сопровождал великого князя Александра во многих поездках, и конечно, был знаком с новейшими архитектурными достижениями [9, с. 34]. Исследователи считают, что Мирский замок относится к североитальянской фортификационной школе, проникшей с территории Венгрии и Румынии в ВКЛ и получившей наибольшее распространение во второй половине XV столетия [12]. Архитектура замка близка по декору к молдавским и румынским храмам, которые имели нижнюю кладку стен из камня, а верхнюю — из кирпича. Украшением храмов являлись побеленные и расписные глухие ниши разной величины и формы [9, с. 23]. В 1497 году Юрий Ильинич участвовал в молдавском походе, и конечно, видел эти храмы. Возможно, поэтому башни Мирского замка сходны с башнями городских укреплений в городе Сибиу (XIII век), храмом Мираутци (1390 год), монастырем в Нямце (XIV век) и другими.

Первоначально Мирский замок был построен как регулярный замок-кастель, с выступающими по углам мощными башнями, высотой до 30 метров, что давало возможность вести фланговый огонь вдоль стен. Замки-кастели, позаимствованные у крестоносцев, занимали в крепостном зодчестве ВКЛ лидирующее положение вплоть до середины XVII века. Яркими примерами кастелей с регулярной планировкой являются замки в Лиде и Крево. В отличие от орденских кастелей, кастели в ВКЛ имели большие размеры, и служили не только для размещения гарнизона, но и для защиты местного населения.

Толщина стен у основания Мирского замка достигает до 3 метров, вверху — до 2,2 метра, при высоте стен 13 метров. Оборонительная система отражает первые попытки использования огнестрельного оружия. Нижнюю часть стен прорезают пушечные бойницы.

Традиционно в замках большее количество башен находилось с той стороны, которая меньше всего была защищена природными преградами. В Мирском замке это западная сторона.

В башнях было устроено по пять боевых ярусов с большим количеством бойниц, приспособленных для круговой обороны, и сложной системой переходов [11, с. 137]. Важным компонентом оборонительной системы являлись винтовые лестницы в башнях (Рис. 2). Они имеют небольшую ширину, крутой угол подъема и направление движения вверх против часовой стрелки. Все эти параметры обеспечивали удобство обороны верхних этажей, когда бой велся мечом. Узкие спиральные решения использовались для того, чтобы воинам, которые защищали башню в случае нападения, было удобнее размахивать мечом. Нападающая сторона оказывалась в невыгодном положении ввиду особенностей управления мечом правой рукой. Кроме

того, ступеньки имели большую высоту, что давало преимущество во время обороны: поднимающиеся часто спотыкались, в результате чего были практически беззащитны. Количество правшей всегда доминировало, поэтому лестницы чаще всего в замках закручены слева направо. Лестница имеет уникальные ступеньки. Ближе к внешней стене они более широкие, в форме треугольника или трапеции. Эта особенность позволяла оборонявшимся воинам подниматься задом наперед, сдерживая волну атакующих и имея достаточную опору для ног.

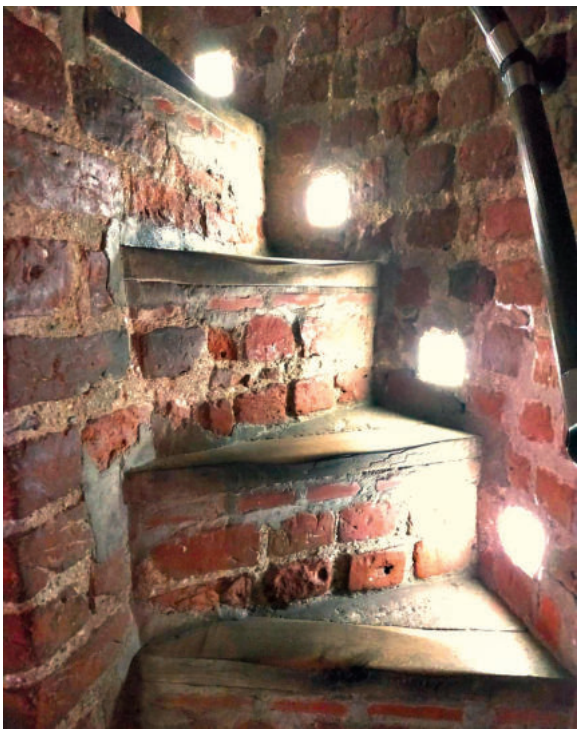


Рис. 2. Винтовая лестница в Юго-западной башне. 2024 г.

Сохранились отверстия в проемах бойниц, куда крепились деревянные перемычки для удобства использования огнестрельного оружия. В 1636 году в замке упоминается 56 гаковниц, 20 «менших» гаковниц, 8 гаковничных и 15 полугаковничных стволов, 15 «кабыл» [5, с. 64].

Завершались башни бойницами машикулями, которые по принципу средневековых укреплений позволяли сбрасывать на врага камни, смолу, всевозможные снаряды, бревна, песок [13].

Предполагается, что на первоначальном этапе Юго-западная башня завершалась иначе. Восемь ступенчатых консолей между машикулями расширяли башню вверху. К машикулям поднимались по лестнице, расположенной на пятом ярусе и ведущей на деревянный зубчатый брустверь, который возвышался над уровнем карниза. С бруствера был доступ к машикулям, он был тоньше основной стены, что позволяло ходить по нему, как по круговой галерее.

Помещение третьего яруса предназначалось для установки в нем орудий. Об этом свидетельствуют форма и размеры бойниц, их расположение, а также наличие толстых балок под бойницами способных выдержать вес

Рис. 3. Пушечная бойница на 3-м ярусе Юго-западной башни. 2024 г.

и отдачу орудий (Рис. 3). Чтобы поднять орудия на третий ярус, тонкую перегородку разбирали и втаскивали пушки снаружи башни. Высота помещения позволяла пороховому дыму собираться под потолком и не мешать защитникам.

В первоначальном варианте доски полов на четвертом и пятом ярусах не были прибиты к балкам. Во время осады части, которые загорались, выбрасывались из бойниц.

Первый ярус въездной башни прорезал единственный в замке проезд, который закрывался двумя дубовыми воротами. Распашные ворота по традиции часто имели форточки. В Мирском замке внутренние ворота с форточкой, упоминаются в инвентаре 1688 года [8, с. 202]. Как и в большинстве европейских замков ворота защищали машикули.

Сохранившиеся в оборонительных башнях камины — это скорее элементы фортификации, чем следы системы отопления. Их минимальные размеры никак не могли обеспечить обогрев продуваемых через бойницы помещений. Зато наличие поддерживающего огня на каждом ярусе позволяло пользоваться огнестрельным оружием. Устройство каминов на третьем ярусе юго-западной башни обеспечивало возможность держать наготове раскаленные крюки для детонации заряда [3, с. 20] (Рис. 4).

Каждая башня имеет свое архитектурное обличие. Пропорции башен, отношение четверика к восьмерику также различны. Сходством является четырехгранная основа и восьмигранный верх, который создавал панорамный вид. Такая планировка крайне редко встречалась в замках ВКЛ. Восьмигранные конструкции чаще использовались в христианских храмах, символизируя восемь блаженств.

Таким образом, оборонительная система Мирского замка готического периода представляла собой редкое сочетание самого современного на период его строительства огнестрельного оружия с архаичными приемами

и приспособлениями. Но стремительное развитие огнестрельного оружия привело к тому, что оборонительные функции замка стали недостаточны для войн, которые коснулись Мирского замка уже в XVII веке.

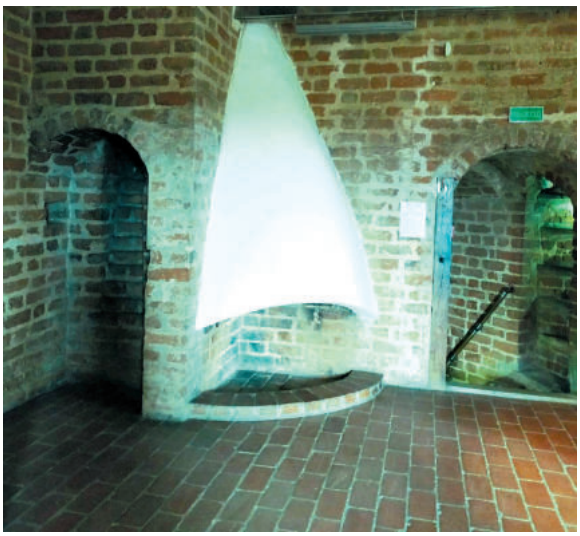


Рис. 4. Камин на третьем ярусе Юго-западной башни. 2024 г.

Второй этап строительства

Роду Ильиничей Мирский замок принадлежал до 1569 года. Новый владелец — Николай Радзивилл Сиротка в 1580-е годы построил дворец. Специфика нового этапа строительных работ была обусловлена оборонительными достижениями. С развитием артиллерии кирпичные стены замков перестали служить гарантией безопасности. Важным элементом обороны стали бастионные укрепления с системой обводнения, которая появилась в Италии еще в XV веке. Принцип ее заключался в возведении валов и перенесения основного центра опоры на трапециевидные выступы — бастионы. Они служили мощными огневыми точками благодаря тому, что на них можно было разместить значительную часть артиллерии. Во время штурма с бастионов велся фланкированный огонь вдоль куртин. В конце XVI века в ВКЛ еще широко использовалась староитальянская система бастионов. Эта система существовала и в Мирском замке (Рис. 5). Постепенно старая итальянская система модернизировалась: бастионы увеличились, длина куртин уменьшилась. Бастионные укрепления нового итальянского типа появились в Олыцком и в Несвижском замках Радзивиллов [2, с. 433].

В начале XVII века Мирский замок превратился в дворцово-замковый комплекс, где удачно сочетались черты военно-фортификационного сооружения и пышность дворцовой постройки. Ни сады, ни огороды не украшали так усадьбу, как оборонительная система из валов. Поэтому резиденция с оборонительными элементами была самой представительной [4, с. 69]. Постепенно термин «замок» закрепился за дворцовыми постройками. По отношению к сооружениям с бастионной системой укреплений слово «замок» вытеснялось термином «фортеция».

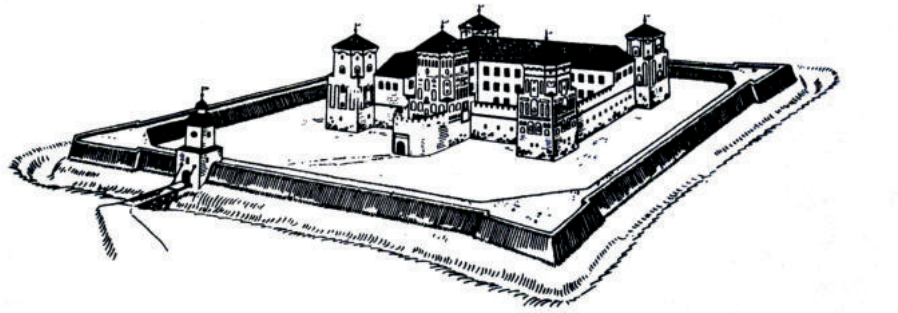


Рис. 5. Мирский замок XVII столетия. Реконструкция М. Ткачева. Художник Е. Кулик

В 2003 году археологические раскопки сохранившихся валов в Мирском замке показали, что вал состоит из разных пластов. Поверхность покрыта растительным слоем с грунтом (20–25 сантиметров), под ним находится глиняный пласт толщиною 20–30 сантиметров, который защищал вал от разрушительных воздействий. Основой насыпи были песок и суглинок [10, с. 93].

Примыкающие к дворцу три башни при Радзивиллах были перестроены, но отдельно стоящие (Юго-западная и Центральная) сохранились практически без изменений. Возможно, старые постройки играли важную роль и должны были свидетельствовать о древности традиций. Кроме того, въездные ворота укрепили дополнительным сооружением — предбрамьем, верх которого заканчивался зубцами с бойницами и помостом для стрелков. Барбакан не сохранился, упоминается в инвентаре 1688 года, а также его можно рассмотреть на иллюстрациях XIX века.

В воротной башне имелся механизм — взвод (польск. Wzwód) отмеченный в инвентарях 1681 и 1688 годов. [7, с. 176]. Путаница в определении слова «взвод» привела исследователей к противоречиям. В первой теории «взвод» рассматривался как механизм подъема герсы [8, с. 202]. Согласно другой версии, понятие «взвод» объяснялось как подъемный мост [7, с. 177]. В этом случае опровергалось существование герсы [6, с. 48]. Более ранние исследования рассматривали единую систему, в которую входили и подъемный мост и герса [11, с. 139]. Первоначально даже планировалось во время реставрации восстановить этот механизм. Но система блокировки входа оказалась настолько противоречивой и сложной, что ее восстановление стало невозможным без дополнительных исследований проезда.

Начиная с Русско-польской войны 1654–1667 годов и до Наполеоновской компании 1812 года Мирскому замку пришлось участвовать практически во всех войнах, которые имели место быть на территории Беларуси. В те времена война имела не фронтальный, а рейдовый характер. Главной

целью завоевателей было занятие городов с гарнизонами и победа в главной битве. Почти всегда после военных разрушений XVII–XVIII веков замок восстанавливался [9, с. 84].

Военные события показали, что постоянно устаревающие фортификационные приспособления не способны были противостоять более совершенному оружию и новым приемам ведения боевых действий. В этой связи оборонительное значение замка постепенно утрачивалось. Последние военные разрушения замок претерпел в ноябре 1812 года во время разгрома войсками адмирала Чичагова французской армии. После этого весь XIX век замок стоял в запустении.

Отмеченные оборонительные особенности, приспособленность бойниц для использования огнестрельного оружия, а также существование машикулей свидетельствуют о том, что Мирский замок является редким примером оборонительного сооружения переходного периода. Он сочетал в себе как традиционные (архаичные), так и новейшие на период строительства фортификационные приемы и приспособления.

Список источников и литературы

1. Бохан Ю. М. Скеп'ян А. А. Побыт феадалаў Вялікага княства Літоўскага ў XV — сярэдзіне XVII стагоддзя.— Мінск: Беларусь, 2011.— 271 с.
2. Бохан Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст.— Мінск: Беларус.навук, 2008.— 449 с.
3. Бубновский Д. С. «На скрыжаванні ўсіх шляхоў…». История создания Мирского замка // Архитектура и строительство.— 2012.— №2.— С. 20.
4. Волкаў М. Абарончыя рэзідэнцыі як сімвал самарэпрэзентацыі магнатэрыі (на прыкладзе роду Радзівілаў) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 30.— Мінск: Беларус. навука, 2015.— 368 с.
5. Волкаў М. А. Артылерыя Нясвіжскага замка.— Мінск: А. М. Янушкевіч, 2015.— 188 с.
6. Волкаў М. Да пытання аб існаванні герсы ў браме Мірскага замка // Рэстаўрацыя Мірскага замка. Праблемы захавання прыроднага культурнага ландшафтаў: навукова-практычная канферэнцыя, г.п. Мір, 6 чэрвеня 2010 г.— Нясвіж, 2012.— 96 с.
7. Волкаў М. А. Брама Мірскага замка как арончы вузел // Мірскі замак. Крыніцы стварэння музейных экспазіцый: гісторыка-дакументальныя матэрыялы і інфармацыйныя тэхналогіі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (г.п. Мір, 29 мая 2009 г.).— Мінск: Медысонт, 2013.— 246 с.
8. Калнін В. В. Як не трапіць у пастку пры Мірскім замку // Мірскі замак. Крыніцы стварэння музейных экспазіцый: гісторыка-дакументальныя матэрыялы і інфармацыйныя тэхналогіі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (г.п. Мір, 29 мая 2009 г.) — Мінск: Медысонт, 2013.— 246 с.
9. Калнин В. В. Мирский замок.— Мн.: Беларусь, 2002.— 160 с.
10. Русаў П. Земляны абарончы вал Мірскага замка ў часы Мікалая Крыштафа Радзівіла Сіроткі // Мір на скрыжаванні нацыянальных культур: мінулае

і сучаснасць: Матэрыялы навук.-практ.канф. (Мірскі замак, 19–20 верасня 2019 г.).— Мір: Музей "Замкавы комплекс "Мір" 2022.— 180 с.
11. Ткачев М. А. Замки Беларуси.— Мн.: Беларусь, 2002.— 200 с.
12. Культурно-исторические особенности развития дворцово-замковых комплексов на землях Великого княжества Литовского XIII — начала XVII века. / Электронный ресурс: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskie-osobennosti-razvitiya-dvortsovo-zamkovyh-kompleksov-na-zemlyah-velikogo-knyazhestva-litovskogo-xiii-nachala (дата обращения: 27.08.2024 г.)
13. Оксфордская энциклопедия средневекового военного дела и военных технологий, том / Электронный ресурс: URL: https://books.google.by/books?id=mzwpq6bLHhMC&pg=PA344&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 27.08.2024 г.)

Kovalevich Natalia Alexandrovna
researcher of the institution «Mir» Castle Complex Museum

DEFENSIVE FEATURES OF MIR CASTLE AND THEIR CONFORMITY TO THE TRADITIONAL FORTIFICATION SYSTEM

Key words: *Mir Castle, castell, machicolations, bastion fortifications, towers.*
Annotation. *The article examines the defensive architectural elements of Mir Castle. The influence of magnateria on the territory of Belarus by the 16th century led to the flourishing of private defensive construction. Mir Castle was originally built as a castle-castell, in the form of a square building with towers protruding along the edges, which made it possible to fire along the walls. The towers of Mir Castle ended with machicolations, which allowed throwing stones at the enemy and pouring out resin. The defensive towers on the upper tiers still have holes in the loopholes, where wooden lintels were attached for the convenience of using firearms. The walls of Mir Castle had several tiers of battle. At the end of the 16th century, fortifications were built around Mir Castle according to the old Dutch system. The bastion fortifications of Mir Castle were a closed fortification structure consisting of 4 bastions connected by curtain walls and surrounded by ditches. The gates were additionally fortified. At the end of the 17th century, Mir Castle turned into a palace and castle complex, where the features of a military fortification structure and the splendor of a palace building were successfully combined.*

Кожух Татьяна Ивановна,
магистр искусствоведения, старший научный сотрудник отдела по научной работе учреждения «Музей «Замковый комплекс «Мир»

УДК 712.03+719

DOI 10.54016/SVITOK.2025.88.78.041

САДОВО-ПАРКОВОЕ ОБУСТРОЙСТВО МИРСКОГО ЗАМКА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Ключевые слова: *итальянский сад, пейзажный парк, «Парк «Мир», прогулочный маршрут, реставрация, реконструкция территории.*

Аннотация: *Статья посвящена истории возникновения садов и парков Мирского замка, их эволюции. Затронуты вопросы преобразования ботанического памятника природы республиканского значения «Парк «Мир», регенерации, реконструкции и приспособления регулярного (итальянского) сада и пейзажного парка на современном этапе. Рассмотрены особенности водной системы, состава насаждений, рассказано о благоустройстве парковой зоны для совершенствования экскурсионных маршрутов.*

Мирский замок, построенный магнатами Ильиничами в начале XVI века, на протяжении последующих 500 лет не раз менял хозяев, которые вносили коррективы в окружающий его ландшафт, создали регулярный сад в XVII веке, пейзажный парк, церковь-усыпальницу и пруд в XX веке. Все они сегодня — части объекта ЮНЕСКО «Замковый комплекс «Мир» (Рис. 1), на котором в период 1983–2010 годов реализована 1-я очередь реставрации и приспособления памятника.

В XVII веке возле замка существовало пять прудов и две сажалки с четырьмя мельницами, с восточной стороны хозяйственные постройки, которые образовали фольварк [2, т. 1, с. 18]. Между замком и фольварком был огород [3, с. 206], перед ним — сад [2, т. 2, с. 13], на время создания которого указывает упоминание в 1604 году садовника в списке придворной службы князя Николая Радзивилла Сиротки. Справа от дороги, ведущей от замка к фольварку, был пруд, слева — поле. Реконструкция окружения Мирского замка отражена В. В. Калниным на ситуационной схеме (Рис. 2), выполненной в 2011 году [3, с. 209]. Сад в Мирском замке мог иметь структуру,

Рис. 1. Замковый комплекс «Мир». По фотографии А. Турлая. 2020 г.

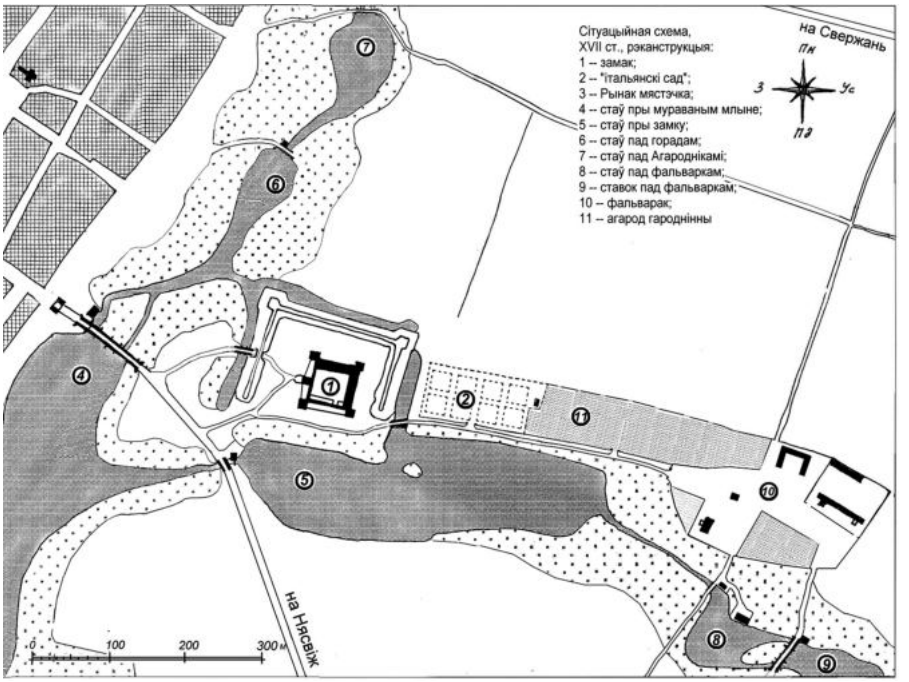


Рис. 2. Ситуационная схема XVII в. Реконструкция. В.В. Калнин. 2011 г.

схожую с итальянскими садами Радзивилла Сиротки в Альбе и Кореличах [3, с. 207–208]. Вероятнее всего, князь создавал сады и образ «палаццо» в своих резиденциях под впечатлением от итальянского сада в имении ма-

тери в Шидловце, а также тех, которые видел в королевских резиденциях в Вильно, Кракове, Гродно [14, с. 114–115] и во время путешествий в Святую Землю, по Италии и Восточному Межземноморью (1582–1584) [2, т. 2, с 12–13; 10, с. 91]. По мнению В. В. Калнина, типологически окружение Мирского замка во времена Радзивилла Сиротки преобразовывалось по примерам загородных вилл Северной Италии, но без характерных для них террас, гротов и фонтанов [2, т. 2, с. 17]. Допуская сходство созданных в одно и то же время садов [11, с. 15], учёный в области садово-паркового искусства А. Т. Федорук, отмечал, что «итальянскими» во времена Сиротки именовали и фруктовые сады, и большие парки, в том числе Французские и Голландские [10, с. 92]. Сад с восточной стороны замка был опустошен во время русско-польской войны 1654–1667 годов, а в 1688 году в нем осталась в основном лещина. [3, с. 206]. Сведений о его восстановлении, как и подробного описания, не обнаружено.

Новый «итальянский» сад заложил за земляным валом с северной стороны замка правнук Сиротки — Кароль Станислав Радзивилл Справедливый, ставший владельцем замка в 1689 году [3, с. 213]. О садовнике упоминается в инвентаре 1692 года [3, с. 210]. Впервые название «итальянский сад» («ogród włoski») зафиксировано в инвентаре 1698 года [3, с. 206]. Пройти в сад можно было со второго этажа Северного корпуса дворца Мирского замка по мосту, который построили в 1699 году [3, с. 210]. Примером для нового сада могли послужить сады в резиденциях дяди Справедливого — короля Яна III Собеского, и прежде всего, в Вилянове, где тот лично занимался посадками, а также сады и парки Англии, Голландии, Франции, Италии, непосредственно Фонтенбло, Версаля и Болоньи, которые вызвали у князя особый интерес и восхищение во время путешествия по Европе [3, с. 212]. Согласно инвентарю 1713 года в «итальянском саду» Мирского замка выращивали лаванду, розы, фиалки, настурцию, гвоздику, барбарис, шалфей, полынь лечебную, майоран, турецкие дыни, инжир, цикорий, артишоки, различные салаты, редис, сельдерей и другие культуры [15, с. 57–59].

Описание структуры сада дано в инвентаре 1746 года. В это время замок находился под управлением Михаила Казимира Радзивилла Рыбоньки — праправнука Радзивилла Сиротки. При нем сад приобрел черты барокко с четким геометрическим рисунком [1, с. 9], являя собой типичный образец «итальянского сада», распространенного в XVI–XVIII веках на территории Речи Посполитой. Основу сада Мирского замка составляли аллеи-улицы. Одна была образована «шпалерами разного дерева», по обеим сторонам второй — было 25 квадратов («квартир») разной величины, шесть из которых имели «угловатую форму», третья аллея была вишневой. По контуру «квартир» росли смородина, крыжовник и лаванда, а внутри — плодовые деревья, грецкий орех, виноград, буковина, лекарственные травы и овощные культуры. За садом располагались теплицы, хозяйственные постройки,

оранжерея, дом садовника, за ним — огород. В оранжереях, согласно инвентарям 1778, 1794 годов, выращивали апельсины, лимоны, инжир, мирт, кипарис, самшит, лавр, красное дерево, итальянский орех и другие экзоты [2, т. 3, прил.; 10, с. 94–95; 12, с. 87–89]. Земляные скамейки в саду покрывали дерном. Композицию сада под влиянием голландского садового искусства дополнял канал [2, т. 3, с. 22], часть которого в 2002 году превратили в пруд. Фольварк с 1775 года стали называть Замирьем [2, т. 3, с. 20; 10, с. 96; 12, с. 90]. Последующие известные инвентари содержат сведения о том, что сад постепенно уменьшался в размерах, к 1830 году пришел в упадок, поскольку после войны 1812 года владельцы жили за границей. Из пяти прудов осталось три. К концу XIX века превратился в руину замок.

Преобразование территории возле Мирского замка продолжилось с 1891 года, когда владельцем имения Замирье стал князь Николай Иванович Святополк-Мирский. Около бывшего фольварка он построил спиртовой завод, двухэтажный дворец в стиле неоклассицизма, в 1896–1898 годах устроил пруд [11, с. 197], на который был обращен западный фасад дворца. С восточной стороны к подъездному кругу дворца вели две липовые аллеи, сохранившиеся до наших дней. Вдоль здания высадили каштаны конские, а по углам — туи и сортовую сирень [12, с. 90]. Дворец, пострадавший от пожара в годы Первой мировой войны, в середине XX века разобрали на строительный материал. В настоящий момент его изображение, в качестве «камуфляжа», разместили на стене ректификационного цеха спиртзавода.

Вокруг пруда, от дворца к замку и обратно, пролегал основной прогулочный маршрут, по которому и сегодня проходят посетители замкового комплекса, любуясь сменяющими друг друга видами. Архивные фотографии XX века свидетельствуют о том, что размеры водоема, конфигурация береговой линии, насаждения вдоль нее с 1930-х годов почти не изменились.

Стараниями жены князя, Клеопатры Михайловны, в 1909 году композицию ландшафта дополнила церковь-усыпальница. Пустующее возле неё пространство преобразовывал старший сын, Михаил Николаевич, в 1920–1930-е годы, начав реставрацию Мирского замка. При нем между замком и фольварком заложили пейзажный парк (Рис. 3-а), за парком разбили плодовый сад, поставили теплицы, в которых выращивали ранние огурцы, помидоры, редис, лук, а также розы [5, с. 74]. С южной стороны замка убрали посаженную ранее еловую алею, возле церкви-усыпальницы посадили разные виды хвойных деревьев, розы. В пейзажном парке, чередуя поляны и букетные посадки ясеня пенсильванского, клумбы из липы мелколистной, группы с акцентными видами деревьев, использовали 70 видов, форм и гибридов зарубежных растений и деревьев [10, с. 100, 11, с. 198]. Различные виды елей и сосен создавали цветовые и фактурные акценты зимой, служили фоном для лиственных пород и цветов в другую пору года. Разнообразие в цветовую гамму парка вносили цветущие кусты сирени,

Рис. 3. Парк «Мир». Преобразование.
а) Прогулка в парке «Мир» возле церкви-усыпальницы. 1960-е гг. Архив Т.Г. Карпович
б) Розарий на пирсе напротив церкви-усыпальницы кн. Святополк-Мирских
А. Нагродский. 2021 г.
в) Парк «Мир» (пейзажный парк). Прогулочные маршруты с местами отдыха
А. Нагродский. 2021 г.

спиреи, жасмина, снежноягодника белого, чубушника, роз [10, с. 99]. Вдохновлять М. Н. Святополк-Мирского могли сады и парки Англии, Китая и других стран, где он служил в посольских миссиях, и увлечение выращиванием экзотических растений соседей-землевладельцев.

Часть деревьев вымерзла зимой 1939–1940 годов, была срублена во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период. На момент проведения реставрационных работ уже не было пихты Фразера, пихты сибирской, ели Энгельмана, сосны сибирской [10, с. 99]. В настоящее время периодически наносят ущерб парку шквальные и ураганные ветры. Например, летом 2024 года ветер поломал более 30 деревьев. Взамен утраченных периодически производятся компенсационные посадки саженцев аналогичных пород. Благодаря меценатам, селекционерам-любителям Д. Лозицкому и А. Нестеровичу, весной 2024 года в парке появились саженцы бархата амурского, березы Эрмана, жимолости татарской, лиственницы сибирской и японской, клена татарского и других видов деревьев и кустарников. Сажая деревья, учащиеся средней школы городского поселения Мир приобщились к сохранению историко-культурного наследия, узнали много нового о мире деревьев. По окончании работ были составлены схемы посадок с ассортиментным перечнем. На осень запланирована посадка других деревьев в разных частях парка.

В 2007 году территорию регулярного сада и пейзажный парк преобразовали в ботанический памятник природы республиканского значения «Парк «Мир». В 2007–2008 годах выполнили благоустройство территории возле церкви-усыпальницы [5, с. 75], соорудили пирс с удобными скамейками для отдыха, за которыми устроили розарий (Рис. 3-6).

Натурные исследования состояния парка «Мир», проведенные в июле 2022 года сотрудниками Научно-практического центра НАН Беларуси по биоресурсам, показали, что территория регулярного сада потеряла ботаническую ценность, утратив черты периодов его создания и развития. Сохранились фрагменты шпалерных посадок конца XIX начала XX века в виде аллей тополя черного в северной и липы мелколистной в северо-восточной частях парка возрастом 110–140 лет [8, с. 2]. Всего отмечено 28 видов деревьев и кустарников [6, с. 10], среди них ценные деревья-экзоты: орех маньчжурский, лиственница европейская, клен полевой, лещина древовидная [6, с. 10].

Постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 6 декабря 2022 года № 56 «О преобразовании памятника природы республиканского значения парк «Мир», установлены его новые границы (без учета территории регулярного парка) и площадь 5,56 га, из которых за музеем «Замковый комплекс «Мир» числится 5,45 га, за Мирским сельским исполнительным комитетом — 0,11 га. Проведена паспортизация и учет зеленых насаждений, определены

Рис. 4. Танцевальная площадка у стен Мирского замка.
1960–1970-е гг. Музей «Замковый комплекс «Мир». НВФ02574

подходы к их защите и сохранению. В настоящий момент на территории парка насчитывается около 40 видов деревьев и кустарников. Из экзотов сохранились каштан конский, клены — ложноплатановый и полевой, липа американская, лиственницы — американская, сибирская, европейская, сосна кедровая [8, с. 2]. Массивы деревьев и направление аллей, представленные на схемах реконструкции замкового комплекса на 1938 и 1989 год исследователями В. В. Калининым [2, т. 4, ил. 263] и А. Т. Федоруком [11, с. 195], хорошо различимы в парке, что позволяет восстановить прогулочные маршруты (Рис. 3-в) с наименьшим вмешательством в ландшафт [1, с. 13], учитывая важность объекта.

Пейзажный парк был и остается любимым местом прогулок и отдыха жителей Мира и окрестностей, посетителей Мирского замка (Рис. 3, 4, 5-в). На лугу между дворцом и прудом в 1950–2010 годах устраивали праздничные гуляния и спортивные соревновния. В 1960–1970-е годы перед замком была танцевальная площадка (Рис. 4), в 2023 году после реконструкции дамбы открылось кафе «Ля Става» (Рис. 5-а, б), где в летний период кавер-бэнд «МирГрад» устраивает музыкально-танцевальные вечера (Рис. 5-в). С 2021 года проводится экскурсия «Прогулка вокруг замка», которая знакомит с этапами формирования ландшафта возле замка, имения «Замирье», с видовым составом насаждений парка и сада, и имеет важное образовательное и воспитательное значение.

Рис. 5. Преобразования дамбы
а) Вид дамбы до реконструкции;
б) Дамба после реконструкции / Мост и летнее кафе «Ля Става». Фотография И. Лейко. 2024 г.
в) Первое выступление местной кавер-бэнд «МирГрад» в кафе «Ля Става». Фотография Т. Кожух. Август 2023 г.

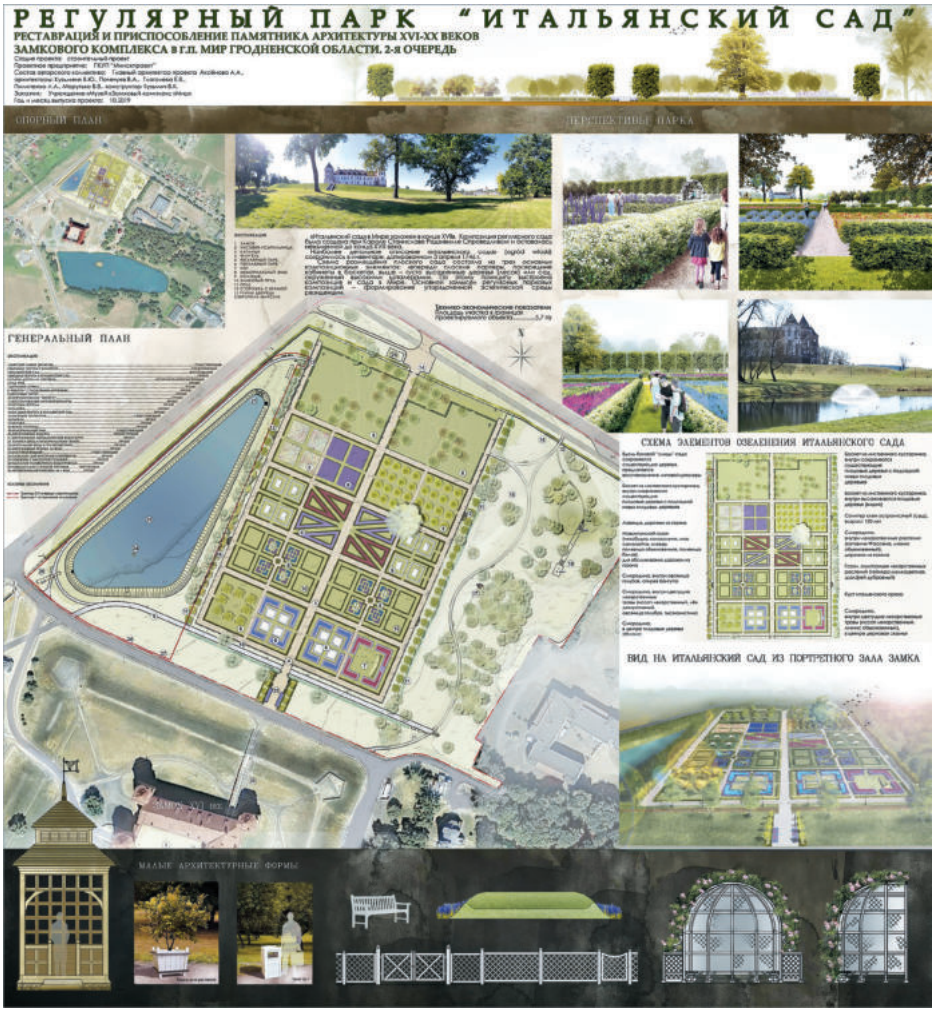


Рис. 6. Схема озеленения итальянского сада на территории регулярного сада. Фрагмент проекта ПКУП «Минскпроект» «Реставрация и приспособление памятника архитектуры XVI–XX веков. Главный архитектор проекта А.А. Аксёнова. 2019 г.

Третий этап реставрации замкового комплекса «Мир» предполагает восстановление пейзажного парка. Наличие большого количества иноземных древесных и кустарниковых растений в нем свойственно пейзажным натуралистическим паркам [11, с. 166]. Однако, А. Т. Федорук причисляет его к пейзажным паркам периода эклектики [11, с. 196–198; 12, с. 95]. Эти обстоятельства необходимо учитывать при реставрации парка. Начавшись с постройки моста и кафе на дамбе, она вскоре продолжится. Появится новый мост через протоку возле спиртзавода, что позволит совершать прогулки

вокруг озера на карете; с юго-западной стороны пруда, неподалеку от сосновой аллеи будут оборудованы беседки, сувенирные лавки и кассы; продолжат строительство ограды. Завершающим аккордом реставрации должно стать восстановление дворца Святополк-Мирских, музеефикация находящихся рядом флигеля и заглубленной в землю части ледовни из колотых валунов и бута.

Летом 2024 года приступили к реализации второго этапа реставрации — воссозданию регулярного сада на период XVIII века по проекту ПКУП «Минскпроект». Проект выполнен в 2019 году под руководством А. А. Аксёновой на основе комплексных научных исследований, инвентарей 1746, 1805, 1830 годов, анализа графических материалов других парков Радзивиллов, садов Речи Посполитой XVI–XVIII веков с учетом влияния на них итальянского, французского и голландского ландшафтного искусства [9], замечаний и предложений в отношении первых попыток осмысления стилевых особенностей сада и графических реконструкций [1, 4, 7, 13]. Настоящий проект предусматривает реконструкцию «итальянского сада» (Рис. 6), фонтан на пруду, декоративный водосброс по типу грота, дорожки из каменного отсева, центральную аллею с покрытием типа «VITODINA», напротив мостика, идущего от Северного корпуса дворца Мирского замка, беседки для отдыха, малые архитектурные формы по аналогам, подсветку зеленых насаждений и дорожек, небольшую автомобильную парковку.

Воссоздание регулярного сада и дворца Святополк-Мирских, реставрация пейзажного парка с дальнейшим благоустройством, позволит отразить историю развития садово-паркового искусства Беларуси, увеличит эстетическое восприятие и туристическую привлекательность замкового комплекса.

Список источников и литературы

1. Андреева Т. «Итальянский сад»: стилевые особенности и возможность воссоздания парка в условиях Беларуси // Рэстаўрацыя Мірскага замка. Праблема захавання прыроднага і культурнага ландшафтаў: навукова-практычная канферэнцыя, г.п. Мір Гродзенскай вобласці, 6 чэрвеня 2010 г. / навук. рэд. А. А. Ярашэвіч. Нясвіж, 2012. С. 15–18.
2. Замак у г.п. Мір. Архітэктурна-гістарычныя даследаванні [Электронны рэсурс].— Мінск, 2014.— 1 электронны аптычны дыск (CD-ROM).
3. Калнін В. Вандроўкі па «італьянскім» садзе. Погляд на шляхі магчымых рэканструкцый // Мирский замок. Возрождение: реставрация и музеефикация / сост. В. И. Прокопцов, Н. М. Усова. Минск: Аверсэв, 2022. С. 203–221.
4. Костич Т., Кукуня О. Итальянский сад в Мире // Архитектура и строительство. 2014. № 6. С. 46–49.
5. Новицкая О. В. Имение Замирье князей Святополк-Мирских: изучение и перспективы дальнейшего восстановления дворцово-паркового ансамбля // Русская усадьба XVIII — начала XXI вв. Проблемы изучения, реставрации и музе-

ефикации: материалы научной конференции (Ярославль, 3–4 июля 2014 года) / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; отв. ред. Е. В. Яновская. Ярославль, 2014. С. 71–75.
6. Отчет о выполнении работ по теме: «Выполнить комплекс научных исследований для подготовки представления о преобразовании ботанического памятника природы республиканского значения «Парк «Мир» с целью уточнения границ, площади, оптимизации режима охраны и использования». ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам. Минск, 2022.
7. Пейроне П. Европейский опыт восстановления исторических парковых ансамблей // Мірскі замак: праблемы і шляхі рэалізацыі гістарычнага рэканструявання: навукова-практычная канферэнцыя, г.п. Мір Карэліцкага раёна, Гродзенскай вобласці, 7 чэрвеня 2008 г. / навук. рэд. Н. М. Усава. Нясвіж, 2012. С. 84–90.
8. Паспорт памятника природы «Ботанический памятник природы республиканского значения парк «Мир», утвержден Приказом Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Бе5ларусь от 19.12.2022 № 404-ОД.
9. Реставрация и приспособление памятника архитектуры XVI–XX веков замкового комплекса Мир Гродненской области. 2-я очередь. Регулярный парк. Объект 04.018.2.00. ПКУП «Минскпроект». 2019 г.
10. Федорук А. Т. История формирования, стилевые и планировочно-композиционные особенности парков в Мире // Мірскі замак: праблемы і шляхі рэалізацыі гістарычнага рэканструявання: навукова-практычная канферэнцыя, г.п. Мір Карэліцкага раёна Гродзенскай вобласці, 7 чэрвеня 2008 г. / навук. рэд. Н. М. Усава. Нясвіж, 2012. С. 91–101.
11. Федорук А. Т. Садово-парковое искусство Белоруссии. Минск: Ураджай, 1989. 247 с.
12. Федорук А. Т. Старинные усадьбы Беларуси. Кореличский район. Минск: Беларусь. 2013. 174 с.
13. Харевич Т. Итальянский сад в Мире // Республиканская строительная газета. 2015. 2 февр. № 4. / Электронный ресурс: URL: https://smp.by/o-nas/nashi-izdanija/respublikanskaja-stroitelnaja-gazeta/ (дата обращения: 16.10.2018).
14. Каралёнак У. Італьянскія сады Мікалая Крыштафа Радзівіла Сіроткі // зборнік навук. прац / склад. А. У. Блінец і інш. Т. 3. Нясвіж: НГКМЗ «Нясвіж», 2017. С. 113–123.
15. Мір Радзівілаў: замак, мястэчка, графства (1568–1813 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў / склад. А. І. Шаланда. Мір: Музей «Замкавы комплекс «Мір», 2017. 338 с.

Kozhuh Tatyana Ivanovna,
Master of Art History, Senior Researcher,
Research Department, institutions
«Museum «Castle Complex «Mir»

GARDEN AND PARK DEVELOPMENT OF MIR CASTLE: PAST, PRESENT, FUTURE

Key words: *Italian garden, landscape park, «Park «Mir», walking route, restoration, reconstruction of the territory.*
Annotation. *The article is devoted to the history of the emergence of gardens and parks of Mir Castle, their evolution. The issues of transformation of the botanical natural monument of republican significance «Park «Mir», regeneration, reconstruction and adaptation of the regular (Italian) garden and landscape park at the present stage are touched upon. The features of the water system, the composition of plantings are considered, the improvement of the park zone for the improvement of excursion routes is told.*

Колосовская Ольга Владимировна
научный сотрудник учреждения
«Музей «Замковый комплекс «Мир»

УДК 069.5:779

DOI 10.54016/SVITOK.2025.28.42.042

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА В ДОМАШНИХ АЛЬБОМАХ И СЕМЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ В КОНЦЕ XIX — СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА
(На примере предметов из фонда музея «Замковый комплекс «Мир» и собраний жителей городского посёлка Мир)

Ключевые слова: *Фотография, городской посёлок Мир, портрет, визитка, кабинет-портрет.*

Аннотация: *Материалом исследования статьи являются фотографии конца XIX — середины XX веков из фондов музея «Замковый комплекс «Мир», и хранящиеся в домашних альбомах жителей городского посёлка Мир. С изобретением фотографии и распространением её в середине XIX века по всему миру люди получили возможность «документировать» реальность. Фотография привлекала своей новизной, точностью и скоростью. На примере оригинальных образцов, бытовавших на территории Российской империи и других государств, рассказано об изменении формата фотографической карточки, правилах, которых следовало придерживаться при фотографировании, используемых при этом предметах и т.д.*
Особое внимание уделено описанию фотографий из коллекции княгини Марии Гогенлоэ, владелице Мирского замка в конце XIX века, которые были сделаны в сентябре 1884 г. в г. Скерневице на территории бывшего Ловичского княжества, являвшегося на тот момент личной собственностью Романовых.

Как известно, обнародование открытия фотографии Л. Дагерром в Париже в 1839 году ознаменовало начало новой эры в изображении реального мира, а запатентованное в 1854 году французом А. Диздери изобретение уникальной технологии фотографической съемки, названной по получаемому в печати формату carte-de-visite, способствовало удешевлению фотопроцесса, и, следовательно, быстрому и массовому распространению

светописи (особенно портретной) по всему миру, в том числе в Российской империи[1].

Фотография привлекала своей новизной, точностью и скоростью изготовления в отличие, к примеру, от живописного портрета, который писался художником продолжительное время. С появлением фотографии люди получили возможность «документировать» реальность и передавать информацию, содержащуюся в ней. За каждым снимком — чья-то жизнь, реальное событие, причастность к эпохе.

Фонд музея «Замковый комплекс «Мир» насчитывает около 700 единиц хранения фотографического материала. Большую её часть составляет коллекция фотографий и гравюр, приобретённая в 2017 году у князя Константина Гогенлоэ, потомка владельцев Мирского замка в XIX веке. Коллекция состоит из двух альбомов в кожаных переплётах и россыпи разрозненных снимков разного формата, относится к 1860–1890-м годам. Данная коллекция исследована кандидатом исторических наук, доцентом О. Н. Попко, в 2023 году издан каталог [4].

Вторую часть собрания музея составляют фотографические карточки, поступившие в музей в 2023 году и ранее. Часть из них является хорошим фотографическим материалом, на котором можно проследить историю развития фотографии в Российской империи. В исследовании использованы также фотографии из домашних альбомов жителей посёлка Мир, который в XIX — начале XX века входил в состав Российской империи.

В конце XIX — начале XX века в Российской империи услугами фотографов пользовались люди разных сословий: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Всем хотелось иметь свой портрет. Для этого нужно было обратиться в фотографическое заведение, где фотограф делал художественный снимок, распечатывал его и клеил на картонную основу. Она имела определённые стандартные размеры и названия: миньон, визит-портрет, кабинет-портрет, будуар-портрет и другие [2][2]. Закон о печати

[1] Способ съемки и печати фотопортрета в формате «карт-визит» стал возможным, благодаря изобретению А. Диздери камеры с четырьмя объективами, делавшей восемь кадров (каждый размером ок. 8,5×5,5 см) на пластине величиной примерно 17×22 см. Готовые отпечатки, как правило, наклеивались на картонные прямоугольники формата визитной карточки (ок. 10×6 см), известной в мире с давних времен и впервые соединенной с фотографией малого размера в 1851 г. марсельцем Л. Додеро. При этом альбуминовый процесс, запатентованный в 1850 г. французом Л. Дезире, среди множества технологий получения фотоотпечатков в XIX в. оказался самым распространенным и успешным.

[2] По данным Фотографического календаря на 1891 г. (сост. И. И. Карпов), к 1890 году использовались следующие форматы бланков для фотографий:
1) миньон (размер фотографического изображения 36×70 мм), / размер бланка 40×78 мм;
2) визитный (VISIT PORTRAIT), или «Виктория» (VIKTORIA PORTRAIT) (размер фотографического изображения 54×92 мм/размер бланка 62×101 мм; 56×94 мм/65×105 мм; 70х105мм/82×127мм);

1865 года, коснувшийся в том числе и фотографических заведений России, обязывал их владельцев печатать снимки только с обозначением фирмы, их сделавшей. По этой причине каждый фотограф для своей мастерской заказывал в типографии паспарту — художественно оформленный картон с указанием фамилии мастера, города, где был сделан снимок, почётных званий и наград фотографа. В оформлении паспарту применялось тиснение, золочение и серебрение, пышные виньетки и узоры, поэтому снимок, наклеенный на него, выглядел богато и торжественно.

В коллекции музея имеется несколько экземпляров визит-карт. Это альбуминовые отпечатки на тонкой бумаге мужских и женских портретов, приклеенные к толстому картону. На них указаны фамилии мастеров, названия городов, где был сделан снимок: «Е. Овчаренко в Москве», «И. О. Тарасовъ Рязань», «И. Дъяговченко Кузнецкій мостъ въ Москве».

Фотографическое заведение Ивана Григорьевича Дьяговченко было одним из самых известных в Москве. Его услугами пользовались писатели А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и другие. Художники отдавали ему на съёмку свои картины. Он активно сотрудничал с различными издательствами.

И. Г. Дьяговченко, купец, житель Троице-Сергиевого Посада, получил свидетельство на право работы фотоателье в апреле 1867 года. Первоначально оно называлось «Новая светопись», позднее «Фотография». Соответственно менялся рекламный текст на обороте фирменных бланков. Летом 1872 года И. Дьяговченко принял участие в Политехнической выставке в Москве, на которой был удостоен большой золотой медали. С 1873 года на бланках фотографий появилось изображение медали и надпись, свидетельствующая о том, что И. Г. Дьяговченко — «Фотограф его императорского высочества государя наследника цесаревича и московских Императорских театров». С марта — апреля 1881 года на обороте бланков И. Г. Дьяговченко появилось изображение российского герба и новая надпись: «Двора Его Императорского Величества фотограф И. Дьяговченко» [5; 52, 56].

---

3) стереоскопный (размер фотографического изображения 75×80 мм/размер бланка 88×178мм или 88×180мм);
4) кабинетный (Cabinet Portrait) (размер фотографического изображения 100×137 мм/размер бланка 108×166мм или 110×170 мм);
5) променадный (Makart Portrait) (размер фотографического изображения 93×200 мм/размер бланка 105×210 мм);
6) будуарный (размер фотографического изображения123х189 мм/размер бланка 135×220мм);
7) империаль (размер фотографического изображения 160х217 мм/размер бланка 175×250 мм);
8) панель (размер фотографического изображения 160х300 мм/размер бланка 180×320 мм).

Рис.1. Е. Тихонова с мужем. 1920-е гг.

Одно из фотографических ателье Москвы конца XIX — начала XX века принадлежало выходцу из крестьян Е. М. Овчаренко. К сожалению, информации о нём сохранилось очень мало.

Егор Максимович Овчаренко (?-1902), крестьянин из Курской губернии Грайворонского уезда слободы Ивановской-Лисицы. Владел фотографическим заведением совместно с дворянином Генрихом Игнатьевичем Булгаком с 1876 по 1886 год, пока не открыли каждый свою фотомастерскую. Фотографическое заведение находилось на Тверской улице, «близ дома генерал-губернатора, рядом с магазином Андреева». В 1902 году оно было продано А. Е. Кузнецову с условием сохранения названия фирмы «Овчаренко» [1; 53].

Визит-картами обменивались с друзьями и родственниками, коллекционировали снимки (портреты) знаменитостей. Для хранения и показа данных изделий выпускались альбомы, где были предусмотрены крепления под визитный формат. Пик популярности визит-карт пришёлся на 1860-е годы. В начале 1870-х годов визит-карты были вытеснены кабинетным портретом. Это были всё те же альбуминовые отпечатки, только увеличенные, которые крепились на картонную основу размером 11×17 см. Первоначально формат использовался в горизонтальной ориентации для съёмки пейзажей, но позже был приспособлен для портретов и стал вертикальным. На таких снимках можно было запечатлеть фотографирующегося и кабинет или студию фотографа. Отсюда произошло название кабинет-портрет. По желанию клиента использовались холсты с изображенными пейзажами, модная мебель и другие атрибуты.

Один экземпляр данного образца был выявлен у жительницы посёлка Мир. Кабинет-портрет представляет собой отпечаток на бумаге, наклеенный на картонную основу с пометкой Gabinet portrait. Изображена семейная пара (Рис. 1) в полный рост на фоне стены, завешенной холстом с пейзажем. Фотограф разместил людей по обе стороны этажерки, на которой находится ваза с цветами. Жители деревни Великое Село Елизавета Тихонова (1900–1967) с мужем являлись состоятельными людьми и могли себе позволить новинку того времени — заказать снимок на память для себя и родственников. В настоящее время он хранится у их правнучки, являясь семейной реликвией.

Музею «Замковый комплекс «Мир» принадлежат 17 снимков польского фотографа Конрада Бранделя (1838–1920). Они сделаны с горизонтальной ориентацией в формате «променадный» (Makart Portrait). Все фотографии, кроме двух, ранее выхода в свет альбома, изданного музеем, по публикациям не известны, не выявлены в коллекциях известных музеев и архивах.

В 1865 году в Варшаве Конрад Брандель вместе со своим братом Владиславом открыл фотоателье по адресу улица Новый свет, 57. Мастера специализировались на фотопортретах, которые у них заказывали деятели

культуры, искусства и науки. С 1870-х годов постепенно перешли к фотографированию детей. Но фотографии с видами Варшавы К. Брандель делал на протяжении всего своего творчества.

К. Брандель являлся поставщиком императорского двора, что давало ему право фотографировать монарших особ во время их пребывания на территории Королевства Польского. Множество его фотографий запечатлели охоты членов семьи Романовых в деревне Спала — лесных угодьях в центре Польши, где была расположена большая резиденция, специально предназначенная для этих целей.

17 снимков из коллекции княгини Марии Гогенлоэ авторства К. Бранделя, принадлежали ранее её брату и относятся к периоду окончания дипломатической и военной карьеры князя Петра Львовича Витгенштейна. Они были сделаны в сентябре 1884 года в Скерновицах и Спале по случаю знаменательного события в политической и международной жизни — встречи императоров Российской империи Александра III, Австро-Венгрии Франца-Иосифа и Германии Вильгельма I. Это событие в истории получило название «конгресс «Трёх Чёрных Орлов». Встреча проходила во дворце Романовых в городе Скерневице на территории бывшего Ловичского княжества, которое являлось личной собственностью Романовых.

На четырёх фотографиях представлены сцены встречи высочайших гостей на железнодорожном вокзале в Скерневице, две фотографии с изображением ночного салюта, шесть фотографий со сценами парада у стен дворца Романовых. Пять фотографий К. Бранделя запечатлели окрестности будущего деревянного дворца в деревне Спала, проект которого во время этого визита утвердила императорская чета и, который был возведён в следующем 1885 году. На них мы видим панораму реки Пилица, вид нового моста через неё, девушку в народном костюме с граблями. Самыми уникальными из них являются две фотографии деревни Любохонек. Снимок группы военных возле одноэтажного здания, по мнению польского исследователя М. Слоневского [6; 26], запечатлел место проживания императорской четы во время охот — усадьбу лесничего. Панорама лагеря, разбитого для нужд гостей, состоящего из белых палаток, расставленных среди невысоких деревянных зданий, также представляет деревню Любохонек [5; 107–109]. Ранее об этом месте было известно из воспоминаний М. Малыхина (участника охот), но фотографий не находили. Эти палатки позднее активно использовались во время царских охот в Спале и неоднократно попадали в объектив фотографов.

С 1920-х годов кабинет-портрет сменила почтовая карточка (9×14 см). Данный вид фотографии не имел жёсткой картонной основы, а на оборотной стороне было предусмотрено место для адреса и марки, чтобы её можно было отправить по почте. В фонде музея хранится почтовая карточка с изображением детей на улице Виленской в Мире. Она относится к 1920–

30-м годам, когда данный населённый пункт являлся местечком в Новогрудском воеводстве. В то время в нём проживало около 6000 человек, из которых большую часть составляли евреи. На рыночной площади размещалась им принадлежащие магазины, аптеки, фотомастерские. Местные жители вспоминают Биньямина Голдина как хорошего фотографа. Проанализировав выявленные у них почтовые карточки, можно утверждать, какой холст и другие предметы использовались в мастерской этого человека.

Сто лет назад при обслуживании клиента всякий фотограф должен был придерживаться определённых правил. Перед съемкой он обычно беседовал с клиентом. В разговоре узнавал, как тот желает сфотографироваться: обговаривал поворот головы, подбирал соответствующую декорацию и аксессуары. Затем нужно было внимательно изучить лицо и фигуру модели и приступить к режиссированию композиции на съёмочной площадке. Желающие сфотографироваться приходили к фотографу нарядно одетыми. По костюмам можно было определить их достаток, профессию, социальное положение.

Люди, которые редко фотографировались — небогатые крестьяне, мещане со средним достатком — и у которых не было постоянного опыта позирования или «насмотренности» изящных поз, перед аппаратом напрягались, держали себя скованно, плохо владели руками, не зная, как их расположить. На этот случай были предусмотрены разные предметы. В руки оробевшим посетителям давали книги, альбомы, искусственные цветы и другие предметы. Подтверждается это фотографией, выполненной жителем местечка Мир Б. Гольдиным, фотомастерская которого находилась на втором этаже его каменного дома, расположенного на рыночной площади [3; 25]. На фотографии представлен молодой человек с книгой в руках (Рис. 2). За его спиной к стене прикреплён холст с изображением части высокого каменного здания в окружении деревьев и цветов. Для фотографирования использовалась и деревянная опора, состоящая из фигурных балясин. Данная фотокарточка выполнена в виде открытого письма. На её оборотной стороне имеется пометка с указанием числа, месяца и года создания снимка: 19 сентября 1927 года.

Со слов информанта — жительницы городского поселения Мир В. И. Лабоцкой 1929 года рождения — на фотографии изображён Василий Устинович Сергеев, который родился в деревне Кайшовка Новогрудского уезда. В 1920-е годы работал разнорабочим в имении «Замирье», которое принадлежало князю Михаилу Николаевичу Святополк-Мирскому. Молодой человек приходился крёстным отцом этой женщине, хорошо разбирался в технике.

В фотомастерской Б. Гольдина были выполнены и другие фотокарточки. Подтверждением этому служит часто применяемый для фотографирования один и тот же фон.

Рис. 2. В.У. Сергеев, местечко Мир, 1920-е гг.

Однотипные холст и опоры для сидения можно увидеть на фотографии, где изображена семья: отец, мать и двое детей. Стена завешена холстом с изображением пейзажа. Чтобы сделать художественный снимок, фотограф усадил родителей на две одинаковые опоры из точёных балясин, а детей разместил рядом — стоя на полу и прямоугольной колодке.

Данное фотографическое изображение служит наглядным примером традиции фотографироваться семьями. Это нужно было для того, чтобы запечатлеть сплочённость и благополучие семейного бытия. Такая фотография — своего рода отчёт для круга близких людей и для потомков.

Фотографические карточки, оформленные рамками, украшали интерьер дома, бережно хранились в альбомах и передавались детям и внукам. Обычно собственник альбома знал, кто изображён на фото и рассказывал о них своим родственникам. По этой причине большинство фотографий не были подписаны. Но встречаются экземпляры с указанием даты, места, по какому случаю и кому дарился снимок.

Не менее важна была свадебная фотография. Заключение брака, будучи одним из важнейших событий в жизни почти каждого человека, большой группы его родственников и земляков, в народной традиции издавна оформлялось большим количеством обрядовых действий и культурных институций, в том числе имеющих нормативно-запретительный характер. Например, в день свадьбы нельзя было фотографировать невесту перед зеркалом или водоёмом, где появляется её отражение. Жениха не следовало снимать с другой девушкой в этот день. Молодожёны не должны стоять спиной друг к другу, в кадре с ними не должен соседствовать кто-то третий.

На выявленных у местных жителей посёлка Мир фотографиях представлены молодожёны в полный рост. Невеста держит жениха под руку, однако проявления любви в позах и выражении лица исключаются. Изображения молодожёнов целомудренны, статичны и очень серьезны, ведь совершался наиважнейший в их жизни и в жизни родительской семьи обряд, имеющий первостепенное религиозное, экономическое, социально-статусное, генеалогическое значение. Это важно было документировать.

В период 20–30-х годов XX века свадебная фотография, как правило, была всего одна на брачную пару. Свадебные альбомы с серией фотоснимков появились позже. Но перед этим большинство людей, особенно в послевоенный период, старались заполучить хотя бы один снимок, где были изображены одновременно все участники свадьбы: молодожёны, родственники, друзья, подруги, хорошие знакомые, соседи и так далее. Сохранилась фотография у местной жительницы Мира с изображением молодожёнов и их гостей на фоне стен Мирского замка (Рис. 3). Известно, что в послевоенный период в замке проживало 119 человек. Мы видим на ней счастливые лица людей, которые в этот день забыли про жизненные трудности. Эти

Рис. 3. Свадьба в Мирском замке. 1940-е гг.

Рис.4. Люда Малютко. 1950-е гг. г.п. Мир.

люди полны воодушевления, оптимизма и веселья, ведь они соучастники важного события.

Фотографирование детей также являлось семейной традицией. Но нужно было придерживаться особых правил. В русской народной культуре существовал запрет, согласно которому нельзя было некоторое время после рождения показывать рожениц и новорождённых детей людям, чтобы «не сглазили». Ждали, чтобы ребёнок подрос. Поэтому, попавшие в руки фотографии детей — это малыши с 3-х месяцев и старше. Существовал определённый «канон» изображения младенцев: они, неизменно голенькие, лежат или сидят на постели (Рис. 4). Видимо, в этом стандарте отражено желание показать их здоровыми, полноценными и хорошо упитанными. Дети до пяти лет изображались с игрушками, в нарядной одежде, сидящими или стоящими на стуле — так подчёркивалось их малолетство. Костюм, игрушки и другие атрибуты позволяют уверенно судить о поле ребёнка.

Нельзя обойти вниманием и похоронные фотографии, запечатлевшие этапы прощания близких людей с усопшим. Они выявлены у большинства информантов. Жанр траурной фотографии возник и распространился в Российской империи ещё в дореволюционный период и дожил до советского времени. Фотографирование сцены прощания с усопшим осуществлялось фотографом, вызванным на дом, или им же в кладбищенском ателье. В первом варианте снимались обычно на улице около дома, откуда осуществлялся вынос. Это иллюстрирует фотография, выявленная у местной жительницы Н. Ситчук (Рис. 5). Фотографирование было вписано в структуру погребального обряда, служило документирова-

Рис. 5. На похоронах. 1937 г.

нию, необходимому для последующего конструирования истории семьи. Мёртвый изображён как мёртвый: лежащим в гробу, выставленном на переднем плане композиции, в окружении похоронной атрибутики. Вокруг гроба размещаются его близкие, как на семейном портрете: семья в этом составе в последний раз вместе.

В отдельную группу следует вынести тантамарески. В конце XIX — начале XX века они были особенно популярными. Тантамарески представляли собой стенды для фотосъёмки с отверстиями. Их часто использовали в своих работах курортные фотографы, снимавшие на пленэре. В крупных городах в фотомастерских популярными были изображения театральных лож, лодок, самолётов и автомобилей, нарисованные красками на фанере. Они могли применяться одновременно с фоном. В местечке Мир, вероятнее всего, подобные декорации также использовались. Известно на данный момент только одно фото, где изображён молодой мужчина, житель деревни Прилуки К. Бочановский, в нарисованном автомобиле (Рис. 6). К сожалению, владелице неизвестно, где фотографировался её родственник.

Таким образом, материалом исследования данной статьи являются фотографии конца XIX — середины XX века из фондов музея «Замковый комплекс «Мир», и хранящиеся в домашних альбомах жителей городского посёлка Мир.

С изобретением фотографии и распространением её в середине XIX века по всему миру люди получили возможность «документировать» реальность. Фотография привлекала своей новизной, точностью и скоростью.

Рис. 6. Тантамареска. 1930-40-е гг. Житель д. Прилуки

На примере оригинальных образцов, бытовавших на территории Российской империи и других государств, в статье рассказывается, как менялся формат карточки, каких правил следовало придерживаться при фотографировании, какие предметы при этом применялись и другие аспекты. Рассматриваются такие виды карточек как визит-карт, кабинет-портрет, променадный, почтовая карточка и фотокарточка. Указываются их особенности: материал изготовления, декор, важные знаки и пометки. Даются краткие сведения о фотографических мастерских Е. Овчаренко и И. Дьяговченко в Москве, И. Тарасова в Рязани, Б. Голдина в Мире, К. Бранделя в Королевстве Польском. В статье делается вывод о том, что фотографические изображения на протяжении короткого периода времени из предмета забавы, роскоши стали необходимой принадлежностью каждой семьи, группы знакомых, сослуживцев, лучшим воспоминанием семейных, дружеских и общественных событий и отношений, предметом коллекционирования и составления домашних альбомов.

Список источников и литературы

1. Овчаренко Егор Максимович // Шипова Т. Н. Фотографы Москвы — на память будущему. 1839–1930: Альбом-справочник. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив»; АО «Московские учебники», 2001 г.
2. Прейскурант Метенкова, р. 91: бланк съ бронзовой линіей. / Электронный ресурс: URL: http://fototikon.blogspot.com/2016/06/Metenkov-page-91.htm. (Дата обращения: 25.08.2024).
3. Раманава І., Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. Вільня: ЕГУ, 2009.— 247 с.
4. Фотографии и гравюры из собрания кн. Марии Гогенлоэ (1829–1897): каталог/ Ф81 автор текста, составитель О. Н. Попко; редкол.: А. Ч. Лойко, О. В. Новицкая. Мир: Музей «Замковый комплекс «Мир», 2023.— 536 с.: ил., фот.— (Серия «Коллекция музея «Замковый комплекс «Мир»).
5. Шипова Т. Н. Фотографы в Москве (Н. Добровольский, И. Дьяговиченко) // Мир музея. 1996. № 6. С. 52–57.

6. Sloniewski M., Czestnych S. Palac i ludze. Historia rezydencji mysliwskiej w Spale 1885–1945. Spala, 2014.— 263 c.

Kolosovskaya Olga Vladimirovna
researcher of the institution «Museum «Castle Complex «Mir»

PHOTOGRAPHIC CARD IN HOME ALBUMS AND FAMILY COLLECTIONS AT THE END OF THE XIX — MIDDLE OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF OBJECTS FROM THE FUND OF THE MUSEUM "CASTLE COMPLEX "MIR" AND COLLECTIONS OF RESIDENTS OF THE URBAN VILLAGE OF MIR)

Key words: *Photography, urban settlement of Mir, portrait, business card, cabinet-portrait.*
Annotation. *The research material of the article is photographs of the late XIX — mid-XX centuries from the funds of the museum "Castle Complex "Mir", and stored in home albums of residents of the urban settlement of Mir. With the invention of photography and its spread throughout the world in the mid-19th century, people were able to "document" reality. Photography attracted people with its novelty, accuracy and speed. Using the example of original samples that were in use in the Russian Empire and other countries, the article describes the change in the format of the photographic card, the rules that had to be followed when taking photographs, the objects used in this process, etc.*
Particular attention is paid to the description of photographs from the collection of Princess Maria Hohenlohe, the owner of Mir Castle at the end of the 19th century, which were taken in September 1884 in Skierniewice on the territory of the former Łowicz Principality, which at that time was the personal property of the Romanovs.

Красильников Игорь Борисович
кандидат исторических наук,
доцент ФБГОУ ВО «Смоленский
государственный университет»

УДК 908

DOI 10.54016/SVITOK.2025.85.22.043

СМОЛЕНСК — ПОГРАНИЧНЫЙ ГОРОД

Ключевые слова: *Смоленск, граница, пограничный город, история изменения территориального положения.*

Аннотация: *Смоленск является западными воротами России, первым и последним крупным российским городом на пути к Москве с запада. Это даёт как преимущества, так и несёт определённые риски. На основе исторических материалов автор рассматривает вопрос об изменении территориального положения Смоленска.*

Смоленск часто называют: «щит Москвы», «ключ-город», «западные ворота России». Однако само понятие ворот предполагает приграничное содержание. И действительно, Смоленск — город, находящийся вблизи западной границы России. В настоящей непростой международной ситуации это географическое положение несёт в себе не только преимущества, но и определённые риски. В данной статье мы предпринимаем попытку рассмотреть ряд вопросов: что такое пограничный город, как Смоленск стал пограничным городом, преимущества и риски такого положения нашего города? Данная проблема не получила ещё своего исчерпывающего изучения, хотя отдельные вопросы и находили своих исследователей [3].

В английском языке существует сразу два термина для обозначения пограничной территории: Edge Citi (буквально окраинный город) и Border town (буквально пограничный город). Под окраинным или периферийным городом авторы больше понимают районы города, находящиеся за пределами центра города. Для Смоленска это может быть и Заднепровье, и Киселевка.

Под пограничным же городом авторы понимаются населённый пункт недалеко от границы между странами или регионами.

Подобный подход используют и в отечественной литературе. Согласно словарю русского языка — пограничный — это расположенный у границы, находящийся на границе [2, с. 168].

Сайт «Академик» предлагает под пограничным городом считать поселение, обычно расположенное в удобном месте и служащее связующим звеном между двумя районами, часто становящееся главным городом на данной территории [1]. На наш взгляд это определение наиболее подходящее.

Сразу отметим, что в России, как и в других странах, существует достаточное количество населённых пунктов, находящихся непосредственно на границе, или вблизи нее. В Приморском крае есть даже населённый пункт с названием Пограничный. По разным оценкам, в России в приграничной полосе находится от 7 до 12 городов, при этом только Благовещенск и Хабаровск соответствуют критерию «главный город на данной территории». Если же учитывать данный критерий, то и Калининград, и Псков, и Брянск, тоже могут считаться пограничными. Как и Белгород, и Курск.

Теперь рассмотрим второй вопрос — как Смоленск стал пограничным городом. За свою длительную историю, а в этом году городу исполняется 1161 год, были очень длительные периоды, когда Смоленск находился внутри страны. При этом необходимо учитывать, что в период раздробленности, когда возникает самостоятельное Смоленское княжество наш город тоже оказывался на границе, но при этом необходимо учитывать, что княжество было значительно больше современной Смоленской области, так что город находился достаточно далеко от границ.

Фактически пограничным городом он становится только в конце XV века, когда Смоленск, захваченный Великим княжеством Литовским, стал одной из целью походов московских воевод. В 1493 году Москва присоединяет Вязьму, 1500 год — Ведрошская битва (в районе Дорогобужа). В 1502 году — первый поход московских войск на Смоленск.

1 августа 1514 года московские войска наконец взяли Смоленск, однако потерпели неудачу уже 8 сентября в битве под Оршей. С этого времени Смоленск на несколько столетий становится приграничным городом. Для его защиты строится Смоленская крепостная стена. Сначала в течение 97 лет (1514–1611) город находился в составе Русского государства, затем 43 года в составе Речи Посполитой (1611–1654). После возвращения Смоленска в состав Русского государства ещё более века он оставался приграничным. Фактически только в результате разделов Речи Посполитой (в 1772 году к Российской империи были присоединены Витебск, Орша и Мстиславль, а в 1793 году были присоединены центральная Белоруссия с Минском) граница была отодвинута от Смоленска на сотни километров, и Смоленск на два века перестал быть приграничным городом. При этом отметим, что самые тяжёлые времена — нашествие Наполеона в 1812 году и оккупация города в годы Великой Отечественной войны наш город перенёс именно тогда, когда казалось он находится в достаточно безопасном месте — далеко от границы.

После распада СССР и образования новых государств в 1991 году, Смоленск снова стал приграничным городом. Таким образом, за 1161 год своего существования Смоленск только три века (1493–1772 годы и с 1991 года) является приграничным городом. Но самоощущение того, что это последний крупный город России перед Москвой, если двигаться с запада, а также историческая память — та роль, которую сыграл Смоленск в годы Отечественных войн,— приводит к тому, что Смоленск считается приграничным городом, ключом к Москве.

Теперь более подробно рассмотрим вопрос о том, как это влияет на наш город. К положительным последствиям можно отнести пристальное внимание центра к данному региону, ведь граница всегда требует большего внимания, чем «глубокий тыл». Регион может получить дополнительное финансирование именно на обустройство границы, на развитие пограничных и таможенных служб. Пограничное положение способствует развитию экономических связей, особенно в случае добрососедских отношений, созданию совместных предприятий, привлечению инвестиций, трудовой миграции, трансграничному шопингу, международному туризму и отдыху. Для этого возможно привлечение дополнительных средств на развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной, а также средств на поддержание объектов культурного наследия, на привлечение туристов из соседнего государства. Важным направлением могут быть совместные программы обучения в высших и средних специальных учебных заведениях, тем более что подобные студенты с течением времени могут стать «мягкой силой», способной увеличить влияние России на сохранение дружеских отношений с Беларусью. Охрана границы потребует размещения дополнительных военных контингентов, что приведет к созданию дополнительных рабочих мест гражданских специальностей по их обслуживанию, особенно в районах с тяжёлой экономической ситуацией.

Однако, надо признать, что пограничное положение таит в себе и немалые риски. Оно может вводить ограничения определённых видов экономической деятельности в приграничной полосе. Пересечение границы, разница в законодательстве и даже в его трактовке могут создавать дополнительные трудности для инвесторов и предпринимателей. Приграничное положение накладывает особое отношение к населению данных территорий, его экономическому, социальному и даже национальному составу. Требуется организация особого взаимодействия местных органов власти и населения с пограничниками и таможенниками. Граница создаёт риски развития контрабанды, нелегальной миграции, вовлечения в эти процессы части местного населения, причём как из маргинальных слоёв общества, так и, к сожалению, части предпринимательства.

Особые проблемы могут возникать в случае создания напряжённости в отношениях с соседним государством, что может потребовать даже проведения эвакуационных и дополнительных мобилизационных мероприятий.

Проведённый нами анализ пограничного положения Смоленска показывает, что за более чем тысячелетнюю историю нашего города пограничным он являлся всего три столетия, считая и современный период 33 года. При этом самые тяжёлые испытания на долю смолян выпали в годы, когда мы были тыловым районом. Но именно это и наложило свой отпечаток на сознание смолян, по праву считающих Смоленск щитом Москвы.

Список источников и литературы

1. Словарь по географии — Пограничный город / Электронный ресурс: URL: https://geography_ru.academic.ru/5261/%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4?ysclid=m1ulh8p07j416196105 (Дата обращения 4.09.2024)
2. Словарь русского языка: в 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Том 3. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
3. Седов А. А. Правовое содержание понятия приграничной территории: теория и история вопроса // Евразийский юридический портал / Электронный ресурс: URL: https://www.eurasialegal.info/index.php/component/content/article/154–2012–10–04–03–50–06/5109–2016–10–03–09–10–49?ysclid=m1hix8q1wt429160979 (Дата обращения 4.09.2024).

Krasilnikov Igor Borisovich
candidate of historical sciences, associate professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University»

SMOLENSK — A BORDER CITY

Key words: *Smolensk, border, border city, history of changes in territorial position.*

Annotation. *Smolensk is the western gate of Russia, the first and last large Russian city on the way to Moscow from the west. This gives both advantages and carries certain risks. Based on historical materials, the author examines the issue of changing the territorial position of Smolensk.*

Курмановский Владимир Сергеевич,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ФГБУН
«Институт археологии РАН»

Бавшин Игорь Михайлович
научный сотрудник ФГБУ «Национальный
парк «Смоленское Поозерье»

УДК 94(47)

DOI 10.54016/SVITOK.2025.99.32.044

ПОГОСТЫ ВЕРЖАВЛЯН ВЕЛИКИХ: ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: *Вержавляне Великие, Смоленское Поозерье, погосты, Ельша, Плаи, история, письменные источники, археология, керамика.*

Аннотация*: В статье проводятся краткие итоги разведочных археологических исследований 2023–2024 годов на территории двух приходских центров, известных по источникам начала XVII века на пограничье Смоленского уезда Московского государства с литовским Велижем. Рассматривается вопрос о возможной преемственности этих поселений с погостами Вержавлян Великих — территориальной единицы Смоленской земли, упоминаемой в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича и локализуемой в изучаемом районе.*

Уставная грамота смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича, дошедшая до нас в списке первой половины XVI века,— важнейший документальный источник о структуре домонгольской Смоленской земли. В ней перечислены «все дани смоленские» — объекты, подлежавшие этому виду обложения, из которого высчитывалась шедшая епископу десятина. Наиболее крупную дань давали «Вержавляне Великие», насчитывавшие девять погостов, дававшие 800 гривен дани, не считая «передмера» и «истужников», с которых шли еще 200 гривен [8, с. 141]. Вержавляне Великие закономерно отождествляются с местностью вокруг города Вержавска, также фигурирующего в Уставной грамоте. Последний, как было впервые установлено И. И. Орловским на основе анализа документов начала XVII века о боевых действиях на смоленско-литовском пограничье, а впо-

следствии — В. В. Седовым [21. с. 318–323] достаточно убедительно отождествляется с городищем у деревни Городище, расположенным в бассейне реки Гобзы (правый приток Каспли, правого притока Западной Двины) на территории современного Демидовского района Смоленской области, в пределах Национального парка «Смоленское Поозерье». Локализовать территорию и расположение погостов Вержавлян Великих на основе анализа географии и данных археологии (локализация кладов и скоплений курганов) попытался Л. В. Алексеев [4, с. 38–40, 56–57]. В. С. Нефедов высказал предположение о формировании ядра Вержавлян Великих в виде трех созданных княжеской властью крепостей, остатками которых являются городища Городище (Вержавск), Баталово (Заборье) и Загоскино (Николо-Берновичи) уже в X веке. При этом, по мысли исследователя, основными проводниками «окняжения» территории Смоленского Подвинья выступали носители «сопочной» традиции, связанные своим происхождением с Северо-Западной Русью, и в частности, Новгородской землей [11]. Нужно отметить, что смоленская волость Вержавск известна по письменным источникам XV — начала XVII века. Она занимала весьма небольшую территорию вокруг городища Вержавска, что делает маловероятным ее отождествление с Вержавлянами Великими Уставной грамоты. В XVII веке Вержавская волость окончательно влилась в состав соседней Руцкой волости (в источниках XV– начала XVI века называвшейся «волость Руда»). Название данной волости, предположительно, этимологически близко названиям «Вержавск» и Вержавляне». В материалах московско-литовских переговоров 1509 года она названа «Руда Большая» [22, с. 486], что также сближается с определением Вержавлян «Великие». Границы древних Вержавлян Великих могут быть определены также границами соседних с ними территориальных единиц, упомянутых в Уставной Грамоте, таких как Торопец (граница торопецких земель с Вержавлянами гипотетически может быть проведена по позднейшей границе Смоленского и Бельского уездов, известно, что в Бельский уезд вошла половина прежней торопецкой Старцевой волости), Жидчичи (очевидно — деревня Жичицы Демидовского района Смоленской области) и Каспля. В. В. Седов также локализовал в непосредственной близости от Вержавлян Великих, в бассейне реки Вотря, в пределах исторической Руцкой волости, еще один податной центр Уставной грамоты — Воторовичи (городище у деревни Городна Ярцевского района Смоленской области). Отметим, что как локализация, так и само прочтение названия из Уставной грамоты (отсутствует согласная между двумя «о», допустимы чтения «Воторовичи» и «Вотоловичи») представляются достаточно спорными. Таким образом, помимо волости Руда, к территории Вержавлян Великих с большой долей вероятности могут быть также отнесены территории соседних позднесредневековых смоленских волостей Щучье (центр — село Щучье ныне Жарковского

района Тверской области) и Поречье (центр — современный город Демидов), за исключением южной оконечности Порецкой волости, где локализуется податной пункт Жидчичи. Маловероятным представляется отнесение к Вержавлянам Великим территории Вержавского пути, известного по документам Литовской Метрики XV — начала XVI века, начинавшегося в ближайших окрестностях Смоленска и занимавшего преимущественно бассейн реки Хмость. По-видимому, данная территориальная единица располагалась по дороге из Смоленска в волость Вержавск.

На этих территориях, помимо волостного деления, в источниках XVII века (в том числе документах Смоленской приказной избы начала столетия) прослеживается деление на более мелкие административные единицы — церковные приходы, центры которых часто называются погостами. Так, Порецкая волость в начале XVII века делилась на две половины, соответствующие приходам церквей святого Николая Понизовского (ныне село Понизовье Руднянского района Смоленской области) и святой Параскевы Пятницы на Устье (реки Гобзы) — ныне город Демидов, в Щуцкой волости выделялись приходы святого Николая Чепелевского (ныне — село Щучье), святого Николая Плайского (ныне — деревня Плаи Демидовского района), Спаса Преображения на Ельше (бывшее село Ельша Демидовского района), а также Черепининский (Черепынинский) приход. Руцкая волость в 60-х годах XVII века делилась на Никольский (село Николо-Берновичи Духовщинского района), Пречистенский (село Пречистое (Залесье) — ныне село Пречистое Духовщинского района), Тяполовский (село Тяполово Духовщинского района) и Городецкий (село Городна Ярцевского района, ассоциируемое В. В. Седовым с Воторовичами) (подробнее — см. Курмановский, 2015). В документах Смоленской приказной избы начала XVII века церковь Николы Берновицкого отмечена не в Руцкой, а в Щуцкой волости [1, с. 247] (Рис. 1–2).

Логичным образом возникает вопрос, могут ли иметь эти «поздние» погосты преемственность с погостами Вержавлян Великих Уставной Грамоты? Феномен погостов в средневековой Руси имеет довольно длительную историю изучения. В наибольшей степени он исследован для северо-западных — новгородских и псковских земель, где система погостов получила наиболее значительное развитие. Среди позднейших работ о погостах следует отметить обстоятельное исследование Н. И. Платоновой [12]. Археологические исследования исторических погостов в разных регионах Севера и Северо-Запада Руси показало, что на одних территориях (Белозерье, области «чернокунства» на юге Новгородской земли) приходские центры эпохи позднего средневековья — раннего Нового времени расположены на месте крупных поселений домонгольского периода либо в непосредственной близости от них, в центрах поселенческих «гнезд», на других (большая часть Псковской земли, Деревская пятина Новгородской земли без областей «чер-

нокунства») они возникают лишь в XV–XVI веках на ранее необжитых местах.

Применительно к Смоленской земле можно отметить упоминание здесь погостов как волостных центров в материалах литовско-московских переговоров начала XVI века [22, с. 436]. В «московский» период начала XVII века, согласно дошедшим до нас неполным данным источников (документы Смоленской приказной избы, материалы польской ревизии 1619 года, межевая «книга Заремб», упоминания в книгах Литовской Метрики первой половины XVII века и другие) религиозные центры сельской округи по своему облику тяготели скорее к «поздним» погостам (отдельно стоящие церкви с дворами причта и немногочисленными бобыльскими дворами), чем к селам (крупные, как правило, владельческие, поселения с церковью). Существуют также единичные упоминания отдельных сельских храмов в «литовский» период конца XV века. Так, в 1497 году упоминается земля, купленная «в попа никольского, в Кирила

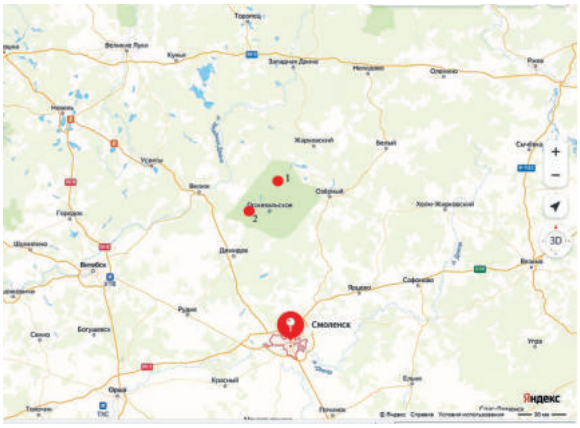


Рис. 1. Исследованные объекты на Яндекс-карте

Рис. 2. Погосты Ельша (1) и Плаи (2) на схеме административного деления Смоленского уезда по ситуации на вторую половину XVII века (обозначены красными кружками). Литерами обозначены: А — центры станов и волостей; Б — храмы, существовавшие до 1611 года (показаны с учетом данных В. А. Прохорова)

немчиновского» [20, стб. 678], а в 1499 — село, купленное у «попа балваницкого» [20, стб. 758]. В позднейшем привилее униатскому архиепископу 1633 года, перечисляющем сохранившиеся церкви и «церковища» Смоленского воеводства, упомянуты храмы святителя Николая «Немчинский» и «святого мученика архидиакона Стефана в Болваничах» [14, с. 303, 304). Нужно, однако, отметить, что оба эти храма располагались в великокняжеских «дворах» (усадьбах) литовского периода. При этом известно, что власти Великого Княжества Литовского, декларируя нерушимость «старины», не допускали строительства новых православных храмов. Значительная часть зафиксированных источниками начала — первой половины XVII века храмов находились в упоминаемых в XV–начале XVI века волостных центрах. Таким образом, есть основание полагать, что сеть православных храмов в сельской местности центральных и западных районов Смоленской земли, зафиксированная источниками начала — первой половины XVII века, в своей основе может восходить к эпохе существования самостоятельного Смоленского княжества, а поскольку период середины XIII–XIV века в Смоленской земле отмечен рядом кризисных явлений, то, с большой долей вероятности,— к домонгольскому периоду.

В ходе полевых сезонов 2023 и 2024 годов были осуществлены разведочные археологические исследования в местах расположения двух приходских центров Щуцкой волости Смоленского уезда, упоминаемых в документах Смоленской приказной избы начала XVII века — в урочище Ельша и в окрестностях деревни Плаи Демидовского района Смоленской области, в настоящее время расположенных в пределах Национального парка «Смоленское Поозерье».

Урочище Ельша расположено на восточном берегу озера Ельша в русле одноименной реки, левого притока реки Межи, левого притока Западной Двины, на северо-востоке Демидовского района Смоленской области, недалеко от границы с Жарковским районом Тверской области. Село Ельша было окончательно упразднено в 2001 году.

В документах Смоленской приказной избы отмечен ряд упоминаний «Спаса на Ельше» — в донесении Василия Румянцева о положении дел на границе, датируемом, вероятно апрелем 1609 года [6, с. 9–10], челобитной крестьян Щучейской волости об обороне, где фигурирует «большой Спасский приход, что в Ельше» [6, с. 21], грамоте смоленских воевод М. Б. Шеина и П. И. Горчакова в Щучейскую волость [6, С. 22]. Наряду со Спасским приходом в документах упоминается также «Елшовский десяток» [6, с. 20]. Согласно этим сообщениям, крестьяне Спасского прихода игнорировали распоряжение сооружать засеки и принимали крестное целование Шимону Госевскому. В переписной книге Данила Чернцова 1668 года отмечено «село Погост на озере Елышевке», в котором находилась церковь Спаса Преображения и один бобыльский двор [9, с. 161]. В Экономических при-

мечаниях к материалам Генерального межевания «*погост Елша писцовой церковной земли владения того погоста священно- и церковнослужителей*» описывается следующим образом: «*оное село состоит при озере Елше и по обе стороны ручья Безымянного, во оном селе церковь деревянная во имя Спаса Преображения Господня … землю обрабатывают священно- и церковнослужители сами на себя*» [19, л. 138 об.— 139]. Крестьянские «души» в нем отсутствовали.

В Списках населенных мест Смоленской губернии по сведениям 1859 года в третьем стане Порецкого уезда Смоленской губернии отмечено владельческое село Ельша (Спас-Ельша) при озере Ельше по проселочной дороге из города Поречья в село Щучье, в котором насчитывалось пять дворов, семь жителей мужского и десять женского пола и одна православная церковь [24, с. 333]. В Списках населенных мест 1904 года в составе Слободской волости третьего стана Порецкого уезда обозначено село Ельша с четырьмя дворами, пятью жителями мужского и восмью женского пола, в котором имелись церковь и церковно-приходская школа, а 6 августа проводилась ярмарка [25, с. 326]. На картах РККА 1935 и 1941 годов в селе Ельша показана церковь, на карте 1941 года в селе указано семь дворов. На карте Генерального штаба по сведениям 1982 года в селе Ельша показано 13 дворов. Согласно работе иеромонаха Рафаила (Ивочкина), имеются данные о постройке здесь деревянного храма Спаса Преображения с приделами Спаса Преображения и Покрова Пресвятой Богородицы в 1753 году на средства помещика Г. Н. Сурменева. Предыдущий храм, судя по сохранившемуся антиминсу, был сооружен в 1708 году. В 1821 году был построен кирпичный храм, к которому в 1899 году были пристроены два предела — Покрова Пресвятой Богородицы и святого Николая. В 1932 году церковь была закрыта и в ней разместилась школа ФЗО [15]. Предположительно, здание церкви было разобрано на кирпич местными жителями в послевоенный период.

Археологически окрестности села Ельша были обследованы Е. А. Шмидтом в 1951 году. В 0,2 км к северу от села, на восточном берегу озера Ельша, на склоне коренного берега, им было выявлено селище. На пашне был собран подъемный материал — фрагменты лепных глиняных плоскодонных сосудов с большой примесью дресвы, гончарных глиняных горшков, а также печины и обожженные камни [26, л. 86]. Средневековый материал селища в дальнейшем был датирован XI–XIII веками [2, с. 178].

Серия упоминаний погоста Николы Плайского в документах Смоленской приказной избы связана, в первую очередь, с нападением на него литовского отряда Шимона Госевского в день Благовещения 1609 года: «… Пан Шиман приходил на Благовещенья в день после заутрени на первом часу на Плаи, старожи старажей разогнали. И приехав на погост, пан Шиман с литовскими людьми у Николы чюдоворца выбрал ис церкви образы, и книги, и свечи, и Евангелие с престола … И каторые приходили к Николе

Рис. 3. План дачи писцовой церковной земли села Плаи Поречского уезда Смоленской губернии. Предположительно после 1782 г. (РГАДА)

к заутрени и к обедни … мужиков и жонок пограбили, и девок, и робят» [6, 1912. с. 4, 9, 15]. Крестьяне «Никольского приходу Плайского» подавали коллективную челобитную об обороне смоленским воеводам М. Б. Шеину и П. И. Горчакову [6, с. 21], а 15 августа 1609 г. священник Василий и крестьяне Никольского прихода Плайского сообщали Ивану Жидовинову о принуждении их литовцами к крестному целованию [6, с. 24]. Храм святого Николая на Плаях упоминается также в привилее смоленскому униатскому архиепископу 1633 года [14, с. 334]. В Экономических примечаниях к планам Генерального межевания объект описан по-разному: «*Погост Плай владения священно- и церковнослужителей*» [19, л. 10 об.]; «*писцовая церковная земля села Плаи церкви Николая Чудотворца владения той церкви священно- и церковнослужителей*», «*оная лежит возле озера Плаи, в нем церковь деревянная во имя Святаго Николая Чудотворца … а землю обраба-*

тывают священно- и церковнослужители сами на себя» [19, л. 110 об.]; либо как «*погост Плаи*» с двумя деревянными храмами — Николая Чудотворца и Рождества Пресвятыя Богородицы [18, л. 66]. Отметим, что на плане дачи Генерального межевания показаны две церкви с кладбищами [16] (Рис. 3). Очевидно, эти противоречия связаны со строительством второго храма в 1782 году (см. ниже). Вместе с тем, не совпадают данные о посвящении храма, указанные иеромонахом Рафаилом (Ивочкиным) и в Экономических примечаниях. Возможно, посвящение храма в какой-то момент сменилось. Крестьянские «души» во владении отсутствовали.

В Списках населенных мест по данным 1859 года отмечено во втором стане Поречского уезда по правую сторону проселочной дороги из города Поречья в село Щучье владельческое село Плаи «при озере Чистом», насчитывавшее восемь дворов, 24 жителя мужского и 32 женского пола и одну православную церковь [24, с. 318]. По Спискам 1904 года числилось село Плай-Успенское (наряду с селом Плай-Ахтырское — современное Бакланово) с шестью дворами, тремя жителями мужского и семью женского пола, в котором значились две церкви и ярмарка 9 мая, в Слободской волости третьего стана Порецкого уезда [25, с. 327]. На картах РККА 1935 и 1941 годов в селе Плаи показана одна церковь, окруженная застройкой, при этом на карте 1941 года в селе указано 17 дворов.

В 1782 году в селе был построен и освящен новый деревянный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом в честь святого Николая Чудотворца. В 1887–1890 годах была возведена новая кирпичная Успенская церковь, при этом старый деревянный храм продолжал существовать. К 1927 году деревянная церковь, вероятно, уже не существовала. Каменный Успенский храм был закрыт в 1939 году, и разрушен, предположительно, во время Великой Отечественной войны [16]. Таким образом, совокупность данных о количестве, посвящении и локализации церквей в различные периоды дает довольно противоречивую картину и требует дальнейшего исследования.

Из археологических памятников в окрестностях деревни Плаи ранее были выявлены городище «Балкон» в 500 м к юго-востоку от деревни Плаи и 500 м к западу от деревни Синяки, а также селище второй половины I тысячелетия новой эры в 500 м к югу от деревни, открытое в 1997 году сотрудником Государственного Эрмитажа Д. В. Герасимовым [5, л. 18–19, 20–22].

Таким образом, большую часть позднейшего периода оба объекта представляли собой малодворные поселения, населенные преимущественно либо исключительно священно- и церковнослужителями, типологически сходные с позднесредневековыми погостами. Позднейшие зафиксированные храмы в обоих случаях прекратили свое существование в середине XX века. При натурном обследовании они фиксировались в виде хорошо заметных на поверхности задернованных остатков нижних частей стен.

Остатки церкви села Плаи находятся на территории современного кладбища. На месте церкви в селе Ельша, расположенном в лесном массиве, в настоящее время установлен деревянный крест, на деревьях размещены иконы и лампадки. Обследованные участки в обоих случаях были заняты застройкой XX века. Визуальный осмотр также показал отсутствие на обоих объектах каких-либо признаков искусственной фортификации.

В урочище Ельша в ходе сезона 2023 года основное внимание было сосредоточено на его южной части, в которой, на левом берегу впадающего в озеро Ельша безымянного ручья, на плане Генерального межевания показаны церковь и кладбище. Первый разведочный шурф площадью 1 кв. м был заложен на левом берегу ручья к западу от местонахождения церкви. Шурф показал мешаный характер культурного слоя на всей его мощности, составлявшей порядка 30 см. При этом верхнюю его часть, по-видимому, составлял горизонт нивелировки поверхности после разрушения здания церкви, крайне насыщенный кирпичным боем. Наряду с материалами XIX–XX веков (кирпич, стекло, фаянс, фрагменты железных изделий), керамикой XVII–XIX веков и неопределенной, в шурфе были обнаружены единичные фрагменты белоглиняной керамики, предположительно XV — начала XVII века и керамики древнерусского облика.

Второй шурф аналогичного размера был заложен на правом, северном берегу ручья. Он также показал мешаный культурный слой, нарушенный распашкой, в котором, наряду с поздним и неопределенным материалом, присутствовала белоглиняная керамика XV–XVI веков и керамика из неожелезненной глины древнерусского облика. Некоторые фрагменты керамики из неожелезненной глины было затруднительно определить как белоглиняные XV–XVI веков или домонгольские. Был обнаружен венчик сосуда с завернутым внутрь черновым краем и горизонтально срезанным чистовым краем подтреугольных очертаний на слегка изогнутой шейке. По смоленским аналогиям, подобная форма венчика наиболее характерна для XIII века (Рис. 5, 21). Кроме того, был встречен фрагмент стенки лепного сосуда, предположительно третьей четверти I тысячелетия новой эры.

На южной периферии урочища, в отвале колеи лесной дороги примерно в 300 м к югу от ручья, было обнаружено местонахождение подъемного материала, включавшего себя, в том числе, три венчика круговых сосудов форм, находящих аналогии в материалах Гнездовского археологического комплекса, и предположительно, датируемых в пределах второй половины X — начала XI века (рис. 5, 1, 4, 9). «Позднего» материала здесь не было встречено. В 2024 году здесь же был обнаружен фрагмент стенки сосуда с волнистым орнаментом. К западу от этого местонахождения был заложен третий разведочный шурф. В нем был обнаружен слабо выраженный культурный слой, содержащий единичные фрагменты керамики, один из которых определенно принадлежал к древнерусскому периоду.

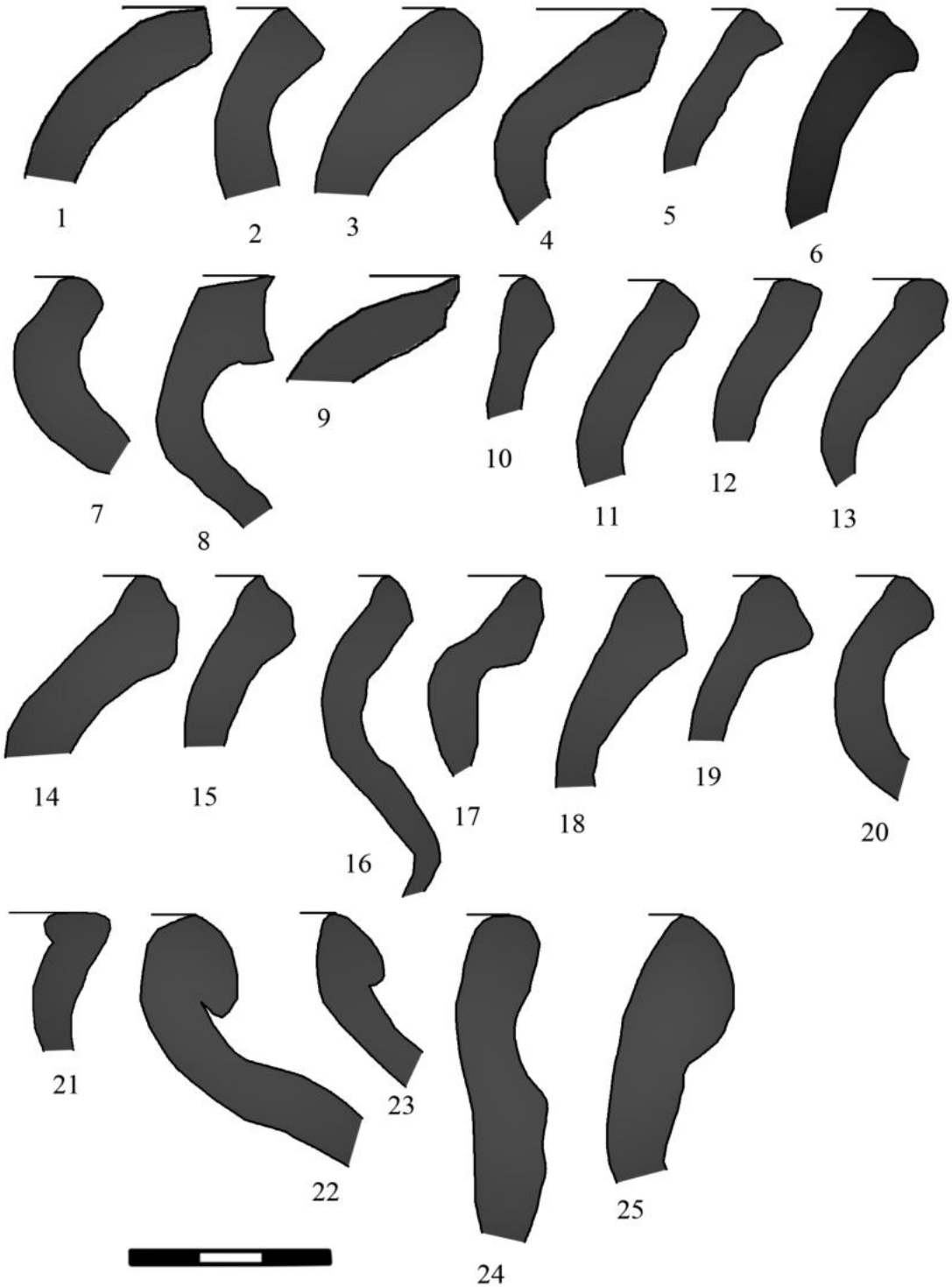


Рис. 5. Венчики керамических сосудов X–XI (1–4, 7–9), XI–XIII (5–6, 10–20), XIII–XIV (21), XV–XVI вв. (22–25). Работы 2023–2024 гг. (1, 4, 9, 16, 21 — Ельша; прочие — Плаи).

По результатам работ 2023 года выявленный объект в южной части урочища Ельша был описан как селище Ельша 2. Селище, описанное Е. А. Шмидтом к северу от селища Ельша, получило рабочее наименование Ельша 1. Однако в 2024 году осмотр участка к северу от ручья показал, что подъемный археологический материал, включающий в себя круговую керамику древнерусского периода и лепную второй половины I тысячелетия новой эры, распространяется единым пятном вплоть до северной периферии застройки бывшего села (остатки построек XX века читаются на поверхности). Таким образом, по-видимому, селище Ельша 2 и селище, открытое Е. А. Шмидтом, представляют собой единое крупное поселение. Максимальный его поперечник с севера на юг составляет порядка 800 м, с запада на восток — до 200 м. Среди материала, собранного в 2024 году, можно отметить венчик древнерусского кругового сосуда (рис. 5, 16), а также венчик лепной миски, предположительно датируемый третьей четвертью I тысячелетия новой эры.

В ходе полевых работ у деревни Плаи обследовался участок, расположенный к западу от современной застройки и к северо-западу от кладбища и церкви конца XIX века, вдоль южного берега озера Баклановское. Именно здесь показано село (погост) Плаи на планах Генерального межевания. На последних изображено две церкви с кладбищами, локализация одной из которых приблизительно совпадает с местонахождением позднейшей Успенской церкви, а вторая расположена примерно в 75 м (согласно масштабу плана) к западу от первой. Приблизительно в 50 м к северо-западу от западной церкви показана застройка села. От южной оконечности последней отходит дорога, ведущая в соседние селения Никольское и Ложные Синяки, проходящая между застройкой села и кладбищами (рис. 4). Эта дорога примерно совпадает с дорогой, фиксирующейся на местности в настоящее время.

В ходе сезона 2023 года на объекте был собран подъемный материал и заложено два разведочных шурфа площадью по 1 кв. м каждый. В 2024 году также собирался подъемный материал и было заложено еще 5 разведочных шурфов площадью по 1 кв. м. В результате на большей части площадки между берегом озера Баклановское и грунтовой дорогой к северо-западу от современного кладбища был выявлен культурный слой, сильно нарушенный позднейшей хозяйственной деятельностью и содержащий материал, принципиально датируемый домонгольским периодом. Совокупные размеры поселения, по данным распространения археологического материала, составляют порядка 300×100 м. Наиболее ранние обнаруженные образцы фрагменты принадлежали круговой керамике второй половины X — начала XI века (рис. 5, 2–3, 7–8) Кроме того, присутствовали фрагменты керамики XV — начала XVII века, включая белоглиняную (рис. 5, 25) и чернолощеную керамику XVI — начала XVII века, а также, предположительно,

фрагмент литовской керамики XV века (рис. 5, 24). Фактически во всех шурфах и в подъемном материале присутствовали также позднейшие артефакты XVII–XX веков, в том числе пули периода Великой Отечественной войны. Среди интересных находок можно отметить обнаруженный в подъемном материале фрагмент стеклянного сосуда с так называемой венецианской филигранью, предположительно датируемый XVII веком (определение И. Н. Кузиной, ИА РАН).

На обоих исследованных объектах, таким образом, были прослежены следы достаточно крупных поселений, датируемых домонгольским периодом. Также был обнаружен более поздний материал, в том числе принадлежащий «московскому» периоду XVI — начала XVII века — времени первых упоминаний объектов в письменных источниках. При этом культурный слой обоих поселений существенно поврежден позднейшей хозяйственной деятельностью. В результате, в первом приближении, вопрос о возможной преемственности позднесредневековых погостов Ельша и Плаи с предполагаемыми погостами Вержавлян Великих может быть решен положительно.

Обращаясь к полученному на данный момент археологическому материалу, представленному почти исключительно фрагментами керамических сосудов, можно отметить его определенную специфику в сравнении с керамикой Смоленска и его ближайших окрестностей. Наиболее ранняя керамика X–XI веков, в частности, из селища в урочище Ельша, в целом, как уже отмечалось, сходна с материалами Гнездова и наиболее ранней круговой керамикой Смоленска (рис. 5, 1, 4, 9). Один из наиболее архаичных сосудов с селища у деревни Плаи (рис. 5, 8) находит аналогии в некоторых формах керамики Новогрудка и других городов Черной Руси второй половины X — начала XII века [10, рис. 9, 10, 12; рис. 29, 20; рис. 30, 4]. Похожие сосуды известны и в Новгороде в слоях XI века [23, рис. 1, тип IV Г]. Еще один обнаруженный здесь сосуд (рис. 5, 7) находит аналогии в керамике Новгорода X века [23, рис. 1, типы II А, Б; рис. 3, 3].

Керамика развитого домонгольского периода, обнаруженная на обоих объектах, заметно отличается от смоленской, сближаясь с формами сосудов русского Северо-Запада (рис. 5, 5–6, 10–20). В частности, здесь отсутствуют классические «общерусские» сосуды эсовидной формы с венчиком-валиком, абсолютно доминирующие в слоях Смоленска XII века. Наиболее близкие аналогии представляет керамика средневекового Усвята, опубликованная в работе И. И. Еремееева, в частности, описанные исследователем типы 7, 9, 14, 15 и 16 [7, с. 532–533]. Опосредованная близость наблюдается также с керамикой средневекового Новгорода [23, рис. 1, типы IVA, В, Г]. Более поздние сосуды, начиная с венчика XIII века из Ельши (рис. 5, 21), оказываются ближе к собственно смоленским аналогам. Близкую картину керамических типов дают рисунки керамики из Вержавска, а также Каспли, приведенные в отчете Л. В. Алексеева [3]. Данная закономерность

перекликается со сделанным ранее выводом В. С. Нефедова о роли населения, связанного своим происхождением с Новгородской землей, в становлении государственных структур в Смоленском Подвинье.

Таким образом, археологические исследования на месте исторических погостов Ельша и Плаи позволили выявить полностью либо частично неизвестные ранее древнерусские поселения, одно из которых (Ельша) отличается экстраординарно крупными для сельского памятника размерами. Открытые поселения весьма правдоподобным представляется связать с погостами Вержавлян Великих Уставной грамоты Ростислава Мстиславича. При этом возникновение данных поселений относится ко времени не позднее X века.

Список источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 2. 1598–1613. Спб.: Типография 2-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. [4], IV, 438, 29, [2] с.
2. Археологический карта России. Смоленская область. Ч. 1. М.: Институт археологии РАН, 1997. 296,[2] с.
3. Алексеев Л. В. Альбом к отчету об исследованиях Днепро-Двинского отряда в 1971 г. Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 4557а.
4. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 268 с.
5. Герасимов Д. В. Отчет об археологических разведках в Велижском и Демидовском районах Смоленской области в 1997 г. Архив ИА РАН. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 19780.
6. Готье Ю. В. Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. // Смутное время Московского государства 1604–1613 г. Материалы изданные Императорским Обществом истории и древностей Российских при Московском университете. Выпуск 6. М.: Синодальная типография, 1912. 2, XVII, 282, 2 с.
7. Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с.
8. Древнерусские княжеские уставы. Подготовил Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. 239 с.
9. Курмановский В. С. К исторической географии местности Вержавляне Великие// История военного дела: исследования и источники.— 2015.— Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв.— Ч. I.— С. 150–179 <http://www.milhist.info/2015/09/23/kurmanovsky
10. Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История, 2005. 160 с.
11. Нефедов В. С. Городища X века и начало «окняжения» Смоленского Подвинья. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Выпуск 12. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1998. С. 250–258.
12. Платонова Н. И. Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 г. Предпосылки и пути образо-

вания Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 328–388.
13. Прохоров В. А. Смоленщина в документах Литовской Метрики первой половины XVII в. Владельцы и их маетности. Смоленск: Край Смоленский, 2017. 543 с.
14. Иеромонах Рафаил (Ивочкин). Поречская земля: Православные храмы: Смоленск: Свиток, 2007 / Электронный ресурс: URL: https://nikolaevskii-sobor.ru/kniga.php?page=porechskaia-zemlia-pravoslavnie-hrami&ysclid=m4wujwcd9m501759438 (дата обращения: 17.08.2024 г.).
15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 453 ч. 1. Ед. хр. 3-24с. План дачи писцовой церковной земли с. Плаи Порецкого уезда Смоленской губернии.
16. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 453 ч. 1. Ед. хр. 3-27к. План дачи писцовой церковной земли с. Ельша Порецкого уезда Смоленской губернии.
17. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1508. Экономические примечания на 348 дач Поречского уезда и на 657 дач Смоленского уезда и алфавиты дач и владельцев.
18. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1510. Экономические примечания на 348 дач, каталог к генеральному плану на 348 дач, перечневый табель и описание рек.
19. Российская историческая библиотека, Т. 27. Литовская Метрика. Отдел первый. Ч. 1. Книги записей. Т. 1. СПб.: Сенатская типография, 1910. 660 с.
20. Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли // Материалы по изучению Смоленской области. Выпуск 4. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1961. С. 317–343.
21. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование великого князя Ивана Васильевича. Ч. 1. (годы с 1487 по 1533). СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб.
22. Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. МИА № 55. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 228–248.
23. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Выпуск 40. Смоленская губерния по сведениям 1859 г. СПб: В типографии Карла Вульфа, 1868. LXXXVII, 512 с.
24. Список населенных мест Смоленской губернии: с приложением карты Смоленской губернии. Смоленск: Смоленский губернский статистический комитет, 1904. 8, 497, [1] с.
25. Шмидт Е. А. Отчет об археологической разведке в Смоленской области летом 1951 г. Архив Института археологии Российской академии наук. Ф. 1. Оп. Р-1. Ед. хр. 569.

Kurmanovsky Vladimir Sergeevich,
Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences»

Bavshin Igor Mikhailovich
Researcher of the Federal State Budgetary Institution «National Park "Smolenskoye Poozerye»

GRAVESTIES OF THE VERZHAVLYANE VELIKIYE: EXPERIENCE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Key words: *Verzhavlyanye Velikiye, Smolenskoye Poozerye, graveyards, Yelsha, Playi, history, written sources, archaeology, ceramics.*
Annotation. *The article provides a brief summary of exploratory archaeological research in 2023–2024 on the territory of two parish centers known from sources of the early 17th century on the border of the Smolensk district of the Moscow state with Lithuanian Velizh. The question of the possible continuity of these settlements with the parishes of the Verzhavlyan Velikiye, a territorial unit of the Smolensk land mentioned in the Charter of the Smolensk prince Rostislav Mstislavich and localized in the studied area, is considered.*

Кушнеревич Александр Николаевич,
кандидат исторических наук, доктор искусствоведения, профессор профессор УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

УДК 72.033.5

DOI 10.54016/SVITOK.2025.61.72.045

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОРОННОЕ ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ ПОЛЬСКО-БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Ключевые слова: *Беларусь, пограничье, церкви-крепости, храмостроительство.*

Аннотация*: Статья посвящена уникальному феномену в истории европейской позднесредневековой готики — храмам оборонного типа, возведенным в XV — XVI вв. на территории польско-белорусского-литовского пограничья. Социально-идеологическая и художественная экспансия католического готического храмостроительства на этих землях. содействовала взаимодействию архитектурных форм в местном сакральном зодчестве обеих христианских конфессий, что привело к выработке самобытных строительных приёмов и архитектонических вариантов белорусской церковной готики. Одним из оригинальных её ответвлений являются православные церкви-крепости, в архитектурное решение которых композиционно, конструктивно и функционально включены фортификационные элементы, что создало принципиально новое идейно-художественное целое. В архитектуре этих храмов наиболее ярко проявился синтез архитектурно-строительных культур Востока и Запада.*

Социально-идеологическая и художественная экспансия католического готического храмостроительства в польско-белорусско-литовском пограничье содействовала взаимодействию архитектурных форм в местном сакральном зодчестве обеих христианских конфессий, что привело к выработке самобытных строительных приёмов и архитектонических вариантов белорусской церковной готики. Одним из оригинальных её ответвлений являются православные церкви-крепости первой половины

XVI века, в архитектурное решение которых композиционно, конструктивно и функционально включены фортификационные элементы, что создало принципиально новое идейно-художественное целое. Четырёхбашенные оборонные византийско-готические церкви регионов польско-белорусско-литовского пограничья (Благовещенская церковь в Супрасле (Польша), Михайловская церковь в деревне Сынковичи, Рождества Богородицы в деревне Мурованка Гродненской области (Беларусь), Троицкая и Пречистенская церкви в Вильно (Вильнюс, Литва), представляют уникальный феномен в контексте стилевого развития европейской готической архитектуры. Они основательно изучены в работах П. П. Покрышкина, М. Соколовского, И. Иодковского, А. Шишко-Богуша, Н. Н. Щекотихина, М. А. Ткачёва, Т. В. Габрусь и других [1]. Автор к этой группе памятников первоначально отнес Пречистенскую, Троицкую в Вильно, а позже и Николаевскую церковь в Бресте, Троицкую церковь в Слуцке [2, с. 86–91; 3, с. 147–195]. Два последних памятника не сохранились до нашего времени.

Генезис, процесс становления и стилевые характеристики перечисленных храмов привлекают внимание археологов и историков архитектуры Беларуси, Литвы, Польши, предложивших несколько концепций их происхождения. По мнению Н. Н. Щекотихина, родоначальником цитадельно-церковного строительства в Беларуси является трёхбашенный Бернардинский костёл первой четверти XVI века в Вильно [4, с. 125]. Поэтому исследователь рассмотрел более поздние, на его взгляд, памятники белорусской готики — четырёхбашенные церкви-крепости в Сынковичах, в Маломожейкове, в Супрасле — в такой последовательности, которая отражает гипотетически эволюционный процесс, основанный на постепенном усложнении архитектурных форм, объемно-пространственных композиций фортификационных элементов и декора. Польский историк Ст. Александрович и белорусский исследователь М. А. Ткачёв выводили родословную этих храмов от полоцкой Софии, перестроенной, по их мнению, в конце XV — начале XVI века. Основанием для такого их суждения является рисунок «Взятие Полоцка войсками Стефана Батория, 11–30 августа 1579» его картографа С. Похоловицкого и шведский план Полоцка 1707 года [5, с.8; 6, с.127–129]. Однако Вал. А. Булкиным не были выявлены фундаменты этих предполагаемых башен в процессе археологических исследований памятника [7]. По мнению Т. В. Габрусь, это произошло, потому что «здесь оборонительные башни не были возведены от фундаментов, как предполагает М. Ткачёв, а надстроены над квадратными, в плане угловыми, компартиментами древнего Софийского собора» [8, с.31]. Аналогичного мнения придерживается и О. А. Трусов [9]. Согласиться с их гипотезой невозможно по той причине, что в процессе археологического исследования памятника не были обнаружены остатки строительных материалов XV–XVI веков. Поэтому условность изображений Софийского собора в Полоцке на

историко-картографических документах XVI — начала XVIII века, отсутствие фундаментов предполагаемых башен конца XV — начала XVI века при сохранности остатков памятника XI века не позволяет по прежнему считать Полоцкую Софию прототипом четырёхбашенных православных оборонительных храмов Великого княжества Литовского. У авторов изображения собора впечатления наличия башен на его углах создавало классическое решение фасадов в сочетании с многоглавым завершением объёмной композиции в виде световых барабанов и куполов, а после перестройки начала XVII века полуцилиндрическая форма восточных и западных апсид и автономное покрытие их кровли, заимствованное с местного деревянного культового зодчества. Поэтому автор разделяет мнение Н. Н. Щекотихина, считавшего именно Вильно местом возникновения нового направления в сакральном зодчестве исторической Литвы. Однако прототипом оборонительных четырёхбашенных храмов Великого княжества Литовского был не бернардинский костёл в Вильно, а скорее всего кафедральный собор Станислава после его перестройки в начале XV века по приказу великого князя Витовта, заимствовавшего в фортификацию Великого Княжества Литовского из орденского оборонного зодчества соседней Пруссии (Фромборк, собор Успения Богородицы и Святого Андрея (1329–1388); Квидзын, собор Святого Иоанна (1377–1409); Королевец, собор Девы Марии и Святого Адальберта первой половины XIV века) ранее неизвестную разновидность оборонительного храма.

При этом важно заметить, что в XV веке, как установила А. С. Янкявичене, каменное православное храмостроительство не велось в исторической Литве [10, с. 5]. Это свидетельствует о том, что в начале XVI века в православное храмостроительство была перенесена вышеназванная модель церковной оборонительной постройки с католического зодчества этого субрегиона ВКЛ и удачно адаптирована к семантико-символической образности византийско-русского храма.

По мнению А. П. Хоряк, «*Истоки приспособления храмов к обороне на территории Великого Княжества Литовского следует искать не на востоке (Полоцк); как предполагалось ранее, а на юге, юго-западе (Волынь, Подолье). Именно на юго-западных землях находятся наиболее ранние из известных сегодня восточнохристианских храмов, имеющих фортификационных элементы. К одним из ранних памятников этого типа, как он далее отмечает, относится церковь в Сутковцах (Винницкая область, Украина) второй половины XV века, представляющая собой храм-тетраконх, снабжённый бойницами и машикулями и находящийся, в непосредственной близости от Сутковецкого замка*» [11, с. 188]. Однако с этой гипотезой невозможно согласиться по той причине, что родоначальником нового направления в культовом зодчестве ВКЛ был не провинциальный приходской храм, а какой-то сакрально авторитетный памятник. Кроме

того, исследователь считает, что «*православные храмы Беларуси первой половины XVI века (Сынковичи, Мурованка) не являются фортификационными постройками, ибо их башни не были приспособлены для использования артиллерии*» [11, с. 188]. По его суждению, «*это имитация крепостей, направленная на устрашение немногочисленных легко вооруженных отрядов восточных кочевников*» [11, с. 188]. Результаты авторского анализа по приспособлению в данных и остальных храмах (Троицкая, Пречистенская церкви в Вильно) исторической Литвы угловых башен к обороне свидетельствуют, что они на самом деле не выполняли такие функции из-за небольших размеров внутреннего пространства, а являлись коммуникативными элементами, удачно подчиненными сакрально-символической функции по наличию многоглавого завершения храма, принадлежащего к византийско-греческой богослужебной традиции. Бойницы в башнях были размещены в разбивку и служили лишь световыми окнами для маршей винтовых лестниц. Только бойницы в завершении башен можно было использовать в какой-то степени для обороны. Главную же роль в инкастеляции рассматриваемых памятников играла боевая галерея, устроенная в подкровельном пространстве, бойницы которой были предназначены для использования ручного огнестрельного оружия. Поэтому фортификационная система православных оборонительных храмов исторической Литвы, как и Благовещенской церкви Супрасльского монастыря в Подляшье, не была рассчитана на долговременный штурм многочисленного неприятельского войска, а только на противодействие его небольшим отрядам, занимавшимся грабежом местного населения.

До последнего времени в работах по истории белорусского искусства оборонительные церкви в Сынковичах, Мурованке и Супрасле обычно рассматривались в этой устойчивой последовательности по мере нарастания их композиционного и технического совершенства, хотя в сакральном зодчестве течение времени не всегда работает на техническое и эстетическое совершенство храмостроительства. Уточнение И. В. Ганецкой датировки Михайловский церкви в Сынковичах на основе данных письменных источников, результатов археологических исследований и сравнительного изучения памятников архитектуры ВКЛ и Польши началом второй четверти XVI века [12, с. 229] позволяет считать не этот храм, а Благовещенскую церковь православного монастыря в Супрасле самым ранним храмом-крепостью восточнохристианского зодчества исторической Литвы, который был приспособлен как для религиозных обрядов, так и для защиты местного населения во время внешней опасности. Эта программа присутствует в функции и семантике собора с боевой галереей в подкровельном пространстве, решёткой-герсой над входом и четырьмя башнями, фланкирующими углы храма. Он был построен на средства берестейского старосты, новогрудского воеводы, маршалка Великого княжества Литовского Алек-

сандра Ходкевича в 1505–1511 годах. Оборонительный по предназначению пояс бойниц-машикулей в завершении стен решён, как и в Сынковичской церкви, в виде ритмической аркатуры, опирающейся на ступенчатые консоли, и являющийся одним из основных композиционно-декоративных элементов в художественном облике этих сооружений.

Оборонительные православные храмы польско-белорусско-литовского пограничья представляют уникальный феномен в контексте стилевого развития европейской готической архитектуры. Первым с этих памятников была возведена не церковь в Сынковичах, как считалось до последнего времени, а монастырский Благовещенский собор в Супрасле, имевший более развитую систему обороны по сравнению с остальными памятниками данной типологической группы. В его архитектуре наиболее ярко проявился синтез архитектурно-строительных культур Востока и Запада. Оригинальность архитектуры храма обусловлена гармоничным сочетанием готического и византийского стилей. Последовательный эволюционный процесс оборонного культового зодчества регионов польско-белорусско-литовского пограничья завершает церковь Богородицы первой половины XVI века в деревне Мурованка, в архитектуре которой проявились не только готика, но и художественные мотивы Ренессанса.

Список источников и литературы

1. Покрышкин П. П. Благовещенская церковь в Супрасльском монстыре // Сб. ст. Импер. археолог. комиссии. Спб., 1911.— С. 222–237; Sokolowski M., Warobijew G., Zubrzycki Y. Kościoly i cmentarze warowne w Polsce // Sprawozdania Komisji Historii Sztuki.— Kraków, 1906.— T. 7.— Z.1–2.— S.483–498; Иодковский И. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси // Древности: Тр. Комиссии по сохр. древних памятников.— М., 1916.— Т. 6.— С. 249–311; Szyszko-Bogusz A., Warowne Zabytki Architektury Kościelnej w Polsce i na Litwie // Sprawozdanie Komisyi do badania historyi sztuki w Polsce.— Kraków,, 1915.— T. 9.— S. 331–376;. Шчакаціхін М. М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва.— Менск: Інбелкульт, 1928.— С. 242–270; Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі.— Мінск, 1978. С. 115–132.
2. Кушнярэвіч А. М. Культавае дойлідства Беларусі XIII–XVI стст. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.— 151 с.
3. Кушнярэвіч А. М. Мураваная дабастыённая фартыфікацыя Вялікага Княства Літоўскага. Мінск: Белнавука, 2011. — 234 с.
4. Шчакаціхін М. М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва.— Мінск: Навука і тэхніка, 1993.— 336 с.
5. Alexandrowicz S. Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Polocka w 1579 r. // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.— Warszawa, 1971.— Cz 1.— S. 3–29.
6. Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі.— Мінск: Навука і тэхніка, 1978.— 134 с.

7. Булкин В. А. Проблемы изучения Полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне: Матэрыялы канф., прысвеч-й 1500 г. Кіева / Ін-т гісторыі АН БССР; навук. рэд. Л. Д. Побаль. Мінск, 1983. С. 112–114.
8. Габрусь Т. В. Мураваныя харалы. Сакральная архетэктура беларускага барока.— Мінск: Ураджай, 2001.— 206 с.
9. Трусаў А. Новая рэканструкцыя Полацкай Сафіі // Спадчына, 1998.— № 4.— С. 18–21.
10. Янкевичене А. С. Некоторые сооружения Вильнюса XVI в. // Архитектурное наследство.— М., 1964.— Т. 17 — С. 3–8.
11. Хоряк А. П. Элементы оборонной архитектуры в православном храмостроительстве Беларуси первой половины XVI в. // Сообщения Национального Художественного музея Республики Беларусь.— Минск, 2008.— Вып. 7.— С. 186–190.
12. Ганецкая І. У. Да пытання аб датаванні Сынковіцкай Міхайлаўскай царквы // Матэрыялы па археалогіі Беларусі.— Вып. 19.— С. 226–233.

Kushnerevich Alexander Nikolaevich,
Candidate of Historical Sciences, Doctor of Art History, Professor
Professor of the Educational Institution «Belarusian State University of Culture and Arts»

ORTHODOX DEFENSIVE TEMPLE CONSTRUCTION OF THE POLISH-BELARUSSIAN-LITHUANIAN BORDERLAND REGIONS

Key words: *Belarus, borderland, fortified churches, temple construction.*
Annotation. *The article is devoted to a unique phenomenon in the history of European late medieval Gothic — defensive temples erected in the 15th — 16th centuries on the territory of the Polish-Belarusian-Lithuanian borderland. Social, ideological and artistic expansion of Catholic Gothic temple construction on these lands. contributed to the interaction of architectural forms in the local sacred architecture of both Christian denominations, which led to the development of original construction techniques and architectonic variants of Belarusian church Gothic. One of its original branches are Orthodox fortress churches, in the architectural solution of which fortification elements are included compositionally, constructively and functionally, which created a fundamentally new ideological and artistic whole. The architecture of these temples most clearly manifested the synthesis of the architectural and construction cultures of the East and West.*

Ливенцев Дмитрий Вячеславович,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»

УДК 94(47)

DOI 10.54016/SVITOK.2025.58.72.046

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ СОВЕТСКИХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ ОТ ЯПОНСКИХ БРАКОНЬЕРОВ В 20–40-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: *Дальний Восток, морские границы, японские браконьеры, сторожевой корабль.*

Аннотация*: На протяжении десятилетий советские рыбные промыслы на Дальнем Востоке представляли собой объект хищнического промысла японских браконьеров. По экономическим причинам СССР не мог создать в дальневосточном регионе боеспособные военно-морской флот и пограничную морскую охрану. В результате японские браконьеры, пользуясь поддержкой боевых кораблей японского императорского флота, безнаказанно занимались хищнической рыбной ловлей. Только в 1945 г. из-за угрозы начала советско-японской войны Токио приостановил деятельность браконьеров у берегов СССР. Этапы борьбы с японскими браконьерами в исследуемый исторический период и посвящена научная статья.*

Советские дальневосточные военно-морские границы до конца Второй мировой войны представляли собой самую незащищенную территорию. Естественно, объективным фактором отсутствия охраны морских границ на Дальнем Востоке стала разрушенная в Гражданскую войну экономика, не позволившая СССР в короткие сроки развернуть полномасштабную военную судостроительную программу.

После завершения Гражданской войны были сформированы Морские Силы Дальнего Востока [4. с. 19]. При этом на практике в них входили:

- канонерская лодка «Красный Октябрь»;
- сторожевой корабль «Красный вымпел»;
- сторожевой корабль «Воровский».

Подобный советский флот в дальневосточном регионе не мог оградить огромные морские просторы от браконьеров. Более того, японские рыбаки открыто игнорировали предупреждения советских военных кораблей, так как всегда действовали под прикрытием превосходящих сил собственного императорского флота [6. с. 53–54].

В 1930 году последовало сразу несколько оперативных сводок ОГПУ о том, что советские рыбопромышленники из-за хищнического рыбного лова японских браконьеров несут колоссальные финансовые убытки [7. с. 469]. Морские Силы Дальнего Востока безнадежно проигрывали в противостоянии японскому императорскому флоту и браконьерам [7. с. 470].

Однако Морские Силы Дальнего Востока в погоне за японскими браконьерами выполняли не свойственные военно-морскому флоту функции. Задержание браконьеров должна была производить дальневосточная морская пограничная охрана.

Конечно, советское руководство создало Дальневосточную пограничную флотилию. В отчетах в судовой состав военно-морского пограничного подразделения входили 33 сторожевых катера [5. л. 36]. Внушительная цифра абсолютно не отражала реальное положение вещей. Все сторожевые катера не обладали высокими мореходными качествами, а многие из них не имели вооружения, кроме личного стрелкового оружия членов экипажа [5. л. 39]. Получается, что Дальневосточная пограничная флотилия практически не могла выполнить возложенные на нее задачи по охране территориальных вод от браконьеров, и их пришлось поручить военно-морскому флоту.

В то же время, нельзя сказать, что и советский военно-морской флот в дальневосточном регионе справлялся успешно с охраной рыбных промыслов. В 1935 году Морские Силы Дальнего Востока преобразуются в Тихоокеанский флот. На советских военно-морских базах, появляются эскадренные миноносцы и подводные лодки [4. с. 57].

Важным моментом в ходе борьбы с японскими браконьерами стало включение в корабельный состав Тихоокеанского флота целого дивизиона новых типов сторожевых кораблей:

- сторожевой корабль «Зарница»;
- сторожевой корабль «Молния»;
- сторожевой корабль «Метель»;
- сторожевой корабль «Вьюга»;
- сторожевой корабль «Буран»;
- сторожевой корабль «Гром» [1. с. 197–198].

Несмотря на это задержания японских браконьеров происходили, если речь шла об одиночных судах [7. с. 450]. Например, в 1938 году незаконную рыбную ловлю поддерживал отряд японских кораблей из 15 военных катеров, разведывательно-дозорных шхун, 14 эскадренных миноносцев, не-

скольких подводных лодок и одного крейсера [7. с. 470–471]. Всего непобедимая армада японских шхун-браконьеров составила в 1938 году 1500 промысловых судов [7. С. 80–82].

Промысловый сезон японских браконьеров в 1938 году напоминал собой полноценное вторжение в территориальные воды сопредельной державы. Собственно даже одиночные браконьерские суда в то время регулярно оказывали вооруженное сопротивление советской пограничной морской охране.

С началом Великой Отечественной войны незаконные промысел японских браконьеров на Дальнем Востоке постоянно увеличивался. Известен факт обмена 26 июля 1941 года 33 советских моряков торгового флота на 27 японских браконьеров [3. p. 246–247]. Впервые объемы хищнической рыбной ловли сократились в сезон 1943 года. Скорее всего японцы отреагировали на успехи советских войск на германском фронте [3. p. 97]. После чего дипломаты через посольство СССР в Токио стали оказывать на японскую сторону регулярное давление, связанное с проблемой незаконной рыбной ловли в советских территориальных водах [3. p. 100–102]. К 1945 году, то есть накануне советско-японской войны, деятельность японских браконьеров у берегов СССР на Дальнем Востоке полностью прекратилась.

Таким образом, на протяжении длительного периода времени японские браконьеры при вооруженной поддержке со стороны императорского флота безнаказанно занимались хищническим промыслом в советских территориальных водах. На сложившуюся ситуацию не могли повлиять из-за малочисленности корабельного состава Морские Силы Дальнего Востока, Дальневосточная пограничная флотилия и Тихоокеанский флот. Японское правительство свернуло деятельность браконьеров только в 1945 году непосредственно из-за реальной угрозы боевых действий советских войск на дальневосточном военном театре.

Список источников и литературы

1. Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945 гг. Справочник — СПб.: Изд. Велень, 1994.— 400 с.
2. Воробьев В. П. Впереди атакующих.— М.: Политиздат, 1983.— 159 с.
3. George A. Lensen. The strange neutrality: soviet-japanese relation during the Second Word War, 1941–1945.— Tallahassee.: The Diplomatic Press, 1972.— 300 p.
4. Мы — тихоокеанцы. Воспоминания.— Владивосток.: Изд. Дальневосточное, 1977.— 319 с.
5. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 9. Д. 6.
6. Титаренко Н. Ф. Флоту быть! // Сборник межвузовской конференции: Пути России и Украины к морям.— Воронеж: Изд. ЦЧР, 1996.— С. 51–55.
7. Широкорад А. Б. Русско-японские войны.— Минск: Изд. Харвест, 2003.— 720 с.

Liventsev Dmitry Vyacheslavovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law Sciences, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I»

PROBLEMS OF PROTECTING THE SOVIET FAR EASTERN BORDERS FROM JAPANESE POACHERS IN THE20–40S OF THE20TH CENTURY

Key words: *Far East, maritime borders, Japanese poachers, patrol ship.*
Annotation. *For decades, Soviet fisheries in the Far East were the object of predatory fishing by Japanese poachers. For economic reasons, the USSR could not create a combat-ready navy and border marine guard in the Far Eastern region. As a result, Japanese poachers, supported by the warships of the Japanese Imperial Navy, engaged in predatory fishing with impunity. Only in 1945, due to the threat of the Soviet-Japanese war, Tokyo suspended the activities of poachers off the coast of the USSR. The stages of the fight against Japanese poachers in the historical period under study are the subject of this scientific article.*

Молочников Александр Михайлович,
кандидат исторических наук,
независимый исследователь

УДК 94(47). 045+046–047

DOI 10.54016/SVITOK.2025.29.63.047

СУДЬБЫ СМОЛЕНСКИХ ДВОРЯН: ОТ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ДО 1654 ГОДА

Ключевые слова: *дворяне, Смоленск, Михаил Федорович, Алексей Михайлович, служба, поместная конница.*

Аннотация: *В статье рассказывается о нескольких смоленских дворянах, которые пережили оборону города 1609–1611 годов и продолжали служить при царях Михаиле Фёдоровиче и Алексее Михайловиче. Изучение их службы и судеб помогает лучше представить жизненный мир и обстоятельства повседневного существования этого сословия в переходную эпоху от средневековья к раннему новому времени.*

В документах XVII века гораздо больше сведений о дворянах, чем о других категориях населения. В своем докладе я привожу примеры смоленских дворян, которые пережили оборону 1609–1611 годов и продолжали служить по царях Михаиле Фёдорович и Алексее Михайловиче. Доклад ограничен несколькими судьбами отдельных лиц, с опорой на материалы смотров 1621 и 1649 годов и некоторыми сопутствующими документами.

Следует напомнить, что во время смотров проверяли готовность служилых дворян к походной службе: конность, людность и окружность. В обороне Смоленска конница не участвовала, дворяне служили командирами пехоты: стрельцов, городского ополчения, саперных отрядов. Однако служба в поместной коннице оставалось основной обязанностью дворян и детей боярских.

Смотр 1621 года должен был выявить боеготовность на случай новой войны с Речью Посполитой. В числе дворян участников смотра был Василий Григорьевич Чихачев, касимовский помещик с окладом 800 четвертей. В осажденном Смоленске В. Г. Чихачев был головой у стрельцов, его подчиненные участвовали в боевых вылазках и дежурили у ворот в резерве. Сам В. Г. Чихачев упоминается в поручных записях и как судья в следственных делах между стрельцами. После взятия Смоленска он попал в плен

и в 1613 году был включен список захваченных в городе дворян: Василий Григорьевич Чихачев с женою и с детьми.

В 1621 году после всех испытаний он уже был не готов к конной службе: «Наперед сего на службе бывал на коне с пищалью, с саблею, да конь простой, а с простым конем человек на коне ж с пищалью, с саблею. Да у нево ж сын Иван верстан ныне в одвод, а Василей стар и от ран увечен — без руки, и болен нутреною болезнью — черева выплывают. И ему де за старостью и за болезнью полковые и ближние службы служити не мочно, а мочно-де ему служити московская или городовая служба, а с его поместья служить за нево сыну ево Ивану, покаместа велит ево государь испоместить». (Здесь и далее курсив мой — А.М.)

Про его сына Ивана сказано в том же документе: «В полону был с отцом вместе». У В. Г. Чихачевы был и второй сын: «недоросль Измайло двунатцати лет, а как в службу поспеет и ему служити с отцова поместья с братом вместе». Оба сына стрелецкого головы провели детство в осаде и в плену. Судя по возрасту Измайлы, он родился в 1609 или 1610 году и его жизнь началась с участия в смоленской обороне от польско-литовского войска.

Другой касимовский помещик — Иван Игнатьевич Зубов — также был участником Смоленской обороны. Это был типичный авантюрист Смутного времени. В 1605–1608 году Зубов был на воеводстве в Березове и по возвращении явился из Вологды в лагерь Лжедмитрия II. Он обещал самозванцу привести к присяге непокорный Смоленск и собирался занять должность смоленского воеводы. Иван Игнатьевич Зубов видимо обладал харизмой заговорщика. Ему удалось посеять шатость среди дворян, но законный воевода боярин М. Б. Шеин опираясь на горожан (посадских людей) посадил его в тюрьму. Однако к 1610 году Иван Зубов был уже на свободе. Воевода Шеина послал своего бывшего соперника в лагерь тушинцев в годы междуцарствия. После взятия Смоленска Зубов был в плену, а затем вернулся в Россию с грамотами от королевича Владислава и был арестован. Все эти подробности на смотре 1621 года не озвучивались. Авторитетные представители дворян — окладчики — подтвердили, что И. И. Зубов «за старостью не служит давно и ныне ему за старостью на дальней и на ближней службе бытии не мочно, а мочно-де ему служити московская или городовая служба. Да у нево ж сын Василей неверстан, а в службу поспел. И сыну-де ево мочно служити за нево с ево поместья».

Ещё один участник смотра Иван Иванович Макшеев в годы обороны был неслужилым новиком. Он был участником заговора дворян в пользу королевича Владислава и в августе 1610 года был посажен в тюрьму. Однако Иван Макшеев не только выжил в заточении в голодном городе, но даже продолжал продвигаться по службе. В 1621 году он был уже выборным с окладом 650 четей (высокий чин достался ему от отца И. Б. Макшеева).

Иван Иванович Макшеев был готов «на службе быть без жалованья на коне с пищалью с саблею, да за ним человек в полк на мерине с пищалью с саблею. А только государь ево пожалует денежным жалованьем и ему-де мочно службы прибавить: конь простой, а с простым конем человек на коне с пищалью, с саблею». В тот момент бывший заговорщик находился в самом рассвете сил и даже воевал с соседями. Прямо на смотре разразился спор, когда один из дворян заявил, что его поместье «запустело и крестьяне разбрелись от Иванова насильства Мокшеева, потому что он, Иван, отнял насильством своим у него половину и лугов, которую пашню пахали ево крестьяне. И от тово-де крестьяне и розбежались. А Иван Мокшеев положил с отдельных книг выписи, что половина тово поместья дано ему и он им и владеет».

Иван Макшеев благополучно дослужился до возвращения Смоленска при Алексее Михайловиче, но в конце жизни имел проблемы с психическим здоровьем. В 1655 году он подал царю челобитную об отставке. «Волею божией, я, холоп твой скорбен тяжкую лютою болезнью и за грех свой под началы дважды был, в уме с той болезни рехнулся. И ныне я холоп твой в той болезни в бреду болен вне ума. Был на службе с сынишком с Ваською и от той болезни сынишко мой меня на твоей государевой службе оберегал. А ныне государь сынишка моева не стало. И в той тяшкой болезни поберечь меня некому». Иван Макшеев вспомнил и свои прежние службы: «А в прежнее государь смоленское осадное сидение с боярином Михаилом Борисовичем Шеиным был с приходу и до отходу и осадное сидение сидел беспоместен». Он просил отставить за ним поместье до того, как подрастет следующий сын, Гришка, недоросль 12 лет. По осмотру в Разрядном приказе Иван Макшеев «говорит беспамятно и глядит быстро». Судя по всему, челобитную за него писали родные.

От 1621 года перейдем к смотру 1649 года. Здесь также можно найти участников обороны 1609–1611 года, доживших до времен Алексея Михайловича. В 1649 году воевод интересовала не только боеготовность дворян, но и их участие в завершающем этапе строительства валов Белгородской черты в 1646–47 годах.

Смоленские дворяне тогда владели поместьями в Вологде и на Белоозере, а разбирали их в Ярославле. Но они по-прежнему сохраняли название смолян. В десятне 1649 году первым назван Иван Иванович Веснин Головин с окладом 1000 четей. Про него сказано: «У разбору не был. А сказали у разбору про него окладчики, что им за очи службу ево сказать не уметь». Иван Иванович Головин также упоминается в списке новиков неслужилых, участников обороны Смоленска. В осадное время он только поступил на службу и не успел себя проявить. Зато после взятия города он сбежал из плена и пришел во второе ополчение перед приходом войск гетмана Ходкевича. За важные вести он стал получать государево денежное

жалование из четвертного приказа (финансового ведомства). Как было сказано в документах того времени: «Пущен в четь вновь при боярах за 7 рублей за смоленское осадное сидение и за полон, да придано ему 5 рублей за вести, что он вышел при боярах перед первым Ходкеевым приходом». Вероятно, в 1649 году он уже уходил со службы из-за возраста и ранений.

Двое первых смолян, явившихся на смотр, были в доспехах, что для поместной конницы было редкостью в те времена. Доспех был связан не характером службы в конном строю, а с командирским статусом.

Первый из доспешных смолян — Парамон Иванович Золатарев. «Сказал у розбору будет он на Государеве службе на коне, в куяке, в шапке мисюрке, в корвашех, с саблею, да пара пистолей, да с карабином, да человек с простым конем с саблею да с карабином, да за ним человек на коне с саблею да с карабином, да человек в кошу с пищалью. А в прошлом во 154-м году (1646 год — А.М.) был на Государеве службе в Белгороде и земляное дело делал вал валил и ров копал». Окладчики уточнили, что в Белгороде он был в головах у казаков. Ранее род Золотаревых не служил в Смоленске. Впоследствии Парамон Иванович ездил на Дон с царским жалованием казакам. Едго доспех был связан с его службой в головах у казаков, но он был ещё молодым и полным сил человеком и его защиты была достаточно практичной. В том числе упоминались корваши — наручи.

Другой доспешный воин — Невежа Дмитриевич Самарин — служил по Смоленску с начала XVII века. Он упоминается как новик в 1605 году и в дальнейшем участвует в событиях Смуты. Во время Белгородской службы 1649 года он был головой у тульских дворян. Его почтенный возраст и ответственная должность привели к приобретению статусного доспеха. Он был готов служить «на коне, с саблею, да с карабином, да на нем будет зерцало, да шапка мисюрка да человек на коне с аргамаком простым, на аргамаке пара пистолей, да за ним три человека на конех с саблеми и с карабины, да два человека в кошу один с пищалью, а другой с рогатиною». Невежа Самарин дослужился до государева похода 1654 года. Он был осматривал заброшенный лагерь воеводы Прозоровского 1634 года и был послан к царю Алексею Михайловичу с чертежом лагеря.

Во время смотров дворянской конницы всегда присутствовали выборные лица из дворян — окладчики. Именно они подтверждали боеготовность служилых людей от лица всего «города» (дворянского полка). В 1649 году смоленскими окладчиками были — *Измачко Васильев сын* **Чихачев,** *Григорей Андреев сын* **Кокошкин**, Офонасий Порошин сын **Кудрявой**; Микита Юрьев сын **Макшеев**, Иван Степанов сын **Юрьев**.

Первый среди окладчиков — Измачко Чихачев — очевидно тот самый недоросль Измайло, сын смоленского стрелцкого головы Василия Григорьевича Чихачева. В 1649 году ему было 40 лет, но он уже возглавлял список авторитетных смолян во время смотра. Его высокий статус опредилялся

и положением его отца, и собственной судьбой — первые годы жизни он провел в осажденном городе, а затем в плену. На службу он явился без доспеха, но с обычным для выборного дворянина тех лет снаряжением: «на коне, с саблею, да пара пистолей, да с карабином, да человек на коне с саблею, да с пищалью с простым конем, да за ним человек на коне же с саблею да с пищалью, да человек в кошу с пищалью». Сыну стрелецкого головы предстояла долгая служба и возможно впоследствии следы его отыщутся в неопубликованных источниках.

Приведенные сведения показывают, что сведения об участниках смоленской обороны можно отыскать в архивных документах времен Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Изучение биографий позволит более полно представить историю смоленского дворянства в 1609–1611 году.

Список источников и литературы

Архивные источники

1. [Списки Смоленских дворян из королевского архива в Стокгольме]//Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övriga bestånd). Handlingar från Smolensk. Serie 2:18, 169, 232, 233, 302, 315, 324, 325, 404, 444, 446, 447.
2. Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övriga bestånd). Handlingar från Smolensk. Serie 2:250 [Записная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)].
3. Riksarkivet. Skoklostersamlingen 3 (övriga bestånd). Handlingar från Smolensk. Serie 2:251 [Расходная книга Смоленского Разряда (воеводской избы)].
4. Разборная десятня разных городов, смолян, дорогобужан, дмитровцев и вязмичей 1621 года (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 1. № 18)
5. Разборная десятня смолян и белян 1649 года (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 1. № 18)
6. [Список сообщников кн. Василия Морткина и Михаила Сущова: «Имена детей боярских, которые с князем Василем и с Михалем в думе были»] «Imiona dzieci boiarskych, ktorzy z k. Wasilem i z Michałem w Radzie byli//РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 507. Л. 8420б.
7. Челобитная Ивана Макшеева с просьбой об отставки со службы// РГАДА. Ф. 210. Книги Новгородского стола № 162. Л. 134–1340б.

Опубликованные источники

1. Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В. П. Борьба за Смоленск в XVI–XVII вв. Смоленск: Смоленское областное государственное книжное издательство, 1940. С. 364–393.
2. Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам//Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. IV. (1632–1588 гг.). СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1851. Стб. 427–320.

3. Памятники обороны Смоленска. (1611–1609 гг.)/Под ред. и с пред. действ. чл. Ю. В. Готье. // Смутное время Московского государства. 1613–1604 гг.: Материалы, изд. Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 6. М.: Императорское Общество истории и древности российских при Московском университете, 1912. XVII, 282 с.
4. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 142: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Т. 5 / Под ред. С. А. Белокурова. СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского, 1913. XXXII, 770 с.
5. Четвертчики Смутного времени. (1617–1604)/Материалы собр. и ред. Л. М. Сухотиным. М.: Синодальная типография, 1912. XXVII, 400 с.

Исследования

1. Александров С. В. Смоленская осада 1609–1611. М.: Вече, 2011. 304 с.
2. Курбатов О. А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654–1656 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 8. С. 29–34
3. Мальцев В. П. Борьба за Смоленск в XVI–XVII вв. Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1940. 346 с.
4. Смирнов Н. В. Защитное снаряжение поместной конницы в первой половине XVII века (по данным Десятен)//Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. Ч. III. С. 235–24.
5. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Издательство «Индрик», 2005. 416 с.

Molochnikov Alexander Mikhailovich,
candidate of historical sciences,
independent researcher

FATES OF SMOLENSK NOBLES: FROM THE TIME OF TROUBLES TO 1654

Key words: *nobles, Smolensk, Mikhail Fedorovich, Alexei Mikhailovich, service, local cavalry.*

Annotation. *The article talks about several Smolensk nobles who survived the defense of the city in 1609–1611 and continued to serve under Tsars Mikhail Fedorovich and Alexei Mikhailovich. Studying their service and fates helps to better imagine the life world and circumstances of everyday existence of this class in the transitional era from the Middle Ages to the early modern period.*

Несин Михаил Александрович,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь МОО
«Историческое сознание»

УДК 94(47).033+034

DOI 10.54016/SVITOK.2025.41.37.048

О ВРЕМЕНИ СООРУЖЕНИЯ ПЕРВЫХ КАМЕННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ НА ОРЕХОВОМ ОСТРОВЕ

Ключевые слова: *Орешек, 1323 год, новгородцы, великий князь Юрий Данилович.*

Аннотация*: В данной работе рассматривается вопрос о времени сооружения первой каменной крепости на Ореховом острове в истоке реки Невы из Ладожского озера. Автор приходит к выводу, что первые каменные укрепления были воздвигнуты еще в 1323 году новгородцами и великим князем Юрием Даниловичем. А в 1352 году новгородский архиепископ Василий Калика строил (или перестраивал) каменные башни. Таким образом, крепость Орешек, впервые построенная в 1323 году, была изначально каменной.*

Согласно новгородскому летописанию, в 1323 году новгородцы с великим князем Юрием Даниловичем «поставиша город (крепость) на усть Невы на Орѣховомь островѣ» [8, с. 97] (как известно, Орехов остров находится в истоке Невы из Ладожского озера, однако надо иметь в виду, что слово «усть» в древнерусском языке означало не только устье реки, но имело и другое значение: исток реки [6, стб. 1292]). И данное летописное известие о постройке крепости в истоке на расположенном Невы на Ореховом острове — тому наглядный пример. Новгородский летописец не упоминает, из какого материала была построена эта крепость. При этом стоит отметить, что новгородское летописание обычно упоминало о причастности к строительству крепости важных лиц — князя, архиепископа или посадника в тех случаях, когда речь шла о строительстве каменных крепостей Новгородской земли вроде Ладоги, Копорья, Яма и Порхова [8, с. 20, 323, 379, 381]. Поэтому логично предположить, что первоначальные укрепления Орешка, возведенные в 1323 году с участием великого князя Юрия Даниловича, были каменными. Деревянный «город» на Ореховом острове в письменных источниках не упоминается, а в ходе археологических

раскопок на территории Орехова острова также не было выявлено никаких остатков деревянных укреплений.

Между тем, по мнению А. Н. Кирпичникова, крепость в то время еще была деревянной с одной каменной башней — «костром», а обнаруженные в ходе археологических исследования фрагменты каменной стены сухой кладки были, с точки зрения ученого, возведены уже в 1352 году [5, с. 17–21]. Выводы Кирпичникова стали общепринятыми в историографии. Между тем, стоит заметить, что они основаны на односторонней интерпретации известий Новгородской IV летописи XV столетия о том, что во вторник на Обретение головы Иоанна Предтечи (24 февраля) 6856 (1349) года загорелся примет и город, а шведы вбежали в «костер», а в 6860 (1352) году новгородцы заложили каменный город [4, с. 17–18; 9, с. 278–282].

Однако, во-первых, не исключено, что в первом случае речь шла о возгорании деревянных конструкций каменной стены. К тому же пожары ослабляли даже каменную кладку. Например, в 1340 году в Новгороде во время пожара обвалились («падеся») две каменных церкви — Святых Бориса и Глеба и Параскевы Пятницы [8, с. 352]. Недаром, примет мог использоваться и при штурме русских каменных крепостей. Так, в 1368 году во время нашествия на Москву великого литовского князя Ольгерда великий московский князь Дмитрий Иванович распорядился сжечь примыкавший к новому белокаменному Кремлю посад «примета ради» / «примета деля» [13, стб. 89; 15, с. 108] («то есть», как еще более 200 лет тому назад резонно заключил Н. М. Карамзин, «чтобы осаждающіе не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ городским» [3, с. 8. Примеч. 15]). Наконец, в 1382 году во время нашествия на Москву золотоордынского хана Тохтамыша по версии Никоновской летописи «граждане» уже сами «посады своя пожгоша и ни единаго тына или древа оставиша, блюдущесь примета ко граду» [12, с. 74]. То есть, горожане опять же озаботились тем, чтобы не оставить противнику никакого деревянного материала, пригодного для изготовления примета. Не исключено, что последний пример является поздней вставкой в летописную «повесть о московском взятии от царя Тохътамыща». Тем не менее, он наглядно демонстрирует, что по представлениям жителей средневековой Руси каменную крепость можно было взять с помощью примета.

К тому же общее количество каменных башен Орешка в первой половине XIV столетия указанное известие Новгородской IV летописи тоже не упоминает: не ясно, в какой именно «костер» ретировались шведы, в ближайший, или в единственный.

Во-вторых, в лапидарном известии Новгородской IV летописи о закладке новгородцами в 1352 году каменного «города» «Орѣхова» не уточняется, какая крепость ему предшествовала, деревянная или каменная. Зато наиболее раннее и обстоятельное известие о крепостном строительстве в Орешке в 1352 году Новгородской I летописи старшего извода, со-

ставленного как раз в середине XIV века, определенно сообщает, что дело касалось лишь устройства каменных башен-«костров», коим, к слову, занимались не сами новгородцы, а по их просьбе новгородский святитель Василий Калика: «Добиша челомъ новъгородьци, бояре и черныи люди архиепископу новъгородьскому владыцѣ Василию, чтобы «еси, господине, ехалъ нарядилъ костры во Орѣховѣ»; и онъ ехавъ, костры нарядилъ, и приеха в Новъгородъ» [8, с. 100]. Таким образом, в 1352 году никакой новой каменной крепости вместо некой старой деревянной на Ореховом острове не строили. Владыка Василий лишь «наряжал» (строил, или перестраивал) каменные башни уже имеющейся крепости. (Стоит учесть, что новгородское летописание в известиях о строительстве каменных крепостей всегда сообщало именно о постройке «города» (крепости). Единичное упоминание возведения в 1364 году новгородским посадником Яковом каменного «костра» (башни) в Кореле [14, стб. 90] касалось непосредственно постройки башни, а не каменных прясел. В ходе организованных ЛОИА АН СССР археологических раскопок 1972–1973 годов на территории древней новгородской крепости Корелы (ныне город Приозерск) были выявлены остатки каменного фундамента башни XIV века и не обнаружено никаких следов прилегающих каменных стен того времени [4]. Следовательно, знаменитая «каменная крепость 1352 года», фрагменты сухой кладки которой были выявлены в ходе археологических раскопок на Ореховом острове, в действительности скорее всего была построена новгородцами и великим князем Юрием Даниловичем еще в 1323 году.

Интересно, что летом 1348 года большое войско шведского короля Магнуса II Эрикссона, осадив Орешек еще в июне (псковские летописи отмечают, что псковичи во главе с посадником Ильей отправились к Орешку на помощь новгородцам против шведского короля 24 июня, на Иванов день [17, с. 12; 18, с. 26, 98]), во время многонедельной осады крепости не штурмовало ее и взяло уже на Спасов день (6 августа[1]), по данным летописей новгородско-софийского круга, отнюдь не приступом, а обманом, «лестью», пообещав гарнизону ограничиться взятием откупа [9, с. 277; 10, с. 261; 11, Стб. 421; 14, Стб. 78; Новгородская Карамзинская летопись… С. 128]. Как

[1] В историографии Спасов день иногда соотносят не с днем Спаса Преображения, а с Первым Спасом, отмечавшимся на Руси 1 августа [2], Однако, эта точка зрения не находит подтверждения в источниках, а во всех приведенных Н. П. Ивановой примерах из русских летописей Спасов день не привязан ни к какой календарной дате. Зато, как мне уже приходилось в этой связи отмечать, в древнерусских источниках есть примеры соотнесения Спасова дня с днем Преображения Господня, который отмечали 6 августа. Так, именно на Спасов день великий московский князь Дмитрий Иванович завещал своим сыновьям давать оброк монастырю Спаса Преображения на Бору, а в 1500 году «августа 6, на Спасовъ день», русские войска взяли город Путивль; что же касается Первого, или Медового Спаса, то его в средневековой Руси либо так и называли Первым Спасовым днем, либо давали привязку к Происхождению честного креста [7].

мне уже доводилось отмечать, эти летописи в данном случае скорее всего опирались на аутентичный источник, называя точное число взятых шведским королем в заложники членов новгородского посольства (11 человек) и уточняя, что король отпустил из крепости ореховских «городчан» вместе с наместником служилого князя Нариманта Гедеминовича [7]. Видимо, шведы не пытались брать штурмом эту мощную новгородскую крепость, а терпеливо выжидали, когда русский гарнизон ослабеет и/или утратит надежду на военную помощь новгородцев и великого князя и станет посговорчивее. Это может служить косвенным аргументом в пользу того, что крепость Орешек, впервые построенная около 700 лет назад, в 1323 году была изначально каменной.

Стоит также обратить внимание на то, что по данным современного новгородского владычного летописания архиепископа Василия Калики, новгородцы с Успенского поста (первой половины августа) 1348 года осаждали занятую шведским гарнизоном крепость более полугода, а пошли на штурм уже в понедельник на чистой неделе (23 февраля), видимо, дождавшись, когда шведский гарнизон ослабеет от лишений и болезней; причем, штурм начали скорее всего под покровом ночи, когда противник меньше всего был готов к бою — в понедельник 23 февраля новгородцы приступили к крепости с приметом, а на рассвете вторник в день обретения головы Иоанна Предтечи (24 февраля) уже взяли город [8, с. 361][1]. Это тоже может служить косвенным аргументом в пользу наличия уже в то время на Ореховом острове каменной крепости, штурмовать которую было целесообразно разве что после ослабления гарнизона и не среди бела дня, а под покровом ночи. В противном случае она была неприступной для средневековых войск доогнестрельной эпохи.

Стоит иметь в виду, что в конце XIII — первой четверти XIV века шведские войска неоднократно вторгались по Неве в Ладожское озеро. В 1283 году шведы пришли по Неве на судах в Ладожское озеро и избили новгородских «обониских» купцов (торговавших с Обонежьем); отряд из ближайшего города Новгородской земли, Ладоги, сразился со шведами с неизвестным результатом [8, с. 325]. В 1284 году шведская флотилия во главе с воеводой

[1] По наблюдению Т. В. Гимона, для летописца этого новгородского святителя характерны такие особенности, как «датировки событий по церковным праздникам (без указания месяца и числа)» [1, с. 22], что, на мой взгляд, идеально применимо к данной погодной записи Новгородской I летописи младшего извода за 6856 (1348–1349 годов): в ней взятие Орешка шведами датировано Спасовым днем (6 августа), пожар в Новгороде — днем преставления Иоанна Богослова (26 сентября), окончание росписи соборной Воскресенской церкви Деревяницкого Воскресенского монастыря — днем зачатия Иоанна Предтечи (23 сентября), начало штурма Орешка новгородцами — понедельником чистой недели (23 февраля), взятие Орешка новгородцами — утром вторника «на память святыя и честныя главы обрѣтение Иоанна Предтеча» (24 февраля 1349 года) [8, с. 360–361; 7].

Трундой пришла по Неве в Ладожское озеро и брала дань с новгородских подданных корел, а новгородцы и ладожане во главе с новгородским посадником Семеном дождались шведов «на усть» Невы (в истоке Невы из Ладожского озера) и разгромили их [8, с. 325]. В 1311 году шведы на Ладожском озере ограбили новгородских торговых партнеров — любекских купцов [20, s. 567; 19, с. 69. Примеч. 13]. В 1313 году шведы сожгли посад Ладоги (ныне — село Старая Ладога), а в 1317 году побили на Ладожском озере обонежских купцов [8, с. 94–95].

Таким образом, в конце первой четверти XIV столетия новгородцы имели все основания построить в истоке Невы каменную крепость. После постройки в 1323 году каменной крепости Орешка эта островная твердыня на многие годы стала надежной преградой для продвижения неприятельских войск по Неве в Ладожское озеро. Лишь однажды, в 1338 году, шведское войско вместе с корелами смогло проникнуть в Ладожское озеро, пограбить Обонежье и сжечь посад города Ладоги [8, с. 348], однако, оно на этот раз, вероятно, не пыталось прорваться вверх по Неве мимо Орешка, а напало со стороны низовьев реки Вуоксы, заручившись поддержкой нелояльного Новгороду корельского гарнизона крепости Корелы.

Список источников и литературы

1. Гимон Т. В. Новгородские владычные летописцы второй трети XIV — начала XV века. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. Вып. 1 (75). С. 22–25.
2. Иванова Н. П. Русские праздники как датирующие элементы в летописях (по материалам новгородских летописей) // Вестник Томского государственного университета. 2011. Вып. 347. С. 69–74.
3. Карамзин Н. М. История Государства Российскаго: [в 12 томах]. СПб.: В типографии Н. Греча, 1819 Т. 5. 412, 284, [4] с.
4. Кирпичников А. Н. Башня посадника Якова в средневековой Кореле // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 352–358.
5. Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе крепости, в истоке Невы. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1980. 127 с.
6. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского Т. 3. Вып. 1–3. Р — ѡ. СПб., 1903. [4] с., 1684 стб.
7. Несин М. А. Сосредоточение в Ладоге русских войск в 1348 г. по летописным данным // Ладожские чтения. 2024. Вып. 2. (В печати).
8. Полное собрание русских летописей. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. V — XII, 720 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 4 Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 2: Новгородская пятая летопись. Вып. 1. Петроград: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. [2], VI, 264 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М. Языки русской культуры, 2000. I — VIII, 312 с.

12. Полное собрание русских летописей Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897. VII, 254 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. 225 с.
17. Псковские летописи. Вып 1. М.— Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 146, [1] с.
18. Псковские летописи. Вып 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 364 с.
19. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.: Издательство Наука. Ленинградское отделение, 1987. 176 с.
20. Urkundenbuch Der Stadt LübeckVol. 2. H. 1. Lübeck: Frieder. Ashenfeldt, 1858. 614 s.

Nesin Mikhail Aleksandrovich,
candidate of historical sciences,
scientific secretary of the International Public Organization «Historical Consciousness»

ON THE TIME OF CONSTRUCTION OF THE FIRST STONE FORTIFICATIONS ON OREKHOVY ISLAND

Key words: *Oreshek, 1323, Novgorodians, Grand Duke Yuri Danilovich.*
Annotation. *This work examines the question of the time of construction of the first stone fortress on Orekhovy Island at the source of the Neva River from Lake Ladoga. The author concludes that the first stone fortifications were erected in 1323 by Novgorodians and Grand Duke Yuri Danilovich. And in 1352, Novgorod Archbishop Vasily Kalika built (or rebuilt) stone towers. Thus, the Oreshek fortress, first built in 1323, was originally made of stone.*

Новицкая Ольга Васильевна
заместитель директора по научной и просветительской работе музея учреждения «Музей «Замковый комплекс «Мир»

УДК 930.85

DOI 10.54016/SVITOK.2025.38.58.049

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ КНЯГИНИ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СВЯТОПОЛК-МИРСКОЙ

Ключевые слова: *Мария Александровна Святополк-Мирская, Мирский замок, архив Института Гувера, иконы.*

Аннотация: *Доклад посвящен жизни княгини Марии Александровны Святополк-Мирской (ур. Гудим-Левкович) (1880–1959), которая являлась невесткой князя Николая Ивановича Святополк-Мирского, купившего в 1891 г. имение Замирье вместе с Мирским замком. После революции 1917 г., находясь в эмиграции, она полностью посвятила себя служению церкви. Летом 2019 г. на официальном сайте архива Института Гувера (Hoover Institution Archives) при Стэнфордском университете сотрудниками музея «Замковый комплекс «Мир» был выявлен реестр документов, имеющий отношение к князьям Святополк-Мирским. Основным автором биографических текстов и воспоминаний, хранящихся в данном архиве, является княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская. Материалы в виде писем, заметок, биографических текстов, вырезок из газет, генеалогических схем, фотографий и т.д. были переданы в архив в 1971 г. её сыном — князем Николаем Владимировичем Святополк-Мирским (1899–1982).*

На территории Беларуси род князей Святополк-Мирских известен благодаря памятнику архитектуры XVI–XX веков — Мирскому замку. Святополк-Мирские являлись его владельцами с 1891 по 1939 годы.

Постоянно возрастающий интерес к объекту всемирного наследия подталкивает к поиску дополнительных достоверных сведений по его истории и жизни его владельцев.

Летом 2019 года на официальном сайте архива Института Гувера (Hoover Institution Archives) при Стэнфордском университете был выявлен реестр документов, имеющих отношение к князьям Святополк-Мирским.

Материалы в виде писем, заметок, биографических текстов, вырезок из газет, генеалогических схем, фотографий и так далее были переданы в архив в 1971 году князем Николаем Владимировичем Святополк-Мирским (1899–1982), отец которого князь Владимир Николаевич Святополк-Мирский (1875–1906) похоронен в родовой церкви-усыпальнице в Мире. Мать Николая Владимировича — княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская (урожденная Гудим-Левкович) (1878–1959) — является основным автором биографических текстов и воспоминаний, хранящихся в данном архиве.

В период с 2019 по 2023 год сотрудниками архива Института Гувера было предоставлено в музей «Замковый комплекс «Мир» для изучения содержимое 29 папок, что составило более 1100 сканированных листов в формате PDF.

Выявление этого комплекса документов подтолкнуло к более детальному изучению жизни княгини Марии Александровны и её ближайшего окружения.

Княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская (урожденная Гудим-Левкович) родилась 1 февраля 1878 (1880 (?)) года в семье Александра Николаевича Гудим-Левковича и Софьи Николаевны, урожденной Бахметевой. Она была вторым ребенком. «*Брат умер 2-х лет. На Маму это произвело удручающее впечатление. Она стала еще более нелюдимой и вскоре после моего рождения дошло до того, что родители должны были сперва разъехаться, а впоследствии и развестись*» [6]. Было принято решение отдать девочку в бездетную семью брата отца в Ковно.

Со своим будущим мужем Владимиром Николаевичем Святополк-Мирским Мария познакомилась, когда ей исполнилось 18 лет. Поженились в 1898 году, но в браке прожили недолго. Владимир умер в 1906 году в возрасте 30 лет. На момент смерти отца старшему сыну Николаю было 7 лет, младшему Андрею — 4 года.

Мария Александровна с детьми переехала жить в Киев. Революцию 1917 года восприняла как переломное событие не только в истории Российской империи, но и её личной судьбе. Она вынуждена была покинуть родину, и была в числе тех русских беженцев, которые отправлялись из Одессы через Салоники на пароходе «Рио Пардо» в 1919 году [3].

Попав в Грецию, она полностью посвятила себя служению Церкви. Сначала работала старшей сестрой в госпитале Афонского подворья. Затем в 1921 году переехала в Белград. Именно в Сербии по желанию вдовствующей императрицы Марии Федоровны и с благословения митрополита Антония 30 декабря 1921 года Марией Александровной Святополк-Мирской было создано Мариинское сестричество, которое объединило свыше 200 сестер [4].

Вспоминая те далекие годы, Любовь Твердохлебова писала: «*Эта организация давала возможность многим русским женщинам и девушкам, пере-*

жившим кошмарные и неизгладимые страдания Русской трагедии,— найти душевное равновесие и духовное удовлетворение в работе при церкви <…>. Ее (М. А. Святополк-Мирской) многообразные труды ценили наши первоиерархи и архипастыри. Я помню ее горячее участие в построении Иверской часовни в Белграде, в устройстве бесплатных обедов для бедных русских эмигрантов, погибавших от нужды. Она посылала нас, сестер, на кружковый сбор, чтобы накормить и одеть неимущих. Направляла нас в больницы, чтобы навестить и помочь продуктами нередко совершенно одиноким, потерявшим надежду на участие. Многих согрела ее ласка» (Православная Русь. 1959. № 13. С. 9) [1].

Княгиня Мария Святополк-Мирская продолжала активно проявлять себя в общественной жизни. Она была председателем Совета Общества попечения о духовных нуждах православных русских в Югославии, а в 1926 году была представлена делегатом на Российский Зарубежный съезд в Париже [2, с. 459].

В том же 1926 году по приглашению князя Михаила Святополк-Мирского ей представилась возможность побывать на могиле своего мужа Владимира, похороненного в местечке Мир, которое с 1921 по 1939 год входило в состав Второй Речи Посполитой. Свой приезд она подробно описала в воспоминаниях, которые хранятся в архиве Института Гувера Стэнфордского университета вместе с другими документами и фотографиями. Интересен и тот факт, что Мария Александровна не только пересказывает увиденное, но и описывает своё внутреннее состояние. К примеру, она была впечатлена поведением местных жителей на службах в Свято-Троицкой церкви: «*6 августа на Преображение и 15 на Успение я была в нашей сельской церкви, <…> храм этот маленький, не вмещающий и половину молящихся. Все разорено, лампады и Св. иконы вывезены еще во время войны в Москву от опасности немцев, бедность неописуема, вместо лампад горят тоненькие свечи, облачения, все церковные принадлежности невероятно стары и грязны, пол каменный и становиться на колени почти невозможно, но храм переполнен молящимися, говеющими и приобщающимися. Русские бабы, в цветных простых платках, русские мужики в высоких сапогах и поддёвках самодельной работы, наше православное Богослужение и прекрасно поющий большой хор <…>. Я подала записку, чтобы помянули её при совершении проскомидии 6 числа, и вдруг <…> я слышу отчетливый и большой голос диакона провозглашающий: За Государыню Императрицу Марию Федоровну, за Великого Князя Николая Николаевича и всех членов царской семьи,— народ стал неистово креститься, многие бабы стали даже на колени, у меня даже подступили слезы и я поняла, что все эти люди истосковались по старому прошлому, измучены душой и услыхав знакомые родные возгласы, затрепетали их больные души и опять вкралась в них надежда, что авось скоро скинется с них бремя иноверческое чуждое им этой*

самой Польской Республики, и они опять свободно станут молиться как прежде за Государя Императора и всего Царствующего Дома» [7].

Посетив Мир в 1936 году, Мария Святополк-Мирская была поражена объемом восстановительных работ в Мирском замке и тем энтузиазмом, с каким князь Михаил Святополк-Мирский, брат её мужа, возрождал из руин средневековый памятник старины. Она, обращаясь к потомкам в будущем, пишет: «*Много лет труда упорного, труда, мало подходящего для теперешнего времени, вложил князь Михаил Николаевич в дело воссоздания былого и сделал это трудное дело на редкость удачно и с большим вкусом. Те поколения, которые будут следовать за нами, должны быть ему благодарны и должны всегда с любовью вспоминать его, столько потрудившегося для своей семьи. К сожалению, собственной семьи у него нет, а есть только дети его братьев. Сумеют ли они оценить этот колоссальный труд и сохранить о нем самом благодарную память,— покажет будущее*» [6].

Кроме благотворительной деятельности, княгиня Мария Святополк-Мирская активно занималась сбором средств на храмовые постройки. В 1930–1931 годах на русском участке Нового кладбища в Белграде была построена Иверская часовня, воздвигнутая после того, как советские власти в 1929 году уничтожили одноименную часовню XVII века у Воскресенских ворот перед Красной площадью в Москве. 22 апреля 1930 года митрополит Антоний (Храповицкий) заложил здание Иверской часовни, в фундамент которой была положена горсть русской земли. 5 июля 1931 года построенную военным инженером Валерием Владимировичем Сташевским часовню освятили Сербский патриарх Варнава и митрополит Антоний. На ее стенах с внешней стороны в особых нишах были помещены два больших образа: святителя Николая — в память императора Николая II и святителя Алексия — в память цесаревича Алексея. В часовне были собраны такие святыни, как Иверская икона Божией Матери (список, привезенный с Афона), икона Успения Божией Матери (из Иерусалима), список с иконы Спаса Нерукотворного, что был в домике Петра Великого. Часовня имела алтарь и в 1930–1950-е годы служила вторым приходским храмом Белграда [5].

В документах, полученных из архива Гувера, имеется описание комнаты, в которой проживала Мария Александровна в Белграде. Оно было составлено 10 июля 1930 года [7]. Интересен тот факт, что в комнате на первом плане висел большой портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны, матери Николая II. Имелись также фотографии всей царской семьи, соединенные в одной художественно исполненной раме, владыки митрополита Антония, сербского и югославского политика Николы Пашича, два больших портрета с собственноручными подписями великого князя Николая Николаевича, изображения государя Александра III среди Марии Федоровны и её сестры Александры, большое количество семейных фотографий.

Из всех икон, которые наполняли пространство комнаты, отдельно в описании была выделена копия Касперовской иконы Божией Матери. Это была единственная икона, которую удалось вывезти Марии Александровне в эмиграцию. Она была ей подарена 25 марта 1919 года подругами Елизаветой Готовцевой и Евгенией Раич. С Касперовской иконой Божией Матери, почитаемой как чудотворной, был связан определенный случай из жизни Марии Александровны, когда в 1916 году ею было получено исцеление от тяжелой болезни. Поэтому неудивительно, что копия Касперовской иконы Божией Матери сопровождала её всю оставшуюся жизнь.

Кроме этого, на стенах комнаты находились грамоты, пожалованные в ноябре 1927 года церковному Мариинскому сестричеству о том, что оно принято под покровительство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а также две грамоты Святейшего Синода: одна — благодарность и благословение Синода за сооружение русской церкви в Белграде, вторая — о даровании Синодом Марии Александровне большого кипарисового креста для ношения на груди.

Неслучайно, что в воспоминаниях княгини Святополк-Мирской особое внимание уделяется описанию данной комнаты. Это она объясняет следующими словами: «<…> *желание собрать в этом небольшом пространстве всё то, что составляло смысл в нашей жизни в прошлом, в счастливые годы на Родине, и составляет смысл и цель в настоящем, в вынужденном нашем изгнании* <…>» [7].

Именно такой была княгиня Мария Александровна Святополк-Мирская, жизнь которой до последнего вздоха была наполнена любовью к ближнему, состраданием и милосердием.

Список источников и литературы

1. Илляшевич Я. В. Отец Иоанн Кронштадтский / Электронный ресурс: URL: https://www.rulit.me/books/otec-ioann-kronshtadtskij-read-581432–192.html (дата обращения: 23.01.2023).
2. Российский Зарубежный Съезд. 19Париж: документы и материалы.—М.: Русский путь, 2006.— 848 с., ил.— (ИНРИ. Серия «Исследования новейшей русской истории». Вып. 6).
3. Список русских беженцев, вывезенных из Одессы через Салоники на пароходе Рио Пардо. 1919 г. (ГАРФ. Ф. 59Оп. Д. Лл. 97–102 об.) / Родовое гнездо / Электронный ресурс: URL: http://rodovoyegnezdo.narod.ru/Kherson/Rio_Pardo.html (дата обращения: 18.08.2022).
4. Шкаровский М. Влияние русской церковной эмиграции на славянские страны в 1920–1940-е гг. / Санкт-Петербургская Православная Духовная академия / Электронный ресурс: URL: https://spbda.ru/publications/professor-m-v-shkarovskiy-vliyanie-russkoy-cerkovnoy-emigracii-na-slavyanskie-strany-v-1920-e-1940-e-gg/ (дата обращения: 25.08.2022).

5. Шкаровский М. Русская церковная эмиграция в Югославии // Новый Журнал. 20№ 259 / Электронный ресурс: URL: https://magazines.gorky.media/nj/2010/259/russkaya-czerkovnaya-emigracziya-v-yugoslavii.html (дата обращения: 23.01.2023).
6. Writings, Kniaz' Nikolaĭ Vladimirovich Sviatopolk-Mirskiĭ papers // Hoover Institution Archives. Box Folder 21.
7. Writings, Kniaz' Nikolaĭ Vladimirovich Sviatopolk-Mirskiĭ papers // Hoover Institution Archives. Box Folder 22.

Novitskaya Olga Vasilievna
Deputy Director for Scientific and Educational Work of the Museum of the Institution "Museum «Castle Complex «Mir»

SPIRITUAL AND MORAL MEANING OF THE LIFE OF PRINCESS MARIA ALEXANDROVNA SVYATOPOLC–MIRSKAYA

Key words: *Maria Alexandrovna Svyatopolk-Mirskaya, Mir Castle, Hoover Institution archive, icons.*
Annotation. *The report is devoted to the life of Princess Maria Alexandrovna Svyatopolk-Mirskaya (née Gudim-Levkovich) (1880–1959), who was the daughter-in-law of Prince Nikolai Ivanovich Svyatopolk-Mirsky, who bought the Zamirye estate together with Mir Castle in 1891. After the 1917 revolution, while in exile, she devoted herself entirely to serving the church. In the summer of 2019, on the official website of the Hoover Institution Archives at Stanford University, employees of the Mir Castle Complex Museum discovered a register of documents related to the princes Svyatopolk-Mirsky. The main author of the biographical texts and memoirs stored in this archive is Princess Maria Alexandrovna Svyatopolk-Mirskaya. The materials in the form of letters, notes, biographical texts, newspaper clippings, genealogical charts, photographs, etc. were transferred to the archive in 1971 by her son, Prince Nikolai Vladimirovich Svyatopolk-Mirsky (1899–1982).*

Носов Константин Сергеевич
доктор исторических наук, директор Центра изучения истории фортификации (ЦИИФ); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»).

УДК 72.04+726.597

DOI 10.54016/SVITOK.2025.14.19.050

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЛИ ГРАНИЦА МЕЖДУ МИРСКОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНЯМИ? КАМЕННО-КИРПИЧНЫЕ ОГРАДЫ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ XVI–XVII ВЕКОВ

Ключевые слова: *монастыри, крепости, оборонительное зодчество, фортификация.*

Аннотация: *Многие русские монастыри в XVI–XVII веков получили каменно-кирпичные ограды, имеющие все черты крепостных сооружений того времени. Можно ли считать эти монастыри крепостями? Какая функция возлагалась на монастырские ограды в то время — защиты обители, ограждения от мирской жизни или уподобления Небесному Иерусалиму? Для ответа на эти вопросы в работе впервые проведён сравнительный архитектурный анализ ряда монастырских оград и синхронных памятников военного зодчества. Автор пришёл к выводу, что монастырские ограды имели комплексное предназначение, среди прочих на них возлагалась и оборонительная функция. И для этих целей лучше всего подходили ограды с высокими стенами и башнями.*

На территории России существовало более трёх тысяч монастырей. Как правило, загородные монастыри сразу после основания обзаводились оградами. Вплоть до середины XVI века эти ограды были деревянными и не дошли до нас. Во второй половине XVI–XVII веков ограды многих монастырей были перестроены в камне или кирпиче и сохранились до наших дней. Монастырские ограды этого времени внешним видом напоминают

крепостные сооружения: они снабжены башнями, стены прясел и башен имеют бойницы, а зачастую также зубчатый парапет и машикули (косой, или варовый, бой).

При взгляде на эти ограды возникают вопросы: Какая функция возлагалась на монастырские ограды того времени — защиты обители, ограждения от мирской жизни или уподобления Небесному Иерусалиму? Если защиты обители, то от какого врага — регулярной вражеской армии или только разбойничьих шаек? Можно ли считать монастыри XVI–XVII веков крепостями? И если да, то выполнял ли монастырь роль крепости в общегосударственном масштабе? Ответить на некоторые из этих вопросов мы и попытаемся в нашей статье. Сразу оговоримся, что данная работа является лишь первой попыткой подвести научную базу под теоретические рассуждения в весьма жаркой дискуссии, которая продолжается уже много десятилетий. В силу ограниченного объёма статья не претендует на исчерпывающий характер. В работе будет проведён сравнительный архитектурный анализ ряда монастырских оград и синхронных памятников военного зодчества. Однако для окончательного ответа на поставленные выше вопросы нужно учесть и многие другие аспекты, которые выходят за рамки данной статьи.

В отечественной историографии существуют разные взгляды на обороноспособность монастырей. Одни исследователи с самого момента закладки считают их крепостями и даже в основании их видят стратегический оборонный замысел светской власти. Так, первая специальная работа, в которой монастыри обозначены как оборонительные сооружения, принадлежит перу М. А. Ильина и увидела свет в 1944 года [8]. Автор безоговорочно считает все монастыри с самого основания крепостями, а со второй половины XV века и особенно в XVI веке видит в основании новых монастырей планомерные действия светской власти («монастыри как военные сооружения являлись неразрывным звеном в системе обороны Московского государства») [8, с. 76, 77]. При этом работа носит описательный характер и целостный архитектурный анализ оборонительных сооружений отсутствует. Работа является первой попыткой постановки вопроса, но ни в коей мере не закрывает тему. Вслед за М. А. Ильиным получило развитие представление, что монастыри ещё со второй половины XIV века входили в систему обороны Москвы, образовав кольцо форпостов на подступах к городу: на берегу Яузы, у Владимирской дороги, встал Андроников монастырь (основан около 1360 году), на севере, между Дмитровской и Ярославской дорогами, возникли Петровский, Рождественский (около 1386 года) и Сретенский (около 1395 года) монастыри, между дорогами на Коломну и Серпухов — Симонов монастырь (до 1379 года), к юго-западу от Кремля, против Крымского брода, был основан Зачатьевский монастырь (около 1360 года) [3, с. 218; 4, с. 60; 10, с. 33]. Порой к перечисленным добавляют ещё

Данилов, Новоспасский, Новодевичий, Донской, Троице-Сергиев и Пафнутьев-Боровский монастыри [11, с. 36; 5, с. 79]. Роль форпостов-«сторожей» приписывалась монастырям в обороне не только Москвы, но и других городов — Твери, Пскова [10, с. 76], Новгорода Великого, Серпухова и Коломны [3, с. 218, 219], предполагалась для Можайска [19, с. 347]. Более того, в закладке монастырей XIV века порой видели планомерные мероприятия «московского правительства и церкви» для обеспечения тыла и «поднятия идейного осмысления борьбы с Ордой» [3, с. 219]. По-видимому, именно Н. Н. Воронин впервые назвал монастыри «кремлями», написав: «*Само расположение названных монастырей говорит об их оборонительном значении, поэтому следует их представлять в виде маленьких деревянных "кремлей"*» [4, с. 60]. Подхватил эту идею А. Л. Русов, доведя её до абсурда: только в Москве он насчитал 54 кремля! Из 56 рассматриваемых им объектов Москвы только два он не причислил к кремлям — Пушечный двор и Бабий городок. В результате, в Московском Кремле оказалось 6 кремлей, в Китай-городе — 7, в Белом городе — 17 и в Земляном городе — 24 [18]. Большинство из этих «кремлей» составили, конечно же, монастыри. Такой подход исключим сразу — нельзя считать кремлём любые сооружения, обнесённые оградами, нигде в источниках монастыри не названы кремлями, и в Москве всегда был только один Кремль.

Лишь немногие исследователи осторожно возражали против роли монастырей как форпостов-«сторожей» городов, но и то применительно к монастырям до XVI века. К примеру, М. Н. Тихомиров писал: «*В нашей литературе расположение монастырей вокруг города иногда ставится в зависимость от обороны города. Симонов, Донской, Новодевичий монастыри будто были укрепленными фортами на окраинах города. Такое наблюдение находит оправдание в действительности XVI–XVII веков, когда эти монастыри были окружены мощными стенами. Наоборот, в конце XIII–XV веках монастыри возникали в более безопасных местах. Татарские набеги обычно делались с юга, и на этих местах не возникло ни одного монастыря, а исключение — старый Данилов — даже запустел*» [20, с. 15]. П. А. Раппопорт также отрицал военную роль монастырей вокруг Москвы: «*Подобное расположение монастырей является свидетельством того, что они строились не как оборонительные объекты, и рассматривать всю систему расположения монастырей вокруг Москвы как систему передовых оборонительных пунктов нет никаких оснований. Это заключение еще больше подтверждается анализом письменных источников. В летописи совершенно нет упоминаний о боях за монастыри на подступах к Москве*». Ещё более категорично исследователь высказывается в отношении Новгорода Великого: «*На примере Новгорода можно прийти к заключению, что пригородные монастыри даже, наоборот, в военном отношении представляли опасность для осажденного города. Поэтому при подходе врагов горожане*

сами уничтожали не только посадские постройки, но и монастыри» [17, с. 203]. Но дальше отрицания роли форпостов эти исследователи не шли.

Наиболее резко против оборонных возможностей монастырей высказался Л. А. Беляев. Несмотря на громкое название работы — «Древнерусские монастыри как городские кремли» — исследователь доказывает, что «*сама "фортификационная составляющая" монастырской архитектуры показывает ее важнейшие отличия от архитектуры кремлей. В подавляющем большинстве случаев монастыри не сопоставимы по укрепленности с городскими кремлями*». И далее: «*Каменные ограды окружают многие монастыри только с середины XVI и особенно со второй половины XVII века — теперь они внешне действительно напоминают крепости. Но функция их стен состоит в основном в защите небесной, символической, а не реальной. Стены с башнями явно претендуют на то, чтобы служить выражением отгороженности от внешнего мира и подобием Небесного Иерусалима*». Правда, для четырёх монастырей — Псково-Печерского, Соловецкого, Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского — Л. А. Беляев всё-таки делает исключение, называя их «*государственные крепости, которые предполагалось включить в систему обороны… и укреплять на государственные средства*» [1]. Взгляды Л. А. Беляева подверглись резкой критике со стороны С. В. Заграевского, который считал монастырские ограды вполне обороноспособными и высказал справедливое мнение, что в XVII веке они предназначались для защиты не от внешнего, а от внутреннего врага [7].

Некой «золотой середины» придерживаются И. А. Воротникова и В. М. Неделин: «*Сравнительно недавно едва ли не каждый монастырь, расположенный вне крепостных стен, исследователи объявляли городским форпостом и "сторожею". На самом деле возникновение монастырей вне пределов города было обусловлено не проблемами его защиты, а образом монашеской жизни, требовавшей удаления от мирской суеты. Из более чем трех тысяч монастырей, существовавших в Московском государстве в середине XVII века, действительно крепостями, то есть имевшими стены и башни, гарнизоны и вооружение, являлись лишь немногим более сорока обителей*» [5, с. 79].

Посмотрим, что же сообщают о русских монастырях очевидцы-иностранцы. Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Московском государстве в первой трети XVI века, написал о подмосковных монастырях: «*Невдалеке от города находится несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города*» [6, с. 99]. «Городом» в то время называли именно укреплённый населённый пункт или сами оборонительные сооружения. Недаром в другом месте своего известного произведения о России С. Герберштейн записал: «*ибо все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они [русские] называют городом*» [6, с. 116].

Ещё более определённо, пожалуй, даже чересчур категорично, о значимости монастырей, как крепостей, говорит Генрих Штаден: «*Ясно, что в его [великого князя — К.Н.] стране нет ни одного укрепленного города. Все они мне хорошо известны. У монастырей большей частью — во всяком случае у богатейших — [действительно] имеются каменные стены. Но города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей. В центре государства все они упали и запустели. Великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границе — с Польшей, Лифляндией и Швецией, равно как с Казанью и Астраханью*» [21, с. 30]. Генрих Штаден пребывал в Московии с 1564 по 1576 год [21, с. 8, 10] и служил опричником у Ивана Грозного, поэтому знал не понаслышке о состоянии крепостей и монастырей. Удивительно, но со слов этого немецкого авантюриста складывается впечатление, что каменные стены при Иване Грозном были только у монастырей. Хотя это, конечно же, не так: уже стояли Московский, Новгородский, Нижегородский, Тульский, Коломенский, Зарайский каменно-кирпичные кремли-крепости, была построена каменная Серпуховская крепость.

Любопытные сведения приводит также Павел Алеппский, посетивший Россию в середине XVII века вместе с Антиохийским патриархом Макарием. На вопрос о числе монастырей в России патриарх Никон «*ответил: "более трех тысяч, кроме (тех, что) в стране казаков", и прибавил: "в нашей стране есть три очень богатые монастыря, великие царские крепости". Первый — монастырь Святой Троицы; он больше и богаче остальных, второй… известен у них под именем Кирилло-Белозерского… Монастырь больше и крепче Троицкого, ибо три громадные стены его сложены, как говорят, из огромных диких камней; а монастырь Святой Троицы и его стены сделаны из кирпича и камня. Третий монастырь — Соловецкий… Он сооружен святыми Зосимой и Савватием среди острова на море-океане… Говорят, что его стены громадны, неприступны и сложены из больших диких камней; рассказывают, что эти святые заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен*» [16, Кн. IX. Гл. II. С. 126].

Как видим, мнения исследователей о монастырских оградах противоречивы, а побывавшие в то время в России иностранцы отмечают оборонительный характер монастырей.

Перейдём к сравнительному анализу архитектуры башен и прясел. В табл. 1 сведены характеристики крепостных сооружений: отношение протяжённости стен к числу башен, число башен и их типы, толщина прясел, наличие бойниц подошвенного и среднего боя, машикули (навесные бойницы) на башнях и пряслах, предвратных укреплений перед воротными башнями, подъёмных мостов, опускных решёток в ворота х.

Таблица 1. Основные характеристики крепостных оград некоторых монастырей и крепостей конца XV — XVII века

(знак + означает, что архитектурная деталь была, хотя могла и не сохраниться; знак — означает, что её никогда не было; знак? поставлен там, где уверенно судить о наличии или отсутствии детали невозможно)

Памятник	Датировка	Отношение протяжённость стен / число башен	Число башен и их типы	Толщина прясел*, м
1	2	3	4	5
Монастыри				
Троице-Сергиев	1540–1550; Перестройка в середине XVII века	125	11 (многогранные угловые, прямоугольные вдоль стен и воротные)	6,0–8,6
Псково-Печерский	1552–1565; Некоторые башни построены в XVII веке	90	9 (1 круглая, 1 подковообразная, остальные прямоугольные)	2,0–2,5
Соловецкий	1582–1595	180	6 (5 круглых и 1 прямоугольная)**	4,8–8,1 (внизу), 3–5 (вверху)
Ипатьевский («Годуновская стена» конца XVI века)	1586–1590-е	74	7 (4 круглые угловые, 3 прямоугольные воротные)	2,0–2,5
Ипатьевский (XVII век)	1621–1625 (надстройка стен); 1642–1645 («Новый город»)	82	10 (6 круглых угловых, 4 прямоугольные воротные)	2,0–2,5
Кирилло-Белозерский (Успенский и Ивановский)	1590-е	?	?	?
Кирилло-Белозерский («Новый город»)	1655–1680	122	6 (4 угловые многогранные и 2 прямоугольные воротные)	6,6–7,2
Пафнутьев-Боровский	XVI век (спорная); укрепление в 1590-е; перестройка отдельных башен и прясел в XVII веке	83	6 (1 круглая, 5 прямоугольных)	3,5–4,3
Саввино-Сторожевский	1650–1654	109	7 (1 прямоугольная, 6 многогранных)	2,5

Бойницы подошвенного боя в пряслах	Бойницы среднего боя в пряслах	Машикули (навесные бойницы)		Предвратные укрепления	Подъёмные мосты	Опускные решётки в воротах
		на башнях	на пряслах			
6	7	8	9	10	11	12
+	+ (после перестройки)	+	+	–	–	+
+	–	+ (только на Изборской башне)	–	–	–	–
+	–	–	+	+ (Никольская башня)	–	+
?	–	?	+	+ (захаб перед Воскобойной башней)	–	–
+	–	+ (не на всех)	+	+ (трёхстенная пристройка перед Зелёной башней)	–	+ (Зелёная башня)
+	– (первоначально не было)	–	– (первоначально не было)	–	–	–
+	+	+	+	–	–	+
+	–	+ (на трёх башнях)	+	–	–	+
+	–	+	+	–	–	+

1	2	3	4	5
Спасо-Прилуцкий в Вологде	Середина XVII века	158	5 (4 многогранные, 1 прямоугольная глухая и один воротный комплекс)	1,8–2,2
Архиерейский двор в Ростове	1670–1680-е	80	11 (5 круглых угловых, 4 круглые по сторонам двух ворот и 2 прямоугольные воротные)	2,4–3,0
Борисоглебский под Ростовом	1679–1692	74	14 (круглые и многогранные по углам, квадратные на прямых участках)	2,4–2,6
Новодевичий	1680-е	64	12 (4 круглые угловые, 8 прямоугольных и два воротных комплекса)	2,5
Крепости				
Московский Кремль	1485–1495/1499	124	18 (2 круглые, 1 многогранная, остальные 15 прямоугольные***)	3,0–5,1
Нижегородский кремль	начало XVI века	157	13 (5 прямоугольных воротных, 8 глухих D-образных)	3,5–4,7
Коломенский кремль	1525–1530/1531	122	16 (1 круглая, 2 многогранные, остальные 13 прямоугольные)	3,0–4,5
Смоленская крепостная стена	1596–1602	141	38 (16 многогранных, 9 больших воротных прямоугольных, 13 глухих прямоугольных)	4,3–6,4
Можайский кремль	1624–1626	75	8 (прямоугольные и многогранные)	2,2–4,3
Гурьев (по наказу воеводам)	1647–1662	108	8 (прямоугольные и многогранные)	3,2

* Для монастырей в большинстве случаев по авторским замерам.

** Без учёта более поздних башен Пристенка.

*** Выстроенная в 1680 году Царская башня, как и отводные башни у ворот, в это число не включены.

6	7	8	9	10	11	12
+	–	+	+	–	–	–
+	–	+	+	–	–	+
+	–	+	+	–	–	–
+	+	+	+	–	–	+
?	+	+	–	+ (отводные башни и пристройки)	+	+
+	–	–****	–	+ (отводная башня)	+	+
+	–	+ (только на двух башнях)	–	+ (трёхстенные пристройки)	–	+
+	+	+ (только на многоугольных башнях)	–	+ (трёхстенная пристройка перед Фроловской воротной)	–	+ (некоторые ворота)
+	+ (мало)	+	+	–	–	+
?	?	?	?	?	?	?

**** Изначально не было. Сегодня есть только на перестроенной в конце XIX века Дмитриевской башне.

Не имея возможности охватить в данной работе все монастыри, ограничимся самыми значимыми памятниками. В нашу выборку попало 11 памятников: Троице-Сергиев, Псково-Печерский, Соловецкий, Ипатьевский, Кирилло-Белозерский, Пафнутьев-Боровский, Саввино-Сторожевский, Спасо-Прилуцкий, Борисоглебский под Ростовом и Новодевичий монастыри, а также Архиерейский двор в Ростове, который хотя и не является монастырём, но был выстроен по указанию митрополита Ионы Сысоевича по образцу укреплённого монастыря.

Отметим, что не всегда современное состояние памятника отражает ситуацию на момент постройки. Ограды ряда памятников были построены в XVI веке, а затем перестраивались в XVII веке. Причем время возведения и перестроек оград из письменных источников известно далеко не всегда, и некоторые датировки являются весьма спорными. Особенно сильно перестройки изменили крепостные стены Троице-Сергиева, Ипатьевского, Кирилло-Белозерского и Пафнутьев-Боровского монастырей. Несмотря на позднейшие перестройки в отдельных случаях можно установить, как выглядели стены и башни XVI века. Так, в Ипатьевском монастыре сохранился небольшой участок ненадстроенной стены конца XVI века (так называемая «Годуновская стена»), а для Кирилло-Белозерского монастыря известно, как выглядели ограды XVI века (Успенский и Ивановский монастыри в составе Кирилло-Белозерского), заметно отличающиеся от ограды XVII века (так называемый «Новый город»). При анализе памятников XVI века мы постарались исключить черты, привнесённые перестройками XVII века. Например, в пряслах Кирилло-Белозерского монастыря XVI века первоначально не было среднего боя и машикули, они появились только при надстройке стен в XVII веке [9, с. 73–77, 91–93].

Для сравнения в таблицу включено также несколько памятников военного зодчества разных эпох — с конца XV по середину XVII века: послуживших образцом для многих памятников военного зодчества: Московский Кремль конца XV века, два кремля первой трети XVI века (Нижегородский и Коломенский), Смоленская крепостная стена рубежа XVI и XVII веков, Можайский кремль 1624–1626 годов и крепость Гурьев на Яике (с 1647 по 1662 год с перерывами). Последняя интересна тем, что строилась как боевая крепость, на что есть специальное указание: *«высмотря подмастерьем каменого дела накрепко, чтоб из тех башен в приход воинских людей мочно было из наряду город очищать на все стороны»* [15, с. 134]. В отличие от других приведённых памятников военного зодчества крепость Гурьев малоизвестна даже специалистам, хотя сохранилось немало документов о ней. Особенно интересен наказ воеводам, в котором даётся указание построить крепость по неким, видимо, устоявшимся стандартам, причём с очень подробными сведениями, начиная от общей планировки крепости до размеров стен и даже зубцов. Поэтому крепость Гурьев представ-

ляет особый интерес для сравнения с синхронными монастырскими оградами. Приведём краткие сведения о крепости. Согласно наказу, крепость Гурьев должна была быть строго симметричной четырёхугольной с длиной стороны 100 саж. (216 м[1]) и общей протяжённостью укреплений 400 саж. (864 м). Вдоль стен следовало поставить 8 башен — четыре по углам и четыре на середине каждой стороны. Две башни нужно было сделать воротными. Стены должны были иметь толщину 1,5 саж. (3,24 м), высоту с зубцами 4 саж. (8,64 м). Зубцы должны были быть длиной 1 саж. (2,16 м), толщиной 0,5 саж. (1,08 м), высотой 1,5 саж. (3,24 м) [15, с. 134]. Строительство крепости началось в 1647 году, но было прервано в 1649 году, затем с перерывами продолжалось до 1662 года. К сожалению, крепостные сооружения Гурьева не сохранились — в 1790-е годы старые стены и башни были разобраны и вместо них возвели кирпичные бастионы, позднее тоже исчезнувшие [5, с. 634, 654]. Судя по документам, крепостные сооружения были выстроены по наказу, хотя и с некоторыми отступлениями: по документу 1704 года периметр крепости указан «469 сажен с локтем» (вместо 400 саж.), стены вышиной «по зубцы 3 сажени, з зубцами 4 сажени» (общая высота стены согласно наказу 4 саж., но зубцы сделаны высотой 1 саж., а не 1,5 саж.), вдоль стен стояло 7 башен [2, с. 118] (одна башня к тому времени разрушилась?).

Отношение общей протяжённости стен к числу башен демонстрирует частоту расстановки башен. Чем меньше этот показатель, тем больше башен приходится на единицу протяжённости укреплений и соответственно меньше средняя протяжённость прясел. И наоборот: чем больше этот показатель, тем меньше башен приходится на единицу протяжённости укреплений и соответственно больше средняя протяжённость прясел. Как известно, башни являются узлами обороны и их следовало располагать друг от друга на таком расстоянии, чтобы прясло между ними простреливалось фланговым огнем, в идеале перекрёстным (с двух башен). Как было нами показано ранее, в первой половине XVII века предпочтительное расстояние между башнями/бастионами по рекомендациям военных инженеров должно было составлять от менее 180 до — максимум — 292,5 м [14, с. 123, 124].

Из табл. 1 видно, что значение этого показателя достигает своего максимума у Соловецкого монастыря конца XVI века (180), затем идёт Спасо-Прилуцкий монастырь середины XVII века (158), Троице-Сергиев монастырь в XVII веке (125) и «Новый город» Кирилло-Белозерского монастыря (122). У других монастырей этот показатель меньше, порой даже существенно меньше 100. Наименьшими значениями обладают Новодевичий (64) и Борисоглебский (74) монастыри конца XVII века и Ипатьевский монастырь

[1] Не известно, какая сажень использована в документе. При переводе в метрическую систему нами принята самая распространённая на то время и закреплённая в Соборном уложении 1649 года трёхаршинная сажень (1 саж. = 2,16 м).

(74 в конце XVI века и 82 в XVII века). Для большинства памятников военного зодчества этот показатель превышает значение 100. То есть во многих монастырях башни вдоль стен были расставлены чаще и, соответственно, средняя протяжённость прясел была меньше, чем в синхронных памятниках военного зодчества. И даже самое большое значение — 180 для Соловецкого монастыря — меньше рекомендуемого военными инженерами того времени предела. А это значит, что во всех рассматриваемых монастырях с башен можно было вести действенный и очень эффективный фланговый огонь. Напомним, что башни были самыми трудоёмкими и дорогими элементами крепостной ограды, обходясь намного дороже обычной стены [12; 13, с. 228–239]. И тем не менее, монастыри не экономили на башнях, хотя для ограждения от мирской жизни вполне могла подойти и простая ограда без башен. Конечно, роль башен в ограде не ограничивалась чисто военными задачами, не стоит забывать и об их высокой репрезентативной и символической функциях.

Обратимся к типам башен. Как известно, прямоугольные башни были проще в строительстве и обходились дешевле круглых и многогранных (к последним причисляют все башни с числом граней больше четырёх). Однако наилучшими с точки зрения обороны считались круглые башни: ядра редко попадали в них под прямым углом, нанося меньше вреда, и «мёртвое», непростреливаемое, пространство перед ними было меньше. Кроме того, круглые и многогранные башни имели значительно более широкий угол обстрела по сравнению с прямоугольными, что объяснялось бóльшими возможностями размещения бойниц в первых двух типах. Многогранные башни были компромиссом между четырёхугольными и круглыми башнями. В каменно-кирпичном зодчестве круглые и многоугольные башни, как наиболее мощные и имевшие самый обширный сектор обстрела, располагали обычно по углам крепости. Прямоугольные башни, как правило, имевшие меньшие внешние размеры и меньшую толщину стен по сравнению с круглыми или многоугольными, расставляли вдоль прямых или почти прямых участков обороны [13, с. 151, 152].

Как следует из табл. 1, по типам башен монастыри тоже не уступали памятникам военного зодчества. В большинстве монастырских оград превалировали круглые и многогранные башни, которые, как и в памятниках военного зодчества, занимали угловые положения. Прямоугольных башен было меньше и часто прямоугольными были воротные башни.

Толщина прясел в каменно-кирпичных памятниках военного зодчества конца XV–XVII века обычно варьировалась от 3,0 до 4,5 м в зависимости от значимости участка обороны и естественных преград. Отклонения в ту и другую стороны встречались редко (см. табл. 1). Стены толщиной в 2 м, которые считались вполне приемлемыми в Средние века, в Новое время

расценивались военными как слишком тонкие, так как мощь огнестрельных орудий резко возросла.

Как видно из табл. 1, в монастырских оградах этот показатель варьируется в очень широких пределах. Лишь три крупнейших монастыря могли похвастаться очень толстыми пряслами, превосходившими толщину прясел даже памятников военного зодчества: Соловецкий монастырь имел прясла толщиной 4,8–8,1 м, Троице-Сергиев — 6,0–8,6 м, «Новый город» Кирилло-Белозёрского монастыря — 6,6–7,2 м. Из них только Соловецкий монастырь имел прясла такой толщины с самого начала строительства ограды в конце XVI века. Ограда Троице-Сергиева монастыря в XVI веке имела прясла толщиной до 3,5 м. Их толщина была увеличена только в ходе перестройки в XVII века. «Новый город» Кирилло-Белозёрского монастыря был построен в 1655–1680 годах, ограда этого монастыря XVI века имела намного более тонкие стены. Большинство рассматриваемых монастырей имели прясла толщиной всего от 2,0 до 2,5 м. Стены такой толщины не могли долго сопротивляться обстрелу из тяжёлых осадных орудий.

Наличие боевых отверстий — бойниц — обязательная черта любой крепостной ограды. При их отсутствии говорить об оборонительном потенциале ограды не приходится. Все рассматриваемые монастыри имели ограды с боеспособными бойницами в башнях и пряслах, боевых ходом с парапетом и даже машикули. Бойницы подошвенного боя в пряслах стали нормой в русском крепостном зодчестве, по крайней мере, с начала XVI века, а появились в каменно-кирпичных памятниках, по-видимому, ещё в конце XV века. Ограды всех рассматриваемых монастырей имеют такие бойницы. Исключение может составлять только ограда Ипатьевского монастыря конца XVI века (так называемая «Годуновская стена»): нижняя часть некоторых прясел сегодня находится под землей и непонятно, есть ли там бойницы подошвенного боя, на других участках такие бойницы видны, но они могли появиться в ходе перестроек XVII века. Однако повсеместное применение бойниц подошвенного боя говорит скорее в пользу того, что и в этом монастыре они были ещё с самого начала строительства каменно-кирпичной ограды.

Другое дело — бойницы среднего боя. Они встречались лишь в отдельных памятниках военного зодчества. Не получили широкого распространения они и в монастырских оградах. Из рассматриваемых монастырей они появились в Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозёрском монастырях после перестроек XVII века и в поздней ограде Новодевичьего монастыря.

Машикули устраивали в двух вариантах — выносные на консолях (при этом верхняя часть стены нависает над нижней) и в виде скошенных бойниц в толще стены (без выступа верхней части). Как ни странно, на памятниках военного зодчества машикули не получили широкого распростра-

нения. Они встречались на башнях некоторых крепостей, но на пряслах их устраивали крайне редко.

В монастырских оградах машикули делали даже чаще, чем в памятниках военного зодчества. Во многих монастырях они есть и на башнях и на пряслах. А в некоторых монастырях в результате надстроек на пряслах образовалось даже два уровня машикулей (Троице-Сергиев, Ипатьевский), что не имеет аналогий среди русских памятников военного зодчества.

А вот защита ворот в монастырях была организована заметно слабее. Никогда перед воротной башней не возводили укреплённый мост с отдельной отводной башней за рвом и никогда не устраивали подъёмный мост. Лишь в единичных случаях перед воротами монастыря возводили трёхстенные пристройки. Не всегда воротный проезд перекрывался и опускной решёткой. Святые ворота, которые есть во многих монастырях, как правило, укреплены очень слабо и являются самым слабым местом в обороне. Очевидно, монахи больше полагались на Божественную защиту ворот, над которыми часто возвышалась надвратная церковь.

***

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать несколько выводов:

Для ограждения от суеты мирской жизни вполне могла подойти и простая ограда без элементов активной обороны. Однако все каменно-кирпичные монастырские ограды XVI–XVII веков имели почти одинаковый набор башенных фортификационных элементов (башни, бойницы, машикули и т.д.), сопоставимый с синхронными памятниками военного зодчества. Значит, они могли оказать сопротивление.

Более того, монастыри не жалели средств на возведение дорогостоящих башен. Во многих монастырях башни вдоль стен были расставлены чаще и, соответственно, средняя протяжённость прясел была меньше, чем в синхронных памятниках военного зодчества. По типам башен монастыри тоже не уступали памятникам военного зодчества.

По толщине прясел лишь три крупнейших монастыря могли похвастаться очень толстыми пряслами, превосходившими толщину прясел даже памятников военного зодчества: Соловецкий монастырь, Троице-Сергиев и «Новый город» Кирилло-Белозёрского монастыря. Большинство же монастырей имели прясла толщиной всего от 2,0 до 2,5 м.

В монастырских оградах машикули делали даже чаще, чем в памятниках военного зодчества. А в некоторых монастырях в результате надстроек на пряслах образовалось даже два уровня машикулей, что не имеет аналогий среди русских памятников военного зодчества.

А вот защита ворот в монастырях была организована заметно слабее. Очевидно, монахи больше полагались на Божественную защиту ворот, над которыми часто возвышалась надвратная церковь.

Совершенно очевидно, что некоторые монастыри не уступали военным объектам, а порой даже превосходили их. Особенно выделяются три монастыря — Троице-Сергиев, Соловецкий и Кирилло-Белозёрский. В XVII веке они имеют наибольшую толщину стен, прекрасное вооружение и значительный гарнизон. Хотя только Соловецкий монастырь с самого начала — ещё в конце XVI века — был построен как мощная крепость, а Троице-Сергиев и Кирилло-Белозёрский приобрели свои нынешние характеристики в результате перестроек в XVII веке.

Но даже со слабыми тонкими стенами монастыри порой оказывали достойное сопротивление неприятелю. Достаточно вспомнить успешную оборону Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 годах (ограда ещё не была перестроена). Кирилло-Белозёрский монастырь ещё до строительства «Нового города» в Смутное время успешно оборонялся от «лихих людей»: защитники этого монастыря отбили штурм «литовских людей» 5 декабря 1612 года. Осенью 1613 и 1614 годов у стен монастыря собирались значительные по численности разбойничьи отряды, но на штурм они так и не решились. Осада Ипатьевского монастыря, в котором в 1609 году засели сторонники Лжедмитрия II, продолжалась пять месяцев. Псково-Печерский монастырь проявил себя как первоклассная крепость: в 1581 году защитники отбили все штурмы поляков Стефана Батория, в 1611 году они отразили сначала штурм отрядов Лисовского, а затем многочисленные штурмы войска гетмана Ходкевича.

Таким образом, на наш взгляд, никак нельзя утверждать, что монастыри XVI–XVII веков не были крепостями в виду их архаичных башенных оград, тонких крепостных стен или отсутствия заранее размещённого в них арсенала и гарнизона. В случае опасности в монастыри стекалось окрестное население, организовывалось производство и раздача оружия, присылались отряды стрельцов и казаков. Башенные ограды проявили себя ничуть не хуже бастионных, а проломы тонких стен быстро устранялись героическими защитниками.

Монастыри чаще всего возникали стихийно, хотя и с благословления церковных иерархов. Намного реже они были основаны по указанию светской власти (например, Новодевичий). Позднее монастыри могли быть включены в общую стратегию обороны страны, а могли и не быть включены. Если монастырь получал государственную поддержку и царские пожертвования, его крепостные сооружения чаще всего отличались особой мощью. И именно в таких монастырях находились значительные запасы оружия. В качестве примеров можно привести три «великие царские крепости», как назвал их Никон,— Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Большинству же монастырей приходилось перестраивать свои ограды на собственные средства или небольшие частные пожертвования, что отразилось на мощи крепостных стен и арсенале. И тем не менее,

перестроенные в XVI–XVII веках монастырские ограды были вполне боеспособными и на них возлагалась оборонительная функция, что, конечно же, не исключает и других функций — ограды от мирской жизни, символической и репрезентативной. Память о Смутном времени была жива на протяжении всего XVII века, да и сам этот век был «бунташный», наполненный многочисленными бунтами. Ограды монастырей этого времени предназначались для защиты не от внешних врагов, а от внутренних — разбойничьих шаек, восставшего народа. Для всех этих целей в совокупности — оборонительной, символической (подобие Небесному Иерусалиму), ограды от мирской жизни и монументально-декоративной — лучше всего подходили высокие стены и башни. Низкие валы и рвы бастионных крепостей для этого совершенно не годились, да и не нужны были с военной точки зрения. Даже относительно тонкие стены были оптимальным решением, позволяя сэкономить на строительстве, при этом почти не теряя в обороноспособности, так как у потенциального противника не должно было быть тяжёлых осадных орудий.

Список источников и литературы

1. Беляев Л. А. Древнерусские монастыри как городские кремли // Кремли России: Тезисы доклада Всероссийского симпозиума. М., 1999. С. 11–13.
2. Ведомость приказа Казанского дворца, посланная в царскую Ближнюю канцелярию, о состоянии крепостных укреплений и вооружений в подведомственных ему городах Поволжья и Приуралья (1704 г., не ранее июня 16) // Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII — начале XVIII века / отв. ред. В. Д. Кочетков. Чебоксары: Новое время, 2022. 204 с.
3. Воронин Н. Н. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 12. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1949. С. 217–237.
4. Воронин Н. Н. Московский Кремль (1156–1367 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 77. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 52–66.
5. Воротникова И. А., Неделин В. М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости Центральной России. Т. 1. М.: БуксМАрт, 2013. 888 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1908. 384 с.
7. Заграевский С. В. К вопросу о древнерусских оборонных монастырях и храмах // Материалы XVIII международной краеведческой конференции. Владимир, 2014. http://zagraevsky.com/fort.htm (Дата обращения: 04.10.2024 г.).
8. Ильин М. А. Монастыри Московской Руси как оборонительные сооружения // Исторический журнал. № 7–8. М., 1944. С. 75–81.
9. Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Великая государева крепость. Ленинград, 1972. 256 с.
10. Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 288 с.

11. Лавров В. А. Монастыри и крепости XVI–XVII веков — форпосты Московского государства // Русская архитектура. М., 1940. С. 36–39.
12. Носов К. С. Экономические соображения или военные требования?: Сравнительная себестоимость оборонительных сооружений в России середины XVII в. // Вестник РУДН. 2009. № 2. С. 76–84.
13. Носов К. С. Русские средневековые крепости. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2019. 304 с.
14. Носов К. С. Смоленская крепостная стена рубежа XVI–XVII вв. в кругу русских крепостей «в итальянском стиле» конца XV — начала XVIII вв. Часть 1 // Вопросы истории фортификации. Вып. 8. СПб.— М.: Остров, 2021. С. 114–151.
15. Отрывок наказа Астраханским воеводам, боярину князю Михаилу Пронскому, окольничему Тимофею Бутурлину и Илье Безобразову, июнь 1650 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1842. № 40. С. 129–144.
16. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в обществе истории и древностей российских. Вып. 3. М., 1897.
17. Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 105. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 248 с.
18. Русов А. Л. Кремли и монастыри Москвы. М., без года. 62 с.
19. Сергеева-Козина Т. Н. Можайский кремль 1624–1626 гг. (опыт реконструкции) // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 31. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 347–375.
20. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М.: Изд-во МГУ, 1957. 318 с.
21. Штаден Г. Записки немца-опричника / Сост. и комм. С. Ю. Шокарева. М.: РОССПЭН, 2002. 240 с.

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2023–2025 годы, тема № 1.1.2.4.
This study is based on the research, supported by the Program of Fundamental Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation — 2023–2025, no. 1.1.2.4.

Nossov Konstantin Sergeevich
Doctor of Historical Sciences, Director of the History of Fortification Study Centre (HFSC); Leading research fellow of the Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation).

FORTRESS STRUCTURES OR THE BORDER BETWEEN WORLDLY AND SPIRITUAL LIFE? STONE AND BRICK ENCLOSURES OF RUSSIAN MONASTERIES OF THE16TH-17TH CENTURIES

Key words: *monasteries, fortresses, defensive architecture, fortification.*
Annotation. *Many Russian monasteries in the 16th-17th centuries received stone and brick enclosures that had all the features of fortifications of that time. Can these monasteries be considered fortresses? What function was assigned to monastery enclosures at that time — to protect the monastery, to fence it off from worldly life, or to resemble the Heavenly Jerusalem? To answer these questions, the work for the first time offers a comparative architectural analysis of a number of monastery enclosures as well as synchronous monuments of military architecture. The author came to the conclusion that monastery enclosures had a complex purpose, among others, they also had a defensive function. And for these purposes, enclosures with high walls and towers were best suited.*

Пилипенко Кристина Александровна,
аспирант УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

УДК 711.4

DOI 10.54016/SVITOK.2025.15.37.051

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Ключевые слова: *креативное пространство, современный город, структурно-функциональный метод, ценностные основания.*

Аннотация*: Проблема креативного пространства довольно подробно исследована в научном дискурсе. Существует достаточное количество публикаций и монографических изданий, в которых исследуются разные аспекты креативного пространства в современном городе. Изучение креативного пространства предполагает использование определенных методов научного исследования. В данной статье используются компаративистика, системный, структурно-функциональный, аксиологический, семантический, семиотический, культурно-исторический, логико-абстрактный методы. Методологической основой послужили общие положения теории системного подхода и единства теории и практики. Следует отметить, что понятие креативного пространства представлено весьма многогранно в культурологическом дискурсе, поэтому необходимо уточнить его сущность. Креативное пространство представляет собой часть городского пространства, организованное на определенной территории, а также элемент городского пространства, выступающий в качестве самостоятельной единицы со своей структурой, ценностями, смыслами, а также специфически организованное пространство, которое ориентировано на организацию городской среды, превращая ранее мало презентабельные районы или отдельные территории в центры активности.*

Креативные пространства представляют собой неотъемлемую часть современного города, что обуславливает значимость данных территорий. Однако необходимо проанализировать данный феномен через призму научной методологии, рассмотрев конкретные методы, которые способствуют изучению креативного пространства современного города. Поэтому следует

провести анализ методологических подходов, которые используются для изучения феномена креативного пространства.

Изучение креативного пространства современного города предполагает использование определенных методов научного исследования. В данном случае будут рассмотрены: системный, структурно-функциональный, аксиологический, семантический, семиотический, культурно-исторический, компаративистика, логико-абстрактный.

Для более детального изучения понятия креативного пространства, анализа его элементов и структуры, был применен структурно-функциональный подход [1, с. 45]. Он поспособствовал выявлению структуры креативного пространства, состоящей из множества взаимодействующих между собой элементов, которые способствуют эффективности данного феномена. Структурно-функциональный метод позволяет понимать феномен креативного пространства как целостную интегрированную согласованную систему, все части которой тесно связаны друг с другом.

Также следует рассмотреть системный подход [1, с. 52]. Исходя из системного метода, следует заключить, что существует анализ отдельных форм креативного пространства, его целостности, структуры и взаимозависимостей в городской среде. При изучении креативного пространства при помощи системного метода рассматривается взаимосвязь частей в изучаемом объекте не как рядоположенные, а как тесно взаимосвязанные и соподчиненные общим целям и задачам.

В контексте семиотического подхода креативное пространство рассматривается как культурный текст городской среды, который несет в себе определенную культурную информацию для городского населения, которое находится в данном креативном пространстве [1, с. 74]. Применение семиотического метода показало, что получение информации происходит через декодирование смыслов, заложенных в артефактах, через архитектурно-пространственную организацию городской среды, которая несет в себе исторический подтекст, наполненный ценностными знаками. В контексте семиотического подхода любое городское пространство трактуется как множество текстов и кодов. Благодаря их разнообразию, разноплановому и разноуровневому взаимодействию и взаимообогащению, город предстает как «мощный генератор новой информации» [2, с. 50].

Семантический подход позволил изучить культурные объекты пространственной организации креативного пространства современного города в рамках функционирования творческой категории населения с точки зрения его смысловой нагрузки и значений [1, с. 86]. Семантический метод интерпретации городского пространства с точки зрения населения в креативном пространстве в современном городе способствует объективной трактовке знаковых систем городского пространства, что позволяет де-

лать важные выводы и заключения во время исследования данного культурного феномена.

Ценностные основания городской среды стало возможным выявить, используя в исследовании аксиологический подход [1, с. 97]. Применение данного подхода обращает внимание на ценностную составляющую городского пространства. При аксиологическом методе анализа города креативное пространство представляется набором культурных ценностей, на которые стоит обращать внимание при исследовании данной проблематики. Процессы формирования пространственной организации городской среды представляют собой ценностные характеристики.

Культурологическая компаративистика как парадигма представляет собой, модель организации исследований городского пространства, включающую совокупность теоретических знаний. Сравнительный подход позволил сопоставить развитие и функционирование креативных пространств [1, с. 104]. При методе компаративистики культурологический анализ феномена креативного пространства достигается путем сравнения и основывается на сравнении.

Культурно-исторический подход представляет собой способ восприятия, анализа и оценки креативного пространства в рамках культурно-исторического аспекта [1, с. 111]. Культурно-исторический метод в данном случае понимается как способ подхода к городскому пространству и его интерпретации. Исследуется связь функционирования креативных пространств с факторами, влияющими на социализацию современной молодежи.

В данном случае под креативным пространством рассматривается «элемент городского пространства, выступающий в качестве самостоятельной единицы со своей структурой, ценностями, смыслами, а также специфически организованное пространство, которое ориентировано на организацию городской среды, превращая ранее мало презентабельные районы или отдельные территории в центры активности» [3, с. 237–238].

Подводя итог, необходимо заключить, что при исследовании креативного пространства современного города используются разнообразные методологические подходы, позволяющие подробнее изучить данный феномен. Упомянутые подходы демонстрируют многогранность креативных пространств в современных городах. Это показывает, что для детального понимания феномена креативного пространства требуется интеграция теоретических знаний и методологических подходов.

Список источников и литературы

1. Глазычев, В. Л. Урбанистика / В. Л. Глазычев.— М.: Европа, 2008.— 220 с.
2. Демидова, Е. В. Проблемы реабилитации городских пространств / Е. В. Демидова // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН.— 2009.— № 2.— С. 49–53.

3. Етеревская, И. Н. Особенности социально-пространственной организации креативных пространств современного города / И. Н. Етеревская // Вестн. Волгогр. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер.: Стр-во и архитектура.— 2021.— № 1.— С. 231–244.

Pilipenko Kristina Aleksandrovna,
Postgraduate student of the Belarusian State University of Culture and Arts

METHODOLOGY AND METHODS OF RESEARCHING CREATIVE SPACES OF MODERN CITIES

Key words: *creative space, modern city, structural and functional method, value foundations.*

Annotation. *The problem of creative space has been studied in detail in scientific discourse. There are a sufficient number of publications and monographs that examine various aspects of creative space in a modern city. The study of creative space involves the use of certain methods of scientific research. This article uses comparative, systemic, structural and functional, axiological, semantic, semiotic, cultural and historical, logical and abstract methods. The methodological basis is the general provisions of the theory of the systemic approach and the unity of theory and practice. It should be noted that the concept of creative space is presented in a very multifaceted way in the cultural discourse, so it is necessary to clarify its essence. Creative space is a part of the urban space, organized in a certain territory, as well as an element of the urban space, acting as an independent unit with its own structure, values, meanings, as well as a specifically organized space, which is focused on organizing the urban environment, turning previously unpresentable areas or individual territories into centers of activity.*

Пиляк Сергей Александрович,
доктор философских наук, кандидат архитектуры, директор ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость», Советник Российской академии архитектуры и строительных наук

УДК 069.1

DOI 10.54016/SVITOK.2025.28.87.052

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦ В РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ «СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Ключевые слова: *границы, Государственный музей «Смоленская крепость, выставочные проекты, международная научная конференция, научная работа, экскурсионно-туристическая работа.*

Аннотация*: Любое развитие направлено на преодоление границ. Пересечение рубежа позволяет выйти на новый уровень, получить вместе с новыми задачами и дополнительные ресурсы для их выполнения. Данная работа посвящена анализу данного тезиса, применительно к музеям. В качестве примера избран Государственный музей «Смоленская крепость». Факты преодоления самых разнообразных границ в его деятельности позволяет осмыслить специфику музейной деятельности отдельной институции и найти новые точки музейного роста.*

Уже в работах Г. В. Ф. Гегеля [1–2] подчёркивается перформативная природа произведения искусства как культурного жеста, способного прервать исторические связи и служить проводником в искусственном музейном контексте. В конце XX века получает распространение концепция американского культуролога Д. Клиффорда, трактующая музей как контактную зону. Музей воспринимается пространством, в котором люди устанавливают связи, преодолевая пространственную или временную дистанцию. Музейный артефакт является в данном случае инструментом диалога, своеобразным порталом, связующим людей. Весомый вклад в развитие современной музеологии внесли исследователи Восточной и Центральной Европы, разработавшие теорию музеальности. Важные выводы сформулированы в материалах И. Неуступного, Й. Бенеша, З. Странского [8], Л. Грегоровой, И. Ян, К. Шрайнера,

И. Мароевича, Н. Ф. Федорова [9], М. Н. Цветаевой [10], И. В. Чувиловой [11], Т. Ю. Юреневой [12].

Следовательно, в саму природу музейной деятельности заложено преодоление границ. Позволим себе по-своему символичное дополнение. Смоленская крепостная стена есть не что иное, как зримая граница. Она очерчивает городское пространство, отделяя его от внешней среды. На дороге от государственной границы в сторону Москвы Смоленская крепость представала верстовым столбом, маркирующим рубеж территории России и на языке архитектуры изъясняющим путешественнику о незыблемости власти российского государя. Одновременно особенности Смоленской крепости как сооружения долгое время не давали возможности пересечь границу формата первоначального использования [3–7]. В 1844 году крепость была передана из военного ведомства для гражданского использования. С тех пор суровая твердыня исполняла большое количество несвойственных ей ролей — архива, дома, церкви, склада, производственного сооружения, и, наконец, музея. Для Смоленской крепостной стены подобное преодоление границы стало залогом ее востребованности и физического сохранения в условиях тылового положения Смоленска в Российской империи. В продолжение наметившихся оптимальных решений и Государственный музей «Смоленская крепость» старается использовать возникающие рубежи в качестве новых векторов развития, преодолевая их во благо музейной работе. Развивая, буквально «размывая» границы, мы выходим на новые рубежи, получаем новые профессиональные вызовы и ставим все более амбициозные музейные цели. Следовательно, для музейной команды преодоление границ — ежедневная деятельность, при этом далекая от рутины.

Преодоление границ осуществляется в различных формах. Сама конференция «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре» благодаря физическому перемещению участников секций и мероприятий программы является интересным экспериментом, подтверждающим музейную мобильность. Также Государственный музей «Смоленская крепость» ведет активную работу по созданию и публикации передвижных выставочных проектов. За несколько лет выставки Музея побывали в десятках регионов России, а также Беларуси, Азербайджане, Словении, Франции, Сербии. Культурное наследие на планшетах и в макетах преодолевает физические и государственные границы, позволяя расширить аудиторию Музея.

Геометрия башен Смоленской крепости существенно ограничивает возможности экспозиционно-выставочной и экскурсионно-туристической работы [3]. Следовательно, необходимо использовать иные пространства, преодолевая границы, заложенные архитектурой крепости. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2021 году устройством первой стендовой документальной выставки «Петр Первый и Смоленская кре-

пость» у подножия Маховой башни. Также существенную поддержку оказали партнеры Музея, принимавшие на своих площадках наши выставки и мероприятия. Тем не менее, продолжается решение задачи организации экспозиционно-выставочной площадки, способной предложить новые возможности музейной деятельности.

Преодоление осуществляется и в исследовательской деятельности. Редкий музей делает научную работу одним из основных векторов развития. Однако для Государственного музея «Смоленская крепость» получение достоверных фактов о Смоленской крепостной стене является одной из приоритетных задач. В современной среде, насыщенной ложной информацией и придумками альтернативной истории, инструментом музейного строительства может стать исключительно верная информация, основанная на проверенных источниках и реальных артефактах. Предыдущие поколения исследователей подарили нам несколько значимых трудов, посвященных крепости. Однако нередкая в научных трудах опора на непроверенные источники, большое количество «белых» пятен в непрерывной исторической последовательности эпох и периодов рано привели нас к выводу о необходимости серьезной разработки темы истории крепости во всех временах и структурирования ее феномена в российской и мировой истории и культуре.

В начале существования музея стало ясно, что научную разработку темы феноменальности наследия Смоленской крепости недопустимо осуществлять за пределами титульной институции. Единственным возможным решением стало создание научного ядра в структуре Музея. Несомненно, было бы неверно рассчитывать лишь на музейные ресурсы. К этому ядру примыкают сочувствующие исследователи — наши научные волонтеры и постоянные участники музейных научных мероприятий. Они помогают раскрывать загадки истории крепости, решая одновременно и собственные научные задачи. Такой обоюдовыгодный союз позволяет серьезно расширить круг направлений научной работы Музея.

В условиях учреждения культуры научное поле, как правило, не вычленяется из общего числа направлений деятельности. Однако в нашем Музее в порядке прецедента планируется сформировать особую площадку для научной работы, не решающую одновременно выставочных и экскурсионных задач. Сейчас идет проработка создания нового музейного пространства — «Крепость знаний». По замыслу оно должно сочетать задачи синтеза достоверного научного знания, его адаптации, продвижения научного просвещения, формирования площадки для научных дискуссий и профессиональной ориентации для желающих найти себя в музейной профессии. Со временем возможна и институциализация данного ядра в формате научно-исследовательского центра, что тоже может стать прецедентом в отечественной культуре.

Весьма краткое перечисление избранных примеров преодоления границ в деятельности Государственного музея «Смоленская крепость» одновременно позволяет осмыслить специфику музейной деятельности отдельной институции [6] и найти новые точки музейного роста.

Список источников и литературы

1. Гегель, Г.-В.-Ф. Философия права.— М.: Мысль. 1990.— 524 с.
2. Гегель, Г. В. Феноменология духа.— М.: Наука, 2000.— 495 с.
3. Пиляк, С. А. Культурное наследие: генезис, актуализация, ревалоризация. Смоленская крепость.— Смоленск: ООО «Свиток», 2022.— 176 с.
4. Пиляк, С. А. Интерпретация материального культурного наследия в контексте музея // Идеи и идеалы.— 2020.— Т. 12, № 3, ч. 2.— С. 337–351.—
5. Пиляк, С. А. Актуализация наследия. Концепция музея и её реализация на примере Смоленской крепостной стены // Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2020: Тезисы докладов IX Международной конференции, Санкт-Петербург, 26–31 октября 2020 г. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб., 2020. / Электронный ресурс: URL: https://actualart.spbu.ru/publikatsii/theses/theses-2020.html (дата обращения: 27.08.2024 г.)
6. Пиляк, С. А. Особенности музеефикации фортификационных комплексов на примере Смоленской крепости // Экспозиционная деятельность музеев-заповедников и современные музейные практики: проблемы брендирования территорий: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием [Электронное сетевое издание] / Науч. ред. А. В. Окороков, ред.-сост. Т. А. Зотова.— М.: Институт Наследия, 2022. С. 80–87.
7. Пиляк, С. А. Генезис архитектурной уникальности Смоленской крепостной стены // Девятый Всероссийский конкурс молодых ученых в области искусств и культуры: сборник работ лауреатов [Электронное сетевое издание] — М.: Институт Наследия, 2022. С. 330–376.
8. Странский, З. Понимание музееведения // Музеи мира. Сб. науч. тр. НИИ культуры.— М.: НИИК, 1991. С. 8–26.
9. Федоров, Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н. Ф. Соч. / общ. ред. А. В. Гулыга, вступ. ст., прим. и сост. С. Г. Семеновой.— М.: Мысль, 1982. С. 575–604.
10. Цветаева, М. Н. Классический музей: проблемы интерпретации культурного наследия // Международный журнал исследований культуры № 3 (24), 2016. С. 37–47.
11. Чувилова, И. В. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. 2009. № 5. С. 20–25.
12. Юренева, Т. Ю. Музей в мировой культуре.— М.: «Русское слово-РС», 2003.— 536 с.

Pilyak Sergey Aleksandrovich,
Doctor of Philosophy, Candidate of Architecture, Director of the Federal State Budgetary Cultural Institution «Smolensk Fortress» State Museum, Advisor to the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

OVERCOMING BORDERS IN THE DEVELOPMENT OF THE STATE MUSEUM "SMOLENSK FORTRESS"

Key words: *borders, State Museum «Smolensk Fortress», exhibition projects, international scientific conference, scientific work, excursion and tourist work.*
Annotation. *Any development is aimed at overcoming borders. Crossing the line allows you to reach a new level, get along with new tasks and additional resources for their implementation. This work is devoted to the analysis of this thesis, as applied to museums. The State Museum "Smolensk Fortress" is chosen as an example. The facts of overcoming the most diverse boundaries in his activities allow us to understand the specifics of the museum activities of a separate institution and find new points of museum growth.*

Сидорова Анна Николаевна,
кандидат исторических наук,
главный специалист ФКУ
«Государственный архив
Российской Федерации»

Сидорова Марина Викторовна,
кандидат исторических наук,
начальник отдела ФКУ «Государственный
архив Российской Федерации»

УДК 94(47).083

DOI 10.54016/SVITOK.2025.66.52.053

ЖИВОПИСНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СМОЛЕНСКУ ДЛЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: *Смоленск, альбом, Николай II, С. Я. Андреев, акварельные рисунки, достопримечательности.*

Аннотация: *Доклад посвящен истории создания и бытования альбома «Город Смоленск и его достопримечательности», поднесенного Семеном Андреевым в 1894 г. императору Николаю II в качестве подарка в связи с восшествием на престол. В настоящее время альбом хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Альбом состоит из двадцати оригинальных рисунков, выполненных в технике акварели и изображающих основные достопримечательности города Смоленска, и в частности Смоленскую крепость. Каждое изображение сопровождается авторским пояснительным текстом.*

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца хранится альбом с тисненой золотом надписью: «Город Смоленск и его достопримечательности с кратким хронологическим очерком» [1]. Альбом был поднесен императору Николаю II в 1894 году, очевидно, в честь восшествия на престол. Альбом представляет собой сброшюрованную книгу форматом 34,5×29×2 см, верхняя и нижняя обложки которой оклеены серым дерматином. В альбоме 19 ли-

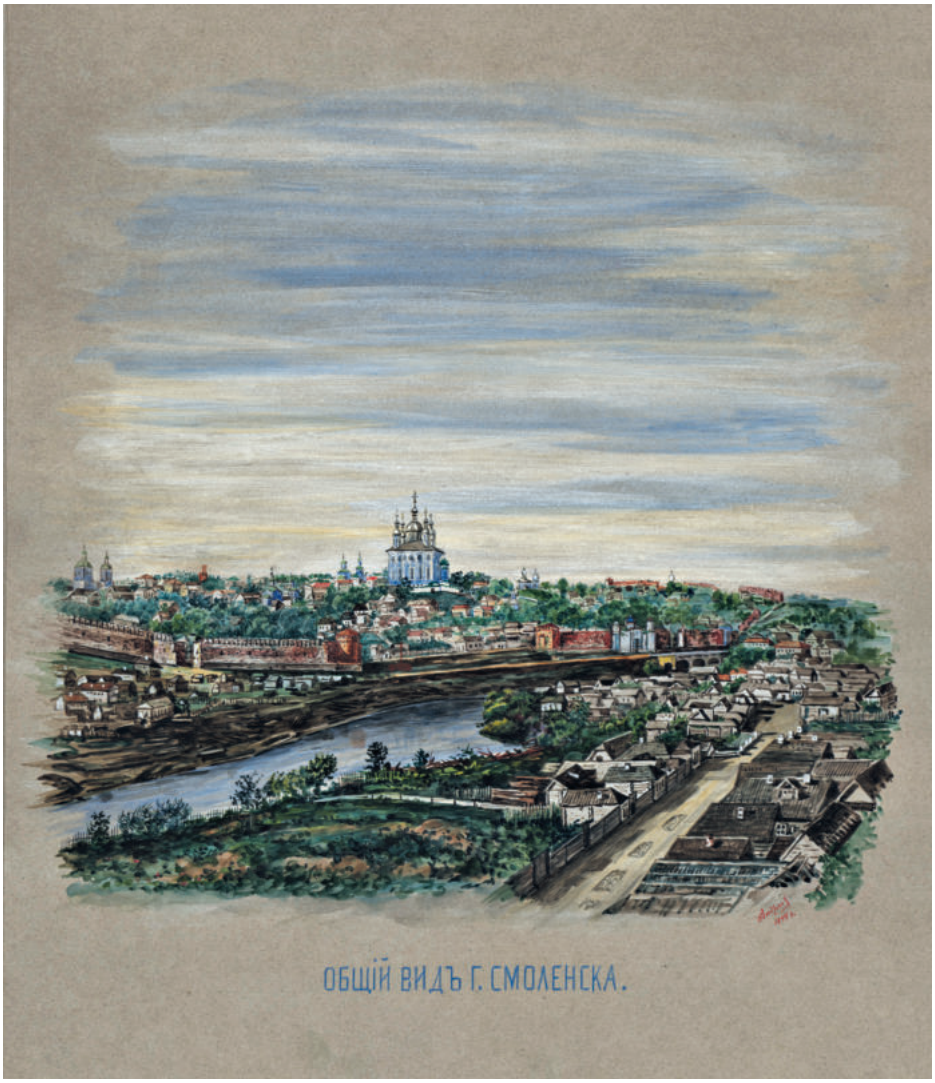


Рис. 1. С.Я. Андреев. Панорама Смоленска. 1894. ГА РФ.

стов картонированной бумаги серого цвета с золотым обрезом, все листы с оборотами заполнены рисунками и пояснительными текстами к ним, оформленными в декоративные рамки. Рисунки выполнены акварелью, в некоторых случаях подкрашены белилами, тексты написаны акварелью и тушью. На 14 рисунках изображены архитектурные и исторические достопримечательности Смоленска. Составитель альбома и автор всех рисунков и текстов — учитель рисования, черчения и чистописания в Смоленском Александровском реальном училище Семен Яковлевич Андреев [8, л. 184 об.-185]. Все рисунки имеют его собственноручную подпись и дату создания.

На авантитуле альбома — дарственная надпись: «*Его Императорскому Величеству государю Императору Николаю Александровичу свой труд с верноподданническим чувством посвящает Семен Андреев*». На титуле — вид крепостной стены и заголовок «Город Смоленск и его достопримечательности 1894 года».

На обороте титула изображен панорамный вид города со стороны Днепра. Этот акварельный рисунок идентичен известному многим смолянам и знатокам города изображению Смоленска на живописном полотне, хранящемся в Смоленском музее-заповеднике. Картина выполнена в 1896 году [9]. Неясность в прочтении имени художника давало пищу для размышлений. В некоторых случаях авторство полотна приписывали известному скульптору и художнику Николаю Андреевичу Андрееву, автору памятников Н. В. Гоголю в Москве, портретов Л. Н. Толстого, И. Е. Репина и В. И. Ленина. Сейчас же, сравнивая оригинальный рисунок, сделанный в подарочном альбоме императору Николаю II в 1894 году, с живописным полотном 1896 года из Смоленского музея-заповедника, можно смело сказать, что у них один автор — Семен Яковлевич Андреев.

После панорамы Смоленска в альбоме помещен небольшой исторический текст с акцентом на «милости» городу, оказанные августейшими особами. Текст представлен в виде развернутого свитка, который держит в своих лапах двуглавый орел под императорской короной. За основу текста и пояснений к рисункам альбома был взят текст путеводителя «Краткий хронологический очерк истории города Смоленска», составленный Смоленским губернским статистическим комитетом в 1888 году в честь приезда в город великого князя Владимира Александровича [4].

Подборку достопримечательностей Смоленска в альбоме Семена Андреева открывает изображение Успенского собора со стороны главного входа. В орнаментальной рамке на развороте листа помещен лаконичный текст, сообщающий читателю информацию о времени постройки собора, его размерах, вдвое превышающих размеры Успенского собора Московского кремля, и сведения о том, что Смоленский собор остался невредимым во время Отечественной войны 1812 года. На следующей акварели — внутренний вид Успенского собора с центральным иконостасом и надписью о том, что главная святыня собора — Смоленская икона Божией Матери.

Далее следует разворот с изображением надвратной Одигитриевской церкви, сильно пострадавшей во время войны 1812 года. Автор посчитал необходимым вставить в пояснительный текст к рисунку подробности военного времени: «*Когда Смоленск был взят неприятелями, Наполеон с балкона этого храма смотрел на неутомимую стрельбу наших двух пушек в французов, и тут же, в досаде, велел поставить в дверях балкона два орудия и сам наводил орудия на русских. Когда неприятель удалился, церковь была освящена и названа Одигитриевской*».

Рис. 2. С.Я. Андреев. Молоховские ворота. 1894. ГА РФ.

После этого в альбоме помещены рисунки, представляющие три древнейшие церкви Смоленска — Петропавловскую, построенную в 1146 году Смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем, Иоанно-Богословскую, возведенную в 1176 году князем Романом Ростиславичем, и Свирскую (Архангела Михаила в Свирской слободе), основанную в 1180 году князем Давидом Ростиславовичем. Причем, в текстах везде указываются даты, когда данные церкви были костелами во время нахождения Смоленска в составе Речи Посполитой.

Главные ворота, часть монастырской стены и Спасо-Преображенского храма древнего Авраамиевского монастыря изображены на следующем рисунке. А после него помещен «открыточный» вид Вознесенского монастыря с главным собором в честь Вознесения Господня, Екатерининским приделом и надвратной церковью во имя Ахтырской Божьей матери, возведенной в 1830 году. На рисунке хорошо видна сделанная в ложной проездной арке Ахтырской церкви роспись, утраченная в настоящее время. Пояснительный текст о Вознесенском монастыре составляет известная смоленская легенда: «*1693 года Петр Великий прибыл в Смоленск для казни мятежных стрельцов, но игуменья Вознесенского монастыря Марфа Радванская, войдя к государю, бросилась к ногам его, умоляя о пощаде виновных. Государь отменил казнь, сказав игуменье: "Любезнейшая мать моя, ты отдала мир и покой моему сердцу". В благодарность игумении царь повелел выстроить в монастыре каменную двухпрестольную церковь по плану собственноручно им начертанному*».

Из большого количества башен и ворот Смоленской крепости Семен Андреев для своих рисунков выбрал две, так или иначе связанные с именем «Николай», которое носил «августейший» получатель альбома-подарка. Это, прежде всего, несуществующие ныне Молоховские ворота. В тексте Андреев сообщает, что в 1832 году смоляне обратились к императору Николаю I о постройке храма во имя святого Николая Чудотворца на месте разрушенных во время войны 1812 года Молоховских ворот. Государь постройку разрешил, но церковь велел назвать Благовещенской в честь иконы Благовещения Пресвятой Богородицы, которая находилась ранее на Молоховских воротах и была найдена невредимою в руинах разрушенной башни. Помимо Молоховских ворот в альбоме изображены Никольские ворота (бывшие Еленинские), названные в честь стоявшей напротив и сгоревшей в войну 1812 года Никольской церкви. На рисунке хорошо видна установленная в киоте над пролетом икона святого Николая Чудотворца.

В альбоме нашли отражение и два памятника, посвященные Отечественной войне 1812 года. Это установленная в городском парке в 1841 году по повелению Николая I многогранная пирамида в честь защитников Смоленска. Прекрасно оформлена рамка для пояснительного текста к данному рисунку: в центре изображен стилизованный щит, вокруг него — военные эмблемы и атрибуты — знамена, барабан, георгиевские трубы. Самого текста как такового нет, дано лишь название памятника. Второй монумент — несохранившийся до настоящего времени памятник подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгардту, стоявший на месте его расстрела. Чугунный памятник был установлен в 1835 году по приказу императора Николая I взамен пришедшего в негодность каменного, поставленного первоначально вдовой Энгельгардта. Интересно отметить, что Андреев изобразил памят-

Рис. 3. С.Я. Андреев. Памятник П.И. Энгельгардту. 1894. ГА РФ.

ник с каменным постаментом, который был установлен в 1885 году, незадолго до выполнения рисунка [7, с. 148].

В альбом вошли и две совершенно новых на тот момент смоленские достопримечательности — памятник композитору М. И. Глинке, установленный в саду Блонье в мае 1885 года, и храм во имя святого Александра Невского, сооруженный в 1892 году в память спасения императорской семьи во время крушения царского поезда в Борках в октябре 1888 года. Обращает на себя внимание прекрасная декоративная рамка к пояснительному тексту о памятнике Глинке. Рамка выполнена в виде

лиры из цветочной гирлянды, внизу которой расположены музыкальные инструменты и ноты.

На последней странице альбома изображен герб Смоленска — сидящая на пушке райская птица, что указывает на историческое военное значение города.

Сейчас сложно сказать о реакции молодого императора Николая II на поднесение смоленского подарка. Подобных подносных альбомов, адресов, приветствий на восшествие на престол и коронацию было огромное количество. Но то, что он отложился в числе документальных материалов в собственной Его Императорского Величества библиотеке, фонды которой полностью были сохранены в 1920-годы, позволило сохранить этот интересный альбом.

В ходе исследования альбома нами было установлено, что это был не первый альбом достопримечательностей Смоленска, поднесенный Семеном Андреевым Николаю II. Оказывается, еще в 1883 году, в бытность наследником престола, Николай Александрович на свое совершеннолетие получил от учителя рисования Александровского реального училища Семена Андреева альбом рисунков с видами Смоленска. В настоящее время этот альбом хранится в научно-исследовательском музее при российской Академии художеств [5]. В надписи-посвящении, расположенной на первой странице альбома, автор отметил: «*Памятники передают деяния наших предков и в самое отдаленное потомство вселяют любовь к родной старине. В Смоленске, знаменитом в истории нашего Отечества, сохраняются исторические памятники — свидетели бывших великих событий*». Формат альбома достаточно большой, примерно 50×70 см. В нем находятся 12 рисунков смоленских достопримечательностей без пояснительных текстов в следующей последовательности: Королевская крепость, башня Веселуха, памятник в честь защитников Смоленска 1812 года, общий вид города, Успенский собор, Днепровские ворота с храмом в честь иконы Божией Матери Одигитрии, Молоховские ворота, Никольские ворота, памятник подполковнику П. И. Энгельгардту, Спасо-Преображенская церковь, Петропавловская церковь, Свирская церковь. Так же, как и рисунки альбома ГА РФ 1894 года, рисунки данного альбома выполнены акварелью и имеют собственноручные подписи автора и дату. Интересно отметить, что рисунки альбома 1883 года (НИМ РАХ) выполнены упрощенно, автор часто использовал стаффажи, чтобы показать размеры архитектурных сооружений, изображал объекты вдали, без излишних деталей. За десять лет Андреев «набил» руку, рисунки альбома 1894 года (ГА РФ) выполнены уже достаточно профессионально, с правильной перспективой, дающей четкое представление об особенностях архитектурного памятника. Что касается «набора» достопримечательностей, то они в обоих альбомах практически одинаковые, за исключением нескольких рисунков. Так в альбоме 1883 года

(НИМ РАХ) присутствуют изображения Королевской крепости, башни Веселухи и Спасской церкви, которых нет в альбоме 1894 года (ГА РФ). Зато в альбоме 1894 года появляются изображения Иоанно-Богословской церкви, Спасо-Авраамиева и Вознесенского монастырей, внутреннего вида Успенского собора, и возведенных после 1883 года памятника М. И. Глинке и храма во имя святого Александра Невского.

Присутствует в альбоме НИМ РАХ и общая панорама Смоленска, взятая с Казанской горы. Ракурсом она отличается от панорамного вида города из альбома ГА РФ.

Смеем предположить, что оба альбома с рисунками Семена Андреева лежали в разных местах и никак между собой не были связаны. Очевидно, альбом 1894 года (ГА РФ) находился среди документов императорской библиотеки, а альбом 1883 года (НИМ РАХ) лежал вместе с папками и альбомами большого формата на полках и тумбах Малой библиотеки. Альбом ГА РФ вместе с документами рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца в 1920-е годы поступил в Архивный фонд, а альбом НИМ РАХ вместе с аналогичными альбомами с рисунками — в Музейный фонд и хранился в Эрмитаже. В 1930 году, когда из Эрмитажа передавали «русские материалы», он поступил в Государственный Русский музей. Из Русского музея он, вероятно, как не содержащий в своем составе работ известных художников, но имеющий историческое значение, в 1939 году был передан в Музей при Российской Академии художеств [за сообщение данной информации авторы выражают искреннюю благодарность сотруднику ГРМ Н. Н. Соломатиной]. Так в настоящее время и существуют два альбома Семена Яковлевича Андреева с видами достопримечательностей Смоленска в разных хранилищах Москвы и Петербурга.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 3308
2. Грачев В. И. Иллюстрированный путеводитель по Смоленску. Смоленск: Электро-Типо-Литография Я. Н. Подземского, 1908. 101 с.
3. Исторический очерк Смоленска. СПб.: Военная типография, 1894. [4], 61 с.
4. Краткий хронологический очерк истории города Смоленска, его достопримечательности, учебные заведения, благотворительные и общественные учреждения. Смоленск: Губернская типография, 1888. 99 с.
5. Научно — исследовательский музей Российской академии художеств (НИМ РАХ). КП-526/1–13
6. Павлов К. С. Художественное образование в Смоленской губернии в XIX — начале XX века. Смоленск: [б.и.] 2014, 30 с.
7. Писарев С. П. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очерк, указатель и путеводитель. Смоленск: Издательство книжного магазина С. А. Клестова, 1898. IV, 202, [2] с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 165. Д. 254

9. Смоленский государственный музей-заповедник. № сом 17665.

Sidorova Anna Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences,
Chief Specialist of the Federal State Institution
«State Archives of the Russian Federation»

Sidorova Marina Viktorovna,
Candidate of Historical Sciences,
Head of Department of the Federal
State Institution «State Archives
of the Russian Federation»

PICTURESQUE GUIDE TO SMOLENSK FOR EMPEROR NICHOLAS II FROM THE COLLECTION OF THE STATE ARCHIVES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: *Smolensk, album, Nicholas II, S. Ya. Andreev, watercolors, landmarks.*
Annotation. *The report is devoted to the history of the creation and existence of the album "The City of Smolensk and Its Landmarks", presented by Semyon Andreev in 1894 to Emperor Nicholas II as a gift in connection with his accession to the throne. Currently, the album is stored in the State Archives of the Russian Federation (GA RF). The album consists of twenty original drawings, made in watercolor technique and depicting the main sights of the city of Smolensk, and in particular the Smolensk Fortress. Each image is accompanied by the author's explanatory text.*

Смолик Александр Иванович,
доктор культурологии, профессор,
профессор УО «Белорусский
государственный
университет культуры и искусств»

УДК 008

DOI 10.54016/SVITOK.2025.73.31.054

КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: *культурные границы, культурологические исследования, дуализм, пограничные контакты, субъекты пограничных культур.*

Аннотация: *Понятие «культурные границы» постепенно входит в категориально-понятийный арсенал культурологических знаний, которые используются не только метафорически, но и категориально. Особенностью изучения специфики данного понятия является то, что в отличие от понятий «социальной» и «государственной» границы оно не имеет четкой теоретической экспликации и таксономической определенности. Нередко исследователи культурную границу отождествляют с социальной. При таком подходе она утрачивает свое сущностное отличие. Культурологическое исследование границы следует осуществлять с трех таксономических уровней. При этом основанием для анализа следует иметь спецификацию атрибута «культурное», что позволит отделить культурную сущность границы от природной либо социальной границы, не охватываемой понятием «культура». Исследование культурных границ как смыслосодержащих и знаково-символических систем в разное время осуществили такие белорусские ученые, как Абдиролович, Н. Беспамятных, В. Ластовский, В. Степин и др. Они пришли к выводу, что понятие "культурная граница" представляет собой когнитивную категорию, символическими средствами отражающую совокупность взаимных рефлексий субъектов пограничных культур.*

Понятие «культурные границы» постепенно входит в категориально-понятийный арсенал культурологических знаний, которые используются не только метафорически, но и категориально. Особенностью изучения специфики данного понятия является то, что в отличие от понятий

«социальной» и «государственной» границы оно не имеет четкой теоретической экспликации и таксономической определенности. Культурные границы практически невозможно точно концептуализовать. Нередко исследователи культурную границу отождествляют с социальной. При таком подходе она утрачивает свое сущностное отличие. Иногда культурная граница интерпретируется как рубеж между внутренним и внешним, своим и чужим культурным пространством. В этом случае применяется множество культурообразующих детерминант, что приводит к смешению ряда таксономий культурной границы.

Культурологическое исследование границы, на наш взгляд, следует осуществлять с анализа спецификации атрибута «культурное», что позволит отделить культурную сущность границы от природной либо социальной границы, не охватываемой понятием «культура».

В культурологических исследованиях существует многообразная полисемия, выражающая различные аспекты и значения понятия «граница». Так, в русскоязычном гуманитарном дискурсе дефиниция граница интерпретируется как предел, рубеж, то есть линия, разделяющая территории соседних государств. Некоторые исследователи трактуют ее как грань, черта, межа, разграничивающие культуротворческую деятельность в различных сферах [5].

В культурологических концепциях дуализм типов культуры получил интерпретацию также через понятие «пограничных культур». Так, российский культуролог Ю. М. Лотман в своих семиотических изысканиях значительное место отводит изучению границы и пограничных контактов. Возникновение границы, как явления культуры, он связывал с формированием представлений о «своем» и «чужом» в первобытном обществе, с выделением «хаоса» и «космоса», пространства между которыми имеется недоступная черта, грань запредельности, а также место контактов и проникновений [8, с. 115].

Границу культуры как пространство наиболее интенсивного общения представителей субъектов разных культур характеризовали М. М. Бахтини и Д. С. Лихачев. Согласно точке зрения М. М. Бахтина, культура вся расположена на границах, границы проходят всюду, через каждый ее момент, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни [2]. Д. С. Лихачев рассматривал границу, с одной стороны, как область, где культуры не только обмениваются опытом, но и ведут диалог, с другой — как область неприятия «другого». Такое происходит, по его мнению, когда развивается процесс оформления собственной самобытности, оригинальности, когда появляется опасность существенных потерь живой силы культуры [7, с. 4].

В ряде своих трудов белорусские исследователи XX века также обращались к проблеме границы. Метафизическое измерение культурной границы

в 1921 году определил белорусский культуролог И. В. Кончевский (Абдзіраловіч). В культурфилософском эссе «Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага светагляду» он показал онтологический статус Беларуси и ее культуры, который, по его мнению, совпадает со статусом межи (границы) между Востоком и Западом. Культурная граница, полагал Кончевский, одновременно их разделяет и объединяет, однако при этом не является ни тем, ни другим. По его мнению, пограничность белорусского общества явилась причиной невыразительности культуры на рубеже XIX–XX веков. Рассуждая о пограничном статусе Беларуси, Кончевский в первую очередь имел ввиду разделение белорусов на римо-католиков и православных. Следовательно, эта двоейственность по вероисповеданию обусловила разделение на два цивилизационных и культурных типа в границах одной этнической культуры. Ее истоком, на взгляд автора эссе, явилось крещение Руси [1, с. 8].

Значительная часть исследования культурного пограничья Беларуси посвящена раскрытию сущности соседних пограничных (восточной и западной) культур. По мнению И. Кончевского, восточная культура воплощает склонность ко всему крайнему, выразительному, подчеркнутому; стремлению к общей форме, в результате чего рождается идея единой политической формы. Культура Запада являет полную противоположность Востоку. Здесь нет и не может быть единой формы как в политике, так и в духовной, социальной сферах. Она отрицает единственное правильное и стремится к многообразию.

Для современного белорусского культуролога В. С. Степина «*Запад — это особый вид цивилизационного и культурного развития, основанного на ускоренном прогрессе техники и технологии, на доминировании в культуре научной рациональности, которая выступает как самодовлеющая ценность*». Термином «Восток» он обозначал «традиционные общества и традиционные культуры, классифицируя их через категории «культура» и «цивилизация» [9].

В такой пограничной ситуации, считает Кончевский, белорусская культура должна взять лучшее из восточной и западной культуры. Но при этом субъектам белорусской культуры следует создать свои «белорусские формы жизни».

Таким образом, автору эссе, решение белорусского культурного пограничья виделось в разрушении чужих форм и создании собственных новых форм. Создавая свои «льющиеся формы», подчеркивал Кончевский, необходимо иметь ввиду, что разрушение и творчество должны быть не только взаимосвязаны, но и уравновешены. Уникальность и своеобразие каждой культурной формы проявляется в динамичном развертывании доминантной социокультурной идеи как информационной причины структурообразования ее информационного

пространства с собственными каналами и средствами трансляции массовой информации.

Белорусская национальная культура сформировалась в процессе тесных пограничных контактов с культурами других народов. И. В. Кончевский отмечал, что «*доўгія вякі беларусы стаялі на раздарожжы: адзін шлях кіраваўся на захад, другі на ўсход; так нашыя сьцежкі, пачынаючыся разам, разыходзіліся ў розныя, працiўныя бакі*» [1, с. 12]. Поэтому нахождение культуры белорусов между Западом и Востоком, на его взгляд, является основной особенностью истории белорусской культуры.

Обозначенная этико-социологическая концепция В. Кончевского была неоднозначна воспринята в 1920-е годы представителями социально-гуманитарных наук. Одни обвиняли его в анархизме за призыв к разрушению «чужих мертвых форм». Некоторые считали его программу свободного творчества утопией. Современная практика строительства суверенного белорусского государства, его культуры свидетельствует, что белорусы не копируют слепо чужие формы духовной и социально-экономической жизни, а впитывают приемлемые белорусскому народу ценности пограничных культур, тем самым обогащая свою культуру. Государственные и культурные границы Беларуси открыты субъектам всех культур, идущих к нам с созидательными намерениями. Между субъектами белорусской культуры и культур различных этносов нет проблем границы, что позволяет осуществлять интенсивную социокультурную коммуникацию. Именно этим, по нашему мнению, в настоящее время обусловлено стремление субъектов белорусской культуры к открытости и взаимодействию.

Исследованием культурных границ как смыслосодержащих и знаково-символических систем в настоящее время занимается ряд белорусскх культурологов. Так, пограничная проблематика фундаментально исследуется культурологом Н. Н. Беспамятных в рамках четырех аспектов: «граничные исследования», социология пограничья, культурная антропология, культурология. Его анализ пограничной проблематики позволяет лучше понять универсальную сущность всякого пограничья как структурированного культурными границами кросс-культурного пространства барьерно-контактного типа, образованного постоянным соседством культур и культурных инаковостей [3].

Динамика этнокультурных процессов белорусского пограничья является проблемным полем культуролога С. В. Донских, который отмечает, что современная социальная реальность показывает сложный и специфический характер конструирования границ. С одной стороны, границы территорий, социумов и культур воспринимаются как данность, с другой — выступают в качестве конструктов. Их конструирование является обязательным элементом любого социокультурного процесса [6].

Изучением генезиса, сущности и специфики конфигурации традиционной культуры восточнославянского пограничья, тенденций ее развития в современном обществе продолжительное время занимается культуролог Г. В. Вахтомов. По его мнению, Гомельско-Брянско-Черниговское пограничье представляет собой сложную, иерархическую систему, стратифицированную на этнокультуры белорусов, русских и украинцев [4].

Таким образом, атрибутивная характеристика границы с позиций культуры, предоставляет исследователю возможность выявить устойчивые различия между сосуществующими в определенном пространстве культурами и их субъектами. Субъективированный характер понятия «культурная граница» аккумулирует совокупность взаимных когниций субъектов соседствующих культур, предметом которых выступают культурные различия. Следовательно, культурные различия становятся предметом взаимных различений, благодаря чему понятие «культурных границ» приобретает когнитивно-феноменологический аспект. Культурная инаковость, имеющая субъективный аспект, отражает совокупный когнитивный опыт субъектов пограничных культур, детерминированный непосредственным и постоянным взаимодействием, в котором объективные культурные различия модифицируются в идентификационные признаки их культурной самотождественности.

Культурологи пришли к выводу, что понятие «культурная граница» представляет собой когнитивную категорию, символическими средствами отражающую совокупность взаимных рефлексий субъектов пограничных культур.

Список источников и литературы

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: даследзіны беларускага светапогляду / І. Абдзіраловіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.— 44 с.
2. Бахтин, М. М. О семиотическом механизме культуры / М. М. Бахтин, Б. Успенский // Труды по знаковым системам: сб. ст.: редкол.: Ю. М. Лотман (отв. ред.) [и др.]. Т. 5. Тарту: [б. и.], 1971. С. 486–504.
3. Беспамятных, Н. Границы и пограничья: подходы, понятия, перспективы. Минск: Республиканский институт высшей школы (РИВШ), 2012. 205 с.
4. Вахтомаў, Г. В. Традыцыйная культура як фактар устойлівага развіцця ўсходнеславянскай супольнасці / Г. В. Вахтомаў // Даклады НАН Беларусі.— 2005. Т. 49. № 2. С. 121–124.
5. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 699 с.
6. Донских, С. В. Щучин: локальная история в контексте региональных процессов. Минск: Четыре четверти, 2019. 332 с.
7. Лихачев, Д. С. Два типа границ между культурами // Русская литература. 1995. № 3. С. 4–6.

8. Лотман, Ю М. Что дает семиотический подход? / Ю. М. Лотман Воспитание души. Воспоминания. Беседы. Интервью. В мире пушкинской поэзии (сценарий). Беседы о русской культуре. Телевизионные лекции СПб.: Искусство-СПб, 2005. С. 114–115.
9. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–18.

Smolik Alexander Ivanovich,
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Professor of the Educational
Institution «Belarusian State
University of Culture and Arts»

CULTURAL BORDERS AS A SUBJECT OF CULTURAL RESEARCH

Key words: *cultural boundaries, cultural studies, dualism, border contacts, subjects of border cultures.*

Annotation. *The concept of «cultural boundaries» is gradually entering the categorical-conceptual arsenal of cultural knowledge, which is used not only metaphorically, but also categorically. A feature of the study of the specifics of this concept is that, unlike the concepts of «social» and «state» borders, it does not have a clear theoretical explication and taxonomic certainty. Often, researchers identify the cultural border with the social one. With this approach, it loses its essential difference. A cultural study of the border should be carried out from three taxonomic levels. In this case, the basis for the analysis should be the specification of the attribute «cultural», which will allow us to separate the cultural essence of the border from the natural or social border, which is not covered by the concept of «culture». The study of cultural borders as meaningful and sign-symbolic systems was carried out at different times by such Belarusian scientists as Abdirolovich, N. Bespamyatnykh, V. Lastovsky, V. Stepin and others. They came to the conclusion that the concept of «cultural border» is a cognitive category, symbolically reflecting the totality of mutual reflections of subjects of border cultures.*

Тарасенкова Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
директор ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Смоленской области»

УДК 908+94(476)

DOI 10.54016/SVITOK.2025.67.96.055

УРОЖЕНЦЫ СМОЛЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ: ЕВДОКИЯ ИЛЬИНИЧНА УРАЛОВА

Ключевые слова: *Евдокия Уралова, социальная мобильность, советское чиновничество, районный прокурор.*

Аннотация*: В статье на основе уникальных архивных документов, рассказывается о начале жизненного пути и карьеры Е. И. Ураловой (1902–1985), занимавшей высокие посты в БССР в 1930-х — 1950-х годах. Уроженка Смоленщины, она представляет яркий пример процессов активной социальной мобильности в первые десятилетия существования СССР. Поведенческие практики построения карьеры, использовавшиеся ею, становились традиционными и устойчивыми в среде советского чиновничества. Это дистанцирование от родительской семьи, если мать и отец имели не пролетарское происхождение, членство в ВЛКСМ, ВКП(б), активная общественная работа, получение образования и последующее повышение квалификации, участие в политике выдвиженчества рабочих и крестьян на ответственные должности, участие в политико-пропагандистских мероприятиях, неукоснительное выполнение указаний органов ВКП(б), обязательное умение признавать свои ошибки и исправлять их. Значительное количество этих практик, сформировавшись в советское время, сохраняют свою актуальность и сегодня.*

История СССР, особенно 1920–1930-е годы, это период активной социальной мобильности, когда человек, не имевший в дореволюционной России шансов на построение карьеры, мог достичь значительных высот в профессиональной и общественной сфере. Стремление учиться, членство в комсомоле, в партии, участие в политических кампаниях, убежденность в правильности своих действий в сочетании с определенными личностными качествами становились магистральными путями, которые открывали перед человеком широкие возможности. Необходимо было также наличие твердого характера и целеустремленности, умения учиться на своих ошибках.

Одной из женщин, сделавших политическую карьеру, стала уроженка Смоленской губернии Евдокия Ильинична Уралова (1902–1985). На пике карьеры она была в 1938–1947 годах — министром просвещения БССР, в 1948–1950 годах — заместителем председателя Белорусского республиканского общества по распространению политических и научных знаний, а в 1950–1958 годах — заместителем Председателя Совета Министров республики. Являясь делегатом Генеральной ассамблеи ООН от БССР, работала в комиссии по делам женщин.

В фондах смоленских архивов имеются документы, по которым можно реконструировать ее биографию до переезда в БССР, проследить этапы профессионального роста, оценить политические взгляды, выявить поведенческие практики построения карьеры, сформировавшиеся в 1920–1930-е годы в среде советского чиновничества.

Евдокия Ильинична Уралова (1902–1985) родилась 28 августа 1902 года в деревне Соколянка Петровичской волости Рославльского уезда Смоленской губернии. Ее родители — крестьяне. В автобиографии 1925 года Евдокия Ильинична постаралась дистанцироваться от родителей, сообщив, что ее воспитанием они не занимались. Вероятно, это была тенденция времени. Сложно поверить в невнимание родителей к дочери, так как в 8 лет ее отдали учиться в церковную школу. В школе к Евдокии Ильиничне пришло понимание, что «в темноте жить плохо». Очевидно, мать девочки считала так же, поэтому разрешила продолжить учебу в школе II ступени [2, л. 6, 11].

Евдокия Ильинична не хотела работать в хозяйстве родителей. Она стремилась реализовать себя на общественном поприще и видела такую возможность во вступлении в комсомол, а затем в коммунистическую партию. Основным направлением деятельности для нее стала работа с женщинами и помощь одиноким женщинам с детьми [2, л. 6–7].

В 1927 году она принимает участие в организации 1 уездного съезда крестьянок-общественниц города Рославля, съезда женщин-общественниц в Шумячах. Инспектирует работу среди крестьянок в волостях Рославльского уезда. Она — постоянный участник совещаний волостных женорганизаторов. Наличие образования, активность, добросовестность в выполнении порученной работы позволили Рославльскому укому ВКП(б) назначить Е. И. Уралову инструктором женотдела в феврале 1926 года, за полгода до перевода из кандидата в члены партии.

Кардинальный поворот в ее биографии произошел в 1928 году. В соответствии с политикой выдвижения рабочих и крестьян на руководящие должности Евдокия Ильинична как крестьянка была выдвинута на должность народного судьи в Рославле. Отсутствие специальных знаний не стало препятствием. В начале 1929 года ее направили в Смоленск в аппарат губсуда и прокуратуры для повышения квалификации [1, л. 194].

В марте 1929 года Е. И. Уралову рекомендуют направить на Высшие юридические курсы в Москву «как активную и способную работницу» [8, л. 192]. Но вскоре этот вопрос приобрел драматический характер. В августе 1929 года председатель облсуда Евтух сообщил, что Е. И. Уралова допустила искривление классовой линии: «предоставила отсрочку по исполнению решения жене нэпмана» [8, л. 191], поэтому ее не следует посылать на курсы.

Обсуждение кандидатуры Е. И. Ураловой на бюро ячейки было жарким. Большинство членов ячейки поддержало Евдокию Ильиничну, объяснив ее ошибку тем, что она — выдвиженка и недавно работает в органах юстиции. Но прозвучали и политические упреки: Е. И. Уралову обвиняли, что ее отец имеет зажиточное хозяйство, хотя Евдокия Ильинична утверждала, что связи с семьей не поддерживала. В упрек ставилось и ее крестьянское происхождение, а на курсы предпочтительнее было бы послать рабочую — выдвиженку. Но администрация облсуда заявила, что другой подготовленной кандидатуры нет. Поэтому на заседании бюро ячейки 6 сентября 1929 года решение о направлении Е. И. Ураловой на курсы было принято девятью голосами «за» при трех голосах «против» [8, л. 45–46]. После окончания курсов в декабре 1930 года Евдокия Ильинична Уралова вернулась в Смоленск и продолжила работу в аппарате Западного облсуда и прокуратуры.

Партийная ячейка строго следила за соблюдением правильной политической и классовой линии в работе суда и прокуратуры. В феврале 1933 года на заседании ячейки рассматривался вопрос о правой практике в работе органов юстиции в ходе хлебозаготовок 1932 года. Еще до начала хлебозаготовительной кампании 1932 года органы юстиции получили указание давать «беспощадный отпор мерами уголовной репрессии кулацким элементам, пытающимся дезорганизовать хлебозаготовки» [9, л. 55]. Если противодействовать хлебозаготовкам будут крестьяне-середняки, то к ним следует применять меры административного воздействия.

Народные суды старались выполнить полученные инструкции. В то же время члены кассационной коллегии, рассматривая жалобы на вынесенные приговоры, нередко отменяли их или прекращали судебное разбирательство. Так, с августа по октябрь 1932 года было отменено 40% приговоров в отношении кулаков и 10% дел прекращено. Такое положение дел было признано недопустимым, а члены коллегии обвинены в правом уклоне.

Партийная ячейка областного суда и прокуратуры взялась за установление виновников, выносивших лояльные решения. Среди них оказалась и Е. И. Уралова. В свою защиту она сказала, что единой практики в работе коллегии не было, но допущенные ошибки признала и отметила, что «сейчас нам необходимо быстро и решительно перестроить свою работу». В итоге Евдокии Ильиничне ячейка указала на «необходимость усиления классовой бдительности и недопущения подобных ошибок» [9, л. 9].

Вскоре она получила новое ответственное назначение — прокурором Дорогобужского района Западной области. В должности райпрокурора Е. И. Уралова работала с июля 1933 года по октябрь 1935 года. В фонде Дорогобужского райкома партии имеется информация о прокурорской работе Е. И. Ураловой.

На заседания бюро райкома ее приглашали, когда обсуждались вопросы политического значения. Под контролем райпрокурора проводились проверки статей, опубликованных в областной газете «Рабочий путь», центральных газетах «Правда» и «Крестьянская газета», о неблагополучном положении в колхозах Дорогобужского района. Ураловой давали поручения ускорять расследования по таким делам.

Иногда в адрес Е. И. Ураловой звучала критика. Так, она не всегда своевременно опротестовывала решения областной кассационной коллегии, смягчавшие вынесенные приговоры по рассмотренным делам [5, л. 81]. Некоторые дела районные власти планировали рассматривать в форме показательных судебных процессов. Но Евдокия Ильинична по разным причинам не всегда успевала делать это вовремя. В результате политический эффект таких процессов терялся [6, л. 2].

При рассмотрении некоторых дел на райпрокурора оказывали давление местные власти. В 1934 году она, очевидно, по указанию дорогобужских районных руководителей, санкционировала незаконное выселение из квартиры работника вместе с семьей под предлогом проведения капитального ремонта. Выселение происходило в принудительном порядке, когда работник отсутствовал в квартире. В итоге, вместо проведения ремонта в освободившуюся квартиру вселился военный комиссар района. Случай получил широкую огласку. Действия районного прокурора квалифицировали как «грубейшее нарушение революционной законности», тогда как нужно было сопротивляться «влиянию местнических тенденций» [10, л. 22].

Недостатки, встречавшиеся в работе любого специалиста, не умаляют тех результатов, которых Евдокия Ильинична достигла в работе. В ее характеристике, датированной январем 1935 года, говорилось: «*…В политическом отношении т. Уралова подготовлена удовлетворительно, и в основном правильно ориентируется в вопросах политики партии и правительства. …Случаев нарушения классовой бдительности в работе т. Ураловой не было обнаружено*». Аттестационная комиссия облпрокуратуры в сентябре 1935 года также подтвердила положительную характеристику работы райпрокурора, отметив, что ей необходимо особое руководство и помощь со стороны облпрокуратуры [4, л. 11].

В октябре — ноябре 1935 года Евдокия Ильинична из Дорогобужского района была переведена на должность районного прокурора в более крупный Вяземский район. Активная политическая и общественная деятельность Е. И. Ураловой отражена в документах первичной парторганизации

ВКП(б) Вяземского районного суда и прокуратуры. В январе — феврале 1936 года на заседаниях партийных собраний она рассказывала о повышении знаний сотрудников по юридическому минимуму. Указывала на слабое изучение текущей политики страны [7, л. 1, 3].

Повод внимательнее изучить текущую политику страны представился уже летом 1936 года. В августе в Москве проходил судебный процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», основными обвиняемыми по которому были Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. Накануне процесса, 16 августа, в парторганизации Вяземского суда и прокуратуры состоялось открытое заседание, на котором Е. И. Уралова выступила с докладом «О контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды убийц».

Текст доклада изобиловал характерными для того времени специфическими словами и выражениями. В протоколе заседания было записано, что Е. И. Уралова «*остановилась подробно на предательском двурушничестве Троцкого, Зиновьева, Каменева и их кампаний. …Весь Советский Союз возмущен террористической деятельностью этой подлой группы трижды презренных врагов партии и рабочего класса, которые подлой рукой убили любимца партии т. Кирова и готовили гнусное убийство в отношении вождя и любимца всех трудящихся масс — великого Сталина и его соратников*» [7, л. 6]. Закономерным итогом выступления Евдокии Ильиничны стал призыв к работникам суда и прокуратуры о повышении революционной бдительности и искоренении благодушия, беззаботности и либерализма, которые недопустимы в такое политически сложное время.

В 1936 году проводилось обследование работы прокуратуры и народного суда Вяземского района. Е. И. Уралова охарактеризована как спокойный, выдержанный товарищ, постоянно занимающийся повышением профессиональной квалификации. На момент обследования училась в Заочном институте советского права.

Круг обязанностей у Евдокии Ильиничны был широкий. По шесть раз в месяц в течение 1935 года она выступала в качестве обвинителя в районном суде, по поручению областной прокуратуры выступала по делам областной подсудности. Готовила показательные процессы по борьбе с растратами в торговле и кооперации, которые для местных жителей транслировались по радио. Итоги обследования для оценки работы Е. И. Ураловой были вполне благоприятны: «*…из нее при надлежащем руководстве выработается хороший, ценный прокурор. Хотя она сейчас может быть использована вполне на самостоятельной работе райпрокурора*» [11, л. 146].

Однако продолжать работу в прокуратуре Е. И. Уралова не стала. 17 декабря 1936 года бюро Запобкома ВКП(б) приняло предложение облпрокуратуры освободить ее от работы прокурора Вяземского района по семейным обстоятельствам [3, л. 8]. Евдокия Ильинична переезжает к мужу,

который работал в Белоруссии. Именно там продолжился ее стремительный карьерный рост сначала на партийной, а затем на советской работе.

В БССР с ее именем связано открытие новых вузов — Брестского педагогического института, Гродненского сельскохозяйственного института, Мозырского педагогического института, Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта в Гомеле, Белорусского института механизации сельского хозяйства, Гродненского мединститута, открытие в Минске Белорусского театра юного зрителя (8 апреля 1956 года), вступление БССР в ЮНЕСКО (12 мая 1954 года), присвоение Белорусскому государственному драматическому театру имени Янки Купалы звания академического (5 марта 1955 года) [12].

Белорусские коллеги, изучавшие биографию и деятельность Е. И. Ураловой, отмечали присущий ей авторитарный стиль управления: жесткость, резкость, требовательность. Этот стиль управления был характерен для большинства советских руководителей того времени.

Региональные особенности в биографии Е. И. Ураловой заключаются в существовании тесного российско-белорусского взаимодействия и сотрудничества. Примечательно, что при переезде из одной республики в другую профессиональная карьера Е. И. Ураловой не прервалась, не откатилась вниз. Это специфика советского времени. Но и поведенческая тактика Евдокии Ильиничны тоже сыграла свою роль. Будучи русской, в БССР она стала изучать белорусский язык и показательно настаивала на его использовании в рабочей сфере.

Политическая биография Е. И. Ураловой — результат сочетания личностных качеств и внешних условий, в которых они смогли раскрыться. Но внешние условия, а именно: появление у женщин возможности реализовать себя не только в семье и домашнем хозяйстве, но и в профессиональной и политической сфере,— явились лишь фоном, на котором решающую роль сыграли целеустремленность, готовность к непрерывному совершенствованию своих знаний и политическое чутье.

Поведенческие практики построения карьеры, которые использовались Е. И. Ураловой, становились традиционными и устойчивыми в среде советского чиновничества. Это дистанцирование от родительской семьи, если мать и отец имели не пролетарское происхождение, членство в ВЛКСМ, ВКП(б), активная общественная работа, получение образования и последующее повышение квалификации, участие в политике выдвиженчества рабочих и крестьян на ответственные должности, участие в политико-пропагандистских мероприятиях, неукоснительное выполнение указаний органов ВКП(б), обязательное умение признавать свои ошибки и исправлять их. Примечательно, что значительное количество этих поведенческих практик, сформировавшись в советское время, сохраняют свою актуальность и сегодня.

Список источников и литературы
1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф.Р — 3. Оп. 2. Д. 271.
2. ГАНИСО. Ф.Р — 3. Оп. 14/3. Д. 2268.
3. ГАНИСО. Ф.Р — 5. Оп. 2. Д. 1347.
4. ГАНИСО. Ф.Р — 5. Оп. 11. Д. 857.
5. ГАНИСО. Ф.Р — 44. Оп. 1. Д. 201.
6. ГАНИСО. Ф.Р — 44. Оп. 1. Д. 205.
7. ГАНИСО. Ф.Р — 1004. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАНИСО. Ф.Р — 1652. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАНИСО. Ф.Р — 1652. Оп. 1. Д. 22.
10. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф.Р — 2683. Оп. 1. Д. 75.
11. ГАСО. Ф.Р — 2683. Оп. 1. Д. 77.
12. Иоффе Э. Г., Роль Евдокии Ураловой в развитии образования и культуры Беларуси / Э. Г. Иоффе // Роль женщины в развитии современной науки и образования Беларуси.— Минск, БГУ.— 2016.— С. 276–284.

Tarasenkova Tatyana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences,
Director of the State Archive of the Modern History of the Smolensk Region

NATIVES OF SMOLENSK REGION IN THE HISTORY OF BELARUS: EVDOKIYA ILINICHNA URALOVA

Key words: *Evdokiya Uralova, social mobility, Soviet bureaucracy, district prosecutor.*

Annotation. *The article, based on unique archival documents, tells about the beginning of the life and career of E. I. Uralova (1902–1985), who held high positions in the BSSR in the 1930s — 1950s. A native of Smolensk region, she is a vivid example of the processes of active social mobility in the first decades of the USSR. The career-building behavioral practices she used became traditional and stable among the Soviet bureaucracy. These included distancing oneself from the parental family if the mother and father were not of proletarian origin, membership in the Komsomol, the All-Union Communist Party (Bolsheviks), active public work, obtaining an education and subsequent advanced training, participation in the policy of promoting workers and peasants to responsible positions, participation in political propaganda events, strict compliance with the instructions of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and the obligatory ability to admit one's mistakes and correct them. A significant number of these practices, having formed in Soviet times, remain relevant today.*

Устименко Владимир Владимирович,
ассистент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

УДК 74.01/.09

DOI 10.54016/SVITOK.2025.12.23.056

ЦВЕТОВОЙ ЯЗЫК ДИЗАЙН-КОДА В КУЛЬТУРЕ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА

Ключевые слова: *город, культурный код, дизайн, колористика.*

Аннотация*: Феномен цвета в дизайн-коде городов представляет собой важный аспект формирования городской среды, который влияет на идентичность, культуру и психологическое восприятие города. Исходя из этого, можно утверждать, что грамотно подобранная цветовая палитра может подчеркнуть историческое наследие, создать комфортные условия для жизни и даже внести вклад в его устойчивое развитие. Внедрение дизайн-кодов с учетом цветовых решений становится важным инструментом управления и развития городов в условиях глобализации и урбанизации. Это доказывается удачными примерами внедрения элементов дизайн-кода в городское пространство Смоленска в последние годы.*

С начала XX века закладываются новые подходы к пониманию явления «город»: город начинает рассматриваться как особый «социальный, исторический и культурный феномен» [13], как «выразитель и очаг родной культуры», «образ культуры своего времени» [2], как «высшая концентрация культурной жизни данного типа или эпохи» и «наиболее насыщенное культурное гнездо» [3]. Город становится «эмблемой цивилизации с ее культом научно-технического прогресса и материальных благ, торжеством унифицированного человека-массы, космополитизмом и техницизмом» [12].

Н. Г. Федотова, обращаясь к культурным смыслам, придающим городу аутентичность и составляющим его символический капитал [10], обращает внимание на то, что город «приобретает особые коннотации через категорию “культурный код”, которая актуализирует научный интерес к коммуникативным практикам формирования культурных смыслов города и структурирования его идентификационных маркеров, связанных с проблематикой локального патриотизма и городской идентичности» [11].

Культурный код — «определенный способ хранения, репрезентации и трансляции культурных смыслов в социальном пространстве;

относительно устойчивая система упорядочивания культурных смыслов, позволяющих считывать и расшифровывать, а также передавать в процессе коммуникации информацию» [11]; «упорядоченное множество взаимосвязанных между собой стандартов, ограничений, предписаний и установок по отношению к разным видам деятельности» [1]; «образы и представления, формирующиеся из повседневной, профессиональной, культурной, религиозной и др. сфер жизни человека» [9], «совокупность смыслов и ценностей той или иной культуры, которая участвует в процессе означивания (придания коннотативных, символических значений) природных явлений и артефактов и составляет смысловое ядро, позволяющее идентифицировать и интерпретировать данную культуру: это ключ к пониманию ее смыслов, ценностей, "текстов"» [5].

Отсюда, под культурным кодом города можно понимать систему символов и объектов, отражающих его уникальность и ключевые смыслы; наследственную информацию о значимых субъектах/объектах города; способ хранения, репрезентации и трансляции культурных смыслов в социальном пространстве. С позиции Ю. Лотмана, город выступает как синтез множества разноуровневых кодов, как «коллективный интеллект и коллективная память», как «механизм, противостоящий времени, потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сополагаться с настоящим как бы синхронно» [8, с. 453].

Н. Г. Федотова [10] вычленяет вербальные и визуальные носители культурного кода, которые хранят и через знаки, символы, образы передают информацию о городской истории. При этом все они объединены целостностью, однородностью и индивидуальностью, а любое вычленение и удаление хотя бы одного из них неизбежно приводит к изменению образа города. К вербальным носителям относится все, что передается с помощью речи: фольклор, мифология, литература и др.; к визуальным — видимые знаки, отображающие образ данной территории.

В последние десятилетия большое влияние на визуальную составляющую культурного кода стал оказывать дизайн-код города — документ по проектированию стилистически единой городской среды, регламентирующий визуальную составляющую объектов и элементов городского пространства (вывески, указатели, рекламные конструкции, элементы навигации, адресные таблички и др.) для сохранения культурно-исторического облика города, идентичности территории, целостности архитектурного наследия. Дизайн-код разрабатывается отдельно для каждого города с учетом его исторических, географических, региональных традиций, выступая в роли инструмента формирования эстетически грамотной городской среды. Исходя из этого, дизайн-код направлен на решение следующих функциональных задач:

Рис. 1. Структура элементов дизайн-кода города. Схема автора

— сохранение уникальности городского облика в единстве его исторического, архитектурного и ландшафтного стиля;

— развитие культурно-исторического потенциала города;

— создание комфортных общественных городских пространств;

— упрощение городской навигации;

— устранение «визуального шума», причиной которого является беспорядочное размещение рекламы, вывесок, баннеров и др.;

— формирование имиджа города для дальнейшего социально-экономического и культурного развития региона.

Структура дизайн-кода состоит из множества элементов, каждый из которых играет важную роль в формировании благоприятного визуального восприятия пространства города, но при этом все они соподчинены трем составляющим: цвет/материал, стиль, композиция (Рис. 1).

Таким образом, в совокупности все элементы дизайн-кода, подчиняясь определенному стилю, цвету и композиции, создают стилистически единую визуально привлекательную городскую среду.

Смоленск также имеет свой дизайн-код, опирающийся на культурные коды самых разных уровней:

– Исторические факторы: Смоленск — город с более чем тысячелетней историей, за которую произошли значимые для страны события: история Смоленска есть история России;

– Культурное наследие: многовековую историю Смоленска отражают памятники культуры: три сохранившихся до наших дней памятника русского зодчества XII века — церкви Петра и Павла, Архангела Михаила и Иоанна Богослова; крепостная стена, возведенная в XVI веке (зодчий — Федор Савельевич Конь); Успенский собор, построенный в 1677–1679, достроенный в 1712–1740 гг. (архитектор — А. И. Шедель) и многие другие;

– Символическая связь с известными деятелями: Смоленск является родиной многих выдающихся личностей отечества в области науки и куль-

туры: первый в мире космонавт Ю. А. Гагарин, адмирал П. С. Нахимов, путешественник Н. М. Пржевальский, авиаконструктор С. А. Лавочкин, ученые В. В. Докучаев, Б. Н. Петров, писатели Айзек Азимов, Б. Л. Васильев, А. Р. Беляев, поэты М. В. Исаковский, Н. И. Рыленков, А. Т. Твардовский, композитор М. И. Глинка, скульпторы М. О. Микешин, С. Т. Коненков, А. Г. Сергеев, художник Т. Н. Яблонская, актеры Ю. В. Никулин, А. Д. Папанов, Л. И. Касаткина, Н. В. Румянцева и многие другие.

– Образ города: Смоленск имеет множество образных названий, связанных с его исторической памятью, в первую очередь, с героическим прошлым — «Город-герой, «Город-ключ», «Город-щит», «Город-крепость» (даже герб Смоленска отображает пушку и надпись «Восславлен крепостью»); архитектурным наследием — «ожерелье государства Российского»; географическим положением — «город на семи холмах», «путь из варяг в греки», «ворота из Европы в Московию»; ведущим производством бриллиантов — «бриллиантовая столица России».

В связи с этим, дизайн-код Смоленска направлен на сохранение и отражение всего богатого культурного наследия Смоленщины. И в решении этой непростой задачи ведущую роль, безусловно, играет цвет, выступающий одним из эффективных инструментов проектирования комфортной городской среды. «Колористика города — целостное цветовое множество природно-искусственной среды, образующее подвижное цветопространственное поле, в которое погружен человек и которое он формирует в соответствии со своими потребностями. Колористика города характеризуется структурой — связями и конструкцией цветовых масс, хроматическим содержанием — цветовой палитрой, динамикой — мерой подвижности структуры и палитры в пространстве и времени. Колористика, будучи в известной мере самостоятельной относительно ее материально-пространственных носителей, выполняет утилитарную и художественно-эстетическую функции» [7, с. 261].

За последние годы исторический центр города Смоленска значительно изменился в лучшую сторону: «визуальный шум» рекламных вывесок, мешающий восприятию красоты архитектуры старинных зданий и памятников, убран; различные элементы дизайн-кода стали более привлекательными в визуальном смысле и едины в своем звучании.

Например, на всех домах появились информационные таблички, выполненные в едином колористическом и стилевом решении (Рис. 2).

В этой же стилистике выполнены указатели и фонари, что вместе с цветовым решением фасадов зданий

Рис. 2. Информационные таблички на домах в историческом центре Смоленска. Фотография автора

Рис. 3. Элементы дизайн-кода на фоне фасадов зданий. Фотография автора

Рис. 4. Вывески на здании Администрации города Смоленска. Фотография автора

Рис. 5. Новый и старый вариант оформления вывесок и входных групп. Фотография из открытых источников

Рис. 6. Новый и старый варианты оформления остановок в г. Смоленске. Фотография из открытых источников

создает гармоничное колористическое звучание (Рис. 3).

Интересное решение вывесок представлено на здании Администрации города Смоленска: вывески выполнены на прозрачном материале, через который виден рисунок и цвет фасада исторического здания (Рис. 4).

Соподчинены цветовому решению фасада вывески и витрины магазинов и организаций, а также их входные группы (Рис. 5).

Выигрышный дизайн найден у новых остановочных павильонов общественного транспорта: сочетание нейтрального серого цвета металлической конструкции со стеклом, через которое видна территория близлежащих улиц. На рисунке 6 представлены новый и старый варианты оформления остановок.

Коснулся дизайн-код и транспорта Смоленска, он приобрел новое цветовое и стилистическое звучание: вместо дребезжащего многообразия рекламных цветов появился один открытый красный цвет смоленской крепостной стены на чисто белом фоне (Рис. 7).

Таким образом, феномен цвета в дизайн-коде городов представляет собой важный аспект формирования городской среды, который влияет на идентичность, культуру и психологическое восприятие города. По мнению доктора культурологии Ю. А. Грибер «количество различных масштабов городской колористики и число городских цветоносителей является безграничным. Цвет города включает бесконечный ряд

уровней, каждый из которых отличается от других яркой и уникальной спецификой» [4, с. 14]. В связи с этим, грамотно подобранная цветовая палитра может подчеркнуть историческое наследие, создать комфортные условия для жизни и даже внести вклад в его устойчивое развитие. Внедрение дизайн-кодов с учетом цветовых решений становится важным инструментом управления и развития городов в условиях глобализации и урбанизации.

Рис. 7. Новый и старый варианты оформления транспорта в г. Смоленске. Фотография из открытых источников

Список источников и литературы

1. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 30–43.
2. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 581 с.
3. Гревс Н. М. Дальние гуманитарные экскурсии // Экскурсионное дело. Пг., 1923. № 4. С. 36–42.
4. Грибер Ю. А. Теория цветового проектирования городского пространства. Монография. М.: ООО Издательство «Согласие», 2017. 178 с.
5. Гужова И. В. Визуализация культурного кода города в имиджевой коммуникации с помощью ново-медийных технологий (семиотический подход) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология иискусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 45–49.
6. Донгузов К. А., Маннасова Ю. И. Зарубежный опыт дизайн-кодирования городских пространств // Научный журнал. 2022. № 2 (64). С. 80–82.
7. Ефимов А. В. Колористика города. М.: Стройиздат, 1990. 272 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
9. Савицкий В. М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. № 1–4. С. 69–77.
10. Федотова Н. Г. Великий Новгород глазами новгородцев: к вопросу о структуре территориальной идентичности // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. № 1 (7). С. 259–265.
11. Федотова Н. Г. Культурный код города // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 4. С. 10–24.
12. Шишкина Л. И. Город как культурно-исторический феномен в работах О. Шпенглера и Н. Анциферова // Управленческое консультирование. № 8. 2015. С. 158–166.
13. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы М.: Мысль, 2003. 607с.

Ustimenko Vladimir Vladimirovich,
Assistant of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University»

COLOR LANGUAGE OF DESIGN CODE IN THE CULTURE OF A BORDER CITY

Key words: *city, cultural code, design, coloristics.*
Annotation. *The phenomenon of color in the design code of cities is an important aspect of the formation of the urban environment, which affects the identity, culture and psychological perception of the city. Based on this, it can be argued that a well-chosen color palette can emphasize the historical heritage, create comfortable living conditions and even contribute to its sustainable development. The introduction of design codes taking into account color solutions is becoming an important tool for managing and developing cities in the context of globalization and urbanization. This is proven by successful examples of the introduction of design code elements into the urban space of Smolensk in recent years.*

Устименко Юлия Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

УДК 37.062.3.

DOI 10.54016/SVITOK.2025.56.33.057

ПРЕОДОЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ И ПРИОБЩЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ К КУЛЬТУРЕ РОССИИ ЧЕРЕЗ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ

Ключевые слова: *дизайнерское образование, китайские студенты, культурологический подход, дизайнерские проекты.*

Аннотация*: В статье рассказано об опыте работы педагогов художественно-графического факультета Смоленского государственного университета со студентами из КНР. В дизайн-образовании одним из эффективных способов преодоления культурных границ и приобщения китайских студентов к российской культуре стал культурологический подход, рассматривающий проектную деятельность в дизайне как один из этапов развития культуры, как феномен историко-культурной преемственности. Студенты из КНР, изучая и интегрируя элементы художественной культуры, получают возможность не только развивать свои профессиональные навыки, но также ценить и уважать культурное разнообразие, глубже понимать и воспринимать российскую культуру через призму своей профессии.*

23 мая 2024 года президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин и председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин открыли «перекрестные» года культуры России и Китая. В официальных источниках сказано, что «главы государств договорились о развитии стратегического сотрудничества по ряду направлений, включая науку, образование и молодежную политику. Взаимодействие по научно-образовательному треку остается одним из приоритетов развития российско-китайских отношений. Сегодня государства реализуют 167 двусторонних образовательных программ на русском и китайском языках, создано 27 совместных образовательных организаций. В 12 межвузовских ассоциаций двух стран входят около 600 университетов» [3].

В контексте образовательного сотрудничества между Россией и Китаем все более значимыми аспектами обучения иностранных студентов, особенно на таких креативных направлениях подготовки, как дизайн, становятся межкультурное взаимодействие, выступающее как «неотъемлемый элемент социального бытия, способ совместного существования больших социальных структур системного порядка, характеризующихся интенсивным обменом информацией, ценностями, результатами деятельности» [4] и межкультурное образование, формирующее знания о различных культурах и применяющее их в различных культурных контекстах.

По мнению К. Блежинской межкультурное образование можно подразделить на три аспекта:

«макро-социальный/глобальный: осознание множественности существующих культур и цивилизаций, уважение к другим культурам, индивидуализация, развитие чувства солидарность и признания прав человека, а также возможности совместного мирного сосуществования с другими нациями, осознание проблемных областей миграции и транснациональных пространств;

меццо-социальный/национальный: поддержка развития культурно-разнообразного демократического гражданского общества, борьба с социальным неравенством из-за этнических и расовых различий, предотвращение межкультурных конфликтов;

микросоциальный/индивидуальный: развитие межкультурных компетенций, развитие способности понимать и развивать гармоничное и эффективное функционирование на границах культур, срывая барьеры, ограничивающие межкультурный контакт, такие как этноцентризм, расовые и этнические предрассудки, ксенофобия» [5, с. 538].

Каждый из этих аспектов формирует межкультурные компетенции, необходимые для эффективного общения обучающегося с представителями разных культур, в том числе: «понимание и принятие обучающимися культурных различий и воспитание чувства общности с людьми других культурных традиций, базовые знания о разных культурах и знание своей собственной культуры, психологические аспекты процессов аккультурации и межкультурного общения, межкультурная коммуникация, мирное решение международных конфликтов, специализированные вопросы (психологическая оценка, консультирование и межкультурное просвещение, социальная работа и управление культурно-гетерогенными группами и т.д.) [5, с. 544].

В дизайн-образовании одним из эффективных способов преодоления культурных границ и приобщения китайских студентов к российской культуре является культурологический подход, рассматривающий проектную деятельность в дизайне как один из этапов развития культуры, как феномен историко-культурной преемственности. К. А. Кондратьева, исследуя

проблему культурологического подхода к дизайн-проектированию, отмечает, что суть его «выражается в максимально внимательном построении отношений с той накопленной традицией в соответствующей культуре, которая определяется этническим и национальным контекстом» [1].

По мнению И. И. Орлова, при культурологическом подходе «дизайн воспринимается как деятельность, направленная на интеграцию материальной и художественной культуры, а предметная среда становится материальным носителем стиля и образа жизни. В рамках культурологического подхода закономерен возросший интерес к материальному миру как отражению культурных традиций, его этнокультурному своеобразию» [2].

Таким образом, студенты из КНР, изучая и интегрируя элементы художественной культуры, получают возможность не только развивать свои профессиональные навыки, но и ценить и уважать культурное разнообразие, глубже понимать и воспринимать российскую культуру через призму своей профессии. Рассмотрим различные варианты включения элементов художественной культуры России в образовательный процесс с иностранными студентами через реализацию цикла культурно-просветительских мероприятий.

Историко-культурные лекции. Целью курсов лекций по изучению истории и культуры России, а также по истории российского искусства и дизайна, охватывающий периоды от древнерусского зодчества до советского конструктивизма и современного дизайна, является адаптация иностранных студентов через знакомство с русской культурой. Данные лекции обязательно должны сопровождаться визуальным рядом, отражающим все многообразие российской культуры и погружающим студентов в национальные особенности нашей страны.

Культурно-просветительские мероприятия. Целью культурно-просветительских мероприятий, связанных с посещением музеев, выставок, театров, проведением экскурсий по историческим местам является приобщение студентов к национальной культуре России, формированию межкультурных коммуникаций. Такие мероприятия помогают китайским студентам погрузиться в культурную среду и лучше понять общественные нормы и традиции принимающей страны. Посещение историко-культурных комплексов, знакомство с объектами исторического наследия и памятниками искусства должно сопровождаться пленэрными зарисовками, которые в данном случае являются не столько процессом рисования с натуры, сколько процессом знакомства с историей и культурой России, выраженной в архитектуре, памятниках, предметах традиционного быта.

Ниже представлены работы студентов Смоленского государственного университета, приехавших на обучение из КНР, выполненные ими во время экскурсий по историческим местам города Смоленска (рис. 1).

Рис. 1. Пленэрные работы
с архитектурой Смоленска,
выполненные студентами из КНР

Рис. 2. Виды Смоленской крепости,
выполненные студентами из КНР

Рис. 3. Рекламные стикеры для турагентств,
выполненные студентами из КНР

Дизайнерские проекты. Целью дизайнерских проектов является выполнение заданий **на основе российских культурных символов**, то есть создание проектов, в которых студенты должны использовать элементы российской культуры, такие как национальные костюмы, элементы фольклора или архитектурные мотивы.

Для китайских студентов, обучающихся в Смоленске, самым любимым архитектурным мотивом стала смоленская крепостная стена. Из лекций по истории региона, экскурсий, бесед с краеведами студенты узнали много интересных фактов, связанных со строительством «смоленского ожерелья», вехами в истории жизни крепости. На основе полученных знаний студенты изобразили различные виды крепостной стены, заложив в свои работы не копирование архитектурного памятника, а передачу чувств и эмоций от величия и исторической значимости оборонительного сооружения (Рис. 2).

Подобные пленэрные зарисовки могут в дальнейшем лечь в основу различных дизайнерских проектов, например, рекламных стикеров для туристических агентств, рекламирующих туры по городу Смоленску и Смоленской области (Рис. 3).

Мастер-классы с участием российских дизайнеров. Целью мастер-классов российскими профессионалами в области графического дизайна является погружение студентов из Китая в уникальные техники и подходы к современному дизайн-проектированию, формирование базы для вдохновения и становления новых идей в собственных проектах. Примером может служить **серия мастер-классов от графических дизайнеров, членов Смоленского регионального отделения союза дизайнеров России, посвященная искусству плаката**:

Рис. 4. Со Янь. Серия плакатов «Смоленск»

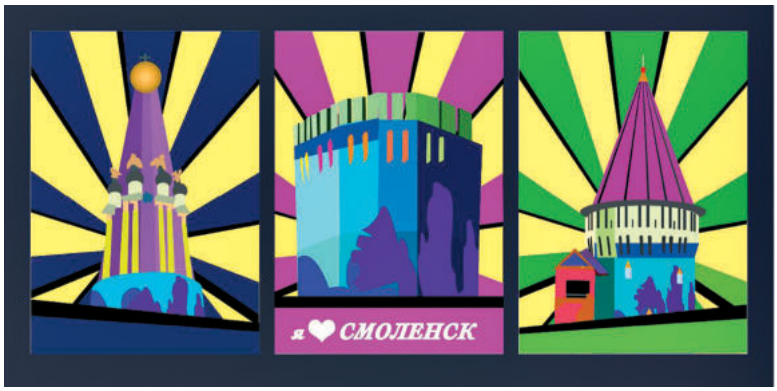


Рис. 5. Ли Синюй. Серия плакатов «Я люблю Смоленск»

Рис. 6. Цзя Цаньян. Серия плакатов «Я люблю Смоленск»

— композиционные техники в дизайне плаката (сеточная, центрированная, диагональная композиции, «золотое сечение»);

— типографика в современном дизайн-проектировании плакатов;

— визуальный ряд в проектировании плаката и др.

Данная серия мастер-классов позволила студентам из Китая на основе пленэрных зарисовок создать серию плакатов на тему «Я люблю Смоленск» (рис. 4,5,6).

Таким образом, в условиях глобализации взаимное обогащение культур становится важной частью профессиональной подготовки специалиста в любой области, особенно в творческой. Студенты из Китая, обучающиеся в России, получают уникальную возможность не только освоить профессию дизайнера, но и стать носителями двух культур, что делает их более конкурентоспособными на международном рынке труда. Приобщение китайских студентов к культуре России через дизайн-образование — это важный и перспективный процесс, который способствует развитию межкультурного диалога и профессионального роста будущих дизайнеров. Интеграция культурных элементов в образовательные программы, совместные проекты и практические занятия помогают студентам глубже понять и оценить российскую культуру, что, в свою очередь, обогащает их собственные творческие идеи и подходы.

Список источников и литературы

1. Кондратьева К. А. Дизайн и экология культуры. М.: МВХПУ им. Строганова. 2000. 186 с.
2. Орлов И. И. Некоторые размышления о необходимости культурологического подхода в подготовке российских дизайнеров // Педагогические науки. .2017 2 №. С. 80–78.
3. Официальный сайт министерства науки и высшего образования Российской Федерации / Электронный ресурс: URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/83209/ (дата обращения: 27.08.2024 г.)
4. Сабаненко Е. И. Межкультурное взаимодействие: сущность, типология, социальная регуляция // Молодой ученый. (80) 21 № .2014. С. 819–816.
5. Bleszynska K. M. Constructing intercultural education // Intercultural Education. (6)9 .2008. P. 545–537.

Ustimenko Yulia Aleksandrovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University»

OVERCOMING CULTURAL BORDERS AND INTRODUCING CHINESE STUDENTS TO RUSSIAN CULTURE THROUGH DESIGN EDUCATION

Key words: *design education, Chinese students, cultural approach, design projects.*

Annotation. *The article describes the experience of teachers of the art and graphic department of Smolensk State University with students from China. In design education, one of the effective ways to overcome cultural boundaries and introduce Chinese students to Russian culture has become a cultural approach, which considers project activities in design as one of the stages of cultural development, as a phenomenon of historical and cultural continuity. Students from China, by studying and integrating elements of artistic culture, have the opportunity not only to develop their professional skills, but also to appreciate and respect cultural diversity, and to more deeply understand and perceive Russian culture through the prism of their profession.*

Научное издание

НАУЧНЫЙ СБОРНИК ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ «СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Материалы IV Международной научно-практической конференции «Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения»
Материалы II Международной научной конференции «Феномен пограничного и трансграничного в истории и культуре»

Мнение издателя сборника может не совпадать с мнениями авторов опубликованных материалов

Издательство «Свиток», 214025, Смоленск, ул. Нормандия–Неман, 31–216.
Тел.: 8–910–787–82–59
Подписано в печать 10.01.2025. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 24,05. Тираж 500 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro».